

В 1902 г. российская эмиграция в Женеве продолжает со страстью отдаваться диспутам. Главный спор — вокруг марксизма. Каким ему быть в России?..

«Мы не станем, — говорил Плеханов, — подобно социалистам-революционерам стрелять теперь в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них гильотину...»

Уничтожение Романовых, всей царской России предусматривала программа революции и строительства нового общества.

Ю. Власов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ
"ЖЕНЕВСКИЙ" СЧЕТ

Юрий Власов

«ПРОГРЕСС»

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

"ЖЕНЕВСКИЙ" СЧЕТ

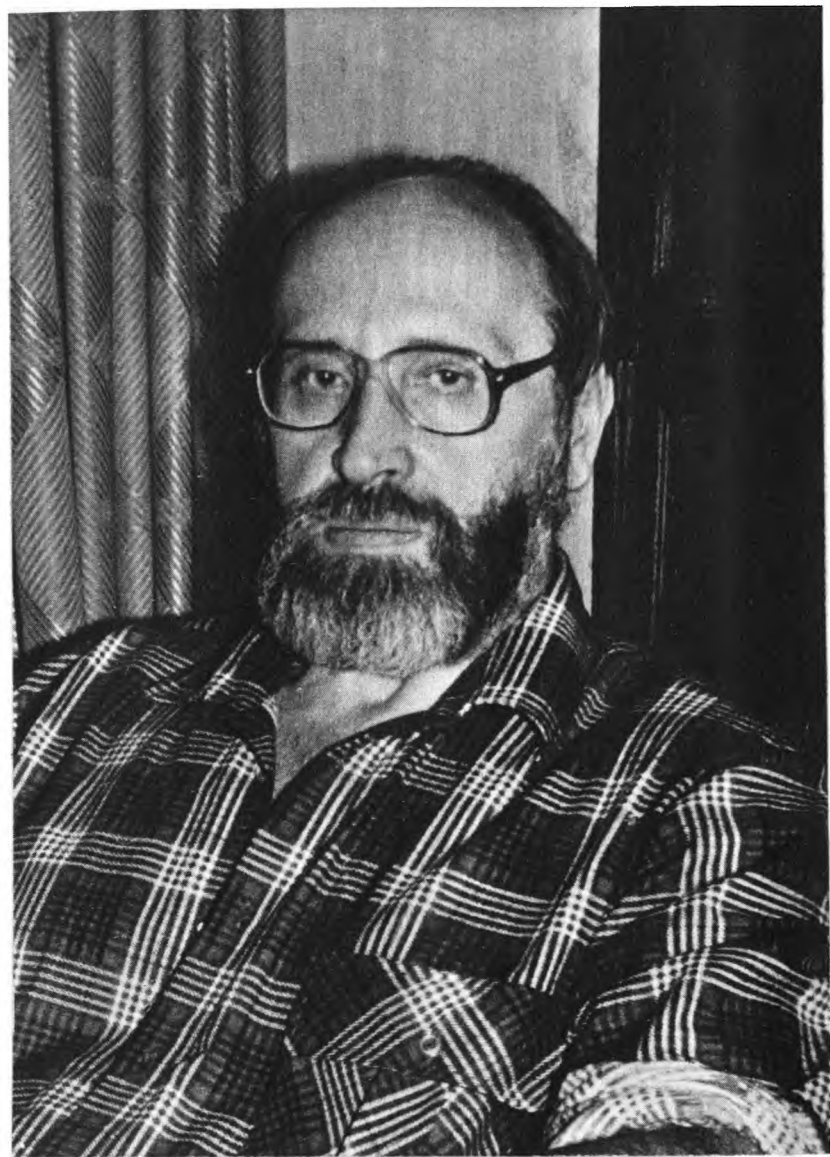
Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

"Женевский" счет

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

"Женевский" счет

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
«КУЛЬТУРА»
1993

Ю. П. ВЛАСОВ родился в 1935 г. в Макеевке Донецкой области. Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского в 1959-м. Год прослужил в войсках, после — в ЦСКА. Уволился из армии по собственному желанию в 1968 г. в звании инженера-капитана.

С апреля 1960 г. — профессиональный спортсмен, инструктор по спорту высшей квалификации. Неоднократный чемпион мира, Европы, СССР, обладатель десятков выдающихся рекордов мира, а также титула «самый сильный человек мира». За победу на XVII Олимпийских играх в Риме награжден орденом Ленина. В 1964 г. Ю. Власов получает на XVIII Олимпийских играх в Токио серебряную медаль и покидает спорт. Народный депутат СССР в 1989—1991 гг.

Литературной работой занялся в 1959 г. — опубликовал свой первый газетный очерк. В 1959—1965 гг. сотрудничал с «Известиями», напечатал цикл репортажей, статей, очерков. Печатал рассказы и очерки в «Огоньке», «Физкультуре и спорте» и др. журналах.

Автор книг: «Себя преодолеть» (1964), «Белое мгновение» (1972), «Особый район Китая» (1973), «Соленые радости» (1976), «Справедливость силы» (1989), «Геометрия чувств» (1991), «Стужа» (1992).

Книга издана в авторской редакции

В 4702010204-088 КБ-41-52-92
006(01)-93

ISBN 5-01-003926-5
5-01-003925-7

© «Прогресс», 1993

О т а в т о р а

Эта книга для меня особенная.

Все началось очень давно, еще в 1959 г. — после моей первой победы на чемпионате мира по тяжелой атлетике в Варшаве. Именно с этого года меня стали называть «самым сильным человеком мира». По тем временам мне принадлежали выдающиеся рекорды силы.

Большой спорт (считай, профессиональный) давал средства и относительное время для литературных занятий. Именно с того года я начинаю и профессиональное занятие литературой.

Путь оказался непростым. Спорт увечил, отнимал силу, усталость от тренировок наслаивалась, казалось, ее не смыть годами. В таких условиях трудно было пробиваться к горячему и вдохновенному слову.

Но именно в 1959 г., написав несколько рассказов, я решил написать роман о революции, о всем том, чем она обернулась для России (да, роман — ни больше ни меньше).

Сам замысел не случаен. Потрясения от разоблачений Хрущевым зверств сталинизма не то чтобы утихали, входили в русло буден, а, наоборот, оборачивались явным расколом общества, все более распространяясь вширь и подводя к вопросам коренной важности: чем явилась революция, только ли в Сталине причина наших колоссальных несчастий? Одна за другой возникали теории, объясняющие причины трагедии. Нечего и говорить, что едва ли не подавляющее большинство из них были «верноподданными» — от правоверного ленинизма. И при всем том воображение будоражили судьбы тысяч и тысяч людей, выживших в нечеловеческих условиях лагерей и вдруг оказавшихся среди нас.

Я встречался со многими — и какие рассказы, биографии, невероятные случаи мне доводилось слышать! После я жадно по памяти восстанавливал наши беседы. Но выводы у всех были однозначны: виноваты Сталин, Берия...

Поначалу замысел романа я представлял себе вполне ясно. Да, Сталин — изверг, великий Ленин им обворован и оболган. За ленинизмом — счастье человечества.

Я накапливал материал, много читал, преимущественно по истории России и философии, одновременно энергично осваивая литературное поприще. Шлифовал мастерство в спортивных книгах —

печатали меня крайне скупно, но все же печатали, пока в середине 70-х годов я сам не отказался от публикаций. В условиях партийного диктата книги превращались в жалкую пародию на то, что ты хотел в них вложить. Не только цензура, но и редакторы калечили буквально каждую страницу, не оставляя в покое даже литературный стиль. Чтобы печататься, следовало потерять душу. Литературное вырождение при этом было неизбежно. Я принял сердцем: не будет тебе дано распрямиться на родной земле, — и с 1975 г. начал писать «в стол».

Нелегкая работа. Следовало учиться жить на гроши, потому что литературные заработки в основном были за эпизодические публикации в газетах и журналах преимущественно на спортивные темы.

Непосредственному написанию романа мешало чувство неудовлетворенности. Меня грызло понимание того, что события неизмеримо глубже моих представлений о них. И это даже было не столько понимание, сколько инстинкт. А самого материала доставало уже на несколько книг — такое нагромождение жутких и порой невероятных историй — только пиши.

Я правду расскажу тебе такую, что хуже всякой лжи...

Я все отодвигал и отодвигал исполнение замысла.

К концу 60-х годов я уже проникся пониманием преступности идей ленинизма, но логическая связь событий, подлинные, глубинные пружины трагедии не давались мне. И в самом деле, почему эта страшная болезнь поразила именно Россию? Почему народ несет на собственных плечах своих мучителей?

Я исповедую теорию, так сказать, личного постижения прошлого и настоящего. Для меня это принципиально. Это более чем длинный и неблагодарный путь, но он наделяет самостоятельностью. А за эту «материю» можно платить любую цену. Именно по данным причинам я не читал «самиздат» 60-х и 70-х годов. Кроме «Одного дня Ивана Денисовича», я не брал в руки ни одной работы А. И. Солженицына. Это было забавно, даже комично: у мира уже сложилась ясная картина того, что произошло в 1917 г., а я все складывал плиточки своей мозаики. Да, я искал свое осознание того, что случилось в 1917-м и где мы сейчас, кто мы...

К середине 70-х годов я был готов к работе, но сказались издержки большого спорта и литературных «насилий», слишком часто на грани потрясений — валом поднялись болезни. Когда после нескольких лет невзгод я окреп и написал роман «Красные валеты», рассказы, повести и добрую часть романа «Тайная Россия», то понял: пора. Но... человек предполагает, а Бог располагает...

В 1983 г. я с трудом выживаю после операции на позвоночнике (из-за этого так и не закончил «Тайную Россию»). Травму я заработал в апреле 1957 г. на чемпионате Вооруженных Сил. Тогда, совсем юный лейтенант, я попытался продвинуть рекорд страны в толчке — и оказался наказанным за дерзость, хотя и был на пороге успеха. Однако настоящая расплата пришла (нет, не пришла, а порази

ла) спустя четверть века. Весь этот большой спорт уже давно порвал всякую связь со здоровым соревнованием и служил идеологическим и политическим подспорьем бюрократии как в СССР, так и в других странах. Нас покупали, мы были всего лишь спортивным мясом. Но тогда, в апреле 1957 г., я это еще не осознавал. Мной владела удаль, только удаль... и честолюбие.

В огненных днях и неделях после операции, когда вероятность смерти перевешивала вероятность жизни, я клял себя за то, что так и не написал главную книгу. Попусту прожита жизнь. Без пользы, холостым грузом уходят со мной все знания, добытые в упорном труде: тысячи книг, журналов — десятилетия настоящей исследовательской работы. А взамен — боль, страдания и чернота...

Однако я выжил, вопреки всем и всему выжил, даже тогда, когда самые близкие люди обсуждали, во что обрядить меня, если я отдам Богу душу. Не сомневались...

После близкие говорили обо мне:

— Он все время болеет, не стоит обращать внимания.

«Не стоит обращать внимания». Слова эти дико слышать, если любишь этих людей.

Я очень надежно скроен — иначе не был бы 5 раз первым в мире и еще раз — вторым (в силе). Около 40 рекордов силы за моими плечами. Тогда об этих рекордах знал и говорил весь мир. Они были необычны. И все сработаны на чистых мускулах, без капли препаратов: ничего, кроме умения вести тренировки и природной силы.

Однако безумное сочетание: тренировки на пределе возможностей (о них знает лишь мой тренер Сурен Петрович Богдасаров) и литература на пределе нервного расходования (иначе не сложится слово, иначе оно будет худосочное, пустое, без страсти и смысла) — подкосило здоровье.

В 33 года профессиональный спорт (в те годы он выступал под названием «большой спорт») окончательно ушел из моей жизни. Зато литературный расход возрос необычайно, доводя до истощения нервными затратами. Я и не щадил себя. Я писал не за деньги, а для людей — это было определяющим, как, впрочем, и в моей спортивной судьбе. Да разве имеются такие деньги — оплачивать жизнь?..

Я служил призванию, готов был погибнуть, но не превращать смысл жизни в наживу, барыш, карьеру. И власть — она безразлична мне. Зачем бороться за нее? Зачем мне покорность других людей? Зачем власть над ними?..

Писательство обернулось десятилетиями суровых испытаний. Само по себе оно постоянно требовало расширения знаний, обработки все новых и новых данных — сотни и сотни книг, документов и т. п. Я привязывался к слову, поклонялся ему. И в одно был слит с откровением В. В. Набокова:

Благоговею, вспоминаю,
творю — и этот свет на вашу слепоту
я никогда не променяю!

Истинно так.

Я писал и читал непрестанно, без отдыха годами, а главное — без надежды на успех. И десятилетиями, переполняясь усталью, слабел...

«Не стоит обращать внимания»...

Не стоит, поскольку всегда ни во что не ставил себя: жил словом, мыслью, рождался заново и умирал в слове, огнем пропускал новые знания, слепо смотрел в будущее, которому не суждено стать моим будущим. Не выйдут мои книги здесь и за границей — тоже: кому нужно там русское слово, да еще какого-то неизвестного литератора? Я всегда помнил, что за жемчужину русского слова — сборник рассказов «Темные аллеи» — Иван Алексеевич Бунин получил... 500 долларов!

Так что ж было ждать мне?..

Я не ведал отдыха (и не ведаю), не ведал ничего, кроме каждодневного каторжного труда. За каждым успехом, не будет преувеличением, тянулся кровавый след. И за это со мной расплачивались равнодушием на грани глумления (все те, к кому я тянулся за добрым словом). Я твердо усвоил: родство по крови — химера. Родство только в душах. Это имеет прямое отношение и к любви между женщиной и женщиной.

Никто из тех, кто стоял рядом со мной, не хотел взять в толк, что, создавая слово, я теряю жизнь, и лишь крепкое здоровье несло и несет меня по жизни. Без него, этой природной мощи, и еще редкого упрямства — гнить бы мне давно в земле.

Я убедился: истинное творчество — это саморазрушение. Поэтому мне так понятны жалобы на здоровье Льва Толстого, когда читаешь его дневники. Это непрерывные стенания, это невозможность нести себя по жизни. Одна непроходящая болезненность.

Подлинное творчество — это мучительное бытие в одиночестве. Оно захватывающе, но оно и изнурительно и жутковато — все дни один на один с собой. Художник сам себя уничтожает, рождая новую жизнь в слове, музыке, красках...

Родство не означает родства душ, оно формальный признак близости, всего только признак.

...После больницы мне не разрешалось 6 месяцев садиться: только лежать или помаленьку ходить. Поэтому, когда в августе 1983 г. я сел за стол (через каждые 20—30 минут ложился, чтобы растворить боль в поясице — иначе она буравила мозг), то сразу приступил к заветной книге.

Сюжета не было, он возникал в процессе работы и словно сам взялся руководить мной. Я лишь считывал его из сознания.

Самое важное — провести доказательства. Поэтому в книге столь необычно переплетаются чисто художественные построения со строго документальными, нравственно-философскими и личными. Я откинул сомнения: пусть это публицистика, пусть история, пусть журналистика, пусть что угодно... Важно провести доказательства наиболее убедительно и полно.

28 декабря 1985 г. я вчерне закончил работу и через несколько дней вылетел в Австрию на вторую операцию: предстояло снять с позвоночника металлическую арматуру.

Летом 1986 г. я добавил к рукописи еще одну часть.

Для работы над рукописью мне не надо было навещать архивы, искать документы — основное, что было накоплено за десятилетия, хранилось в памяти. И я написал книгу, по существу не выходя из дому, да, впрочем, я и не смог бы это сделать: после операции я поправлялся медленно и мучительно. Требовали уточнений лишь факты, эпизоды, не было под рукой и развернутой, цельной биографии Александра Васильевича Колчака. Слышал, что существует трехтомная работа о нем С. П. Мельгунова, изданная за рубежом в 30-е годы. Я даже не видел допросов Колчака в издании Центрархива, они у меня были фрагментами. При относительном богатстве моей библиотеки именно этой книги у меня не оказалось, искать же ее было опасно. Привлечь внимание к себе — значит потерять возможность писать. Я работал, полагаясь на знания и те книги, документы, которые находились в библиотеке, собранной мною в 60-е годы на деньги от чемпионатов и рекордов. Лишь этому собранию старых книг я обязан знаниями. Только эти книги помогли разобраться в горах лжи и подлогах, которыми захламлена советская историческая наука.

Основная задача была — довести работу до конца, а для этого я должен был молчать, десятилетиями молчать о том деле, которое делаю. Это было невыносимо. О самом важном, что составляло смысл моей жизни, я сказать никому не мог. Я разыгрывал роль сочинителя от спорта. Это служило прикрытием.

«Огненный Крест» сложен на документальной основе. Любой факт — достоверен, подтвержден не одним, а рядом свидетельств.

Очень долго я мечтал об одном: увидеть почерк Колчака. Ведь сам по себе почерк говорит о многом...

Изменению я подверг лишь советскую часть биографий Федорovichа и в определенных местах — Чудновского, Денике и Тимиревой. Однако все персонажи без исключения действуют в подлинно исторических условиях.

Патушев — отнюдь не выдуманный литературный персонаж. За вымышленной фамилией скрываются доподлинный человек и его поступки — это то, что имело место в действительности, но дошедшее до меня с искажениями, не более.

Я далек от того, чтобы идеализировать дореволюционное прошлое России, но то, что пришло ему на смену, никак не назовешь благом.

«Огненный Крест» написан не для доказательства того, что лучше — капитализм или социализм. В книге исследуются ленинизм и социализм изнутри, с позиции нравственной. Это главное.

Я не ставил целью сорвать зло на социалистическом прошлом своей Родины. Для подобных дел сочиняют не такие книги. Кто-то

должен был возвысить голос против мракобесия ленинизма. Судьбе было угодно, чтобы этот жребий принял и я.

Основу исследования прошлого составили книги, изданные тогда же, в 1917—1924 гг., то есть до кончины Ленина (ни в коем случае не переписывания более поздних лет, уже вставших в «эпоху»). Это показания свидетелей тех событий, их боль, раздумья, нередко и пророческие предостережения...

Я искал и находил эти книги с великим тщанием, неутомимо, упорно — то были воистину сверхзолотые самородки, особенно издания 1918—1919 гг., открывающие непосредственную реакцию общества на Октябрьский переворот и вживание ленинизма в народный организм — его самый первый удар скальпелем по народному организму. Все эти книги (в зависимости от исторической ценности и самобытности) и использованы в той или иной мере в моем историко-литературном исследовании, а точнее, в одной горестной исторической исповеди.

Не уберegli Россию...

Однако книгу было бы опрометчиво рассматривать как сугубо историческое исследование, это не учебник по истории революции. Это всего лишь стремление вырвать из-под диктата власти-победительницы право единоличного и так называемого беспристрастного научного анализа новейшей истории России. Диктатура партии и ее генеральных секретарей наложила и здесь безоговорочные и однозначные оценки-приговоры.

История советского государства предстает сегодня уже не как славная борьба трудового народа с капиталистической несправедливостью, а как история становления, развития и укрепления бюрократической партийной диктатуры. Это история сведения участия народа в государственной жизни к чистой формальности. Это история жестокого и беспросветного насилия над народом именем партии, именем нового святого — Ленина. Все это заставляет другими глазами смотреть на ленинизм, революцию и Гражданскую войну. Совершенно другим предстает наше прошлое: не традиционно героическим, легендарным, а мучительно-кровавым восхождением в якобы светлое будущее. Обманное будущее. Великая революция октябрьских обманов.

За всеми «достоинствами» социалистического общества — кровь.

Историческая вина большевизма в том, что он убил все демократические движения в России, единолично присвоив все их права. И спустя два десятка лет после революции, уже не таясь, он заговорит одним голосом с Гитлером, что, в общем, неудивительно: природа того и другого явлений (большевизма и фашизма) — одной основы. Там и тут пружина жизни государств — тотальное насилие. Без него ни одно из этих государств не в состоянии было бы существовать.

Не столь уж был далек от истины итальянский диктатор Бенито Муссолини, когда в октябре 1939 г. заявил: «Большевизм в России исчез, и на его место встал славянский тип фашизма».

Безусловно, суть власти на одной шестой земной тверди была им схвачено верно, за исключением сущего пустяка: эта власть с момента своего зачатия в ноябре 1917 г. уже являлась античеловечной.

И что поразительно и в то же время устрашающе: среди нас по-прежнему присутствует немало людей, готовых продолжать строить мир по-большевистски, насаждать «счастье» через насилие, «свободу» — через кандалы, лагеря и принуждение. Ничему не научила их история.

Это свидетельствует об опасном присутствии в обществе людей, противостоящих жизни, — не свободе, счастью, а жизни вообще.

«Антилюди» ждут своего часа, когда жизнь народа идет на излом — без этого не бывает истории. Тогда и они густо вливают яд в души людей.

У них такие же лица, руки, голоса — и потому они опасны. С виду ведь они такие же, как и мы, а существо у них совсем другое. Солнце одинаково греет людей и тварей.

Ленинизм — это жуткое действо в масках. Настоящего нет, настоящее скрыто под масками.

Советская система как родилась, так и держится благодаря насилию. Отпусти удила насилия — и общество погрузится в хаос.

Ленинизм в понимании Системы — это не счастье людей, как цинично втолковывают им чуть ли не с рождения, и не теория революционного преобразования общества, а особое, господствующее положение партийно-бюрократической касты. Именно так каста прежде всего и главным образом понимает ленинизм. «Массы» — это лишь материал, на котором создается ее благополучие. Ни слезы людей, ни горе, ни бедствия страны не имеют значения.

Порожденную ленинизмом государственную систему отличает бесплодность. Другие верования и государства оставили о себе память в тысячелетиях соборами, дворцами, рукописными и печатными памятниками культуры. А марксизм со своим детищем КПСС? Горы черепов? Блочные дома? Устав КПСС?..

Ленинизм как государственная доктрина опасен и трагичен для судеб государств, так сказать, вдвойне. Разрушаясь, государство социалистического типа неизбежно становится добычей чужеродных сил, ибо вместо него остается пустота, ничто. Ленинизм — это тот мост, через который происходит массивное вторжение инородных сил в национальное государство. Его земля, богатства, народ становятся добычей кого угодно, вплоть до авантюристов и мощных мафиозных структур. В этом еще одно кино дело ленинизма.

Чтобы написать эту историческую исповедь, следовало прочесть множество книг, принять в сердце тысячи судеб, пережить бессмысленность и безнадежность горя и гибели великого множества людей. Это было как высшее назначение — идти к цели, не обращая внимания на риск, проклятия, клевету, отступничество близких,

разрушение здоровья, беды и утраты. Словно боль, надежды, вера миллионов сошлись на мне.

Стефан Цвейг¹ любил книги — иначе, разумеется, и быть не могло. Он посвятил им немало проникновенных слов. Я читал и перечитывал их, но в каждое слово, в каждую строку невольно вкладывал совсем другой, новый смысл...

Нет, эти слова уже не о книгах. Это сказано о людях.

Убитые, замученные, замордованные, униженные, обездоленные... «Они здесь, ожидающие, молчаливые... Они не толпятся, не требуют, не напоминают... Они не просят... Будто погруженные в сон, безмолвно стоят они, но... каждый смотрит на тебя».

Смотрят десятками миллионов глаз...

Ну дай им ответ. Ну что же ты смог после того, как их не стало, что смог?!

Я должен был дать ответ — так я прочел свою судьбу.

Жизнь из-за книги складывалась изнурительно-напряженной: кто кого пересилит — она меня или я ее.

Когда я — глава за главой — складывал эту книгу, жизнь с невероятной быстротой уходила от меня. Я болел, слабел, отдавая рукописным строкам всего себя. И запоздал с книгой, которую вынашивал едва ли не всю жизнь.

А тогда для всех я был ненастоящий: не со своими словами, не со своим характером. Ведь я был зверски переутомлен, хронически, десятилетиями. Работа над главной книгой отнимала жизнь — на встречи и поддержание отношений с людьми просто не доставало сил. Да и разве могло быть иначе? И я, будучи от природы очень общительным и сверхдоверчивым, все больше и больше замыкался, пока не привык к одиночеству.

Есть несколько «правд». Одна видится непосредственно в самом действии, в дни действия. Другая — начинает просматриваться некоторое время спустя (лет через десять, двадцать). Это уже обобщение, но, как правило, обобщение победителей, то есть одной стороны. Затем наступает «момент истины» — начинает складываться почти объективная оценка данных событий. Она тоже необъективна, она вся под влиянием отката от официальной доктрины и ее оценок. Это уже почти вся правда, но... не вся. Мы находимся в этом времени. Следовательно, и мой «Огненный Крест» тоже относится к этому времени.

И наконец, утверждается наиболее полный, взвешенный взгляд на данные события. Его несет еще более отдаленная во времени эпоха. Страсти уступают место объективной оценке потомков. Для оценки революции и ленинизма это время еще далеко впереди. Хотя, на мой взгляд, оно мало что добавит к нашему представлению.

В книгу просочилась ненависть, я не смог удержать ее. Муки

¹ Цвейг, Стефан (1881—1942) — известный австрийский писатель, покончил с собой в эмиграции.

обездоленных, истерзанных, мольба замученных стучат в мое сердце. Поэтому «Огненный Крест» — как бы не моя книга. В ней я изменил себе. Я отрицаю ненависть, но ничего с собой поделаться не смог.

Ненавистью можно победить, но ничего не построить, ничего не породить, кроме новой боли и несправедливости.

В разного рода невзгодах 1986—1989 гг. оказались утраченными несколько глав (в частности, весьма интересная и нужная — «Искусы Самсона Игнатьевича»), отдельные эпизоды, о чем я горячо сожалею. Не теряю надежды, что судьба в конце концов и меня наградит спокойными днями. Тогда я вернусь к «Огненному Кресту» и восстановлю потерянное.

Окончательный вариант книги я перепечатывал с августа 1989 г. по апрель 1990-го. Это позволило внести кое-что новое.

Общий объем работы подавлял, казалось, я никогда не одолею рукопись! Следовало пропустить через машинку только беловых 2100 страниц! Я буквально слепнул за работой. Остаток лета, осень, зима, весна — как один день, а тут легочные задыхи, лихорадки, митинги, Съезд, интервью, встречи, выступления, тысячи писем, телеграмм, приемы избирателей, совещания, подметные письма с угрозами, клевета, неопределенность будущего...

Работа осложнялась новыми текстами. Я не мог удержаться и вводил их в книгу, что называется, с ходу. Очень помогала в работе моя жена (Лариса Сергеевна). Эти новые тексты не отлеживались, а сразу «ложились» в дробь пишущей машинки. Я даже не набрасывал их на черновик. На это у меня не было времени, да и не было уверенности в завтрашнем дне: а вдруг подведет здоровье (сколько можно тащить — спорт рекордов, операции, жизнь в литературе на унижениях, а самое главное — полное отсутствие будущего), а вдруг военный переворот (в стране все зыбко, неустойчиво, валом нарастают национальные столкновения и нужда, в основном из-за продовольственной «разрухи»).

Россия. Духовная окаменелость...

Россия. Может ли путь к правде лежать через бесчестье?..

Я всегда держал в памяти слова Льва Толстого: «Освободили крестьян не Александр Второй, а Радищев, Новиков, декабристы. Декабристы принесли себя в жертву...»

Разумеется, я не декабрист. Просто каждый человек должен определить свое место в общем движении жизни. Мое место — делать слово.

Слову я учился всю жизнь.

Когда книга будет готова — я напечатаю ее. Расплата (или что следует за ней) не имеет значения.

Сколько же я слышал: ничего не изменишь — любая борьба обречена. Пока народ не очнется — бессмысленно «дергаться».

Бессмысленно, бессмысленно...

Писать и бороться!

Иначе зло застаивается, укрепляется. Ведь и проповеди, и писа-

ния, и слово Владимира Соловьева и Льва Толстого, и даже сама Библия излишни в таком случае: пусть все само прозревает и дозревает.

Эта позиция «самодозревания» — антигуманна. Человек не может уйти от себя. Он не должен отгораживаться от страданий и заблуждений мира...

Все остальное скажет книга. Ей — слово.

Москва, сентябрь 1990 года

* * *

Когда рукопись готовилась к первому изданию, я опасался обнаружить тайники, где держал архив. Я прятал не только дневники, переписку, важные документы, но и материалы для «Огненного Креста». Слежка была настолько плотной, временами откровенно прилипчивой (очень хотели, чтоб я убрался из страны в эмиграцию), что я опасался не только брать эти материалы, но и подвести людей, в домах которых многие годы хранил архив. Поэтому в первое издание «Огненного Креста» в двух частях (издательство «Новости», 1991—1992 гг.) не вошла приблизительно треть написанных уже материалов.

Подготовка «Огненного Креста» к выходу в «Прогрессе» (уже в трех книгах — «"Женевский" счет», «Гибель адмирала», «Бывшие») предоставила возможность не только устранить фактические неточности, но и внести совершенно новые материалы. Таким образом, первое издание «Огненного Креста» волею обстоятельств явилось как бы черновым.

Кроме того, в новом издании я восстановил свой стиль, изрядно «подправленный» при подготовке рукописи в издательстве «Новости», что обнаружилось, к сожалению, уже после напечатания книг (разумеется, это была не «авторская редакция»).

И все же я благодарен издательству «Новости». В трудное время оно пошло на риск издания моей работы. Никто другой на это не осмелился.

В новом издании я сохранил все вставки в текст, сделанные мною при подготовке рукописи к первому изданию, — отзвуки на политические события тех лет. Это, по моему убеждению, делает их важным свидетельством своего времени.

В результате вся рукопись оказалась настолько измененной, что следует говорить не о переиздании «Огненного Креста», а о новом произведении.

Десятки тысяч людей доброжелательно отозвались на первое издание «Огненного Креста»: телефонными звонками, письмами и другими знаками уважения. Это то высшее, ради чего я жил.

Москва, июнь 1992 года

ДУХ НАРОДА, ЗАКОВАННЫЙ В ОБЪЯТИЯ СКЕЛЕТА...

Мы, Божию милостию...

В 1902 г. российская эмиграция в Женеве продолжает со страстью отдаваться диспутам. Наиважнейший спор — вокруг марксизма. Каким ему быть в России? Столкновения между группами, которые оформляются в партии социал-демократов («искровцев») и социалистов-революционеров, собирают едва ли не всю местную колонию русских.

На некоторых диспутах присутствует и Владимир Александрович Поссе, фигура довольно приметная в революционных кругах. Его память навсегда сохранит один из диспутов. Спустя два десятилетия Владимир Александрович поведает о нем в своих воспоминаниях...

На трибуне — Ленин. Он доказывает, что лишь через социал-демократию марксизм найдет свое истинное выражение и отсталость России, в том числе и культурная, тому не препятствие. Доказательства возводятся убедительно, весомо.

Ленина сменяет Чернов (будущий лидер партии эсеров). С ним — тома «Капитала» в закладках. Говорит умело, а главное, точно и особенно к месту цитирует Маркса.

Впечатление от речи Ленина стирается.

Тогда на трибуну поднимается Плеханов — один из самых искусных ораторов своего времени, знаток марксизма и вообще революционной мысли, но в основном — марксизма.

«...Слушать его было жутко, ибо легкая, шутливая форма особенно оттеняла зловещую жестокость содержания. Нападая на террор социалистов-революционеров, он восхвалял террор Великой французской революции, террор Робеспьера.

— Каждый социал-демократ, — говорил Плеханов, — должен быть террористом à la Робеспьер. Мы не станем, подобно социалистам-революционерам, стрелять теперь в царя и его при-

служников, но после победы мы воздвигнем для них гильотину¹ на Казанской площади...

Не успел Плеханов закончить этой фразы, как среди жуткой тишины переполненной залы раздался отчетливый возглас:

— Какая гадость!

Сказано это было громко, но спокойно, убежденно и потому внушительно. Плеханов побледнел, вернее, посерел и на минуту смешался...

— Это, наверное, кто-нибудь из русского консульства, — говорил после В. Д. Бонч-Бруевич, в то время ярый поклонник Плеханова. Но протестантом оказался не служащий русского консульства, а довольно известный революционер Надеждин...»

¹ Машина для обезглавливания осужденных на казнь. Появилась во Франции во время буржуазной революции. Ее конструкцию предложил доктор Гийотен в 1792 г. Революция и насилие — явления одной природы и друг от друга неотделимы.

Глава I

МОНАРХИ

Высочайший Манифест

Божиею милостию
Мы, Николай Второй,
император и самодержец Всероссийский,
царь Польский, великий князь Финляндский,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем НАШИМ верным подданным:

Немного дней тому назад Манифестом НАШИМ оповестили МЫ русский народ о войне, объявленной НАМ Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли МЫ оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой НАШЕЙ Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов МЫ не одни: вместе с НАМИ встали доблестные союзники НАШИ, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию.

Да благословит Господь Вседержитель НАШЕ и союзное НАМ оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце.

Дан в Санкт-Петербурге, в 26 день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же НАШЕГО в двадцатое.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано.

«НИКОЛАЙ»

Верные подданные...

Против Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии Россия выступила со странами Антанты (Entente в переводе с французского означает «согласие»).

Союз государств (Антанта) сложился окончательно в 1904—1907 гг. В годы мировой войны (1914—1918) к Антанте примкнули 25 государств, включая и США.

Все три могущественные империи: Россия, Германия и Австро-Венгрия — рухнут в испытаниях железом, кровью и голодом. Рухнет и султанская Турция.

Германскую империю возглавлял Вильгельм Второй. К началу мировой войны ему исполнилось 55 лет. Это был во всех отношениях крепкий и здоровый человек.

Вильгельм Второй (Гогенцоллерн) — германский император и прусский король, родился 27 января 1859 г., занимал имперский престол с 1888 по 1918 г.

9 ноября 1918 г. Вильгельм бежит от революции в Голландию, 28 ноября того же года отречется от престола. Им закончит свое «государственное» существование династия Гогенцоллернов. Она вела свое начало от бранденбургских курфюрстов (1415—1701), затем — прусских королей (1701—1918). С 1871 г. прусские Гогенцоллерны являлись королями объединившейся тогда Германии.

Представители побочной ветви Гогенцоллернов с 1866 по 1947 г. занимали румынский королевский престол.

Вильгельм Второй питал слабость к публичным выступлениям. Речи его поразительно однообразны и в главном схожи, а главное — это:

«Мы лучшие в мире колонисты, лучшие моряки, лучшие коммерсанты. Мы самый даровитый народ, далее всех ушедший в науках и искусствах. Мы покажем, что значит препятствовать или мешать Германии...»

Это при Вильгельме Втором наперебой начинают звучать такие речи и появляться такие печатные строки:

«Всемирная Германия явится мыслимой только тогда, когда Россия будет разорвана на куски и окончательно низвергнута. Мы не поколеблемся отрезать широкие полосы земли от Франции и России»¹.

«Широкие полосы земли» от России — это Украина, Белоруссия и Крым. Адольф Гитлер со своей «Майн кампф» вылупится не на пустом месте. Воспитание у Вильгельма и Гитлера весьма различно, но восприятие внешнего мира и «задач Германии» — почти неотличимы. Решительно разделят их лишь средства достижения цели.

Политике Германии от Вильгельма Первого, создавшего вместе с Бисмарком Германскую империю, и до Гитлера, создавшего «Третий Рейх», свойственна исключительная последовательность. Гитлеризм лишь крайнее выражение данного курса.

Вильгельм Второй был в достаточной мере антисемит, впрочем как и все королевские дворы Европы, исключений не наблюдалось. Отчасти сие и ставило почтенные монархии под грозовые разряды революций, периодически потрясавших старую Европу. Ведь евреи, как правило, составляли решительное большинство в революционных организациях и, как правило, руководили ими. Так, по подсчетам председателя Совета Министров Российской империи графа С. Ю. Витте, всего 7 млн. евреев приходилось на 137 млн. населения страны, однако их количество в подрывных организациях (партиях) уверенно превышало 50%, а о руководстве и говорить не стоило: русские в нем составляли, скорее, исключение.

Именно в недрах Германской империи Вильгельма Второго вырывают и находят идеологическое обоснование и нацизм, и антисемитизм. Зять великого немецкого композитора Рихарда Вагнера философ Хьюстон Чемберлен публикует в 1899 г. капитальный труд «Основы девятнадцатого столетия». Это подлинный сплав из расовых идей Ницше и Гобино, написавшего исследование «О неравенстве рас» в 1855 г. О Чемберлене кайзер Вильгельм как-то обмолвился, что он ниспослан в Германию Всевышним.

В августе 1897-го Вильгельм Второй посетил Санкт-Петербург (разумеется, то был не единственный визит в российскую столицу) и договорился с Николаем Вторым о совместных действиях против Китая. Германия имела виды на область Цзяочжоу в Шаньдунь с портом Циндао. Россия захватывала Маньчжурию с крепостью Ляйшунь (Порт-Артур) и бухтой Даляньвань — здесь русские выстраивают первоклассный торговый порт Дальний.

1 ноября 1897 г. были убиты двое немецких миссионеров. Германия воспользовалась этим поводом и 14 ноября заняла Цзяочжоу. Вильгельм заявил: «Сотни тысяч китайцев содрогнутся, когда почувствуют тяжесть бронированного кулака Германии на своих затылках».

¹ Ни одной подобной речи в адрес Германии не было произнесено в России ни царем, ни государственными деятелями.

Это образец обычного стиля германского императора.

В марте 1898 г. Германия принудила Китай уступить Цзяочжоу «в аренду» на 99 лет. Страной тогда правил последний взрослый император Китая, Гуансуй. 14 ноября 1908 г. его отравит Цыси, которая в свою очередь преставится на следующий день.

Спустя несколько дней подобный договор заключила Россия. Ей отошел «в аренду» на 25 лет Ляодунский полуостров и право соединить его железной дорогой с КВЖД¹, проложенной по Северной Маньчжурии. Порт-Артур был объявлен военной гаванью и закрыт для иностранных кораблей.

Далее последовал захват Китая по побережью Англией, Францией и Италией.

Китайцы ответили восстаниями. Иностранцы презрительно называли повстанцев «боксерами» (от слова «кулак», входящего в названия некоторых тайных братств китайцев). Германский посланник Кеттелер и японский советник Сугияма были убиты на одной из пекинских улиц.

Что еще надобно захватчикам?

Объединенной 60-тысячной армией интервентов (Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии, России, Франции, США, Японии) командовал германский фельдмаршал Вальдерзее.

«Раз вы появитесь перед врагом, он будет разбит, — говорил кайзер перед строем солдат, готовых к посадке на транспортные суда. — Пощады не давать, пленных не брать. Кто попал в ваши руки — тот ваш. Как тысячи лет назад гунны под предводительством короля Аттилы создали себе имя, которое поныне придает им величие в преданиях и рассказах, так пусть имя немцев в Китае будет вами поднято столь высоко, чтобы и через тысячу лет ни один китаец никогда более не осмелился даже косо взглянуть на немца».

На Аттилу и гуннов нацеливалась германская история.

Когда-то Байрон писал не без гадливости:

Скотам в коронах мало корм жевать.
Они хотят кусаться и бодать.

Призыв повелителя немцев не остался без ответа.

«Скажу тебе только одно, — писал германский солдат другу на родину, — ты понятия не имеешь о том, что у нас происходит. Ты должен был бы видеть, как мы вошли в город, когда выиграли первое сражение. Перебиты были все, кого мы только встретили на пути: мужчины, женщины, дети. О, как кричали женщи-

¹ Китайско-Восточная железная дорога построена на средства России в начале XX столетия. Являлась совместным китайско-российским, позже — советско-китайским акционерным владением. В 40-е годы нашего столетия мой отец (Власов Петр Парфенович), будучи генеральным консулом СССР в Шанхае, был членом правления данного акционерного предприятия.

ны! Но приказ императора гласит: не давать пощады! Мы дали при-
сягу верности и повиновения, и мы должны сдержать свою клятву»¹.

Как вошли немцы в нашу страну спустя 40 лет и что было с
людьми и городами, мы представляем вполне...

Кроме Китая, Вильгельм Второй добыл для Германии колонии и
в Африке. А затем пришла пора наводить порядок в Европе.

Вильгельма Второго отличало позерство (качество, которое
начасто отсутствовало в Николае Втором). Он был деятелен, подви-
жен, очень следил за собой. Каждое утро в восемь — набор физичес-
ких упражнений. О его повседневной жизни дает представление дне-
вник его адъютанта графа фон Дон-Шлобиттена фон Хилиуса (быв-
шего военного атташе в Петербурге в 1912 г.), напечатанный жур-
налом «Голос минувшего» (М., 1919).

В записи 3—9 мая 1906 г. читаем:

«...Усталости он не знал, несмотря на то что спал очень мало, и
был все время бодр и доволен. В последний вечер я сыграл кое-что
на прекрасном рояле Бехштейна, что, по-видимому, доставило
императору большое удовольствие...»

Музыку кайзер любил, питал пристрастие и к театру. Его
не отличало мужество (если не сказать больше). Тому достаточно
примеров. Есть свидетельство на сей счет и в дневнике адъю-
танта.

«...При обратном проезде «Под липами» собралась толпа, чтобы
приветствовать императора, но публика видела немного, так как
император проезжает по улицам исключительно в закрытом авто-
мобиле (в наше время молвили бы: «в членовозе». — Ю. В.), так что
полицейские принимают все меры, чтобы предупредить несчастные
случаи (покушение на священную особу императора. — Ю. В.).
Его Величество передал через меня начальнику полиции, чтобы
старались держать публику в отдалении». (Запись 30 января
1906 г.)

Так, разумеется, безопаснее.

При чтении литературы о нем бросается в глаза его напыщен-
ность и самоуверенность. Однажды он заявит:

«...Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попро-
сту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно,
и от этого происходят все затруднения».

У кайзера сложные отношения с фракциями левых партий в
рейхстаге, но в ответственный момент — в начале мировой
войны — они выкажут абсолютную поддержку монарху. Это вызо-
вет яростное негодование Ленина. В мировой социал-демократии
только большевизм останется верным интересам трудового люда и
станет последовательно выступать против бессмысленности и пре-
ступности мировой бойни. Все прочие партии — соглашательские,
изменнические!

¹ Новая история колониальных и зависимых стран. Т. I. М., Соцэкгиз,
1940, с. 629—630.

Вильгельм Второй был подлинным властителем Германии и управлял ее внешней и внутренней политикой. В годы мировой войны (1914—1918) он являлся Верховным главнокомандующим Германских Вооруженных Сил. В воспоминаниях фон Гинденбурга немало строк отведено кайзеру. С 1916 г. фон Гинденбург руководил Генеральным штабом¹. Описывая порядок работы в ставке, он отмечает:

«В обеденный час я регулярно ходил с докладом к Его величеству императору. К этому времени генерал Людендорф делал наброски картины положения. В более серьезных случаях я сам составлял доклад и, когда встречалась необходимость, испрашивал утверждение императором наших планов. Высокое доверие императора освобождало нас, во всех маловажных вопросах, от особого высочайшего утверждения... Прекрасная память императора сильно поддерживала нас на этих докладах. Его величество не только подробно штудировал карты, но и сам делал наброски».

Однако в годы войны реальная власть постепенно перемещалась к военным.

Жизнь Вильгельм Гогенцоллерн прожил долгую и скончался в возрасте 82 лет за 18 дней до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз — 4 июня 1941 г.

Определенное представление дает о нем его биография, написанная немецким писателем Эмилем Людвигом вскоре после окончания первой мировой войны. В русском переводе книга появилась в 1929 г. (Л., изд-во «Красная газета»).

«...В течение тридцати лет к стопам этого государя непрерывным потоком стекалась лесть его подданных. Кайзер верил всему. Этот человек мнил о себе, что умеет читать в глазах и сердцах людей...»

Осенью 1904 г. в Данциге (нынешний польский Гданьск. — Ю. В.) генерал Макензен при подаче рапорта поцеловал кайзеру на вокзале руку, и этот «мужественный» жест вскоре получил широкое распространение. В офицерском собрании лейб-гусаров один из... лейтенантов почтительно поднес к губам руку императора...»

Ничего подобного в России не наблюдалось. Разумеется, присутствовало обожание «священной особы императора», было и стремление расправиться с возмутителями спокойствия, давала се-

¹ *Фон Гинденбург, Пауль* (1847—1934) — германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В первую мировую войну — командующий армией на Восточном (Русском) фронте, затем — начальник Генерального штаба. Участвовал в подавлении Ноябрьской революции в Германии.

В 1925—1934 гг. — президент Веймарской республики. В 1933 г. поручил Гитлеру сформировать правительство, официально передав всю полноту власти фашистам. Автор книги «Воспоминания Гинденбурга» (Пг., «Мысль», 1922).

бя знать и грубоватая насмешливость, порой столь неприличная, но руки государю императору никто не лобызал. Для русского дворянина сие представлялось унижительным за чертой XIX столетия.

А вот о войне:

«С момента начала конфликта у кайзера растет чувство германской гордости, и, хотя все эти враждебные ему монархи (Англии, России, Бельгии и т. д. — Ю. В.) — его родственники и происходят от одной с ним бабки или прабабки, он проводит между собой и ими резкую грань и пишет о „славянской измене, латинском высокомерии, чисто британской лживости...“».

Эмиль Людвиг выделяет одну из существенных черт в характере Вильгельма — «не принимать решений и не желать нести ответственность...». Тут проглядывает общность с Николаем Вторым, который подолгу откладывал серьезные решения, старался не замечать необходимости коренных изменений как в хозяйстве страны, так и в политическом устройстве, люто ненавидя Думу.

В войну Вильгельм «предоставлял все большую свободу действий представителям высшего командования и незаметно лишился всякого личного влияния». Само собой, военные не могли нахвалиться таким Верховным главнокомандующим.

Эрих Людендорф (1865—1937) заслуживает отдельного упоминания. Он и по сию пору одна из самых почитаемых личностей в военной истории Германии. Он так и остался генералом, не выслужив генерал-фельдмаршальство. В 1908—1912 гг. — начальник оперативного отдела Генерального штаба. В мировую войну — начальник штаба Восьмой армии, а вскоре и Восточного фронта — одна служебная стезя с Гинденбургом. А Восьмая армия — та самая, что в конце концов разгромила русскую армию генерала Самсонова и нанесла сокрушительный урон армии генерала Ренненкампа (водился такой в Российских Вооруженных Силах, расстрелян красными в Таганроге в 1918-м).

С августа 1916-го по октябрь 1918-го Людендорф — генерал-квартирмейстер¹ штаба Верховного главнокомандования, фактический глава этого главнокомандования, перевешивая по значимости своего начальника, фельдмаршала Гинденбурга. Был близок к Гитлеру. Не случайно в конце февраля 1924 г. в Мюнхене, в здании кадетского корпуса, проходило судебное слушание дела генерала в отставке Людендорфа и бывшего ефрейтора Гитлера (по обвинению в мятеже с целью государственного переворота).

¹ Генерал-квартирмейстерская служба — это не служба размещения войск по казармам и другим объектам, как порой доводится читать. Генерал-квартирмейстер занимается оперативным управлением войсками (самый ответственный вид штабной деятельности), то есть это служба боевого планирования.

Уже тогда настолько сильна была поддержка их в обществе, что здание кадетского корпуса охраняли и патрули, и пулеметные расчеты.

В книге «Тотальная война» (1935) Людендорф основным принципом войны Германии за мировое господство выдвинет молниеносность («блицкриг»). Еще раньше издал книгу «Мои воспоминания о войне» в двух томах. Переведена на русский.

Австро-Венгрию возглавлял Франц Иосиф Первый (Габсбург) — император Австрии и король Венгрии; родился 18 августа 1830 г., отойдет в мир иной 21 ноября 1916-го — в 86 лет размах жизни. Правил империей с 1848 по 1916 г.

Россия царей сохранила ему империю, свирепо подавив революцию в Венгрии (1849). Минет четыре года, и он отплатит предательством, по сути примкнув к союзу государств, вступивших в войну с Россией (1853—1856). У нас эта война с Турцией и тремя европейскими государствами известна под названием Крымской и еще более — невиданно героической обороной Севастополя, которой, в частности, посвятил свои рассказы и Лев Толстой.

В 1879 г. Франц Иосиф заключил союзный договор с Германией, превращенный в 1882 г. с включением Италии в Тройственный союз.

Историк Тарле¹ писал о Франце Иосифе:

«...Неглупый, спокойный по нраву, очень себя в руках державший, крайне осторожный и никому почти не доверявший молодой человек, вступивший на престол в бурную революционную пору (эпоху революционных потрясений в Европе и его собственной империи. — Ю. В.). И Франц Иосиф в первые годы царствования в самом деле беспрекословно повиновался Николаю (Николаю Первому, прадеду последнего российского императора. — Ю. В.)...

Франц Иосиф отличался долготерпеливым нравом, очень уравновешенным умом — и никаким эмоциям никогда не давал над собой решающей власти. Несчастья, сыпавшиеся на него в течение всей его долгой жизни, до странности мало на него всегда действовали... Он на своем веку проигрывал все без исключения войны, которые ему навязывали исторические судьбы Австрии; его жену убили, его сын и наследник покончил самоубийством, другой его наследник

¹ Тарле, Евгений Викторович (1875—1955) — русский советский историк, академик. Автор капитальных работ по истории Франции, об Отечественной войне 1812 г., о Крымской войне (1853—1856), борьбе Ирландии за независимость, первой мировой войне и др. В 30-е годы Евгений Викторович был арестован и, в общем-то, обречен, однако вскоре освобожден по личному распоряжению Сталина. Развернуться в полную меру его дарованию воспрепятствовали заказной характер работ и личная не то опека, не то мелочный надзор диктатора. Стиль и слог Евгения Викторовича отличал определенный литературный блеск. После кончины Евгения Викторовича Академия наук СССР выпустила полное собрание его сочинений в 12 томах.

был убит, его родного брата Максимилиана расстреляли, другой — эрцгерцог Иоганн — пропал без вести. Но все это ничуть не влияло ни на моральное, ни на завидное физическое здоровье Франца Иосифа, воспринималось им не как катастрофы, а лишь как крупные неприятности, благополучно переживалось, быстро забывалось, и умер он во второй половине ноября 1916 г. на восемьдесят седьмом году в разгаре несчастной для Австрии войны не от мировой скорби, а от гриппа...»

Далее Тарле замечает, что в управлении империей Франц Иосиф строго придерживался афоризма «своего фельдмаршала фон Радецкого (усмирителя Ломбардии, тогда Италия была владением Австрии. — Ю. В.): 15 дней военного и полицейского террора — 15 лет спокойствия...».

Мировая война застанет В. И. Ленина в Поронине (мне довелось там побывать; уголок из сказочных: предгорья Карпат, здоровый горный воздух, тишина). Тогда это была польская территория Австро-Венгрии.

Естественно, как российский подданный Ленин препровожден под арест в ближайший полицейский участок. Но выручает Виктор Адлер (1852—1918) — состоятельный, солидный господин, один из организаторов австрийской социал-демократии, член парламента. Нет, личность вполне уважаемая, и при дворе с ней вынуждены считаться...

Надо полагать, провода между Поронином и Веней раскалились.

Дело требует завершения, и господин Адлер испрашивает приема у министра внутренних дел своей родной Австро-Венгрии. Вероятно, разговор все же был не шибко доверительный и дружеский. Все-таки социал-демократы... Как бы это выразиться?.. Не лучшие это граждане. Опять же не родина у них, а Интернационал... В общем...

Министр ставит вопрос, что называется, в лоб:

— Вы уверены, что господин Ульянов — враг российского правительства?

— О да! — Герр Адлер ни на мгновение не задумывается. — Более заклятый враг, чем вы, ваше превосходительство.

Это уже характеристика, вроде как штемпель на ценном почтовом отправлении.

Итак, господин Ульянов — враг царской России. Стало быть, и враг России. Враг.

Ленина без проволочек освобождают (это равнозначно освобождению ярого русского антикоммуниста Гитлером, окажись он 22 июня 1941 г. в Берлине). Еще бы, этакое поручительство!

Это факт: вождь большевиков на воле, а тысячи русских, захваченных объявлением войны на вражеской территории, свозят в

концлагеря (до конца войны на нарах и баланде)¹. Еще тысячи в эти дни хоронят у Мазурских озер — их окружила и побила Восьмая армия под командованием фон Гинденбурга и его начальника штаба Людендорфа.

Ленин же без каких-либо утеснений переезжает в нейтральную Швейцарию. За работу — Россия ждет! Такое необычное время! Кто бы смел предположить!..

Ленин обоснуется в Цюрихе — это и есть Интернационал в действии. А погода продемонстрирует свои «интернациональные» убеждения и герр Парвус, да как!.. А за Парвусом поспешит на выручку и Фриц Платтен: и вагон выбьет с правом проезда через враждебную Германию, и от пули прикроет. Эх, Платтен, чистая душа!..

А что до герра Адлера — в ноябре 1918-го станет министром иностранных дел уже не Австро-Венгрии (навсегда исчезнет такая империя), а маленькой Австрии и выступит за присоединение к Германии, однако почти тут же умрет. За него ее присоединит (правда, на время) фюрер Адольф Гитлер.

Но несравненно шире известен сын Адлера — Фридрих Адлер, один из убежденнейших лидеров австрийской социал-демократии (передалась кровь отца), приват-доцент по кафедре теоретической физики (наверное, Эйнштейн его знал: молодой Адлер преподавал в Швейцарии). Адлер — физик и социал-демократ застрелит 21 октября 1916 г. главу кабинета министров Австро-Венгрии — это нечто «покруче», нежели споры с трибун или лекции по теоретической физике.

Ленин весьма уважал этого разностороннего физика...

¹ Только рабочих из России в Германии находилось свыше 200 тыс. — и все оказались за колючей проволокой. — См.: Л е м к е М. К. 250 дней в царской ставке. Пг., Госиздат, 1920. У этих бедолаг, работавших по найму в чужой стране, не было своих адлеров. Зато была родная земля.

Глава II

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Завис над Россией, раскинув крыла, гордый двуглавый византийский орел.

Могилев. 15 февраля 1916 г.

Ставка Верховного главнокомандующего.

«Сегодня я был приглашен к царскому обеду...

В 12 часов дня скороход позвонил в Управление и просил вызвать меня к телефону. Я подошел. «Вы приглашаетесь сегодня к высочайшему обеду в половине восьмого, форма одежды обыкновенная, при оружии».

Надел защитный китель, снаряжение (без револьвера), шашку, фуражку и коричневую перчатку на левую руку. Ордена не нужны, если нет с мечами. Снаряжение и шашка с фуражкой и перчатками надеваются всеми приглашенными впервые. В семь часов двадцать минут вечера был в доме царя. Проходите сначала парных наружных часовых, потом вестибюль, где справа и слева стоят в струнку по два конвойца-казака. Ближайший к двери открывает ее — и вы в передней. Там скороход и лакей снимают платье. Скороход спрашивает фамилии приходящих, посматривая в свой список. Контроль, собственно, очень слаб. Кто пожелает, может, сговорившись с другим, пойти за него, и его никто не остановит, надо только назваться другой фамилией. У начинающейся тут же лестницы наверх стоит на маленьком коврикe солдат Сводного пехотного полка в позе замершего часового, но без оружия. Поднявшись во второй этаж, попадаете в зал. Небольшой, но красивый своей простотой, он оклеен белыми обоями. По одной из внутренних стен висят портреты Александра Третьего и Марии Федоровны в молодые годы их совместной жизни. Тут же рояль, небольшая бронзовая люстра, простенькие портьеры, по стенам — стулья.

Когда я вошел, там уже были гофмаршал генерал-майор свиты князь Долгоруков (сохранит преданность государю императору и будет расстрелян. — Ю. В.), флигель-адъютант Нарышкин (предает государя императора. — Ю. В.), свиты генерал-майор граф Татищев... и еще кто-то. Через две-три минуты вошли военные предста-

вители Бельгии, Японии и Англии. Потом стали подходить остальные. Явились генерал По, великие князья Сергей Михайлович и Георгий Михайлович... флигель-адъютант Мордвинов (бросит государя императора. — Ю. В.), Граббе (предает государя императора. — Ю. В.), адмирал Нилев и Боткин (сложит голову с царским семейством в нижней комнате Ипатьевского дома. — Ю. В.).

Вошел еще какой-то худошавый свитский генерал, с порядочной лысиной, весь бритый (тогда ведь почти все носили бороду или усы. — Ю. В.), с узкой низкой талией, в казачьем бешмете, мило обошел всех, поздоровался и присоединился к разговору великих князей.

— Кто это?

— Великий князь Михаил Александрович (родной брат государя императора. — Ю. В.).

Вот бы не сказал, судя по тому облику, который рисовался по старой юнкерской памяти.

Все, кроме свитских, становятся по стенам без особенного порядка и чинопочитания и ожидают выход царя. Из столовой вышел Воейков (дворцовый комендант, свиты Его величества генерал-майор. — Ю. В.), сделал общий поклон, поздоровался с теми, кого не видел, и пошел здороваться со мной и другими. Через две минуты вошел развалина Фредерикс¹ — кажется, вот сейчас его хватит изнутри и он весь рассыплется на части, искусно собранные портным, сапожником и куафером. Тоже общий поклон, обходит не виденных им сегодня за завтраком и становится у двери кабинета царя, но с другой стороны; с противоположной — нашу линию начинают великие князья, на первом месте Георгий Михайлович.

Царь вышел в форме гренадерского Эриванского полка, которую почти не снимает... Он в суконной рубашке защитного цвета, с кожаным нешироким поясом. Громадные длинные брови очень старят его.

Я стоял на шестом месте...

Так как я первый раз, то должен представиться:

— Ваше императорское величество, обер-офицер Управления генерал-квартирмейстера штабс-капитан Лемке².

¹ *Фредерикс, Владимир Борисович*, барон (с 1913 г. — граф) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, крупный помещик. Командовал лейб-гвардии Конным полком (1875), Гвардейской бригадой (1884—1891). С 1893 г. — помощник министра Императорского двора и уделов. В 1897 г., сменив графа Воронцова-Дашкова, становится министром двора.

² *Лемке, Михаил Константинович* — из дворян Новгородской губернии, родился в 1872 г., умер в 1923 г. Получил образование в военном училище, сразу по производству в офицеры вышел в отставку. Автор множества работ по истории литературы, журналистики, цензуры, крупнейший знаток литературного наследия Герцена. В первую мировую войну 250 дней служил в могилевской императорской ставке. Незадолго до смерти вступил в РКП(б)...

— Вы у квартирмейстера?
— Так точно, Ваше императорское величество.
— С начала войны?
— Никак нет, Ваше императорское величество, с двадцать пятого сентября (1915 г. — Ю. В.).
— Вместе со мной?¹
— Так точно, Ваше императорское величество.
Рука была подана мне после представления...

...Так обойдены все, кроме свиты, которую царь уже видел за завтраком. Последним стоит вернувшийся вчера японский военный представитель. С ним Николай говорил довольно долго.

Потом полуоборот в нашу сторону, идет к дверям в столовую, их открывают оттуда; поворотом головы царь подает знак великим князьям, они все начинают входить в столовую.

Там большой стол для обеда и маленький у окон с закуской. Царь первый сдержанно закусывает, отходит, к нему присоединяются великие князья. Без стеснений все подходят к закуске, сразу же начинается разговор. Водка, разнообразная закуска; чарочки серебряные, не очень большие.

Гофмаршал обходит гостей и указывает, где кому сесть, у него в руке карточка, на которой в известном порядке написаны наши фамилии, имя царя подчеркнуто красными чернилами. Сегодня за столом тридцать один человек, обычно бывает двадцать шесть — тридцать.

Когда все закусили, царь идет к своему месту и садится спиной к двери зала. Рядом с ним, справа, — Михаил Александрович, слева сегодня — бельгийский представитель де Риккель. Рядом с Михаилом — Георгий Михайлович, затем Сергей Михайлович, Шавельский², Штакельберг³, Кедров⁴, я и т. д. Против царя — Фредерикс. Против нас с Кедровым — Долгоруков и дежурный Носков. Подчеркнутые фамилии означают постоянные места, все остальные меняются, что и составляет особую обязанность гофмаршала, который должен руководствоваться при распределении гостей разными соображениями.

Тарелки, стопки и чарки — серебряные, внутри вызолоченные. Подают лакеи в солдатской защитной форме, тут же помогает скорход.

¹ 21 сентября 1915 г. Николай Второй вступил в должность Верховного главнокомандующего со ставкой в Могилеве, сменив на этом посту своего дядю, великого князя Николая Николаевича.

² *Шавельский, Георгий Иванович* — протопресвитер армии и флота с местонахождением при ставке. Был на год моложе вождя революции Ленина. В Гражданскую войну стал протопресвитером Добровольческой Армии. Эмигрировал с остатками врангелевцев.

³ *Штакельберг, Николай Карлович*, барон — церемониймейстер, начальник военно-походной канцелярии императора Николая Второго.

⁴ Рядом с Лемке сидел флигель-адъютант капитан второго ранга Михаил Александрович Кедров, который тоже служил в ставке.

Сразу начинается разговор соседей между собой. Царь почти весь обед очень весело говорил с де Риккелем, оба много смеялись... С Михаилом Александровичем — несколько слов в разное время, что и понятно: он свой.

Меню: суп с потрохами, ростбиф, пончики с шоколадным соусом, фрукты и конфеты, которые стояли с начала обеда посредине стола на нескольких блюдах и тарелках. Перед каждым из нас четыре серебряных сосуда, самый большой — стопка для кваса... Все напитки и вина в серебряных кувшинах. Стекла, фарфора и т. п. нет: ставка считает — в походе ничего бьющегося не должно быть...

Конечно, все очень вкусно и красиво, но вовсе не роскошно — как в больших домах, когда приглашены близкие.

После сладкого царь вынул массивный серебряный портсигар, в это время всем подали пепельницы и спички.

— Кто желает, курите, — обратился Николай ко всем.

Закурили. Подали кофе...

Царь вышел к нам из кабинета в половине восьмого, а встали из-за стола в девять часов. Он встал первый, перекрестился и вышел в зал, за ним все — и встали на прежние свои места. Он поговорил с Георгием Михайловичем, сказал, чтобы тот пришел завтра, в три часа, и что-то приказал. Великий князь отвечал ему «так точно», «никак нет», но без вытяжки, однако и не совсем по-домашнему. Потом царь поговорил еще с двумя-тремя, обошел всех, подал каждому из нас руку, прощаясь с Шавельским, поцеловал его руку, сказал еще несколько слов великим князьям и пошел в кабинет, сделав всем общий поклон.

Ответив на него, мы стали спускаться вниз, одеваться и расходиться по домам. При выходе, на площадке лестницы, стоял Воейков, и с ним прощались все несвитские — те остались в зале...»

К февралю 1917-го русская армия насчитывала около 8 млн. человек.

Не шелохнется византийский орел, держит над Россией крыла. Крепок еще взмах. Не дрогнет, не поведет устало ни единой из двух голов. Бережет корону, империю и подданных.

Романовы считали свое право царствовать священным, от Бога. Так, Николай Первый на докладе своего канцлера графа К. В. Нессельроде о решении Луи Наполеона (племянника великого Наполеона) принять императорский титул (после государственного переворота 2 декабря 1851 г.) кладет высочайшую резолюцию:

«Я вовсе не понимаю: с той поры, как Луи Наполеон, выборный глава нации (до переворота Луи Наполеон был президентом Французской республики. — Ю. В.), хочет стать государем, — он стано-

вится узурпатором, потому что Божественного права ему не хватает...»

Божественное право...

Он, Николай Второй, самодержец по Божественному праву!
Только Господь и они, Романовы, — и никого между ними.

Александр Петрович Извольский (бывший министр иностранных дел. — Ю. В.) вспоминал:

«...Высокий рост и замечательная красота почти всех членов императорской фамилии обязаны своим происхождением жене Павла Первого, принцессе Вюртембергской-Монбельяр (сам Павел Первый был настолько мал ростом, что, когда прибыл в Париж в 1782 году под именем графа Северного, парижское население надеяло его весьма насмешливыми кличками во время появления на улицах города).

Эти отличительные физические качества Романовых нашли свое наиболее полное выражение в личности императора Николая Первого, который, по отзывам современников, напоминал в юности древнегреческого героя. Эти физические качества сохранялись в трех поколениях; император Александр Третий, отец Николая Второго, хотя и не был красив, но был человеком геркулесовского сложения и величественной внешности.

Когда император Николай Второй вззошел на престол, он производил впечатление человека, принадлежащего к совершенно другой породе, чем его предшественники... и только на близком расстоянии он казался если и не высоким, то... хорошо сложенным, элегантным в своих движениях и более стройным, чем казался на расстоянии.

К несчастью, его природный ум был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени не подготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности...

В то время как император Николай Первый, этот поклонник прусского милитаризма, считал необходимым доверить воспитание своего старшего сына выдающемуся человеку той эпохи поэту Жуковскому, император Александр Третий избрал в качестве воспитателя для юного наследника престола невежественного генерала Даниловича, который не имел других качеств, кроме ультрареакционных взглядов.

Однако возможно, что он являлся только номинально воспитателем Николая Второго, так как действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, который занимал место частного учителя в императорской семье¹.

¹ При знакомстве за обедом с новым воспитателем юный Николай являл собой саму надменность, точнее, этакую демонстративную сдержанность. После обеда и отдыха Хетс предложил мальчику поиграть.

Я знал Хетса очень хорошо и даже был его учеником почти в одно время с императором. Этот очень одаренный и обаятельный человек был преподавателем в императорском лицее (Царскосельском. — Ю. В.) в то время, когда я учился там...

Ему Николай Второй обязан совершенным знанием английского языка и склонностью ко всем видам спорта, но легко понять, что Хетс, который с трудом говорил по-русски и не имел университетского образования, не был способен сообщить необходимые знания, чтобы приготовить своего ученика к роли русского государя...

...У него (Николая Второго. — Ю. В.) была замечательная память на стихи...

Выросший в атмосфере самоунижения и пассивного повиновения, Николай Второй сохранял к памяти своего отца почти сверхъестественное уважение.

Император Александр Третий, как мы уже знаем, олицетворял собою идею абсолютной монархии и управлял Россией железной рукой в течение тринадцати лет...

Что касается императрицы (супруги Николая Второго. — Ю. В.), то, несмотря на то что она была иностранкой по рождению и воспитанию, окруженная искусственной атмосферой двора, — ввиду чего нет ничего удивительного в том, что она совершенно неправильно понимала чаяния русского народа, — можно сказать с полной искренностью и убеждением, что она чувствовала себя русской из русских, когда она симпатизировала ультрареакционной партии и верила в привязанность России к формам самодержавной власти.

...Мне значительно легче отдать дань матери Николая Второго, Марии Федоровне.

Ее доброта и ласковое обхождение согревали мрачное царствование Александра Третьего, и она оказалась способной создать такую атмосферу при дворе, которая смягчала проявление чрезвычайно деспотического характера государя.

...Среди других членов императорской фамилии я отмечу только великого князя Николая Михайловича, столь же известного в России, как и во Франции, как автора исторических работ...

Высокообразованный и весьма талантливый, он, единственный из членов императорской фамилии, являлся искренним сторонником либеральных идей...

Он был в хороших отношениях с императором и имел обыкновение говорить с ним совершенно откровенно...

Мальчик ответил:

— Мне... с вами? Я великий князь, а вы?... Вы простой старик.

Мальчик уже твердо усвоил: ему отойдет российский престол, для каждого здесь он — повелитель. Сам Бог (а кто выше?!) выбрал его — его единственного.

Однако самое большее через полторы минуты они уже весело играли. Хетса выделяли доброта и тактичность. Последний российский самодержец вспоминал его с теплотой.

Лицом, наиболее близким к государю, был граф Фредерикс, министр Императорского двора. В юности он был одним из наиболее блестящих офицеров гвардии и даже в преклонном возрасте сохранил чрезвычайно элегантную внешность.

Он пользовался полным доверием императора и непререкаемым влиянием на него, которым он никогда не злоупотреблял...

Во главе свиты императрицы Александры находилась статс-дама двора. Этот пост был сначала предоставлен княгине Голицыной, а после ее смерти — Нарышкиной. Обе они были настоящими «grandes dames», образованными и учтивыми, но ни та, ни другая не имели влияния на императрицу, которая никогда не была с ними вполне интимна.

Единственным лицом, которое пользовалось этой близостью, была Вырубова¹ (в письмах императрица называла ее «коровой», и часто с большой буквы, не как ругательство, а как законное имя. — Ю. В.), но она не имела официального поста при дворе. Ее имя часто упоминалось наряду с именем Распутина, наиболее горячей последовательницей которого она, по-видимому, являлась. Я видел ее всего раз или два и воздержусь от каких-либо комментариев по поводу нее».

На этом и заканчиваются воспоминания Александра Петровича. Что можно добавить? О Вырубовой разве... Бежать ей из красного Питера (не сегодня-завтра поставят к стенке) пособил Алексей Максимович Горький. Все хлопоты по этому делу принял на себя...

Из дневника Е. Ф. Джанумовой, запись 25 марта 1915 г.:

«...Когда я вошла, все сидели за роскошно сервированным столом. Распутина я узнала сразу — по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой шелковой вышитой рубашке навыпуск. Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать; так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается. Меня усадили рядом. Он пристально и внимательно поглядывал на меня. Потом вдруг без всяких предисловий протянул стакан красного вина и сказал: «Пей». Я уже и раньше обратила внимание, что он всем, и старым, и молодым, говорил «ты», но все-таки, когда он обратился ко мне, я удивилась. Так это странно прозвучало: «Пей», а потом: «Возьми карандаш и пиши», — командовал он. Право, я не шучу, он так сказал: привык, очевидно, распоряжаться. Ко мне потянулось несколько рук с карандашами и листочками бумаги. Ничего не понимая, я машинально взяла карандаш. «Пиши».

¹ *Вырубова, Анна Александровна*, урожденная Танеева (1884—1964). Вырубовой нет в числе первых придворных дам: 15 статс-дам и следующих за ними 5 камер-фрейлин. Нет ее имени и среди 171 фрейлины двора Ее величества. Не правда ли, странно?..

Я стала писать: «Радуйся простоте, горе мятущимся и злым — им и солнце не греет. Прости меня, Господи, я грешная, я земная, и любовь моя земная. Господи, творяй чудеса, смири нас. Мы твои. Велика любовь твоя за нас, не гневайся на нас. Пошли смирение душе моей и радость любви благодатной. Спаси и помоги мне, Господи».

Все почтительно слушали, пока он диктовал. Одна пожилая дама, с благоговением взиравшая на Распутина, шепнула мне: «Вы счастливая, он вас сразу отметил и возлюбил».

«Это ты возьми и читай, сердцем читай», — сказал он. Потом стал разговаривать с другими. Заговорили о войне. «Эх, кабы не пырнули меня, не бывать войне. Не допустил бы я государя. Он меня вот как слушается, а я бы не позволил воевать. На что нам война? Еще что будет-то...»¹.

Распутин постоянно ссужал деньгами и, помимо того, платил за его квартиру Дмитрий Львович Рубинштейн — главный директор одного из частных петроградских банков. Его арестует военная контрразведка по подозрению в шпионаже и подрывной деятельности.

Кроме Муни Головиной, секретарем и доверенным Распутина будет еще и Иван Федорович Манасевич-Мануйлов — платный агент охраны и военной контрразведки, спекулянт и выжига.

В его биографии, написанной Бецким и Павловым (Л., «Былое», 1925), имеются такие строки:

«...Еврейского происхождения, сын купца, Мануйлов, еще учеником училища, обратил на себя внимание известных в Петербурге педерастов Мосолова и редактора газеты «Гражданин» князя Мещерского, взявших под свое покровительство красивого, полного мальчика. Приняв православие, он при содействии князя Мещерского и Мосолова поступает на государственную службу...»

Мануйлов тоже будет арестован до февральского переворота и приговорен к полутора годам «арестантских отделений с лишением всех особых, лично и по состоянию присвоенных прав и имущества». Октябрьская революция даст ему волю. При попытке выехать в Финляндию будет опознан матросом из той охраны, которая состояла при Петропавловской крепости, где Мануйлов содержался по суду.

Тут же, возле границы, и будет пущен в расход.

Встретил казнь совершенно спокойно. Роздал конвоирам, а по совместительству палачам, разные личные вещи — «на память о Мануйлове». И с улыбкой встал под винтовочные дула.

И это лишь два человека из окружения Григория Ефимовича, облепленного сворой авантюристов и самых темных личностей.

¹ «Русское прошлое». Пг. — М., «Петроград», 1923, № 4.

Подонками считали российские офицеры всех, кто служил в охранке. Так, Борис Михайлович Шапошников, вспоминая дореволюционную императорскую армию, писал:

«По традиции офицеру, уходившему в жандармский корпус, товарищеских проводов часть не устраивала (проводы же в другую часть были обязательны. — Ю. В.), а затем с ним вообще прекращались всякие отношения. Так реагировала армия на существование корпуса жандармов, она с отвращением читала циркуляры военного министра о приобщении к работе в армии подонков офицерства»¹.

Для общества эти люди являлись отбросами, ибо выбирали смыслом жизни доноительство, воровство писем, подглядывание, допросы, копание в личной жизни людей и палачество. Это в нынешнем искривленном мире подобные устремления считаются почетными, а служба в ВЧК, КГБ, ЦРУ стала предметом воспевания. Все это — убийства беззащитных людей, грязь, насилие именем государства (речь здесь, естественно, не о военной разведке).

В мировую войну Россия вступила неподготовленной. Германия учитывала, что русская армия (как и армии ее союзников) будет полностью вооружена, обмундирована, иметь запасы оружия и боеприпасов, а стало быть, и готова к сражениям (как и флот) лишь к 1917 г. Германия учла — и форсировала события. Война грянула к исходу лета 1914 г.

Неподготовленность Вооруженных Сил вызвала в России и гнев народа, и патриотическое движение в помощь фронту.

Например, из-за недостатка продовольствия в зиму 1914/15 г. на Кавказском фронте направлять туда сколь-нибудь значительные пополнения было невозможно. На участке фронта, который проходил по южному берегу озера Ван, войска неделями не получали ни крошки хлеба и провианта — обеспечивали же себя мародерством. Можно представить, как это сказывалось на дисциплине.

На Западном фронте к 15 января 1915 г. из сапог, ступивших в армии, лишь 44% оказались в порядке, 32% почти тотчас развалились, в результате 24% нижних чинов остались вовсе без обуви. Обходились тем, что снимали обувь с убитых, пленных или перевязывали веревками старую обувь.

К началу 1916 г. положение со снабжением, как боевым, так и вещевым, а также и вооружением коренным образом изменилось. Армии были не только одеты, но и созданы запасы обмундирования, вооружения и боеприпасов.

¹ Здесь и далее имеются в виду «Воспоминания» Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова (М., Воениздат, 1974). Февральский переворот 1917 г. застал Бориса Михайловича в чине подполковника.

В начале 60-х годов в Москве в Центральном архиве Октябрьской революции была обнаружена стенограмма второго допроса бывшего председателя Совета Министров Российской империи графа Коковцева (11 сентября 1917 г.) Чрезвычайной Следственной комиссией Временного правительства. Эту вторую стенограмму считали потерянной, и она, естественно, не вошла в пока единственное семитомное издание стенограмм допросов деятелей старого режима, то есть царского.

Из стенограммы следует, что в 1911—1912 гг. А. И. Гучков занимался гектографированием и распространением копий писем императрицы Александры Федоровны и ее дочерей к Распутину.

«Старец» не нашел ничего лучшего, как передать письма своему товарищу иеромонаху Илиодору, словно это были надоедливые бумажки.

Министру внутренних дел Макарову¹ удалось добраться до оригиналов, дабы извлечь порочащие августейшее имя документы. Он незамедлительно передал их государю императору.

«По собственному его рассказу (Макарова А. А. — Ю. В.), — вспоминал бывший председатель Совета Министров, — государь тубледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянув на почерк императрицы, сказал: «Да, это не поддельное письмо», — а затем открыл ящик стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт».

Почти незамедлительно последовала отставка Макарова.

В свою очередь Владимир Николаевич Коковцев получил приглашение императрицы Марии Федоровны (матери царя). Все полтора часа августейшей аудиенции были сведены на разговор о Распутине. Императрица-мать была чрезвычайно взволнованна: ведь письма вынесли на улицу интимную жизнь царской семьи! Вещь невозможная и неслыханная за все трехсотлетие династии Романовых, которое как раз и было отпраздновано в то время.

Излишне говорить о том, что письма предоставили повод для самой гнусной клеветы, а это сказалось на престиже монархии. Что, впрочем, и нужно было Александру Ивановичу Гучкову. На подобного рода дела он не жалел сил. Собственно, эти дела, а точнее, дело, и составляли смысл его жизни...

Сообщение Владимира Николаевича о содержании писем вызвало у императрицы-матери горькие слезы. Наконец, взяв себя в руки, она сказала:

«Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренно верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвратить несчастье».

В день августейшей аудиенции Владимир Николаевич неожиданно получил письмо от Распутина с просьбой о свидании.

¹ Макаров, Александр Александрович — действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета, являлся приверженцем реформ Столыпина. Расстрелян по приговору ВЧК в 1919 г. 62 лет.

Итак, еще одно свидание.

На эту беседу Владимир Николаевич предусмотрительно позвал своего родственника — Мамонтова. При подобных обстоятельствах свидетель не помешает. Это была странная встреча, вполне в духе «старца». Распутин то, не таясь, в упор, разглядывал председателя Совета Министров «своими холодными, пронзительными глазами», то вдруг заговаривал с раздражением, почти визжа, а то подолгу молчал, изучая потолок кабинета.

Именно в тот год в Западной Сибири случился недород, и Владимир Николаевич поинтересовался: «Что у вас в Тюменском уезде, как урожай?»

«Он совершенно преобразился, — не без удивления отмечал Коковцев, — и стал говорить, как умный мужик говорит о мужицких делах, настолько просто, толково и умно...»

По словам Владимира Николаевича (он их повторит и в воспоминаниях, напечатанных уже в эмиграции), на очередном докладе государю императору он с полной откровенностью изложил свое мнение о Распутине.

В стенограмме это выглядит так:

«Когда государь спросил меня, какое впечатление он произвел, что это за человек, я ответил:

”Я был 11 лет в Главном тюремном управлении, я исколесил буквально всю Россию — от Александра, от Млавы до Владивостока, я видел все каторжные тюрьмы. Я говорю: среди не помнящих родства сибирских бродяг сколько угодно таких Распутиных. Это типичный сибирский варнак¹, который, совершая крестное знамение, может с такой же улыбкой взять и задушить за горло...”»

К Распутину эту формулировку можно было бы несколько изменить: «совершая крестное знамение, может с такой же улыбкой» изнасиловать любую женщину, ищущую у него защиты в беде. Он именно так неоднократно и поступал...

В истории с отставкой Владимира Николаевича особенно наглядно и выпукло проявляется разрушительная воля императрицы Александры Федоровны. В конечном итоге ее венценосный супруг исполнял ее волю, даже если все в нем восставало против этого.

Вот прощальная сцена. Царь объявляет Коковцеву об отставке. Эта отставка вынуждена, она не от воли царя, она даже унижает его.

«Я никогда не видел человека в том состоянии расстройств, и расстройств не прикрытого, а совершенно открытого, какое было в этот момент. Меня государь встретил с обычной своей ласковостью и с глазами, полными слез. Так что, я повторяю, мне пришлось его (царя. — Ю. В.) успокаивать и говорить ему о том, что раз вы после глубокого раздумья пришли к сознанию этой необходимости, то что же вам особенно горевать, незаменимых людей нет. Дай Бог

¹ *Варнак* — болтливо-пустой, лживый, недобрый каторжник.

только одно, чтобы вы не раскаивались. Для меня было очевидно, что весь этот инцидент был вынужденным, что к человеку, выражаясь грубо, приставали с утра до вечера и не оставили в покое до тех пор, пока не заставили решиться на эту меру».

Это факт: возможность влиять на высшую власть не давала покоя Распутину.

К несчастью, понимание интересов самодержавия в сознании императрицы Александры Федоровны приняло глубоко нездоровый, скорее, даже извращенный характер. Она полагала, что преданна мужу и что служит священным заповедям самодержавия. На деле же губила не только мужа, но и династию вообще. Действовала же она совершенно искренне и бескорыстно: только бы в незыблемости стояла великая и самодержавная Русь! И тут столько зависит от Божьего человека — Григория Ефимовича. Бог ниспослал его к ним, в царскую семью. И устами простого сибирского мужика глаголет истина. Не следовать ей — отступить от Бога, увлекать себя и страну в пропасть.

И всей страстью души императрица Александра Федоровна открывала дорогу словам Божьего человека. Господь избрал его для Своей Воли!..

В 1919 г. Михаил Владимирович Родзянко публикует в Ростове-на-Дону свою работу «Государственная дума и Февральская 1917 года революция».

Междоусобная сеча в самой непримиримости: отец идет против сына, дочь проклинает родное гнездо, Россия дымится кровью...

Эти воспоминания — одни из самых первых о революции, написанные еще в громе пушек, — необычайно взволнованны и пронизаны болью. Это не воспоминания, а, скорее, исповедь. По странной случайности историки почти не заметили их. А они изобилуют фактами и выводами, вызывающими глубокое раздумье.

«В весеннюю сессию 1914 года в Государственной думе, — пишет Родзянко, — прошел законопроект о большой военной программе, которая, выполненная в два года, т. е. к 1917 году, делала нашу армию и численно, и по снаряжению значительно сильнее германской...»

С момента утверждения этого закона Верховной властью для нас, членов Государственной думы, стала ясной неизбежность в самом ближайшем будущем вооруженного столкновения с Германией, которая не могла ждать нашего военного усиления (как похоже на канун Великой Отечественной войны! — Ю. В.).

С этого же момента революционная агитация, несомненно германского происхождения, среди рабочих разных заводов усилилась до чрезвычайных размеров, в особенности во второй половине 1913-го и в начале 1914 года (и это в экономически самые благополучные годы. — Ю. В.).

Петроград в 1914 году, перед самой войной, был объят револю-

ционными эксцессами. Эти революционные эксцессы, возникшие среди рабочего населения Петрограда, часто влекли вмешательство вооруженной силы: происходили демонстрации, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады.

Все это происходило во время посещения России представителем дружественной нам державы — президентом Французской Республики Пуанкаре.

Волнения в столице были настолько сильны, что президент вынужден был ездить по городу в сопровождении значительного военного конвоя. То же самое, хотя, разумеется, в меньшем масштабе, происходило и на местах. Велась энергичная агитация среди крестьян на почве земельных отношений, и нельзя не отметить силу и влияние этой агитации. Землевладельцы должны хорошо помнить те условия, в которые были поставлены они ввиду частых волнений сельских рабочих и их постоянных забастовок в ту горячую пору. Справедливое стремление к увеличению площади своей пахотной земли получило совершенно неправильное направление под влиянием той же агитации, и назвать состояние умов русской деревни в то время спокойным было бы большой ошибкой...

...Забастовки возникали и образовывались без всяких видимых причин, и только теперь стало ясно, где лежал корень всех этих событий. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность перед войной и внести непоправимую смуту в русское общество. Семена большевизма на почве разжигания классовой ненависти сеялись, очевидно, щедрою рукою, и эта пропаганда, которую не поняли и с которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль в подготовке к Русской революции».

25 ноября 1917 г. в Военной типографии императрицы Екатерины Великой числом в 100 нумерованных экземпляров были отпечатаны воспоминания певицы и литератора В. А. Жуковской (Подревской)¹ «Из недавнего прошлого» — книга, безусловно, «ненаходимая».

Воспоминаниям «Белика» (так звал Распутин автора) предшествует краткое вступление, из коего следует, что взяты за перо автора благословил П. Н. Милюков. «Он сказал мне, что любопытство мое может меня погубить, но что он одобряет мое желание войти в «нутро» событий и записать их. И я отдалась течению событий».

Отдадимся и мы.

«Вырубову я знала давно, задолго до ее знакомства с Распутиным. Это была женщина не красивая, но эффектная. Истеричная,

¹ О ней см.: «Вопросы истории» за 1965 г. Жуковская грешила в изложении исторических фактов, но что касается Распутина — она выдержала правдивость повествования.

экзальтированно-веселая, она не в меру сочувствовала каждому несчастью. Ее религиозность доходила до исступления. Она во всяком проявлении человечества и природы искала Бога и Его перст.

В Распутине она нашла человека, отмеченного Богом, и верила в его непогрешимость. Она его чтילה, как святого, и верила, что его поступками и стремлениями руководит сам Бог и что даже мысли его чисты, как мысли праведника. Вне всякого сомнения, она верила во все это искренно и непоколебимо...

Влияние Вырубовой было безгранично... Царица шага не делала без совета Вырубовой...

Царь во власти Царицы. Царица, верившая в чистоту души, ума, в любовь и преданность своей подруги, — во власти Вырубовой. Вырубова, больная на почве религии и высших переживаний и верившая в человека, сильного сатанинским духом и отрицательными духовными качествами и строящего свое могущество на порочной почве, — в свою очередь во власти Распутина...

Распутин плывал в неопикуемой лести, и с ним водили знакомство только те люди, которым он был нужен, вернее, люди, которым нужна была Вырубова и все то, что можно было сделать через нее. За ним ухаживали, терпели его мужицкие выходки и «рыгания» за парадными обедами, приставания к хорошеньким женам, и все это делалось с целью пробраться до «верха».

Как умная голова, Распутин скоро понял, что он силен только силой Вырубовой... Он делал что хотел и путал, путал всех, даже неглупых людей, потому что обладал редкой силой воли, умело создавал из своей персоны подходящий к событию образ... и играл, как редко талантливый актер.

Сила эта была темна в самом широком смысле слова и почти неограниченна...»

О том, как встретил Петербург известие о войне с Германией, подробно рассказывал Михаилу Константиновичу Лемке член Военного совета, генерал от артиллерии Павел Алексеевич Салтанов, умерший 7 декабря 1915 г.:

«...Сегодня подписан Манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией (это был ответ на объявление войны Германией; Николай Второй до последней минуты избегал этого столкновения. — Ю. В.). В четыре часа в Николаевском зале Зимнего дворца состоялось торжественное молебствие о ниспослании победы русскому оружию. Царь с членами своей фамилии прибыл из Нового Петергофа на яхте к Николаевскому мосту, пересел там на катер и подъехал к дворцу. Толпа... кричала «ура». При прохождении царя к Иорданскому подъезду густые толпы стали на колени, кричали «ура» и пели «Боже, царя храни». В это время стоявшим в Николаевском зале был слышен громкий голос великого князя Николая Николаевича:

— ...А главнокомандующим Шестой армии назначен фон дер Флит¹...

Военные поняли, что сам он назначен Верховным главнокомандующим всей нашей армии, и не ошиблись.

Царь вошел в запруженный сановниками зал в начале пятого часа. Его духовник прочел Манифест, затем начался молебен, после которого царь с большим волнением произнес следующую речь, обращенную к военным и морским чинам:

— С суровой радостью и достоинством встретила наша великая матушка-Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь я ко всей единой, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный!

Громовое, действительно громовое «ура» было ответом растроганных сановников, генералов и офицеров.

Царь благословил присутствующих, все опустились на колени... Старики плакали, молодые едва сдерживали рыдания.

Царь с семьей удалился и затем вместе с Александрой Федоровной вышел на балкон. Толпа ревела всей грудью, опустилась на колени, склонила национальные флаги и запела гимн...

Впереди толпы были видны флаги, плакаты с надписью «Боже, царя храни». Бесперывно то в одном месте, то в другом поют гимн и «Спаси, Господи, люди твоя». То здесь, то там слышны возгласы: «Долой Германию!», «Да здравствует Россия!», «Да здравствует Франция!».

Громадная площадь живет; толпы сменяются — народ считает долгом побыть на ней хоть несколько минут. Весь день гудят колокола. У всех церквей толпы молящихся. Мало кто может не поддаться общему порыву, так и тянет на улицу. Бахвальства тоже нет — «шапками закидаем» не слышно; каждый понимает, что враг серьезен, но верит в близкий и полный успех...»

Как не вспомнить Сталина! Опрокинул страну своей политикой попустительства и союза с Гитлером в пропасть, а в первый день войны, 22 июня 1941 г., этот вождь не нашел в себе решимости и воли не то чтобы выйти к народу, а просто выступить по радио...

¹ *Фон дер Флит, Константин Петрович* — генерал от артиллерии, помощник главнокомандующего войск гвардии и Петербургского военного округа.

«Старец» долго и упорно преследовал Жуковскую — «Белика», — однако безуспешно.

«— Так зачем же ты, паскуда, заманила меня к себе и зазывала, когда тела моего ублажить не можешь? — закричал он так, что все вздрогнули.

Сразу он как-то остервенел и, встав, наступал на меня.

— Тебя никто не звал, и сиди смирно, если попал в приличную компанию, — со страшной злобой сказала я и готова была вцепиться ему в клочковатую бороду...

Распутин тряхнул головой и взял за стакан.

— Сладу нет, — как-то под нос себе прошептал он и залпом осушил стакан. Он сразу повеселел и, поставив стакан на стол, заговорил мягким высоким голосом:

— Истинно говорю вам, познаешь меня — познаешь Бога. Я источник жизни, источник любви. Что мне отдашь — Богу отдашь. Распнешь меня — Его распнешь. И омоются грехи твои, и увидишь ты свет нескончаемый и дело безгрешное.

Когда он говорил, то голова его с высоко поднятой бородой казалась отделенной от туловища; улыбающиеся глаза мигали, а руки бегали по воздуху и как бы что-то ловили и ощупывали.

Все его слушали, напрягали внимание и безуспешно ловили мысль...»

Сборник дипломатических документов (телеграмм, нот) и государственных актов, непосредственно предшествующих мировой войне, под названием «Оранжевая книга» (она имеется в моей библиотеке) был издан в Санкт-Петербурге (типография «Орбита») сразу за началом боевых действий, которые привели к одной из величайших катастроф мировой цивилизации.

«Оранжевая книга» и сохранила речь государя императора тогда в Зимнем дворце, 26 июля 1914 г. (по старому стилю), в полном объеме — такой она вошла в историю.

«Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией.

Германия, а затем Австрия объявили войну России.

Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к родине и преданности к Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит в Моих глазах и, думаю, в ваших ручательством в том, что Наша великая Матушка-Русь доведет ниспосланную Господом Богом войну до желанного конца.

В этом же единомысленном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев Славян.

И в нынешнюю минуту Я с радостью вижу, что объедине-

ние Славян происходит также крепко и неразрывно со всей Россией.

Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете Мне перенести ниспосланные Мне испытания и что все, начиная с Меня, исполнят свой долг до конца.

Велик Бог земли Русской!»¹

«Ура» было ответом на последние слова Его величества государя императора и самодержца всея Руси.

Приказ Николая Второго, направленный в штабы всех армий, в день вступления его в Верховное главнокомандование Российских Вооруженных сил:

«До сведения Его императорского величества Верховного главнокомандующего доведено о тех злоупотреблениях, при посредстве коих евреи получают возможность принимать непосредственное участие в деле поставки перевозочных средств и хлеба, потребных для нужд действующей армии.

Сущность этих злоупотреблений заключается в том, что некоторые войсковые части и учреждения выдают евреям удостоверения о том, что им поручена покупка для надобностей войск лошадей и хлеба, но без указания количества покупаемого и района, в котором должна быть произведена покупка.

Пользуясь столь неопределенными удостоверениями, евреи снимают с них в разных городах значительное число нотариальных копий, раздают их своим единомышленникам, которые, вследствие этого, получают полную возможность производить покупку перевозочных средств и хлеба в каком угодно районе империи.

Благодаря еврейской сплоченности и значительным денежным средствам ими захватываются обширные районы для скупки главным образом лошадей и хлеба, вследствие чего в таких районах искусственно не только повышаются цены, но и крайне затрудняется деятельность правительственных чинов, на обязанность коих возложена поставка лошадей и хлеба для армии.

Для прекращения столь вредной деятельности евреев, отражающейся крайне неблагоприятно не только на интересах армии, но и государственного казначейства, августейший Верховный главнокомандующий повелел принять следующие меры:

1. Всем войсковым частям, управлениям и учреждениям театра войны воспретить выдавать частным лицам какие бы то ни было удостоверения на предмет покупки или заготовки перевозочных средств, хлеба, муки, крупы и прочих видов хозяйственного обихода и довольствия войсковых частей и учреждений.

2. Все подобного рода удостоверения, выданные до сего на театре войны войсковыми частями, управлениями, учреждени-

¹ Разумеется, Николай Второй произносил речь не по бумажке, как это принято ныне.

ями и отдельными чинами, безотлагательно отобрать и уничтожить».

С этого начал Николай Второй свою деятельность в качестве нового Верховного главнокомандующего Российских Вооруженных Сил.

В ноябре 1914-го Ленин писал:

«Для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что... наименьшим злом было бы поражение царской монархии»¹.

В «Святом черте» (записки о Распутине) бывшего товарища «старца» и бывшего иеромонаха Илиодора (книга вызвала не скандал, а взрыв в петербургском обществе и болью негодования прокатилась по России; она была запрещена, ее везли тайком из-за границы) читаем:

«— ...И баба, прикоснувшись меня, освобождается от блудных страстей. Поэтому-то бабы и лезут ко мне: им хочется с мужиком побаловаться, но нельзя: они боятся лишиться девства или вообще греха, вот и обращаются ко мне с просьбой снять с них страсти... Было раз так: ехал я из Питера с Л., с Мерею, с Ленкой, с Б., В. и другими. Заехали в Верхотурье, в монастырь, к старцу Макарию, которого я дважды возил в Питер и представлял царю и царице. Старец всю ночь молился в прихожей своей убогой кельи. А мы поместились в главной комнате. Легли все на полу. Сестры попросили меня раздеться, чтобы могли прикоснуться к моему голому телу и освятиться, сделаться чистыми... Что ж, с бабами-дурами спорить, что ли, будешь? Этак они сами тебя разденут.

Разделся. А они легли около меня, кто как мог: Ленка обхватила своими голыми ногами мою левую ногу, Л. — правую, В. прижалась к боку, Мерея — к другому и так далее, а старец Макарий молился Богу.

Привез я их сюда. Повел всех в баню. Сам разделся, приказал им раздеться. И начал говорить им, что я бесстрастен. Они поклонились мне в ноги и поцеловали мое тело. А ночью Мерея дралась из-за того, кому из них ложиться около меня на ковре в зале по правый бок, а кому — по левый. Мерея желала под правый, и Л. тоже. Друг дружке не уступали и начали таскать друг друга за косы...

...Преимущественное содержание «старческой» деятельности Распутина — это врачевание в людях так называемых блудных страстей...

Распутин положительно в каждом доме, где я бывал с ним, сна-

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М., 1952, с. 323. (Далее: КПСС в резолюциях...)

чала руками «свидетельствовал» всех женщин и девушек, конечно, молоденьких и красивых, а потом начинал целовать. Целовал долго, несколько раз; целовал в доме, а потом на дворе. Конечно, я спрашивал его:

— Брат Григорий, для чего ты женщин целуешь?

Он отвечал:

— ...А они от этого делаются чище, освящаются...»

Иеромонах Илиодор окончил в 1905 г. духовную академию в Петербурге. За выступления против евреев и интеллигенции получил место в Царицыне, стал приглашаться на проповеди в столицу. Однако вскоре все глубже и чаще стал осуждать власть имущих. В отставку был вынужден даже выйти губернатор граф С. С. Татищев (не путать с графом И. Л. Татищевым). Ответом явились гонения синода и в свою очередь неподчинение Илиодора.

В декабре 1911 г. Илиодор потребовал от Распутина прекращения связей с августейшим семейством. Тучи над его головой сгустились, и в октябре 1912-го Илиодор сложил с себя сан. За непочтительные отзывы об Их величествах был привлечен к ответственности, бежал за границу. В 1917 г. и вышла его книга «Святой черт», наделавшая столько шума.

«...Я должен подтвердить твердое мое убеждение, что император Николай Второй был враг вообще всякой войны, а войны с Германией в особенности... — писал генерал Брусилов¹, близкий к самым верхам России и достаточно знавший государя императора. — Сам же царь едва ли верил, что эта война состоится. Обвинять Николая

¹ *Брусилов, Алексей Алексеевич*, родился в августе 1853 г. в семье генерала, скончался в марте 1926 г., пережив Николая Первого, Александра Второго, Александра Третьего, Николая Второго, Керенского, Ленина и вступив в «лучезарие» лет Сталина. Окончил Пажеский корпус (1872), генерал от кавалерии (1912). Участвовал едва ли не во всех войнах России своего времени. С начала первой мировой войны — командующий знаменитой Восьмой армией Юго-Западного фронта, которой впоследствии командовали Корнилов и Каледин.

С марта 1916-го принял Юго-Западный фронт. Провел блестящую фронтовую операцию (Брусиловский прорыв), поставившую Австро-Венгрию на грань катастрофы.

С 22 мая по 19 июля 1917-го — Верховный главнокомандующий. В 1918-м находился в заключении, место заключения — Кремль; с ним ждали своей участи бывшие царские министры (их расстреляют), Каплан (тоже получил пулю), Мария Спиридонова, Локкарт...

С мая 1920 г. — в Красной Армии — председатель Особого совещания при Главкоме всех Вооруженных Сил республики (С. С. Каменеве). С марта 1924 г. состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР.

После второй мировой войны по навету сестры против него было сфабриковано дело (тайное белогвардейство), и по приказу Сталина память о нем предана анафеме.

Второго в этой войне нельзя, так как не заступиться за Сербию он не мог, ибо в этом случае общественное негодование со стихийной силой сбросило бы его с престола и революция началась бы при помощи всей интеллигенции не в 1917-м, а в 1914 году. Несомненно, что этим предлогом воспользовались бы немедленно все революционные силы России...

В заключение этой главы скажу: я всю жизнь свою чувствовал и знал, что немецкое правительство и Гогенцоллерны — непримиримейшие и сильнейшие враги Родины и моего народа, они всегда хотели нас подчинить себе во что бы то ни стало; это и подтвердилось последней всемирной войной.

...В этом отношении вполне понятна и моя нелюбовь к ним, сквозящая со страниц "Моих воспоминаний"».

16 марта 1916 г. Лемке подробно заносит свою беседу с чальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым¹ и генерал-квартирмейстером штаба генерал-лейтенантом Пустовойтенко.

Лемке зашел к Михаилу Саввичу Пустовойтенко, а немного погодя к ним присоединился и Михаил Васильевич Алексеев.

«—...А вы, вероятно, не из очень-то верующих? — спросил он (Алексеев. — Ю. В.) меня.

— Просто атеист, — посмеялся Пустовойтенко...

— Нет, а я вот счастлив, что верю, и глубоко верю, в Бога, и именно в Бога (это говорит Алексеев. — Ю. В.), а не в какую-то слепую и безличную судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но вы думаете, меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра...

— Вы верите также и в это богатейшее нутро? — спросил я Алексеева.

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении... Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропшут, но знаю и то, что они так испакощены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Саввич, как вы, как мы все...

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

¹ «Мой косоглазый друг», — с задумчивостью говорил Николай Второй о своем начальнике штаба, присвокупив однажды, что работать с ним захватывающе интересно.

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасти себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии?.. Скорее, Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вытерпеть все до конца — вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом...

Мы с Пустовойтенко молчали.

— Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией, в ее целом, можно только погибать. И вся задача командования — свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит крахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломить... Вот тогда, тогда мы узнаем ее; пойдем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками.

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху хоть нашей наносной культуры? — спросил я.

— Мы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого нам не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно (если бы еще только стихийно. — Ю. В.). Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю хотя бы о моменте демобилизации армии?..

Кто-то постучал.

— Войдите, — ответил Алексеев.

— Ваше высокопревосходительство, кабинет готов, просвежился, — доложил полевой жандарм.

— Ну, заболтался я с вами, надо работать, — сказал Алексеев и пошел к себе...»

Однажды «старец» вызвал Жуковскую к себе на Гороховую.

«Распутин сам открыл мне дверь и прошел со мною в кабинет. В квартире было тихо — вероятно, из домашних никого не было. Я прошла к столу и встала так, что стол оказался между мной и дверью. Распутин медленно затворил дверь, и мне показалось, что при этом повернул ключ... Это лицо, искаженное ненавистью, и всклокоченная голова и борода, эти серые глаза с вздрагивающими бровями впоследствии долго преследовали меня, как кошмар. На нем была мятая дорогого светлого шелка рубашка без пояса и с растегнутым воротом.

— Так ты знаешь, что из-за тебя, паскуда, наделали? Ты знаешь, как этот мерзостный директор свою Царицу обидел?! — вдруг закричал он. — Гадина ты этакая! Стоишь ты заботы такой!

В воздухе повисло разнузданное ругательство...

Вдруг я услышала хрип, вырвавшийся из сдавленного судорогой горла Распутина, и увидела, как он скрюченными, хищными руками впился в спинку высокого, тяжелого дубового обтянутого кожей кресла и, как перышко, поднял его в воздух.

Я не помню, как мне удалось увернуться... Я это сделала бессознательно... помню только, что... раздался оглушительный треск...

Оглушенный треском, Распутин одно мгновение смотрел на свою работу...

Я... быстро его (маленький браунинг. — Ю. В.) выхватила и направила на Распутина. Как раз в то же время он поворачивался ко мне лицом. Раздался нечеловеческий крик, и Распутин, как мешок, свалился на пол.

— Ой! Ой! Не убей! Не согреши, подумай, вспомни дочку, вспомни малую свою, вспомни! Пропадешь, сироту оставишь, мужа погубишь! Оставь, оставь! Спрячь! Не пугай! Дочку вспомни, пожалей! — кричал он отрывистым, дрожащим голосом, который становился все выше и выше и в котором слышались слезы.

Он отворачивал лицо и гнулся к полу, как бы желая войти в него; руками он торопливо прикрывал части своего тела: то голову, то живот, то ниже...

Я не помню, как отперла дверь, помню только ясно, что я спиною вышла из кабинета, оставив Распутина... забивающегося под стол и закрывающегося своими пятернями...

Я медленно, и как ни в чем не бывало, сошла с лестницы и прошла мимо сыщиков (они охраняли Распутина. — Ю. В.), приветливо отвечая на их «до свидания»...

Узнав из газет о гибели Распутина, Жуковская направила стопы на Гороховую. Там она узнала, кто убедил поехать Григория Ефимовича к Юсупову на Мойку. «Старца», безусловно, мучили предчувствия, и Юсупову он не доверял. Что называется, кожей воспринимал злой умысел красавца князя, породнившегося с царствующим домом.

«...Случилось это в доме того человека, с которым познакомила Распутина его ближайшая секретарша Муня¹, — вспоминала Жуковская. — Она же, как я слышала, уговорила «старца» ехать вечером на Мойку. «Старец» закочевряжился, желая показать этим, что никто ему не нужен и что плевать он хотел на всех, а Муня уговорила. И вот случилось то, что столько раз не удавалось...»

Сергей Дмитриевич Сазонов родился в 1860 г. — за год до отмены крепостного права и через четыре года после поражения в Крымской кампании, за которое Россия взяла реванш спустя 17 лет и плоды победы которой отнимет у России Великобритания с помощью Берлина, а точнее — Бисмарка.

Родители Сергея Дмитриевича — рязанские дворяне. Дипломатическую службу Сергей Дмитриевич начал 23 лет. С сентября

¹ М. Е. Головина (Муня) — дочь Л. В. и Е. С. Головиных, секретарь Распутина. Секретарей было несколько: и Муня, и еще две молодые особы, и, конечно же, Манасевич-Мануйлов. Я упоминал об этом.

1910-го по июль 1916-го — министр иностранных дел, сменив изрядно прибалывающего Извольского. В ту пору Сергей Дмитриевич был близок к императору Николаю Второму.

По характеру действий и убеждениям Сазонов — русский патриот. Он являлся свидетелем и участником событий, которые роковым образом увлекли Россию в омут мировой войны. В некоторых событиях, имеющих чрезвычайное значение для России, решения принимали государь император и он, Сергей Дмитриевич Сазонов. Это делает его воспоминания исключительно ценными. Но и это не все: Сергей Дмитриевич, как и Извольский, являлся сподвижником Столыпина, а это целая эпоха в истории России! Расстояние того времени реформ и строительства новой России — какие-то годы, а значение — эпоха!

В годы Гражданской войны Сазонов представлял правительства адмирала Колчака и генерала Деникина на мирной конференции в Париже. Он прожил 67 лет и упокоился все в том же Париже в год выхода в свет своих воспоминаний — 25 декабря 1927 г.

О Родине он пишет с любовью:

«Монархическая Россия была страна не либеральная, но в ней полицейская опека носила характер добродушия, благодаря которому большинство пришлого населения легко с ней примирялось. Вообще в России всем, кто не подкапывался под ее устои, жилось настолько хорошо и привольно, и в этом единодушны бесчисленные иностранцы, жившие в ней, в том числе и наши друзья чехи, что отведавшие русского гостеприимства люди разных национальностей заявляли мне неоднократно о своем горячем желании вернуться в нее при первой возможности».

Русским было что защищать.

Могилевская ставка...

Для генералов и офицеров ставки не было отдельного жилого помещения. Лишь Алексеев, Пустовойтенко, Борисов, Носков и Щепетов размещались в самом помещении ставки. Остальные чины ставки проживали в реквизированных гостиницах или по частным квартирам.

«Город вообще обилён гостиницами, — писал Лемке, — и лучшие из них реквизированы. Так, «Франция» — под дворцовых чинов и приезжающих к царю лиц, «Бристоль» — под военных представителей союзников и лиц, около них находящихся, «Орловская», «Метрополь», «Тульская», «Петроградская», «Польская» и др. — под офицеров и генералов штаба...

Служебный день обычно начинается в десять часов утра, все же в сборе только к одиннадцати. Те, которые должны «поднимать карту» (то есть нанести на карту боевую обстановку на данный момент. — Ю. В.)...приходят к восьми утра... Служба никого, кроме Алексеева, не утомляет...

Царь очень внимательно относится к делу. Алексеев — человек

очень прямой, глубоко честный, одаренный необыкновенной памятью... Алексеев и Пустовойтенко ничего не добиваются, ведут дело честно, не шумят, пыль в глаза никому не пускают, живут очень скромно. Собственно штаб, не по форме, а по существу, составляют: Алексеев, Пустовойтенко, генерал-майор Вячеслав Евстафиевич Борисов и Носков. Это — его душа, все остальные — или исполнители их воли и решений, или мебель...

Михаил Саввич живет в одной комнате, где стоят: походная кровать, какой-то убогий стол, три чемодана, повешен маленький ручной мойник, вот и все. В соседней комнате его служебный кабинет, где тоже никакой обстановки; на столах разложена масса военных карт. При мне ему и Борисову денщик принес ужин: глиняная крынка с простоквашей и по кусочку черного хлеба...

Завтракал в штабном собрании. Оно устроено из кафешантана, бывшего при гостинице «Бристоль»...

Весь штаб завтракает и обедает в две смены. Кто опоздал к началу стола, опускает десять копеек в благотворительную кружку; кто поздоровался в зале с кем-нибудь за руку — тоже десять копеек. Таковы обычаи еще со времени Николая Николаевича. Придя, каждый занимает свое место, и все стоят в ожидании начальника штаба, а если его нет, то Пустовойтенко или Кондзеревского¹. Когда садится старший, все садятся. Когда кончают, встают вслед за старшим и дают ему выйти: одеваются офицеры после генералов и никогда не вместе с начальником штаба...

Надзор здесь везде и за всеми при помощи всякой полиции: дворцовой, жандармской, общей, тайной и явной; полевые жандармы при вешалке и входных дверях управления и при кабинете Алексева...

Весь наш штаб снимался группой с царем и наследником. Сегодня (16 октября 1915 года. — Ю. В.) я мог близко рассмотреть их обоих и долго наблюдал. Царь некрасив, цвет бороды и усов желто-табачный, крестьянский, нос толстый, глаза каменные. Наследник — очень женственный лицом, довольно красивый мальчик, походка его с заметным припаданием на одну ногу; он все время молчал. После фотографирования царь пошел принять доклад от Алексева...

«...Посему я «жертвы» Григория разделяю в перечислении на четыре категории: жертвы поцелуев и бань, жертвы особого рода прикосновений, жертвы изгнания бесов и жертвы плотского совокупления.

...Этих жертв бесчисленное множество. В одном Царицыне их

¹ Кондзеревский был дежурным генералом, отвечал за укомплектование войск и обеспечение основными видами довольствия (а также за санитарное и финансовое обеспечения). Эвакуация войск и объектов тоже находилась в его ведении.

можно насчитать сотни. А в монастырях женских, куда вообще старец Григорий любит заглядывать, их не перечесть...

...Собравшись с духом и ободряемая мною (Илиодором. — Ю. В.), она (послушница Ксения. — Ю. В.) начала:

— Дело было, дорогой батюшка, на святках. Старец заранее предупредил А. М. Л., в доме которой, как вам известно, я ради послушания, по приказанию матушки игуменьи, кое-что исполняю в домашних работах, что он придет к ней ночевать... Пришел. Когда настала пора спать, он и говорит А. М.:

— Голубка, пошли в монастырь за Ксениею: она мне очень нужна.

А. М., конечно, послала прислугу, и я, как водится, явилась, хотя мне странным показалось, почему это я в такой поздний час понадобилась.

...Как только А. М. легла в постель, Григорий приказал мне раздеть его. Я раздела. Потом приказал раздеваться самой: я разделась.

Он лег... и говорит:

— Ну, милка, ложись со мною.

— Я, дорогой батюшка (это Ксения рассказывает Илиодору. — Ю. В.), как и вы, считая его великим праведником, освятителем наших грешных тел и целителем, повиновалась, легла около него, а сама думала: «Господи, что же дальше-то будет?» А дальше вот что было!..

Я не вытерпела и закричала:

— Григорий Ефимович, что вы со мною, бедною, делаете?!

— Ничего, ничего, лежи и молчи...»

«Россия, — говорил на одном из последних заседаний Государственной думы правый депутат Владимир Пуришкевич, — стоит сейчас, как древний Геракл в хитоне, пропитанном ядом крови кентавра¹. Он ждет ее. Она мечется в муках своего бессилия. Она взывает о том, чтобы правда русская дошла туда, где она должна быть понята, оценена и услышана. Рассвета еще нет, но он не за горами, и настанет день, я чувю, как солнце правды взойдет над обновленной Родиной в час победы, но этого рассвета еще нет. Он потребует, может быть, новых жертв лучших сынов русского народа. Подождем, дадим эти жертвы в твердой уверенности, что в конце концов воссияет русская правда». Обрисовывая весь ужас и мрак распутинского влияния, он закончил свою речь, обращаясь к присутствующим министрам, такими приблизительно словами: «Вы должны немедленно все ехать в ставку, броситься к ногам государя импера-

¹ Это не Лев Толстой прилепит к имени Николая эпитет Кровавый, хотя первый напишет его. Как ни странно, тем, что оно закрепится, Николай Второй обязан Пуришкевичу, неосмотрительно повторившему его, но уже с думской трибуны. Эпитет вмиг прилепится к имени монарха. Вот такой парадокс.

тора и умолять его поверить всему ужасу распутинского влияния и тяжелым и опасным последствиям такого положения вещей и изменить курс своей политики».

Офицеры на фронте, а также и в штабах показывали друг другу германскую листовку: Вильгельм метром измеряет длину снаряда, тут же Николай на коленях измеряет длину детородного органа у Распутина.

Листовка подписи не имела.

Очевидец вспоминал: офицеры при этом хохотали, частенько до слез.

Сознавали они это или нет, но царская власть для них, как и для большей части народа, уже отделилась от понятия Родины и тонула в грязи сама по себе.

Ох как скоро вспомнят господа офицеры и о скипетре, и о державе с короной! Ан поздно будет! Шибко ощетинится штыками на всех господ престолюдинская Русь...

1 ноября 1916 г. великий князь Николай Михайлович пишет августейшему племяннику:

«...Ты неоднократно выражал твою волю довести войну до победного конца. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри империи, но и на окраинах?.. Где кроется корень зла?..

Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повториться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через твою супругу...

Если бы тебе удалось удалить это постоянное вторжение во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства подданных твоих. Все последующее быстро наладится само собою...

Я долго колебался открыть тебе всю истину, но после того, как твоя матушка и обе твои сестры меня убедили это сделать, — я решился.

Ты находишься накануне эры новых волнений, — скажу больше: накануне эры покушений. Поверь мне: если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, — в этом ты уже убедился и Ее величество тоже, а только ради надежды и упования спа-

сти тебя и твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий...»

1 января 1917 г. за дерзость подобного обращения великий князь Николай Михайлович получил повеление Его величества государя императора удалиться на два месяца в свое имение Грушевское (близ Херсона). Там и застал его февральский переворот — пучина одной огромной революции, которая поглотит его.

...Катится, катится огненный обруч спрессованных яростью и кровью дней!..

«...Не из личных побуждений...» А стоило бы и из личных побуждений, даже очень стоило! Не спасет Николая Михайловича репутация широкообразованного и критически мыслящего историка — поставят и его чекисты к стенке. Кинется чуть раньше в Москву Горький: у Ленина будет искать заступничества, а не спасет бывшего великого князя. Ударят пули в голову и грудь...

А на такие предостережения, как письмо Николая Михайловича и множество подобных, Александра Федоровна однажды гордо ответит:

— Мы — помазанники Божии, и мы должны спасти Россию и спасем ее. Говорят, что я немка. Что же, Катерина была также немкой, но история назвала ее Великой.

Великий князь Николай Михайлович окажется единственным из Романовых, кто до Февральских дней семнадцатого счел необходимым познакомиться с Керенским...

Думаю, весьма близок к истине современник тех дней, написавший незадолго до Октябрьского переворота (Кадмин. «Падение династии». М., 1917):

«Все показания и документы, которыми мы до сего времени располагаем, говорят неопровержимо одно и то же — что главными грехами Николая были грех попустительства и грех преступной инертности к тому, что совершилось не только на пространствах великой Руси, но даже и в его собственном дворце и в его семье. Мы присутствуем при какой-то полной и постепенной атрофии воли, при ее угасании, когда не действуют уже никакие увещевания и крики об опасности ни ближайших друзей, ни родственников».

«Бог меня ведет» — это было и настроение, это была и воля государя императора. То, что современники принимали за одну пустую инертность, была горячая вера в Создателя, его провидческую руку...

16 февраля 1916 г. (по старому стилю) государь император соизволил пожаловать командующему Кавказской армией генералу Юденичу¹ «Георгия» второй степени — за взятие Эрзерума. В тот же

¹ Юденич, Николай Николаевич (1862—1933) — генерал от инфантерии, то есть полный генерал (1915). Из дворян Минской губернии. Окончил Александровское военное (юнкерское) училище (1881), Академию Гене-

день Его величество государь император выразил согласие принять фельдмаршальский жезл от сэра Пэджета¹. На церемонии присутствовали генералы Алексеев, Фредерикс, Нилов, Воейков и представители английской военной миссии.

Спокойно, с достоинством и в то же время просто вошел Его величество государь император, и сэр Пэджет обратился к нему с почтительной речью по-английски.

«По повелению Его величества короля я имею честь поднести Вашему императорскому величеству жезл фельдмаршала британской армии. Мой августейший повелитель верит, что Ваше императорское величество примет этот жезл как знак искренней дружбы и любви и как дань уважения геройским подвигам русской армии. Хотя расстояние, разделяющее их друг от друга, не дало до сих пор возможности русской и английской армиям сражаться плечом к плечу против общего врага, они все же объединены твердой решимостью победить этого врага и не заключат мира, пока победа не будет обеспечена. Они борются ради общего дела и воодушевлены тем же духом. Британская армия, которая разделяет восхищение Его величества короля ее русскими товарищами, приветствует Ваше императорское величество как британского фельдмаршала, и король твердо уверен, что русская и британская армии вместе с их доблестными союзниками не преминут обеспечить своим странам прочный и победоносный мир».

И сэр Пэджет почтительно поднес жезл.

Государь император принял его и милостиво поручил сэру Пэджету передать Его величеству королю Георгу благодарность за оказанную высокую честь и выразил монаршью уверенность, что в недалеком будущем доблестные английская и русская армии будут сражаться плечом к плечу против общего врага (для этого английской и русской армиям следовало вступить в пределы Германии. — Ю. В.).

За торжественным обедом Его величество государь император провозгласил тост:

— Я с удовольствием пью за здоровье Его величества короля Георга, моего дорогого двоюродного брата, друга и союзника!

рального штаба (1887). Командовал полком в русско-японскую войну. С 1913 г. — начальник штаба Кавказского военного округа. С января 1915 г. — командующий Кавказской армией, провел успешные Эрзерумскую и Трапезундскую операции. Март — апрель 1917-го — главнокомандующий войск Кавказского фронта, затем в отставке. Осенью 1918-го эмигрировал в Финляндию, затем перебрался в Эстонию, где в июле 1919-го во главе белогвардейской Северо-Западной армии. После разгрома этой армии в октябре — ноябре 1919-го отступил в Эстонию. В 1920 г. выехал в Англию. Умер в Ницце.

¹ *Пэджет, сэр Артур* — генерал-адъютант короля Великобритании Георга Пятого; приехал в могилевскую ставку в феврале 1915-го и феврале 1916 г.

Георг Пятый и Николай Второй были похожи, на некоторых фотографиях — так почти одно лицо. А вот судьбы...

...Через четыре дня Верховная судная комиссия, несмотря на протесты генерала Пантелеева, признает бывшего военного министра генерала Сухомлинова виновным и по статье 108-й — в государственной измене.

«...В этом же (1910-м. — Ю. В.) году монахиня Ксения ездила, сопровождая купчиху Л., в Петербург поклониться праху Иоанна Кронштадтского. Здесь она опять встретилась со «старцем».

Григорий, желая, по-видимому, похвастать перед царицынскими «дикарками» (женщины были из Царицына. — Ю. В.) тем, как его принимают в Петербурге, затянул их или к Головиной¹, или к сенатору Мамонтову.

Здесь, сидя за столом и целуя петербургских дам и девушек, «старец», обратившись к Ксении, сказал:

— Видишь, это не то, что там Илиодорушка возится с царицынскими бабенками. Вот повозился бы здесь с ними — то узнал бы, как трудно...»

«Старец» имел в виду «изгнание бесов» — грубое, плотское овладение женщиной или девушкой — роли это не играло. И пусть это будет даже насилие...

Илиодор оставил описание «старца» после одной из таких «схваток с бесом».

«...Вышел из «кабинета» и «старец». Вид его был ужасно усталый, он тяжело дышал.

— Ну, брат, вот бес так бес! Фу, какой большой! Вот как умирался! Мотри, вся сорочка мокрая! Устал, заснула и она...»

И Россия должна была терпеть это у подножия высшей власти — власти «помазанника Божьего», в глазах народа едва ли не воплощающего самого владыку Небесного. Царь!!

И тут это... и публично...

16 февраля 1916 г. Лемке отмечает в дневнике:

«В своем письме Алексеев не указал многих острых и хронических болезней нашего военного организма, но одну из них, я думаю, он просто забыл подчеркнуть, а она имеет тесную связь со всеми им указанными, — боязнь начальников принять на себя ответственность за собственное распоряжение. Этой болезнью армия страдала всегда наряду со всей чиновничьей Россией; она уже давно стала природно-хронической, принимая острую форму во время каждой войны. Это — результат всего нашего строя, это, так сказать, отрывка тех традиций, которые формулируются (и формируются. — Ю. В.) окриком «не рассуждать!» и системой всякую неудачу сва-

¹ Л. В. Головина — жена камергера двора Е. С. Головина, сестра княгини Палей (жены великого князя Павла Александровича) и мать Муни — секретаря Распутина.

лить на подчиненного, а все хорошее приписать себе. Русский чиновник и русский военачальник воспитаны в одной обстановке, в одном направлении. Боязнь принять на себя что бы то ни было и желание свалить все на подчиненного или на высшего привиты им с детства...

Алексеев не видит, что процесс разложения армии очень глубоко проник в самое ее существо, что он параллелен процессу разложения всей страны, что никакая тирания уже не в силах помочь, что нужен решительный и талантливый оператор (т. е. хирург. — Ю. В.), но не оператор-личность, а оператор-коллектив, который, опираясь на народ, прежде всего вырезал бы пораженные ткани...»

Вот подлинные слова Распутина, сказанные в вагоне первого класса сибирского экспресса:

— ...Не в первый раз еду в Царское Село. Правда, придворные меня не любят... Ну да я как бы к дядьке наследника (к боцману Деревенко. — Ю. В.) в гости хожу, а там меня проводят к царю, и я с ним и царицей за одним столом сижу, чай пьем, разговариваем. А теперь меня царь вызывает, чтобы насчет того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить. Царь считает, что они поступили глупо...

Характерно, что еще по пути в Царское Распутин уже знает мнение государя императора.

Мало того, что Создатель наделил «старца» неумной, почти сверхъестественной половой силой (по его летам и вовсе апокрифической) и страстью к деньгам. Создатель наделил его и диковинной болтливостью — ему бы молчать, молчать, беречь ласку и доверие... Ведь эта болтливость (подлая — иначе и не назовешь) и делает все «подвиги» Распутина достоянием толпы, шагнет даже за линию фронта, в Берлин... В конце концов болтливость окажется одной из причин его собственной гибели.

Тоже умысел Господень!

Лемке отвечал:

«Любопытно, что сдержанный тон больших газет, особенно же сывинского «Русского слова» с его 600 000 подписчиками, зависит от боязни, что власть ударит по ним бумажным голодом — негласно прикажет задерживать доставку бумаги из Финляндии... «Русское слово» очень осмотрительно ведет свою линию...»

Ну будто бы 1916 г. переместился в 1990-й, а вместо государя императора страной распоряжается генеральный секретарь ЦК КПСС. Вдруг в приемах борьбы с несогласными и вообще думающими по-своему у давно сгнувшейся монархии и перестроечного коммунистического правительства обнаруживается совершенное сходство. Такая, оказывается, наша история...

Европействующий Александр Петрович Извольский, прожив всего 63 года, закончил дни свои в эмиграции летом 1919-го — в самую тяжкую годину смуты. Александр Петрович получил в 1906 г. портфель министра иностранных дел. Будучи министром, он сделал чрезвычайно много для укрепления союза России, Англии и Франции против Германии, Австро-Венгрии и Турции. Некоторое время язвительнейший и обходительнейший Александр Петрович оказывал влияние и на самого августейшего монарха.

Прежде чем упокоиться, Александр Петрович опубликовал на английском и французском языках воспоминания, переведенные и переизданные в красном Питере в год смерти Ленина.

Кстати, суть реформ Столыпина, эволюция взглядов Петра Аркадьевича коротко, но четко и вразумительно излагается бывшим русским министром иностранных дел. Это и понятно: Извольский руководил русской внешней политикой в годы премьерства Столыпина.

«С особым удовольствием я наблюдал, что Столыпин, несмотря на его привязанность ко многим славянофильским теориям, все более и более склонялся к уничтожению общинной собственности и к установлению мелкой индивидуальной собственности для крестьян...

Предполагая дать русскому крестьянству индивидуальное право на землю, Столыпин одновременно создавал новое правовое положение крестьян. До этого времени крестьянство пользовалось только ограниченными гражданскими правами... Новое законоположение являлось поистине актом раскрепощения; уничтожало специальные суды, юрисдикции которых подлежали до этого времени крестьяне; освобождало его от коллективной ответственности по платежу налогов; разрешало ему завещать свой кусок земли и предоставляло ему право в качестве землевладельца участвовать в выборах... Короче говоря, крестьяне... впервые становились русскими гражданами...

Его главной мыслью было внушить крестьянству уважение к собственности, которое не могло быть воспитано ни крепостным правом, ни распределением земли в 1861 году, ни общинным порядком...

Мой брат и я были назначены членами Государственного совета только незадолго до этого, и нужно приписать нашим двум голосам, высказавшимся в пользу правительственного законопроекта (стольпинского. — Ю. В.), то обстоятельство, что стольпинский проект аграрной реформы не был отвергнут, что могло бы весьма усложнить положение (проект прошел большинством всего в один голос. — Ю. В.).

Любопытно отметить, что в оппозиции к проекту реформы оказались две крайние партии — правая и левая. Социалисты отвергали его: с точки зрения их коммунистических теорий, точно так же как и с точки зрения реакционеров, это было бы нападением на священные традиции прошлого и шагом на пути к уравниванию сословий...

В Государственном совете оппозиция проекту аграрной реформы была организована реакционной партией.

Когда этот законопроект был внесен в Государственный совет, эта партия была особенно сильна, так как император назначал туда только лиц, хорошо известных своими реакционными тенденциями.

Назначение мое и брата было много раз отвергнуто императором, и только благодаря настойчивости Столыпина оно наконец состоялось.

Столыпинская реформа имела исключительный успех, превосходящий самые оптимистические ожидания».

«...Хиония Б. Дочь видного и очень богатого генерала, вдова военного инженера... молоденькая... в высшей степени красивенькая и нежная дамочка.

...Ехала она однажды со «старцем» в Покровское в вагоне первого класса, в отдельном купе... Долго ее «старец» ласкал, целовал, мял и спрашивал:

— Поди, блудный-то бес тебя во как мучает; ведь муженька-то нет. Ну, я его того...

После того она, унылая, сидела на диване и размышляла о той пакости, какую с ней проделал «блаженный старец».

А «старец» не падал духом, подошел к ней да так ласково-ласково говорит:

— Ну что, миленькая, пригорюнилась? А? Чай, думаешь, что я с тобой плохо поступил? Не думай так, это грешно. Как не грешно есть и пить, так не грешно с тобою мне валяться, да и легче тебе будет. Блудный-то бес отскочил от тебя, в окошко выскочил. Я это видел. Ей-богу!..»

Таких историй по следам Распутина Сергей Труфанов (бывший иеромонах Илиодор) разматал несчетное число.

«...Если бы царь в решительный момент жизни России (когда Германия объявила войну России. — Ю. В.) собрал обе законодательные палаты для решения вопроса о войне, — оживлял в воспоминаниях прошлое Алексей Алексеевич Брусиллов, — и объявил, что дарует настоящую конституцию с ответственным министерством и призывает всех русских подданных без различия народностей, сословий, религии и т. д. к общей работе для спасения Отечества, находящегося в опасности, и для освобождения славян от немецкого ига, — то энтузиазм был бы велик и популярность царя сильно возросла бы. Тут же нужно было... объяснить, что вопрос о Сербии — только предлог к войне, что все дело в непреклонном желании немцев покорить весь мир. Польшу нужно было с высоты престола объявить свободной с обещанием присоединить к ней Познань и Западную Галицию по окончании победоносной войны...»

Можно ли было при такой нравственной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах! Чем был виноват наш солдат, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует...»

Василий Витальевич Шульгин вспоминал в 60-х годах, вскоре после отсидки во владимирской тюрьме:

«...Кроме меня (к Столыпину. — Ю. В.) были приглашены П. Н. Балашев и еще кто-то, не помню. Петр Николаевич Балашев был председателем нашей фракции «русских националистов».

Все, что предлагалось Столыпиным, если с ним были согласны Гучков и Балашев, имело большинство и проходило через Думу.

Прием состоялся поздно ночью, что было в обычае. Он лежился в четыре часа утра, начиная работу в девять. Поэтому-то важные приемы были поздней ночью. (Столыпин действительно сжигал свою жизнь на «алтаре Отечества»: когда он вскоре был убит, ему не было 50 лет, но вскрытие показало, что важнейшие жизненные органы уже разрушены. — Ю. В.)

Когда мы вошли, Петр Аркадьевич прежде всего обратился ко мне. Он протянул мне руку, искалеченную не знаю при каких обстоятельствах, но она еще способна была на крепкое рукопожатие...

Петр Аркадьевич обратился ко мне:

— Очень вам благодарен, что вы меня защищали. Но меня нельзя защитить.

...Авторитет наследственной монархии падал тогда уже не только в России. На помощь ему выступили «вожди», иначе сказать, нарождающийся фашизм: Муссолини спас на время Савойскую династию в Италии. Но я полагал, что предшественником его был Столыпин. Он сделал попытку спасти династию Романовых при помощи реформ».

В среду, 27 января 1916 г., Михаил Константинович Лемке делает особо длинную запись в дневнике (писать надо было несколько часов). Стыд, отчаяние, переходящее в горечь, порой безнадежность и проклятие источают строки. А вера?.. Как без нее?.. Есть в этой исповеди и вера, но робкая, не юношески звонкая, а уже отравленная трагическим знанием людей, горем такого познания.

Помнит душа: распяли Христа люди. Для спокойствия распяли, а после по строчечке собрали слова в книгу. Книгам верить удобнее.

Распяли Христа люди. Распяли, а теперь молятся.

Каждый день, каждый час убивают, насилуют, грабят, издеваются, лжесвидетельствуют, избивают — и молятся, ставят новые храмы, называют себя людьми.

«...Эта война экспонировала уже другие виды воров: украдены миллиарды, народное достояние расхищается с неимоверной смелостью... уверенностью в безнаказанности... Словом, воровство окончательно стало нашим национальным признаком...

Мародер — это вор или у неприятеля, или у своего... В настоящую войну «прославились еще санитары, и слово это стало бранным...»

«До меня дошли сведения о возмутительных преступных действиях некоторых санитаров, обворовывающих не только убитых, но даже и раненых и вымогающих деньги за оказание раненым помощи... Уличенных санитаров предавать полевому суду и смертной казни» (приказ по Второй армии от 12 марта 1915 года).

17 января 1915 года Верховный повелел в силу 29-й статьи «Положения о полевом управлении» на всем театре военных действий, вместо указанных в законе наказаний, при осуждении виновных в обобрании убитых и раненых на поле сражения определять смертную казнь через повешение...

Когда сидишь в ставке, видишь, что армия воюет как умеет и может: когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна... ворует. В этом главное содержание моих впечатлений. Всё ворует, всё грабит, всё хищничает.

В эту войну армия обеспечена всем в гораздо большей степени, чем во все предыдущие войны... Кончись война сегодня, воровство прекратится, по крайней мере для очень многих... В этой стране нет понимания ее собственных интересов, потому что у массы нет понимания самой страны. Россия как таковая всем чужда. Она трактуется только как отвлеченная величина. Все казенное и народное — это мешок, из которого каждый черпает, сколько может захватить, совершенно не отдавая себе даже эгоистичного отчета о труде и тяжести, с которыми в будущем ему самому придется вкладывать в тот же мешок, когда он вовсе опустеет. «Черт с ними со всеми, лишь бы сейчас урвать» — вот девиз нашего массового и государственного вора.

«Мы честно умрем раньше гибели Отечества» — таков девиз всем жертвующего европейца. Два воспитания (это не воспитание, это культура, нравственная подоснова народа. — Ю. В.) дали два различных отношения к Родине.

Россия всем нам глубоко чужда. Германия, Франция, Англия, Сербия своим кровно близки.

Страна, в которой можно открыто проситься в тыл (а такими окажутся почти все, кто будет держать под запором, казнить и грабить царское семейство. — Ю. В.), где официально можно хлопотать о зачислении на фабрику или завод вместо отправки в армию, где можно подавать рапорты и докладные записки о перечислении из строя в рабочие роты и обозы, где эти просьбы получают официальное, законное удовлетворение (пусть умирают другие, кто не может просить, а я останусь жить. — Ю. В.), — такая страна не уви-

дит светлого в близком будущем... такая страна обречена на глубокое падение.

Страна, где каждый видит в другом источник материальной эксплуатации, где никто не может заставить власть быть сколько-нибудь честной, потому что при этой честности самому невозможно оставаться подлецом, — такая страна не смеет мечтать о почетном существовании.

Да, есть святые, которые идут в бой, умирают, не грабят и не воруют, но это единицы. Им не дано ничего создать. Даже их красивая смерть нужна только для того же повального воровства.

Вот к чему привели Россию Романовы! Что они погибнут в ней, и притом очень скоро, — это ясно; что страна, наголову разбитая и опозоренная, встряхнется в лице своей серой демократической массы — это тоже ясно. Но ясно еще, что она перенесет при этом годы тяжелой болезни своего перерождения. Россия должна быстро прийти до окончательного падения, вызвать к себе презрение во всей Европе, не говоря уже об Америке, измучиться в тяжелой междоусобной борьбе, и только тогда, когда демократия поймет всю гнилость организма до самого низа, **не исключая части ее самой** (демократии. — Ю. В.), только тогда она, менее зависимая от традиций, пересоздаст эту страну. Но сколько времени нужно на такой процесс?.. **Надо мужественно вступать в борьбу за спасение страны от самой себя и нести крест ради молодого поколения».**

21 октября 1915 г.

«Государю императору

Сегодня, в высокаторжественный день восшествия Вашего императорского величества на Всероссийский престол, чины штаба Вашего величества, вознося Господу Богу горячие молитвы о даровании здоровья и многолетия Вашему величеству, Ея величеству государыне императрице и Его императорскому высочеству наследнику цесаревичу, всеподданнейше повергают к стопам Вашего императорского величества их верноподданические поздравления и заверения работать, не щадя сил и здоровья, на благо Вашего величества и Родины.

Генерал от инфантерии Алексеев»

В этот день государь император всегда получал всеподданнейшие поздравления. Это была его Россия. Он служит именно ей — ее величию и процветанию...

Еще раз, 21 октября 1916 г., Россия сложит к его стопам свои поздравления.

Еще раз вознесут эти хвалы и молитвы Господу Богу и чины штаба с Алексеевым, и великое множество других офицеров, дво-

рян, господ заводчиков, а где и простых мужиков. Вознесут еще раз, дабы... предать!

За ничтожным исключением, предали и поглумились все, совершенно все. Ни одной горестной слезинки. Ни одного слова утешения и памяти!..

Рев восторга и медь революционных маршей...

И будут за предательство вознаграждены бывшие подданные пожарищами своих жилищ, тесными могилами и эмигрантскими углями — ни одного не проглядит Господь Бог...

12 февраля 1916 г. на стол начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта Алексеева ложится письмо товарища (заместителя) министра внутренних дел сенатора Белецкого¹. К письму приложены «Введение» и проекты «Положения о контрразведке» и «Инструкции о контрразведке».

Кроме всего прочего, во «Введении» было написано:

«...Ряд судебных процессов последнего времени, разоблачения самих уличенных шпионов и, наконец, многочисленные факты, обнаруженные уже во время настоящей войны у нас и у наших союзников, выяснили с несомненной очевидностью могучую организацию немецкого шпионства...

В последнее десятилетие бдительное внимание руководителей германского шпионства привлекли на себя **недовольные правительством члены политических партий**, а также **члены революционных организаций** враждебных государств, и среди таких лиц вербовка шпионов была крайне интенсивна, что доказано целым рядом шпионских процессов...

Было употреблено также много усилий на то, чтобы использовать в нужный момент в целях государственной измены рабочие организации в России, и Германия, начиная войну, была уверена, что у нас немедленно же вспыхнет поднятое рабочими революционное движение и что мятежи и внутреннее недовольство правительством совершенно парализуют нашу военную мощь.

¹ *Белецкий, Степан Петрович* (1873—1918) дослужился до тайного советника, был сенатором, вице-директором и исполняющим должность директора департамента полиции; с 28 сентября 1915 г. был товарищем министра внутренних дел; после 13 февраля 1916 г. получил назначение на должность иркутского генерал-губернатора, однако 15 марта оставил и ее. Был арестован, осужден еще при Временном правительстве. Белецкий будет расстрелян вместе с бывшими царскими министрами Хвостовым и Щегловитовым и др. сразу после покушения Каплан на Ленина.

Подробнее о Белецком и других сановниках см.: Падение царского режима (стенографические отчеты допросов и показаний в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства). Л., 1925.

Таким образом, шпионство не только имеет тесную связь с политическим движением в России, но можно с известной достоверностью сказать, что оно тоже питает такое движение...» (Здесь и выше выделено С. П. Белецким. — Ю. В.)

На письме Белецкого Алексеев наложил резолюцию: «Прошу рассмотреть и переговорить».

В изрядно сокращенном виде документы, присланные Белецким, были приняты. Но фактически это урезывание свело их на нет...

В середине ноября 1916 г. будущий белый вождь генерал барон Врангель в составе офицерской депутации прибывает в Петроград. Полк за боевые отличия получал наименование 1-го Нерчинского казачьего Наследника Цесаревича полка — это очень высокая честь.

«Через несколько дней после приезда, — рассказывает о тех ноябрьских днях Петр Николаевич Врангель, — я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть и говорить с Ним... Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый. Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу...

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах... Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца... Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило... болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз... Великие Княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись...

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих Княжен в церковь, где Они присутствовали на обедне... Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением

Императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворце прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова».

На празднике Георгиевских кавалеров барон Врангель снова наблюдал Александру Федоровну.

«Я вновь, наблюдая за Императрицей, беседовавшей, склонившейся над носилками тяжелораненого, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала... Она мыслями была далеко».

Граф Адам Станиславович Замойский до войны был только церемониймейстером двора. С первого дня войны записался добровольцем-рядовым, хотя ему уже перевалило за пятьдесят. Почти тут же был затребован в ставку к великому князю Николаю Николаевичу и произведен в корнеты. После смены Верховного главнокомандующего и года службы при особе государя императора получил флигель-адъютантские аксельбанты.

В ставке его за глаза называли «императорским лакеем»: он согласился быть ординарцем Верховного главнокомандующего, то есть государя императора. Обязанности его действительно были хлопотливы и зачастую униженно-лакейские. Случалось исполнять обязанности и обыкновенного охранника при особе государя императора, и он часами берег августейший покой под дверьми. Но случалось по распоряжению царя сопровождать на передовые позиции иностранных военных агентов (атташе), как, к примеру, черногорского и японского, которые, не вытерпев, пошли в атаку вместе с русскими. Граф Замойский не отстал и, несмотря на свои уже преклонные годы, побежал вместе со всеми в цепях атакующих, за что вместе с военными агентами был удостоен Владимира с мечами (орден Св. Владимира).

Свою лакейскую службу при особе государя императора объяснял желанием облегчить судьбу Польше. Он все время напоминал августейшему монарху о своей разоренной Отчизне...

Спустя два года после расправы над бывшим царем и его семейством в Екатеринбурге бывший посол Великобритании сэръ Бьюкенен напечатает два тома воспоминаний. Обязанности посла при священной особе российского императора сэръ Бьюкенен исполнял с 1910 по 1918 г.

«Женитьба императора на принцессе Алисе Гессенской не была вызвана государственными соображениями, — рассказывает он. — С самого начала их влекло друг к другу чувство взаимной привязанности, и их любовь друг к другу с каждым годом становилась все сильнее. Но хотя это была идеально счастливая пара в семейной жизни, тем не менее выбор императора был несчастлив... импера-

трица Александра не была подходящим товарищем для государя в его трудном положении... С самого начала она неверно оценила положение, побуждая императора держать курс, чреватый всяческими опасностями для государственного корабля... Будучи хорошей женщиной, стремившейся служить интересам своего мужа, она оказалась орудием, избранным для его гибели. Недоверчивому и нерешительному императору было как бы предназначено попасть под влияние более сильного характера... Ее слепая вера в необузданное самодержавие должна была его погубить...»

Позволю себе не согласиться с выводами бывшего посла, как и вообще с множеством подобных оценок.

Александра Федоровна искренне и глубоко любила мужа (во время войны она даже отеклась от своей немецкой крови, заявив Керенскому: «Я — англичанка, а не немка, и я всегда была верна России»). В ее жилах действительно текла и английская кровь.

Как любящая женщина, императрица усвоила взгляды мужа, в том числе и самый важный — на самодержавие. Никакой самостоятельности она тут не проявила. Она лишь приняла взгляды мужа, приняла всем сердцем, всей страстной, несколько истеричной натурой своей. Она превратила взгляды мужа в свои незыблемые убеждения. В этом ее вина?..

Совершенно другое дело, что служила она им слепо, не замечая уже ничего другого, отказываясь замечать, решительно отвергая. В этом был ее долг перед мужем. Она видела себя опорой ему в трудной борьбе за управление государством, но исходные принципы этой борьбы она приняла от мужа.

Не ведая ничего, кроме любви и жертвенной преданности мужу, она не могла уже уловить наступление грозного кризиса всей государственной системы. Ей не хватало широты, не хватало образования, но это ее горе, а не вина. Она служила мужу и тому, как понимала Россию. Она искала силы, которые могли помочь мужу, и ошибалась, но злой воли в ней не было. Злой волей стала ее неспособность сделать правильные выводы, оценить положение империи.

Ведь дальше Бьюкенен пишет, противореча уже себе:

«Император Николай не унаследовал от своего отца властного характера, силы воли и способности к быстрым решениям — качества, столь существенные для самодержавного владыки...»

Он... смотрел на самодержавие как на некоторого рода священное наследие, которое он обязан сохранить в неприкосновенности в той форме, в которой оно было ему передано. Единственная его идея при вступлении на престол заключалась в том, чтобы следовать по стопам своего отца и оставить вещи такими, какими оставил их ему отец. Он питал такое уважение к памяти отца, что отказывался даже принять более высокий чин в армии, Верховным главнокомандующим которой он состоял, чем чин полковника, пожалованный ему отцом...»

Этой-то идее самодержавия и служила всей страстью и силой ума, воли, веры в Создателя императрица Александра Федоровна — ни в коем случае не немка на древнем российском престоле. Опорой была мужу, родила ему чудных детей, умерла с ним и с ними.

Знала, откуда надвигается гибель. И оттого еще задолго до расправы прокляла императора Вильгельма Второго за «пломбированный вагон», заявив, что это — выше подлости.

А что выше подлости?

Только пренебрежение самыми заповедными установлениями и законами рода и племени, выработанными в тяжком ходе истории. В незыблемости утвержденных обилием крови и слез.

Император Вильгельм переступил через эти законы, обagrив себя кровью людей (да еще детей!), общих с ним родством.

Умерла Александра Федоровна достойно. Никогда не унижалась перед палачами последняя российская императрица, сменившая веру отцов на веру мужа и давшая ему наследника российского престола.

8 мая 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего (тогда им был великий князь Николай Николаевич) генерал Янушкевич обратился с официальной просьбой к министру внутренних дел Маклакову.

«По имеющимся в штабе Верховного главнокомандующего сведениям, за последнее время в действующей армии приобрели широкое распространение некоторые газеты, издаваемые на еврейские деньги, с крайне вредным для наших войск направлением, каковой, например, является газета «Петроградский Курьер», высылаемая в армию в количестве до 50 000 экз. Признавая безусловно недопустимым распространение в войсках антинациональных периодических изданий, подтачивающих благодаря своим антимилитаристическим тенденциям геройский дух нашей армии, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в своем распоряжении о полном воспрещении высылки газеты «П. К.» в действующую армию».

Выпуск газеты запрещен не был. Запрещена была лишь доставка ее в действующую армию.

Отношения между правящей Россией и евреями с последней четверти XIX столетия приняли характер открытого недоверия, причем обоюдного, срывающегося довольно часто на открытую вражду и тогда уже обильно омываемого кровью. Евреи неофициально числились врагами империи, едва ли не самыми заклятыми. Им и отвели место жить по западным губерниям империи, в так называемой черте оседлости, дальше этой черты — ни шагу. Исключение было сделано лишь для лиц определенных профессий (врачей, адвокатов, аптекарей...).

В воспоминаниях русского писателя Иеронима Ясинского «Роман моей жизни» (М., Госиздат, 1926) читаем на странице 269:

«У Тестова ужинала с нами еще сестра Чехова, Мария Павловна, и должен был быть Левитан, у которого были какие-то недоразумения с правом жительства в Москве.

Этакий удивительный русский художник, даже с симпатией к колокольному звону и к тихим обителям, — и тот терпел в Москве в качестве еврея! Кстати, вспомню о другом художнике — скульпторе Аронсоне, которому дозволялся приезд в Петербург на время выставки его произведений только на месяц, а писатель Шолом-Аш совсем не допускался в Петербург и, когда кончился срок его, кажется, трехдневного пребывания (не помню, сколько дней полагалось для евреев оставаться в столице российского царства), спасался у меня на Черной Речке, чтобы иметь возможность закончить свои литературные дела...»

На этот счет Федор Михайлович Достоевский придерживается иной точки зрения:

«...когда еврей «терпел в свободном выборе местожительства», тогда двадцать три миллиона «русской трудящейся массы» терпели от крепостного состояния, что уже, конечно, было потяжелее «выбора местожительства». И что же, пожалели их тогда евреи? Не думаю... помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян; пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел...»

А что до евреев, то всем видно, что права их в выборе местожительства весьма и весьма расширились за последние двадцать лет. По крайней мере, они явились по России в таких местах, где прежде их не видывали. Но евреи все жалуются на ненависть и стеснения...» («Дневник писателя» за 1877 г., январь—август).

Подготовка революции (бесчисленные теракты, саботаж, финансирование, устная и печатная агитация и пропаганда, подкупы, то есть разложение русского общества) и сама революция отдают евреям возможность устранить расовые ограничения.

Нечего и говорить, что делалось это рука об руку с русскими революционерами.

...И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Из дневника Джанумовой (запись 7 декабря 1915 г. — Распутину остается жить какой-то год):

«...Сегодня утром захала к нам жена полковника Б., певица. Она стала упрекать нас, что мы («мы» — это сама Джанумова и ее подруга Леля. — Ю. В.): мучим «отца»:

— Все мы возмущаемся, видя его страдания. Почему вы не

соглашаетесь принадлежать ему? Разве можно отказать такому святому?

— Неужели же святому нужна грешная любовь? Какая же святость, если ему нужны женщины?

— Он все делает святым, и с ним всякое дело святое, — не задумываясь, ответила полковница.

— Да неужто же вы согласились бы?

— Конечно, я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.

— Но ведь вы замужем, как же муж?

— Он знает это и считает это великим счастьем. Если «отец» пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужа наши, если у кого есть мужа. Теперь мы все видим, как он мучится из-за вас. Я решила все вам высказать от имени всех почитательниц «отца», просить вас не мучить еще больше святого «отца», не отклонять благодати.

Мы с Лелей были возмущены... и хотя ко всему привыкли у него в доме, но все-таки нас возмутил этот цинизм, прикрытый святостью. Довольно резко ответили мы госпоже Б. Она ушла обиженная и недоумевающая...»

В свои 50 с лишком, ох, шибко грешных лет Григорий Ефимович часами не отпускал женщину. В своих домогательствах он сатанел и, как правило, добивался желаемого. Обладание все новыми и новыми самками (их положение в обществе значения не имело: будь баронесса, будь поломойка — лишь бы выиграла страсть) составляло едва ли не единственный смысл его бытия.

«Едва ли» — поскольку жил в нем и другой человек, не только наглый насильник и хищник...

Запись Лемке в дневнике 10 апреля 1916 г. (Пасха): «...В десять с половиной часов утра весь штаб, жандармы и все-все, что только здесь состоит, вышли на площадку, и затем по заготовленной записке скороход стал приглашать к царю. Сначала пошло старшее духовенство: архиепископ Могилевский Константин и еще какой-то, Шавельский, затем Алексеев и Иванов, комнатная прислуга царя, придворнослужители и рабочие гофмаршальской части, служители гаража, канцелярии министерства двора, военно-походная канцелярия, фельдъегерские офицеры, состоящие при императорской главной квартире, управление дворцового коменданта, администрация императорских поездов, иностранные военные агенты и их помощники... духовенство и певчие штабной церкви, губернатор, представители местных учреждений... Царь стоял в зале, в дальнем от двери углу, около стола, переполненного фарфоровыми яйцами с его вензелем, и с каждым христосовался. Генералам и штаб-офицерам он подавал руку и христосовался, а с прочими

просто только христосовался... потом давал яйцо, принимал поклон и т. д. Около двери столовой стоял Фредерикс, украшенный бриллиантовым соединенным портретом Александра Второго, Александра Третьего и нынешнего царя, полученным вчера при грамоте. С другой стороны — Воейков и свита. Яйца разные: белые, голубые, коричневые с разными продетыми лентами. В одиннадцать пятнадцать царь был уже у нас в Управлении на докладе и сидел до часу дня...»

Петр Николаевич Врангель находился на передовой с августа четырнадцатого и до лета 1917-го. Его мнение поэтому имеет принципиальное значение. Он пишет в воспоминаниях:

«После кровопролитных боев лета и осени 1916 года к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период.

Двухлетний тяжелый опыт войны не прошел даром: мы многому научились, а дорого обошедшиеся нам недочеты были учтены.

...Армия все еще представляла собою грозную силу, дух ее был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу...

Офицерство и главная масса солдат строевых частей, перед лицом смертельной опасности, поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишенные газет, остались чуждыми политике».

Могуч разлет крыльев двуглавого орла. Зорко, неусыпно зрит во все четыре стороны земли Русской.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй во славу,
во славу нам!
Царствуй, на страх врагам,
Царь православный...

Неутомим в службе российский двуглавый орел. Под благодатью его крыльев вся необъятная империя. В горе, испытаниях и бедах бережет родную землю. Каждый клочок свят и дорог ему. Так и несет, распластав, крылья двуглавый орел через столетия, от самой седой древности. Никто не смел и не смог помешать или прервать

величавый полет. Крепнет и ширится Русь под его неусыпным надзором и бережением.

О Проведение,
Благословение

Нам ниспосли!
К благу стремление,
Счастье, смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

*Из Государственного гимна
Российской империи*

Глава III

ГОД 1917-Й

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в родовом доме князя Юсупова на Мойке был убит Григорий Ефимович Распутин (царем дарованная фамилия — Новых).

Заговорщиками и исполнителями плана явились:

— Владимир Митрофанович Пуришкевич — член Государственной думы последнего, четвертого созыва: убежденнейший антисемит и лидер черносотенцев; после Октябрьского переворота сгорит в 49 лет на белом юге в тифозной горячке;

— князь Феликс Феликсович Юсупов (он же граф Сумароков-Эльстон), упокоится эмигрантом в Париже почти через 60 лет после той ночи;

— великий князь Дмитрий Павлович, флигель-адъютант и штаб-ротмистр (по-нашему — капитан; не шибко царь отмечал родню чинами!) лейб-гвардии Конного полка, 25-летний двоюродный брат Николая Второго; после февраля 1917 г. благополучно эмигрирует, а вот отцу Дмитрия Павловича — великому князю Павлу Александровичу, младшему из шести сыновей Александра Второго (у этого царя были еще и две дочери), — не повезло: не только дождал до Октябрьского переворота, но в 1919 г., 58 лет от роду, ляжет под пулями чекистов.

Пуришкевич был кражист, но не так, чтобы очень. Совершенно лысый, с лица кругл, но с густой недлинной бородой и усами. В чертах лица насмешливость, может, даже ироничность. Да и как человек пишущий мог обойтись без пенсне? В пенсне он, в пенсне...

Есть превосходный образ Феликса Юсупова кисти нашего знаменитого портретиста Валентина Серова. На холсте молодой человек острой красоты; в осанке — надменно прямой, избалованность, властность в каждой черте презрительно-капризного лица. Типичный герой в духе уайльдовского Дориана Грея.

Кстати, кисти Серова принадлежат и широко известные порт-

реты Николая Второго — они говорят о Николае больше, нежели любая из множества фотографий и все эти фотографии вместе взятые. Уже одно это лицо молодого монарха совершенно исключает злодейство, такой человек органически на него неспособен. Быть может, имеются слабости, порой обидные для человека подобного положения и назначения. Со всех портретов убиенного царя взирает человек безусловной честности, неглупый, благородный, что называется, человек чести...

Великий князь был строен, ростом выше среднего. Волосы зачесывал на пробор. В продолговатом лице угадывалась некоторая женственность, особенно в вырезе полных губ. И что по тем временам бросалось в глаза — не носил ни усы, ни бороду. На самом же лице лежал несомненный отпечаток какой-то порочности, чего-то ненастоящего.

...Распутина привели в дом на Мойку прелести хозяйки — Ирины Александровны, жены Феликса Юсупова и дочери великого князя Александра Михайловича. К тому времени княгиня пребывала в самом цвету — 21 год. Последние Романовы уже почти все были хороши собой, стерлось салтыковское уродство Павла Первого, а Ирина Александровна, по единодушному мнению, выдалась и вовсе красавицей: узкий овал лица, нервные темные брови, сама стройная, да вдобавок умница — ум острый, язвительный, но без зла.

Хотя «святому старцу» было уже за пятьдесят¹, он пользовался успехом у женщин, особенно из высшего общества, водился даже кружок ревностных почитательниц. «Старец», что называется, вил из этих дамочек веревки. Они гордились честью просто шить ему рубашку...

Вот как об этом пишет в дневнике Джанумова, которую Распутин столь жгуче преследовал своей страстью (похотью, наверное, точнее):

«...Стали расходиться. «Отцу» (Распутину. — Ю. В.) целовали руки (целовали самые знатные дамы Петрограда. — Ю. В.). Он всех обнимал и целовал в губы. «Сухариков, "отец"», — просили дамы. Он раздавал всем черные сухари, которые те заворачивали в душистые платочки или бумажки и прятали в сумочки. Предварительно пошептавшись с некоторыми дамами, Дуняша (жена Распутина. — Ю. В.) вышла и вернулась с двумя свертками в бумаге, которые и раздавала им. Я с удивлением узнала, что это — грязное белье «отца», которое они выпрашивали у Дуняши. «Погрязнее, самое ношеное, Дуняша, — просили они, — чтобы с по́том его», — и носили его. Муня (графиня Головина. — Ю. В.) помогала одеваться. Одна из дам не хотела позволить надеть ей ботинки. «"Отец" учит нас сми-

¹ В одних источниках приводится год рождения Распутина — 1865-й, в других — 1872-й. Уточнить не представляется возможным, «старец» и сам не знал определенно год своего появления на свет.

рению», — убежденно сказала Муня (она относилась к постоянным почитательницам Распутина и была своей в его доме. — Ю. В.) и, настойчиво взяв ногу в руки, тянула ботик». (Запись 19 сентября, 1915 г.)

Это тем более удивительно: ведь физически Григорий Ефимович был весьма непривлекателен, если не сказать больше. Лицо грубое и уже со следами старости. Волосы — сальные, слипшиеся. И плешь — несуразная, смахивающая на проедь, но не по темени и не от залысин, а спереди, по пробору, — ну проедь и есть. Нос — «тягновитый» и толстый. Глаза — серо-бесцветные, пронзительные. В самой фигуре напряженность. Настоящий Распутин где-то там, под этим напряжением, а здесь тот, что строит каждый шаг, каждое слово, напряженно примериваясь к каждому человеку... И это примеривание не от слов или ума встречного человека, а от животного осязания его. Это животное, интуитивно-инстинктивное в Распутине — стержневое, оно так и заявляет о себе с каждой фотографии. Исцелял он — это факт, но лют был до бабьего сладкого тела. «Старец» проявлял в любовных утехх необычную, можно сказать, звериную выносливость и настойчивость (он вполне серьезно, даже истово полагал, будто изгоняет таким образом дьявола (беса) из чрева и души женщины — так и объяснял).

У Распутина были сын Дмитрий и дочери Катя и Дуня.

Темный — кличка Распутина для агентов охраны. Точнее и не выразишь существо «старца». Как в воду глянули. Темный!

Накануне войны, летом 1914 г., Распутин получил удар ножом в живот от женщины, которую, представляясь святым, грубо совратил. С этими делами «старец» поспевал повсюду денно и ночью.

Распутин проявил звериную живучесть и поднялся на ноги в считанные недели, дабы снова совращать, брать, давить... Количество женщин, на которых пала его «благодать», росло неудержимо.

Любовные успехи умножала его несомненная гипнотическая способность, в некотором роде даже ясновидение. Во всяком случае, на людей с определенным состоянием психики он оказывал подавляющее воздействие. Это распространялось преимущественно на женщин, но юная жена Юсупова к числу их не относилась. Заговорщики использовали ее как приваду. Любовная страсть привела «старца» к месту гибели...

Убийство осквернителя трона, однако, не спасло монархию.

Для семьи царя гибель «старца», этого более чем близкого для нее человека, — прежде всего утрата духовной опоры. В семье царя Распутину верили, точнее — в него верили. Для августейшей семьи, искренне и чрезвычайно религиозной, Распутин представлялся Божьим человеком, непостижимой величиной, устами Божьими.

Неуемная эротомания «святого старца», ресторанные кутежи, ночные дебоши, хвастовство и все прочее, на что неоднократно пытались «открыть глаза» императору, — все стушевывалось перед этим, самым главным: Божий человек, Пророк.

А как иначе? Ведь это он, Распутин, заговаривает кровь у больного гемофилией наследника, останавливая кровотечение, перед которым беспомощны лучшие врачи Европы. Для матери и отца, которые обожают своего мальчика, этого уже достаточно. А если добавить и несомненную гипнотическую силу Распутина (мало кто знает, что Николай Второй брал сеансы укрепления воли у врачей-гипнологов), его крестьянское чутье на суть многих событий, в том числе и ненужность мировой войны для народа (и это еще до ее начала), то уже и этого им предостаточно для поклонения и веры. И жизнь мальчика — наследника российского престола — в значительной мере в руках святого человека — Распутина...

Августейшей Александре Федоровне сообщали о художествах «старца» (кое-какие сведения прорывались), но она верила в его святость и подобные сообщения относила к зависти и козням сатаны, сиречь желанию загубить Друга.

Незадолго до гибели «старца» государь император принимал Родзянко. Председатель Государственной думы постарался как можно более сжато и точно передать все опасное, даже страшное, что связано с именем Распутина для династии.

— Напрасно вы так думаете, — ответил государь император. — Григорий Ефимович хороший, простой религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и покойно.

Государь император мог бы рассказать, как в начале 1916 г. он вынужден был вернуться с наследником Алексеем с полпути в Могилев: у сына открылось кровотечение из носа. Профессор Федоров, хирург Деревенко оказались бессильны. А Григорий пошептался с Алексеем, подержал руку на его голове. В несколько минут сын выздоровел...

И тут жестокое убийство!

Николай Второй срочно покидает Могилев. Вообще царствующий монарх, как никто из Романовых (разве лишь Александр Первый), склонен к поездкам и путешествиям. Так, за три года (с 24 декабря 1913 г.) он проехал свыше ста тысяч верст!

19 декабря император уже в Петрограде. Но не только потеря близкого человека срывает его с места. Участие великого князя Дмитрия Павловича в убийстве Распутина оживляет все прежние подозрения в династической интриге членов царствующего дома. Кстати, этого заговора великих князей пуще революции страшилась императрица Александра Федоровна, — заговора... и Думы с Керенским и Родзянко. Всю крамолу для нее заключали эти два понятия. Какие же ненавистные! Неисповедимы пути Господни!

Большевик А. Г. Шляпников вспоминал декабрь 1916 — февраль 1917 г. — самый канун революции:

«...Радуйся, темных сил насладителю (он приводит в воспоминаниях заключительный абзац памфлета писателя Амфитеатрова. — Ю. В.), радуйся, немцев оплот и прибежище верное, радуйся, сатанино вместилище скверное. Радуйся, Григорий, распутниче великий!»

Немало ходило по рукам фотографий Распутина с поклонницами... Все это, взятое вместе, говорило о грандиозном сдвиге в сознании «верноподданных».

Это явление было свойственно не только Питеру, но и многим другим городам России. Так, объезжая некоторые пункты, например Москву, Нижний и т. п., я встречал ту же самую картину... Нелегальных листовок, прокламаций уже не боялись, а искали, просили и читали с интересом и доверием. Ненависть к правительству проникала в самые низы... Убийство Распутина демонстрировало разложение двора, распад царствовавшей камарильи. Гибель монархии становилась неизбежной и недалекой...»

По этим воспоминаниям, опубликованным частью в 1920-м, частью — 1922 г., можно судить и о плодах партийной работы, ее воздействии на народные массы. Войну, правительство, царя («Николашку»), «буржуев», генералов, помещиков ненавидели. Этой ненависти еще предстояло вознестись все сметающим валом, но для этого в России должен был появиться Ленин.

За два месяца до Февральской революции генерал-лейтенант А. М. Крымов¹ в частном отчете депутатам Думы о положении на фронте заявил:

«Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют... Время терять нельзя...»

Время терять нельзя... Но только один человек в мире в полной мере осознает, что это такое, и сумеет из этого извлечь выгоду.

В начале января семнадцатого великая княгиня Мария Павловна (мать великого князя Кирилла Владимировича — будущего претендента на российский престол в эмиграции) пригласит председателя Государственной думы последнего, четвертого созыва Михаила Владимировича Родзянко. После сетований на опасность внутренней обстановки, бездарность правительства она вдруг обмолвится:

— ...Надо ее уничтожить...

¹ Крымов, Александр Михайлович, с начала первой мировой войны командовал Уссурийской казачьей бригадой, затем принял кавалерийский корпус; застрелился в августе 1917 г.

Роста был высокого, грузный. Живой и острый ум выделял его из армейской среды.

— Кого?

— Императрицу.

— Ваше высочество, — сказал я (Родзянко. — Ю. В.), — позвольте мне считать этот наш разговор как бы небывшим...

И далее Родзянко сообщает:

«Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916-го и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлениями, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность и спасти... Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми...»

8 января 1917 г. Михаила Владимировича навещил родной брат царя и просил вмешательства председателя Государственной думы во имя спасения России. Великий князь Михаил Александрович сказал о своем державном брате: «...Брата и ее (императрицу Александру Федоровну. — Ю. В.) окружают только изменники. Все породочные люди ушли...»

«Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, — пишет генерал Врангель, — видели ту опасность, которая нарастала, и, искренно заблуждаясь, верили в возможность «дворцового переворота» и «бескровной революции». Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1-м Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича полком... В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя «дворцовым переворотом»...»

7 января 1917 г. на приеме у государя Родзянко выкладывает правду, вплоть до чувств ненависти народа к императрице:

— ...Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека... Народ отворачивается от своего государя... Не заставляйте, Ваше величество, чтобы народ выбирал между вами и благом Родины. До сих пор понятия «царь» и «Родина» были нераздельны, а в последнее время их начинают разделять.

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..

Михаил Владимирович преодолел себя и сказал:

— Да, Ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

Время терять нельзя..

Они встретятся еще раз, последний, 10 февраля 1917 г.

«Прием, названный в газетах «высокомилостивым», по словам Родзянко, был „самым тяжелым и бурным“», — вспоминал Шульгин. Председатель Государственной думы подробно передал ему все, о чем он разговаривал с государем императором.

«Необычайная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение государя было не только равнодушное, но даже резкое... — писал в эмиграции Родзянко. — А когда я заговорил о Протопопове¹, он раздраженно спросил:

— Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?

Я ответил, что с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума.

Во время разговора о Протопопове и о внутренней политике вообще я вспомнил бывшего министра Маклакова.

— Я очень сожалею об уходе Маклакова, — сказал царь, — он, во всяком случае, не был сумасшедшим.

— Ему не с чего было сходить, Ваше величество, — не мог удержаться я от ответа.

При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции царь прервал:

— Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то, если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как в прошлый раз, она будет распущена...

— Я считаю своим долгом, государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.

— Почему? — спросил царь.

— Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, Ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился».

Шульгин подытожил свои воспоминания:

¹ *Протопопов, Александр Дмитриевич* (1866—1918) — последний министр внутренних дел царской России, крупный симбирский помещик. С помощью Распутина в сентябре 1916 г. стал министром внутренних дел. Одно из наиболее доверенных лиц царя и царицы в последние месяцы накануне революции. Расстрелян по приговору ВЧК.

Александр Блок отмечал:

«Протопопов принес к самому подножию трона весь истерический клубок своих личных чувств и мыслей. Как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядково расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры».

«Родзянко как в воду глядел. Действительно, трех недель не прошло: прошло лишь две недели и два дня. А через девятнадцать дней после этого разговора я уже во Пскове принял из рук... самодержца акт отречения от престола».

Господи, да что же это?!

Из листовки петроградских социал-демократов, выпущенной в ноябре 1916 г.:

«...Помните, граждане, что каждый час войны уносит сотни и тысячи жизней, и эта невольная жертва народов на алтарь капитала, эта бесцельно пролитая кровь взывает к нашей совести. Нельзя медлить, преступно бездействовать! Всеобщая политическая стачка и восстание, низвержение правительства и династии Романовых, конфискация всех общественно важных предприятий и установление мира — вот цель, достойная всех жертв и лишений, вот предел, через который должна переступить Россия.

Должен пасть позор столетий — наш самодержавный строй. Русский народ сумеет обойтись без указки коронованных мудрецов. Все приспешники двора и власти, все эти министры на час, взяточники и провокаторы должны получить возмездие в меру содеянного ими. Все капиталы, награбленные на военных заказах и на спекуляции, должны быть подвергнуты конфискации...

Граждане! Приближается час гибели нашей страны и всей культуры мира! В вашей власти сделать его часом торжества и великого возрождения... Ради нашей свободной Республики, ради вольного труда на общественных полях и фабриках, ради вечного мира между народами сплотимся и встанем как один против эксплуататоров и палачей. Война расшатала их власть. Их сила в нашей трусости и лени, иной силы у них нет... Готовьтесь к великому дню восстания...»

Оценивать Распутина только как пьяного, растленного мужлана несколько опрометчиво.

Оценивать проникновение его в царское семейство лишь как следствие богомольности и болезненности Александры Федоровны — тоже заблуждение.

Россия выплеснула к подножию трона отнюдь не единственно зловонный отброс.

17 сентября 1915 г. великий князь Андрей Владимирович (дворянский брат царя) оставляет в дневнике запись, совершенно неожиданную:

«На днях я разговаривал с Алекс. Викт. Осмоловским (чиновник для особых поручений министерства земледелия. — Ю. В.), который, страдая сердечным пороком, проводил каждый год сезон в Naheim и часто встречался там с покойным С. Ю. Витте. Последний сезон 1914 года застал его, Осмоловского, как и графа

С. Ю. Витте, в *Nauheim* во время начала политических осложнений. По этому поводу граф Витте говорил Осмоловскому, что есть один лишь человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку. На естественный вопрос Осмоловского, да кто же этот человек, граф Витте назвал, к его большому удивлению, Гр. Е. Р-а (Григория Ефимовича Распутина. — Ю. В.). Осмоловский на это возразил, как может Распутин быть опытным дипломатом, он, человек совершенно неграмотный, ничего не читавший, как может он знать сложную политику и интересы России и взаимоотношения стран между собой. На это граф Витте ответил: «Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроение и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, он теперь удален». Это мнение графа С. Ю. Витте о Р-е меня прямо поразило. Я всегда считал и до сих пор считаю С. Ю. за из ряда вон выходящего человека, какого в России давно не было. Думаю, что многие того же мнения. Но каким образом С. Ю. мог прийти к такому странному выводу в отношении Р-а, остается пока для меня загадкой. Никогда и никто не говорил об его отношениях к Р-у. Их имена даже заядлые сплетники не могли сопоставить. Знал ли С. Ю. Р-а, не знаю. Вряд ли. Может быть, в будущем эта загадка и разъяснится, пока же решительно ничего не понимаю. Одно знаю, что С. Ю. словами не шутил. Что хотел он этим сказать?»

За похотью, мадерой, малограмотной болтовней скрывался человек с другим лицом, даже не скрывался, а органически существовал. Именно этот человек и поднялся к подножию трона. Российская крестьянская стихия выплеснула его, а он сумел подняться... Мужик!

Крестьянская Русь.

Его можно встретить на одних и тех же улицах — направления прогулок редко претерпевают изменения. По усталости взгляда, обостренной близорукости можно догадаться: человек занят кабинетной работой, может быть, писательской, может, профессорской, но очевидно, что читает он много, и эта усталость от книг и рукописей в сгорбленности, которая сохраняется какое-то время с начала прогулки. Да и несвежая, желтоватая кожа выдает все то же сидение за столом.

Безлюдны улицы вечернего Цюриха, после семи часов и вовсе не встретишь прохожего. Воздух, отяжелев влагой, сползает с гор — свежий, пахнувший снегом и еще — прозрачный, удивительно прозрачный. Льется в грудь, смывая усталость, бодря, обновляя мысль, внушая чистые и крепкие желания, дразня воображение...

Совсем недалеко, за горами, истекают кровью народы. И еще голод калечит и убивает тысячи людей. Десятки миллионов крепких и сильных мужчин сходят в могилы, отравленные газами, иссеченные сталью.

Человек шагает быстро, весь в себе. Мысль его расталкивает формулы преград и все старается вычертить будущее, хотя бы основные контуры этого будущего. Человек убежден: кто не с ним или не с ними, большевиками, — тот против истины, тому нет веры, а если надо — и пощады.

Это убеждение легко угадывается в его внешности, напористом шаге, линии губ. Не щадить!

Человек подслеповато щурится. И верно, сумерки заглаживают, размывают улицы. Он отмечает, что темнеет позже, к весне прибавилось света, и радуется...

С утра мистеру Бьюкенену не по себе. Еще бы! Он наконец получил уведомление, что сегодня, 12 января 1917 г., согласно своей настоятельной просьбе будет принят Его величеством императором. То, что мистер Бьюкенен намеревался сообщить императору и самодержцу Всероссийскому, со всех сторон являлось верхом бестактности, если не сказать больше. Однако он решил довести до сведения венценосного монарха определенные опасения.

Он отбыл в Царское в специальном поезде. Его сопровождал камергер двора Его величества — все по протоколу. Они восседали напротив друг друга и обменивались ничего не значащими фразами о погоде и последних сводках с фронтов. Вся дорога его превосходительство господин посол слово в слово повторял свое обращение к венценосному монарху. Как бы сие ни было опрометчиво и рискованно для карьеры дипломата, он обязан, он непременно должен это сказать.

Он ждал в просторной комнате. В высокое и зеркально-белое окно посол увидел монарха. Между приемами Его величество имел обыкновение прогуливаться. Снег лежал молодой, выпал на рассвете. И было видно — Его величество доволен днем, белизной пороши, чистым морозным воздухом. Он вообще выглядел существенно моложе своих лет, и немудрено: государь император вообще не ведал болезней, даже столь обычных простуд. Это был невысокий статный мужчина с уверенными, но мягкими движениями. Он будто бы не хотел, чтобы та необъятная власть, которая сходилась на нем, причиняла окружающим неудобства. Мистер Бьюкенен так и запомнил: Его императорское величество не спеша брел по снегу.

Минут через десять его превосходительство посол Великобритании был приглашен в залу для аудиенций. Государь император ждал его посреди залы, по сути, обширной комнаты. После довольно витиеватого обмена любезностями и новостями мистер Бьюкенен нашел в себе мужество спросить:

— Желаете ли вы, Ваше величество, чтобы я говорил со своей обычной откровенностью?

Очевидно, Его императорское величество догадывался о том, что стояло за просьбой об аудиенции.

Мистер Бьюкенен вспоминал:

Петербург накануне первой мировой войны.

«Мы, Николай Второй, император и
самодержец Всероссийский, царь Польский,
великий князь Финляндский, и прочая,
и прочая, и прочая».

Ее величество государыня императрица
Александра Федоровна.
Последняя российская императрица.

Его величество Франц Иосиф Второй — император Австрии и король Венгрии.

Его величество Вильгельм Второй —
германский император и прусский король.

Генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург — с конца 1916 г. начальник германского Генерального штаба, президент Веймарской республики (1925—1934).

Генерал Эрих Людендорф — с августа 1916 г. по октябрь 1918-го — генерал-квартирмейстер верховного командования, фактически его глава.

В. И. Ленин.

Петроград, 21 июля 1914 г. Патриотическая демонстрация после объявления Высочайшего Манифеста о войне с Германией и Австро-Венгрией.

Николай Второй с сыном (наследником)
Алексеем на одном из последних смотров
в октябре 1916-го.

Разгром австрийской дивизии и пленение ее штаба вместе с командиром дивизии.

Августейшие супруги Николай Второй
и Александра Федоровна.

Брат государя его высочество великий князь
Михаил Александрович.

Дядя государя Верховный главнокомандующий русской армии (1914—1915) великий князь Николай Николаевич.

Министр императорского двора и уделов
генерал граф В. Б. Фредерике.

Военный министр (1909—1915) генерал
В. А. Сухомлинов с супругой.

Обед на привале, 1915 г.

Русская армия сражалась храбро и стойко
одна на широком фронте от берегов
Балтики до берегов Турции. Враг так и не
сломил ее, сломали ее Февральская и
Октябрьская революции.

Главнокомандующий Северным фронтом
генерал Н. В. Рuzский.

Главкомандующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов, в будущем один из военных советников Сталина.

«Император выразил согласие, и я стал говорить о том, что в настоящее время между ним и его народом выросла стена...

Император выпрямился во весь рост и, жестко глядя на меня, спросил:

— Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа или что он должен приобрести мое доверие?»

Это говорил самодержец. Таким он принимал мир. На другой не соглашался — таковы установления отца и дедов.

Мистер Бьюкенен заговорил о «необходимости иметь сильного человека во главе правительства», о кознях Берлина, о господине Протопопове (весьма скользкая тема). Император похвально отозвался о работе земств, которые, по чести говоря, терпел с изрядным трудом.

Прием подходил к концу, когда мистер Бьюкенен наконец решился сказать о том главном, чего ради испрашивал высочайшую аудиенцию.

«— Видит ли Его величество опасность положения и знает ли он, что на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России?»

Император ответил, что ему отлично известно, что люди позволяют себе говорить таким образом, но что я впадаю в ошибку, придавая этому слишком серьезное значение...

— Ваше величество, — сказал я в заключение, — должны вспомнить, что народ и армия — одно целое и что в случае революции можно рассчитывать лишь на небольшую часть армии для защиты династии. Я отлично знаю, что посол не имеет права говорить тем языком, которым я заговорил с Вашим величеством, и я должен был собрать всю смелость, чтобы заговорить с вами так. Я могу сослаться в свое оправдание лишь на то обстоятельство, что меня побуждают сделать это исключительно мои чувства преданности Вашему величеству и императрице... Вы находитесь, государь, на перекрестке двух путей... Один приведет вас к победе и славному миру, другой — к революции и разрушению. Позвольте мне умолять Ваше величество избрать первый путь...

Император был, видимо, тронут теплотой, вложенной мною в этот призыв, и, пожимая мне руку... сказал:

— Благодарю вас, сэръ Джордж.

Позже мистер Бьюкенен узнал от министра финансов Барка, что тот никогда не видел императора «столь нервным и взвинченным», как после визита господина посла.

Из секретных источников Его величеству государю императору известно бытующее в высших кругах столицы мнение о необходимости перемен на престоле. Надлежит быть в столице и твердой рукой навести порядок, лишив кого бы то ни было иллюзий на сей счет. Только сын Алексей сменит его на российском престоле — и никто другой!

Лишь 22 февраля государь император счел возможным вернуться в могилевскую ставку. До революции — считанные дни. Так Господу Богу угодно, а Николай верит Ему, молится... душой к Нему прикасается...

В купе Николай читает напутственное письмо жены:

«...Только будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Да хранят тебя светлые ангелы; Христос да будет с тобою, и Пречистая Дева да не оставит тебя. Наш друг (Распутин. — Ю. В.) поручил нас ее знамени... Прощай, моя любовь!»

Время терять нельзя...

В ставке государь император с перерывами на еду и большую дневную прогулку работает с половины девятого утра до половины двенадцатого ночи.

Офицер в форме гвардейского Уланского полка — граф Замойский — неотлучен при особе государя императора.

Государь император любит фотографию и умеет фотографировать, но ведь это частные забавы. Поэтому к ставке прикомандирован фотограф Ягельский, семейный фотограф Романовых.

Николай часто проставляет на документах: «Не вижу оснований». Это, пожалуй, любимое его выражение. И еще часто говорит: «Бог в помощь мне и Вам».

Дворцовый комендант Воейков Владимир Николаевич (после петропавловского заточения сумеет скрыться за границу, где и окончит с миром свои грешные дни, как, скажем, и ненавидимый всей Россией бывший военный министр генерал от кавалерии Сухомлинов¹ и еще многие другие сановники из ненавидимых, к которым Господь являл свою милость) покажет на допросе Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства:

«Ее величество всегда имела больше влияния на государя императора, чем он на нее».

Это верно. Дела государственные Александра Федоровна принимала за личные, а в отсутствие августейшего супруга откровенно стремилась регентствовать.

¹ Сухомлинов, Владимир Александрович (1848—1926) — начальник Генерального штаба (1908—1909), военный министр (1909—1915). В 1916 г. арестован за неподготовленность русской армии (в том числе за нехватку боеприпасов) к первой мировой войне и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1918-м освобожден по старости, эмигрировал.

После уже никогда и никого по старости освобождать не будет.

Кстати, непосредственным виновником нехватки артиллерийских боеприпасов в первый год войны был не военный министр Сухомлинов, а начальник Главного артиллерийского управления Главного штаба полный генерал Дмитрий Дмитриевич Кузьмин-Караваев, сумевший остаться в совершеннейшей тени.

Михаил Константинович Дитерихс так излагает события:

«На другой день по отъезде Государя, то есть 24 февраля, по телефону из Петрограда позвонил Министр Внутренних Дел Протопопов и поручил подошедшему к телефону дежурному камер-лакею Императрицы Волкову доложить Государыне, что в Петрограде начались беспорядки на почве недостачи хлеба и что хотя между толпой и полицией произошло несколько столкновений, но он, Протопопов, рассчитывает справиться с волнением и не допустить ничего серьезного».

Это Протопопов так доложил, а люди кумекали и поступали совершенно иначе. Министр внутренних дел прохлопал завязку событий и, не обладая ни проницательностью, ни энергией, дал им свободный ход. Он ввел в заблуждение императрицу, а следовательно, и государя императора. За это Всевышний очень скоро, через какой-то год, отнимет у бывшего министра самое дорогое — жизнь.

Еще до грозных дней 27 и 28 февраля был убит прилюдно командир Павловского полка полковник Экстен¹. И военный министр генерал Беляев тоже утаил это от государя императора. Не донес он и о мятеже солдат Волынского полка (убийстве капитана Лашкевича).

Все это настолько серьезно, что, безусловно, сказалось бы на поведении Николая Второго.

Отзвуки грядущей бури впервые проскальзывают в письме Александры Федоровны 24 февраля 1917 г. — можно сказать, сразу после отъезда Николая через два дня:

«...Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова, и против них вызывали казаков...»

И в том же письме о Керенском:

«Я надеюсь, что... повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время) и что это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость...»

На следующий день в новом письме:

«...Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это — хулиганское движение; мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение... Но все это пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать...»

¹ См.: Д и т е р и х с М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. М., «Скифы», 1991. Здесь и дальше даты по старому стилю.

Бойсман¹ предлагает, чтобы Хабалов² взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как здесь достаточно муки... Нужно немедленно водворить порядок. День ото дня становится все хуже... Не могу понять, почему не вводят карточной системы... тогда не будет беспорядков...»

До Февральской революции и какое-то время после Россия даже отдаленно не опускалась до Германии по обеспечению населения продовольствием. Блокада Германии уже давно привела к необходимости строгой, почти убийственной карточной системы на продукты. Население чахло и погибало от недоеда. Россия даже близко подобного не испытывала. Голод заявил о себе позже, после октября 1917 г.: при большевиках, — и еще после частенько давал себя знать. Жестко клал руки на глотку — ну не продохнуть, а нужда — так та вообще обосновалась в России волею Главного Октябрьского Вождя, с ней завоевали и построили «развитой социализм».

Не каждому по плечу строить новый мир. Судьба и история поставила Ленина. Впрочем, такую категорию, как судьба, столь суровый и беспощадный материалист-практик в расчет не брал: не верил, отрицал. Тут Сталин его серьезно дополнил: нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики. Так и сказал — не сказал, а прожёл!

С тех пор вот и берут. Одни крепости только и берут, без крепостей не выходит. А что делать? Урожай, к примеру, снимают только с боем, только в битве дается, окаянный. При всем громадном напряжении сил...

Шляпников вспоминал, что в декабре 1916-го им было написано письмо Ленину и Зиновьеву, в коем он кратко сообщал о своей работе и положении в стране. Это были сведения об обстановке, причем самые подробные, что давало возможность Ленину быть в курсе всех дел; одновременно это были и отчеты о работе партии.

«Петербург, 2 декабря 1916 г.»

Дорогие друзья! Наконец-то имею возможность поделиться с вами новостями и материалами. Чувствую, что ропщете на долгое

¹ *Бойсман, Камилл Арсеньевич* — капитан первого ранга, таврический губернатор.

² *Хабалов, Сергей Семенович* (1858—1924) — генерал-лейтенант, в 1914—1916 гг. военный губернатор Уральской области, наказной атаман Уральского казачьего войска. Накануне первой мировой войны был начальником Павловского военного училища, шефом которого являлся сам государь император. Подобной чести удостаивались лишь избранные. 13 июня 1916 г. был назначен главным начальником и командующим войсками Петроградского военного округа.

отсутствие вестей, но думаю, что вы догадываетесь о причинах, которые лежат вне моей воли, — в отсутствии людей. Путешествие мое было полно самых неожиданных приключений... Сюда попал только в конце октября по старому стилю. Подробности сообщу на досуге (Шляников инспектировал деятельность местных партийных организаций. — Ю. В.)...

В настроении рабочей массы и демократии вообще наблюдается полное отсутствие патриотического дурмана. Дороговизна, хищная эксплуатация, варварская политика — все это достаточно убедительно доказывает массам истинный характер войны. Клич «война до победы» остался только боевым лозунгом военной промышленности. Рабочие, работницы, солдаты и простые «обыватели» открыто выражают свое недовольство продолжением бойни. Скоро ли все это кончится? — звучит положительно всюду. Рабочее движение в этом году отмечает рост стачек по всей стране... Цены возросли в 5—10 раз по сравнению с прошлогодними. Одежда, обувь становятся почти недоступными. То, что стоило (костюмы и пр.) до войны 30—40 рублей, теперь 150—200 и т. д. К осени положение дел стало ухудшаться, и в сентябре, октябре бывали дни, когда в рабочих кварталах не было хлеба. О мясе и говорить уже не приходится...

Были выпущены листовки. Появление на заводах листовок масою было принято за приглашение к стачке... были манифестации... Когда началась забастовка, то полиция бросилась разгонять демонстративно выходивших с пением рабочих. В толпе были и солдаты, которым полиция угрожала всяческими карами...

В стачке участвовало 116 000 рабочих, все учебные заведения (речь идет о Петрограде. — Ю. В.), много мелких мастерских и типографий...

На «продовольственную нужду» стачка имела благотворное действие: появились хлеб, мясо и другие продукты в изобилии...

Мне приходится очень трудно, так как вынужден разрываться на все руки: писать статьи, организовывать, видеться, готовить доклады и быть на заседаниях... Отовсюду требуют литературу, людей...

Отношение русского правительства и Думы к германскому предложению о мире возмутило широкие круги обывателей и интеллигенции. Даже патриотический элемент недоволен решением Думы, ее «принципиальным» нежеланием вступать на почву обсуждения мирных предложений (ох, как не по себе Ленину: а вдруг заключат соглашение с немцами; тогда прощай, революция! — Ю. В.). Наши организации используют этот факт как яркую иллюстрацию захватных идеалов русской буржуазии и правительства...

Настроение солдат весьма напряженное. Ходят слухи о бунтах в армии...

Вообще «общество» полно всяких слухов и толков. Сообщают, что будто еще летом было совещание некоторых военных кругов действующей армии из командиров корпусов, дивизий и некоторых

полков, на котором обсуждался вопрос о низложении царя Николая II. Вообще, даже убежденные монархисты — и те очень смущены всем, что творит царское самодержавие...

Писать больше некогда, нужно отправлять, завален работой.
Крепко жму руку.

Ваш Александр»

Если бы знал о будущем, никогда не отчеркнул это — «ваш». Никакой сверхъестественной силой не вывел бы.

Один из многих военных министров царских правительств последнего периода, генерал Поливанов, показал в Чрезвычайной Следственной Комиссии временного правительства:

«...Я считал пределом, что полк (запасной. — Ю. В.) должен быть из 4—5 тысяч человек; при ином способе обучение, воспитание и надзор делаются немыслимыми... Повторяю, призыв производился только после большого и внимательного изучения в Совете Министров возможности взять для интересов страны в ту или другую пору тот или другой контингент, причем принимались во внимание и интерес промышленности, интерес каменноугольного дела и т. д. ...После моего ухода из министерства (военного. — Ю. В.) ...такая согласованность интересов государства и армии в призыве была нарушена. Прежде всего это касалось порядка призывов и количества призывов, которые оказывались оторванными от интересов страны... постепенно эта наша норма, которую я определил в 4—5 тысяч максимум на полк, без всякой надобности перегружалась, и, например, в период революции (Февральской. — Ю. В.) мне известен был полк в окрестностях Петрограда, который имел 17 000. При этих условиях, очевидно, армия не получала ни хорошего комплектования, ни людей, в которых, при неудовлетворительном житье, питании, продовольствии, гнезился тот дух недовольства, который для армии хорошего принести не мог (если бы только армии. — Ю. В.). Таким образом, весь распад образовался на почве такого курса...»

Продовольственный кризис прямым путем вел (и ведет) к власти. Посему Шляпников посвящает ему целую главу.

«Продовольственный кризис, в виде быстрого роста цен на предметы первой необходимости, а иногда и исчезновения с рынка товаров, переход к торговле «по знакомству», из-под полы, достиг на третьем году войны крупных размеров. Особенно больно и тяжело переживали этот кризис пролетарские массы промышленных районов. Волнения, стачки на почве дороговизны начались уже в 1915 году...

На борьбу с продовольственным кризисом были направлены все силы союза земств, городов, коопераций; но все их старания оказы-

вались бесплодны. Хлеб все чаще исчезал из продажи. Многие предметы первой необходимости совершенно покинули «свободный рынок», добровольно уйдя в торговлю из-под полы...

Согласно заявлению Шингарева (члена Государственной думы. — Ю. В.), избыток хлеба над потреблением (именно в эти военные годы. — Ю. В.) составлял в России 440 млн. пудов...»

Далее Шляпников приводит слова Шингарева:

«...Не ясно ли, что главная практическая, деловая работа наша — это удаление власти, которая не может работать».

И Шляпников формулирует задачу большевиков на грядущий год:

«...И пролетарской задачей на семнадцатый год было — вовлечь армию в революционный фронт против царя, против помещиков, против буржуазии и войны».

В грядущем году ленинцы обрушат на головы солдат, рабочих, крестьян немыслимое количество листовок, газет, брошюр на сумму... пять миллионов рублей!!

Откуда, каким образом у Ленина оказалась сия сверхсумма?..

Исследователи указывают на германский источник. Книга не ставит целью скрупулезное установление данного факта. Приведу для начала высказывание писателя Марка Алданова (друга писателя Набокова):

«...Вряд ли этические проблемы могли помешать Ленину в этом деле, так как известно, что он отрицал буржуазную мораль».

Отрицал — это факт, да еще как отрицал! О тайных записях Ленина поведаст русский художник Юрий Анненков, знавший вождя Октября свыше 30 лет, но об этом дальше...

Характер у Александры Федоровны истеричный, но достаточно твердый. Во всяком случае, от мужа она постоянно требует твердости, зная его переменчивость в делах и вообще нерешительность. Кстати, ее почерк — высокий, угловатый, но не путаный, гораздо более мужской, чем у мужа, — выдает эту черту характера.

У Николая — аккуратное, правильное написание, даже просто красивое, но не мелкое и не округло-бисерное: в нем какое-то спокойствие и ровность духа. Помарки, исправления практически отсутствуют.

Переписку ведут на английском, шифруя некоторые фамилии. Протопопов у них — Калинин, Керенский — Кедринский, Распутин — Друг...

26 февраля Александра Федоровна сообщает:

«...Необходимо ввести карточную систему на хлеб (как это теперь в каждой стране), ведь так устроили уже с сахаром, и все спокойны, и получают достаточно. У нас же — идиоты...»

В городе дела вчера были плохи...»

И в том же письме о Распутине:

«...Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас...»¹

И о больных корью детях:

«...Надо идти обратно к ним, в потемки. Благословляю и целую без конца... Бог поможет — это, кажется, уже предел. Вера и упование!...»

Первым из детей захворал Алексей — 16 февраля. Он заразился от кадета — приятеля по забавам, навестившего его накануне. В те месяцы закрытые учебные заведения столицы поразила эпидемия кори.

Это — одно из последних писем Александры Федоровны в долгой переписке с мужем. На письме порядковый номер — 648.

В тот день Николай отвечает из ставки:

«...Я был вчера у образа Пречистой Девы и усердно молился за тебя, моя любовь, за милых детей и за нашу страну...»

Сегодня утром, во время службы, я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял...

Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки... Только бы старый Голицын² не потерял голову!...»

Это о Хабалове обмолвится последний российский председатель Совета Министров — «лично очень честный».

После службы с молитвой государю императору кладут на стол телеграмму председателя Государственной думы Родзянко:

«Положение серьезное. В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца.»

Родзянко повторяет данную телеграмму главнокомандующим фронтов с просьбой поддержать его обращение.

¹ В попечениях о могиле Распутина, молитвах о нем проявится нечто большее, нежели просто поклонение «святому». Как напишет современник тех событий, здесь чувствуется напряженная и полусумасшедшая воля женщины, слепо и всецело отдавшей тем настроениям и порывам, которые вызывали в ней шарлатанские выходы и поистине гигантская гипнотическая воля, сила Распутина.

² *Голицын, Николай Дмитриевич* (1850—1925) — князь, действительный тайный советник, член Главного управления Красного Креста, председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным во вражеских странах. В октябре 1903 г. был серьезно ранен террористом. Занимал «их сиятельство» тогда хлопотную должность наместника Кавказа. В декабре 1916 г. назначен председателем Совета Министров империи. Им и завершился весь длинный свиток царских председателей Совета Министров.

Генерал Брусилов отозвался быстро: «Вашу телеграмму получил. Свой долг перед Родиной и царем исполнил».

Алексей Алексеевич Брусилов еще задолго до февральских событий обронит многозначительно: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией».

И от генерала Рузского¹ последовал ответ: «Телеграмму получил. Поручение исполнено».

Остальные главнокомандующие хранят молчание.

Ближе к полудню государю императору доставляют вторую телеграмму Родзянко:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии».

Однако насколько дерзок этот Родзянко — «...судьба Родины и династии»!

По воспоминаниям графа Фредерикса, царь сказал о телеграмме:

«Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

За два месяца до февральских событий Михаил Владимирович Родзянко признался в своем кругу: «Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот...»

Все! Время, отпущенное Господом, выбрано — до единого дня выбрано! Нет отныне у Создателя терпения и благодати на Романовых. Все с большей симпатией косит Он на своих хулителей — большевиков и метет, метет дорогу к Ипатьевскому особнячку. Имеется такой в городе Екатеринбурге... А от него в 15 верстах теснятся сосны и ели у заброшенного рудника в урочище Четыре Брата — разбойное, глухое место...

¹ *Рузский, Николай Владимирович* (1854—1918) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета; получил образование в Первой Петербургской военной гимназии и Втором Константиновском военном училище, откуда в 1870 г. был выпущен в лейб-гвардии Гренадерский полк; участвовал в русско-турецкой кампании, получил ранение.

В 1881 г. окончил Академию Генерального штаба: служил в штабах, около полугода прокомандовал 151-м пехотным Пятигорским полком и был назначен генерал-квартирмейстером штаба Киевского военного округа.

В 1902 г. он — начальник штаба Виленского военного округа.

В русско-японскую войну — начальник штаба Второй Маньчжурской армии. Затем командовал 21-м корпусом. Его часто подводит слабое здоровье. Эх, святители, кабы не оно, пошел бы в гору, не унять!

Накануне первой мировой войны Рузский — помощник командующего Киевским военным округом. С началом боевых действий командовал Третьей армией: это она заняла Львов, что создало Рузскому репутацию одного из самых талантливых русских военачальников; после чего командовал армиями Северо-Западного и Северного фронтов. Он на примете у государя, и государь не обходит его вниманием.

До 27 февраля включительно Николай ведет обычную жизнь, подробно отвечая на каждое письмо жены. После 27-го будет посылать телеграммы. Их тоже наберется за эти годы немало — сотни.

Это непостижимо! Город уже в лихорадке восстания, это угроза существованию их, Романовых, угроза власти — всему, что составляет смысл жизни императора и его России, а он, Николай, сочиняет частные письма, только сочиняет и надеется на Хабалова...

Казалось, надо сорваться, добыть хлеб, тем более муки достаточно в городе, надо распорядиться о выпечке хлеба военными пекарнями, надо искать новые решения вздыбить все необходимые службы и необходимых людей, если надо — уступить, дабы победить, а он, Николай, составляет письма...

В этой скоротечной гибели, а это уже гибель (до глумления на лугу у заброшенного рудника — все тела голые, распластанные перед карателями; и одно утешение: мертвые бо сраму не имеют — те самые 500 дней с небольшим), — вся жестокость несоответствия человека уровню задач, на решение которых он поставлен историей.

Не загадка истории и не причуда, а приговор. Жестокая неизбежность приговора.

И все рушится, все уже было запрограммировано загодя, за много-много лет до этого февраля, — и теперь лишь стремительное схождение всех доказательств в один миг, в одну точку, в один приговор.

Не нужно было тратить жизнь на высиживание столь элементарной истины, известной с тех времен, когда человек поднялся на две ноги: насилие дает власть. Подобным заключением обернулось для Ленина сидение по лучшим библиотекам Европы — изучение философии, социально-экономических дисциплин. Из всей мировой научной культуры он извлек лишь один вывод: правы Маркс и Энгельс. Да, насилие через диктатуру! Ничего другого Ленин не увидел. Хламом, мишурой казалось это другое.

Все достижения мировой науки, вся мировая культура — Ленин выгреб до дна великое разнообразие, блеск мысли — родили для него только эту формулу: насилие через диктатуру, всеместное насилие, непримиримость насилия, непоколебимая твердость в осуществлении насилия. Это является единственным решением, ключом для решения всех проблем человечества. Ленин свято верит в этот постулат научного коммунизма.

И кто будет отправлять власть штыка и удавки, тоже известно. Маркс и Энгельс прокричали об этом на весь свет: пролетариат!

Что Ленин сумеет (и это явится истинно его достижением) — так это укоренить мысль о диктатуре в сознании рабочего класса. Через партию он сумеет подчинить этот класс.

Лишенный какой бы то ни было самостоятельности рабочий класс будет провозглашен носителем абсолютной власти. Но рабо-

чий класс окажется всего лишь орудием группы людей, которая стоит и над партией, и над пролетариатом, приучив его к мысли о благотворности и благодетельности неограниченного террора.

Однако диктатура (насилие) как система власти вообще ничего, кроме преступлений, нужды, уродства жизни и несчастий, не может дать и до сих пор ничего другого не давала.

Честность, идеалы революционеров не имели (и не имеют) значения. Природа власти вызывает к жизни другой тип человека.

«26 февраля утром Протопопов доложил Государыне через Волкова, что «дела плохи» — горит Суд, толпа громит полицейские участки и пытается освобождать преступников из тюрем. В течение дня в Александровский дворец стекались со всех сторон сведения, одно тревожнее другого; привозили их разные частные лица и знакомые приближенных. Стало известно, что волнение уже начало захватывать центр города и что войска, которые были привлечены для поддержания порядка, оказывали лишь слабое сопротивление. Между прочим, уже в этот день во дворце были получены известия, что Дума решила не подчиняться полученному указу о перерыве заседаний и приступила к организации исполнительного комитета в целях восстановления порядка в столице»¹.

Тут Михаил Константинович определенно заблуждается. Дума приступила к организации комитета не для восстановления порядка, хотя это и следовало из самого факта организации комитета, а для захвата власти.

Вождей Думы уже не один год, а десятилетие занимало одно дело, такое жгучее, жутко и вслух было произнести: власть! Как отнять власть у династии, правящей 300 лет?

И этот миг настал! Да что там «настал» — грянул, свалился в руки, вот она... власть!

Власть!!

По существу, против самодержца выступили все партии — от крайне левых (анархисты, большевики, эсеры) до умеренно благомыслящих, скажем как партия народной свободы (кадеты). Впрочем, о благонамеренности кадетов и октябристов разговор особый...

Из большевистской листовки (ноябрь 1916 г.):

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...Довольно терпеть! Пора самим положить конец этой бессмысленной войне. Пора сознать, что троны деспотов-царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки. Пора обернуть эти штыки против угнетателей народа — помещиков, буржуазии, насилия царизма...

Товарищи! Становитесь под красным знаменем в ряды револю-

¹ Д и т е р и х с М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале.

ционной Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, и пусть первым нашим кличем будет: Долой самодержавие! Да здравствует всеобщее восстание! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует социализм!»

27 февраля 1917-го к народу присоединяются запасные батальоны самых славных и надежных гвардейских полков: Преображенского, Волынского, Литовского, Павловского...

Рушатся двуглавые орлы, метут грязь гордые петровские штандарты...

В столицу спешно прибывает брат государя императора — великий князь Михаил Александрович. Родзянко вместе с другими представителями Думы докладывает об обстановке. Они предлагают великому князю явочным порядком принять диктаторские полномочия и объявить Петроград на военном положении, распустив правительство князя Голицына.

Вспоминая эту встречу, старый Родзянко напишет: нерешительность Михаила способствовала тому, что благоприятный момент оказался упущенным.

У каждого действия есть строго свое место во времени. Ни в какое другое время оно не сцепится с событиями — таков Божий промысел. Крути не крути, а выбраны дни. Ну ни одного, даже самого заваливающего, нет у Господа в запасе для Романовых.

Будущий предводитель белой армии, запертой в Крыму, барон Врангель говорил о Романовых Шульгину:

«Я их всех хорошо знаю. Они не могут править, потому что не хотят... Они потеряли вкус к власти...»

«Что поделаешь? — рассуждает Шульгин, убежденнейший из монархистов. — В значительной степени выродилась и аристократия... Не только Романовы...»

Барон имел в виду не казненного тогда бывшего императора, а здравствующих членов великокняжеского дома.

Полковник Преображенского полка Александр Павлович Кутепов всего несколько дней как прибыл в отпуск с фронта — прокис их высокоблагородие в плесени блиндажей, траншей, и земля, что тебе болота... А тут столицу начала горячить революционная лихорадка. И ни толковых генералов наверху, ни дисциплинированных частей — одна рвань запасных батальонов и прочей тыловой гнуси. И опомниться не успел Александр Павлович, а уже убит солдатами Павловского полка их командир и его друг. Нет больше у павловцев командира: расшвыряли мозги из трехлинейки... а пусть не кочевряжится, пес золотопогонный!

Загорланила, зачернела неохватная толпа — не пройти и не про-

толкнуться. Давят людишки власть тирана: рабочие, студенты, чиновники, нижние чины из сознательных... Все тужатся свалить и затоптать двуглавого византийского орла — опаскудел, зараза, каждому. Да ведь легче дышать будем! Ведь сытая жизнь распахнет объятия!

А уж таким трупным духом шибанет завтра из этих объятий! Так безобразно ощерятся миллионы дырявых черепов! Эх, заманили, увели Россию в свое «счастье»! И не выбраться, не разглядеть дорогу — все застит кровь и пот...

27 февраля утром генерал Хабалов распорядился принять Кутепову сводный отряд (бывалые офицеры на счету, а такого закала — и вовсе) и занять место от Литейного моста до Николаевского вокзала. В общем, личного состава должно хватить: 6 рот, 15 пулеметов и полтора эскадрона.

Братцы, за царя и Отечество! С нами Бог!

Да едва вышли, как на Кировной отряд блокировала толпа. Без руководства штабом округа, оставленные на произвол судьбы... Словом, после коротких стычек отряд с наступлением ночи рассеялся. На мостовых остались господа офицеры — кого затоптали, кого угостили свинцовым горохом — а пусть не препятствуют народному счастью! Да только раздвинь дни — такая жизнь привалит!

От листовок белó на мостовых.

...В провале мокрой, хлюпающей ночи обходными улочками и проулками торопит, гонит шаг их высокоблагородие полковник Кутепов — ни отряда, ни связи со штабом. Куда приткнуться?!..

Одна рука — за обшлагом шинели: вцепилась в наган. Другая — придавливает шашку, чтоб не мешала скорому шагу.

Это с ума можно спятить: свои хуже немцев! Рвут на части, стреляют... Шинель заплевали, мать их!.. И это в Петрограде! Да каком Петрограде! Санкт-Петербург это!.. Ну, господа думские ораторы! А толпа, толпа!.. Рехнулись здесь все, что ли...

Не по себе Александру Павловичу. Подкосили Россию, рушится! А подпереть не может. Пусть даже такая малость, как он, а не может. Должен, Сашка Кутепов, а не может!

Нет империи! Рябит в башке от красных бантов и флагов. Где они только понаходили столько красной материи...

Господи, ну два-три полка преданных нижних чинов, да с боевыми офицерами! Всего два-три! И не завтра, а сейчас, вот в эти часы. Потому что с рассветом будет поздно!.. Ну, шваль красная!..

Вон сколько фонарей по улице. Да на каждом по горлопану и агитатору — да любо-дорого! Враз опамятовали бы. По струнке бы жизнь пошла. Сбесились: своих режут, бьют, затаптывают!.. А там немец давит по всему тысячеверстному фронту!..

Ну, шваль красная!.. Аж елозит в потной хватке рукоять нагана. Ну, бляди!

Это плевать в меня, Александра Кутепова? Это поганить меня площадной бранью? Это нас, офицеров, на штыки поднимать?!..

В те часы все еще было зыбко. Надавить — и город отступит в свои дома. Двуглавый орел сбережет империю.

Роковую роль сыграло отсутствие твердого руководства. Играть изволил государь император в верховную власть, а оно и отпрыгнулось. Имелись надежные части, было много колеблющихся (за волевым командиром пошли бы не дрогнув), имелись и верные присяге офицеры, но без решительного управления сверху все оказались захлестнутыми стихией бунта.

Только уперся этот зверь неповиновения на свои лапы, почуял слабину власти — и уже весь город поднялся на дыбы. Куда там!..

Шляпников явился одним из членов инициативной группы по созданию Петроградского Совета рабочих депутатов. 27 февраля этой группой создается исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Шляпников представляет РКП(б). Других видных большевиков в северной столице нет. Об этом уже давно позаботился царский сыск.

Не много пройдет дней и лет, и Шляпникову его же товарищи по партии предъявят счет: почему не потребовал объявления Совета высшей государственной властью?!

«Эх, знала бы, да не давала бы!..»

Удержаться в те годы, не быть арестованным Шляпникову помог режим исключительной осторожности.

«...В процессе работы у меня выработались некоторые «правила», — вспоминал он. — Я никогда не ходил одной и той же дорогой. Никогда не ночевал в одной квартире более одного раза подряд. Расположение ночевки позволяло мне замечать следы. Так, в конце шестнадцатого года я пользовался тремя квартирами за Невской заставой, двумя квартирами на Выборгской стороне, одной квартирой в Лесном, одной в Гражданке, одной в Галерной Гавани. В случае усиленного наблюдения я прятался в одной из своих квартир на пару дней и этим расстраивал налаженность слежки. Свои квартиры-ночевки я скрывал самым тщательным образом от всех товарищей...»

Барон Врангель тоже обращается к тем дням, вот строки из его воспоминаний:

«На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12-й кавалерийской дивизии свиты генерал барон Маннергейм. От него первого, как очевидца, узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийств офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штакельберг, бывший командир Кавалерийского полка...»

лергардского полка граф Менгден, Лейб-Гусар граф Клейнмихель... Последние два были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии».

В 18 часов Совет Министров посылает государю императору телеграмму: Совет Министров не в состоянии справиться с положением и просит его распустить, с тем, однако, чтобы назначить новым председателем Совета Министров лицо, пользующееся общим доверием, для формирования ответственного министерства.

Тотчас следует ответ Голицыну:

«О главном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично Вам предоставляю все необходимые права по гражданскому правлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми.

Николай»

В 21 час председатель Совета Министров князь Голицын, председатель Государственной думы Родзянко, брат государя императора великий князь Михаил Александрович, военный министр генерал Беляев и сенатор Крыжановский после обсуждения обстановки направляют очередную телеграмму государю императору, но уже через его начальника штаба генерала Алексеева. Телеграмма уходит за подписью Михаила. Брат государя императора сообщает о кризисе власти, срочной необходимости назвать нового главу правительства, который составил бы ответственное министерство. Михаил Александрович предлагает на этот пост князя Г. Е. Львова, а себя — в регенты.

Ответ Алексеева краток: государь император благодарит за участие, но приедет сам в среду, то есть послезавтра.

Послезавтра?!

Чтобы себе да сам готовил погибель?!

Нет, не наступит это «послезавтра» для государя императора. Никогда не наступит.

27 февраля ровно в полночь организуется Временный Комитет Государственной думы в составе: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, И. Н. Ефремов.

Комитет выпускает воззвание:

«Временный Комитет Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правитель-

ства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной думы М. Родзянко»

Первым о необходимости создания новой власти повел речь кадет Некрасов — будущий министр путей сообщения первого состава Временного правительства. Это случилось вечером того же дня — 27 февраля.

На совещании депутатов Государственной думы под председательством Родзянко Некрасов сказал:

«У нас теперь власти нет, а потому ее необходимо создать. Помоему, было бы правильно передать эту власть какому-либо пользующемуся большим доверием человеку вместе с несколькими представителями Государственной думы».

Его поддерживает Ржевский:

«Медлить нельзя — народ ждет. Окружной суд уже взят, нужно скорее действовать».

Дзюбинский предлагает взять власть думскому Совету старейшин.

Чхеидзе и Керенский говорят о необходимости уничтожения старой власти и замены на новую.

Шингарев возражает:

«Неизвестно, признает ли народ новую власть».

Дзюбинский предлагает объявить Думу Учредительным собранием.

Савич не согласен:

«Толпа дать власти нам не может...»

Совет старейшин исполняет поручение депутатов и избирает Временный Комитет Государственной думы.

Обстановка все же понуждает Николая собраться в столицу. В ночь на 28 февраля он переселяется в поезд. Утром, в шесть, — отправление.

В три часа ночи, уже в вагоне, он принимает генерала Иванова¹. Генерал с самыми надежными фронтовыми войсками должен в конце концов навести порядок. Государь император назначает его главнокомандующим Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров, и старика Голицына в том числе. Применить оружие, но столицу замирить. Фронт должен опереться на прочный тыл.

¹ *Иванов, Николай Иудович* (1851—1919) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, член Государственного совета (1916), участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и русско-японской войны 1904—1905 гг.; с 1908 по 1914 г. — командующий войсками Киевского военного округа; с начала первой мировой войны — главнокомандующий Юго-Западного фронта (на этом посту в марте 1916 г. его заменил генерал Брусиллов); после состоял при особе государя императора.

Генерал клянется государю императору в преданности и решимости любой ценой исполнить приказ...

У Иванова простоватое лицо, ближе к неумному. Как ни странно, седеющий ежик волос усиливает это впечатление. Но по чертам лицо очень русское. И вообще Николай Иудович — сама верность и понятливость. Впрочем, иных чувств в своем окружении государь император и не ведает, а уже одно это — беда, болезнь...

«...Это был человек, — вспоминал Брусилов свое знакомство с Ивановым, — вполне преданный своему долгу, любивший военное дело, но в высшей степени узкий в своих взглядах, нерешительный, крайне мелочный и, в общем, бестолковый, хотя и чрезвычайно самолюбивый...»

Генерал отбывал с чрезвычайными полномочиями. Он заместит командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Министрам вменялось беспрекословное подчинение новому командующему войсками Петроградского военного округа. По части подавления беспорядков у Николая Иудовича имелся кое-какой опыт. Это он в 1906 г. привел к повиновению мятежный Кронштадт.

Черная подлая толпа! Агитаторы — слуги Германии и международного еврейства! Банда изменников! Разрушение империи из-за тощего желудка... а жертвы — кто сохранит Россию без жертв?! Кровью привести подлый народ к повиновению. Царь, дворянство, империя!..

Николай прощается с генералом и, надо полагать, умиротворенный и вполне довольный собой, отходит ко сну. Во всяком случае, он не оставляет никаких особых заметок в дневнике, который ведет подробно всю жизнь, а засыпает и спит по-юношески крепко. Николая отличают завидное здоровье и безотказный сон, хотя он заядлый курильщик. Он обожает трубки. У него их целая коллекция, и среди них — подарок Александры Федоровны, пенковая с искуснейшей резьбой («от Соммэра») — копия головы августейшего супруга: мастер достиг поразительного сходства.

И к слову, Николай обожал еще фотографию, в которой достиг изрядных успехов. Значительную часть нынешнего царского архива составляют именно его фотографии. Самые семейные, самые обыкновенные...

В шесть утра императорский поезд, литерный «А», трогается в... последний путь. Позади — Могилев, впереди — Петроград, столица империи Романовых, великий замысел и творение Петра, а еще дальше — Тобольск, за ним смутно маячит Екатеринбург... И этот самый рудник в урочище Четыре Брата — предпоследняя остановка перед полной дематериализацией.

Именно туда, к бывшему руднику, и везет этой ночью литерный

поезд последнего русского императора. Рвет черной металлической грудью с золоченым двуглавым орлом ночную стужу и стучит всем грузом стальных тележек: Четыре Брата, Четыре Брата!.. Мертвыи бо сраму не имут...

Подробно, точно и сдержанно излагает события в ставке Александр Сергеевич Лукомский (генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего).

Генерал Лукомский был решительно против отъезда государя императора в мятежный Петроград. Александр Сергеевич не сомневался: это чревато потерей связи между государем императором и ставкой, да и сама поездка уже небезопасна. Свои соображения Александр Сергеевич доложил дворцовому коменданту генералу Воейкову. Государь император их во внимание не принял. Монарх рвался не только в свою столицу, его глубоко тревожило положение семьи. Они должны быть вместе: он, Александра Федоровна и дети.

Генерал Лукомский придерживался другого мнения. Он полагал, что государь император должен «ехать в Особую армию (в которую входили гвардейские части), на которую можно вполне положиться; не ехать в Царское Село — это может закончиться катастрофой».

Конечно же, катастрофой. Время уже безнадежно упущено. Нет больше этого времени!

«В первом часу ночи Государь проехал в поезд, — вспоминал уже в парижской эмиграции Александр Сергеевич (генерал Лукомский был ответствен за данную поездку августейшего монарха. — Ю. В.), — который отошел в 6 часов утра 28 февраля (13 марта)».

Литерный поезд — это два самостоятельных состава: свитский — литерный «Б» — и собственно императорский — литерный «А».

Литерный «Б» всегда следует первым.

Вскоре в своем бронепоезде будет мотаться по фронтам Гражданской войны председатель Реввоенсовета республики Лев Давидович Троцкий. Но это еще пока и в самом дурном сне, и даже бреду не может привидеться русскому самодержцу. Да и сам Троцкий пока в Америке и не только представить, но и охватить умом подобное не в состоянии. Он публикует заметки в газетах, обдумывает партийное прошлое, о революции как о чем-то реальном в ближайшие дни и помышлять не смеет.

В общем, суетится в Америке ничем не приметный бледно-черный человек, никому не нужный, кроме себя и своей семьи. И так далека от него Россия, и такой высокой стеной стоит — словно молит: не подступайся, оставь, не смей!..

В холодной ночной росе будут лежать трупы царя, царицы, четырех юных царевен, царевича и еще трупы верных слуг и врача.

Сорвут чекисты одежды. Жутко бесстыдно и страшно будут лежать голые трупы.

Мертвыи бо сраму не имут...

Шибко будет суетиться Ермаков (успел глотнуть водочки для согрева) — вогнал он свою пулю в государыню императрицу и успел в еще живое, отходящее последним дыханием тело царя добавить свинцовую plombу. Дело-то праведное и святое!¹

И в свете летнего утра по команде Якова Юровского примутся срывать драгоценности (нуждается республика в золоте и драгоценных камнях) с уже коченеющих пальцев, ушей... А когда перстенок не поддастся, отсечет ножом с пальцем и швырнет палец в темноту мародер из карателей (для себя перстенок, лично своей подруге припрячет), чтобы после его нашел колчаковский следователь Соколов.

Сознавали свою ответственность перед трудовым классом, очень спешили, но головы не теряли, действовали дружно и с пониманием, потому что это было не убийство и не возмездие, а как бы подарок восходящей над всем миром власти рабочих и крестьян. Так и внушили им всем товарищи Белобородов, Голощекин, Юровский...

Отныне и вовек будут они строить жизнь по Ильичу.

А пока генерал Алексеев — начальник штаба Верховного главнокомандующего, то есть самого императора, телеграфирует командующим фронтами:

«На всех нас лег священный долг перед государем и Родиной — сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов».

У Алексеева высокая температура, выше тридцати девяти. Генерал не столь давно вернулся из Севастополя после лечения, но все равно прихварывает. Сказывается износ из-за едва ли не круглосуточной штабной работы. Практически он, Алексеев, руководит всеми Вооруженными Силами Российской империи...

Погода по дороге — отменная: тихий голубой февраль. «Дивная», — занесет Николай в дневник.

Около десяти утра в Петрограде выходит первый номер советских «Известий» (это орган Совета рабочих депутатов).

С чердаков, из укрытий палят полицейские и жандармы. Им пособляют дворники — во все времена самая непотребная и доносительная часть общества. В ответ толпы рабочих, солдат и просто зевак громят полицейские учреждения.

Согласно распоряжению государя императора, для пресечения

¹ В журнале «Огонек» (1990, № 38) Э. Радзинский в своей статье приводит воспоминания Ермакова, который иначе излагает версию своего участия в расстреле царской семьи. — *Прим. ред.*

беспорядков с фронта уже сняты и отправлены в Петроград три эшелона 67-го пехотного Тарутинского и 68-го пехотного Бородинского полков. Из Могилева в 11 утра за литерными составами уходит эшелон с Георгиевским батальоном, с ним — полурота железнодорожного полка и сборная рота из охраны ставки.

Опираясь на вооруженный рабочий класс, Ленин подчинит Россию: быть вождем класса, безгранично повелевать жизнями. Здесь он решительно шагнет в кровавое бессмертие.

Это не обыденное, так сказать, вульгарное насилие. Оно осенено великими именами, прогрессом, культурой и наукой. И жертвы, и исполнители должны это сознавать. Во всех убийствах, травлях людей, грабежах присутствует элемент величия и предопределенности. Действуют не люди, а некие исторические величины, своего рода символы. Они не творят зло, они лишь проводят высшую волю. В них — веление эпохи, скрытая воля всего человечества. Нет крови и мук, есть созидание невиданно прекрасной жизни.

Эти незамысловатые, до предела простые формулы непрестанно присутствуют в сознании Ленина. Они становятся доминантой всех его поступков. Ими, через них (диктатура, террор, свирепая нетерпимость, беспрекословное подчинение всех одной общей идее) Ленин воспринимает мир, расшифровывает события, заряжает себя страстной волей. Он сам иступленно верит во все, что творит. И если проявляется зло — оно не исходит от него. Это некая историческая заданность, он лишь ее проводник, своего рода истолкователь. Именно поэтому он знает, кому жить, а кому не жить. Он это право обрел опытом и работой, вычислил все звенья приложения формул на практике. Только он знает будущее, все пути к этому будущему.

Все прочее — от лукавого, ложь, подлоги, фикция! Для всего прочего — беспощадный террор. Тирания мысли обернется тиранией власти. Отсюда берет начало философия «кирпичной кладки». Человек — ничто, он лишь кирпич в кладке великого здания будущего; всего лишь кирпич — и посему должен терпеть и сносить все, совершенно все, ибо он составная частичка этого великого здания будущего.

Сталин доведет данный принцип до совершенства. Этот принцип кровавыми нитками, стоном миллионов людей скрепит жизнь советского государства. Во имя себя государство примется пожирать людей...

Так приблизительно в одно время, в одной стране возникают два совершенно противоположных взгляда на историю, общество, будущее и человека. Лев Толстой... Ленин.

Вступают в столкновение не классы, а терпимость и нетерпимость, жесткий практицизм (рационализм) и душа, революция и эволюция, насилие и добро...

И свершится чудо. Сухой, до предела рационалистический взгляд на человека истает, выкажет свое совершенное ничтожество перед душой.

Душа докажет свое первородство. Не может она быть только временным придатком экономики.

Душа, добро окажутся сильнее всех штыков, тюрем, пыток, а также всех технических и экономических свершений — всех этих миллионов тонн стали, бетона, миллионов машин, станков...

Но истории только предстоит с величайшей жестокостью и бесстрашием развернуть будущее...

А пока коренастый, невысокий человек с татарским прищуром глаз прикидывает будущее, тасует события, которых еще нет, и мучительно гадает, будет ли дан историей шанс, и он проведет свои доказательства.

Спустя 13 лет после Октябрьской революции (этих самых доказательств) писатель Пришвин¹ занесет в дневник:

«...В этом действии было наличие какой-то гениальной невменяемости...»

Откроем время назад (благо нам можно) и постараемся разглядеть некоторые события близко, так сказать, в укрупненном плане. Подобную возможность предоставят нам протоколы допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства.

22 марта показания дает бывший командующий войсками Петроградского гарнизона генерал Хабалов, который в ту пору занимал одну из камер Петропавловской крепости, впрочем, как и большинство привлеченных к следствию лиц.

Исчерпывающую характеристику Хабалову даст бывший председатель Совета Министров князь Голицын Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства на допросе 21 апреля 1917 г.:

«Раньше я Хабалова не знал, никогда не видел и познакомился с ним, когда был назначен (председателем Совета Министров. — Ю. В.). Он на меня произвел впечатление тяжелодума, очень неэнергичного, мало даже сведущего. А тут он совершенно растерялся, и его доклад был такой, что даже нельзя было вынести впечатление, в каком положении находится дело (это в первые дни переворота февраля семнадцатого. — Ю. В.), чего можно ожидать, какие меры он предполагает принять — ничего. Это был какой-то сумбур...»

22 марта Хабалов отвечал на вопросы, и отвечал долго и подробно, однако не столь нервно, как бывший военный министр Беляев,

¹ Пришвин, Михаил Михайлович (1873—1954) — известный русский писатель. В годы советской власти сохранил достоинство и независимость.

который потеряет контроль над собой и зарыдает прямо в зале, перед столом комиссии¹.

Всего четыре недели минуло с достопамятных дней Февральской революции, а теперь камера, комиссия, крушение...

Вот вопрос о телеграмме государя императора: повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией.

Хабалов и отвечает, и вспоминает:

«...Эта телеграмма, как бы вам сказать? — быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: «завтра же»... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «хлеба дать», — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «долой самодержавие» — какой же тут хлеб успокоит!..»

А вот и последний акт драмы — ночь с 27 на 28 февраля (с понедельника на вторник). Действующие лица: военный министр (генерал) М. А. Беляев, командующий войсками Петроградского гарнизона генерал Хабалов и исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал Занкевич². Место действия — Зимний дворец. У всех троих одна задача: спасти императорский трон. Выше их по военным должностям никого в столице нет. Уже четыре дня столица парализована беспорядками. И все бы ничего, но войска переходят на сторону народа.

27 февраля — роковой, решающий день восстания.

История откинула все заботы. Только Питер ей интересен, а в Питере из всех людей — эти трое...

¹ Рыдать было отчего, но это было еще и пророческое рыдание, своего рода поминки по себе. Минет год, и генерал Беляев, блестящий русский офицер, рухнет под залпом чекистов.

Знай бы, что вас ждет и ждет Россию, вы бы, ох, как сражались, генералы! Ничего похожего на эту бестолочь не было бы. Львами бились бы за империю и свои жизни...

² *Занкевич, Михаил Ипполитович*, родился в 1872 г., то бишь на два года позже Ленина. Кадровый военный. Начал с кадетского корпуса, после учился в Павловском военном училище и Академии Генерального штаба.

Совершенно неожиданные сведения о Михаиле Ипполитовиче дает Р. Роуан («Очерки секретной службы», «Логос:СПБ», СПб., с. 196):

«Полковник Занкевич, русский военный атташе в Вене, был популярный офицер и любимец общества, но его изобличили в подкупах и шпионстве. Прямого повода к аресту полковника найти, однако, не удалось. Тогда на одном из придворных балов австрийский император Франц-Иосиф намеренно оскорбил его обидной неучтивостью. Занкевич понял это как намек на то, что он разоблачен, и в течение недели устроил так, что его отозвали».

В 1913 г. командовал 146-м Царицынским полком. С 1916-го в чине генерал-майора исполнял должность генерал-квартирмейстера Генерального штаба (значит, опытный оператор), вскоре — исполняющий должность начальника Генерального штаба. С 5 мая 1917 г. — в распоряжении начальника Генерального штаба.

Что эмигрировал — это факт, так как оставил описание обстоятельств пленения адмирала Колчака, но где и когда преклонил голову, автору не известно.

Генерал Хабалов волнуется, речь порой сбивчива, воспроизводит в памяти события тех часов, дней, ночей...

«...Генерал Беляев приказал... начальнику Генерального штаба Занкевичу немедленно принять командование над всеми войсками Петрограда. И следовательно, я явился как бы устранным, хотя прямо мне не было сказано, что я устранин от должности (Хабалов проявил такую неспособность и нерасторопность, что в эти последние, самые решающие часы военный министр решил переложить его обязанности на генерала Занкевича. — Ю. В.)...

Генерал Занкевич принял начальство над всеми войсками, которые фактически у него находились: одна пулеметная рота, две батареи без снарядов, ибо у батареи было 8 всего снарядов; затем, в то время стояли у Зимнего дворца две роты Преображенского полка... Генерал Занкевич, бывший когда-то командиром лейб-гренадерского полка, получив это назначение командира войск петроградской охраны, поехал домой, надел мундир лейб-гренадерского полка и выехал к резерву, стоящему на Дворцовой площади. Поговорив с нижними чинами, с командой, он вынес такое убеждение, что на них рассчитывать нельзя... Первоначальное предположение было удержаться в центре города, около Зимнего дворца, занявши местность по Мойке — от Зимнего моста и до Зимней канавки включительно... а потом решено было сосредоточиться в каком-нибудь одном здании. Генерал Занкевич настаивал усиленно на Зимнем дворце. Я предлагал Адмиралтейство. Адмиралтейство по своему положению дает возможность обстреливать три улицы: Вознесенский проспект, Гороховую и Невский проспект, то есть подступы от трех вокзалов... Вначале мы в него и перешли. Но генерал Занкевич усиленно настаивал на том, что мы должны умереть около Зимнего дворца, что мы должны занять дворец и там, в нем, обороняться... Потом в Зимний дворец мы и перешли... Когда перешли в Зимний дворец, то оказалось, что (многие отряды ушли самовольно. — Ю. В.) ...там оставались: три роты Измайловского полка, одна — Егерского, одна — Стрелкового, две батареи, пулеметная рота да еще часть городских и жандармов пеших... всего-навсего полторы-две тысячи человек, притом с весьма малым запасом патронов! Когда мы перешли в Зимний дворец, то ко мне обратился управляющий дворцом генерал Комаров с просьбой, чтобы мы дворец освободили, чтоб мы его не занимали... Я согласился с ним, пошел с ним и сообщил генералу Занкевичу, который опять-таки наотрез отказался, говоря, что в нравственном смысле если помирать последними верными слугами царя, то именно защищая его дворец... Через несколько времени совершенно случайно приехал во дворец великий князь Михаил Александрович¹...»

Великий князь решительно запретит стрелять в толпу «из дома Романовых» — Зимнего дворца! Вдумайтесь, читатель.

¹ Сам великий князь расположится в доме княгини Путятиной на Мойке, 12.

Отряд поневоле вернется в Адмиралтейство.

«...Артиллерия была поставлена во дворе, а пехота была размещена по второму этажу... События показали, что и оборона наша безнадежна. У нас не только не было патронов, почти не было снарядов, но, кроме того, еще и есть было нечего! С величайшим трудом достали мы там небольшое количество хлеба, которое и роздали нижним чинам. А дальше добывать этот хлеб представлялось совершенно невозможным: надо было доставать с бою!.. Но по Адмиралтейству постреливали, а из Адмиралтейства не отвечали! Наконец, около 12 часов (это уже наступил вторник 28 февраля, день полного крушения императорской России. — Ю. В.) адъютант министра... капитан 2-го ранга или подполковник... заявил от имени морского министра, что морской министр требует, чтобы очистили немедленно здание Адмиралтейства, так как со стороны восставших заявили, что если мы в 20 минут не очистим, то с Петропавловской крепости будет открыт артиллерийский огонь... Положение казалось безнадежным... С той маленькой горсточкой, которая была у нас, обороняться было немыслимо!.. Что ж, если мы войдем с оружием и будем отступать от города, проходя через город, несомненно, что это приведет к нападению со стороны толпы... То есть выйдет кровопролитие, и кровопролитие безнадежное... в совете решено было так: сложить все оружие в самом здании Адмиралтейства... а затем выйти обезоруженными... Так и было поступлено... Меня задержала толпа нижних чинов, которая осматривала здание (восставшие солдаты. — Ю. В.)...»

И все же одна воинская часть Петроградского гарнизона целиком сохраняла верность присяге и сопротивлялась восставшим весь вечер 27-го, затем ночь и утро 28 февраля, пока не оказался подло застрелен ее командир.

Это был Самокатный батальон (солдаты-велосипедисты), укомплектованный в основном из людей грамотных и образованных. По приказу своего командира полковника О. К. Балкашина солдаты заняли казармы, забаррикадировались и отстреливались, отвергая все предложения о сдаче.

К утру восставшие подтянули артиллерию. Это обрекало самокатчиков на истребление. Полковник Балкашин, желая спасти подчиненных, вышел из казармы и обратился к толпе с призывом не стрелять в его солдат...

Пуля поразила сердце.

Прав историк Катков, ссылаясь на пример полковника Балкашина: «Случай с Самокатным батальоном показывает, что мог бы сделать решительный и пользующийся популярностью офицер, если бы...»

Если бы во главе штаба округа стоял энергичный и волевой генерал!.. Историк цитирует документы, из которых явствует, что настроение солдат определяла двойственность — в первые дни бунта никакой определенности в их действиях не было. Нет сомнений, они подчинились бы умелому и деятельному руководству.

Однако червь разложения уже подточил народную веру и терпение. Лишь поворот политики (например, выход из войны, обещание земельной реформы и т. п.) еще мог погасить пожар возмущения. Но для этого следовало быть гигантом воли и духа.

Николай Александрович Романов на такую роль не годился.

Генерал Врангель так отзываясь о возможности сохранить армию в первые недели революции:

«Я глубоко убежден, что, ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрезавшись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить».

В час дня из Могилева отбывает и генерал Иванов: на руках — приказ государя императора. Ему, Иванову, подчинены 67-й пехотный Тарутинский и 68-й пехотный Бородинский полки Северного фронта, два кавалерийских полка 2-й дивизии, два пехотных полка и пулеметная команда с кольтами — Западного фронта. В Орше Иванов догоняет эшелон с георгиевцами и далее следует с ним...

Великие князья Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович передают через присяжного поверенного Иванова (однофамилец генерала) акт об отречении Николая Второго с тем, чтобы акт был представлен царю Временным Комитетом Государственной думы.

В ночь с 28 февраля на 1 марта в Таврическом дворце открывается первое заседание Совета рабочих депутатов. Присутствует не менее тысячи человек. Председательствует офицер — Н. Д. Соколов.

Выступают с приветствиями и докладами представители полков: Волынского, Павловского, Литовского и других — всех отборнейших полков империи. После докладов предложено и без возражений принято слить воедино революционную армию и пролетариат столицы — создать единую организацию: Совет рабочих и солдатских депутатов.

Принято решение о подчинении солдатских комитетов всех войсковых частей и подразделений Петрограда и его окрестностей Совету. Во всех политических выступлениях они должны подчиняться только Совету. Постановлено оружие из частей и подразделений не отдавать, хранить под контролем ротных и батальонных комитетов. Совет провозглашает «равноправие солдат с прочими гражданами в частной, политической и общегражданской жизни, при соблюдении строжайшей воинской дисциплины в строю». Совет постановил свести все данные решения в одном воззвании или приказе.

Тогда же комиссия под председательством Соколова и формулирует знаменитый приказ — приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа.

Приказ обязывает провести выборы от нижних чинов в коми-

теты всех воинских частей и подразделений округа. Воинские части должны избрать по одному представителю в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов с тем, чтобы депутаты явились в здание Государственной думы с письменными удостоверениями к десяти утра 2 марта. Приказы думской военной комиссии исполнять «только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Оружие не сдавать и не выдавать офицерам, даже при категорическом требовании. Вне «службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. Вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются. Равным образом отменяются титулования: ваше превосходительство, ваше благородие и т. п. — и заменяются общими обращениями: господин генерал, господин поручик и т. д. Грубое обращение с солдатами, в частности обращение на «ты», воспрещается».

Этот приказ постепенно стал общим для всей русской армии и сделал для ее разложения не меньше, а существенно больше всей ленинской антивоенной пропаганды. Во всяком случае, благодаря именно этому приказу, отстранившему офицерство от реальной власти, армия обращалась в среду, где эта пропаганда становилась сверхдейственной. Таким образом, Соколов¹ вырастает в исполинскую фигуру по содеянному в ту ночь.

Именно борьба за армию, а точнее, ее разложение, сведение ее действительного значения к нулю, и составляла смысл распри между различными политическими силами в отрезок времени между февралем и октябрём 1917 г. Уничтожить армию как вооруженную опору государства, а после захватить власть — вот основная задача ленинской антивоенной пропаганды.

5 марта 1917 г. в первом номере «Вестника Временного правительства» опубликован указ Временного правительства Правительствующему Сенату: «Временное правительство постановило: учредить верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров... и других высших должностных лиц...»

Председателем следственной комиссии Временного правительства назначен известный московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев (поэтому комиссию в просторечии называли «муравьевской»). Председатель комиссии имел двоих заместителей. В комиссию также входили четыре члена. Со временем состав комиссии менялся.

¹ Этим грозным сочинителем оказался бывший присяжный поверенный (адвокат), а тогда тыловой офицер военного времени Николай Дмитриевич Соколов. Этот человек сделал для Октября больше, нежели сотни известнейших революционеров-подпольщиков — вожаков народа, хотя и был не единственным автором знаменитого приказа.

И по сию пору стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. (при Временном правительстве) в Чрезвычайной Следственной Комиссии, являются одним из самых ценных исторических материалов.

21 апреля 1917 г. был допрошен бывший председатель Совета Министров князь Н. Д. Голицын.

«Председатель. Вы князь Н. Д. Голицын? Вы проживаете пока в городе Петрограде? -

Голицын. Да, Конногвардейский бульвар, 13.

Председатель. Вы занимали пост председателя Совета Министров с 27 декабря?

Голицын. С 27 декабря по 27 февраля.

Председатель. Вы были арестованы?

Голицын. Я скрывался...

Председатель. ...Нас интересуют некоторые другие вопросы. Вы были назначены 27 декабря. При каких обстоятельствах и, собственно, по чьему настоянию состоялось ваше назначение?

Голицын. Для меня это совершеннейшая загадка до настоящего времени. Я должен сказать, что мое назначение, как мне было известно, состоялось по ходатайству лиц, которые не пользовались ни уважением, ни доверием. Я должен сказать, что Распутин я не видел в глаза... Других тоже не знал. В 1915 г. императрица Александра Федоровна поручила мне оказывать помощь русским военнопленным. И вот, по делам этого комитета, председателем которого я был назначен, я имел довольно частые доклады у императрицы... 25 декабря, в день Рождества, в час дня, мне говорят, что меня вызывают по телефону из Царского и говорят, что императрица просит меня приехать в Царское в 8 ч. вечера. Меня нисколько это не удивило, так как меня довольно часто вызывали по делам о военнопленных. Я поехал в 7 вечера в Царское. Меня там встречает швейцар и говорит: «Вас приглашала императрица, а примет государь, пожалуйста». Указывает вход к государю, а не к императрице. Доложили государю. Государь меня сейчас же принял и говорит, что императрица занята, а я свободен и вот побеседуем. И начали беседовать о посторонних предметах, о военнопленных, расспрашивал о деятельности нашего комитета... Весь разговор в этом роде. Потом несколько минут молчания, и его фраза: «Я с вами хитрю. Я вас вызвал, не императрица, а я. Я долго думал, кого назначить председателем Совета Министров, и мой выбор пал на вас». Я поник головою, так был ошеломлен. Совершенно не ожидал. Никогда я не домогался, напротив, прослужив 47 лет, я мечтал об отдыхе. Я стал возражать. Указывал на свое болезненное состояние. Политикой я занимался всегда очень мало... Я прямо умолял его, чтобы чаша сия меня миновала, говоря, что это назначение будет неудачно. Совершенно искренне и убежденно говорил я, что уже устарел, что в такой трудный момент признаю себя совершенно неспособным. Переговорив об этом, я думал, что я убедил его и что он изменит свое решение. Я уходил совершенно успокоенный, думая, что чаша

сия миновала меня. Понедельник, вторник прошли спокойно. В среду вернулся поздно вечером, после 10 часов, я нахожу у себя этот указ...

Председатель. А когда вы видели в последний раз бывшего государя?..

Голицын. За 3—4 дня до его отъезда в ставку».

А вот показания о революционных днях февраля.

«Председатель. Будьте добры рассказать.

Голицын. Никаких суждений тут не было. Мы ходили растерянные. Мы видели, что дело принимает скверный оборот, и ожидали своего ареста. Приезжал председатель Государственной думы и бывший великий князь Михаил Александрович. Они меня вызвали к себе, и мы вместе с М. В. Родзянко уговаривали Михаила Александровича принять регентство и сейчас же уволить нас, то есть министров. Я со своей стороны признавал, что нельзя самовольно уходить, тем более что я назначен был помимо своей воли... Мы просили Михаила Александровича принять на себя регентство временно, так как государя нет, чтобы он принял хотя бы с превышением власти... Но он на это не пошел. Это была последняя беседа в Маринском дворце.

Председатель. Вы телеграфировали в эти дни государю или говорили с ним по телеграфу?

Голицын. По телеграфу с ним говорил великий князь Михаил Александрович. А Советом Министров в понедельник вечером, в шесть часов или семь (27 февраля. — Ю. В.), была послана государю телеграмма, которая была составлена и проредактирована министрами Покровским и Барком; в ней сообщалось о тяжелом положении, о том, что войска переходят на сторону фабричных и толпы и что положение трудное. И просили нас сейчас же уволить и назначить лицо, облеченное доверием государя, которое не возбуждало бы недоверия со стороны широких слоев общества.

Председатель. Вы не указывали никого?

Голицын. Нет.

Смиттен (член комиссии. — Ю. В.). Князь, скажите, пожалуйста, какого содержания телеграмму посылал великий князь Александр Михайлович царю?

Голицын. Кажется, он телеграммы не посылал: он поехал с военным министром на телеграф, где можно было переговариваться по прямому проводу. Как мне передавали, он предлагал принять на себя регентство. Государь с ним не говорил. Алексеев, кажется, ответил, что государь благодарит за участие, но приедет сам послезавтра, в среду...»

Это очевидно — князь Николай Дмитриевич возглавил правительство по одной причине: он не имел своего мнения и воли и никак

не стал бы мешать монарху управлять страной. Безусловно, инициатива назначения исходила от императрицы Александры Федоровны.

Из протоколов допроса само собой следует, что лично князь был совершенно чист. Возраст поставить в упрек?..

Вырвем у небытия образ великого князя Михаила Александровича, пусть и в сухой характеристике Роберта Брюса Локкарта («История изнутри. Мемуары британского агента»).

«В своей казачьей форме он производил приятное впечатление. Высокого роста (предмет зависти старшего брата. — Ю. В.), с красивым лицом, обаятельными манерами и хорошим характером, великий князь мог быть прекрасным конституционным монархом. Он говорил свободно о войне, о недостатке снарядов, необходимости улучшить транспорт и сделал только одно замечание, которое можно истолковать как политическое. «Слава Богу, — сказал он, — атмосфера на фронте гораздо лучше, чем в Петербурге». Он был самым спокойным и, вероятно, наименее самонадеянным из всех великих князей».

Расправа над ним в июле восемнадцатого, всего через год с небольшим, будет стремительной и жестокой. А после сожгут...

Приказу № 1 отдельную главу книги «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» посвятил Родзянко:

«...Вечером 1 марта, — вспоминал он, — в созданную при Временном Комитете Военную Комиссию под председательством члена Думы Энгельгардта явился неизвестный солдат от лица избранных представителей Петроградского гарнизона, потребовавший выработки приказа, регулирующего на новых основаниях взаимоотношения офицера и солдата, на что Энгельгардт ответил резким отказом, указав на то, что Временный Комитет находит недопустимым издание такого приказа.

Тогда солдат этот заявил полковнику Энгельгардту: «Не хотите, так мы и без вас обойдемся».

В ночь с 1 на 2 марта приказ этот был напечатан в огромном количестве экземпляров распоряжением Совета рабочих и солдатских депутатов, которому абсолютно подчинялись рабочие всех типографий Петрограда, и неизвестным Временному Комитету распоряжением был разослан на фронт.

Когда это дошло до сведения Временного Комитета, а Временного правительства тогда еще не существовало, Комитетом было сделано постановление о том, что этот приказ считается недействительным и незаконным.

Произошло крупное объяснение с Советом рабочих и солдатских депутатов, и в результате этот последний выпустил в одном из номеров своих «Известий» другой приказ, в котором объявлялось для всеобщего сведения, что приказ № 1 обязателен только для

Петроградского гарнизона и войск Петроградского военного округа.

Но, конечно, вредное дело было сделано».

«Пехотные части, отправленные с Северного фронта в Петроград, в Луге были встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут» — такие сведения поступили в Могилев, к генералу Алексееву...

За станцией Малая Вишера путь к Петрограду императорским составам закрыли революционные войска — это подразделение лейб-гвардии Литовского полка. Они уже сняли с постов железнодорожников и жандармов на станциях Тосно и Любань.

В ночной мгле составы поворачивают назад, на Бологое.

И взаправду потрясение основ! Кто-то смеет не пропускать его — царствующего монарха!

Поезда идут вспять. Зарево костра с далекого рудника под Екатеринбургом ложится на всю державу Российскую, освещая и рельсовый путь на Псков.

В Пскове Николай рассчитывает обрести силу. Там штаб фронта с одним из самых способных генералов — Рузским. Там войска, которые держат фронт против кайзера. Они не могут отвернуться от своего императора. В конце концов он исполнял и исполняет священный долг перед Россией — это обеспечение спокойствия и процветания ее. Он всю жизнь стремился только к этому.

Четыре Брата... Четыре Брата...

Сейчас главное — победить Германию, уберечь родную землю от нашествия врага. Другой задачи нет...

Четыре Брата... Четыре Брата...

Утро 1 марта неспешно движется по России.

Из Старой Руссы в час дня отбита телеграмма главнокомандующему Северного фронта генералу Рузскому: на станцию Дно, в Псков, следует государь император. (Сколь символично название станции, нарочно не придумаешь.)

К вечеру 1 марта генерал Иванов прибывает в Царское Село. Он узнает, что генерал Хабалов и большинство министров арестованы, а главное — в Петрограде нет ни одной надежной части: все революционизированы. Он отдает приказ грузиться георгиевцам и уезжает в Вырицу — это вне досягаемости бунтовщиков. Через несколько часов после их отъезда Царское Село занимают революционные войска...

В семь часов пять минут вечера императорский поезд замирает у перрона станции Дно. Через пять минут Николай принимает Рузского. Наконец-то государь император начинает приходить в себя. Пора бы...

По выходе от Николая генерал Рузский отвечает на град вопросов чинов свиты:

«Теперь уже трудно что-нибудь сделать; давно настаивали на реформах, которых вся страна требовала... не слушались... Голос хлыста Распутина имел силу... Всё! Посылать войска в Петроград уже поздно... Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя...»

На милость победителя!

«...Для меня непонятно поведение его (Рузского. — Ю. В.) в критическую минуту для верховного вождя русской армии, когда к последнему явилась депутация, вместе с Гучковым, с требованием отречения от престола.

Это произошло в районе, где Рузский был старшим военным начальником, а потому по долгу присяги и службы на его обязанности лежала охрана особы государя всеми вооруженными силами, находившимися в его руках...» — напишет в своей книге генерал от артиллерии Сухомлинов.

На милость победителя!

Генерал Иванов предан престолу, но труслив и недалек: в 1918 г. побежит на Дон и задохнется там в сыпняке 68 лет от роду. Богобоязненный был старик. Изменил присяге, даже не попытался выполнить приказ. Не сложил голову, пожалел... сберег себя для сыпняка. Сгорел без славы и чести... дрогнул перед ужасом солдатского самосуда. И впрямь, целый Питер против него! Народ!..

Быть палачом народа?!

В соответствии с воспоминаниями и свидетельствами тех лет я и описал поведение генерала Иванова. Однако ошибся. Имеется документ, объясняющий по-иному поведение Николая Иудовича. Звезд он с неба не хватал, но и шкурой не был. Одно время едва не стал военным министром, но предпочли Сухомлинова.

А факты таковы. Уже на подходе к Царскому Селу генералу будет отправлено телеграфное распоряжение государя императора: никаких военных действий в столице не предпринимать во избежание пролития крови.

По возвращении к своему эшелону генералу и будет вручена телеграмма-приказ царя. Она выводит генерала из игры.

Вот текст телеграммы:

«Надеюсь, прибили благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. *Николай. 2 марта. 0 часов 20 минут*»

Государь император опасается за судьбу семьи и воспрещает какие-либо действия. Николай Второй не исключает, что, если толпу разъярить, она обрушится на дворец. Он сам на месте должен во всем разобраться...

А Рузскому... плевать на монархию и государя императора! Он, генерал-адъютант Рузский, за республиканское правление. Его

задача сейчас — добиться ответственного министерства и... отречения этого бестолкового Романова. По мере поступления новостей он будет в этом укрепляться и к этому гнуть императора. Все равно тому деваться некуда; он, император, здесь, в Пскове, в его руках.

Загон начался!

Ох, торопится Николай Владимирович! Впрочем, он всего лишь исполняет долг перед Россией — республика вдохнет силу и мощь в одряхлевшие члены монархии. История смотрит в глаза ему, Николаю Рузскому. И он знает, читает ее повеление...

Приблизительно в одно время с бывшим императором и его семьей, то бишь через год с небольшим, а точнее — в октябре восемнадцатого, залп красноармейцев оборвет жизнь и просвещеннейшего Николая Владимировича. Новая республика Ленина расчищала землю для посевов будущего. Впрочем, лично о Рузском вождь пролетариата пожалеет: погорячились.

Расстреливать, разумеется, надо с выбором, уж очень верил в республику генерал, мог пригодиться. Это тех, которые без пользы, можно и нужно класть без разбора.

Но Николай Владимирович ничего этого не ведает, более того, верит в свою звезду: берет цвет заря новой жизни. И следует спешить к восходу этой жизни ему, одному из самых талантливых русских генералов: лет-то, слава Богу, 63, как раз через пять дней и подспеют. И Николай Владимирович азартно раскручивает события, хотя они и без его участия набирают сумасшедшие обороты. Будет в России наконец своя великая демократия! Не воля и прихоть самодуров будут определять судьбы людей, а законы, непреложные и обязательные законы республики, единые для всех. Парламент, свободы, независимость суждения, все дороги для одаренных и самобитных, братство, человечность, просвещение...

Новая Россия. Стихия восстания расчищает ей путь.

А Владимир Ильич Ленин покуда еще в Швейцарии. Лето этот невысокий плотный господин проводит в горном местечке Флюме; на зиму перебирается в Цюрих, архиуютный, спокойный город: без помех можно работать и руководить партией. Буржуазные свободы оберегают его — никто не смеет прикоснуться, а уж о похищении и речи быть не может.

Почти 20-летняя эмиграция не размыла в этом, казалось бы, космополите национальный характер. Владимир Ильич в целости сохраняет чувство принадлежности к России — не всем великим дано такое властное, немеркнувшее чувство. Достаточно припомнить знаменитое столкновение Достоевского с Тургеневым в среду, 28 июня 1867 г., в Баден-Бадене:

«...Федя (Достоевский. — Ю. В.) по обыкновению говорил с ним (Тургеневым. — Ю. В.) несколько резко, — записала в дневнике жена Федора Михайловича Анна Григорьевна, — например, советовал ему купить себе телескоп и смотреть, что там (в России. —

Ю. В.) происходит, иначе он ничего в ней не поймет. Тургенев объявил, что он, Тургенев, реалист, но Федя говорил, что ему только так кажется. Когда Федя сказал, что он в немцах только и заметил, что тупость да, кроме того, очень часто обман, Тургенев ужасно как этим обиделся и объявил, что этим Федя его кровно оскорбил, потому что он сделался немцем, что он вовсе не русский, а немец. Федя отвечал, что он этого вовсе не знал, но очень жалеет об этом. Федя, как он говорил, разговаривал все больше с юмором, чем еще больше сердил Тургенева, и ясно высказал ему, что роман его («Дым». — Ю. В.) не имел успеха. Расстались, впрочем, они дружески, и Тургенев обещал дать книгу. Странный это человек, чем вздумал гордиться, — тем, что он сделался немцем? Мне кажется, русскому писателю не для чего было отказываться от своей народности, а уж признавать себя немцем — так и подавно. И что ему сделали доброго немцы, между тем как он вырос в России, она его выкормила и восхищалась его талантом. А он отказывается от нее, говорит, что если б Россия провалилась, то миру от этого не было бы ничего тяжелого... Ну да Бог с ним, хотя я знаю, что Федю разговор с Тургеневым ужасно как рассердил, и взволновала эта подлая привычка людей отрекаться от родного...»

Анну Григорьевну, по матери шведку, а по отцу — Сниткину, оскорбило поведение Тургенева. Надо полагать, Иван Сергеевич заявил так в сердцах, в кровной обиде за свой роман, а вовсе не по зрелому рассуждению. Однако все же Родину не отсылают ко всем чертям в досаде за роман: «...если б Россия провалилась, то миру от этого не было бы ничего тяжелого...»

Признаться, слова такие...

Я глубоко чту Ивана Сергеевича и должен дать объяснения.

Горечь, нерастратенное чувство любви, жизнь без женской любви и ласки при сказочном богатстве этого чувства и вообще чувств, одиночество, горячность... Кто знал Тургенева, испытывал к нему искреннее почтение. Отзывались так: нет человека умнее и добрее. Ум и сердце были в нем равны...

С другой стороны, случается, и Родина поступает со своими чадами не то чтобы не по-матерински, а вообще не по-людски. Ответное чувство к ней вполне могут выразить слова Шарля Бодлера. Помните его «Родину»?

За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?..
Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли...
Во цвете силы — убивала...
Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила...
Какая ж ты нам мать? За что любить тебя?..

Бессмертие Бодлеру за одни эти слова... и поклон.

В январе 1992 г. мы с Ларисой провели три дня в Лондоне в обществе Ирины Ратушинской и Игоря Герашенко — одних из последних жертв инакомыслия КГБ. Тогда я, к своему стыду, ничего не знал о стихах Ирины «Родина».

Ненавистная моя родина!
Нет постыдней твоих ночей.
Как тебе везло
На юродивых,
На холопов и палачей!
Как плодила ты верноподданных,
Как усердна была, губя
Тех — некупленных
и непроданных,
Обреченных любить тебя!

Как мне снятся твои распятые!
Как мне скоро по их пути
За тебя —

родную,
проклятую —
На такую же смерть идти!
Самой страшной твоей дорогою —
Гранью ненависти
и любви —
Опозоренная, убогая,
Мать и мачеха, благослови!

1977. Одесса

Только за эти строфы Ирина будет осуждена на 5 лет! За стихи — на 5 лет!!

Тогда, в Лондоне, она ждала ребенка, — ждала с особым чувством и особой бережливостью. Следователь КГБ неоднократно говорил ей, что после следствия и лагеря ей не бывать матерью. Ирине и в самом деле выпали бесчеловечные испытания. Они так и не сломали дух маленькой, хрупкой женщины.

Россия отсиживалась за спинами таких женщин. Их было так мало — можно было счесть по пальцам, а Россия вся умещалась за ними...

Это к ней, России, и другие ее стихи:

...Про суму, про тюрьму,
Про кошмар сумасшедшего дома —
Не трудись повторять.
Мы навек заучили и так.
Кто был слишком крылат,
Кто с рождения был неугоден —
Не берись совладать, покупая, казня и грозя!
Нас уже не достать.
Мы уходим, уходим, уходим...
Говорят, будто выстрела в спину услышать нельзя.

Январь 1980. Киев¹

¹ Р а т у ш и н с к а я И р и н а. Стихи. Чикаго, «Литературный курьер», 1988, с. 24, 65. А родились у нее двое мальчиков.

При всех преследованиях на Родине, политических осложнениях, партийных расколах, склоках и разногласиях будущему вождю немислимо другое отношение к России — только любовь. Там, на Родине, сила научных идей обретет материальное воплощение. Они замкнутся в неопровержимые доказательства. Будет новая Россия!

Ленин обостренно чувствует, в чем нуждается Россия. Он, Ленин, несет это в себе. Он вздыбит Россию, он в этом не сомневается.

Это в него вложено прочно: ему дано знание грядущего, всех дорог и каждой в отдельности. Мир принадлежит большевизму — по-настоящему это никто не знает, а он не только знает, он уже видит. Мысль уже столько раз вычерчивала этот путь!

Владимир Ильич скроен так — сомнений быть не может: за свою принадлежность России он готов на любые муки, но только за Россию свою — социалистическую. Другая для него не существует; так сказать, или моя, наша, или никакая... а точнее — смертная война любой другой России!

Ни 26, ни 28 февраля, ни 1 марта он еще не прослышал о событиях на Родине. Впрочем, для большевика Родины нет, раз она под властью капиталистов, в наличии как бы временно оккупированная территория, которую надлежит превратить в Родину. В этом весь большевизм и все понимание большевизма.

Владимир Ильич продолжает деятельную переписку с Инессой Арманд, в последнем письме — о беспринципности швейцарских «левых».

Вот еще узор, ниточка в затейливой игре судеб.

Более чем благосклонен Ленин к этой женщине, стремительно выводит ее на первые роли в партии. Она тоже не остается равнодушной. В общем, платит страшную цену... жизнью. Из семьи московских миллионеров уходит в эмиграцию — и в итоге умирает от холеры в голодной, промерзшей России.

Оставит в сердце Ленина нежность воспоминаний и Ада Негри — размочит вождю твердый сухарь партийных буден.

И еще будет отмечена чувством Ленина другая прогрессивная женщина. В верхах партии знали об Анжелике Балабановой...

Безусловно, слухи о предательстве немки-царицы чрезвычайно питала разрушительная деятельность «старца», но не только один он преуспел в этом. Противонемецким и противоправительственным настроением давала повод и сознательно-изменническая деятельность определенных лиц, занимавших официальные должности. Это вело к еще более опасному падению авторитета высшей власти.

«Царь-предатель» (ведь родственник Вильгельма!) и «царица-изменщица» — в предреволюционные месяцы это являлось ведущим настроением отнюдь не только простого люда. Недаром сразу после падения царской власти специальная комиссия Временного прави-

тельства займется поисками доказательств таких преступных деяний верховной власти, то есть бывших царя и царицы.

Характерен для объяснения подобных настроений секретный приказ по Шестой армии¹ за № 80:

«Председатель петроградской военно-цензурной комиссии рапортом от 28 октября сего года (по старому стилю. — Ю. В.) донес, что состоящий в числе военных цензоров магистр фармации отставной коллежский асессор Гаупт уличен в выемке из цензуруемых им почтовых пакетов различного рода ценностей... Установлено, что Гаупт... извлекал из них деньги и марки и присваивал их себе; при этом обнаружилось, что Гаупт присваивал преимущественно денежные вложения на имя русских военнопленных, оставляя нетронутыми таковые же на имя германских военнопленных... Дело же о нем по окончании следствия... подлежит передаче в военный суд для осуждения его по законам военного времени.

Объявляю об этом позорном случае по армии и округу».

Проделки Гаупта — это сущая мелочь по сравнению с теми злоупотреблениями, о которых так или иначе становилось известно людям. Все это жирным пятном грязи (в котором для народа и отливала кровь) растекалось по императорской мантии и ставило государя императора в число наиболее ненавистных лиц.

Николашка, Николай Кровавый, Кровопийца... — какими только прозвищами не марали последнего русского самодержца.

От крайне левых партий до кадетов и октябристов — все грезил о гибели царя. Все (отнюдь не изменнические круги общества) с крохоборной готовностью хватались за подобные слухи, факты, прямые оскорбления, наветы и наперебой чернили... нет, не русского самодержца, а «орла о двух головах», не понимая, что это они и есть, что губят они свое национальное государство, такого больше не будет. Лишь это государство, и только оно, хранит национальную природу.

Суть данного государства такова: оно народилось из тысячелетия борьбы славян и дружественных им народов за свое существование и независимость — и потому целиком приспособлено к защите и бережению исконно российского. И вот это могучее древо национального российского образования взялись рубить, валить, поливать помоями едва ли не все граждане Российской империи.

Долой рабство, отмоемся от рабства! Рабы не мы, мы не рабы!

Сатана строил рожи и хохотал. Хохотали с ним и русские, чрезвычайно довольные собой: революция приведет их в братство народов и даст справедливый труд всем.

¹ Шестая армия прикрывала Петроград, посему округ был Петроградский. Здесь, несомненно, имела место широкая деятельность в пользу Германии, прикрываемая громкими именами, как, скажем, графини Клейнмихель, и, разумеется, солидными должностями, чинами, титулами. О том обстоятельно рассказывает в своих воспоминаниях генерал М. Д. Бонч-Бруевич, сам, кстати, замаранный в изменнической деятельности.

Хохотали враги за пределами России. Пускал смешок и Ульянов-Ленин, уже скроивший великолепные одежды интернационализма для России, от которых она изойдет кровью и рухнет. А пока он на всякий случай сочиняет и строки о национальной гордости великороссов.

Где эта гордость? И где Великороссия ныне?

Преданная, оболганная (даже сыны и дочери в сопредельных республиках предали ее, потому что не дает сытости), обескровленная и разутая, голая стоит Русь на всех ветрах лихолетий. И никому нет до нее дела. Пала великая славянская держава.

Имеется литовский «Саудис» — это законно и понятно, ведь надо возрождаться Литве.

В наличии и украинский РУХ — а как подняться без могучего национального движения?

Американцы маршируют со своими знаменами: нет выше и сильней нашей республики! Ее знаменитый атлет, обернувшись в национальный флаг, делает круг почета по стадиону — и вся Америка сходит с ума от восторга. Величайшая, непобедимая страна!

Только Русь не смеет говорить о своем национальном достоинстве. Цыкают и бранят из всех углов за одно подобное слово.

И молчат русские: ведь это подло и несвоевременно — любить Отечество, тем более говорить.

Слышите, русские: это подло — любить Родину!

И возьются, ворочаются, как черви, на экранах телевизоров «доброхоты» и сорят словами, отравляют словами, обессиливают словами. И над ними тоже трехцветный российский стяг.

Оборотни! Могильщики!..

Вячеслав Михайлович Молотов уже в 70-е годы нашего уходящего столетия, будучи немощным старцем, обронил как-то: «Ленин обращался с ней очень нежно»¹.

Вячеслав Михайлович имел в виду Арманд.

Владимир Ильич, надо полагать, отдавал должное десятилетиям дружбы с Крупской, но любил... конечно же, ее, Инессу! Нет, диктатор и прежде знал увлечения, но сумел полюбить лишь ее — несравненную Инессу Арманд, и полюбить страстно, преданно, беззаветно.

Да... Балабанова... Что сказать?.. Анжелика Исааковна Балабанова родилась в 1878 г. Спустя 19 лет выехала за границу для продолжения образования. Русские государи шибко опасались евреев, а грамотных — вдвойне. Они тут и с «сапожным» образованием сочи-

¹ Здесь и дальше я буду иметь в виду работу Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым». В равной мере это относится и к работам Р. Г. Брюса Локкарта «История изнутри. Мемуары британского агента», М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале». Поэтому ссылки приводиться не будут.

няют такие теракты и программы партий, а с дипломами!.. Срабатывал разрушительный принцип «не пуцать» — коренная, чисто русская черта, столь губительная для государства. Только политическое решение любого вопроса дает устойчивость государству, но никогда — сила. Россия почти 70 лет лежала без движения, замкнутая не кровью и силой, а океанами крови и горными хребтами трупов, а взорвалась в считанные месяцы, годы. Нет, ничего не способна связать сила.

Великие империи, скрепленные страхом и силой, рассыпаются бесследно и с непостижимой легкостью, ровно их и не было — с трудом можно сыскать доказательства их бытия лишь в археологических раскопках. Но государства, политика которых исходит из уважения жизни, не из запрета и насилий, отличает жизнеспособность.

Национальное одной стороной примыкает к разрушению, становясь мечом и петлей для народов. Другой стороной национальное упирается в созидательную прочность государственного образования, крепость бытия народа. Пренебрежение национальным родит государства в такой же мере нежизнеспособными, как и государства, рожденные из страха и крови...

Но вернемся к Балабановой, к которой Ленин питал слабость. Долго ли? Это могут установить историки. Но доверием его она пользовалась безграничным. Именно ей он отпустил внушительную сумму для революционизирования народов Европы. Имя вождя являлось для нее охранной грамотой в успевшей стать чужой России...

После курса наук, перекочевав в Италию, Анжелика Исааковна со временем становится одним из лидеров Итальянской социалистической партии.

В первую мировую войну (а она переживет и вторую мировую войну) Анжелика Исааковна занимала центристскую позицию, участвуя в Циммервальдской, Кинтальской и прочих конференциях, ставящих целью осуждение и прекращение войны.

В 1918-м не без влияния Ленина 40 лет (уже возраст, как бегут годы!) приехала в Россию, предварительно вступив в партию большевиков (тут Ленин являлся надежным покровителем). Не было ее в лапотной России 21 год, пора приложить знания да опыт.

На I конгрессе Коминтерна (2—6 марта 1919 г.) присутствовала с совещательным голосом. В 1919-м — член коллегии Наркомата по иностранным делам в Украинском советском правительстве. Пользовалась неизменным доверием вождя. Для нее он был не только единомышленник.

В 1922 г. выезжает из России по коминтерновским делам, обильно нагруженная деньгами, теперь, как окажется, навсегда.

После кончины Ленина для нее в партии нет опоры — и в 1924-м ее исключают из РКП(б) за меньшевистские взгляды, попросту выгоняют. У Сталина везде должны быть свои люди с его, сталинским пониманием отношений в партии и стране.

С 1936 г. Анжелика Исааковна жила в США. Отошла в мир иной

осенью 1965-го. Очень резко, непримиримо выступала против сталинско-хрущевской России. Надо полагать, знала много такого, что, подстраховывая, позволило дожить до преклонных лет — не отважился Сталин убить. Оставила интересные записки, к которым, по-моему, никто из историков так и не обращался¹.

«А. М. Коллонтай была не вредной...» — считает Молотов. Это значит, можно было не загонять за решетку или дырявить голову пулей, как это сделали почти со всеми ее товарищами по партии (в том числе и двумя бывшими мужьями — Шляпниковым и Дыбенко). Впрочем, кому было дано заглянуть в электрические дуги мыслей Кобы? Отчего, почему не убил, а дозволил с почетом опочить в кремлевской больнице 9 марта 1952 г. 80 лет от роду?

Через полтора года в этой больнице угасал мой отец, и сестры хранили в памяти те необыкновенные истории, которые Александра Михайловна надиктовывала стенографистке. Она спешила завершить воспоминания. Эти воспоминания Коллонтай завещала опубликовать спустя полвека. Однако, похоже, канули они бесследно во чреве «женевской» твари...

Спустя десятилетия (каждое, почитай, размахом с эпоху) Молотов так отзывался об Александре Михайловне Коллонтай:

«Она все-таки выдающийся человек... Интересная. Поклонников меняла много... Красивая женщина. Побывала с одним, побывала с другим... Красиво очень говорила... Она у нас была не вредной...»

Бог не отметил страсть Ленина детьми. Ни одна не понесет от вождя...

Но это так, крохотная плиточка в нескончаемой мозаике жизни. А пока Ленин снова пишет Коллонтай в Христианию (Осло) — о будущем съезде шведских социал-демократов; корпит над планом статьи «Уроки войны» и заканчивает статью «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии».

Разоблачение истинного характера империалистической войны

¹ Мне, однако, повезло — я видел их, держал в руках. В январе 1992 г. мы с Ларисой гостили в Кембридже у известного диссидента В. К. Буковского. В один из дней он достал с полки книгу и сказал, подавая мне:

— В прошлом году я читал лекцию в Индианаполисе (США). После лекции ко мне подошел старый человек, я знал его. Он пригласил меня к себе, чтобы вручить на память воспоминания Балабановой. А ему их подарила сама Балабанова в 1938 г.

И Владимир Константинович перевел с английского название книги: «Моя жизнь мятежницей» (My life as a rebel. New York and London, Harper — Brothers publishers). У Буковского — 3-е издание.

На титуле — дарственная надпись Балабановой. Среди фотографий и ее — полная седая дама. И хоть отчество у нее еврейское, лицо типично российское — с развитыми скулами и некрупным, слегка приплюснутым носом (в молодости была курносая).

Надеюсь, когда-нибудь я получу перевод книги.

(социал-патриотов и социал-пацифистов) — по-прежнему генеральная его задача. Он ничего не знает о событиях в Петрограде, когда повторяет привычный маршрут. Его еще не втянул водоворот событий: ни дня, ни минуты без мучительного напряжения и ощущения движения к краю пропасти. Все это еще впереди.

Для прогулок у него несколько маршрутов: есть самый дальний, есть средний, есть и короткий, когда очень занят или нездоровится. Сложались они сами по себе. Разумеется, бывают исключения, он пускается в совершенно непредсказуемые кружения по улицам, забредает в незнакомые парки, скверы, но это случается редко, когда вдруг на душе становится светло и радостно...

Все те же дома, перекрестки, те же деревья... все это ложится в сознание чисто, ровно. Он не знает, что это — в последний раз. В последний раз он идет по этому городу без тревоги забот — груза дел, которые надо непременно прокрутить, никто за тебя не сделает, а если сделает, то не так, и главное — без этой безмерной ответственности, несъемного гнета этой ответственности: никто не заменит, надо делать, каждый миг и час — делать. Выпасть из этого дела — равнозначно гибели, гибели всего, уже всего...

Все вместе это так спрессует остаток его жизни, раздвинутый при обычных условиях (судя по природной крепости и вообще здоровью) на весьма немалые годы, что вся эта растянутасть лет уплотнится в какую-то огненную ограниченность временного пространства, а после — сразу провал в бездну, распад...

Пока он ничего этого не знает, даже не догадывается, но всей жизнью он приготовлен к тем событиям, которые берут разгон на Родине. Никто в целом свете не готов, как он. Ради этих событий он жил, единственно ради них. Такой поворот, а точнее, слом русской истории, — это счастье для него, это выше счастья! Он и не рассчитывал на такое!..¹

Общеизвестно, что Ленин считал невозможной революцию в России не только в ближайшее десятилетие, но и при своей жизни. Так что с дальновидностью и научным предвидением дела обстоят несколько иначе.

1 марта в 6 часов вечера генерал Иванов с батальоном георгиевцев прибывает в Вырицу (городок на реке Оредеж, за Вырицей рукой подать — и уже Царское Село, а там и Питер...). Очевидно, от офицера жандармской службы, размещавшейся тогда в каждом более или менее крупном железнодорожном пункте, Николай Иудович узнает о брожениях в частях царскоевского гарнизона.

Генерал опытен, Россия не в первый раз бунтует на его памяти. Он тут же распорядился прицепить к составу еще один паровоз, но с хвоста, чтобы иметь возможность сразу давать задний ход. В те же

¹ В 70-х годах Молотов вспоминал: «Возьмите вы Ленина — у него каждая работа, каждая строчка — бомба под империализм. Это — главное в Ленине».

часы на станции Александровка уже выгружался первый из карательных полков — славный Тарутинский. Держись, революция! Пощекотят тебе ребрышки фронтовики! Чай, зажралась в тылу штатская вошь!..

Станция Александровка определена пунктом сосредоточения воинских частей, намеченных для усмирения.

В этот вечер полки Северного фронта, выделенные для восстановления императорской власти в столице, находились между Псковом и Лугой, а Западного фронта — между Минском и Полоцком. Для сбора всех сил и броска на мятежную столицу нужны шесть дней и ночей. История не представила их Романовым. Нет, обрывается двуглавое счастье России...

Поздно вечером, скорее ночью, Николай Иудович прибывает в Царское, отсюда рукой подать до Питера. Истомились, поди, георгиевцы: все дорога да дорога, а дела настоящего нет. На вокзале Иванову вручают телеграмму Алексеева. В данной телеграмме начальник штаба Верховного главнокомандующего сообщал Иванову о нормализации обстановки в столице «благодаря действиям Думы» и просил доложить государю императору: «Дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию».

«Укрепит Россию!» Генерал Алексеев свой выбор сделал: он с революцией. Самое время поставить пределы всевластию царей. А Думе нужна корона царя, то есть отречение.

Россия, народ, победа!..

Там же, на вокзале, Николаю Иудовичу передают приглашение Ее величества государыни императрицы срочно пожаловать во дворец. По возвращении с аудиенции Николаю Иудовичу и вручили ту телеграмму императора с отменой карательных мер против непокорной столицы.

Стонет двуглавый орел, из обоих клювов и множества ран хлещет жаркая кровь. Почти пять веков оберегал Россию и ныне смертельно подбит ею же, Россией! Вот-вот раздавят его миллионные сапоги и туфли великой славянской державы, поскольку почти все радовались крови и боли поверженного орла. Каждый норовил втоптать гордую птицу в грязь, не ведая, что это частица его самого издыхает здесь, под ногами.

И топтали, и топчут, и будут топтать, пока не поймут, что Родину поганить — клятвопреступление, измена Богу. И за то несут тяжкий крест боли и вечной нужды — в этом промысел Господень. И будет так, пока не наступит прозрение...

В личный вагон генерала Иванова проходят и представляются посланцу царя полковник Доманевский и подполковник Тилли.

«Честь имею представиться, ваше высокопревосходительство!..»

Оба офицера из Петрограда. Ну, как там, господа офицеры?! Что нового? Что Хабалов, Занкевич, Беляев, князь Голицын, Его императорское высочество великий князь Михаил? Что-то они все-таки предприняли?!..

Полковник вручает Николаю Иудовичу письмо генерала Занке-

вича. Начальник Генерального штаба советует не вступать в конфликт с Думой, лично для императора Николая дело проиграно, но Дума может спасти монархию, имеется надежда.

И впрямь, еще хлещет кровь из двуглавого орла. Значит, и жива еще двуглавая Россия, не пала в грязных прибаутках, частушках и пожарах усадеб — великих дворянских гнезд... Еще не везде сорваны и сожжены портреты царствующего императора, еще огромная армия не изменила присяге...

Александр Сергеевич Лукомский так излагает историю «георгиевского вояжа» генерала Иванова.

«По прибытии в Царское Село генерал Иванов, вместо того чтобы сейчас же высадить батальон и начать действовать решительно, приказал батальону не высаживаться, а послал за начальником гарнизона и комендантом города.

В местных частях войск уже начиналось брожение и образовались комитеты; но серьезных выступлений еще не было. Кроме того, некоторые части, как конвой Его величества, так и собственный Его-величества пехотный полк, были еще, в массе своей, верными присяге.

Слух о прибытии эшелона войск с фронта вызвал в революционно настроенных частях смущение; никто не знал — что направляется еще за этим эшелоном...

Оставление Георгиевского батальона в поезде и нерешительные действия генерала Иванова сразу изменили картину.

К вокзалу стали прибывать запасные части, квартировавшие в Царском Селе, и начали занимать выходы с вокзальной площади и окружать поезд...»

Что ж там, в Питере?.. Николай Иудович стоит, мнется у состава и не знает, куда гнать, чей приказ исполнять... Есть приказ государя императора, есть телеграмма Алексева, а теперь и начальника Генерального штаба. Куда гнут события? Что тут за игра?..

Что же делать? Что в столице? Кто с кем договорился?..

Не по себе Николаю Иудовичу — сыну солдатскому. Никогда ему еще не было столь тяжело. Происходит что-то страшное, он может и должен повлиять на события, но как?

Как?! Государь император, генерал Алексеев, генерал Занкевич, Дума...

И меряет шагами перрон генерал, ни на кого не смотрит. Вперед-назад, вперед-назад... Происходит что-то страшное, непоправимо страшное...

«Батюшка был солдатом, — лихорадочно тасует мысли старый генерал. — Я начинал с солдата. Выше Родины и царей не было и нет для меня ничего. Государь дали мне высший чин в российской армии, дали почет, достаток, власть. А я? Господи, как быть, если

своей телеграммой государь император вывел меня из дела? Я могу только ждать! Но если Его величество не все знает?! И я его подведу к роковой черте? Я?! Я?! Что же делать?!

Неужто чернь, тупая толпа, которая не соображает, что творит, разорит Россию, сшибет шапку Мономаха с венценосца в грязь?!

Неужто немцы ворвутся в Россию и... о Господи!

Что же там, в Петрограде? Что?»

Николай Иудович поворачивается спиной к составу и осеняет себя крестным знамением. Один раз, еще, еще... Ничего нет перед ним, кроме тяжеловато-теплого мрака ночи, да сбоку сипит паровоз.

Слезы текут по щекам старого генерала. Россия!..

А у «косоглазого друга» для государя императора заготовлена очередная телеграмма. Молнией прорезала черноту ночи и вылезла из аппарата Бодо длинной белой змеей. Так и затрусил с ней через все вагоны дежурный офицер — белые кольца ленты в руке.

Ох, не знает господин офицер, что сейчас и его судьба решена. Да что там его? Всей глыбы народа! Миллионам живых уже определены могилы. Миллионам назначены муки, слезы, стоны...

И государь император не спит. Стоит у окна своего царского вагона и через стекло смотрит в темноту, смотрит...

А Сашка Кутепов в своей холостяцкой квартире напился до положения риз и мычит матерщину... Таращит глаза на люстру под потолком и грозитя перестрелять всю революционную сволоочь, всю красную шваль. Башка разрывается от коньяка. Тут же, на стуле, валяется наган, и, прислоненная, косо стоит шашка...

А Россия спит... Привыкла, чтобы за нее решали несколько голосов, — и спит, родимая. Ее на плаху волокут, а она спит, ей приятные сны снятся.

И весь тысячеверстный фронт изрыгает свинец, ракеты, снаряды — и хочет лишь одного, ничего больше не надо: домой, домой!!

И в своем особняке в Екатеринбурге крепко, с храпом поживает инженер Ипатьев. Домишко у него славный, натопишь — и долго держит тепло. А потому, что стены толстые, не жалели кирпич...

А государь император распутывает кольца телеграммы и читает: Алексеев настаивает на уступках во имя соглашения с Думой...

«Косоглазый друг» хитер, делает вид, будто не ведает, что за уступки. Это точно: генералы гнут свое. Им по душе дрессированный монарх... с конституцией, а еще лучше — республика. Разумеется, их республика, не господ социалистов. Генералам и договариваться не след — сколько с глазу на глаз говорено. Для успеха в войне нужно твердое и толковое руководство, а тут Распутин, истеричная царица, безвольный царь, чехарда министров, бордель, а не власть! Пусть там, в Петрограде, революция, но ведь то своя, для

пользы дела. Родзянко, Гучков, Милюков... эти люди дадут России нужное направление.

Эти сотни нашептываний генералов слышит и понимает Алексей. Рузский тоже на месте.

Молнии телеграмм бьют в августейшего монарха, бьют...

Сотни невидимых посланий прорезают ночное небо России.

Нет, не все проиграно!

Паровоз, прицепленный к хвосту куда как кстати, и Николай Иудович откатывает все в ту же Вырицу — не городок, а стратегический пункт. А как же? Ведь это последний опорный пункт гибнущей династии.

В ночь на 2 марта генерал Иванов арестовывает начальника станции: кто тут хозяин, кто отменил власть императора? У Николая Иудовича зреет решение вновь идти на Петроград. Не может быть, чтобы все было проиграно, и вот так, сразу. Он отдает команду, и эшелон устремляется на Царское, а там и бунтующая столица. Но рабочие еще раньше валят поперек пути паровоз: «нет» карателям! Да здравствует революция! Состав с георгиевцами, пробежав несколько верст, упирается в препятствие. Николай Иудович вынужден попятиться на Вырицу. Он в ярости. Ряд советских источников сообщают о расстрелах, произведенных генералом, наделенным полномочиями диктатора Петрограда. Генерал пускает в расход рабочих железнодорожников. Так, расстрелял виновных, а что дальше-то?!

Николай Иудович пишет донесение начальнику штаба Верховного главнокомандующего и вручает подполковнику Тилли.

— Взять паровоз — и в ставку! Шпарить напролом, но быть в Могилеве как можно быстрее!..

В те же часы пожирает версты состав на Псков: Гучков и Шульгин должны принять отречение.

Ну что, двуглавый орел, не защитил крылами, не спас свою Россию? Так преть тебе и ей в грязь и проклятиях! Да здравствует свободный народ!

Александр Иванович Гучков один из первых строителей этих самых дней. Уже много лет он и его сообщники готовили переворот. Из поезда Гучков телеграфирует Николаю Иудовичу в Вырицу, которая внезапно крупно-крупно отбивает свое имя в истории России. В этом городке, замахнувшись, вдруг бессильно упала рука императора России — нет больше трона, нет династии, нет будущего...

«Еду Псков, — отстукивают аппараты, змейкой пуская ленту слов в руки связистов, — примите все меры повидать меня либо в Пскове, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. Распоряжение дано о пропуске Вас этом направлении».

Николай Иудович предпринимает попытку вырваться на окружающую железную дорогу, но рабочие напрочь загораживают пути.

Окружная на севере от Вырицы, стало быть, каратели заговаривают зубы окружной, а сами рвутся к Петрограду, а этого они, рабочие (возбужденные событиями и возможностью кровавых расправ в столице), допустить не могут.

«Еду Псков» — обратите внимание: «еду», а не «едем» (ведь с ним Шульгин). Уже тон хозяина положения, завтрашнего вершителя судеб страны. Это он, Александр Гучков, ведает совершенно точно: столько лет мастерили, притирали каждое словечко, каждый шаг и изгиб этих дней. В сетях у них Николай Александрович Романов, любую бумагу подпишет, куда денется. Все, повязан августейший зверь!..

3 марта в Вырице Николай Иудович получает приказ от Родзянко вернуться в Могилев.

Приказ от... Родзянко! Не государя императора, а... Родзянко!..

5 марта генерал возвращается в ставку со своим батальоном георгиевцев. Так и не сгодилась удаль солдат-героев, опробованных всеми смертями войны. Не примкнули штыки, не пошли на толпу: «Длинными... коли!» Не омочили руки братской кровью. Таков был умысел Господень.

Генерал выходит из вагона на перрон могилевского вокзала. Офицер из ставки ждет с автомобилем для доклада генералу Алексееву. Что там докладывать, а вот спросить есть что...

Рухнула империя. Распоряжения отдают... Гучков, Родзянко!!

Для Николая Иудовича это конец всему. Он и дороги не видит, ступает по привычке — сколько уже езжено и хожено по этому перрону и дороге от вокзала. Опускается на мягкие подушки сиденья автомобиля.

Конец всему...

Зачем была жизнь?..

Улицы Петрограда оглашает медь «Марсельезы». Это оркестры гордости империи — лейб-гвардии Его величества полков, а ныне первых полков революции.

Дипломатические представители иностранных государств заявляют о готовности вступить в деловые отношения с Временным Комитетом Государственной думы.

В десять утра Рузский на докладе у государя императора. Ответственное министерство — суть беседы. Сам факт такого министерства — потеря государем императором уже почти всех прав, ибо не он будет управлять страной через своих министров, а Дума, которая станет назначать министров, даже не спрашивая его, «хозяина земли Русской». Нет, он не может согласиться: за этим — изживание самодержавия. Нет! Нет!

Однако Рузский неумолим: в Петрограде как власть уже действует Временный Комитет Государственной думы.

Нет слов, более ненавистных для Николая, нежели «Государ-

ственная дума». Почти все царствование — а он уже царствует 22 года, и здоровья еще может хватить на добрых 30, а то и больше (аж до 1950 г.!) — Дума пытается узурпировать его права — священные права русских государей, право тысячелетия... И самое трагичное — нет сейчас с ним жены, самой верной советчицы и опоры в любых делах. Он, законный государь, не может проехать к себе в Царское Село! Бунт! Измена!..

Господи, помоги и помилуй!..

А в этот час Александра Федоровна, отойдя от занемогших детей, им полегче, жар спадает, наспех пишет мужу. Она ничего не знает о нем.

«Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни!

...Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли... Все отвратительно, и события разворачиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю — ничто не поколеблет этой веры — все будет хорошо... Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западне, что ты можешь сделать?.. Может быть, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя?..

Два течения — Дума и революционеры — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы, — это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает... Я сейчас выйду поздороваться с солдатами, которые... стоят перед домом... Сердце сильно болит, но я не обращаю внимания — настроение мое совершенно бодрое и боевое. Только страшно за тебя...»

А императрица скроена крепче. Она готова обратиться к войскам, будь на месте супруга — кинулась бы поднимать их. Пусть смертельно рискованное в тех условиях решение, но эта женщина готова искать это самое решение, готова к борьбе. Не ждать милостей от судьбы, а попытаться вырвать силой.

«...Настроение мое совершенно бодрое и боевое».

«Отгрызут головы» — это чрезвычайно точно подметила Александра Федоровна. Примутся отгрызать уже с лета этого самого года... дабы начисто отгрызть одну, думскую, то есть буржуазно-республиканскую... большую ленинской землей... простите, змеей... Октябрь семнадцатого: «Декрет о земле»!..

«...Как мышь в западне, что ты можешь сделать?..»

Генерал-адъютант Рузский тоже уверен: ничего. И генерал-адъютант Алексеев тоже к этому склоняется. И большинство первых генералов вместе с ними, точнее — заодно с ними... Только один на всей Руси генерал не отвернулся от своего повелителя. Имя ему — Келлер¹. Генерал телеграммой дает знать о готовности идти со

¹ Накануне первой мировой войны граф Келлер командовал 10-й кавалерийской дивизией 10-го корпуса, и уже тогда вверенное ему соединение славилось высокой выучкой.

своим кавалерийским корпусом на выручку. Разорвать огненный круг! Грудью прикрыть своего повелителя и Верховного главнокомандующего! Боже, царя храни!..

Эта женщина, ненавидимая всей Россией, обладает ухватчивым и решительным умом. Она, взаперти, с больными детьми, во дворце, пустеющем от бегущих придворных, она лучше представляет обстановку, чем муж...

«Только страшно за тебя...»

Она хочет подстегнуть его волю, толкнуть на смелые, волевые решения. Она в тревоге за власть и жизнь любимого человека. Она тут же садится за второе письмо:

«Любимый, драгоценный, свет моей жизни!..»

Бог, без сомнения, достаточно порадел для Романовых, особенно последнего, а уж теперь молись не молись, а только, видно, избыло терпение Господне. Не безгранично оно...

«Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает...»

Нет, не сделает... Впрочем, сделает, как же, вместе с царскими костями завяжет в один узел еще останки многих, многих миллионов людей. Таков умысел Господень...

А в эти часы Временный Комитет Государственной думы публикует ошеломляющее обращение к народу:

«Временный Комитет Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный Комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью:

Министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел П. Н. Милюков.

Министр военный и морской А. И. Гучков.

Министр земледелия А. И. Шингарев.

.....
Министр юстиции А. Ф. Керенский.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным...

Брусилов отзывался о графе Келлере как чванливым и неумном. «Он был храбр, но жесток...»

Храбр, но жесток!

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении...»

«Я был у Львова, — вспоминал Локкарт главу правительства через несколько месяцев после революции, — скромная квартира из двух комнат, где он жил с того самого дня, когда приехал в Москву принять бразды правления. Он был в том же костюме, дорожный мешок все еще стоял в передней. У меня сердце разрывалось, глядя на него... Он был скромен и, вопреки аристократической фамилии, больше походил на деревенского доктора... все, что он говорил, сводилось к признанию собственной слабости...»

Тут ленинцы, захватив власть, явили качественно другую картину. Жестко, решительно они примутся взнуздывать Россию. Они не ведали, как управлять, но что делать — представляли до тонкостей.

И Россия пошла... пошла, голуба!..

А ежели по совести: куда ей деваться было?..

Теперь на Николая оказывает давление и собственная ставка. Из Могилева в Псков — телеграммы: необходимо ответственное министерство.

Для Николая это — пылающий круг.

Он сопротивляется, а после неожиданно дает согласие.

Но Рузскому мало. Он добивается от государя императора телеграммы с отменой приказа о посылке войск на умиротворение столицы. Торопится Николай Владимирович в Ессентуки, шибко торопится под дружный красноармейский залп — никаких сомнений, все стволы в грудь бывшему генералу, ну враз положат его, такого преданного обновлению и республике, такого талантливого, способного, нужного народной России...

А в Петрограде уже заседает Временное правительство. Народ остервенело громит полицейские учреждения (во все времена занятие для русского из блаженных и сладостных), а также ловит городских — будет всем этим тварям по заслугам, позуботычили, поизмывались, пограбили.

Улицы в красных полотнищах. У православных праздник на душе.

А Рузский, в Пскове, не позволяет событиям обогнать себя. Нос к носу, бок о бок рвется с ними в новую жизнь...

Николай смотрит на его измученное ночными бдениями лицо кабинетного человека, такое штатское пенсне и еще галоши — всякий раз снимает у входа в салон, — и не может взять в толк, куда спешат эти люди, за что ведут загон, ведь он их возвышал, облакал властью...

Понять эту неприязнь и ненависть Николай не в состоянии. Да, он «хозяин земли Русской» (так называл себя Николай при Всероссийской переписи населения), но разве так не повелось исстари — веками? И разве он не служит России? Как за это можно ненавидеть?

Он убежден: республиканский строй противен закону Божьему и во вред традициям России, а уж крестьянской — совершенно определено. Он от этого не отступит.

Классовой теории государь император не знал, «не проходил с учителями», да и вряд ли принял бы; по природе своей был незлобив, и его всегда отличали завидная выдержка и врожденная воспитанность.

Что ж, если нет выхода...

Он идет навстречу событиям, не распознавая скрытого смысла их. И это он, который однажды обмолвился: «Предупреждать и не опаздывать — вот в чем суть управления».

Нет, не предупреждал и почти всегда опаздывал...

Меж тем Алексеев настаивает на отречении, иначе «начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет вся династия».

Это удар в самое больное! Пуще жизни Николай Романов любит сына. Пусть лишат его, Николая, власти, но будет царствовать Алексей! В таком случае он, император с 1894 г. (коронован в 1896 г. — Ю. В.), готов к отречению, хотя ему, Николаю, всего сорок восемь и он полон энергии.

Впрочем, еще есть время. Еще не тот разворот событий. Еще не все успели предать. Может быть, отзовутся верные люди, заявят о себе и верные войска. Ведь он пестовал, жаловал армию...

Верный человек ждет приказа, но вот ответа... нет. Телеграмма словно провалилась в небытие. Генерал Келлер (он к тому же и свитский генерал) не выходит из штабных комнат: должен быть ответ, должен!.. Корпус в боевой готовности — лучший кавалерийский корпус русской армии. Попробуй задвинь дорогу такому! Да в считанные сутки прорвется к Пскову! И тогда горе непокорным!..

Почему же нет ответа от Его величества государя императора?!
Помазанник Божий...

Рузский опять на докладе у государя императора. Генерал-адъютант опускает перед ним бумажные кольца телеграфной ленты — это его, Рузского, разговор по прямому проводу с Родзянко.

Николай пропускает ленту между пальцев: это — отречение!.. Если он будет и дальше упрямиться, может потерять корону и сын.

И тут же телеграмма Алексеева: тоже немедленное отречение!.. Телеграмму приносят и подают Рузскому при государе императоре.

Многое, если не все, вызывает потрясение у Николая, но чтобы Алексеев?!

Илья Николаевич Ульянов был удостоен генеральского чина в 1877 г. В январе 1882 г. его отметили орденом Св. Владимира третьей степени. Это давало всему его роду потомственное дворянство. После октября 1917 г. при таком происхождении, за космически ничтожным исключением, людей изводили на корню, так сказать, расчищали землю. Такие первыми шли заложниками, как, например, тот же Николай Владимирович Рузский. По наказам Ленина не только за такое происхождение, такие награды и звания, но и за куда более меньшую «знатность» стирали с лица земли. И это нисколько не смущало Ленина. За одну подобную строку в анкете карали без снисхождения...

А тогда, через 5 лет после почетного награждения, арест старшего сына Александра (3 марта 1887 г.). Семья уже никогда не оправится после этого события.

4 марта на допросе Александр Ульянов даст показания:

«Я признаю свою виновность в том, что принадлежал к террористической фракции партии «Народной воли», принимал участие в замысле лишить жизни государя императора... Я знал, какие лица должны были совершить покушение... Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды, кто вместе со мной набивал снаряды динамитом — я назвать и объяснить не желаю».

8 мая 1887 г. (по старому стилю) во дворе Шлиссельбургской крепости были повешены А. И. Ульянов, В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин и П. Я. Шевырев. Все до одного встретили смерть мужественно.

Гибель старшего брата потрясла Владимира Ульянова, на всю жизнь запеклась ненависть к царскому строю. Лишь с годами облек он ее в научные формулы, так сказать проинтегрировав по всем судьбам России, слив в единый поток все беды и все ненависти...

Михаил Владимирович Родзянко — действительный статский советник, по табели о рангах — это генерал-майор или контр-адмирал; словом, одного чина с отцом Ленина.

Родзянко являлся членом Государственного совета, камергером, крупным помещиком Екатеринославской губернии, одним из лиде-

ров партии октябристов, депутатом Государственной думы третьего и четвертого созывов, а с марта 1911 г. был избран ее председателем. Это через него проходило разоблачение Малиновского, доверенного человека Ленина и самого именитого провокатора в истории большевистского движения.

В 1920 г. Родзянко эмигрировал в Югославию. Там и сложил кости, оставив книгу воспоминаний — «Крушение империи».

Крушение империи.

За обедом Рузский докладывает государю императору известия. Телохранители царя — собственный Его величества конвой, отборнейшие люди (в основном — кубанские казаки) — перешли на сторону Временного правительства. Великие князья тоже клянутся Богом и честью в верности новой власти. В столице арестовывают министров царя и свозят в Таврический — помещение Думы.

И еще телеграммы: все главнокомандующие фронтов (А. А. Брусиллов, А. Е. Эверт, В. В. Сахаров, с ними и дядя государя императора — великий князь Николай Николаевич, а также командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин) за отречение! Но самое непостижимое — все это одобряет Алексеев: самый верный, самый уважаемый Николаем генерал.

Михаил Васильевич Алексеев...

Государю императору и невдомек, что эти телеграммы организовал как раз он, «самый верный, самый уважаемый» Михаил Васильевич...

Николай выслушивает Рузского и молчит. В молчании как бы все та же короткая фраза: не вижу оснований. Однако Николай Владимирович продолжает давление. В подкрепление он приводит генералов своего штаба, в том числе и генерала Болдырева, и приказывает им высказаться перед государем императором.

Вперед, господа генералы!

Николай пишет на телеграфных бланках слова отречения. Одна телеграмма — Родзянко, другая — Алексееву. Рузский в радостном нетерпении уносит их, он почти бежит. На всякий случай он тут же вручает текст отречения генералу Болдыреву: пусть хранит. У Болдырева уж никто не догадается искать.

Свита потрясена¹ и уговаривает государя императора: не все потеряно! Николай приказывает вернуть телеграммы, но Рузский наотрез отказывается отдать их посланцу царя...

А Временный Комитет Государственной думы издает приказ:

«Тяжелое переходное время кончилось, Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и перед лицом грозящей Родине опасности свергнул старую власть...

Бывший комендант Петроградского гарнизона генерал Хабалов

¹ Один из свиты скажет в сердцах: «Как можно отдать престол, как будто передаешь эскадрон?»

И в самом деле, Николай Александрович?..

смещен и арестован. Временный Комитет Государственной думы назначает главнокомандующим войск Петрограда и его окрестностей командира 25-го корпуса генерал-лейтенанта Корнилова, несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России... 4 марта назначить парад войск Петроградского гарнизона, который примет Временное правительство.

М. Родзянко

Штаб главнокомандующего: Дворцовая площадь, 4»

О Рузском примечательные записи в дневнике оставил Лемке:

«...Но до сих пор русский народ не знает, что австрийская армия в 600 000 человек прелюбополучно выскользнула из приготавливавшихся ей ножиц (под Львовом. — Ю. В.), не сжатых своевременно Рузским, который и виноват в ее спасении...

Он (Рузский. — Ю. В.) сознательно раздувал дело в Галиции и сумел его раздуть, а когда мы стали отступать, он же говорил всюду и всем, что всегда советовал вовсе не ходить в Галицию.

Рузский умеет быть популярным, и только в этом действительно его большое искусство, особенно если послушать разговоры о его простоте и скромности. Он всегда умел поддержать выгодные для себя отношения с печатью, особенно с Немировичем-Данченко (известный военный журналист и писатель, брат знаменитого театрального режиссера. — Ю. В.)... Немецкая пресса тоже отводила ему внимание. Вот, например, недавнее ее сообщение (12 сентября 1915 г.):

«Одновременно с принятием царем верховного командования генерал Рузский занял выдающееся положение в русской армии. Он считается наиболее талантливым из русских генералов... Среди всех генералов наибольшей любовью царя пользуется генерал Рузский. Собственно, надо видеть в Рузском нового Верховного главнокомандующего».

О прославленном генерале общество вообще имеет совершенно превратные представления. После Львова его знают еще и как героя Варшавы... Алексеев подготовил там все до мелочей, все предусмотрено... и, таким образом, варшавская операция прошла по его плану, случайно осуществленному не им, а Рузским как командующим армией. Он (Рузский. — Ю. В.) и в выборе людей всегда держится правил брать все серенькое, чтобы выделяться на этом фоне, и не иметь около себя ничего заметного. Один его начальник штаба М. Д. Бонч-Бруевич чего стоит...»

Определенную часть сугубо секретной информации германский Генеральный штаб переадресовывал Ленину в Швейцарию через подставных лиц (псевдореволюционеров — тут маскировка выдер-

живалась). Это давало Ленину возможность действовать более целенаправленно в своей разложеческой пропаганде, я бы сказал, ядовитой и, конечно, с точки зрения германских властей, более продуктивно, находясь в отрыве от Родины.

Высшие круги Германии, так сказать, пасли вождя пролетариата для решающего часа. И после Февральской революции семнадцатого года, по их мнению, такой час созрел...

В своем исследовании «Февральская революция» (Умса-press, Париж, 1984, под общей редакцией А. И. Солженицына) историк из Оксфорда Г. М. Катков считает данный факт очевидным и приводит соответствующие доказательства. Учитывая отношение вождя пролетариата к буржуазной морали и его знаменитый постулат «этично все, что служит революции», это не представляется неожиданностью. И с точки зрения Ленина, являлось не чем иным, как одним из приемов в борьбе за победу революции. И только.

Но секретную информацию Ленин получал не только из Берлина.

Катков сообщает:

«Интересное освещение деятельности М. Д. Бонч-Бруевича дает обстоятельство, что в продолжение всего этого времени он поддерживал связь со своим братом Владимиром. Находясь в Швейцарии, Ленин получал секретные сведения относительно армий Северного фронта именно тогда, когда Бонч-Бруевич был начальником штаба генерала Рузского. Некоторые секретные документы за подписью Бонч-Бруевича и Рузского были опубликованы Лениным и Зиновьевым в Швейцарии, в большевистском журнале «Сборник Социал-Демократа». Вероятно, материал был послан Ленину через контролируруемую немцами организацию Кескюлы».

Александр Кескюла проживал в великом княжестве Финляндском, секретный сотрудник германской разведки. Работал на передачу сведений как от немцев, так и от русских. Через организацию Кескюлы из Берлина Ленину поступали определенные денежные средства. Кескюла орудовал через цепочку из подставных лиц. Организация маскировалась под революционную. С этой стороны все было шито-крыто.

И вот через данную организацию по указанию брата (Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича) русский генерал самых высоких должностей передавал секретнейшую информацию, которая, безусловно, прежде всего прямым ходом направлялась в Берлин. И ведь так поступал один из фактических руководителей военной контрразведки России! Генерал, разумеется, не помышлял о предательстве, подобные мысли и в голову не приходили: он передавал информацию через революционную организацию, не более. Но ведь передавал закрытую информацию! Тут слов нет, генерал стремился, как и его высокий начальник Михаил Васильевич Алексеев, обуздать всеми доступными способами темные разрушительные силы у себя на Родине, только и всего.

Что за фантазмагорическое смешение понятий долга и чести, Добра и Зла!

Ведь переправлял наисекретнейшие сведения!

Тут время рассказать подробнее об этих братцах.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955) — из состоятельной семьи, член партии с 1895 г. — стаж почти такой же, как у Ленина, — в общем, принадлежит к основоположникам. Жизнь провел в эмиграции. Опубликовал исследования по религиозным сектам — работы откровенно слабые и скучные (отличное снотворное средство). Ни в чем другом не проявил себя. После Октябрьского переворота, то есть с ноября семнадцатого и по октябрь 1920-го — управляющий делами Совнаркома (на данной должности его сменит Горбунов), после — на всевозможных почетно-незначительных должностях («куда пошлет партия»), а по сути — откровенное балбесничанье. Истинная природа этого ленинца глянула в 30-е годы, когда наладился строчить доносы наркомам НКВД Ягоде, Ежову, Берии (см. мою книгу «Геометрия чувств»). Автор небезынтересной книги «Воспоминания о Ленине». Читая его биографию, еще раз убеждаешься, сколько же дармоедов породил социализм. Воистину: один с сошкой — семеро с ложной. Несчастный народ!

Его старший брат Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870—1956) окончил сначала Межевой институт, после Московский университет и, наконец, Академию Генерального штаба в 1898 г. С сентября 1914-го — генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта, с марта 1915-го — начальник штаба Северного фронта, с августа по сентябрь семнадцатого — главнокомандующий войск Северного фронта.

После октября 1917-го — на службе у большевиков. Революция застала его в Могилеве, где он командовал гарнизоном.

4 марта 1918 г. — руководитель Высшего военного совета республики...

Я учился на 3-м курсе военной академии, когда он скончался, тогда же и появились его воспоминания «За власть Советов».

А командовал военной контрразведкой в российской армии генерал Н. С. Батюшин.

Николай Степанович Батюшин родился в 1874 г. Окончил реальное училище в Астрахани, затем — Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба. В 1891 г. служил в 4-й конной бригаде. Участвовал в русско-японской войне. В 1914—1917 гг. — генерал для поручений и начальник разведывательного отдела при штабе Северного фронта, фактический руководитель русской военной разведки и контрразведки, генерал-майор. Председатель комиссии по расследованию злоупотреблений тыла.

В воспоминаниях советского маршала Бориса Михайловича Шапошникова имеются строки и о Батюшине. Они относятся к

годам, непосредственно предшествующим мировой войне, речь идет о штабе пограничного Варшавского военного округа.

«Старшим адъютантом разведывательного отделения состоял полковник Батюшин, человек твердый, хорошо знавший германскую и австро-венгерскую армии. Он не гонялся за крупными агентами, а работал при помощи писарей штабов (будущего противника. — Ю. В), мелких гражданских чиновников и т. д. Особо ценных материалов Батюшин не давал, но зато все отчеты о военных играх, маневрах, о численном составе частей вероятных противников в штабе Варшавского военного округа были всегда налицо. Недаром и немцы, и австрийцы боялись этой массовой агентуры Батюшина».

В декабре 1916 г. начался процесс над Манасевичем-Мануйловым. Процесс завершился осуждением Мануйлова и возбуждением дела против генерала Батюшина — «за неблаговидные действия при исполнении служебных обязанностей».

Но всех расшибет и всех уравниет в обломках и руинах старого мира великий октябрьский смерч. Одна необъятная воронка смерти между небом и землей, невозможный грохот сорвавшегося с привычного уклада бытия целого народа...

Его величество государь император встречается с Рузским на платформе. Главнокомандующий фронтом предлагает не отправлять телеграммы до приезда Гучкова и Шульгина как представителей новой власти. Однако телеграммы генерал, как бы само собой, оставляет у себя: он ни за что не вернет их. Эти телеграммы превращают государя императора в обычного человека по фамилии Романов. Они снимают с Николая священные регалии. Для пущей сохранности главнокомандующий фронта держит их по-прежнему у генерала Болдырева... во внутреннем кармане кителя. У обоих на все события свой взгляд — ну не генералы, а убежденнейшие республиканцы. Оба и сложат головы в столкновении с самым высшим республиканизмом — выше демократия недостижима — ленинским!

Русский отдает приказ: посланцев Думы прежде всего доставить к нему, а уж после он проводит их к государю императору.

Нескончаемый четверг 2 марта.

Флигель-адъютант Мордвинов¹ перехватывает депутатов — их

¹ Мордвинов, Анатолий Александрович, родился в один год с Лениным. Закончил привилегированное Николаевское кавалерийское училище, позже — Академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Кирасирском Его императорского величества полку. С 1906 по 1913 г. — адъютант великого князя Михаила Александровича (брата царя). С 1913 г. — флигель-адъютант, полковник. Бросит своего государя, хотя и был отлично взыскан его милостями.

«Вы шулер и подлец, и здесь я вас отмечу». Надо отмечать всех, кто предал или бросил государя в лихой час.

поезд едва успеваешь замереть. Мордвинов вне себя от самоуправства Рузского. Государь император сам вправе решать свою судьбу.

Депутаты поднимаются в вагон-салон императорского поезда. Для убежденнейшего монархиста Шульгина это трепетные минуты, донельзя горькие, но трепетно-святы.

Государь император здоровается с каждым за руку и, что самое поразительное, дружелюбно, в нем неистребим такт воспитанного человека. Едва кончается процедура представления, за дверь — шум.

Генерал-адъютант Рузский раздражен: его обошли. Чины свиты пытаются задержать его: вас, генерал, не приглашали. Но он отстраняет их и распахивает дверь. История сделала ставку на него, Николая Владимировича Рузского, и он знает, слава Богу, знает, как поступить. История не раз подавала примеры. Решимость и твердость!.. Торопится в Ессентуки генерал, торопится. Такой будет мягкий, солнечный октябрь...

Все усаживаются за стол: государь император, граф Фредерикс, почтительно-сдержанный Шульгин — весь во внимании к государю императору, — рядом с ним полный и несколько мешковатый Гучков и, наконец, весь ушедший в слух, по-интеллигентски бледный, узкогрудый и красноглазый генерал-адъютант Рузский.

Так, кто начнет?..

Граф Фредерикс здесь не случаен. Как министр императорского двора, он обязан скрепить любой документ государя императора подписью.

«Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя», — сказал он, узнав о телеграммах-отречениях своего монарха. Правда, телеграммы не отправлены, и отречение формально не состоялось.

У старого графа достанет сил пережить и это, и полунищую жизнь в СССР. И лишь незадолго до кончины его отпустят в свои финляндские поместья. Упокоится в 1927 г. 89 лет. При таком замахе на жизнь Ленин прожиг бы толщу лет аж до 1959 г. — уже не долголетие, а какое-то нашествие, вообще всему угроза, самая что ни на есть могильная плита на настоящем и будущем народа, почти смертная болезнь. Блевать кровью, корчиться будет назначено народу во все десятилетия XX века.

Александр Иванович Гучков — из рода Гучковых, бывших крепостных, действительный статский советник (тоже одного чина с родителем Ленина), гласный Петроградской городской думы, в годы первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне, член Главного управления Красного Креста, депутат Государственной думы третьего созыва, с марта 1910 по март 1911 г. ее председатель, основатель и лидер партии октябристов, видный промышленник и московский домовладелец. В день отречения государя импера-

тора Александру Ивановичу насчитывалось пятьдесят четыре. В первом составе Временного правительства станет военным и морским министром. Скончается в 1936 г. за границей 74 лет. Его родной брат до революции был московским городским головой. В общем, Александр Иванович слыл человеком умеренных взглядов, так сказать, консервативный либерал.

У Гучкова был идол — Столыпин. Александр Иванович не сомневался, что Столыпин способен спасти Россию. Кабинет Гучкова был завешан портретами, фотографиями Столыпина, украшал его и гипсовый бюст убитого реформатора (по свидетельству Лемке).

Александр Иванович частенько посещал Царское, точнее, Столыпин его вызывал, и они вместе засиживались до глубокой ночи.

Гучков писал на гибель Столыпина:

«...Столыпин любил Россию. Лица, близко его знавшие, обращали внимание на то, что когда он произносил слово «Россия», то произносил его таким тоном, каким говорят о глубоко и нежно любимом существе. Всех поражала его изумительная готовность не только безгранично работать, но и жертвовать собой для блага Родины...»

Остается добавить, что автору процитированных выше строк не помешало бы произносить слово «Россия» таким же тоном.

О созданном им «Союзе 17 октября» Гучков говаривал, что девять десятых его — сволочь, ничего общего с целью союза не имеющая. «Живет он на жалованье по званию директора правления Московского купеческого банка, — рассказывал современник (это еще до Февральской революции. — Ю. В.), — и больше ничего не имеет. Должность эта останется за ним пожизненно в благодарность его отцу, создавшему самый банк. Братья: Николай женат очень богато, Константин отказался от директорства, а Федор — умер...»

Василий Васильевич Шульгин в Государственной думе четвертого созыва представлял Волынскую губернию; крупный помещик, искренний монархист, деятельно участвовал в создании белой Добровольческой Армии. Им написаны «Дни», «1920-й» и «Три столицы» — язык их точен и прост. Но особенно интересны более поздние работы — воспоминания, написанные в 60-е годы, уже после отсидки.

Шульгин был захвачен в Югославии спецкомандой НКВД. Освобожден из Владимирской тюрьмы в 1956-м и волей Москвы оставлен на положении ссыльного во Владимире до конца дней своих.

Василий Витальевич скончался во Владимире 2 февраля 1976 г. на 99-м году жизни.

Вот прочтешь: «крупный помещик» (в советской литературе это уже приговор, стало быть, кровосос и против народа) — и ловишь себя на том, что после многих фамилий советских руководителей (из тех, о которых почтительно сообщают энциклопедии) можно без натяжки приписать: крупный собственник. И этой самой собствен-

ности за ним больше, нежели у обыкновенного большинства тех помещиков старой России, даже если землю каждого из тех, бывших, и всю прочую рухлядь перевести в звонкую монету. Ну разве екатерининские или еще какие в состоянии тягаться, да и то — посмотреть надо... Да куда им, помещикам старой России, до всех этих мультимиллионеров брежневых, медуновых, щелоковых, рашидовых, суловых и десятков, сотен других, не названных, но сосущих кровь из народа именем народа. Да у всех у них — настоящий капитал, иначе не назовешь: капитал! Впрочем, это и не обязательство. Но ежели без горячки, если спокойно раскинуть умом, то зачем это, коли в наличии необозримое число различных льгот — это куда спокойнее и нравственней, в общем, не перечит совести коммуниста. Правда, Октябрьская революция отменила льготы и преимущества, но то ведь шла речь об эксплуататорах. За то их и пригнули к земле, а после и вовсе присыпали...

И чем выше должность, то есть чиновничий ранг, тем больше привилегий и разных преимуществ, а с определенной ступени уже следуют одни льготы и преимущества. Заработная плата (или постарому: жалованье) и ни к чему, вроде бы даже унижает...

И в самом деле, на кой ляд эта самая недвижимость и всякий там капитал (хотя все, что можно подгрести, осваивают), если вся страна перед ними: пользуйся. Есть такие льготы: до всего можно дотянуть руку и от всего прибавить себе, но уже по закону. Потому что закон они себе написали такой. В семнадцатом провозгласили справедливость и жизнь без привилегий, так разве льготы и разные там «лечебные» пайки с дачами, обслугой, гаражом и прочим приварком — это привилегии? Это ведь по труду...

Так за что же вывернули Россию внутренностями наружу, расстреливали людей, травили голодом, нуждой и страхом?

Никто не даст ответа.

Даже самый первый благодетель не даст...

И все толще, жирнее оклады вокруг ликов основателей этой республики высших свобод и безнуждной жизни...

Первым нарушает тишину Гучков. Он говорит о необходимости отречения, избегая обидных выражений, хотя за ним сила, здесь он диктует условия. Он объясняется, опустив глаза и положив правую руку на стол, явно сдерживая волнение. Он знает: отречение неизбежно, но про себя не уверен, принесет ли оно успокоение. Как только что признался Мордвинову Шульгин, они вообще не уверены, что по возвращении их самих не арестуют. «В Петрограде творится что-то невообразимое...»

Шульгин запомнил: «Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо...»

Порывисто встает Рузский: «Ваше величество, я должен подтвердить то, что говорит Александр Иванович, никаких воинских частей я не мог бы послать в Петроград».

И впрямь, к дьяволу генерал-адъютантские аксельбанты и вензеля! Да здравствует республиканский генерал Рузский!¹

А за окном вот-вот грянет весна...

Нет империи. Нет Богом завещанных скипетра и державы. Ничего нет и никого, даже просто преданного человека...

Шульгин вспоминал: «После взволнованных слов А. И. (Гучкова. — Ю. В.) голос его (Николая Второго. — Ю. В.) звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немного чужой — гвардейский (это был особый говор, принятый лишь в среде офицеров гвардии. — Ю. В.):

«Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...»

Голос у царя — низкий бас. Большой природной силы был государь...

Николай взял текст, предложенный Гучковым, и вышел. Вскоре возвратился с опечатанным на машинке актом отречения. По предложению Гучкова в текст были внесены поправки, затем Гучков попросил опечатать второй, дубликатный текст».

Вспоминает Шульгин — ему, монархисту по чести и призванию, совершенно не по себе:

«Государь встал... Мы как-то в эту минуту были с ним вдвоем в глубине вагона, а остальные были там — ближе к выходу... Государь посмотрел на меня и, может быть, прочел в моих глазах чувства, меня волновавшие, потому что взгляд его стал каким-то приглашающим высказать... И у меня вырвалось:

— Ах, Ваше величество. Если бы вы это сделали раньше, ну хоть до последнего созыва Думы, может быть, всего этого...

Я не договорил...

Государь посмотрел на меня как-то просто и сказал еще проще:

— Вы думаете — обошлось бы?

Государь посмотрел на меня, как будто бы ожидая, что я еще что-нибудь скажу.

Я спросил:

— Разрешите узнать, Ваше величество, ваши личные планы? Ваше величество поедет в Царское?

Государь ответил:

— Нет... Я хочу сначала проехать в ставку... проститься... А

¹ Впоследствии, уже накануне гибели, Рузский отрицал какое-либо давление на Николая Второго со своей стороны (см. «Дневник великого князя Андрея Владимировича»). Сам факт этого отрицания уже таит признание вины. И скосят пули республиканского генерала с последней тоскливо-отчаянной мыслью: ничего с ним, Рузским, не было бы дурного, останься Николай Второй императором и самодержцем всея Руси.

Мой император, мой!..
И вечный мрак, небытие...

потом я хотел бы повидать матушку... Поэтому я думаю или проехать в Киев, или просить ее приехать ко мне... А потом — в Царское...

...Часы показывали без двадцати минут двенадцать. Государь отпустил нас».

Из ответа государя следовало, что он не только редкостной воспитанности, но и очень добрый, незлобивый и уж совсем не самолюбленный, совершенно лишенный всякой позы.

С отказом от престола Его величество государь император собственноручно написал указ о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, но новое правительство отменит это назначение.

Акт отречения начинался словами:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца...»

Заключало акт прямое обращение к народу:

«Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю (новому царю — Михаилу Александровичу. — Ю. В.) в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

г. Псков

Николай

Скрепил министр императорского двора *Фредерикс*»

Нет империи.

С падением монархии власть в России уже безвозвратно утрачивает выраженный национальный характер.

Вряд ли кто думал об этом в те дни и месяцы... Нет, разумеется, и думали, и расчерчивали будущие ходы. Прикидывали узду для истории.

Первородная Русь отодвигалась в непроницаемую мглу прошлого. Все смутней и неразличимей черты, голос...

2 марта до Ленина доходят первые известия о Февральской революции. Он сразу же берется изыскивать способы возвращения домой. Он направляет телеграмму Зиновьеву в Берн с известием о революции и просит немедленно приехать к нему, в Цюрих.

Революция всех их, эмигрантов-партийцев, застаёт врасплох. Эта революция начисто смела добрую часть того государственного здания, которое они столько лет пытались поколебать. И смела без всякого их участия — стихией народа.

Мозг Ленина подключается к самой важной задаче. Другой такой в природе для него не существовало, такой важной и сложной.

В общем, он готов.

Миру предстояло узнать, кто такой Ленин. От него, свойств его личности, слишком многое зависело в революции. Это его детище, плоть от плоти его революция. Им разгаданная, им вызванная. Только Ленину она обязана своим размахом, направленностью и такой ураганной разрушительностью. Он обучил ее своей грамоте. И по сию пору она говорит его языком.

Это был настоящий вождь — щедро-уступчивый и жестко-рационалистический, хитрый и неумолимо последовательный, бесчувственный к крови и страданиям, но самое главное — расчетливый. Здесь вся его душа, чувства, поступки — в торжестве расчета. И непременно надо иметь в виду его спокойное мужество, близкое к бесстрашию. И еще его бесконечную веру в свое дело, его справедливость.

Император снял фуражку, встал перед образом, в углу вагона, перекрестился и сказал: «Так Господу Богу угодно, и мне надо было давно это сделать». Подписывая поданное генералом Рузским отречение и отдавая ему подписанный текст, он сказал: «Единственный, кто честно и беспристрастно предупреждал меня и смело говорил мне правду, был Родзянко». И с этими словами повернулся и вышел из вагона...¹

Несколько иной рисует обстановку Гучков.

«Значит, мы направились в поезд. Там я застал графа Фредерик-

¹ К 49-й годовщине Октября режиссер Фридрих Эрмлер закончил съемку кинофильма «Перед судом истории». Для участия в съемках был приглашен Василий Витальевич Шульгин.

«Вагон этот (в котором произошло отречение Николая Второго. — Ю. В.) впоследствии был превращен в музей, — рассказывал Эрмлер, — и находился в Петергофе, но во время войны сгорел. Сохранились: икона, календарь, блокнот, один стул, кусочек ткани, которой были обиты стены, и несколько фотографий. По ним художник Александр Бек при помощи историков восстановил всю обстановку. Когда Шульгина привели в декорацию вагона, он замер на пороге: «Боже мой! Вещи сохранились, а люди... Людей нет, остался я один...»

Слова эти были включены в фильм...

са, затем был состоящий при государе генерал Нарышкин, через некоторое время пришел генерал Рузский, которого вызвали из его поезда, а через несколько минут вошел и государь. Государь сел за маленький столик и сделал жест, чтобы я садился рядом. Остальные уселись вдоль стен. Генерал Нарышкин вынул записную книжку и стал записывать...

Когда я вернулся из Пскова, то увидел вывешенные на улице плакаты с извещением, что образовалось правительство и в каком составе. Значит, мы поехали на совещание, на квартиру великого князя Михаила Александровича, и, как вы знаете, в результате этого совещания Михаил Александрович тоже не нашел возможным принять на себя эту тяжелую обязанность...»

События в ставке после отъезда государя императора подробно передает генерал Лукомский.

«В ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в Балтийском флоте (тут события сразу приняли обостренно-злостный характер. — Ю. В.), аресты всех мало-мальски видных чинов администрации.

Волнения начались в Москве и других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны...»

Обратите внимание: «...где были расположены запасные батальоны...»

Огромную роль сыграла эта разложенная армейская среда. Она явилась первым и основным горючим материалом Февральского переворота.

Далее Александр Сергеевич строит жесткие, но совершенно неопровержимые доводы. Да, столицу сломить можно было. Для сего надобны были 10—12 дней. Они позволили бы снять с фронта надежные соединения. Но к тому времени тыл, а не исключено, и часть фронта уже оказались бы охваченными мятежом. Это грозило Гражданской войной. И все же революцию победить было возможно. Однако это означало открытие фронта, то есть захват России врагом. Подобная перспектива являлась настолько чудовищной — мирное решение выписывалось само как единственно приемлемое.

Лукомский продолжает:

«Кроме того, было совершенно ясно, что если бы Государь решил во что бы то ни стало побороть революцию силою оружия и это привело к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение этого не простило бы Государю.

Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время...»

Кое-что в этих выводах спорно. К примеру, заключение сепарат-

ного мира не ослабило бы Россию, то есть царскую власть, а, наоборот, укрепило. Мир вызвал бы в народе ликование. Имеются и другие спорные утверждения...

Но в общем, государь император не мог пойти на сохранение своей власти ценой разгрома России (сдача врагу западных земель, прочие ограничительные условия) — это предопределило его поведение. Только это.

Он опоздал, упустил время для действия — в этом его роковая ошибка...

В этот долгий, почти нескончаемый четверг 2 марта бывшему августейшему монарху было ближе к сорока девяти; Александре Федоровне — 44 года (она выглядела заметно старше), а возраст пятерых детей умещался от 14 до 21 года.

На милость победителя.

Нет, в России это страшно — на милость победителя. По отношению к своим, русским, эта милость слишком часто оборачивалась ужасом надругательств, физическими страданиями и гибелью.

А пока до этой самой милости — ямы поблизости от болота — оставался 501 день.

Вряд ли бывший император знал, кто такой Ульянов-Ленин, если и слышал, хотя поражал всех памятью. И наверняка ничего не ведал о Троцком, а уж о Сталине — и слыхом не слыхивал, как не мог и хранить в памяти ничего о Белобородове, Голощекине, Юровском, Ермакове... А ведь всего через 7 лет, даже пораньше, Иосиф Сталин станет новым хозяином России под именем генерального секретаря и сверхвеликого демократа-коммуниста. И за годы его 30-летнего секретарства-царствования слетит столько голов, столько свободных граждан лягут от голода в землю, столько протянут ноги от надрыва и болезней строительства основ социализма — сколько и присниться не могло последнему русскому самодержцу, так опрометчиво прозванному Николаем Кровавым.

Джугашвили-Сталин по праву станет самым знаменитым извергом в истории, но извергом особым, почитаемым. Не губитель, а великий, грозный. Словом, избавитель и спаситель.

Н. Н. Крестинский как-то заметит Троцкому о Сталине: «Это дрянной человек с желтыми глазами».

3 марта бывший царь уже в Могилеве. При встрече с Алексеевым он с поразительной доверчивостью вручает тому записку. В ней он снова выражает намерение и волю передать императорские прерогативы сыну: не может быть, чтоб вся Россия отвернулась от своих государей.

И снова Алексеев предает.

Он скрыл этот документ, предназначенный для официальной передачи Временному правительству, скрыл вообще от всех: надо

же спасти Отечество, строить настоящую власть. Дело другое, что уже ничего этот документ изменить не мог, да и не значил ничего, всё — власти нет. Генерал мог так и сказать, но он послушно принял его для исполнения, дабы нейтрализовать бывшего царя понадежней. Генерал уже комбинировал, прикидывал, спасал. А и знать не мог, что он, Божию милостию и милостию августейшего монарха генерал русской армии, совсем скоро побежит за этой самой растоптанной властью — ан поздно будет. Уже через красный стяг светить будет солнце...

Незадолго до своей смертельной болезни генерал, надо полагать уже просветленный по части политики, передаст эту записку-волю отрекшегося императора генералу Деникину, так сказать, для истории. У людей ведь неизбывная тяга к сооружению кунсткамер; всё, до самого исподнего, — на обозрение. Из личного, предназначенного лишь для дорогого человека, из слабостей откровения человека самому себе (в дневнике или случайном признании) сооружается политика.

Антон Иванович Деникин и обнаружит записку в своих много-томных и многоподробных «Очерках русской смуты».

В тот день, 3 марта, последовало отречение брата бывшего императора — Михаила Александровича. И тогда же исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил арестовать династию Романовых.

Петроградский комитет большевиков выступил с резолюцией: не противодействовать власти Временного правительства, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и в то же время вести самую беспощадную борьбу с любыми попытками Временного правительства реставрировать монархию. 3 марта Ленин (уже весь в нетерпении) отсылает письмо Коллонтай, все в ту же Христианию, с оценкой Февральской революции и наметками тактики большевиков. По мере поступления новостей Владимира Ильича охватывает азарт «охотника»: в Россию! Это его час! Он должен быть у пульса революции. Любой ценой пробиться в Петроград!

Владимир Ильич деятельно собирается в Россию. В телеграмме Ганецкому¹ в Стокгольм он требует подтвердить получение его, Ленина, письма телеграфом. В письме просьба организовать неле-

¹ *Фюрстенберг (Ганецкий), Яков Станиславович (1879—1937)* — член партии большевиков с 1896 г., хотя большевики тогда еще не обособились и существовала единая российская социал-демократия.

После Октября Яков Станиславович — член коллегии Наркомфина и управляющий Народного банка. Четко обозначились его качества знатока банковских и вообще финансовых дел, что и дает понимание его особенной, характерной близости к Ленину в 1917—1918 гг. Именно Фюрстенберг являлся ключевой фигурой в цепочке Берлин — Парвус — Фюрстенберг — Ленин. По этой цепочке и поступили те внушительные денежные средства Ленину из Берлина, но об этом сказ дальше.

гальный проезд под видом глухонемого шведа, для чего в письмо и вложена фотография его, Ленина. Надо в Россию! Нужна Россия!

Если бы взаправду глухонемой швед! И не разомкнул уст! Только молчал!..

Управляющий делами Временного правительства Набоков близко наблюдал Керенского в эти февральские дни.

«Насколько Милоков казался спокойным и сохраняющим полное самообладание, настолько Керенский поражал какой-то потерей душевного равновесия, — напишет он через год с небольшим, то есть почти вдогонку событиям. — Одет он был, как всегда (т. е. до того, как принял на себя роль «заложника демократии» во Вр. Правительстве): на нем был пиджак, а воротничок рубашки — крахмальный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился, вместо франтовского, какой-то нарочито пролетарский вид... При мне он едва не падал в обморок, причем Орлов-Давыдов не то давал ему что-то нюхать, не то поил чем-то, не помню...

Кажется, в то время уже говорили о том, что Гучков и Шульгин уехали в Псков, — и говорили как-то неодобрительно-скептически...»¹

В субботу, 4 марта, в десять утра, бывший император посылает жене телеграмму:

«Спасибо, душка. Наконец получил твою телеграмму этой ночью. Отчаянье проходит. Благослови вас всех Господь. Нежно люблю. *Ники*»

«Отчаянье проходит...» Он делал то, чего требовал долг. Он служил идее императорской России, но разве она была только для императора?.. Впрочем, все позади. Он сложил власть и намерен жить спокойно, частной жизнью.

В эту же субботу, в семь вечера, в Царское Село из ставки бежит по проводам еще одна весточка:

«Сердечное спасибо за телеграмму. Матушка приехала (мать Николая Второго; императрица приехала в Могилев из Киева, в котором жила постоянно. — *Ю. В.*) на два дня, так уютно, мило: обедали с ней в поезде. Опять снежная буря. В мыслях и молитвах с Вами. *Ники*»

Уже овладев собой, поддержанный и обласканный матерью, он скажет ей:

— Мы отлично проживем частными людьми.

Откачулась, отшатнулась Россия. Предали едва ли не все. Про-

¹ Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот. В дальнейшем, ссылаясь на Набокова, я буду иметь в виду именно эту работу.

пасть между ним и Россией, а что он сделал подлого и недостойного?..

Бог его поставил над народом, вручил сульбы людей.

Он управлял страной согласно установлениям предков, в уверенности, что так нужно не только династии, а и народу.

Он противился нажиму, который грозил самим устоям народной жизни. Бог его поставил на страже мира и порядка.

Он вел государство к достойной цели — сокрушить врага славянства!

И не Россия, а Германия объявила войну России! Она обнажила меч против Святой Руси!..

Он вел войну среди интриг, противодействия, клеветы даже против него, монарха! Он как мог сопротивлялся Думе, которая предпринимала все, дабы возбудить мнение общества против династии, разрушить священный порядок, — разве это не пособничество врагу?

Он управлял государством среди лихоимства, корысти, постоянной травли, попыток убить его, как убили дядю Сергея Александровича, деда — императора Александра Второго. Он помнит деда, муки деда. Бомба террориста раздробила ему ноги. Черные дни, он помнит каждый час. Ему, Николаю, было тогда тринадцать...

«...1 марта (1881 г. — Ю. В.), проехав по Невскому Казанский мост, я услышал сильный взрыв на Екатерининском канале и затем второй такой же через несколько минут, — напишет спустя сорок с лишним лет в своей книге воспоминаний генерал Сухомлинов. — На Дворцовой площади после того промчались передо мной сани полицмейстера Дворжицкого, и бежавшая публика повторяла уже, что государя убили. На подъезде дворца я узнал, что у государя перебиты ноги и он кончается от потери крови. Я был в Зимнем дворце во время похорон Александра II. Вступивший на престол Александр III, мой бывший командир гвардейского корпуса, плакал так, что самые устойчивые в слезах люди не могли удержаться от рыданий...»

Все это Николай Александрович помнил в мельчайших подробностях.

Он жил и делал все только для России...

Надо полагать, бывший царь бледнел при такого рода воспоминаниях. Это было его отличительной чертой — бледнел при волнении...

Бывший царь даст из могилевской ставки еще три телеграммы — и переписка навсегда оборвется. Уже неразлучны будут в гибельном шествии муж и жена. Вот только дети — их грех еще ни с какой стороны не успел набежать...

В этот день по всей России опубликованы акты об отречении Николая Второго и отказе Михаила принять престол.

Председатель Совета Министров князь Львов обратился ко всем

военным и гражданским властям России с официальным оповещением о переходе верховной власти к Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания.

В тот же день министр юстиции Керенский распорядился дело об убийстве Распутина прекратить, князю Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу разрешить вернуться в Петроград.

Участие в убийстве «старца» сохранит жизнь великому князю Дмитрию Павловичу. Ссылка на Персидский фронт позволит вовремя уйти Черным морем.

Тогда же в Петроград поступили сообщения о восстании на судах Балтийского флота и гарнизонов Кронштадта, Свеаборга и Гельсингфорса. В Кронштадте убит адмирал Вирен и чувствительно пострадал командный состав (погибло свыше ста офицеров, а несколько сот — свирепо избиты и загнаны в тюрьму). Тех офицеров, кого пощадили, оставили без погон и оружия. В Гельсингфорсе убит командующий флотом вице-адмирал Непенин Адриан Иванович...¹

Центральная рада Украины 9(22) марта обратилась к своему народу с телеграммой:

«Время идет. Принимайтесь за работу... украинская школа, гимназия, университет, украинский язык в правительственных учреждениях...»

Еще 7 марта Временное правительство постановило:

— признать отреченных императора Николая Второго и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село;

— поручить генерал-адъютанту Алексееву для охраны отрекшегося императора предоставить наряд в распоряжение командированных в город Могилев членов Государственной думы — Бубликова², Вершинина, Грибунина и Калинина;

— обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполнении ими поручения;

— выполнение постановления об аресте жены Николая поручено командующему войсками Петроградского военного округа генералу Корнилову (и в такой роли выпало выступить неугомонному генералу. — Ю. В.).

В день 4 марта Ленин направляет Коллонтай новое письмо. Его занимают тактика партии и завоевание власти Советом рабочих и

¹ Непенин, Адриан Иванович (1871—1917) в 1892 г. окончил Морской корпус. В 1915—1917 гг. — командующий Балтийским флотом. С его предком водил знакомство Пушкин в пору южной ссылки.

² А. А. Бубликов — в те дни комиссар и распорядитель движения на железных дорогах.

солдатских депутатов. В то же время он старательно составляет выписки из главнейших европейских газет с известиями из России.

Тогда же Александр Федорович Керенский прибыл в Москву и присутствовал на заседании Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. На вопрос о судьбе бывшего царя Керенский заявил, что «в самом непродолжительном времени Николай Второй, под его личным наблюдением, будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправлен в Англию...».

«Гаванью» оказалась та яма посреди проселка...

Александр Федорович впервые заявил о себе в 1905 г., подписав совместное обращение общественных деятелей Москвы против ареста депутации из представителей интеллигенции города. С 1906 по 1913 г. — защитник на политических процессах. Это создало ему имя и солидную ораторскую практику¹.

А самой что ни на есть натуральной гаванью воспользуется... сам Александр Федорович. Ровно через восемь месяцев он ударится в бега, а к июню восемнадцатого добегается до немоготы, тогда и воспользуется архангельской. Примет его на борт английский крейсер «Адмирал Об», и будет он по паспорту сербским гражданином Милутином Марковичем. И выходит, сбился тот ответ в Московском Совете, по-своему пророческим оказался...

Не обходит эти трагические дни и генерал Врангель.

«Утром полкам были прочитаны оба акта (отречение Николая Второго и отречение его брата Михаила. — Ю. В.) и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом — недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры... и солдаты были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции... ликовали. Персонал передовой летучки (санитарной. — Ю. В.), в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала... смех, возбужденные речи и пение».

Петр Николаевич Врангель был убежден: это начало всероссийской смуты. Перед ним список Временного правительства.

«Из всех них один Гучков был относительно близок к армии...

Имя князя Львова было известно как председателя Земского Союза, он имел репутацию честного человека и патриота. Милюков и Шингарев были известны как главные представители кадетской партии — талантливые ораторы... Были и имена совсем неизвестные — Терещенко, Некрасов... Действенного, сильного человека,

¹ Среди 11 депутатов Саратовскую губернию в Государственной думе четвертого созыва представлял и Александр Федорович Керенский.

способного ухватить и удержать в своей руке колеблющуюся власть, среди всех этих имен не было».

Иванов, Хабалов... ни одной толковой, предприимчивой личности на своем месте. Десятилетиями отфильтровывались безвольные, бесхребетные — и они отмерили кесарю кесарево.

Революционное подполье закаляло людей, отбирало. Идеи обновления мира поднимали людей, делали личностями.

И в переломный момент старый мир России не смог ни защититься, ни выдвинуть могучих личностей, ни бросить истинно возрождающие идеи. Этот мир вдруг предстал донельзя изжившим себя. И все отступили.

История сломала формы, которые лишены пластичности. Сломала — и прошла через них. История чтит и любит только победителей, больше ни одного имени не помнит.

Большевизм брался открыть людям новый мир.

Мария Федоровна недурно играла на пианино. Это доставляло сыну, теперь уже бывшему российскому самодержцу, немало радостей — в те вечера она часто садилась за инструмент. Она много говорила с Ники и часто играла, и все столь милое с далеких лет, когда всем им, царствующим Романовым, было еще так мало лет: и взрослым, и их детям...

Николай Александрович вставал, подходил к матери, клал ладони на плечи — они такие узкие, доверчиво-слабые. Мария Федоровна тихо и ласково прижималась щекой к его руке. После поднимала голову и смотрела на сына: глаза наливались влагой, в отблеске света — золотистой. Отворачивалась к клавишам, чтобы скрыть слезы. Покачивала в такт аккордам головой.

Мужеством отметил создатель души этой маленькой изящно-красивой датчанки.

Николай Александрович негромко, едва слышно напевал. Низкий бас приятно рокотал в покоях. Лакей Чемодуров, опустив голову, беззвучно плакал за дверью.

Грустно, жалуясь и скорбя, звучали слова прежде столь светлопечальных романсов, сулящих надежду, любовь, покой. Господи, сколько боли со всех сторон! За что?!

За что?!

И Николай Александрович касался губами шеи матушки. До боли знакомый запах волос разом придвигал все картины дорогой юности, а главное — любви... Бог тому свидетель: он хотел лишь добра народу — и ничего больше, потому что у него все есть, ему ничего не надо, совершенно ничего. Он жил для России, только для России...

Уже никогда он, Николай Романов, не молвит: «Всевышним промыслом врученное мне попечение о благе Отечества...»

Нет империи!

Бездна!

Одни рыла вместо лиц, хрюканье, брызжащая слюна и ненависть...

А что до Шульгина... в 1944 г., при освобождении советскими войсками Югославии, Василий Витальевич будет арестован и в Москве осужден. Во владимирской тюрьме отсидит до 1956 г. Отречется от белого движения, душой которого являлся. Обратится с письмом к русской эмиграции. И глубокоим старцем ляжет в родную землю. А тогда, в день отречения государя императора, Василию Витальевичу было всего тридцать девять — столько же, сколько и Сталину.

В своем первом открытом письме к эмиграции Василий Витальевич подвел итог своей жизни. Оно длинное, это подведение итогов.

Он пишет: «...Мы, эмигранты, думали примерно так:

— Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие. Он обернет его против «ненавистной» ему советской власти¹. И он свергнет ее!

Но случилось обратное. Получив в руки оружие, русский народ не свергнул советскую власть. Он собрался вокруг нее и героически умирал в жестоких боях... За что же дрался этот народ, истекая кровью? Для меня это ясно — за Родину!

Из этого стало очевидно, что своей Родиной эти люди считают Советский Союз, а советскую власть считают своей властью.

Этот факт разрушил главный устой эмигрантской идеологии...

Вторая мировая война была неким голосованием в отношении советской власти. Поставлен был вопрос: «Желаете ли вы свержения советской власти?» Умирая на полях битв, советские люди отвечали:

— Не желаем.

Значит, мы ошиблись. Этот народ не желает «освобождения» из наших рук. Когда я это понял, наши усилия по свержению советской власти показались мне и трагическими, и смешными...

Неужели не довольно? Неужели еще раз, в третий раз, мы, непрошеные, пойдем «освобождать» русский народ? Под чьими знаменами?..»

Спустя некоторое время Василий Витальевич пишет второе открытое письмо эмиграции, снабдив его заголовком: «Возвращение Одиссея».

Это тоже обширное послание. Его подытоживают слова:

«Итак, мне стало совершенно ясно, что среди русской эмиграции обозначились два стана. Одни желают своей Родине мира и мирного

¹ Почему «советская власть» надо писать с большой буквы, а царская — с маленькой? Это ведь все наша Родина.

труда, другие желают стереть ее с лица земли. Последнему не бывать.

Я верю глубоко в победу разума и добра».

По другим же сведениям, старик Шульгин после отсидки просился на Запад, но...

Знаменитый русский художник Илья Сергеевич Глазунов спросил у Шульгина:

— Что бы вы пожелали нашей молодежи?

Шульгин ответил:

— Есть лошадь, воз и возница... Я бы хотел пожелать молодым, чтобы они всегда были в роли возницы...

Это Глазунову принадлежат слова: «Куда ни помотришь — всюду холод, голод и советская власть».

С годами у Шульгина мало что останется от благоговения перед монархом. Об этом с документальной точностью расскажет крупнейший советский разведчик (большой шеф «Красной капеллы») Леопольд Треппер в своих воспоминаниях «Большая игра» (М., Политиздат, 1990). Минует что-то около 30 лет с достопамятных дней Февраля семнадцатого, Треппер и Шульгин окажутся в одной камере на Лубянке. И тогда-то Треппер услышит от Василия Витальевича:

«— Что ж вы хотите, — добавил Шульгин (имея в виду Николая Второго. — Ю. В.), — ведь это был самый большой кретин всех династий российских самодержцев!.. Под руководством Сталина наша страна стала мировой империей. Именно он достиг цели, к которой стремились поколения русских. Коммунизм исчезнет, как бородавка, но империя — она останется! Жаль, что Сталин не настоящий царь: для этого у него есть все данные! Вы, коммунисты, не знаете русской души. У народа почти религиозная потребность быть руководимым отцом, которому он мог бы довериться. Ах, если бы Сталин не был большевиком!..»

Прожить век, оказаться среди жертв тирана, знать о миллионах, гниющих в лагерях, — и восторгаться Сталиным! Жизненный опыт Василия Витальевича начисто исключал человечность. Сам он стоял на коленях не перед Родиной, а перед тираном.

«Мировая империя» была обречена, она не могла не рухнуть. Именно попытки превратить ее в вечное пошатнули мощь России, если не подкосили ее государственность вообще. Только единство свободных народов — другого будущего у человечества нет.

Михаил Владимирович Родзянко вспоминал:

«После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил вас, Ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходил на глухарей... хорошо в лесу было...

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно... Потом государь повернулся ко мне:

— Почему это так, Михаил Владимирович? Был я в лесу сегодня... Тихо там, и все забываешь, все эти дрязги, суету людскую... Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к Богу... Кто так чувствует, не мог быть лживым и черствым...»

На милость победителя..:

В своих воспоминаниях генерал Врангель с горечью и гневом рассказывает:

«В то время, как генерал граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному Правительству, пропуская мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звуки национального гимна («Боже Царя храни...». — Ю. В.), генерала Брусилова несли перед фронтом войск, в разукрашенном красными бантами кресле, революционные солдаты...

30-го марта вернулся генерал Крымов, назначенный командиром 3-го конного корпуса вместо графа Келлера.»

О том четверге 2 марта бывший царь сделал пометку в дневнике: «...В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».

Нет, был один... граф Келлер.

Один во всей империи. Из всего великого сонма дворянства.

Федор Артурович Келлер всю сознательную жизнь прослужил в армии. В 1906 г., 45 лет, был произведен в генерал-майоры.

Энциклопедический словарь «Гранат» сообщает: «Келлер выделялся между кавалерийскими начальниками личной храбростью и пользовался большой популярностью в подчиненных ему войсках».

Узнав об отречении Николая и догадываясь о всеобщем круговом отступничестве, Федор Артурович через головы начальников послал императору телеграмму, предлагая себя и свои войска для защиты престола.

Намерение Келлера не являлось авантюрой. Вот как спустя много лет оценивал возможности сохранения власти Николаем Вторым в ставке и Пскове бывший вождь белой гвардии барон Врангель (по воспоминаниям Шульгина):

«Надо было... стать во главе кавалерии, которая сохранилась... не была разложена... и навести порядок...»

Телеграмму скрыли от Николая. Скорее всего, это дело рук генерала Алексева. К нему как начальнику штаба Верховного стекалась вся документация.

По получении текста присяги Временному правительству Федор Артурович отказался приводить к ней корпус, который благодаря

его умению и доблести пользовался славой лучшего в русской армии. Федор Артурович был отставлен от командования и уехал в Харьков. В 1918 г. был растерзан в Киеве петлюровцами (вскоре или в одно время с булгаковским Най-Турсом).

Федор Артурович почитал делом чести — дворянина и русского офицера — делить риск с рядовыми и водил их в атаку: под пули и шрапнель. Он поочередно водил в атаки каждый из полков корпуса. Никто и ничто не могли согнуть этого человека. Многих «станичников» он знал по именам и всегда проявлял заботу о них — корпус был казачий.

Он оказался едва ли не единственным дворянином по духу среди множества российских дворян в мартовские события семнадцатого.

Надо полагать, его, как и булгаковского Най-Турса, засунули в штабель мертвецов — в морге такие смиреннее. Если, само собой, была кому нужда засовывать и кому искать. Могли ведь, как и собаку, — просто в яму. Это было бы очень по-людски. Лишь так воздается благородству. Во все времена это самый что ни на есть неходовой товар...

А Петлюре за все злодейства, как это ни странно, воздастся — будет пристрелен в Париже...

На милость победителя...

5 марта Ленин просит Инессу Арманд: если она уедет в Россию, узнать, возможно ли его возвращение домой через Англию.

6 марта Владимир Ильич в письме к Карпинскому¹ излагает план своего нелегального возвращения через Англию и Голландию по документам самого Карпинского. Надо полагать, Карпинский испытал некоторое остоленение. Вроде бы документы самому нужны для этого самого возвращения, и хоть обращается вождь, а вторых-то не имеется...

Владимир Ильич в лихорадке возвращения — найти дорогу к Петрограду. Дорог каждый день! В Петрограде нет ни одного из действительно представительных большевиков, а дело ставить нужно, и незамедлительно. К тому же даже представительные не ведают, как действовать, а у него все готово, все сразу легло на бумагу, если не на бумагу, то выстроилось доводами в сознании. Он знает, как вздыбить Россию, как отнять ее у Временного правительства. Он это точно знает. Вот только бы вернуться...

В конечном итоге в партии всегда торжествует Ленин. Вокруг сбился, отсеявшись, круг единомышленников, уже воспитанных на авторитете и почитании его, Ленина...

В тот же день Владимир Ильич говорит по телефону с Арманд:

¹ *Карпинский, Вячеслав Алексеевич* (1880—1965) — член партии с 1898 г. В общей сложности Ленин написал ему свыше 100 писем. С 1918 по 1922 г. Карпинский — ответственный редактор (с перерывами) газеты «Беднота». В 1918—1927 гг. — член главной редакции газеты «Правда». Доктор экономических наук.

он должен быть в России; да, проезд через Англию исключен, ему это уже известно. Да, да, остается... Германия!

Германия!!!

Он должен, он обязан быть в России!

Он не может не знать состояние партии. По существу, она разгромлена. Количество большевиков ничтожно. Пожалуй, любая партия из крупных задавит ее по численности.

Александр Сергеевич Лукомский до конца дней своих хранил в памяти картину прощания бывшего государя императора с бывшими чинами своей ставки в Могилеве. Бывший государь император расстался с матерью и выехал в Царское Село 8(21) марта. Надо полагать, тогда и созвал генерал Алексеев бывших чинов ставки (теперь они уже именовались по-другому) для прощания с отбывающим уже в подлинное небытие Николаем Александровичем Романовым.

«...Государь вошел и, сделав общий поклон, обратился к нам с короткой речью, в которой сказал, что благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междоусобицы и Гражданской войны, а также создать возможность напрячь все силы для продолжения борьбы на фронте заставили его решить отречься от престола...

Государь обратился к нам с призывом повиноваться Временному правительству и приложить все усилия к тому, чтобы война с Германией и Австро-Венгрией продолжалась до победного конца.

Затем, пожелав всем всего лучшего и поцеловав генерала Алексея (горький это выдался поцелуй. — Ю. В.), Государь стал всех обходить, останавливаясь и разговаривая с некоторыми.

Напряжение было очень большое. Некоторые не могли сдержаться и горько рыдали. У двоих произошел истерический припадок. Несколько человек во весь рост рухнули в обморок.

Между прочим, один старик конвоец, стоящий близко от меня, сначала как-то странно застонал, затем у него начали капать из глаз крупные слезы, а затем, вскрикнув, он, не сгибаясь, во весь свой большой рост упал... на пол.

Государь не выдержал; оборвав свой обход, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышел из зала...»

С ним ушла из зала и та Россия...

В своих воспоминаниях Александр Сергеевич пишет «Государь», а не «бывший Государь», и пишет с большой буквы. Для него он был и остался высшей властью, символом России — Царем. С именем Романова на устах жили, сражались и умирали русские. Это все они с Государями ставили Россию. За веру, царя и Отечество!

Государь!

Плохой, великий, несчастный, но Государь! Это значило больше, нежели просто личность одного из людей, волею судьбы поставленного к управлению огромной империей. Это был символ Родины, преемственность жизни поколений, живая связь поколений, свя-

ценная традиция власти, исторический смысл их общего бытия.

Это чувство уже не имело ничего общего с понятием «монархизм». Оно было глубже, богаче, неизмеримо значительней. Это была сама родная земля.

Россия заслоняла того человека, который занимал трон и требовал безусловного повиновения. Он, этот человек, уже значил мало, ибо являлся составной частью понятия Родины. И безусловного повиновения требовал уже не этот человек, а Родина, ее высшие интересы.

И теперь все это рушилось, отодвигалось в тень. Если бы только в тень...

Чужие, странные имена вдруг заговорили от имени народа и России.

Александр Сергеевич смотрел на жизнь — и не узнавал. Кто, по какому праву присвоил и присваивает себе право управлять людьми, страной и им, генералом Лукомским?..

Вместе с теплыми ветрами весны таяли, изменяясь, дорогие черты всего вокруг: становились зыбкими, а после теряли привычную сочность красок, серели, обесцвечивались — и избывали вовсе.

Нечто новое, незнакомое и страшное выдвигалось, обозначало себя вместо бесконечно милой и такой знакомой жизни.

Та жизнь, о которой он думал как о вечной и неразрывной с ним, теряла свои черты, порой уродливо искажаясь и выступая совершенно неведомыми прежде чертами. Откуда они, почему здесь? Гибнул, тонул, распадаясь, старый и дорогой образ Отчизны.

Пристально, пытливо приглядывался Александр Сергеевич к деревьям, облакам, звездам, деревьям, рощам, городам, людям, вокзалам, звукам речи... Это то, что он любил, ради чего жил и боролся, страдал — и это не «то», совсем не «то». Изменился смысл, а с ним угасает (и угасла уже в некоторых проявлениях) та жизнь. Нечто железное, суровое, лишенное чувств постепенно замещало прежнюю жизнь, незаметно, но быстро обрастая другими понятиями, словами. Александру Сергеевичу казалось, что выворачивается наизнанку весь смысл жизни вообще. Нечто низменное, очень рационалистическое, расчетливое и не ведающее ни в чем сожалений становилось жизнью, в которой был не нужен весь смысл прежнего поведения. Ненужным и бессмысленным становился весь строй прежних понятий и представлений. И даже понятие Бога не давало устойчивости в этом стремительном наступлении нового, да что там наступлению — неудержимой энергии захлестывания нового.

Александр Сергеевич не узнавал людей.

С внешней стороны его жизнь, казалось бы, складывалась вполне благополучно. Увольнение по списку нового военного министра Гучкова, составленного Алексеевым, более 100 генералов не коснулось Лукомского. Донесения, поступавшие из армии, указывали на то, что все постепенно разваливается. «Работать в ставке

стало трудно и тяжело, — писал Александр Сергеевич спустя добрый десяток лет уже в эмиграции, в тесной парижской квартирке, — чувствовалось полное бессилие задержать ход событий и остановить... развал армии. В конце мая я обратился к генералу Алексееву с просьбой освободить меня от должности генерал-квартирмейстера и дать мне назначение в строй... и я был назначен командиром 1-го армейского корпуса, бывшего на Северном фронте... С первых же дней моего командования я убедился, что придется быть не командиром корпуса, а «главноуговаривающим»... Открытая пропаганда, которую вел Ленин в Петрограде и которой потворствовало Временное правительство, делала почти невозможной борьбу против нее в войсках...»

Свержение монархии и установление демократических порядков дали возможность большевикам собраться, привести себя в порядок, умножить силы и перейти в наступление, используя глубочайший социально-экономический кризис, порожденный войной. Не будь войны, предельно обострившей противоречия, не видать большевикам власти. Об этом, кстати, говорил и Ленин. Война с ее бедствиями явилась самым искусным и могучим просветителем народного сознания. Оставалось лишь подключить лозунги о земле и мире.

В дни Февральской революции в Петрограде видных большевиков не оказалось. Они эту революцию непосредственно не готовили и даже не подозревали о ней. Революцию совершил народ (тогда говорили: это «революция очередей»). Зато плоды революции большевики обратят себе на пользу.

Полицейский сыск императорской России привел к разгрому большевистских и меньшевистских организаций во всех центрах России. По словам руководителей этого самого сыска и судя по документам, те организации, которые и существовали, находились под всеохватным внутренним контролем. Платные сотрудники охранных отделений подробно освещали деятельность партийных организаций. Не имело смысла ликвидировать эти организации окончательно, так как возникали трудности с внедрением новых агентов.

В своей преданной анафеме автобиографии Шляпников свидетельствует: «...в начале 1916 года снова выехал за границу. Все эти годы работал в теснейшем контакте с заграничной частью ЦК, в состав которого входили В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев. С 1915 года состоял членом ЦК по кооптации. В 1916 году, в целях изыскания средств на партийную работу, находился в Америке. В конце 1916 года вернулся снова в Россию. Организованное в 1915 году бюро ЦК к этому времени было частью арестовано, частью дезорганизовано, и мне снова пришлось работать по созданию нового бюро ЦК...»

Обратите внимание: «снова».

Сыск методично обрезал не только партию, но и ее главнейшие органы. Приходилось все непрерывно воссоздавать.

Именно поэтому в Петрограде, как и в Москве, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде и других центрах, не оказалось ни одного из руководящих работников партии — все были взяты или прочно отсиживались в эмиграции, отказываясь в условиях военного времени рисковать. Тут военный суд мог вклеить не ссылку, а расстрел. Какое сравнение — Цюрих лучше.

Именно поэтому Александр Гаврилович Шляпников оказался вдруг самым представительным большевиком в Петрограде. Сталин ему этой воистину исторической представительности не спустит и уничтожит как злейшего врага партии и государства. Ведь он, этот Шляпников, превосходил Сталина по роли в партии, очевидной близости к ленинскому руководству, да к тому же много работал за границей (в добром десятке стран), а это, по более поздним меркам Сталина, верная измена Родине, и участие в оппозициях это доказывает. В общем, были все основания пришибить Александра Гавриловича, что охотно исполнили коммунисты в чекистской форме. Эти всей историей своего существования доказали совершеннейшую всеядность по всем статьям. Черный орден убийц.

Все это очень укладывается в понимание демократии по-ленински, то есть как незаконно-силового решения каких бы то ни было затруднений, будь то личных или государственных. Во всяком случае, последователи Ленина в первую очередь усвоили из его учения именно это, усвоили — и сделали центральным в государственной жизни.

Послеоктябрьская практика доказала: с помощью насилия все возможно и достижимо, — доказала и утвердила это как норму жизни.

Это государство поразительно!

Здесь не задумываются над тем, насколько прав человек, выступающий с критикой состояния общества, а лишь жалеют, что проглядели и не прибили в свое время.

И оно удивительно самодовольно, это государство. Никогда не сомневается в своей правоте, хотя не выбирается из трясин жесточайших ошибок и потерь. Впрочем, к людским потерям здесь относятся стойко.

Эта «демократия» наловчилась осуждать все неудобные книги с участием народа, не давая читать ему эти самые книги. Это, конечно, верх здравого смысла и, безусловно, верх демократии. Народ тоже проявляет при этом верх гражданственности.

Чему удивляться, это он, народ, пошел за Гитлером и залил кровью Европу. Это он, народ, участвовал в позоре и безумствах «культурной революции» Мао Цзэдуна. Это он, народ...

Этот список не имеет начала, не будет иметь и конца.

Святость и справедливость не всегда являлись достоинствами народа; ведь это сообщество граждан — из выживших, то есть приспособившихся... И началось все гораздо раньше, много раньше тех времен, когда люди благодарно распяли Христа. Собственно, не началось, а, так сказать, имело продолжение в потоке времени.

Народ непрестанно является предметом политических и идеологических спекуляций, демонстрируя при этом чрезвычайную податливость. Благодаря его равнодушию, глубокой занятости собой были и остаются возможными самые дикие зверства и несправедливости. А если народ более или менее сыт, то любые зверства вообще как бы рикошетят от его совести.

Власть исходит от народа...
Но куда она заходит?
И куда она приводит?
До чего она доводит?..

Бертольт Брехт

Дитерихс даст свою оценку событиям:

«С 27 февраля, с момента крушения той формы, которая в представлении либеральной интеллигенции рисовалась деспотическим правлением, Россия неудержимо катилась в бездну.

Большие умы были «западнические», а не русские. Среди интеллигенции было много людей с русской душой, но **Дух был не русского христианина».**

Это означало, что отныне русская жизнь будет втискиваться в формы, ей чуждые, а по духу — оскорбительные и унижительные.

Это означало и обездушенное отношение ко всей массе самого простого люда, соединяемого воедино лишь через православную церковь — подлинную мать национального духа.

Это означало и возвращение народа, низведение его существования до роли мировой ломовой лошади. Российские народы отдавались во власть чужих и чуждых ему сил. Народу это грозило самоуничтожением.

Именно подобный (и никакой другой) смысл вложил в запись Михаил Константинович. Нам через три четверти века она засветится вещим смыслом.

Вот каким увидел Петроград через несколько дней после Февральского переворота будущий белый вождь генерал барон Врангель:

«Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия, солдатах... но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными лентами, и владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему своего недоумения... Он явно был смущен и

пытался отшучиваться: «Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды...» Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за все время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь... В ряде газет появились «интервью» Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрекшегося Царя. Без возмущения нельзя было читать...»

7 или 8 марта Ленин в письме к Карпинскому в Женеву одобряет план Мартова о проезде через Германию в обмен на пленных немцев. Надо полагать, Вячеслав Алексеевич уже оправился от мысли, что ему придется расстаться с документами и вообще застрять на неопределенный срок в Швейцарии. В эти дни Владимир Ильич работает над тактикой большевиков в новых условиях. У него на сей счет свои соображения, которые, как покажут события, принципиально расходятся с мнением большинства. Да какого там большинства — со всеми.

3 апреля Петроград будет встречать Ленина.

Ни постоянная умственная работа, ни наследственная склонность к атеросклерозу¹, ни загнанная внутрь «оплошная болезнь»², к новейшим средствам лечения которой Владимир Ильич проявляет определенный интерес (см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 20, — ведь не о лекарствах, исцеляющих тиф или туберкулез, это знание), пока еще не дают себя знать.

По воспоминаниям Георгия Яковлевича Лозгачева-Елизарова — приемного сына сестры Ленина Анны Ильиничны, — Владимира Ильича переполняла энергия.

«Ранним утром 4 апреля я пробудился, услышав в коридоре голоса, среди которых выделялся чей-то незнакомый мне картавящий веселый мужской голос... — рассказывает Георгий Яковлевич, в ту пору просто Гóбра. — Я быстро вскочил с постели, приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

¹ «...Основной болезни Владимира Ильича считали затвердевание стенок сосудов (артериосклероз)...» — из сообщения Н. А. Семашко о вскрытии тела Ленина («Известия», № 2055, 25 января 1924 г.).

² Споры по этому поводу продолжают и сегодня. За последнее время на эту тему было немало публикаций, но доказать или опровергнуть факт «оплошной болезни» однозначно никому не удалось. — *Прим. ред.*

Как раз напротив моей комнаты стоял коренастый, небольшого роста, широкоплечий человек, в каком-то полувоенном зеленом суконном костюме вроде френча с тисненными кожаными пуговицами, похожими на футбольные мячики. На ногах у него были простые ботинки с толстыми подошвами.

Я догадался, что это и был Владимир Ильич. Он только что успел умыться и стоял теперь у открытой двери в ванную, вытирая полотенцем лицо и большую покрасневшую лысину, забавно фыркающая при этом...

В те далекие дни 1917 года Владимир Ильич сравнительно мало времени проводил дома. Поднимался рано и, уезжая по утрам, нередко брал меня с собой «прокатиться».

Возвращался домой Владимир Ильич всегда шумным, оживленным, делясь за столом новостями о последних событиях с родными и обсуждая их.

Некоторую часть свободного времени, отдыха ради, Владимир Ильич охотно уделял мне, затеявая возню и шумные игры... против чего Анна Ильинична не возражала и следила лишь, чтобы мы чего-нибудь не разбили. Мягкосердечную Надежду Константиновну наши игры приводили в ужас... А вообще-то говоря, с точки зрения хозяйки, Анны Ильиничны, было чему и ужасаться: во время нашей возни по всей квартире бывало, что стулья летели на пол и даже столы перевертывались!...»

Итак, джинн самой сокрушительной революции в истории человечества — на свободе! Правда, он ее и не был лишен, этой свободы. Но мирное пребывание в Цюрихе довело градус внутреннего давления страсти и мысли до сверхвозможных величин — куда там бутылочному заточению!

Итак, долой братоубийственную войну!

Долой капиталистов!

Вся власть рабочим и крестьянам!

Да здравствует социалистическая революция!..

«8 марта утром в ставку прибыли командированные Временным правительством комиссары, — возвращает нас в те дни Дитерихс, — А. А. Бубликов, С. Т. Грибунин, И. И. Калинин и В. М. Вершинин для выполнения постановления об аресте Государя и перевозке его в Царское Село. Лично к Государю они не заявили и его не беспокоили и ограничились сношениями с генералом Алексеевым. Непосредственная их деятельность выразилась в формировании поезда и отборе тех приближенных лиц, коим было предоставлено сопровождать Царя в Царское Село. Поезд в составе 10 вагонов был составлен... десятым вагоном, прицепленным в конце состава, был... вагон комиссаров...

Поезд отошел из Могилева в 4 часа 53 минуты дня 8 марта, всего на 53 минуты позже, чем в Царском Селе закрылись ворота за выехавшим из дворца генералом Корниловым, арестовавшим по

постановлению Временного правительства Государыню и Царских Детей...»

Да, то был скорбный путь...

Бывший царь стоял у окна: мелькали перелески, поля, полустанки, еще не потерявшие снега, хотя наст и подопрел, осел...

«Не уберег Россию, не уберег Россию...» — отстукивали колеса.

Истинно так: не уберег. За то и будет страшный спрос.

Не уберег.

О военной деятельности Гучкова оставил свой отзыв генерал Врангель:

«Первые шаги Александра Ивановича Гучкова в роли военного министра ознаменовались массовой сменой старших начальников — одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенных было много людей недостойных и малоспособных, сплошь и рядом державшихся лишь оттого, что имели где-то руку, но тем не менее смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми, чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могла не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии».

История лишь раз открывает подобные возможности: страна ослаблена войной, расстроена революцией, война с каждым часом обостряет противоречия в обществе, бедствия народа чудовищны, при всем том — Февральская революция не решает основного вопроса — земельного (того самого, который должен отгрызть голову «думской змее»).

Все сцепляется в один дьявольский, казалось бы, неразрешимый клубок вопросов, но он, Владимир Ульянов-Ленин, знает, как его разрубить.

Именно так: разрушить старый мир и все старые отношения, основанные на угнетении человека человеком, несправедливости, жестокости, бессмысленных войнах. Для этого класс рабочих должен взять власть и осуществлять беспощадную диктатуру: истребить всех, кто что-то значит в этой жизни, то есть смести прежде всего имущие классы.

Пожалуй, нигде с такой исчерпывающей сжатостью и откровенностью не выражена суть доктрины Маркса и Ленина (больше, пожалуй, Ленина), как в эпитафии Подтелкову и Кривошлыкову.

На съезде казаков-фронтовиков Федора Григорьевича Подтелкова избрали председателем Военно-Революционного комитета, а Михаила Васильевича Кривошлыкова — секретарем.

Спустя пять месяцев, а точнее, 10 мая 1918 г., отряд казаков-

фронтовиков и красногвардейцев окружен и вынужден к сдаче в плен. Белоказачи пустили в расход подтелковцев, а Подтелкова и Кривошлыкова повесили.

Эпитафия на старом кирпичном памятнике (теперь установлен новый, мраморный) предельно коротка:

Вы убили личность, мы убьем классы.

Четко и ясно изложена ленинская программа вколотить в землю целые классы — миллионы и миллионы людей.

О Ленине и ленинизме можно сказать: чтобы мы могли жить, многие должны умереть. И к чему было мозолить глаза в библиотеках? Все просто, ясно. Зачем какие-то научные слова, ссылки, философские трактаты, социологические исследования и бесконечные сводки статистических данных? Жить вы не будете, вместо вас и на вашем месте будем жить мы — вот и вся премудрость. Но и то правда, при большом проникновении в суть явления его можно выразить предельно простыми словами. Этот предмет — убийство целых классов — занимал Ленина всю жизнь. Наверное, с того дня, когда пришло известие о казни старшего брата Александра.

Истребление было организовано если не по плану, то согласно доктрине. Миллионы раз будет перезалита кровь подтелковцев, все в соответствии с дульно-штыковыми параграфами учения.

В итоге эта мясорубка (великая революция) обернулась против любой формы инакомыслия, будь то интеллектуальной, религиозной, или даже просто независимого поведения.

От уничтожения целых классов, неослабной опоры на диктатуру (и насилие) прямым образом прослеживается связь с отрицанием любого несогласия, уже не говоря об инакомыслии. Этот запрет на инакомыслие утверждается на костях уничтоженных классов и вообще замученных по несоответствию параграфам учения. Это, разумеется, от клокочущей любви к человеку, столь развитой в Ленине.

Победа революции возвела Ленина и его учение в нечто божественное, а это обернулось окостенением мысли, запретом на любые мысли и мнения вне доктрины, извращением духовной жизни целого народа.

Дух народа, закованный в объятия скелета...

Революция незаметно и непрерывно соскальзывала к своей противоположности — крайней реакции, пока не запала в эту форму окончательно.

«...Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..»

Ни из одного генсека, несмотря не то что на ошибки, а на преступления (они, эти преступления, обходились новой натугой народа, новой нуждой, дополнительными смертями, огромными материальными издержками), нельзя было вырвать такого рода признание. Они по своему вознесению к всеобщей и безграничной власти непо-

грешимы и неприкосновенны. Их благословили Маркс, Ленин и покорность замиренного народа — один несъемный намордник на всех днях и годах жизни народа...

А ежели, случись невероятное, высеклось бы из недр генерально-носекретарского сознания нечто подобное, то ЦК КПСС, а точнее, бюрократический аппарат партии, запрятанный под вывеской ЦК КПСС, не пропустил бы крамолу, пусть даже коммуниста № 1. Он, этот аппарат ЦК, как фильтр между верховной партийной властью и всем прочим миром. С этой высоты неразличимы лица — лишь одни хребты согнутых спин, никто не смеет разогнуться. Теми, у кого есть лицо, занималось и занимается ВЧК-КГБ, а доносчиков на Руси, как палой листвы по осени.

Именно сия жреческая каста бюрократов определяет, что — истинно божественное, от эманации партийного духа. И уже никому другому не дано судить о правомерности любых других государственных и общественных явлений.

Из речи Зиновьева на заседании Петроградского Совета 6 сентября 1918 г.:

«Замечательна та критика, которой подверг Ленин известную книгу П. Струве «Критические заметки». Струве долгое время числился соц.-демократом. Он издал очень нашумевшую книгу «Критические заметки», направленную против Михайловского (т. е. народничества. — Ю. В.).

Я чувствую и знаю, говорил Ленин, что через год, через два Струве уйдет от рабочего класса и предаст нас буржуазии.

Книга Струве кончалась словами: «Признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму» (Господи, пророческие слова! — Ю. В.).

Над этими словами надо призадуматься, говорил Ленин. Как бы не кончилось тем, что сей Струве пойдет на выучку не к капитализму, а к капиталистам.

И хотя Струве был товарищем Ленина и оказывал неоценимые услуги как товарищу Ленину, так и тогдашней соц.-демократии, Владимир Ильич со свойственной ему твердостью и последовательностью, как только подслушал фальшивую нотку в словах Струве, забил тревогу. Он стал бороться против Струве¹.

Петр Бернгардович Струве оправдал надежды Ленина. В 1918 г. им были произнесены вещие слова:

«Но если всероссийский погром 1917 года угодно называть русской революцией, то я скажу прямо: главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила революцию и сделала ее неизбежной. Справедливость, однако, требует прибавить: в этом преступлении соучаствовала вся прогрессивная русская интел-

¹ Зиновьев Г. Е. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Пг., издание Петросовета, 1918, с. 20.

лигенция тем безразборчивым и безрассудным характером, который она придавала своей борьбе... в частности, после событий 1905 года.

Все это объясняет, почему в революции, в самом ее ядре, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего издыхания будет кичиться наименованием революции...»

И вещи слова, и приговор.

Керенский уже в эмиграции, отвечая на обвинения в том, что он и революционеры сыграли в руку немцам, подчеркивал (и, безусловно, с немалой долей истины):

«Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить в должное русло».

Правда, сам Керенский определенно скромничает. Без существенной натяжки можно утверждать, что основной действующей силой Февральской революции явились кадеты, точнее, верхушка этой партии вкупе с октябристами, главным образом Гучковым. Но генералы тут тоже не оплошали. Длинно и решительно шагнули к республике. И оступились... в могилу...

Ленинская демократия — безусловно, знаменательное достижение. Все ведь обретает смысл в сравнении. Скажем, Петр Первый в Кенигсберге (ныне Калининград) был заинтригован описанием принятой здесь смертной казни. Любознательность переполняла молодого реформатора. Очень он хотел поглазеть на казнь, но вот осужденных в то время не было. Петр пришел в большое нетерпение и выразился в том смысле, что он непременно хочет увидеть казнь, а что до осужденного... ну пусть воспользуются любым из его свиты. Как говорится, да за-ради Бога...

Конечно же, социалистическая демократия тут на недостигаемой высоте. Если уж она и карает, то по своим инструкциям, которые так дополняют закон, и это очень радует и каждого из граждан обнадеживает...

А традиция, как прослеживается традиция!..

Но пока Владимир Ильич томится в Цюрихе. Его пронизывает понимание того, что должно случиться в грядущие месяцы. Для этого он не должен — он обязан находиться в России! Он даже в мечтах не смел предположить, что все, во имя чего он жил, окажется столь реально. И в самых смелых мечтах он вряд ли представлял себе такое.

Преступно терять любой день вне России! Именно теперь, в грядущие месяцы, обстановка в высшей степени станет соответствовать задачам новой революции. Да, да, нужна новая революция — качественно другая, такой еще не знал мир, — социалистичес-

кая. И он, Владимир Ульянов-Ленин, рассечет ею живую плоть России.

И первой должна пасть, то есть перестать существовать, русская армия — тогда иссякнет ответная сила старого общества.

Антивоенная пропаганда понятна любому, бессмысленность братоубийственной войны не нуждается в доказательствах, ею надо перешибить хребет так называемому патриотизму, ибо патриотизм — прежде всего понятие классовое. Надо говорить об этом, неустанно напоминать, разьедать правдой все издревле установившиеся представления о Родине, долге, внешнем враге... Пусть это истлевшим тряпьем сползет с тела народа...

И Ленин формулирует основополагающий большевистский постулат:

«Окончание войны, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал».

Вот так: неограниченным насилием (а это, согласно учению, диктатура пролетариата) будем кончать с насилием империализма. Логика ослепительная, а главное — безупречная.

Антивоенная пропаганда обуздает мировую бойню, во всяком случае, вырвет из нее Россию, но с одним неизбежным следствием: армии уже не будет, — и это поистине золотой венец антивоенной пропаганды, наполнение классовым смыслом всех представлений, нагроможденных эксплуататорским строем.

Под напором антивоенной пропаганды, выпадения России из войны армия перестанет существовать — это неизбежно. И ему, Ленину, это ясно со всей очевидностью. Именно это позволит взять власть. И это будет тот звездный миг истории — власть рухнет, ей не на что будет опереться. И мы, большевики, придем на смену старому миру.

Во всех прежних революциях старое общество прибегало к силе — у него всегда была под рукой армия. Теперь ее не будет. Мы станем диктовать свои условия всем и каждому. Сила контрреволюционного противодействия будет затуплена, если вовсе не исключена.

Долой братоубийственную войну!

Мир народам!

Скоро, ох скоро выдохнет Русь с радостью навстречу лозунгам своего вождя:

«Грабь награбленное!», «Кулаком — в морду, коленом — в грудь!»...¹

¹ Ленин недоумевал, отчего это вдруг лозунг вызвал такое негодование образованной России. Ведь лозунг выражает и существо момента (надо вовлечь людей в революционный процесс), и догмы марксизма о войне классов, перераспределении собственности и т. д. Диктатор не только не раскаивался в содеянном (а призыв грабить вызвал настоящий всероссийский погром — еще бы, сигнал подала сама центральная власть!), но и гордился им как подлинно революционным актом.

Разложение — обратная сторона процесса соединения людей. Это Ленин понимает лучше других. Разлагать, дабы повернуть к себе, — и сплотить. Кто не готов сплотиться — отсечь! Не поддается вразумлению — отсечь! Но для этого раскачать стихию толпы, пробудить инстинкты разрушения, ненависти. Эта стихия, сокрушая все, и даст власть. Другой возможности обрести власть нет, не существует. До предела расковать устои старой жизни, смешать с грязью святыни, попрасть все нормы — и тогда рухнет тысячелетнее государство. Тогда только большевики в святых, только их слово — закон!

Революция тем и сокрушительна, что заряжена волей множества людей. Коллективная сила — основа революционного сдвига. В октябре семнадцатого большевики получают предельное соединение людей в единой воле...

Надо немедленно включаться в политическую жизнь России. Промедление подобно поражению. Все решает время — отныне оно работает на большевизм.

Надо использовать и то состояние, в котором находится Россия после Февральской революции. Общественная жизнь не организовалась, все в брожении, неустойчивости. Власть не успела создать опору. Старый режим — режим тысячелетия — сметен, новый, буржуазно-демократический, — не успел окрепнуть. Именно так: новое еще не стало крепостью нового государства. И конечно же, делает свое разрушительное дело война. Она многолика. Она созидает сверхбольшую вооруженную силу народа. Она и разлагает народ. Кровь, страдания, нужда начинают разлагать народ прежде всего в армии.

Более выгодные условия для подготовки социалистической революции история вряд ли еще представит.

И не получить более выгодных условий для восстановления, укрепления партии и завоевания ею ведущих позиций: нет сыска, нет запретов... Раскачать живое море России! Довести недовольство трудового народа до степени шквала — тогда никто уже не сможет помешать. Они, большевики, окажутся единственной реальной силой. Народ пойдет только за теми, кто не станет обещать, а даст все сразу.

«Грабь награбленное!» Этот фантастический по невероятию лозунг бросит Ленин. Горячей волной понимания отзовется он в сердце народа...

Любой ценой выбраться из Швейцарии! Все испробовать и найти решение. Он, Ленин, должен находиться в Петрограде, у пульса страны. Он должен произвести вливание своих идей и воли в ее плоть и кровь. Россия!.. Наконец он может это сделать, она открыта перед ним. Рухнули стены старого режима. Никто не угрожает.

Уехать! Решение должно быть найдено, оно есть, нужно лишь суметь разглядеть его. А там, в России, он знает, как поступать.

Только бы выбраться из Швейцарии... Он волеет в мозг и волю России весь запас выстраданных идей и мыслей. Она готова для этого, но прежде надо, чтобы она услышала его — устами тысяч ораторов, тысячами газет, листовок...

Экспроприация экспроприаторов! Земля! Мир!

Грабь награбленное!

Завтра все будут равны и счастливы! Завтра светлое царство социализма.

Будущий беспощадный и несгибаемый диктатор от свободы брался осчастливить граждан самой демократичной и самой справедливой властью на земле. Ярче тысячи солнц разгорались и пылали в сознании людей ленинские обещания.

Изобилие, какое только мыслимо, и самая большая, воистину необъятная свобода светили народам России.

Не будет ни власти денег, ни лживых слов, ни жестокости насилия...

И люди взялись разрушать старый мир — разрушать, резать друг друга и слагать гимны в честь творцов новой жизни.

Лик Ленина смешался в иконный оклад. Но прежде оклады следовало опустошить, освободить место — и церковь пала, поруганная. Никто не смеет стоять рядом с Непогрешимым и Непогрешимыми.

Не будет ни власти денег, ни лживых слов, ни жестокости насилия...

После декретов о мире и земле, которые дадут неоспоримую силу большевизму, Локкарт поставит ему в плюс еще и своего рода единственность: «...в России не было силы, способной заменить и их... какими бы слабыми ни были большевики, их деморализованные противники в России были еще слабей...»

Фриц Платтен — швейцарец, родился в 1883 г. (моложе Ленина на 13 лет). В молодые годы — рабочий. В русскую революцию 1905—1907 гг. пробрался в Ригу, стал членом латышской социал-демократии. Угодил в кутузку. Вернулся в Цюрих весной 1908-го, тогда же впервые увидел и услышал на собрании Ленина. В 1912-м Платтен становится секретарем правления Социал-демократической партии Швейцарии. Личная встреча с Лениным состоялась только на конференции в Циммервальде в сентябре 1915 г. — казалось, и конца нет мировой войне.

Платтен пользовался уважением Ленина, основанным прежде всего на принципиально-идейных основах. Платтен в главных вопросах занимал ленинскую позицию. Именно поэтому ему, по согласованию с Лениным и другими лидерами эмиграции, была поручена организация проезда эмигрантов через Германию. Платтен вел переговоры с германским посланником в Швейцарии Ромбергом.

12 апреля 1938 г. Платтена арестовали в Москве. Под пытками

не признал себя виновным¹. Срок заключения истек в апреле 1942-го. Платтена вызвали к лагерному начальству для беседы о планах после освобождения. Платтен был относительно здоров и, естественно, полон планов. Но 22 апреля он уже мертв. Ответ один: из первопрестольной последовала команда — дематериализовать!

Вот такая история с организатором поездки Ленина и других эмигрантов через Германию. Очень уж живодерская.

Все это грандиозно-утопическое дело освобождения людей от капиталистического рабства завязывалось под знаком глумления над здравым смыслом и страданиями (народ опустошен, оболванен; в лучшей, самой деятельной своей части уничтожен, кормится ложью).

Кровь хлынула наравне с обыкновенной водой. Слез и крови оказалось столько, сколько воды; никого это не тревожило и не заставляло искать средства отпора захватчикам власти. Люди ужимались, дабы самим и казаться, и быть поменьше.

Чекисты, которые, по замыслу революции Ленина, должны были явиться опорой коммунистической идеи, взяли и пристрелили человека, что провез их вождя через враждебную Германию, а спустя несколько месяцев загородил от пули². У того, кто стрелял в Ленина, рука не дрогнула (по-большевистски думал: убрать эту бешеную тварь с дороги!). Не дрогнула она и у того, кто пальнул в затылок верному Платтену. Верней и не бывают. Никого не оклеветал, не потащил за собой в лагерь и, отмаявшись на нарах и тяжелых работах, не изменил вере — только коммунистом себя видел.

6 апреля 1917 г. посланник Ромберг телеграммой сообщил Платтену согласие Берлина на проезд русских эмигрантов на следующих условиях:

- предельное число следующих одновременно не более 60;
- два пассажирских вагона второго класса будут стоять наго-тове в Готмадингене (германский пограничный пункт. — Ю. В.);
- день отъезда — 9 апреля.

Платтен писал позже:

«Теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не

¹ Если принять к сведению похвалы заместителя наркома внутренних дел СССР Заковского, можно предположить, что Платтен «занимались» без рвения. Л. М. Заковский утверждал (разумеется, в своей компании, под хмельком, обсмеялись, поди, до слез: скажет же этот Заковский!), что возникла необходимость принудить Карла Маркса сознаться в том, что он агент Бисмарка, то он, Заковский, добился бы полного признания в два счета. Вот так, дорогие товарищи ленинцы, закаляйте себя, чтобы перенести любые пытки и остаться верным коммунистом. Пытать вас, само собой, никто, кроме ваших товарищей по партии, не станет.

² 14 января 1918 г. при покушении на Ленина в Петрограде Платтен прикрыл его от пули и был ранен.

потому, что он первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов.

Наша партия состояла из 32 человек...»

Что Ленин не вступал ни в какие тайные соглашения с Германией (за проезд через ее территорию) — это факт. Что честный, преданный, но не очень далекий Платтен никогда не добился бы проезда Ленина и других эмигрантов через враждебную России страну — тоже факт. За всех сделал это Александр Парвус (Гельфанд). Этот бывший крупнейший российский революционер, осевший на годы войны в Дании и наживший там на спекуляциях изрядный капитал, имел давнюю и прочную связь с германским Генеральным штабом, и прежде всего генералом Людендорфом.

Именно после консультаций с Парвусом было принято предложение Платтена о пропуске русских революционеров через Германию. В данной истории Парвус действовал по собственной инициативе, да, помимо всего прочего, Ленин его презирал и считал человеком нечестоплотным, хотя все об их истинных отношениях мог бы рассказать один из наиболее доверенных к Ленину соратников — Яков Станиславович Фюрстенберг (Ганецкий); немало знал и несдержанный на язык, а временами непростительно болтливый Карл Бернгардович Радек. Ну и Вильгельм Гогенцоллерн знал...

Платтен вспоминал:

«В Заснице (германский порт на побережье Балтийского моря. — Ю. В.) мы оставили немецкую территорию; перед этим было проверено число едущих, сняты пломбы с багажного вагона и состоялась передача багажа. Пассажирский пароход «Треллеборг» доставил нас в Швецию. Море было беспокойно. Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор. На берегу нас встретил Ганецкий и шведская депутация».

В 1966 г. после спортивных выступлений в Норвегии я проделал сей путь на пароме «Треллеборг» — только в обратном направлении — из Швеции в Германскую Демократическую Республику. Погода выдалась штилевая. Никого не укачало, даже меня, склонного к тому чрезвычайно. Так что и я мог постоять у той главной мачты...

Зиновьев не мог не вспоминать (был он тщеславен до непопребства и никаких иных чувств, кроме брезгливости и презрения, не вызывает). А что до мученической смерти, своими кровавыми делами в годы революции он многократно перезаслужил ее, как и

почти все его «великие» товарищи по борьбе за освобождение человечества. Освобождали тем, что убивали. Так вот, Зиновьев вспоминает:

«...Уехали. Помню жуткое впечатление замерзшей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели только из окна вагона, напоминал кладбище...

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Ленинград (Зиновьев писал воспоминания после переименования города. — *Ю. В.*) мы будем арестованы Милуковым и Львовым. Больше всех в этом уверен был В. И. (после Ленина миллионы русских будут вот так же уверены, что их непременно арестуют; и по милости вождя диктатуры пролетариата их арестовывали! — *Ю. В.*). И к этому он готовил всю группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение проехать через Германию (но, конечно же, не перед той «тройкой» во главе с Ульрихом: рассмотрение дела — 5—10 минут. Если к смерти — расстрел тут же в подвале, если оставляли в живых — десять-двадцать лет лагерей. — *Ю. В.*).

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В. И. забрасывает товарищей рядом вопросов...

Перрон Финляндского вокзала в Ленинграде. Уже ночь (это поздний вечер 16 апреля. — *Ю. В.*). Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. В. И. ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепочка почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал». Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом...»

Вспоминала и Елена Усиевич. Ее муж — купеческий сын Григорий Усиевич 26 лет с лишком, большевик-ленинец — тоже едет в «запломбированном» вагоне, едет и не ведает, что жить ему считанные месяцы: рухнет, сраженный наповал белыми, в августе 1918-го. Будет он тогда комиссаром на Восточном фронте, возникшем после мятежа чехословаков.

«...Все сношения с германскими железнодорожными властями велись через Платтена, — писала Усиевич. — На больших станциях поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону...

Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать...

Так прошло трехдневное путешествие по Германии. Но для нас

эта дорога оказалась самой легкой ее частью, и именно потому, что в наш вагон никто не входил, сами мы не выходили и, таким образом, ни с кем посторонним не сталкивались...

В Петроград мы приехали поздно ночью. На перроне был выстроен почетный караул матросов. Это ошеломило... Мгновение спустя толпа уже вынесла его на броневик на площади, и под темным низким небом Петрограда зазвучала речь Ленина.

Прямо оттуда — во дворец Кшесинской, где, несмотря на то что было уже около трех часов ночи, собрались питерские рабочие-большевики. Толпа стояла и под окнами дворца. И снова выступление Ленина перед замершей в напряженном внимании толпой...

А выйдя утром на улицу, мы увидели и приветствие буржуазии: стены главных улиц Питера были оклеены плакатами: «Ленина и компанию — обратно в Германию»...

Несколько дней спустя почти все мы разъехались по разным городам России...»

Сталин был школярски точен, когда писал: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции».

Вера Ленина в марксизм граничила с религиозной. Отсюда и такие слова: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

Ни на мгновение не забывал: главное в марксизме — это учение о диктатуре пролетариата. Только эта диктатура и способна преодолеть сопротивление государств капиталистов, с их армиями, полициями, судами и несметными богатствами.

Писал: «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто **распространяет** признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата**. В этом самое глубокое отличие марксизма от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа».

Уничтожить зло. Очистить землю от господства одного человека над другим. Навсегда покончить с властью денег.

Из 7 лет после возвращения из эмиграции в апреле семнадцатого и до кончины Ленин будет чувствовать себя здоровым лишь три года: 1917—1919-й (но и в 1918-м его намучает ранение). Итак, из 7 лет лишь 2 года с небольшим Ленин будет здоров. Безусловно, ряд причин ускорили износ сосудов, но, в общем-то, он приехал для главного, узлового дела жизни уже непоправимо больным, без преувеличения — обреченным.

Сосуды удушали его. Он страдал от непрерывных головных болей, потерь равновесия, головокружений, а главное — головных болей. Он сопротивлялся, работал. Мозг постоянно обескровливался: все уже и уже руслица крови. Многие сосуды вовсе не пропускали кровь. Нагрузка же умственная возрастала с каждым днем...

Он жил ради этих дней, это было делом жизни его брата, потом его — Владимира Ленина, а болезнь взяла и погубила...

Болезнь ли?..

До первой мировой войны и в годы ее германскую военную разведку возглавлял полковник Николаи. По роду деятельности он разбирался в программах и характере деятельности революционных партий России, располагал исчерпывающими досье и на политических лидеров.

Эсэсовский генерал Шелленберг, имея доступ к самой секретной информации Германии, сообщает в своих воспоминаниях:

«Полковник Николаи во время первой мировой войны был шефом немецкой военной разведки. По его инициативе Людендорф согласился с планом проезда Ленина из Швейцарии в Россию впломбированном вагоне. Имевшиеся в моем распоряжении документы позволили досконально изучить контакты, которые Николаи непрерывно поддерживал с Россией как при Ленине, так и при Сталине, вплоть до подписания германо-советского договора о ненападении в 1939 г.»¹.

Остается добавить: ни Николаи, ни Людендорф без августейшего дозволения кайзера не смели ступить и шагу. Культ монарха был свят.

«Настоящие строки я пишу в последние дни октября под ружейную и артиллерийскую пальбу московского восстания (это октябрьское восстание 1917 г. — Ю. В.), — пишет Юлий Исаевич Айхенвальд. — Чем бы ни кончилось движение большевиков, оно означает то, что Россия занимается самоубийством. Она жжет себя на огне... Ведь то, что проделывают большевики, так выгодно немцам, что невольно является мысль: не по заказу ли немцев это и совершается? Не в Германии ли держат нити тех губительных для России марионеток, которые в ужасный час родины не лечат ее кровоточащих ран, а круто посыпают их растрavляющей солью (один народ сталкивают с другим в смертельной борьбе, а все вместе это — один народ. — Ю. В.)? Вы гоните от себя эту мысль, вы хотите думать лучше о наших свержреволюционерах, вы стараетесь забыть, что Ленина в роковом вагоне большою скоростью услужливо прислала нам именно Германия...»²

В общем, все-таки думается, что большевики не изменники, а фанатики, что они не чужеземцы в России, а ее сыновья, хотя и

¹ Шелленберг В. Мемуары. М., «Прометей», 1991, с. 43.

² На правителях кайзеровской Германии и самом Вильгельме Втором изрядная ответственность в крушении России. Они добились этого не в открытом бою, но пустили в ее организм смертельный яд, который и спустя 70 лет все валит и крушит страну. Зато не станет великой славянской державы! Это ли не вековая мечта Германии? Разумеется, вслух этого никто не выскажет.

блудные. И в таком случае это не убийство России, а самоубийство. И от этого горе становится еще горше и скорбь — еще тяжелее...

В той самой церкви Большого Вознесения, где когда-то венчался Пушкин, жутко и печально было стоять около длинного ряда гробов, в которые так рано уложила десятки цветущих юношей безжалостная рука войны, — да, новой войны на русско-русском фронте...¹ Ведь создали наши большевики пародию на демократизм, сатиру на равенство, кровавую эпиграмму на гения свободы...

Смеется Вильгельм; еще больше смеется, повторяя, дьявол, которого тешат все эти людские неудачи... Большевики, эти актеры дьявольского спектакля, думали угодить людям, а угодили бесу. И к ужасу друзей и на радость врагам, они превратили Россию в трагическую и зловещую карикатуру...»²

Показания в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства 24 мая 1917 г. одной из самых приметных фигур распутинского окружения — генеральши О. А. Лохтиной.

«Иванов (член комиссии). А последнее время вы где были?

Лохтина. Я, арестованная, жила в Верхотурье в женском монастыре.

Председатель. Вы к Распутину как относитесь, хорошо или плохо?

Лохтина. Он меня исцелил.

Председатель. Так что вы теперь хорошо относитесь?

Лохтина. Да.

Председатель. От какой болезни он вас исцелил?

Лохтина. У меня была неврастения кишок, я пять лет лежала в кровати.

Председатель. Вы считаете Распутина каким человеком?

Лохтина. Я его считаю «старцем».

Председатель. Что это значит?

Лохтина. «Старец», который опытом прошел всю жизнь и достиг всех христианских добродетелей.

Лохтина. Я на себе испытала силу его святости, так что для меня теперь уже все закрыто (то есть всякие дурные факты и мнения о Распутине. — Ю. В.)».

Старчество — это, можно сказать, предел устремлений Распутина. Он делал все — только бы его принимали именно за «старца». Таким образом Григорий Ефимович как бы подтягивался к святым, которые даже выше церкви, сама подлинная вера. Серафим Саровский служил примером. В России старчество давало особое, ни с чем

¹ Юнкера — жертвы большевистского переворота в Москве.

² А й х е н в а л ь д Ю. И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М., «Революция и культура», 1918.

не сравнимое положение и в народе, и высшем обществе, которое довольно прохладно относилось к официальной церкви как всего лишь одному из государственных учреждений.

Прав один из западных историков, утверждая, что «Николай Второй нашел в нем (Распутине. — Ю. В.) живую связь и с Всевышним, и с народом».

Для Николая Второго Распутин явился именно воплощением народа, его здорового, неспорченного представления о мире. Окружение государя императора в своем подавляющем большинстве отличало корыстолюбие: должность, ордена, титул, нажива. Это не могло не порождать презрения и пренебрежения в живой душе царя. Все эти люди, пробиваясь к трону, задевали, оскорбляли царя обязательным корыстолюбием, желанием использовать свое выдвижение или просто касательство к монарху на потребу личных интересов. Все эти «верные» слуги престола лишь устраивали делишки, карьеру. За длинные годы царствования это стало неизменным признаком всех, кто оказывался приближенным к трону, пусть хотя бы на время аудиенции.

И сама официальная церковь не могла питать высокое религиозное чувство царской четы. Церковь уже давно выродилась в отрасль государственной службы. Искреннюю духовность вытеснили казенная религиозность, набор обязательных обрядов и формальностей молитв.

Недаром Распутин говорил о церкви и России:

«...Спасут праведники. Патриарх нужен... Настоящий угодник... А не какой-нибудь чиновник».

Распутин коснулся самой сути кризиса религии, и коснулся основательно, можно сказать, с позиций государственного человека.

И посему не только чудодейственное исцеление наследника делало его в глазах царской четы святым.

О Лохтиной есть в дневнике Джанумовой (запись от 19 сентября 1915 г.): «Это знаменитая генеральша Л., бывшая почитательница Илиодора. Теперь она чтит «отца» (Распутина. — Ю. В.) как святого. Праведной жизни женщина, как подвижница живет. Спит на голых досках, под голову полено кладет. Ее близкие умоляли «отца» послать ей подушку свою, чтобы не мучилась так. Ну, на его подушке она согласилась спать. Святая женщина».

Распад и гниение точили старый мир. Однако сам строй был жизнеспособен. Он требовал крутого обновления — не разгрома, а обновления, переустройства. Реформы коренного смысла стояли на очереди — царю и правящему слою России следовало сделать несколько решительных шагов вперед. Не сделали.

Выводы генерала Лукомского о Февральском перевороте беспощадны неопровержимостью. Все было именно так.

«Царь ради спасения Родины и чтобы избежать междоусобицы и дать России возможность честно исполнить свой долг перед союзниками, отрекся от престола.

Командный состав и рядовое офицерство, освобожденные Царем от присяги, ради тех же целей признали Временное правительство и добросовестно и самоотверженно продолжали свою работу.

Те, которые делали революцию за деньги, полученные от германского Генерального штаба, исполнили свою иудину работу отлично.

Но и те, которые делали революцию во время войны в наивном предположении, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотят, и что можно будет продолжать войну, — являются также преступниками перед Родиной (кадеты, октябристы, правое эсерство. — Ю. В.). Они так же, как и первые, способствовали развалу армии и невозможности продолжать войну.

Они бессознательно помогли Германии вывести русскую армию из строя.

В середине марта (1917-го. — Ю. В.) я впервые узнал, что группой общественных деятелей предполагался в марте-апреле 1917 г. дворцовый переворот...

Чем бы закончился намечавшийся дворцовый переворот, если бы он не был сорван начавшейся революцией, конечно, сказать трудно. Но надо полагать, что дело одним дворцовым переворотом не закончилось бы, так как **крайние левые партии и немцы шли по одному пути** (выделено мною. — Ю. В.) — устроить в России революцию именно во время войны...»

«...Исполнили свою иудину работу отлично...» Разумеется, Александр Сергеевич имеет в виду вождя международного пролетариата и его партию, основательно залезших в германский карман — а как им без этого устроить жизнь по догматам учения?.. России для них не существовало — была утопически-фанатичная одержимость превращения мира в социалистический рай. О том твердили все священные книги марксистов. Крови у этого самого мира для подобной операции вполне доставало. В этом Ленин и большевики были убеждены — и все глубже-глубже лезли в германский карман.

«...В наивном предположении, что ее можно остановить...» Это те самые господа, которым адресовано письмо образованнейшего и умнейшего кадета Милюкова (оно приведено в главе «Иркутское следствие»).

Расфранченные вожди народа, даже близко не ведающие, что такое народ и что такое бунт, революция — слом жизни.

Всех унес, растерзал смерч Октябрьского переворота.

Сейчас декабрь 1991 г., мне завтра 56 лет.

Стонет моя Родина. Бросили ее в несчастье даже братья по крови, оцетинились «независимостями» и взирают с тайной радостью, как тяжело страдает их великая сестра — Россия.

И свои, русские, всюду голосовали против своей Родины, всем она в укор и тяготу — не может кормить и защищать себя, да разве это Родина?..

Нет сытости — и не надо Матери. Пусть разрушается, у них отныне новая Родина, от первородной только имя осталось, как примочка, что ли...

Растерзана великая славянская держава.

Стоит ограбленная, преданная.

Родина моя, Россия!..

Моя Родина, моя земля, наша Россия!..

Всё же дотянулись до тебя — и теперь празднуют победу, ибо нет у тебя богатств, нет их у самой богатой земли на свете.

И нет единства у русских.

Развалена русская жизнь.

И предают себя, глумятся над тобой. И нет у тебя силы ответить — ничтожества присвоили себе право решать за твой народ. И валят тебя, валят...

Родина моя, Россия...

Не уберегли...

Юлий Исаевич Айхенвальд до семнадцатого года, но особенно в 1904—1908 гг., пользовался широкой известностью публициста, литературного критика, отдавая должное и философии. За ним стояли Новороссийский университет, диссертация о Локке и Лейбнице, а также несомненный талант — талант многогранный. Ему принадлежит первый и почти исчерпывающий перевод Шопенгауэра — тогда властителя умов студенческой молодежи. Его имя в почете у образованной России.

Юлий Исаевич родился в 1872 г., то бишь на два года позже Ленина. Таким образом, к октябрю семнадцатого ему исполнилось сорок пять — золотой возраст для писателя и ученого.

В начале 20-х годов Юлий Исаевич подвергся ожесточенному давлению и в результате оказался высланным из советской России, хотя решительно выступал против любой эмиграции, готовый к существованию в любых условиях, но только на Родине. Об эмиграции, когда началось массовое бегство интеллигенции и состоятельной части общества, он писал:

«Переменить можно подданство или гражданство... но не душу свою... Поэтому если уж эмигрировать, то не только из России, но и из всего человечества вообще... (выделено мною. — Ю. В.). Горько признавать, но это так: мы испытываем психологию побежденных. Народ не может простить себе поражения (и в войне с Германией, и под напором большевизма. — Ю. В.). В его душе — позор и отчаяние, стыд за себя, за свое падение... мы не впадаем в психологию побежденного, а исцеляемся от нее, если мы не станем духовно эмигрировать и дезертировать из России...»

Но его не спросили — взяли под белые ручки и выпроводили, при-

говаривая, что хорошо — не в тюрьму, радуйся. Очень уж мешал он новой России возглашать вечное царствие Ленину и социализму.

Бурное лето и осень семнадцатого — Россия впервые республика! И тут же ледяной дых Октябрьского переворота, а за ним — расстрелы, самосуды, ужасы красных реквизиций, а попросту — грабежей, злобная травля интеллигенции заставляют его сесть за стол. Ему не может быть ведом горький опыт В. Т. Шаламова: большевиков и чекистов не вразумить пером, для них ничто тысячи новых Библий (если бы такие сыскались), самые доказательные исследования в философии, истории, творения вершин разума и чувств; это настоящие нелюди, вскормленные на плоти и крови людей. Только винтовка, беспощадный ответный бой способны поставить им преграду и защитить дом, любовь, мысль, свободу.

Это существа с человеческими ликами и голосами, но это не люди — это машины для разрушения, мучительств и смерти. Их радость — покорение, уничтожение независимой жизни. Они для этого призваны. Нет, не родились, а призваны. Кровавое принуждение — их стихия, их правда, их божество.

У них ничего нет, кроме всепожирающей ненависти ко всему, что выше их, неподвластно им и смеет быть без них.

Лишь под самый урез жизни это уразумел Шаламов. Испытав муки унижений, страданий длиною почти во всю жизнь, Варлам Тихонович прокричал это людям — вдруг услышат, поймут.

Нет, не поняли, где живут и с кем...

Но все это только будет, вернемся к Айхенвальду — его не то книге рассуждений, не то дневнику, не то исповеди... Уж стону души — это точно. Обращению к разуму народа — будет еще точнее...

Бесплодное обращение.

И все же.

«Лженародные комиссары... большевики, то есть меньшинство, захватили власть... Силы при этом не равные: у наших завоевателей штыки, у нас — ничего. Оружью мы можем противопоставить одну лишь нравственную оборону...»

Эту нравственную оборону большевики по предписаниям Ленина будут пересекать во всех направлениях — куда там пересекать: распахивать, перепаживать, пачкать. На такую оборону они будут приражаться, что называется, всем миром.

Нравственная оборона.

...Время не писательское, совсем негодное для раздумий за письменным столом: Россия сдвинулась, всё и все утратили опору, а Айхенвальд (вот же кадетская гнида!) к середине 1918-го выпускает книгу «Наша революция. Ее вожди и ведомые».

Сомневаюсь, имеется ли еще хоть одна из этих книг в частных собраниях (и не только в частных). А жаль...

Непреодолимая ценность работы Юлия Исаевича и в том, что она вышла из огненного расплава первых месяцев большевистской власти (во всяком случае, до ранения диктатора). В ней правда тех дней, правда настроений и мыслей образованной России, захваченной

большевиками и принуждаемой к капитуляции голодом, террором и цензурой. Это сиюминутный отзыв на события грандиозного слома и смысла. Таких книг очень мало — можно счесть по пальцам. В те месяцы люди брались за винтовки, а не за перо; паковали вещи и бежали кто куда, и множество ложилось под залпами чекистов в общие могилы. К работе за письменным столом обращались единицы. Для этого следовало обладать великим мужеством. Ведь за окном гремели «Марсельеза» и «Интернационал»; тархтели грузовики с арестованными; расстравленный призывами Ленина и большевиков народ захватывал жилища не только богатых, но и просто людей умственного труда, которых его учили тоже ненавидеть.

«Едва ли за тысячелетнюю историю свою Россия встречала когда-нибудь Новый год так, как сегодня, 31 декабря 1917 года, — подавленная, с поникшей и повинной головой, без праздничных надежд... без внутреннего Нового года, без веры не только в новое, но хотя бы и в старое счастье...

Да, мы очень состарились... Ибо нас осаждали многие враги — новые «двунадесят языкков», пришедшие на Русь: нас осаждали **внешние и внутренние немцы** (выделено мною. — Ю. В.), война военная и война гражданская, нас осаждали голод, лихие люди, лютая смерть, поток и разграбление.

...От налетевших бесов взбесилась знаменитая тройка, о которой писал Гоголь.

...А те, кто выживет, кто нынешнюю кровавую полосу оставит наконец позади себя, те не станут ли дивиться самим себе: как это могли они вынести такую эпоху?..»

Но очень скоро комиссары поднадавят, чекисты загромядут сапогами, дверь с треском захлопнется — и голос Юлия Айхенвальда замолкнет навсегда. Их, высланных или сбежавших, Россия уже не могла услышать, да, признаться, и сама не хотела...

Грандиозность потрясения, неотвратимость роковых событий, ничтожность и незащитность перед лавиной огня и боли заставляют человека мучительно искать убежище в мысли. Идет лихорадочное создание новых, прежде невозможных и зачастую парадоксальных философских построений (вплоть до проповеди благодетельности, естественности жизни без свободы, которая, оказывается, уже пагубна для человечества).

Ураган народных страстей обращает к напряженнейшей работе разума. В мысли наиболее самостоятельные умы человечества ищут свое новое бытие. В мыслях зависает продолжение нового бытия.

Но ураган доставал и сметал всех.

Всех и всё без разбора.

Мысль пыталась противостоять гибели множества людей, насилью, стремилась внести гармонию в совершенно новую организацию бытия, уравновесить боль, кровь и страдания созданием отвлеченных умозрительных философских систем. Мысль пыталась

вскрыть затушеванные, невидимые глазу, не осознанные разумом сущности бытия, но все это были лишь картины жизни, всего лишь чернила, бумага, холст, краски, так сказать, геометрия чувств и мысли. Всего лишь геометрия, только геометрия, и сатанинская, иррациональная, потусторонняя в том числе. От обилия «основополагающих» систем голова шла кругом, а появлялись новые и новые. Мысль отказывалась смириться с бесчеловечной реальностью. Свастика и пятиконечная звезда не оставляли места человеческому.

Огонек духовного бытия пытался осветить крошечную тьму урагана. А ураган неведомого напора плотской, физической жизни, торжество звериных начал, истовое поклонение им необозримых масс людей, разбуженных все сметающей проповедью свободы, равенства, братства, творили разрушительную работу. Суровая, кровавая реальность сметала картинку умозрительных построений вместе с их создателями, гасила пламень миллионов сердец, превращая все в обыкновенный набор химических элементов.

Себя утверждало реальное бытие, в основе которого (за всеми лозунгами и вереницами железнодорожных составов книг) лежала одной несворачиваемой глыбой необходимость, первородство, неизбежность сытости: самая могучая и единственно полновластная сущность людского бытия, подлинный источник всех движений человечества как в физической, так и духовной сферах. Перед сытостью затухали, чадили, развевались в прах самые сокровенные, глубокие и мудро-прекрасные мысли...

Только монастыри отвело человечество для духа и мысли, кроваво и неудержимо прорываясь к сытости, пренебрегая жизнью, раздавливая сотни миллионов людей в кровь, кости и мясо.

Все миллиардоголовое человечество тысячелетиями так называемой цивилизации несло на плечах эту одну гигантскую ношу, ни на миг не расставаясь с ней, — сытость! Все прочее — прах!

Защищенная жизнь (это ведь другая ипостась сытости).

Сплоченность (в ней наибольшая защищенность и, стало быть, тоже гарантия сытости).

И любовь — венец духовной сущности: замаятая, отодвинутая, но всегда с людьми. Не со всеми, правда.

Среди крови и гибели, мук и огня — любовь. Единственная духовная сущность, принятая в обращение всей громадой людей.

Две сути человечества — любовь (духовная, но могущая замыкаться и в плотской, что все-таки тоже любовь) и сытость. Любовь и сытость (готовность к любому движению, пусть самому кровавому, ради сытости), сплетенные в единый неразрушаемый узел. Кровавые слезы человечества...

И еще... надежда. Всегда, до гробовой доски... надежда... от материальной основы жизни и в то же время ее духовной сути...

Сытость, любовь, надежда...

И над всем — вал огня и боли...

Глава IV

САМСОН ИГНАТЬЕВИЧ

О последних днях Романовых и многом другом рассказывал Самсону Игнатьевичу сам Петр Захарович Ермаков, «в годы революции еще вполне сознательный пролетарий при всей своей слабости к градусным напиткам».

Самсон Игнатьевич — странная фигура из моего детства, даже, скорее, не странная, а диковинная.

В конце 20-х и первую половину 30-х годов (до убийства Кирова) находился он при должности в Уральском областном исполкоме и даже один срок отдепутатствовал. Там и завязал он приятельские отношения с товарищем Ермаковым. Сам редко трезвый, Самсон Игнатьевич презирал Ермашку за пагубную страсть к градусным напиткам. Звал он бывшего комиссара и сотрудника ОГПУ то товарищем Ермаковым, то Ермашкой, то даже запивушкой, хотя уже тогда свертывался Петру Захаровичу пятый десяток, ибо вот так, с ходу, в ответственного казнителя бывшего царя какого-нибудь молодого и неотесанного мастерового не определили бы. Словом, на сознательность товарища Ермакова вполне можно было положиться.

Третий класс промелькнул для меня угарным собирательством открыток. Разные «менки» и вывели меня на самого почтенного Самсона Игнатьевича — заведующего клубом в Военном городке (клуб и поныне сохранился среди блочных новостроек 80-х годов), который соседствовал с деревней Щукино, что издревле раскинулась на берегу Москвы-реки. Самсон Игнатьевич, вне всяких сомнений, являлся ключевой фигурой во всех моих детских приключениях.

Самсон Игнатьевич слыл коллекционером со стажем, но собирал открытки преимущественно с цветами и лишь отчасти — с разными дамскими видами, однако с цветами предпочитал всем прочим. Когда я увидел его коллекцию, у меня дух захватило: мама родная, вся этажерка в альбомах!

За просмотром открыток Самсон Игнатьевич имел обыкновение рассуждать вслух. Может быть, то была привычка холостяка — ну совсем одинокого и заброшенного мужчины.

К внешности его следовало притерпеться. По пьяному делу, как выразился сам Самсон Игнатьевич, выспался он на снегу (где-то под Калинином) в своей ведомственной здравнице, там он вполне законно набирался бодрости и сил. Ну и, естественно, приморозил «личность», а заодно и легкие с почками, да так, что даже в самые критические дни войны его от армии держали подальше¹. Кашлял он натужливо и долго, а главное — вздых, зато постоянно находился при своих открытках. Он не курил и внушал мне: «Лучше втереть двести грамм, чем душить себя изнутри».

«Втирал» он эти 200 граммов прилежно и не единожды на день. Но при его угрюмо-упырьей внешности из жалости, надо полагать, ему и не такое прощали.

Таким образом, едва ли не все о последних днях Романовых и прочих затемненно-острых событиях революции я, можно сказать, прослышал из уст самого Петра Захаровича, потому что Самсон Игнатьевич выучил его рассказы до самого распоследнего междометия. Нет, тут дело не в какой-то изохрененной памяти Самсона Игнатьевича и даже не в одной душе на двоих с товарищем Ермаковым, как выражается Самсон Игнатьевич. Все гораздо проще. Обменивал свои воспоминания товарищ Ермаков на выпивку и заводил рассказ сам, как только ему удавалось хлебнуть, даже если его ни о чем не спрашивали, это был как бы гонорар за сочувственное к нему отношение.

До придыханья, до изменений тона и смачной матерщины отложились истории градусного товарища Ермакова в памяти Самсона Игнатьевича, ибо, повторяю, имел тот пагубную страстишку обменивать свои воспоминания на выпивку — ну чистый побирушка, хотя, опять-таки со слов Самсона Игнатьевича, ценил его за особые заслуги перед революцией сам товарищ Кабаков² — с 1928 г. председатель Уральского областного исполкома, а с 1929-го — и первый секретарь Уральского обкома партии, словом, вождь уральского рабочего класса аж до самого 1937 г.: не сходилась в тот год «женевский» счет без его жизни. Рабочих, правда, тогда не обидели и выделили для организованных восторгов и выражений всяческой преданности нового областного вождя.

И вот почти до своего «женевского» исчезновения Иван Дмитриевич Кабаков лично ссужал деньжата Ермакову в критические часы

¹ Сейчас мне кажется, что Самсон Игнатьевич не был так болен, а сумел обзавестись нужными бумагами, опираясь на старые и очень влиятельные связи. И вообще, он в Военном городке отсиживался до лучших времен. К его огорчению, они для него после смерти Сталина так и не настали.

² *И. Д. Кабаков* (1891—1937) членствовал и в ЦК ВКП(б). Приговорен к расстрелу 3 октября 1937 г.

и дни, когда градусное безбрачие доводило бывшего красного командира до сумеречного состояния и гибнул он, можно сказать, на виду у всей областной партийной организации...

Самсон Игнатъевич не делал разницы между Цюрихом и Женевой. Оба вольных швейцарских города для него в равной степени являлись центрами революционной эмиграции. Из этих городов, по его представлениям, и двинул золототканый и лучезарный большевизм на Россию.

Поэтому, не вдаваясь в исторические тонкости, он назвал чекистский механизм устройства новой жизни «женевским», не «цюрихским», а «женевским».

Самсон Игнатъевич хранил гордость за наказание царского семейства, как бы перенятую от товарища Ермакова. Носил Самсон Игнатъевич эту гордость в себе и через нее как бы имел сопричастность к тому великому дню, точнее, июльской ночи.

Вообще Самсон Игнатъевич так просто об этом не распространялся. Лично я узнал по случаю — принес открытки на обмен: ромашки, магнолии, сирень и розовую девушку с крылышками за спиной и пухлыми шарами-сиськами. Меня цветы и разные там голые тети не интересовали, я собирал открытки о войне и героях.

Когда я вошел, Самсон Игнатъевич сидел за столом с рюмкой над банкой американской тушенки и раскуроченной посылкой — могучим даром союзного американского народа.

Они, посылки, поступали из Америки, и начальство сообразно симпатиям распределяло их. Само собой, не всякий мог получить, мы — так только мечтали; там всегда было немножко конфет, а я во всю войну ни о чем так не мечтал, как о сладком. Я до потери власти над собой мечтал о сладком, бредил им ночами. Я напивался горячей водой с сахарином и тогда непременно описывался во сне — от избытка сахараина с водой это случается почти со всеми.

Надо сказать, все открытки Самсон Игнатъевич разглядывал через здоровенную лупу: то ли от подслеповатости, то ли от естественного желания уберечься — не всучили бы нечто недоброкачественное. Я этой лупе завидую смертельно и до сих пор — такую не купишь: поди, трофейная. Видел и вижу я отлично, а вот жечь через нее солнцем разные штуки по дереву!..

Самсон Игнатъевич кивнул мне степенно, опрокинул рюмку, рыгнул, посидел, а после и заел тушенкой, почмокивая и облизывая ложку. И уж тогда велел затворить дверь на ключ. Я затворил, а он и протянул руку. Это всегда означало желание обследовать мой улов — порой Самсон Игнатъевич становился молчаливым и обходился жестами. Но в данном случае эта молчаливость почти тут же сменилась целым роем слов и звуков. Виною тому оказалась не водка, а открытка с магнолиями. Их Самсон Игнатъевич ценил до вскриков, ударов кулаком по столу, крепких рабочих выражений. Вообще, магнолию он называл любимым растением. В тот раз он даже поцеловал открытку.

За дальнейшим лупированием моей добычи Самсон Игнатьевич и сообщил, что он, несмотря на партийность, отмечает день своего ангела, а заодно и Пасху с Рождеством, Крещение, Благовещение, Троицу, Успение и Воздвижение. Он еще не пропустил ни одного, ибо это истинно народные дни, и вообще он «мужик, еще на все годный, ему нет и пятидесяти». И тут он минут на десять зашелся изнурительным кашлем.

Я в те годы не представлял, что такое именины, в нашей семье их никогда не отмечали: религиозный пережиток, ведь никаких ангелов нет. И все же я догадался, это вроде второго дня рождения, а в таких случаях принято что-то дарить. И я не обменял, а преподнес в дар весь свой улов. Самсон Игнатьевич пришел в такое замешательство — взял и глянул на меня через лупу. Водянисто-голубой глаз с красными прожилками крупно и страшновато приложился ко мне. Потом Самсон Игнатьевич решительно усадил меня за стол и насыпал на блюде красных «союзных» леденцов. Меня так и затрясло! Я сразу все и сунул в рот.

И выпивая, и заедая рюмочки тушенкой, Самсон Игнатьевич поделился рассказами товарища Ермакова.

Я так и принял сердцем: не было и нет ничего дороже этого за душой Самсона Игнатьевича.

Романовых превратили в игру дыма и света на бывшем руднике. В не прогоревшем до пепла остова бывшей царицы — там положено красоваться корсажу, — наскреб царско-колчаковский следователь кучку ценнейших бриллиантов. Берегла их на черный день Александра Федоровна, а он, это день, и впрямь стал для них всех черным, чернее и не бывает...

Что сгорело до остова, распада костей на угли, при жизни было суровой, педантичной немкой, воспитанной в строгой чопорности. Царица-немка жила обособленной жизнью от русского двора. Скупость ее являлась предметом постоянных вышучиваний для петербургской аристократии. Так, она сама урезывала пособия, которые русская казна отпускала ее отцу — великому герцогу Гессен-Дармштадтскому Людовику Четвертому. До замужества носила имя Алисы Викторнии Елены Луизы Беатрисы, при русском дворе оставалась верна себе. До последнего дня сама штопала чулки детей, а их у нее было пятеро. Не знала не гадала, что растила их для зверской бойни в нижней комнате Ипатьевского особнячка.

Заслуживает внимания диалог между Лениным и Троцким вскоре после октябрьского переворота.

«— А что, — спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич в те же первые дни, — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?»

— Авось не убьют, — ответил я, смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся».

Ленин исключал за Каменевым, Зиновьевым и Сталиным спо-

способность руководить новым государством. Ленин исключал, но не они. Это и породило гнуснейшую интригу.

К власти и липнет преимущественно грязь и честолюбивая посредственность. Истинные служители народа — Ганди, Толстой... не искали личной власти. Они помогли народу найти дорогу.

В другом месте воспоминаний Троицкий обмолвится: «В 1917 году он (Сталин. — Ю. В.) промелькнул передо мною незаметной тенью»¹.

«Незаметная тень» из жгучей потребности властвовать — это, несомненно, самый коварный и опасный продукт политической борьбы. Волевые, даровитые личности не нуждаются в доказательствах кровью. Сила разума открывает им путь. Посредственность достигает цели через насилие всех видов и форм.

Локкарт дает сравнительную характеристику Ленина и Троцкого, будто нарочно для нас:

«Троцкий был великим организатором и человеком огромного физического мужества. В моральном отношении, однако, он был неспособен противостоять Ленину, как блоха не может противостоять слону».

Это свидетельство из тех лет, не подгонка на потребу дня.

Особенный восторг Самсона Игнатьевича вызывали воспоминания о художественном панно в свердловском музее. Там в красках был изображен сам товарищ Александр Георгиевич Белобородов — председатель Уралсовета. Он на железнодорожных путях, а из вагона к нему выводят царскую семью. Первый — царь, в обычной серой шинели без погон, за ним — царица, в накидке, хмурая, губы узко поджаты, а за ней — девочки, позади всех — дядька, на руках у него наследник. Алексей упал в четыре года, и неудачно, и с тех пор у него болели колени, даже в старой кинохронике на торжественных выходах его порой несут на руках. Кстати, он единственный из детей походил на мать. Дочери удались в отца, а он, Николай Второй, в свою очередь повторил мать — Марию Федоровну, датскую принцессу, и не только лицом, но и ростом, фигурой. А тот дядька, что вынес из вагона наследника, — матрос Нагорный Климентий Григорьевич. Много преданности явил он царскому семейству и был расстрелян за несколько дней до расправы с царским семейством.

Но уже позже я узнал, что все было не так. Бывший царь, его жена и дочь Мария Николаевна приехали отдельно. Через несколько недель за ними приехали и остальные дети. И не председатель Уралсовета Белобородов встречал бывшего царя (не встречал, а принимал по описи, как арестантов), а военный комиссар Уральской области Голощекин. Кто написал такое панно, зачем?..

¹ Троицкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., «Книга», 1990, с. 60, 174.

Ну, а само панно что надо: на путях охрана из уральских мастеровых — чубатые, белозубые, в глазах — металл.

Что за дело мастеровым до разных угодников да блаженных? Эти Романовы, мать их, с ума посходили! Якшаться да святости набираться у француза-спирита Папюса, действительного статского советника Филиппа, блаженных Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, босоногого Митеньки из Оптиной пустыни, что под Козельском. Да спятили и царь, и царица! Это ж с Гришкой Распутиным спутаться! Да вся Россия обхохоталась — тоже «старец» нашелся! Да козел!..

Откуда было знать мастеровым, что «открыла» «старца» та самая генеральша Лохтина, которую неумный «старец» вылечил от невращения кишок... Да этой бабе мужика надо было пудов на семь — какая там невращения! Кобылой бы заржала, мать ее вдоль и поперек!..

А у Филиппа — своя, отдельная история. Он был сыном мясника из Лиона, имел частную лечебную практику. В самом начале девятисотых годов занесла его в Петербург известность лекаря-чудотворца с большой гипнотической силой; не много понадобилось времени — и стал своим в царской семье.

Через начальника русской секретной службы в Париже Рачковского была предпринята безуспешная попытка добыть для Филиппа медицинский диплом. По такому случаю Николай Второй распорядился — и Филипп получил чин действительного статского советника, по петровской табели о рангах приравнивающийся к чину генерал-майора или контр-адмирала. Соответственно Петербургская медико-хирургическая академия нижайше выдала Филиппу диплом врача.

9 ноября 1901 г. царь записывает в дневнике: «Я ему достал диплом на звание лекаря из военно-медицинской академии. Николаша тотчас же заказал ему мундир нашего военного врача».

Николаша — великий князь Николай Николаевич-младший, будущий главнокомандующий русской армии в 1914—1915 гг., тоже натура глубоко религиозная, с него началось завоевание Распутиным царского двора...

А тем парням-мастеровым плевать на всех Божьих людей вместе с чудотворными иконами, постами и раками, а заодно и на всю царскую родню, в том числе и длинного Николашу.

— Там два вокзала, — втолковывал мне Самсон Игнатьевич, — Центральный и Шартаж. Вагон с царской семьей подали в Шартаж — так распорядился Белобородов — кожанка под маузер! Ну мужик — из гранита! Ему и годов-то числилось в то лето двадцать шесть!.. Метра на три панно — высшей выделки! И вышина — ну до потолка! Александр Белобородов роста невидного, плотный, даже

больше кряжистый. С обличья прост, обычное рабочее лицо... Слышь, а содержали Романовых в доме Ипатьева на Вознесенской площади, под горочкой, — там сад к самой реке, их туда пускали погулять. Дом двухэтажный, крепкий, с толком выбирали, решетки, само собой, навесили... Романовы на расстрел никак не рассчитывали. Им объявили еще в Тобольске, что решит их судьбу при всем честном народе рабоче-крестьянский суд и быть ему в Москве. Такое постановление вынес ЦК.

Самсон Игнатьевич не рассказывал, а я потом по взрослым своим годам узнал, что по предложению Ленина обвинителем на том процессе должен был выступить бог-громовержец революции, российский Зевс — Лев Давидович Троцкий.

Я представляю, как наезжал в музей товарищ Белобородов, — до чего ж приятно видеть себя вершителем судеб! Спотыкаются августейшие выродки, обивают ноги, а он, Сашка Белобородов, скалой на их пути!

Знал себе цену как представителю трудовой России товарищ Белобородов, не унижал царя с царицей, а давал понять, кто они есть на самом деле. Кровопийцы.

Кто переврал события — Ермаков или Самсон Игнатьевич?.. Чего не бывает по пьяной слабости.

А может, я все не так запомнил? Лет-то мне сколько тогда было? Я и слово «революция» не мог выговорить, да и зачем мне тогда все это было запоминать? Уже после я восстанавливал каждую подробность в памяти. Стерлось, забылось...

Помог мне во всем разобраться Соколов, точнее, его книга¹, но это случилось много лет спустя...

Бывший царь вроде не таил обиду на революцию, во всяком случае, не показывал — как бы для блага народа смирился с участью. Более того, ему даже был симпатичен Керенский, и в тобольской ссылке он постоянно справлялся у комиссара охраны Панкратова о новостях из столицы и особо — о Керенском.

Василий Семенович Панкратов в свою очередь не питал ненависти к бывшему хозяину России. Революция сделала свое: лишила Романовых власти и утвердила республиканское правление. А хлебнул горя при последних самодержцах Панкратов достаточно, даже по нынешним сине-чеккистским меркам: 14 лет заключения в Шлиссельбурге и семь — в ссылке в Вилюйске, где, казалось, совсем недавно отбыл срок Н. Г. Чернышевский. В Шлиссельбурге Василий Семенович оказался соседом Веры Николаевны Фигнер. Это было самое тяжкое в колодной истории Шлиссельбурга время глухой, никому не известной борьбы заключенных за право читать

¹ Автор имеет в виду книгу Н. А. Соколова «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925).

книги — иначе сохранить в себе человека не представлялось возможным. Безумие и отупение кралось по пятам за каждым днем заточения в одиночке...

Из Якутии Василий Семенович возвращается в 1905 г. и без колебаний принимает участие в московском восстании.

В августе 1917-го Керенский назначает бывшего токаря с завода Семяникова и бывшего шлиссельбуржца комиссаром охраны Николая Второго и его семьи.

«24 января 1918 года я последний раз видел бывшего царя и его семью, но в Тобольске прожил до двадцать шестого февраля. За этот короткий промежуток моего пребывания в Тобольске произошли значительные перемены в условиях жизни царской семьи. Об их судьбе я узнал уже в Чите, куда мы с помощником уехали из Тобольска в начале марта», — заключает свой рассказ о том времени Панкратов.

Заключительный акт этого «переселения» в смерть и запечатлело то художественно-лживое панно свердловского музея — надо полагать, последнее явление миру Романовых. Дверь особняка закрылась, и уже больше никто и никогда их не видел; уже никаких фотографий, картин или там рисунков — один костер под Коптяками. Игра дыма и света...

По простым и вполне извинительным причинам рассказывал мне все это Самсон Игнатьевич: и по своему одинокому положению имелась потребность выговориться, ну и, само собой, прихвастнуть причастностью к судьбам такого замаха. Уже по тону я чувствовал: Белобородов для Самсона Игнатьевича — особа! И не рассказывать он не мог, а рассказать кому-то — не поворачивался язык. И справедливо: да на другой же день загребут! А я, несмышлениш, подходил для слушания едва ли не на 100%. Ни возражений, каждый тут способен выпятить себя, ни напоминаний имен для доноса от меня ожидать было невозможно. И верно все рассчитал Самсон Игнатьевич, умерло бы все это — не пробудись во мне со временем возмутительный интерес к истории. И тогда все это в моей памяти приняло совершенно иной характер: уже не каша из обрывков имен да фактов, а контуры героической и в то же время гадко-подозрительной картины прошлого.

И уж совсем произвольно вывалилась из Самсона Игнатьевича история о славном чекисте Патушеве. Товарищ Патушев сам не свой: здесь, в Перми, у него под боком родной брат бывшего царя Михаил! А у Патушева имелась до него забота, возглавлял Патушев губернскую чека¹. И уже известно Патушеву, что забайкальский атаман Семенов в своей газетке «Русский Восток» прочит этого самого царственного выродка диктатором, то бишь главой всей контрреволюции. Вот он — к секретарю губкома товарищу Яро-

¹ В действительности председателем Пермской губчека был П. Малков, ставший прообразом Патушева. — *Прим. ред.*

славскому: не жить этим Романовым за преступления перед народом, к ногтю их! Товарищ Губельман Миней Израилевич (это перво-родная фамилия Емельяна Михайловича Ярославского) упирается: «Из Москвы — запрет, будет ему суд!»

В открытую против секретаря губкома и Москвы не попрешь, зато в наличии эсеры из самых что ни на есть левых, да к тому же боевики. Эти после мятежа своей головки в Москве не перешли в большевистскую веру, паслись покуда на вольных хлебах, но как бы имели перед революцией вину. Патушев устроил сборы: «Есть запрет секретаря губкома, запрет Москвы, а приконать брата царя — ну исторически необходимо!»

Боевики вмиг все оценили: им это в забаву. За полночь явились в гостиницу, где содержали брата царя, его секретаря Джонсона и шофера Борунова, — и увели всех, как было условлено с товарищем Патушевым. А там и к реке с этой надеждой контрреволюции... да, Каменка эта река. И разнесли дружным боевым залпом поганые головы. Тут же и спалили третьего, и последнего, сынка Александра Третьего. Чисто спалили — ни мосла, ни зубочка, ни даже пуговики. Ну не жуировал на этом свете высочество Михаил Александрович.

И отлетела к Богу душа раба его Михаила 39 лет от роду. И воссоединится там скоро с мужской частью родного семейства все три брата: Георгий, Михаил и Николай. Ибо воссоединение, по чекистско-партийному разумению, процедура исконно возвышенного свойства, небесная. И даже больше не процедура, а стихия из металла и огня.

В центре — недоумение. На проводе сам глава всероссийской чека.

— В чем дело, Патушев? Где Михаил?

А у Патушева все слова в сборе.

— Эсеры самовольничают, товарищ Дзержинский. Нет на них управы!

Доложил, а на душе горечь: кабы все царское племя приконать!

Однако не связывается, как ни берись. Ольга Александровна с Ксенией Александровной отбились от братьев, ну не по-родственному это — в Крыму. Там и Мария Федоровна — их законная датская мамаша. И дядя бывшего царя — длинный-предлинный Николай Николаевич тоже жрет крымские винограды. И другой дядя прорвался — Петр Николаевич. Ну не по-родственному это!..

Впрочем, кто знает, может, и дотянулся бы председатель пермской губчека с помощью тех же эсеров или анархистов из сочувствующих, да осваивали Таврию немцы. Выходила она им по Брестскому миру. А уж как немцы с музыкой и маршировкой ушли свою революцию обделывать, так погрузил английский флот разные там обглодки романовского рода и увез от греха подальше: как-никак близкая родня Их величества Георга Пятого.

Ради сохранения РКП(б) и ее власти над страной Ленин не то

чтобы Крым уступил — а всю страну до Урала, а надо — и куда дальше попятился бы. Тут ничего от души, все принципы.

О национальной гордости великороссов...

Родная земля без власти РКП(б) — это уже не Отечество. Это производственная площадка капитализма, то бишь разного рода паразитов. Ее надо завоевывать. До покорения ее революциями это чужая территория, и добра ей не желай. Чем хуже ей, тем лучше нам, трусики-штанишки.

Здесь все понимание политики Ленина: выжить, устоять РКП(б), а цена значения не имеет. Потом пролетариат во главе с РКП(б) все поставит на место. Иначе как понять — за 38 дней до Октябрьской революции германский статс-секретарь ведомства иностранных дел Р. Кюльман отмечал в официальном документе:

«Большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть того влияния, которое имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка».

Еще более определенно выскажется на этот счет командующий германским Восточным фронтом фельдмаршал Гофман. Он сравнит Ленина с теми смертоносными газами, которые впервые применили немцы.

Кто сомневается, прочтите воспоминания Гофмана. Они были изданы в Ленинграде осенью 1929 г. Сия книжица хранится в моей библиотеке. После многочисленных сжиганий, может, сохранилась еще у кого-нибудь? Вся их, большевиков, «правда» и возможна лишь на всеохватном запрете честного и свободного слова...

Не в счет миллионы жизней. Не в счет голод и неизбывная нужда — пусть лапти, недоед на все обозримое будущее, пусть болезни и ужас перед расправой каждого: зато у власти — РКП(б) и Ленин.

Пусть корячится и горит вся Россия — зато плоть ее, расплавляясь, заполнит свинцовые формы, заготовленные РКП(б). Мир и счастье народам!

Нет Отечества без РКП(б) — яд этот заливали строчками миллионов газет и книг, пока не отравили мозг, кровь, да и костную ткань, целого народа, пока не пошло на изворот сознание людей... Ну несмышлелыши, слепыши мы без знания истории партии и «славных» дел Ленина. Ну чисто побирушки и нищие!

А уже кое-какие данные прикопил Патушев, мог бы и развернуть операцию. Все эти Романовы прохлаждались в Дюльбере. После ухода оккупационных войск поздней осенью 1918 г. за охрану Романовых отвечал матрос Заболотный, делами заправлял алупкинский комиссар Батюк — оба эсеры. Заболотный целиком находился под влиянием Батюка, а Батюк — своей жены.

Сам Батюк — из учителей, жена у него, сучка, льнет к умеренности, а тот, знамо, с ней. Дает, наверное, мужику исправно и с выдумкой. Сколько ж таких мужиков: через бабью сиську глядят на мир.

Имение Дюльбер являлось собственностью великого князя

Петра Николаевича; оно, разумеется, и поныне там, между Ялтой и Алупкой, под боком у Мисхора. Патушев слыхивал: мол, самое место здоровье поправлять и баб насаливать. Вина — залейся! Да выщелкай контру и весь классово чуждый элемент — и люби, рожай детей: твоя земля, трудовой люд!

Весной 1919 г. в Крым ворвались отряды Махно и Дыбенко. Численно слабые добровольческие части попятились к Керчи, имея в тылу Кубань. Срочная эвакуация Романовых стала неизбежной. Поглядывал Патушев на карту и серчал: не достать. Правда, и Пермь уже была сдана Колчаку.

Обидно Патушеву: ведь хана мировому капиталу, вон по Уралу всех Романовых пустили в распыл, а эти уходят (но это будет еще впереди)...

О Крыме тех месяцев упоминает в воспоминаниях Петр Николаевич Врангель:

«После тревожной, нервной жизни в ставке, я поражен был найти в Крыму совершенно иную, мирную и, так сказать, глубоко провинциальную обстановку.

Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве случаев богатые и независимые, не связанные службой или покинувшие ее, и в большинстве случаев столь далекие от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть Членов Императорской Семьи... Многие старались перенести сюда привычный уклад петербургской жизни.

Грозную действительность напоминали лишь известия, довольно неаккуратно приходившие с почтой. Через несколько дней после приезда я узнал из газет о трагической гибели генерала Духонина и бегстве Быховских узников...»

«Террор — это средство убеждения» — вот такую сабельно-пулевую мудрость исторгнул Ленин, его мозг, что уже более полувека хранится в сверхсекретной лаборатории и с благоговением изучается срез за срезом. Неповторимо огромный человек — надо срезать (и как можно тоньше для тонкости опыта) и выщупывать самыми совершенными микроскопами. Иначе и не понять, как могла народиться подобная глыба ума. Все десятилетия размышлений над книгами и историей человечества отлил в данной краткой фразе. Начертал буква за буквой (а писал бойко, размашисто — дай Бог угнаться за мыслью) — и свел скулы в металл. И глаза сузил в щелки — имел этот великий человек обыкновение щуриться.

Лишь через неограниченное насилие воспринимал Главный Октябрьский Вождь настоящее и будущее. Ничто иное не способно соединить общество — он в этом уверился, и формулы дают лишь

один ответ: террор! Лучшее вразумление — террор и страх в степени ужаса, превращения в покорное и на все согласное стадо. Нож у горла — нет надежнее средства для строительства социализма и выведения «правильных» людей.

Раб столь прочно застрял в этом профессорствующем революционере, что видел он пришествие рая только через убийства и разрушения. На том и закалился дух великого «врачевателя» мировых недугов.

Исцелит насилие.

Дабы приспела сия благодать, следует убивать, принуждать и подавлять свое в каждом. Толстовской любовью не подступишь к справедливости и счастью. Следует выбить буржуазию и всех, кто с ней, до последнего человечка, пусть и женщин, и малых детей, — по крайней мере после не принесут хлопот. Да, если угодно, бойня, но во имя трудового народа.

Исцелит насилие.

И прорезь прицела, порыскав, замерла у виска России. Вот это самое место и предсказали «вещие» книги (на всех языках и все о том же), потому что искал он одно: «Террор — это средство убеждения».

Вождь сам не стрелял и не отнимал вещи. Зачем? Он высекал из сознания слова-приказы и записывал на бумагу. А уж потом слова запекались в свинец и ужас.

Вот во что обращается обыкновенная книжная мудрость. Наравне с голодом ее власть, голодом и ужасом расправы.

В конце марта 1919 г. к берегу, у Дюльбера, подошел дредноут «Мальборо» — сам английский король побеспокоился. С так называемой Юсуповской пристани катера доставили на дредноут обеих сестричек убиенного Николая Второго — Ольгу и Ксению с семьями, его дядьев — грозного Николая Николаевича (бывшего Верховного главнокомандующего пятимиллионной русской армии в начальный период мировой войны — 1914—1915 гг.) и кротчайшего Петра Николаевича: оба внуки Николая Первого. С ними погрузилась и мамаша бывшего императора Николая Второго — Мария Федоровна. Эта маленькая изящная датчанка пережила своего мужа-увальня — Александра Третьего — более чем на треть века и преставилась в 1928 г. на 81-м году жизни. Сие не дано уже было знать доблестному чекисту Патушеву — принципиальному и беззаветному борцу за народное счастье. Схарчила его «женевская» уродина еще до тревожного 1941 г.

Ольга Александровна была замужем за принцем Ольденбургским, разведясь с которым вышла замуж в 1916 г. за полковника В. А. Куликовского. В доме Романовых это отозвалось настоящим скандалом. Сестра русского царя может выходить замуж только за принца. В эмиграции она занялась живописью и скончалась в 1960 г. в Торонто (Канада).

Ксения Александровна состояла замужем за великим князем Александром Михайловичем. Впоследствии они эмигрировали в Бразилию.

А тогда по настоянию Марии Федоровны дредноут «Мальборо» простоял на ялтинском рейде добрых трое суток: грузили беженцев, штыки им в глотки! Прошляпила братва такой исторический момент. Всех можно было взять да к стенке!

Мучила лихорадка Патушева, когда он проглядывал карту мира. Дух захватывало! Скорее, скорее пожар мировой революции!.. Не выдерживал и глотал спирт (в тумбочке, за графином с водой, — длинная черная бутылка). А, никто не заметит! Да без спирта здесь нельзя...

Зажмурился, а у самого в глазах карта мира расходилась крохотными красными флажками...

Как и вся партия, крепко верил он вслед за Лениным в неизбежность всемирной революции.

До екатеринбургских и крымских Романовых, то бишь Салтыковых-Ангальтских, руки не достают, так другие паразиты имеют нахальство чай распивать да сладко спать. Не лежит душа у председателя пермской губчека к здешнему владыке. Ну в проповедях всякие вредные намеки подпускает, ну какие же мы антихристы?! И вообще — князь черного и белого духовенства!

Однако, как член партии и заслуженный революционер, товарищ Патушев вникал: в любовную нельзя — затронет чувства верующих и прочих несознательных, а они пока архиважный элемент в утверждении нового порядка. Арестовать? Из центра распорядятся освободить, лучше и не пробовать. А как еще? Эсерам епископ вовсе без надобности.

Ну потерял покой товарищ Патушев! На работу спешит — слева особняк епископа, с работы — справа тот же мракобесный особняк. Аж корячит на тот бок, с которого тот таращится окнами. И вот так кажинный день!

Стал члену партии Патушеву этот епископ мерещиться даже ночами. И понял председатель губчека: не только для пользы революции надлежит действовать, но и для пользы своего здоровья. На все годы вперед расписал товарищ Патушев свою энергию как составную часть мировой революции.

Однако Всевышний милостив. Возвращается однажды товарищ Патушев из своего тишайшего учреждения, а уж город — давно по своим постелям, поскольку у председателя губчека вся работа за полночь. Само собой, шагает мимо епископского особняка. И замечает революционным оком огонек на втором этаже — жиденький, ну как есть никудышный. Скинул чекистскую куртку, фуражку, сапоги — и с карниза на карниз к тому огоньку. Уперся локотками в подоконник: мать честная, у лампадки сам, молитвы бормочет.

Ну разве не Божье это знамение — огонек в ночи?

Расчехлил товарищ Патушев маузер и дал верный выстрел в череп растлителю народного сознания.

И вознеслась к Богу душа раба его Палладия (так рассказывал товарищ Патушев Самсону Игнатьевичу) — епископа Пермского и Соликамского¹. Ну как арбуз, треснул дядя! Славная машинка — маузерчик, для верных нужд умные люди выдумали. Экое скоро-стрельное диво... И опять беспокоит Мундыч (так по детским летам переделал я отчество Дзержинского — Эдмундович; ну Мундыч и есть!), а у Патушева ответ уже до последнего словечка расписан: нет мочи, эсеры шалят. Один Плешков чего стоит. А Берсенев? Зампред Мотовилихинского Совета (а сам думает: ребята хоть куда!). Просто сатанинская губерния!

В столице — шуму! Что ни день, служба по убиенному рабу Божию Палладию (а может, Андронику). Сам святейший патриарх Тихон снаряжает синодальную комиссию: не верит в эсеровы шалости. Ну какой эсерам прибыль от убиенного епископа?

Вынужден допустить к себе комиссию Мундыч. Просят сущий пустяк: разрешить свое расследование. И опять дает согласие председатель всероссийской чека, а куда денешься? Этого вот Патушев не учел: нельзя ставить начальство в неудобное положение.

И опять-таки убедился товарищ Патушев, что святейший патриарх недюжинной образованности старик, почти взаправду святой: прибыли в Пермь отнюдь не Ванюха с Петрухой. Ну совсем не те следователи, на которых, по чекистскому опыту Патушева, держится сыск. Ловко, ох как ловко нащупала комиссия концы! Уж какой Патушев председатель губчека, коли не проведаль бы. Нет, вовсе не напрасно избрали Тихона патриархом Московским и всея Руси.

Раз концы в руках, повезут эти контры в рясах материал на него, Патушева, заслуженного и преданного работника партии. А как же с приложением энергии на все годы мировой революции? Пламенно любил Патушев революцию и себя в ней.

«Не бывать такому!» — постановил он.

Однако расчет потребовался: кончать здесь, в подведомственной губернии, — риск: дознается Феликс Эдмундович. И наметил товарищ Патушев станцию на пути к Вятке, ну совсем захолустную на людишек, а главное — уже не в его губернии, и «снял» там этих самых козлов. Обида душила Патушева, отвез их на подводах в чащобу, грузовиков там и не видывали, и не пройдут (прикидывали)... — и с верными помощниками под залп тех гадов!

И вознеслись к Богу души рабов его, членов комиссии. А не суйтесь в мирские дела, не сбивайте революционный шаг.

¹ Самсон Игнатьевич сбивался: то называл епископа Палладием, то Андроником. Видно, и на того, и на другого горела душа у Патушева, а уж кого пришиб — память Самсона Игнатьевича не удержала, но пришиб — это факт.

Сотрудники чека из тертых, да им хоть в штыки на комиссию! А жечь и вовсе забава. Крепко в них засела геройская решительность и сметливость левых эсеров. Сгнула распроклятая комиссия, изошла в игру света и дыма.

Даешь «завтра» без попов и библейской дури!

И без звонка Дзержинского, предвосхищая его, доносит Патушев: беда, комиссия исчезла, наладил розыск, но следов никаких.

А следов и впрямь никаких: затоптали, прирыли ребята, а уж дожди и вовсе замыли. Пусть святые отцы сами с Богом счесть сводят за его попустительства. И даже соседи искали (вся вятская чека): никаких следов. Ну дематериализовалась комиссия! И взаправду велик Бог земли русской — все покрывает, особенно коммунистов, ну все сходит им с рук.

Теперь уже служат в Москве и по убиенному Палладию (а может, Андронику), и поименно за каждого убиенного члена комиссии. Самая что ни на есть сатанинская губерния! Ну найди теперь в Пермь и Соликамск пастыря.

Из Москвы — приказ Патушеву: явиться немедленно. Прибывает Патушев на Лубянку. Везде пропускают без докладов. Стало быть, очень ждут. И приятно внимание, а холодок под сердцем. Так и распахнулась перед ним дверь самого председателя ВЧК.

— Садитесь, Патушев, — скрипуче так обращается товарищ Дзержинский. И сразу в лоб: — Кто застрелил Михаила?

— Дело эсеров, товарищ Дзержинский.

— А кто епископа застрелил?

— Так полагать надо, дело тех же рук.

— А кто уничтожил синодальную комиссию?

— Какой с меня спрос, товарищ Дзержинский? Я комиссию проводил, из подведомственной мне губернии она выехала, а за других не в ответе.

— Вот вам, Патушев, срок: явитесь завтра в двенадцать ноль-ноль и долбжите всю правду. Не будет правды — расстреляем. И ошибки в том не будет.

Вышел Патушев в большой задумчивости, а его в соседнюю комнату зовут и просят в ведомости расписаться. Расписался, а ему в руки полбуханки черного, чтобы, значит, дожил до расстрела. Самый голод в стране.

И вообще, так заведено было у Мундыча: ни к кому даже крошка черного не могла прилипнуть. Стало быть, здорово воровали везде, даже в священно-партийных инстанциях, коли пошел на такую меру председатель всероссийской чека. Разворовывают революцию новые граждане, сознательность у них не та, вот лет через пятьдесят, семьдесят...

На другой день, ровно в двенадцать ноль-ноль, Патушев докладывает Дзержинскому:

— Михаила по моей личной просьбе расстреляли и сожгли наши, пермские левые эсеры. Вот список. Епископа я сам... вот из этого маузера, но следов вроде не оставил. Виноват, я с сотрудниками

снял комиссию по пути в Вятку. Расстреляны как контрреволюционеры и враги трудового народа. Клянусь, следов не оставили, свидетелей нет...

Мундыч походил-походил и говорит строго:

— Расстрел вам полагается, Патушев, но предоставим возможность загладить вину. Слушайте задание...

Поставил анафемски сложную задачу.

Товарищ Патушев затылок чешет. А Мундыч напутствует:

— Справитесь — поставим крест на ваших проделках, не справитесь — расстреляем именем трудового народа.

По рассказу Патушева, неважнецки выглядел Феликс Эдмундович: глаза красные, под глазами черные мешки, от худобы ремень провис. Но сам — в великой нацеленности на уничтожение мировой буржуазии. Это вселило в Патушева бодрость и веру в свой маузер, а главное — почувствовал в председателе ВЧК классовую теплоту и одобрение. Строгость — это так, для службы. Понял, что угадал желание Москвы истребить всех тех гадов... Откуда было знать Патушеву откровения Нечаева¹, а за ним и мэтра российской социал-демократии Плеханова?..

Не ошибся Патушев. Принялся вскоре Мундыч аж за самого патриарха Тихона — оплот всяческого мракобесия и непокорства. И быстро подвел святейшество к роковому концу. И когда прослышал о всей этой истории (не из газет, а по своим, чекистским каналам) Патушев, не без основания подумал, не он ли придал такой аллюр Мундычу. Вроде по наезженному пути взяла ход всероссийская чека, им, Патушевым, геройски опробованному и задействованному.

И уж как возгордилась «женевская» тварь — почитай, против самого Создателя двинула, а ничего, не разверзлись хляби небесные и не покарала громом да молнией. Стонали, возносили жалобы и просьбы к Богу верующие — и не могли ничего понять: впереди всех молитв, на самых длинных ногах — большевики, и что ни задумывают — все сходится.

А не ропщут миряне. Видно, таков умысел Божий: ткнуть их в самый навоз и кровь, дабы уразумели, в чем царствие Божие. Через великие бедствия познается истинность Господа. И таким бедствием определил Он большевизм — в запустение придет земля, изболеют-ся, озвереют люди — и тогда опомнятся! Ежели опомнятся...

Весьма любопытны характеристики глав ВЧК-ОГПУ, данные Троцким в его воспоминаниях.

«Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не

¹ *Нечаев, Сергей Геннадиевич* (1847—1882) — русский революционер, заговорщик анархистского толка, фанатически преданный идее революции, в то же время руководствовался прежде всего интересами личной славы. Исповедовал принцип: «цель оправдывает средства». По сути — изувер!

считал себя политиком, по крайней мере при жизни Ленина... В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве. В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 году он примкнул к большевикам... В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина...

Ленин Дзержинского очень ценил. Охлаждение между ними началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина. Тут уж Ленин счел нужным ударить по Дзержинскому как по опоре Сталина...»

Впору представить и Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874—1934) (Троцкий пишет: Меньжинский).

«Тут я познакомился с Меньжинским, прибывшим из Парижа. Впечатление, какое он на меня произвел, будет точнее всего выражено, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности... Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Меньжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ. После смерти Дзержинского Меньжинский оказался не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося человека может сойти за человека».

Преданные идее люди...

Один, сообразив, что не сделает карьеры выше той, что имеется, то есть палача, решительно предает своего вождя. И когда! Вождь затихает, сраженный мозговым ударом, ответить уже не может — он, Дзержинский, это знает точно. И расчет безошибочный.

Со всех портретов в тысячах кабинетов этот знакомый прищур... предателя. Не сделал карьеру — и предал. И это — совесть партии, ее карающий меч...

Второй меч тоже в ножнах не залеживался. Поработал на славу. Зато член ЦК и вообще фигура!

И это они определяли судьбы людей, с которыми даже близко не могли сравниться по уму, культуре, широте души...

Вожди террора!..

Одно время анархисты предполагали уничтожить Дзержинского с его окружением, но потом рассудили, что и ВЧК, и сам Мундыч — только «орудие, слуги партии». Следовательно, ответственной за политику и беды является не кровавая ВЧК, а партия — РКП(б), а

ежели быть точнее — ее руководство (более чем трезвый анализ — прямо из сегодняшнего дня). Поэтому террористическая часть анархистского движения задумала убийство вождей большевизма. К этому относится и взрыв 25 сентября 1919 г. в Москве, в Леонтьевском переулке, в доме Московского комитета РКП(б), где проходило большое совещание. Должны были приехать Ленин, Дзержинский и другие видные деятели партии и государства.

Марк Алданов, рассказывая о гибели анархистов, ответственных за взрыв в Леонтьевском переулке, отпускает характерное, вроде бы неприметное замечание:

«...Анархисты (6 человек) встретили прибывших (чекистов. — Ю. В.) залпами из револьверов и ручными гранатами... Перестрелка продолжалась два с половиной часа. Затем анархисты зажгли адскую машину и взорвали дачу (то есть себя. — Ю. В.). Сила взрыва была громадна...

Дача взлетела на воздух... Конец анархистов подполья, среди которых были две женщины... выигрывает от сравнения с низменными бойнями в подвалах ГПУ...»

Издавательские допросы, воздействие на организм препаратами, уколы, яд в пищу, облучение, снова допросы, расправы, избиения — и всё в тиши подвалов и за толстыми стенами спецзон. Какие тут адвокаты, свидания с родственниками? Да этих тоже и облучат, и притравят, надо — смертью изобьют под видом шпаны.

Чекисты даже свои дома отдыха возводили на костях жертв — так, очевидно, надежнее, не станут копать. Вспомните дачи госбезопасности под Харьковом, Катынью и в других местах. И спят, и загорают, и водочку попивают, и бильярд гоняют...

Упыри.

Чуя смерть, богомольный Иван Четвертый по прозванию Грозный (более поздному, от народа) составил для поминания список загубленных им людишек — надо полагать, на тысячи имен. А пусть отмаливают его грехи и душегубство церковные иерархи, а он делал свое трупное дело и делать будет. На то они, церковники, и поставлены Богом, дабы отмаливать земные грехи.

Любопытно бы почитать подобный поминальничек от руки Владимира Ильича. Для начала поправимся: свое дело он не считал душегубством — и писать там разные списки категорически отказался бы. Но мы допустим... Тогда, наверное, он, не дрогнув, вписал бы несметное множество имен, ибо уничтожил не просто непокорных, там тысячи людишек, а часть народа — это уже не ручеек крови. И список этот не вместило бы ни одно из книгохранилищ мира, поскольку жертвы его, Ульянова-Ленина, вписываются в тот поминальник и доньне.

Тут такие Василии Грязные да Малюты Скуратовы с Федьками Басмановыми под рукой оказались, ничего, что порой очкастые, а свое убойное дело справляли лихо, не хуже головорезов-опрични-

ков, что ужас посеяли на Руси. Существовала опричнина всего-то семь годков, и минуло с того времени четыре века «с вершком», а крестятся православные до сих пор, вспоминая ее и изверга царя.

Да и такое было: водились, и немало, палачи-бессребреники, убежденные; как сказали бы сегодня — идейные. Тоже служили идее из крови и трупов — на том ставили свою власть изуверы во все времена, а оправдывали все тем же — благом или государства, или человечества, или Христа. Палачи-фанатики — это залежалый, но жутковатый товар истории.

Малюта Скуратов настолько перезалил кровью Русь — после его гибели имя этого опричника, любимца кровавого самодержца, в общем-то довольно распространенное на Руси, начисто исчезло из обращения на рубеже XVI и XVII веков. Отказались русские мужички и разный посадский люд крестить и поганить детей иродовой кличкой. Так и сгинуло на Руси это имя — Малюта.

Малют не стало, а Владлены¹ не перевелись.

Даже в самую глухую пору реакции и, казалось бы, такого торжества большевизма, что уже не сохранились даже собственные чувства (все подмяли тотальная пропаганда, гром фанфар и оркестров, горы газет, взаимоистребление на собраниях), наш народ не утратил насмешливого здравого смысла, в глубине души сознавая, какую неестественной жизнью живет и сколь она нелепа даже в обыденных хозяйственных заботах.

Помню, в 40-х годах, в пору моего детства, ходили стихи не совсем складные и приличные, но в них были едкая насмешливость, издевка, неприятие этой жизни по планам, этих бесконечных победных реляций о выполнении различного рода заданий, планов...

Вышла новая программа —
Срать не меньше килограмма.
Кто насрет целый пуд —
Тому премию дадут!

Стихи эти напрочь засели в мою ребяческую память. И за их декламацию я был нещадно порот мамой...

А справился с заданием товарищ Патушев, еще вышел ему за это боевой орден Красного Знамени. И прежде, чем запонадобилась его кровь и трепуха для смазки «женевского» механизма, порассказал он все это Самсону Игнатьевичу. Куролесили по молодости лет, чего не бывает. Славная была компания: Самсон Игнатьевич, Патушев, Ермаков, Чудновский... Ох, куролесили!.. Уж как посмеялись, попечалились по невозвратным денечкам. Лет-то было, а задору! Почитай, всю Россию к дощатому забору приперли. Таких персон в нужник опустили: дышите, не жаль, покудова говно держит.

¹ Имя Владлен расшифровывается как Владимир Ленин.

Эх, Самсон Игнатьевич...

Много лет спустя, в пору, когда, по словам Андрея Дмитриевича Сахарова, в деятельности КГБ обозначилась заметная «потеря энергии» и когда люди поосмелели, дошла, докатилась до меня и молва об одной чрезвычайно любопытной исторической личности. К моему удивлению, речь шла о... Самсоне Игнатьевиче!

Историческая личность!

И прознал я тогда (по крупице добирался от факта к факту): после демобилизации из родной Пятой армии Самсон Брюхин подался на комсомольскую работу в Самару, быстро набрал там вес и силу, так что в самом губкоме без него не представляли важных дел, совещаний, конференций и тому подобного.

Самсон Игнатьевич увлекся вопросами оплаты труда, даже окончил курсы экономистов и оказался в ответственных служителях советских профсоюзов... Свердловск, Москва...

Но в первопрестольной не засиделся. По личной рекомендации самого Лазаря Моисеевича Кагановича был направлен в одну из областей Казахстана «хозяином» — первым секретарем обкома. Проявил выдающиеся способности (как зашагала в хлебозаготовках область!), сам Сталин принимал его и беседовал с ним, и не раз, и не два!.. Где-то даже публиковалась фотография: Брюхин возле Сталина, оба смеются...

Посему не случайно Самсон Игнатьевич оказался и наркомом легкой промышленности этой республики. Нарком!

Вот-вот должен был состояться перевод в Москву. Не мог Сталин представить руководство новым сельским хозяйством без Брюхина. И уже были выделены для охраны Брюхина два чекиста. Выпивка ли среди своих на природе, волнующее ли одиночество на глухарином току или часок-другой беседы с глазу на глаз в домашней обстановке с делопроизводителем секретной части (кажется, Клавдией Ивановной Кочкиной), а они тут как тут со своим неусыпным надзором.

И вот с этого мгновения сплошная чернота, ничего уразуметь или разглядеть в том прошлом невозможно — копайся не копайся, хотя сам Брюхин все эти вопросы способен прояснить в любой момент, ибо родители одарили его необыкновенным здоровьем. И жив он поныне, но молчит, не выступает на перестроечных дискуссиях по телевизору, упорно отказывает в каких бы то ни было интервью и не помещает в «Огоньке» грозных воспоминаний.

Впрочем, для меня Самсон Игнатьевич делает исключения и нет-нет да выдаст сверхинтересный факт или подробность, о которой в истории не осталось следа: ни свидетелей, ни документов, одни догадки... Помнит старик свое завклубовское прошлое и нашу дружбу. К собирательству открыток он так и не охладел до сего дня, и я порой угождаю ему очередными разновидностями магнолий или дам в купальниках. К слабому полу старик сохранил любопытствующую почтительность младых лет.

Во всяком случае, Самсон Игнатьевич не против принять в презент и открытку с совсем обнаженной дамой — тут я ощущаю, как он вздрагивает и весь натягивается, хотя внешне сохраняет равнодушные и даже этакую сонливость. Особливо заставляют его вздрагивать дамы рослые и буйноволосые — с этакой ведьминкой (водопад волос, на худой случай — толстенная коса), с плотными, скорее даже толстоватыми ногами и необильной, но выраженной округлости грудию. Я всякий раз улавливаю, как обретает мощность его поле — вся энергетика излучения. Это значит, он смотрит на темную мышку меж ног (что и толковать, место, достойное почитания). У старика это смотрение выходит без наружных перемен, как бы мимоходом, так... забава. Но я всякий раз ощущаю, как он весь подбирается, в ничтожные мгновения теряет рыхлость и упруго распрямляется.

И я начинаю верить, что Самсон Игнатьевич в молодые лета «бил» женщин вмертвую, как коршун. Какие сомнения? Окрутит, заговорит... и помята бабья или девичья краса. А он, ветеран Пятой армии и кадровый большевик, опять в свободном полете. Нет, любовь он партии не уступал. Как говорится, все, что выше пояса, — для партии и народа, а что ниже — уже нераздельное владение Брюхина. Тут он давал себе размах, никаких программ и уставов — ламина чувств и истребление себя в этих чувствах.

А берет такую открытку (он их называет «ню») совсем обыденно, каков он есть, такой и есть. Нацепит очки и, посапывая, потирая пальцами лоб, спокойно, а то и скучновато поглядывает на нескромные сокровища. Нет, ни на мгновение дольше, чем на другие открытки, уже проверено. Полюбуется и тут же откладывает. Вот выдержка! Это уже опыт бывалого человека, битого-перебитого, исхлестанного суровыми вихрями судьбы.

Так что все мои восприятия его волнения в каждом данном случае, незримые и бездоказательные, способны сойти за безответственную болтовню. Но я-то знаю, уверен: Самсон Игнатьевич и по сию пору мужчина!!!

Это ураганная новость! Это сногшибательная новость!

Могут ли быть у него детки, не берусь судить, но что мужчина, и ого-го-го! — это факт. Провалиться мне, если вру! Мужик.

Я лично имел возможность удостовериться, что под этим, так сказать, предметное обоснование. Разумеется, я видел не то, что случается между мужчиной и женщиной (избави Бог, да я и не позволил бы себе даже миг подобной низости... подглядывание...). Но то, чему я стал свидетелем совершенно произвольно, почти со стопроцентной вероятностью доказывает мою правоту (ну никаких сомнений!) — именно мужчина, и огнецвет пылкий!

Решайте сами. Дабы проведать кое-что о Троцком, я не столь давно добыл пачку открыток (нет, заурядные он не примет, запросто может и обидеться), одна — с нагой прелестницей как раз в его вкусе (приходится изворачиваться, коли хочешь заполучить очередной исторический брильянт. А это отличная открытка, из Дании...

и волосы водопадом — сущая ведьма, но несколько «корпусная», однако соблазнительная — проверено на знакомых). Посему не буду отпираться, будто эта открытка оказалась в пачке случайно. Я всегда подсовываю одну такую, проверенную на друзьях, уж точно жажнет по нервам. Я рассуждаю так: сразу две-три открытки подобного рода — вдруг перебор, а это значит возмущение и разрыв. И я без ценнейшего источника самых редких фактов, а есть запутанные моменты истории — только он и в состоянии растолковать, единственно он! Ни в книгах, ни в исследованиях о том ни звука. Поэтому несу всегда одну «ню», как-никак ему почти... девяносто. Тут помочиться бы опрятно, есть, не роняя пищи, и вообще...

Самсон Игнатъевич зыркнул на открытку, скинул в общую пачку — ну все как обычно — и буркнул, что ему пора «звякнуть». Телефон у него в дальней комнате. Нет, походка у него не шаткая. Идет не быстро, но твердо. Не исключаю, утрами делает основательную зарядку, а что много гуляет и проводит время на свежем воздухе, это все знают. Вон, щеки румяные.

А дом у него, за плату, полагаю, прибирает пожилая величавая особа лет сорока восьми — пятидесяти, не старше — отнюдь не обрюзгшая и морщинистая. Такая плавная в движениях, мягкоулыбчивая, а формы... как бы это поаккуратней выразиться... видные, но как бы заглаженные, очень уж округло-размерные. Нет, с ней природа не намелосила. Да, и все время отводит со лба светлую густую прядь. И волосы-то копной! Чуете, куда клоню?.. А рот не вялый, а тугой, алый; губы не тонкие, не съеденные возрастом — слегка отвороченные. Нет, эта особа не скучно скоротала век. Почему скоротала? Может, только и раскрутилась... Глаза?.. Речной воды, прозрачные. И сверхопрятная, всегда в наглаженном белейшем переднике. И чувствуется, своя в комнатах. Всегда в туфлях без каблучков, с расфуфыренными помпонами. Вещи вытирает с заботой, ставит бесшумно — привыкла уже к ним, как собственные. Включает телевизор, выключает — ну своя здесь. Имя? Дай Бог памяти... Ва... Ван... Ванда?.. Васса... Васса Леонтьевна! А фамилия?.. Фамилия?.. Ордынцева! Русачка чистая. А голос грудной, большой душевной щедрости. Поневоле улыбаешься тому, что рассказывает, каждому слову киваешь...

Так вот, Самсон Игнатъевич отправился в дальнюю комнату. Он по старинке говорит о звонках по телефону «звякнуть» («пойду звякну»). А из той комнаты — усыпляющее жужжанье пылесоса. У них не наш пылесос, а «филиппс». Значит, Васса Леонтьевна прибирает. Самсона Игнатъевича слышу: фальцетиком скороговорит по телефону, голос его всегда отличала зычность, тут возраст... метит, проклятый.

Я и задумался, а спохватился — тишина. Нет, пылесос знай качает, а Самсона Игнатъевича не слышать. Я и оглянулся на дверь — пора бы. Уж очень горело спросить о Троцком — есть там один эпизод: кровь и тьма — ничего не сообразить. И глазам не верю: в зеркало, а оно в коридоре промеж обеих комнат, Васса Леонтьевна: в

руке металлическая палка пылесоса, как драила ковер — так и стоит, только распрямилась... Клянусь, я остолбенел! Мой Самсон Игнатъевич уже опустил трубку и... Как бы это выразиться? Понимаете... Уж как изловчился, но, в общем, одна грудь у Вассы Леонтьевны целиком наружу — выпростал из лифчика. Грудь белая, пышная, но не длинная и не слабая — так чтобы жиделью. А белизны — ослепнуть впору! И заметны розоватые рубцы от лифчика. И сосок-то уже успел напрячься, с мизинец... Клянусь, не вру! И признаться по совести: в самом соку Васса Леонтьевна, ей-ей!

А Самсон Игнатъевич привычно, ловко эту самую грудь ловит, оглаживает, наминает — да как проворно! А Васса Леонтьевна (я почему-то в этот острый момент назвал ее про себя Вандой, вот же чертовщина!) не уворачивается, только прижимает палец к губам и отчаянно округляет глаза на дверь: мол, посторонний там, окстись, бес, куда нам при постороннем?!

И ведь вот от одной открытки так взыграло! И старик ведь! Да разве старик — старец, но не ветхий — это свидетельствую. Я моргаю и себе не верю. А он, окаянный, ее грудь губами, губами! И уж тут Васса Леонтьевна не устояла: часто задышала, бедрами заюлила. Там чем юлить — есть, и даже очень, но все это в форме, линиях. Я взял и отвернулся (смотрения-то было на секунду-две, пока я чухался).

Вот так. Это он ее походя обмял, не больше. Порыв в чистом виде. Молодец и есть.

И тут как молнией меня озарило, я вспомнил и понял, отчего Лев Николаевич Толстой так сердился на природу продолжения рода. Так меня шарахнула эта сцена! Посудите, и за 70 лет эта природа сохраняет у мужчин и вожделение, и охоту до этого, и, разумеется, похоть... думаю — и влюбленность. Нет, не исключая, что именно и влюбленность!.. А ежели еще и энергия чувств, как у юноши и даже забористой? Ведь энергия чувств у всех разная, поэтому нельзя одного судить за «то» и «это»: разный накал страстей. У одного, как огонек от спички, а у другого — вулкан, Ключевская сопка! Бушует, клокочет страсть. И тогда-то... прикиньте-ка... как сие состыковать с возрастом, отношением окружающих к возрасту (мол, дед, старик) и вообще... А достоинство, сознание срамности данного переживания в такие-то лета и вообще стыдность подобного влечения, эта позорная зависимость от детородного органа? Только в петлю и остается... Плешь, морщины, старческие пятна по коже, вставные челюсти — и любовь?.. Да, стрелы Амура...

Это в 20—30 годков необременительно о любви и женщинах в мыслях раскидывать и соответствующе чувствовать себя, вести: в башке еще ветер, и сам вроде только для этого определен и назначен. А вот в 70, 80 и старше?! Ну куда деваться? А страсть-то невыдуманная, существует предметно и мучает, терзает... Да на мир стыдно смотреть, вроде прокаженный. Ну топай куда подальше со своим устройством, не погань себя и родных...

Тут меня на сей счет крепко просветило...

Слышал я, что у Самсона Игнатьевича есть дочь и сын, но сам он о них никогда не заговаривал. И мне лишь остается гадать, кто их мамаша. Не исключено, что делопроизводительница Клавдия Ивановна. О ней мне рассказывал Геннадий Алексеевич Кубряков. С Кочкиной они оказались однодельцами — так говорил Кубряков, ибо имел еще срок в царские времена. А тогда они с Кочкиной получили по 12 лет.

Клавдия Ивановна любила Брюхина истово, подвижнически, но в лагере потеряла здоровье и умерла на шестом году заключения.

Однажды, «втерев» внеочередные 200 граммов, Самсон Игнатьевич уж очень расчувствовался и впал в хвастовство, показав вдруг (я онемел от этого зрелища!) письма Демьяна Бедного, Александра Богданова, даже короткую и беглую записочку Троцкого на форменном бланке РСФСР республики, да еще с приписочкой Эфроима Склянского! Отдельными пачками лежали письма Покровского, Александра Фадеева и от женщин — их почерк спутать нельзя.

Самсон Игнатьевич даже позволил пробежать записочку Троцкого с шутивным добавлением Склянского — все в каких же уважительных тонах!

Что-то совсем немаловажное сподобился сделать для них безвестный красноармеец Пятой армии Самсон Брюхин — в те годы удалой молодец. Увидел я его однажды на фотографии тех лет. Просто глаз не отвести.

А самое поразительное — покоится это все на той же бельевой полке в шкафу по соседству с амбарной книгой, так знакомой мне с детства, под тугой перевязью разноцветных тесемок от конфетных коробок — взять такие больше неоткуда.

Сообразил я, что по-прежнему самое важное Самсон Игнатьевич не доверяет чужому взгляду и держит среди рубах, полотенец и трусов...

Вот и гадай, крути головой, кусай губы, что же такое — Самсон Брюхин.

Я так до сих пор и не ведаю, но лелею надежду прознать. Совсем недавно старик сделал мне намек, что, мол, все оставит в надежные руки, и так посмотрел! Будь я верующим — перекрестился бы...

Глава V

«ЖЕНЕВСКИЙ» СЧЕТ

На вопрос, кого из царствующего дома надо уничтожить, знаменитый Сергей Нечаев ответил:

— ...Всю великую ектенью.

Прочитав сие, Ленин воскликнул (поди, не воскликнул, а ахнул восторженно):

— Да! Весь дом Романовых! Ведь это просто до гениальности!

Стало быть, очень занимал Ленина данный предмет. Уже держал в памяти роспись на все сословия России. Люди влюблялись, слали письма, ходили в гимназии, растили детей, прикапывали деньжата на одежку или лавку, а их судьба уже была расписана. Вот и Романовым местечко определилось...

Ектенья — заздравное моление о государе и о доме его по чину службы. После января 1919-го России она уже была не надобна. Романовых в России не осталось — ни одного, даже младенца или маломощной старухи. Одни только кости... Всё в полнейшем соответствии с Нечаевым и Плехановым (помните диспут в Женеве — плехановскую гильотину на Казанской площади?)...

Восьмого (21) марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление об аресте бывшего императора и бывшей императрицы¹.

¹ История заточения бывшего императора и самодержца всея Руси и его семьи излагается в основном по следственному делу Н. А. Соколова с привлечением материалов Роберта Вильтона (Последние дни Романовых. Берлин, 1923) и работы М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале», а также с использованием справки-отчета Я. М. Юровского, напечатанной Гелием Рябовым в журнале «Родина» (1989, № 4—5), и сведений Рябова об обнаружении захоронения семьи бывшего императора, помещенных в тех же номерах журнала.

Эта рукопись была уже давно готова, когда появился материал Рябова. Я и внес определенные уточнения в свой рассказ.

Председатель Совета Министров князь Львов уже в эмиграции так объяснял необходимость данного акта:

«Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока».

Уже в те дни раздавались голоса с требованием казни бывшего императора, на что Керенский однажды ответил:

«...Я никогда не приму на себя роль Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд...»

Вину?..

Давайте тогда устанавливать вину каждого последующего правителя России, то есть генеральных секретарей и их присных. Тут наскребется и наберется!..

Но секретари — это особая порода, которая только одна и знает, что надобно России. И ответа, наказания (пусть даже на руинах и костях России) — не несли. Ибо разоряли они Россию именем блага России, блага народа. И народ на это был согласен...

Постановлением Временного правительства от 4(17) марта 1917 г. учреждалась Чрезвычайная Следственная Комиссия. Ей надлежало обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя.

Предложение стать редактором этой комиссии с охотой принял Александр Блок. Его тогда отличали самые левые настроения. Он истово, со всем пылом поэтической натуры подыгрывал большевикам.

Бывшую императрицу арестовали 8(21) марта. В Царское Село прибыл командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов.

«Утром 8 марта в Александровский дворец приехал командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Корнилов в сопровождении лейб-гвардии Преображенского полка полковника Евгения Степановича Кобылинского и личного адъютанта прапорщика Долинского, — воссоздает в своей книге те события Михаил Константинович Дитерихс. — В приемную комнату к прибывшим вышел обер-гофмаршал граф Бенкендорф, которому Корнилов сообщил, что он прибыл во дворец по поручению Временного правительства, что необходимо собрать всех лиц Свиты, проживающих сейчас во дворце, и просил доложить Ее величеству просьбу принять его, генерала Корнилова, и полковника Кобылинского. Через десять минут... дежурный камер-лакей доложил, что Государыня Императрица ждет, и повел генерала Корнилова и полковника Кобылинского на детскую половину дворца. При входе в первую же комнату генерал Корнилов увидел Императрицу Александру Федоровну, выходящую из противоположной двери ему навстречу. Ее никто не сопровождал. Генерал Корнилов и полковник Кобылинский остановились и поклонились. Государыня, подойдя к Корнилову, протянула ему руку для поцелуя и кивнула незнакомому Ей Кобылинскому...»

Генерал объявил бывшей императрице:

«Ваше величество, на меня выпала тяжелая задача объявить вам постановление Совета Министров: с этого часа вы считаетесь арестованной».

Лавр Георгиевич Корнилов представил бывшей императрице полковника Кобылинского — нового начальника царскосельского караула. К чести будущего белого вождя, полковник оправдал выбор.

Евгению Степановичу Кобылинскому свойственны были доброта и порядочность, и еще ему удавалось держать в узде распропагандированных солдат охраны. Это в его присутствии бывший император позволит себе слезы, обнимет Евгения Степановича — и заплачет. Случится это в Тобольске... Полковник воевал на стороне белых, был ранен, в Красноярске взят в плен. Через 5 лет после Гражданской войны он сгинет в тюрьме.

Очевидно, Лавру Георгиевичу стало известно о повальном бегстве титулованных особ. Бывшего императора бросили его любимцы флигель-адъютант Саблин, генерал-майор Нарышкин, полковник Мордвинов (особенно был близок бывшему императору), граф Граббе¹, да разве всех перечислишь. Дворец пустел буквально по минутам. Покидая императорские покои, Лавр Георгиевич громко и с презрением отчеканил в сторону придворных: «Лакеи!»

Идея монархии настолько изжила себя, настолько в этом преуспели Распутин и сама августейшая чета, — даже Корнилов заявил: если Учредительное собрание восстановит монархию, он, Корнилов, подчинится, но — уйдет. Россию с Романовыми Корнилов отказывался принимать, как, скажем, и адмирал Колчак, который приветствовал Февральскую революцию, а с ним, впрочем, и едва ли не вся Россия. Это уже гораздо позже Россию стали посещать другие мысли...

Не все бежали и вели себя столь малодушно. Так, Илья Леонидович Татищев, заменив Нарышкина (генерал-адъютант Нарышкин позорно отказался следовать за своим государем в ссылку), обрек себя на гибель и не раскаивался. Об этом говорил в екатеринбургской тюрьме накануне расстрела. Каково было умирать здесь ему, потомку того, кто основал этот город при Петре Великом...

Приняв за долг и честь, отправился в ссылку за бывшим императором князь Василий Александрович Долгоруков.

Преподавателю наследника Алексея англичанину Сиднею Гиббсу Керенский запретил следовать за семьей бывшего императора. Однако Гиббс преодолел все препятствия и пожаловал в Тобольск.

¹ Предок этого Граббе — Павел Христофорович (1789—1875) — участвовал в сражениях против Наполеона, одно время служил адъютантом у самого А. П. Ермолова — героя войны 1812 г. Как декабрист, Павел Христофорович отсидел четыре месяца в крепости с последующим учреждением полицейского надзора. И при всем том выслужился в высокие чины и даже был удостоен графского титула.

Уж как было тронута и как радовалось семейство бывшего императора!

Как английский подданный, Гиббс избежал расправы, впоследствии принял участие в расследовании Соколова. Все пережитое сказалось — по возвращении в Лондон Гиббс принял православие и постриг, став архимандритом Николаем.

Илья Леонидович Татищев — тот самый, о котором упоминает Сергей Дмитриевич Сазонов, рассказывая о трагических мгновениях начала мировой войны. Вот он, министр иностранных дел Российской империи, в приемной царя. Надлежит решить главный вопрос: приступать к всеобщей мобилизации или нет, то есть вступать в войну или нет. Не вступать невозможно. Австро-Венгрия и Германия объявили мобилизацию и развертывают войска на границах России.

«У Государя никого не было, и меня тотчас же впустили в его кабинет. Входя, я заметил, при первом же взгляде, что Государь устал и озабочен. Когда он здоровался со мною, он спросил меня, не буду ли я иметь чего-либо против того, чтобы на моем докладе присутствовал генерал Татищев, который, в тот же вечер или на другой день утром, собирается ехать в Берлин, где он уже несколько лет занимает должность состоящего при Императоре Вильгельме свитского генерала. Я ответил, что буду очень рад присутствию на докладе генерала, которого я давно знал и с которым был в хороших отношениях, но выразил, вместе с тем, сомнение, чтобы Татищеву удалось вернуться в Берлин.

«Вы думаете, что уже поздно?» — спросил Государь. Я мог ответить только утвердительно.

По звонку Государя через минуту в кабинет вошел генерал Татищев. Это был тот самый Татищев, о котором не только знавшие его лично люди, но и все, кому известна трагическая история его бесстрашной смерти в Екатеринбурге вместе с Государем и всей его семьей, сохраняют благоговейную память как об одном из благороднейших и преданнейших слуг Царя-мученика».

Это его знаменитый предок Василий Никитович Татищев — государственный деятель, верой и правдой служивший престолу, что тогда было понятием, тождественным Отчизне, получивший в награду за труды и первое многотомное исследование по истории России позорное следствие по доносу и ссылке, — писал с горечью:

«Я об одном молю — чтоб меня забыли».

Сколько раз я вчитывался в эти строки, от которых в душе не может не быть глубокой раны, и думал о том же. Память людей — это почти всегда преследование подлостью и болью. Она крушит здоровье и самые прочные кости, обугливает душу. И тогда не мечтаешь, а молишь, чтобы тебя не было для людей. Чтобы уши — не слышали, глаза — не видели, а только нес, как в детские годы,

чистоту слов, доброту улыбок и всю бесконечную прелесть мира: неба, трав, шелеста листьев, бесшумный полет облаков.

Человек как только шагнет куда-то и к кому-то, все вокруг увядает, прорастая колючками, колодит грудь удушье: нет, не хватает воздуха. Грязь слов мажет даже свет — самое дивное, что только породила природа. Свет меркнет, сереет.

«Я об одном молю — чтоб меня забыли».

Жить в мире, в котором слова теряют силу, — только высокие дерава, нежность речных вод, утонувшее в травах солнце...

Не следует, однако, идеализировать дворянство.

Обратимся хотя бы к свидетельству Грановского, кстати, тоже дворянина.

Тимофей Николаевич присутствовал при формировании воронежского ополчения в помощь регулярным войскам в Крыму (кампания 1853—1856 гг.).

«Богатые или достаточные дворяне, — рассказывает он, — без зазрения совести откупались... и притом такая тупость, такое отсутствие понятий о чести и о правде. Крестьяне же идут в ратники безропотно...»

Всякое присутствие в истории отечественного дворянства, оно ведь было в одном организме с народом — буквально всякое. Однако с «дворянством партийным» тут тягаться кому-либо очень сложно. Здесь — одно обнаженное палачество, хищничество да бесчестье без каких-либо проблесков совести, даже толики ответственности перед историей, судьбой народа...

Тимофей Николаевич Грановский родился в 1813 г., прожив недолго — всего-то куцых 42 года: до обидности мало, учитывая его редкую образованность, пронизательный ум и крайнюю нужду в подобного рода людях при Николае Первом, да и не только Николае.

Грановский являлся одним из вождей западников, исключительно толково выявляя слабость славянофильства. Он отстаивал идею общности исторического развития России и Западной Европы, выступал против проповеди ее национальной обособленности, культурной замкнутости, подчеркивая историческую роль славянства.

За два дня до смерти, 2 октября 1855 г., он писал о славянофилах:

«Эти люди противны мне, как гробы. От них пахнет мертвечиной. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда. Оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории...»

Правда, теперь мы имеем определенный опыт деятельности западников в России на государственном уровне — один бессовестный грабеж сытых должностей и развал Российского государства, не империи, а самого ядра нации — России.

Для ареста бывшего императора понадобились дополнительные сутки: в Могилев должны поспеть, и поспели, члены Государственной думы Бубликов, Грибунин, Калинин, Вершинин. В тот же день, 9(22) марта, бывший император покинул ставку. Прощание в ставке получилось горьким. Судорога перехватила горло последнего императора. Чтобы скрыть слабость, он круто повернулся и вышел.

Нет, не давал Бог заступничества.

Тень смерти еще раз незримым сабельным ударом рассекла тело России надвое...

Когда поезд тронулся, генерал Алексеев отдал честь бывшему государю. Когда начал подходить вагон с членами Государственной думы, генерал снял папаху и замер в низком поклоне.

В этой сцене символически отразились все противоречия одной революции, вставшей в другую, а с ними — и духовные пороки, которые превратят Россию в добычу темных сил. От генерала до мастерового она обнажала голову перед грядущим. А из него все четче и четче проступал топор. Террор взнуздывал Россию. А она не страшилась крови...

На следующий день в Царском бывшего хозяина России не сразу пустили в его дворец. Николай не подал виду и, проходя мимо охраны, отдал честь. Из группы офицеров никто не ответил. Это явилось началом цепи подлейших унижений, в которых опять-таки вывернулась напоказ холопская суть сынов России. Глумились над пленником, безропотной жертвой, глумились над тем, кому вчера поклонялись, к кому вчера ползли всем миром на карачках и славили, роняя слезы умиления...

Этим унижениям положат предел выстрелы в нижнем этаже дома Ипатьева спустя каких-то 500 дней без малого...

Николай 13-летним мальчиком стоял у гроба деда — императора Александра Второго (внука Павла Первого, павшего от бомбы Игнатия Гриневицкого). Весь загон «Народной воли» на деда — в его памяти...

Он уже был императором, когда в 1905 г. бомба Каляева разнесла в клочья его дядю — великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора.

В памяти загон... и на него, Николая Второго, организованный социалистами-революционерами... Азеф, Савинков, Карпович... Годы в напряжении: завтра смерть...¹

Мы, Божию милостию...

Уже к лету семнадцатого года Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия единодушно придет к выводу: нет оснований подозревать бывших царя и царицу в тайных сношениях с Германией и в предательстве России. Один из сопредседателей Комиссии отметит: «Государь был бесспорно совершенно чист».

¹ Только случайность спасла от гибели монарха в 1908 г. — на флотском смотре он должен был быть убит. Об этом сказ впереди.

Но оправдательный вердикт комиссии ровным счетом ничего не изменит в положении бывшего императора. Комиссия — это ведь не суд народа, на который так напирают большевики и левое крыло демократии. С момента ареста Николай и его семья явились заложниками революции. Так или иначе к их жуткому концу приложили руки и Милюков, и Керенский, и непосредственно — Ленин, Свердлов, Голощекин, Белобородов, Юровский и отряд славных екатеринбургских пролетариев и чекистов.

Без этой крови обойтись нельзя было. **Виноваты в том, что есть, — существует такая категория вины.** Своего рода жертвоприношение. Убьют, выпустят кровь — и должно всем полегчать.

И затягивалась петля, затягивалась...

Локкарт набрасывает перед нами портрет Ленина. Они встретились 1 марта 1918 г. — через два дня в Бресте будет подписан договор с Германией («мирным» написать его рука не поднимается). Локкарт по призванию — литератор. Его портреты, слово, характеристики профессионально точны и красочны. И это неудивительно: Локкарт мечтал стать именно писателем-профессионалом, но литература, по словам его отца, всего лишь костыль на жизненном пути, иначе говоря, на гонорары от литературы не проживешь. И Локкарт становится «пишущим» дипломатом.

Итак, 1 марта 1918 г. Перед нами Ленин.

«Он принял меня в маленькой комнате на том же этаже, где был кабинет Троцкого (в Смольном. — Ю. В.). Комната была грязноватая (в сравнении с кабинетом Троцкого. — Ю. В.) и лишенная всякой мебели, если не считать письменного стола и нескольких простых стульев... Я видел его вообще впервые. В его внешнем виде не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего сверхчеловека. Невысокий, довольно полный, с короткой толстой шеей, широкими плечами, круглым красным лицом, высоким умным лбом, слегка вздернутым носом, каштановыми усами и короткой щетинистой бородкой, он казался на первый взгляд похожим скорее на провинциального лавочника, чем вождя человечества. Что-то было, однако, в его стальных глазах, что привлекало внимание, было что-то в его насмешливом, наполовину презрительном, наполовину улыбающемся взгляде, что говорило о безграничной уверенности в себе и сознании собственного превосходства.

Позднее я проникся большим уважением к его умственным способностям, но в тот момент гораздо большее впечатление произвели на меня его потрясающая сила воли, непреклонная решимость и полное отсутствие эмоций... Ленин был безличен и почти бесчеловечен¹. Его тщеславие не поддавалось лести. Единственное, к чему

¹ Уместно вспомнить и Гитлера. Говорили, да и сам фюрер подтверждал, что он не в восторге от каждого немца в отдельности, не тревожит его каждый немец в отдельности. Любовь фюрера — весь германский народ.

можно было в нем апеллировать, был сардонический (согласно словарю иностранных слов, это значит — злобно-насмешливый. — Ю. В.) юмор, высоко развитый у него (скорее всего, это результат обмена репликами на бесконечных дискуссиях, совещаниях, собраниях, которые составили добрую часть его жизни. — Ю. В.).

... Не было комиссара, который не смотрел бы на Ленина как на полубога, решения которого принимаются без возражений...

В своей вере в мировую революцию Ленин был беззастенчив и непреклонен, как иезуит. В его кодексе политической морали цель оправдывала все средства».

Вот так.

«Безграничная уверенность в себе и сознание собственного превосходства» совершенно лишили этого человека какого-либо критического отношения к себе, более того — уже все и всё будут ему представляться лишь материалом для созидания его представлений о новой жизни. А что, как будет — его это не занимало. Так как цель (а он себя поставил в положение того сверхсущества, которое непременно добудет людям счастье; какими угодно средствами, но счастье!) оправдывает все средства, он окажется органически неспособным к какому-либо ограничению своей воли. Все, что он будет делать, явится настоящим живосечением по плоти народа. Но ни один стон не дойдет ни до его слуха, ни сознания — ведь он призван творить историю. Помните, у Локкарта: «... что говорило о безграничной уверенности в себе и сознании собственного превосходства».

А тут Романовы, дети...

Да кто они для него?..

Ведь он помнит петлю, которая захлестнула шею брата. Эта петля, по его убеждению, захлестнула шею народа. И он, Ульянов-Ленин, разрубит ее. Он даст дышать народу полной грудью. Только он это способен сделать, только он. Нет, он не настолько самонадеян. Все дело в том, что он исповедует марксизм, а это как раз та наука, в которой точно даны рецепты исцеления человечества. За свою жизнь, за годы, проведенные в лучших библиотеках мира, он убедится в «неопровержимой» правоте каждого знака в сочинениях Маркса. Это лекарство абсолютно.

Да, неограниченная пролетарская диктатура. Да, террор. Да, общественная собственность и общественный труд.

Все, кто имеет капитал, обрели его — и обретают — только обманом, эксплуатацией и, как паразиты, подлежат уничтожению. Будут уничтожены классы и все, кто несогласен с ним и с ними, большевиками. Но это до конца осознает лишь он. Только ему дано никогда не терять конечную цель в завалах буден; он, Ленин, — вождь класса! А раз так — он добудет трудовым людям счастливую жизнь. Цена кровью значения не имеет.

Определенное понимание психологии большевизма дает Локкарт, описывая знаменитого чекиста Петерса — правую руку самого Мундыча.

«...Он был фанатиком во всем, что касалось столкновений между большевизмом и капитализмом, и он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости».

«...Не знало жалости».

Сказано, как гвоздями приколочено.

Через 5 месяцев после ареста, 13 августа 1917 г., царская семья окажется вынужденной выехать из своего родового гнезда — Александровского дворца. Ей определена ссылка в Тобольск, куда она и доберется 19 августа. Несколько дней Романовы ждут, пока будет подготовлен бывший губернаторский дом (белостенное двухэтажное строение). Семейство бывшего императора сопровождали придворные и прислуга, всего 45 человек. В большинстве эти люди будут истреблены.

Царская семья выехала с Александровской платформы Варшавской железной дороги 13 августа (в других источниках указывается 14 августа). С вечера в Царское Село прибыл сам Александр Федорович Керенский. Накануне он лично определил штат придворных, коим дозволялось сопровождать августейшее семейство, а по новым революционным законам — просто семейство граждан Романовых. В эти часы Александр Федорович выказал исключительную предупредительность. На рассвете министр-председатель вместе с царским семейством и отрядом конных драгун 3-го Прибалтийского полка выехал к поезду. На перроне никого не было, кроме отъезжающих... Смотрите, смотрите, господа... почитай, никто из вас больше не увидит ни этой платформы, ни петроградско-балтийского неба. Да что там платформа и балтийское небо? Никаких небес не увидите. Это — отъезд на кладбище. Господу очень нужна ваша жертва...

Бывшая императрица протянула руку — Керенский поцеловал, потом сказал бывшему императору: «До свидания, Ваше величество».

Когда поезд тронулся, на платформе остался министр-председатель. Одинокая фигурка на весь прогон платформы — тоже символическая сцена. Скоро, ох как скоро отпрянет от него вся Россия, и останется он в ее полях, лесах и городах вот такой сиротливой и никому не нужной фигуркой, да к тому же презираемый едва ли не всеми русскими, оплеванный и отодвинутый ими в тот угол сознания, где они держат своих шутов да юродивых...

После революции улица, на которой находился тогда губернаторский дом, получила название улицы Свободы. Город, что называется, был заштатный. К началу мировой войны проживали в нем свыше 22 тыс. человек.

В сентябре в Тобольск прибыл комиссар Временного правительства Панкратов, как уже говорилось, в прошлом жестоко потерпевший за свои убеждения от царского правительства. Панкратов был судим в ноябре 1884 г. в числе двенадцати за принадлежность к

партии «Народная воля», устройство тайной типографии и вооруженное сопротивление. Дело разбирал Киевский военно-окружной суд.

Брешко-Брешковская напутствовала Панкратова перед отъездом его в Тобольск: «Ты сам натерпелся, так не допусти, чтобы страдали другие, особенно женщины». Но о доброте и не следовало напоминать Панкратову.

Полковник Кобылинский и роты охраны переходят в подчинение Панкратова. Это устанавливал мандат за подписью Керенского.

Охрану бывшего императора и его семьи несли роты отряда особого назначения из 330 солдат и 6 офицеров — все бывшие фронтовики из трех знаменитых гвардейских полков. Врачом Гвардейского Отряда Особого Назначения был определен Владимир Николаевич Деревенко.

Владимир Николаевич входил в придворный штат и числился доктором при наследнике Алексее.

Этого доктора Деревенко не путать с бывшим дядькой наследника боцманом Деревенко (дядькой он стал после того, как однажды во время весельной прогулки спас Алексея, сорвавшегося в воду). Царская семья относилась к нему с исключительным вниманием. Однако боцман проворовался и был удален от двора. В дни Февральской революции выступал на митингах с злобными поношениями царского семейства. А на кой ляд ему это августейшее семейство! Да «ботиночки со скрипом! Получку на пьянку. С криком, с хрипом гражданку в Фонтанку, Маруську — в Мойку, Соньку в помойку...».

А тут ишо и революция, переворот!..

«Удалого» боцмана после удаления от двора заменит матрос с императорской яхты «Штандарт» Клементий Григорьевич Нагорный — истинно русская душа. Ему, простому матросу, чекисты откроют все двери: «Ступай, гуляй, ты же нашего прозванья, из простых, угнетенных...» Клементий Григорьевич откажется покинуть царское семейство и примет мученическую смерть. «Царев лизоблюд и есть!»

Посол Великобритании Бьюкенен в конце сентября 1917 г. имел беседу с комиссаром Временного правительства Макаровым, сопровадившим царское семейство в Тобольск.

Примечательна следующая запись посла:

«Император не раз беседовал с ним о политическом положении, причем говорил, что он вполне готов умереть за Россию. Макаров прибавлял, что он уверен, что Его величество говорил это совершенно искренне».

Вскоре по требованию солдат бывший император снял погоны. Для него это удар. Всю жизнь он не расставался с формой и вообще чрезвычайно гордился своей принадлежностью к русскому офицерству.

А Керенский все-таки ставил себе в заслугу перевод Романовых в далекий Тобольск. И такой свидетель, как посол Великобритании

Бьюкенен, убежден: это спасло Романовых от гибели в дни Октябрьского переворота.

Но не все знают, что детям бывшего императора было предложено оставить родителей и уехать к бабушке (бывшей императрице Марии Федоровне) в Крым — там находились и другие Романовы. Однако дети отказались бросить родителей и отправились в ссылку, сложив головы в доме Ипатьева.

12 апреля 1918 г. солдаты арестовали придворных и прислугу. Давала знать о себе Октябрьская революция. Старые солдаты еще как-то сохраняли сдержанность, молодые — оскорбляли семью бывшего императора, особенно девочек, вырезали на качелях и скамейках непристойности и не стеснялись в выражениях. Приказом из Москвы Панкратов уже давно отстранен и Тобольск покинул.

20 апреля в Тобольск является комиссар В. В. Яковлев с отрядом в 150 штыков и отдельным телеграфистом. Яковлев представляет Кобылинскому свои полномочия.

Эти документы скреплены высокой подписью Свердлова. Согласно одному из них, Яковлеву предоставлялось право расстреливать любого, кто не исполнит его приказа. Из другого следовало, что он исполняет поручения «особой важности». Характер поручений указан не был. Очевидно, их дали Яковлеву на словах.

26 апреля Николай, бывшая императрица и их третья дочь Мария Николаевна по категорическому настоянию Яковлева выехали пока еще в неизвестном направлении. Весь отряд Яковлева — с ними. Накануне Яковлев со своими красноармейцами силой оружия выдворил из Тобольска отряд екатеринобургских красноармейцев под командованием Заславского. Помощником у Заславского был Авдеев (предположительно — член Уралсовета). Отряд пытался захватить Романовых и вывезти их в Екатеринбург.

Яковлев стремился прорваться в европейскую часть России. Куда именно — можно лишь предположить: это или Москва, или Самара, а может быть, и города в южном направлении, где, согласно Брестскому договору, стояли австрийские и германские гарнизоны.

Никто не прояснит, что происходило в те дни. То ли Яковлев подчинялся устной инструкции Свердлова и рвался в Москву, то ли задался целью вывезти бывшего императора к немцам. Никто не скажет. Отметим, что у Яковлева имелись и личные основания для спасения Николая Романова. Когда-то он был помилован им, избежав смертной казни. Сам Яковлев относился к нему «не только хорошо, но даже внимательно и предусмотрительно» — так отмечали очевидцы.

30 апреля бывший император, бывшая императрица и Мария Николаевна уже в Екатеринбурге. В 1924 г. город обретет новое имя — Свердловск.

В Тобольске остались больной сын императора — Алексей — и три его дочери: Ольга, Татьяна и Анастасия. Их доставил в Екатеринбург бывший жандармский офицер Родионов с отрядом красно-

гвардейцев — 23 мая. Разделение царской семьи было вызвано болезнью Алексея. Этот Родионов был очень груб с детьми бывшего императора.

Итак, семья пробыла в Тобольске около 8 месяцев.

Истребление царского семейства в Тобольске могло восстановить население против советской власти, а это было смутное время — самый канун чехословацкого мятежа. Проще истребить Романовых было на Урале, среди рабочих. Этим и объясняется их перевод в Екатеринбург, благо там обитали и члены ЦК РКП(б) Белобородов и Голощекин, а с ними — Войков и Сафаров. Именно последние двое возвращались из эмиграции через Германию. На этих людей Ленин мог положиться. Среди них выделялся Белобородов — подлинно кровавый пес, хотя остальные были не лучше.

На основании опросов и плохонькой фотографии следствие составило портрет Белобородова.

Его приводит в своей книге Дитерихс.

«Производил он впечатление человека необразованного, даже малограмотного (писал, как мы уже знаем, откровенно безграмотно, ошибка на ошибке. — Ю. В.), но был самолюбив и очень большого о себе мнения...

Среднего роста, худощавый телом, но с лицом скорее полным, смуглым; светло-русые волосы, расчесанные косым пробором, без усов и бороды, светло-карие глаза; прямой, но толстоватый нос...»

Белобородов был молод и по натуре — чрезвычайно деятелен. Совсем скоро, в 1919 г., он примется тысячами казнить восставших на Дону казаков.

Из документа о деятельности ЦК РКП(б) после VIII съезда партии и до 15 мая 1919 г.:

«...Товарищ Белобородов немедленно по возвращении из Вятки, куда он должен был поехать сдать дела, направился с важными политическими и продовольственными заданиями в Донскую область, где он становится во главе вновь образуемого временного Областного Ревкома»¹.

Вот тут Александр Георгиевич и приложит свой богатый опыт карателя.

«Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу...» — это приказ-требование Белобородова, а через год, в 1920-м, он поставит к стенке «первую саблю революции» комкора Думенко. Белобородов тогда исполнил обязанности прокурора, то есть продиктовал приговор. Ему, Белобородову, и впрямь без разницы, кого дематериализовать. Важно общее движение к цели. Так он, Александр Георгиевич, понимал ленинизм — и не ошибался. Кровавая

¹ «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 19.

решимость Белобородова очень расположит Главного Октябрьского Вождя. Александр Георгиевич скоро пойдет в гору, будет и членом Оргбюро ЦК РКП(б), и наркомом внутренних дел РСФСР. На таких Ленин рассчитывал строить будущее.

Есть предположение, что Яковлев имел предписание доставить Романовых в Москву, но не сумел прорваться из-за решительного противодействия Екатеринбургa. Яковлев давал телеграммы Свердлову о том, что в Москву его не пропускают, что он, Яковлев, объявлен Уралсоветом вне закона.

Зависимость советского правительства от немцев была полной. Брестский договор сапогом завоевателя надавил на горло России. Нельзя исключать того, что одним из требований германского правительства являлась выдача семейства бывшего императора. Ведь Александра Федоровна была немецкой принцессой, да и германский и русский императоры состояли в довольно близком родстве. Поспешность действий Яковлева, безусловно, объяснялась и общей обстановкой. В Казань и Самару стекались члены разогнанного Учредительного собрания и ненавистники Октябрьского переворота. Чехословацкий мятеж грозил молодой республике.

Учитывая все это, позволительно с немалой долей вероятности предположить, что Свердлов, давая указания Яковлеву, лукавил. Он требовал доставить Романовых в Москву или какой-нибудь город по соседству, а сам уже распорядился не пропускать Яковлева. Вот и все объяснения: из-за самоуправства местных властей Романовых вывезти не удалось. В таком случае немцы не могли выставлять претензии. Такой повод историкам дали поведение и телеграммы Яковлева Василия Васильевича.

Спустя пять месяцев, в октябре, Яковлев, будучи одним из военных комиссаров на Восточном фронте, свяжется с белым командованием. Он попросит, так сказать, о политическом убежище, высказав желание сражаться в рядах белых войск.

Согласие Яковлев получил.

Однако 30 декабря 1918 г., находясь у белых, был арестован. Приказ об аресте отдал чешский полковник Клецанда. Яковлев был препровожден в Омск, где, очевидно, без задержки и расстрелян, так как следователю Соколову никаких других данных от лица, к которому был доставлен Яковлев, получить не удалось. О нем просто не осталось никакого следа в делах. Вряд ли он был послан к Деникину — как объясняли его исчезновение ответственные чины контрразведки.

Так Яковлев и унес в могилу одну из несчетного множества кровавых тайн большевизма. Все же следует оговориться: это преступление (истребление семьи бывшего царя) оказалось особенным, со своим внутренним подтекстом. Не преступление, а знамение: захлебываться всем на этой шестой части суши кровью и стоном.

Видный политик кайзеровской Германии Ф. Гельферих являлся одним из экспертов германской делегации на переговорах в Брест-Литовске.

26 апреля граф Мирбах прибыл с верительными грамотами в Кремль. Его ждал не Ленин, а председатель президиума ВЦИК Свердлов. Приняв грамоты, Свердлов сказал:

«В Вашем лице мы приветствуем нацию, с которой мы заключили Брест-литовский договор о мире».

Локкарт отметил:

«Штат немецкого посольства состоял почти целиком из русских экспертов. Мирбах сам был советником немецкого посольства в Петербурге до войны (послом был Пурталес. — Ю. В.).

6 июля 1918 г. в Берлин поступило известие об убийстве посла Германии в РСФСР графа Мирбаха.

«Потребность лично выяснить восточный вопрос, — писал Гельферих, — и посвятить свои силы созданию политики, которая дала бы нам передышку и в то же время служила бы нам прикрытием, была во мне так сильна, что я предоставил себя в распоряжение государственного канцлера, предложив себя в качестве преемника графа Мирбаха...»

26 июля Гельферих выехал из Берлина в Москву. На «военной границе» (у вокзала Орши) Гельфериха встретил представитель народного комиссариата иностранных дел. Экстренный поезд с вышколенной латышской охраной почти мгновенно доставил представителя Германии в Москву. Впрочем, недалеко от Кунцева поезд был остановлен, и служащий германского посольства доктор Рицлер предложил покинуть вагон. Рицлер объяснил это опасностью приезда на центральный вокзал красной столицы. Это же подтвердил и представитель советской стороны Радек: «Он совершенно незаметно довез нас на своем автомобиле в самый город до виллы Берг в тихом Денежном переулке». Радек при этом сказал, что предосторожности не помешают¹.

«Первый визит я нанес народному комиссару по внешним делам Чичерину, помещавшемуся в гостинице «Метрополь» на Театральной площади. Следуя настоянию своих сотрудников, я отправился к нему без предупреждения, и не в посольском автомобиле, а на извозчике. Через несколько минут лошадь раскочевалась. В сопровождении доктора Рицлера я прошел пешком неузнанным и незамеченным по опасному городу и вынес от него впечатление, совершенно аналогичное позднему Берлину (в ноябрьские дни восемнадцатого года. — Ю. В.). Чичерин, на вид хмурый и напуганный ученый с умными и печальными глазами, тотчас заговорил о своих заботах,

¹ После убийства посла Мирбаха большевистское правительство серьезно опасалось новых терактов левых эсеров, настроенных крайне непримиримо к Германии и особенно к Брестскому миру.

касающихся Баку, которому непосредственно угрожали турецкие войска... Основываясь на сведениях, полученных мною в Берлине, я, со своей стороны, выразил сомнение в том, что турки собираются напасть на Баку, а также и уверенность, что германское правительство употребит все средства... дабы удержать их от этого шага...

Говоря о внутреннем положении, он (Чичерин. — Ю. В.) разгорячился. Он считает, что революцию произвели заводские рабочие, но число их в России составляет лишь незначительное меньшинство. Судьба революции поэтому зависит от деревни, которая до сих пор вела себя вяло или враждебно. Но они теперь намерены мобилизовать деревенскую бедноту против „кулаков“».

Заслуживает внимания рассказ Локкарта о Робинсе.

«...Я познакомился с Реймондом Робинсом, главой американской миссии Красного Креста (в России. — Ю. В.)... Будучи сам богатым человеком, он был противником капитализма. Однако, несмотря на свои симпатии к черни, он поклонялся великим людям... Теперь его воображением овладел Ленин. Как это ни странно, Ленину нравилось это обожание, и Робинс был единственным иностранцем, с которым Ленин всегда охотно встречался и которому даже удавалось произвести сильное впечатление на лишенного эмоциональности вождя большевиков».

Эта лишенность чувств в Ленине, надо полагать, бросалась в глаза, ежели Локкерт упоминает о ней не единожды.

Рассудочность отнюдь не плохое качество для вождя, но отсутствие чувств — это опасно, ибо там, наверху, уже не человек, а механизм у высших рулей и рычагов власти. Схема определяет его поступки и все манипуляции рулями и рычагами. Государство может переламывать людей в горы трупов — это не смутит вождя, ибо у него отсутствует тот самый орган, который рождает боль, тревогу, сомнения.

А что до обожания... это басни, будто он скромн: темперамент вождя предполагал развитое честолюбие. Лыстило Ленину обожание, возражал, скорее, для вежливости, а быть точнее — против грубых форм поклонения. Нравилось ему быть идолом, поскольку считал себя выше смертных. Все вокруг для него — лишь материал: цемент и раствор. А высшая воля — это он и партия, которой он руководит. Только ему открыта истина. Отсюда и презрительная насмешливость в обращении, злобная шутка, сарказм. Для него люди — стадо. Среди людей он один видит их выгоду. Эту скрытую, но чрезвычайно развитую черту Ленина и подметил мистер Локкерт.

Последняя, самая горестная пора существования бывшей императорской семьи — екатеринбургское заточение в доме Ипатьева.

Николай Николаевич Ипатьев — инженер, солидный уральский подрядчик, словом, уважаемый коммерсант (отставной инженер-капитан). Из Екатеринбургского Совета ему приказали очистить дом к трем часам дня 29 апреля.

На другой день бывшая императрица сделала отметку на косяке окна своего нового жилища, скорее тюрьмы: «17/30 Апр. 1918 г.».

Следовательно, заточение продлится 78 неполных дней.

До 1945 г. на доме (или, как его еще называют, особняке) красовалась памятная доска, здесь занимался просветительством местный музей революции и даже были выставлены кое-какие вещи Романовых. Уже в 1945 г. в сознании вождей начало брезжить, что гордиться-то нечем и даже, если дело славное (с точки зрения ленинизма), учитывая настроения не только мировые, а и своего народа, лучше доску ликвидировать, как и сам музей. К концу 70-х годов сознание преступности содеянного уже грозовой тучей зависло не только над Уральским хребтом. И осенью 1977 г. дом был снесен, уничтожен «без суда и следствия», как и его бывшие узники.

Уже в самой судьбе дома вся эволюция народного сознания и краткая, но невиданная по обилию крови история возвышения, триумфа и крушения ленинизма.

История же гибели Романовых замечательна прежде всего тем, что ее участники явились точнейшим слепком с той России, которая самым деятельным образом включилась в революцию и предстала той силой, которая образовывала советскую власть, а после десятилетиями составляла ее основной кадр.

С этой точки зрения история убийства Романовых демонстрировала, что ждет страну и кто ей назначен в пророки.

По приезде в Екатеринбург были арестованы и отделены (правда, не все сразу) от бывшего царского семейства те, кто его сопровождал в ссылку. К семейству были допущены лишь доктор Боткин Евгений Сергеевич (бывший лейб-медик и бывший действительный статский советник), повар Харитонов Иван Михайлович, лакей Трупп Алексей Егорович, комнатная девушка Демидова Анна Степановна и мальчик (поварской ученик) Леонид Седнев — товарищ по последним играм наследника Алексея (он и возил его в коляске, когда у Алексея отказывали ноги).

Боткину в ту пору исполнилось пятьдесят три. Он был искренне привязан к Александре Федоровне. Бывшая императрица выговаривала русские слова с акцентом. Малоподвижная, замкнутая, она быстро сдала в заточении, буквально на глазах грузнея, седея, горбясь и превращаясь в старуху. Все чаще она недомогает...

С этого момента дом Ипатьева проходит в документах Уралсовета и губчека как «дом особого назначения». Комендантом назначен А. Д. Авдеев — тот самый тридцатипятилетний рабочий из отряда Заславского.

В 1928 г. по случаю десятилетия расстрела Романовых Авдеев пишет воспоминания¹ — полный отчет об убожестве тех, кто творил расправу и ставил в тех краях советскую власть. Это не случайно. Других быть не могло: дело это было противочеловечное не по целям, а по существу — убиение не только людей, но души каждого из граждан, оставленных жить. Это являлось целью нового порядка — получить власть над душой каждого. И ленинизм получил — души не ста человек и не тысячи, а душу целого народа. И влил в нее яд ненависти, нетерпимости... Умертвил душу. Людей оставил, а души умертвил...

На втором этаже «дома особого назначения» поселили бывшего императора с семьей. Николай, его жена (он любил ее горячо, и чувство это не слабело с годами) и сын заняли угловую комнату. В соседнюю поместили дочерей бывшего императора. На том же этаже поселили Боткина и прислугу.

Охрана делилась на наружную и внутреннюю. Ее по поручению Голощекина набрал Медведев. Как показали события, едва ли не любой в этой охране годился на самую кровавую работу. Убийцы и мародеры, свято уверовавшие в право диктовать миру свою волю, невежественные и ограниченные, развращенные жестокостью и одновременно лестью учения (нет мудрее и главнее пролетариев) — не объехать, не обойти их самоуверенности.

Дом с садом обнесли забором, немного погода наколотили и второй.

Наружная охрана несла службу на восьми постоянных постах.

Пулеметные посты были на чердаке, на втором этаже, на террасе и в одной из комнат нижнего этажа.

Внутреннюю охрану составили 19 рабочих фабрики Злоказовых; все — русские, возраст — в основном от 20 до 35 лет. Жили там же, на втором этаже. И только они несли дежурство на внутренних, самых ответственных постах: бок о бок с заключенными.

Наружную охрану составили 56 рабочих Сысертского завода и той же фабрики Злоказовых. Все, кроме одного (поляк), — русские.

Наружная охрана для своего проживания заняла второй этаж дома Попова, как раз напротив Ипатьевского.

Посол Великобритании Бьюкенен писал, не скрывая уважения к Николаю Второму, что «он сносил выпавшие на его долю несчастья и страдания с удивительной покорностью и мужеством. Будучи глубоко верующим человеком и фаталистом, он всегда готов был принять все, что пошлет ему Бог...».

¹ Разумеется, Авдеев не рассказал, как напивался каждый день, а однажды даже полег замертво — свалила-таки «горькая». Не рассказал он и о том, как был уличен в воровстве его заместитель Мошкин и даже отправлен в тюрьму. Крепко прикладывались к царским ценностям.

Остается добавить, что Бог послал последнему самодержцу нечто ужасное даже на фоне более чем злой истории человечества.

Стены «дома особого назначения», не стыдясь дочерей бывшего императора, рабочие покрыли затейливой похабщиной. В этом особом удовольствии находили Сафонов, Стрекотин, Беломоин.

Охрана воровала вещи заключенных. Бывший император заметил им, что нельзя присваивать вещи. Его грубо осадил: не рыпайся — ты здесь не царь, а арестант, стало быть, не хозяин вещам.

Охранники садились за стол, когда семья ела, залезали к ним в тарелки, курили, болтали, в выражениях не стеснялись. Дочерей бывшего императора вечерами принуждали играть на пианино, а и впрямь, чего они кочевряжатся... Попили народной крови...

Бывший император держался достойно, ничем не выдавая чувств. Трудно поверить, но у него не проглянул ни единый седой волос, кроме бороды — там обозначилась просесть, — да еще быстро начали портиться зубы.

Узнав о скверном питании семейства бывшего императора, послушницы Новотихвинского монастыря взялись снабжать его яйцами, творогом, молоком. Новый комендант, Яков Юровский, тут же урежет передачи. Горела душа у этого большевика на дочерей и сына бывшего самодержца. Еще чего — творог, яйца!

Исторической правды ради следует отметить врожденный антисемитизм бывшего императора. Это была традиция династии и всех правящих сословий России. Поэтому и присутствовала в России черта оседлости.

Публично выражения своим чувствам Николай Александрович не давал, сознавая, что это недопустимо для главы государства. Однако всю свою жизнь испытывал к еврейству и еврейскому органическое недоверие.

Для бывшего императора не составляло сомнений: ленинская революция — это жидовский заговор против России, ее народа и Романовых. Именно этим объясняется его вопрос Авдееву (Авдеев воспроизводил его в своих воспоминаниях): «Скажите, пожалуйста, Белобородов не еврей?»

Бывший император не допускал мысли, что может быть иначе.

Николаю Александровичу в те страшные дни было пятьдесят лет, Александре Федоровне, урожденной Алисе Гессенской, — сорок шесть, их дочерям: Ольге — двадцать два, Татьяне — двадцать один, Марии — девятнадцать, Анастасии — семнадцать, а сыну Алексею — четырнадцать лет...

Многоголовая гидра!..

Английскими корреспондентами при ставке были Вильтон, Перс и Мьюз. За мужество, проявленное на передовых позициях, Виль-

тон был награжден «Анной» третьей степени. Лемке встречался с Вильтоном и отмечал в дневнике 24 декабря 1915 г.: «Английский корреспондент Вильтон отлично говорит по-русски, почти без всякого акцента».

22 ноября 1915 г. Лемке заносит в дневник:

«Когда Пустовойтенко поздравил царя с Георгиевским крестом, он, махнув рукой, сказал: „Не заслужил, не стоит поздравлять...“»

«Георгием» четвертой степени Николая Второго наградила Георгиевская дума Юго-Западного фронта 21 октября 1915 г. «за присутствие на передовых позициях», «посещение воинской части на боевой линии», «за пренебрежение опасностью».

Постановление думы скрепили подписями:

председатель думы командир 12-го армейского корпуса генерал-лейтенант Каледин¹...

командующий 10-й кавалерийской дивизией генерал-майор Марков²...

исполняющий должность генерала для поручений при главнокомандующем армий Юго-Западного фронта полковник Духонин³.

Ленин объяснял Локкарту:

«Наши пути различны. Мы идем на временный компромисс с капиталом. Это даже необходимо, так как, если капиталисты объединятся, они раздавят нас в первой же стадии нашего развития. К счастью для нас, капитализм по самой своей природе неспособен к единению».

Читать следует так.

Мы сейчас слабы, поэтому согласны на уступки (даже такие, как Брестский мир), что означает согласие на сотрудничество (так называемое мирное сосуществование), как, например, с той же Германией. Однако с того момента, когда мы поднимемся вровень, капитализм становится нашим не скрытым, а открытым врагом, то есть подлежит безоговорочному уничтожению. Кровь опять-таки не имеет значения, как и разрушения.

¹ После, с марта 1916 г., Алексей Максимович Каледин командовал Восьмой армией Юго-Западного фронта, был произведен в генералы от кавалерии. 17(30) июня 1917 г. избран атаманом Донского казачьего войска. 29 января (11 февраля) 1918 г. Каледин покончил с собой.

² Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков станет одним из организаторов белой Добровольческой Армии и кумиром белого офицерства. Отчаянно храбрый, лично будет водить войска в бой. Скончается в мае 1918 г. после тяжелого ранения.

³ Генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин с сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. 1 ноября, после бегства Керенского, принял должность Верховного главнокомандующего, а 9 ноября отстранен СНК. 20 ноября 1918 г. будет заколот революционным матросом.

Нам к толкованию главного вождя остается добавить, что с того момента капитализм (по Ленину) обречен на гибель (а массы людей на истребление) вследствие прямого столкновения с государством (или государствами) социализма.

Цель существования социалистического государства — уничтожение капитализма всеми средствами («цель оправдывает средства»). Этично все, что служит данной цели: пусть кровосмесительные связи, убийства родных, пусть любое извращение, порок, пусть любые низости и преступления (имеются в виду низости и преступления «своих»), пусть нарушены любые заповеди морали, пусть любая кровь и любое количество трупов... — да за-ради Бога!

Для торжества социализма допустимо все.

В первых числах июля Авдеев и вся внутренняя охрана были внезапно сменены. На должность коменданта «дома особого назначения» прибыл Юровский с помощником Никулиным. Они привели с собой 10 человек — все чекисты. С того времени Юровского называли «комиссаром дома Романовых». Эти 10 человек поселились в комнате, где вскоре и совершилось массовое убийство.

Юровский являлся фактическим руководителем екатеринбургской «чрезвычайки», разместившейся в лучшей городской гостинице, известной в городе под названием «Американская». Лишь иногда на заседания «чрезвычайки» наведывался Голощекин. В гостинице за Голощекиным и Юровским постоянно числились свои, отдельные номера.

Накануне падения Екатеринбурга именно Голощекин приехал в городскую тюрьму и, обходя камеру за камерой, определял, кто должен быть уничтожен. В ту героическую пору Голощекин являлся областным военным комиссаром (высшая власть, которая ставила его над всеми комиссарами области) и членом Уралсовета.

В. Л. Бурцев посвятил жизнь разоблачению провокаторов в революционных партиях и преуспел в этом: в числе оных оказался и Евно Азеф. Авторитет Бурцева в русской общественности был непререкаем. Бурцев так отзывался о Голощекине:

«Это типичный ленинец... участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого кровь не остановит... палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации».

Подобная пронизательность делает честь Бурцеву.

Все, кто встречался с Голощекиным, отмечали его «бешеную энергичность». Он знал Урал, имел опору на большевистски настроенных крупных заводах. С высшей властью в Москве, что называется, был на «ты»...

Шая Исаевич Голощекин (партийная кличка — Филипп) — родом из Невеля Витебской губернии, это в черте оседлости евреев. Он окончил зубоучебную школу в Риге. В партии слыл верной

опорой Ленина. О «женевском» будущем России знал до тонкостей. В то лето восемнадцатого ему исполнилось сорок два: невысокого роста, плотный, розовощекий, с черными усами, чрезвычайно уверенный в поведении.

В дни Октября Голощекин являлся членом петроградского ВРК.

«...Основной функцией, которая была возложена на меня, — писал он в Центрархив 6 июня 1928 г. (для истории рыхлил след), — был прием делегаций с фронта: разъяснить смысл и цель Октябрьского переворота (через 11 лет после переворота стали писать слово «октябрьский» уже с заглавной буквы. — Ю. В.), выяснять настроечные частые, устанавливая с ними связь, снабжать литературой... а затем к концу (очевидно, беседы. — Ю. В.) приглашал В. И. Ленина».

А вот каким видит Голощекина А. К. Воронский в самом начале 1912 г. в Праге сразу по завершении работы партконференции¹:

«...Мы усердно опорожняли бутылки. Каменев снял пиджак, пустился отплясывать русскую. Поощряя его, мы собрались в круг, гикали, хлопали в ладоши, орали песни. Филипп пел высоким и недурным тенором арии из опер, сожалел, что нет «прелестных женщин», пытался улизнуть неизвестно куда, его поймали и изобличили перед Лениным...»

Из выступления первого секретаря Союза писателей Казахстана О. Сулейменова на XXVII съезде Компартии Казахстана в июне 1990 г.: «...Мы должны с уважением относиться к тому, что было... в кабинетах наших президентов будут портреты всех: пусть там и Голощекин... и Брежнев, и Кунаев...»

На конференции в Праге департамент полиции, так сказать, представляли делегаты Малиновский и Романов, причем оба с решающим голосом. По своим источникам почти исчерпывающие сведения получил и провокатор Бряндинский. Это была еще одна победа российского политического сыска.

По их донесениям для министра внутренних дел империи был составлен доклад о составе, ходе и работе конференции.

Вот выдержки из доклада.

¹ VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП имела место 5—17 января 1912 г. Примечательно, что в томе 16-м Советской Исторической Энциклопедии названы Сталин и Бездосточный как кооптированные в ЦК, но не назван Роман Малиновский — провокатор охраны, кооптированный в ЦК под беззастенчивым нажимом Ленина. При первом голосовании конференция высказалась против кандидатуры Малиновского, предложенной для голосования Лениным.

Вождь любовно называл Малиновского «русским Бебелем» и вскоре сделал одним из самых доверенных в партийной верхушке.

«Участники конференции

...От Москвы:

Борис Иванович (он же «Филипп») эсдек-большевик (эсдек — это значит социал-демократ. — Ю. В.), административно высланный и самовольно оставивший место административного надзора мещанин Шая Ицков Голощекин, бывший член Моск. Комитета РСДРП, арестованный в Москве в 1900 г. (от самого корня партии убежденность и решительность у товарища Голощекина, с каких годов греет на груди партийный билет. — Ю. В.); связался в Москве в среде «легальных возможностей» с ранее ему известной публикой... «Филиппу» даны были мандаты на двух лиц, и представлено право избрать по личному усмотрению вторым делегатом (от Москвы. — Ю. В.) кого-либо из проживающих за границей видных партийных работников (Голощекин отдаст его Зиновьеву. — Ю. В.)...

От Саратова «Валентин» (Воронский А. К.), большевик-примиренец, около 25—27 лет от роду; интеллигент, еврей по национальности, занимается мелким литературным трудом; жил во многих местах Империи, отбывал административную ссылку в г. Яренске Вологодской губернии; по возвращении в пределы Империи намерен обосноваться в гор. Одессе...

Представительствовали заграничные „верхи“ партии: 1) „Ленин“, 2) „Каменев“, 3) „Александров“ и 4) „Альберт“...»

А вот дальше — самое важное, чего ради стоило читать этот пропахший почти вековой пылью документ:

«Как характерную особенность должен отметить в данном случае то обстоятельство, что во все дни заседаний конференции чувствовалась явная predeterminedность выносимых резолюций, неуклонное и планомерное осуществление замыслов, предварительно продуманных закулисным порядком и здесь, на конференции, лишь оформлявшихся официальными решениями слепо преданных своему лидеру делегатов-большевиков...»

Вот и дождались диктатуры пролетариата! Ведь это исполнение воли-предписания сверху выдается за волю рабочего класса. Это они-то, сидящие в уюте европейских библиотек, познали его волю?

Собирается съезд, конференция, а им навязывает свое решение группа вождей, по существу, один Ленин. Так и происходит подлог (передерг) понятия «диктатура пролетариата», замена ее на диктатуру вождей партии, а если быть точнее — Ленина. А уж там, в России, рабочим объявят их волю, к которой они ровно никакого отношения не имели.

И о «закулисном порядке» — уже тогда был освоен метод полюбовного сговора, независимо от важности политического вопроса. Ленин вводит его в практику партийной жизни. Со временем это перерождается в жестокий диктат и контроль верхов.

Вождю особенно желательны (единственно желательны) «слепо преданные своему лидеру» руководители всех рангов. Это уже,

конечно, не руководители, а больше подчиненные. Характерным примером такого «слепо преданного» явится Вячеслав Михайлович Молотов, который в 1921 г. в возрасте 31 года станет кандидатом в члены политбюро и верной опорой вождя, который по-дружески звал его «каменной жопой».

И это тоже не в обиду, а как самая что ни на есть драгоценная награда великого вождя Октября.

Так происходило разложение партии уже в ее младенчестве, превращение в окостенелую, полувоенную структуру, боль и слезы народа.

Ленин, партия!..

Вернемся к тем царским трубкам «от Соммэра». Помните?..

Уже давно, почти два десятка лет назад, я, пользуясь расположением и совершенным доверием директора Эрмитажа академика Бориса Борисовича Пиотровского, имел возможность часами день за днем разглядывать личные вещи последних русских государей — их сугубо интимные фотоальбомы, безделушки, не имеющие цены, даренные императорами и королями европейских держав, просто любимые ими вещи, в том числе набор пенковых трубок Николая Второго, а также печатей и печаток из малахита — точнее, их как бы эскизы, присланные на одобрение.

И каждый день я (помимо воли, это получалось само собой) непременно разглядывал одну из трубок. Надо сказать, все они помещались в изящных футлярах с чудными подкладками изнутри. Трубки эти самых разных форм, они и сейчас где-то пылятся. Как я догадался (это подтвердилось позже), их дарила Николаю Александровичу супруга — Александра Федоровна.

Так вот о той, которую я столько разглядывал. Подкладка в футляре была изрядно выгоревшей. Не заметить, не уловить дым при обычном курении с последующим помещением трубки в футляр представлялось невозможным. Стало быть, нечто чрезвычайно серьезное заставило царя бросить трубку в футляр непогашенной и стремительно выйти. Трубка, надо полагать, не легла в свое ложе. Табак прогорел и еще раскаленный высыпался, подпалив подкладку. Она и выгорела.

Что же стряслось в тот день и час? Что заставило Николая Второго столь небрежно бросить непогашенную трубку и поспешно уйти? Радость? Беда?..

А трубки сохранили аромат табака и спустя почти 60 лет после гибели хозяина. Отчетливый, душистый запах, словно курили третьего дня... Ощущение этой уже осязаемо былой жизни неповторимо. Казалось, присутствует человек, которому они принадлежали. Вот-вот зазвучат голоса его близких — русская, английская речь. Разнесется стук каблучков — пришла одна из дочерей.

Звякнут шпоры придворного. Мягко, неслышно затворится длинная белая дверь. И по комнатам поплывет мерный бой часов, а

в ответ серебряным звоном отзвучат каминные часы. И в просторные дворцовые окна из туч глянет голубое петербургское небо. И всё в комнатах сразу заулыбается...

Примечательно и следующее замечание мистера Локкарта о Ленине:

«Он был, как всегда, в хорошем настроении — и, по правде сказать, я думаю, что из всех этих общественных фигур он отличался наиболее уравновешенным темпераментом...»

Это неизменно хорошее настроение Ленина, расположенность к шутке и смеху проскальзывают в характеристиках ряда мемуаристов. Это свидетельствует не столько о самообладании Ленина, которое ему было присуще в высшей степени, сколько о выраженном отмирании душевности, искренности, а также об определенной бесчувственности. Именно эти черты и отметит в Ленине Локкарт, но уже в других главах воспоминаний.

Первый вождь владел собой превосходно, кровь принимал как исторически неизбежную дань, плату за светлое будущее.

Так было задумано, выношено, сложено в долгих библиотечных радениях. История больше не представит подобной возможности, во всей толще тысячелетий лишь раз выпадает такой шанс. Он это знает.

Дни и ночи он держит в памяти намеченные ходы, следующие из марксистской доктрины. И все спружинивает и спружинивает волю — одна решимость в каждом мгновении жизни, нацеленность на главную задачу. Другого — нет, другое — не существует.

Яков Михайлович Юровский родился в 1878 г., таким образом, он всего на восемь лет моложе Ленина и на год старше Сталина; по сути, их сверстник. Дед Ицка проживал некогда в Полтавской губернии. Его сына Хаима за кражу выслали в Сибирь. Поэтому-то Янкель Юровский и родился в Томске.

Яков Юровский, будущий комиссар, получил весьма скудное образование. В Германии сменил веру отцов на лютеранскую. По возвращении открыл довольно богатый магазин, не то электрофотографический, не то часовой. В мировую войну уклонился от фронта, устроившись на фельдшерские курсы. Эти данные приводит Соколов на основании допроса матери Юровского — Эстер Моисеевны — агентом розыска Алексеевым 27 июня 1919 г. в Екатеринбурге, а также его родных братьев Эле Мейера и Лейбы — их допросил лично Соколов 5 ноября 1919 г. в Чите.

Лейба отзывался о брате Якове однозначно: «...он любит угнетать людей».

Подходящая характеристика для человека, который решил посвятить себя освобождению человечества от гнета капитала.

Жена другого брата рассказывала:

— Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его выражение всегда было одно: «Кто не с нами, тот против нас». Он эксплуататор.

С первых дней революции Юровский — член Военного отдела Уралсовета, председатель следственной комиссии Уральского областного ревтрибунала и товарищ областного комиссара юстиции, член коллегии областной ЦК (и это человек, который имел образование в нескольких классах; хотя «суд-то» правил один: расстрелять или не расстрелять; какие уж тут знания!). Да были ли они у Сталина, Орджоникиде, Микояна, Дзержинского, Молотова?..

Уралсовет — это сокращенное написание, а полностью в те месяцы прописывали так: Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов.

Вот портрет Юровского со слов врача Деревенко:

«...Субъект в черной тужурке с бородкой черной; черные усы и волнистые черные, не особенно длинные, зачесанные назад волосы; черные глаза... широкие плечи, короткая шея...»

Юровский примкнул к большевикам в 1905 г. Ленин считал его «надежнейшим коммунистом» — такое надо было заслужить. Значит, было это в натуре Юровского — непреклонность в следовании догмам большевизма, то есть самого Ленина. Умер Юровский в Кремлевской больнице от прободной язвы желудка в 1938 г., в самый разгар сталинско-ежовских убийств, и, судя по печатным источникам, в непреклонной уверенности в святости содеянного в тот июль 1918 г. С сознанием права убивать все, что другого цвета, не красного, он и сошел в могилу.

15 апреля 1918 г. в Москве открылся Съезд военнопленных-интернационалистов и сочувствующих идеям коммунизма.

Сибирь решила не отставать, и 15 мая Иркутск организует Съезд военнопленных социал-демократов — интернационалистов.

В Революцию вливаются десятки тысяч венгров, австрийцев, немцев, чехов, сербов, хорватов... Именно тогда приобщаются к революционному ленинизму Иосип Броз Тито — будущий строитель социалистической Югославии — и многие другие деятели будущих зарубежных компартий.

Именно инородный элемент значительно усилит карательную мощь большевизма.

Опорой в карательной деятельности большевиков, как ни странно покажется на первый взгляд, оказались бывшие пленные: венгры, австрийцы, немцы, чехи. Их замкнутость, отчужденность в неродной для них среде обращала этих людей в идеальное орудие террора. Народ не делал разницы и называл всех их «латышами», которые, если говорить о подлинных латышах (бывших солдатах царской армии), надо признать, сыграли печальную роль (не только

военной силы) в русской смуте, навечно прорубив в памяти народа кровавый след.

Можно сказать, в ряде моментов революция прямо обязана своими успехами (если вообще не существованием) латышским воинским формированиям.

Это факт, и от него не уйти. Роль латышских частей определялась все той же чужеродностью их коренному русскому населению. Поэтому они и держались исключительно сплоченно. Имела значение и высокая дисциплинированность этих формирований. В развале российской государственности, анархии эта, в общем-то, небольшая, но чрезвычайно спаянная военная сила неожиданно приобрела исключительное значение. В смуте тех лет ей не было равных по надежности.

Поэтому латышей охотно брали прежде всего на службу в ВЧК и потому так долго держали на охране Кремля.

Из 10 членов новой внутренней охраны, приведенной Юровским из «чрезвычайки» (Голощекин называл губчека «чрезвычайкой»), пятеро были определенно не из России. Юровский объяснялся с ними по-немецки. Предположительно это были венгры.

Таким образом, губчека своим отрядом во главе с Юровским заняла «дом особого назначения». Это произошло в первых числах июля.

Характерная подробность: начальник караула «дома особого назначения» Медведев состоял в РКП(б), платил взносы, но большевиком себя не считал. «Он называл большевиками людей нерусских», — было отмечено в следственном деле Соколова.

Латыши-стрелки относились к России не как ко второй Родине. Люди, города, деревни оставались для них чужими и чуждыми (нет, не политически чуждыми). Они чувствовали себя выше во всех отношениях. Они не понимали русских, не давали себе отчета в том, отчего здесь именно такая жизнь и такие нравы. В общем, относились к нам как людям второго сорта. Это помимо воли бросается в глаза, когда читаешь воспоминания Брюса Локкарта, особенно в описании его заключения в Кремле. Охранники-латыши говорили с ним не таясь.

По-своему это похоже на замечание Ленина о том, что в России дело можно доверить лишь еврею, русский подведет по расхлябанности, необязательности, а то и склонности к выпивке. Это вплотную перекликается и с его печально знаменитым высказыванием о том, что русские — плохие работники. Нелепость этого очевидна. Кто ж, кроме русских, мог построить мощное Российское государство?..

Не щадит русских и Радек (Зобельзон). Вот впечатления Локкарта от ряда встреч с этим «делателем» революции:

«Он не щадил никого, даже Ленина и, во всяком случае, не щадил русских. Когда мир был ратифицирован (в Брест-Литовске. —

Ю. В.), он чуть ли не со слезами восклицал: Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русская, мы бы перевернули мир.

Он... считался опаснейшим пропагандистом из всех возникших из большевистского движения».

Тут будет уместно вспомнить об отношении последнего русского самодержца к своим подданным. Локкарт предоставляет нам и такую возможность, повествуя о приеме Николаем Вторым московского городского головы Челнокова.

«Затем царь стал расспрашивать Челнокова о положении в Москве. Городской голова заметил, что там нет топлива и ощущается недостаток продовольствия вследствие плохой работы железных дорог и что при сложившихся обстоятельствах придется считаться с возможностью волнений в течение зимы. Император ответил, что, если народ мерзнет и голодает, к нему нельзя быть слишком суровым, даже если он прибегает к насилию. Затем он с подозрением в голосе спросил, не преувеличивает ли городской голова.

Челноков ответил — нет.

Тогда царь заметил:

— Все, что я смогу сделать для смягчения этого положения, будет сделано».

Ежели вспомнить, какие несметные сокровища отдавал Ленин на организацию и нужды Коминтерна (об этом дальше) в дни, когда гибли от холода, болезней и голода миллионы людей, то разница, так сказать, в подходах более чем приметна.

Вождем и вождями народа могут быть люди, растворенные в народе, плоть от плоти народные, — иначе они лишь голые захватчики власти, холодные экспериментаторы или просто усмирители...

Вообще в воспоминаниях Локкарта, бывшего тогда в самом пекле революции, ощущается определенная подавленность от того количества евреев, которое он вдруг увидел в руководстве страны и партии. Особенно это ощутимо в сцене первого дня работы V Всероссийского съезда Советов в Большом театре. Причем каждого здесь он знает: слушал, говорил, спорил...

Положение Гельфериха в Москве оказалось «недостойным и совершенно невыносимым». В первое посещение Чичерина посланцем из Берлина было условлено, что вручение верительных грамот Свердлову состоится в понедельник, 5 августа. Однако вскоре позвонил Чичерин и от имени советского правительства просил об отсрочке. Гельферих решил: это самое правительство «боится взять на себя ответственность за мою поездку из дому в Кремль».

В один из дней под окнами виллы в Денежном переулке раздались выстрелы; часы показывали одиннадцать вечера. Гельфериху доложили, что была попытка сбить латышский пост у садовой

калитки. В полночь нападение повторилось и снова оказалось отбитым. Латыши свое ремёсло знают.

«Советское правительство, — писал Гельферих, — имело все основания считать свое положение опасным, поскольку его вооруженные силы в Москве были тогда слабы, а настроение населения апатичное, колеблющееся (ничего, от колебаний его удержит красный террор, скоро все зашагают в ногу и в нужном направлении. — Ю. В.). С целью оградить себя от внешнего врага оно было вынуждено отправить почти все латышские полки на фронт. Даже моя латышская охрана, прикомандированная ко мне совершенно определенно, была снята без всяких разговоров и заменена довольно подозрительными на вид красноармейцами. Страдания населения от недостатка средств к существованию доходили до крайности. В Москве царил настоящий голод. Хлеба вообще больше не было. Хлеб для персонала немецкого представительства доставлялся нам нашим курьером из Ковно. Сильнейшей опорой большевистского правительства в те времена служило, хоть и бессознательно и не намеренно, германское правительство...»

Благодаря упрямому нежеланию понять положение вещей немецкая политика помогла большевизму пережить самый тяжелый для него кризис... Чрезвычайная Комиссия могла теперь беспрепятственно развивать свою деятельность и поодиночке изничтожать всех носителей идеи восстания против большевизма... против всех партий и организаций, стоящих правее; оно (советское правительство. — Ю. В.) открыло эру настоящего террора. Из газет были разрешены лишь большевистские и левоэсеровские, все прочие закрыты. Также запрещены были всякого рода собрания, созываемые иной партией, кроме большевиков...»

В соответствии с Брест-Литовским договором австрийцы 15 марта 1918 г. занимают Одессу, немцы 16 марта — Киев.

«19 марта русским посланником в Германии назначен тов. Иоффе», — оповещают газеты. Да, волей революции бывший председатель петроградского ВРК ныне посланник в Берлине!

20 марта закончена работа по установлению разграничительной линии между Германией и советской Россией.

10 апреля германские войска размещаются в Херсоне и Белгороде, а 20 апреля приступают к захвату Крыма. Какой там захват? Голый лежит Крым — иди и топчи, да бери все!

23 апреля в Москву прибывает германское посольство во главе с графом Мирбахом. Друзья новые, а связи давнишние... упрятанные, заполированные — и не углядишь, и не дороешься. Нет их, не было этих связей.

1 мая германские войска осваивают главную базу Черноморского флота — Севастополь, политый кровью и потом России, гордость и славу российского оружия, плоть от плоти русский город.

4 мая газеты сообщают о всеобщем праздновании столетия со дня рождения Маркса — великого предтечи Октябрьской революции. А он конопатый был, Маркс, ей-ей! Я узнал, когда писал эту книгу. Чепуха, разумеется, но все-таки отделяет человека от небожителей; конопушки, оказывается, имел, а на всех парсунах гладкий-гладкий...

6 мая германские войска уже в Ростове и Таганроге — такая прогулка по России впечатляет.

16 мая в газетах пропечатан декрет Петросовета о введении классового пайка. Это — фактическое удушение голодом интеллигенции и бывших имущих сословий поверженной России. Лишние они для социализма.

12 июня газеты с тревогой сообщают о переходе германскими войсками разграничительной линии в Рославльском направлении.

14 июня правительство Вильгельма Второго публикует ноту о присоединении Крыма: да, отныне навечно это германская территория. Вот так, товарищи...

Партия левых эсеров не считает для себя возможным оставаться в стороне от произвола и насилия германского империализма. 6 июля в Москве левыми эсерами-боевиками сражен германский посол граф Мирбах.

15 июля правительство Вильгельма Второго потребовало введения в Москву вооруженных частей для охраны своего представительства, и вообще пора делить эту Россию.

Это требование Берлина отклонено Лениным. Одно дело — терять власть (тогда лучше мир в Бресте), другое — идти на уступки ради сохранения ее.

Бывшему императору и самодержцу всероссийскому, царю Польскому, великому князю Финляндскому и прочая и прочая вместе с его семейством остается бедовать всего несколько дней. Уже известно место, где зароят его и жену с детьми. О том знают в Москве, Екатеринбурге и... Берлине. Сверхсекретное это дело — расправа над Романовыми. Кайзер и Ленин это даже очень сознают. Потому и не пожалеют сил, чтобы спрятать концы. Казнить — и все, чего там копать...

В полутемной комнате с замалеванными не то мелом, не то известью окнами бывший русский император записывал в дневник 30 июня:

«Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имею».

Он очень любит своих детей.

А потом они, Николай Александрович и Александра Федоровна, опускаются на колени и молятся, очень долго молятся.

Их судьбы в руках Божьих...

«Я знаю, что Меня считают за Мою веру сумасшедшей. Но ведь все веровавшие были мучениками»¹, — однажды скажет императрица Александра Федоровна, это еще до 1917 г., до отречения.

Конец июня и первые 11—13 дней июля Голощекин в Москве. Чехословацкий мятеж ведет к созданию Восточного фронта. Среди дел, связанных с мобилизацией сил для отпора мятежу, военного комиссара Уральской области прежде всего занимает судьба Романовых.

Можно не сомневаться, какая судьба им уготована после совещания Голощекина с Лениным и Свердловым, но именно до возвращения Голощекина Юровский не предпринимает никаких практических мер по уничтожению Романовых. План, очевидно, существует, и составил его Юровский, как позже он признавался сам. Но план нуждался в одобрении Москвы. Не исключено, что Голощекин уже из Москвы дал знать: есть «добро», приступайте к подготовке.

13 или 14 июля Голощекин возвращается в Екатеринбург. Обстановка тревожная. К городу подступают Сибирская армия и белочехи.

19 июля начнется эвакуация красных из Екатеринбурга.

22 июля дом будет возвращен Ипатьеву².

За эвакуацию из Екатеринбурга уйдет 900 вагонов самых разных грузов.

25 июля в город вступят белые.

«В ночь с 24 на 25 июля 1918 года наши войска под начальством тогда полковника Войцеховского, рассеяв красную армию товарища латыша Берзина, заняли Екатеринбург... — пишет Дитерихс. — Город встретил вступление наших войск, как Светлый праздник: флаги, музыка, цветы, толпы ликующего народа, приветствия, церковный звон, и смех, и радостные слезы — все создавало картину ликующего начала весны в новой жизни и настроение великого праздника Воскресения Христова... город едва очнулся от подавившей его последние дни какой-то ужасной, мрачной обстановки смерти, похорон, погребального стона...»

И Ленин, и Голощекин, и кадровые большевики на местах, и «чрезвычайка», уже успевшая загнеститься во всех более или менее приметных населенных пунктах бывшей Российской империи, допускают падение советской власти вообще, не только в полосе наступления сил восточной контрреволюции. Это доказывают и телеграммы Голощекина, Белобородова (при этом Белобородова выдает неграмотность), обнаруженные белыми в Екатеринбурге. Золотой запас города (два грузовых вагона) подготовлен к эвакуации. Не затихает энергичный обмен телеграммами с Москвой: как и

¹ Д и т е р и х с М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале.

² Инженер Ипатьев скончался в Праге в 1938 г.

что делать в случае падения советской власти. Надо увезти в подполье как можно больше ценностей. Надо причинить максимальный материальный ущерб тому, что остается. Словом, есть о чем поговорить.

И это, безусловно, накладывает свой отпечаток на характер грядущих событий. Романовым уже мстят в сознании утраты власти. Недаром в мгновения расправы среди выстрелов в нижней комнате дома Ипатьева грянет возглас:

— Революция погибает, должны погибнуть и вы!

Это давало как бы дополнительную моральную силу для совершения и оправдания злодейства.

Вспоминая графа Татищева, Михаил Константинович Дитерихс напишет:

«Глубоко благородный и идеально честный, Илья Леонидович, с христианской душой и кротким характером, стал вскоре общим любимцем в среде заключенных в Тобольске...

В камере, в которую попал Татищев, содержалось несколько офицеров, с которыми Илья Леонидович любил беседовать, поддерживал в них бодрость и веру в спасение России, и, несмотря на весь ужас окружающей обстановки, на грязь, испытываемые лишения и нравственные муки перед неведомой личной судьбой, он остался верным своему Государю и своей присяге до конца...

10 июля Татищев и Долгоруков (князь и гофмаршал двора Его величества. — Ю. В.) были вызваны в тюремную контору... палачи из чрезвычайной следственной комиссии... отвели Татищева и Долгорукова за Ивановское кладбище в глухое место... Там оба верных своему долгу и присяге генерала были пристрелены, и трупы их бросили, даже не зарыв (да пошто на энту падлу силу тратить, белые придут и схоронят. — Ю. В.).

Там же и так же кончили жизнь Нагорный и Седнев (тоже простой матрос с императорской яхты «Штандарт». — Ю. В.)...

Верные своему долгу и присяге...

Да царские псы, золотопогонники и иховы холуи — да разве ж люди?! Штыки им в глотки! Дашь царство света и братства! Да за трудовой народ и товарищей Ленина и Троцкого!..

За несколько дней до расправы Юровский с Ермаковым¹ и бывшим матросом Вагановым ищут место для сокрытия останков будущих жертв.

¹ Ряд историков полагают, что Ермаков в расправе участия не принимал. Но в 1947 г. Ермаков пишет воспоминания как непосредственный участник расстрела (см.: «Огонек», 1990, № 38). Конечно, он мог себе приписывать и то, чего не делал, так как цареубийство в те годы оборачивалось почетом и уважением. Тем более Ермаков, что называется, «не просыхал».

Лучше Петра Захаровича Ермакова никто эти леса не знает, а Ермаков, испытанный кадр большевистской партии, не раз участвовал в кровавых «эксах» и знает здесь каждую полянку и тропинку.

Все выверено, учтено, и место назначено. 14 и 15 июля подъезд к нему расчищает сам Юровский с двумя венграми-чекистами. Дело секретное, никто не должен знать, ни один лишний человек...

Итак, последний день жизни семейства последнего российского императора — вторник, 16 июля 1918 г. Завтра уже для них не будет.

Из рассказа Дзержинского о себе¹:

«...В конце 1906 года арестовывают в Варшаве и в июне 1907 года освобождают под залог (за всю историю ленинской России никого ни разу не освободили под залог. — Ю. В.).

Затем снова арестовывают в апреле 1908 года. Судят по старому и новому делу два раза, оба раза дают поселение и в конце 1909 года посылают в Сибирь — в Тасеевку. Пробыв там 7 дней, бегу (бегут все, кто испытывает в этом потребность. — Ю. В.) и через Варшаву еду за границу. Поселяюсь снова в Кракове, наезжая в Русскую Польшу.

В 1912 году приезжаю в Варшаву, 1 сентября меня арестовывают, судят за побег с поселения и присуждают к 3 годам каторги. В 1914 году, после начала войны, вывозят в Орел, где и отбыл каторгу; пересылают в Москву, где судят в 1916 году за партийную работу периода 1910—1912 годов и прибавляют еще 6 лет каторги (жандармский полковник Мартынов как знаток сыска прав — все светила большевиков были упрятаны за решетку или в ссылку, кроме тех, кто отсиживался в эмиграции: партия была снизу доверху под надзором полиции. — Ю. В.). Освободила меня Февральская революция из Московского централа. До августа работаю в Москве, в августе делегирует Москва на партсъезд (шестой. — Ю. В.), который выбирает меня в ЦК. Остаюсь для работы в Петербурге.

В Октябрьской революции принимаю участие как член Военно-Революционного Комитета, затем после его роспуска мне поручают организовать орган борьбы с контрреволюцией — ВЧК (7 декабря 1917 года), председателем которого меня назначают.

Меня назначают народным комиссаром внутренних дел, затем, 14 апреля 1921 года, — и путей сообщения...»

Из письма Дзержинского от 27 мая 1918 г. (еще не провозглашен красный террор):

Но факт остается фактом: в те годы Ермаков выступает как один из убийц царского семейства. И этого не опровергали высокие партийные чины той огромной области, в административном центре которой он столь успешно «обмывал» революционное прошлое (о нем мне рассказывал нарком легкой промышленности Казахстана Иван Васильевич Курицын, в те годы работавший в Свердловске).

¹ См.: 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., Госполитиздат, 1938.

«...Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пес, растерзать врага...»

Вторник, 16 июля.

Утром Юровский приказывает увести в дом Попова Леню Седнева — племянника повара Седнева. Это очень обеспокоило узников.

В семь вечера Юровский вызывает Медведева и приказывает собрать у охранников пистолеты. Нужны двенадцать. Медведев приносит. Юровский предупреждает: ночью будем расстреливать Романовых, пусть команда не тревожится. Всех обойти и предупредить в десять вечера, не раньше.

После полуночи к парадному подъезду тихо подкатывает 4-тонный «фиат». За рулем — Сергей Люханов. Грузовик должен увезти трупы в лесное урочище Четыре Брата. Из кабины вылезают Ермаков и Ваганов.

Интернациональная команда в «доме особого назначения» готова. Судя по составу, народ к крови привычный и за восемь месяцев советской власти уже успел набить руку в мучительствах и казнях. И все же из 12 назначенных расстреливать двое отказываются «стрелять в девиц». Похоже, это «латыши». Вот они и остались в комнате по соседству, где уже ждал австриец Рудольф.

Юровский раздает оружие (пистолеты самых разных систем), у самого же Якова Михайловича — маузер («игрушка» по чину)¹.

«Интернационал» ждет. Царское семейство: Николай Александрович, Александра Федоровна, их дети Алексей, Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — спит.

Все, нет больше у Господа ни секунды для Романовых. Все ниточки жизни узников вложил в руку Юровского, а тот отгадал волю Господа и сжал ниточки — не разожмешь кулак... Потому Юровский идет и будит Евгения Сергеевича Боткина. Доктор обходит Романовых: есть приказ коменданта всем быть одетыми. Нет на них уже у Господа благодати. И уже не люди они, а жертвы, почти плен.

Жертвы умываются, одеваются. Юровский объясняет Боткину; имеется срочная необходимость в перемещении со второго этажа на первый. Дочери императора берут с собой маленькие подушечки, скорее всего, придется ждать. Демидова по привычке заботиться подхватывает большую.

Юровский приглашает всех следовать за ним: все мирно, спокойно. Бывший император обнимает сына и берет на руки: обострение,

¹ В качестве реликвии хранится в московском Музее Революции. Еще бы, из него убиты император и его сын, наследник русского престола. Святня!

которое началось в апреле, так и не затихает. За Александрой Федоровной и дочерьми, красивыми, стройными юными девушками, спускаются Боткин, а также Харитонов, Трупп и Демидова. Через двор все заходят в полуподвальную комнату первого этажа, где до сегодняшнего утра размещались «латыши». Мебель загодя вынесена. В комнате около 24 квадратных метров.

Бывшая императрица просит принести стулья: Алексей из-за болезни стоять не может, да и самой ей нездоровится. Их приносят — ровно три: для бывшего императора, наследника престола и бывшей императрицы. Бывшие великие княжны отдают подушечки родителям и брату, так сидеть удобнее. И все отступают к стене. Кто облокачивается, кто стоит прямо... Анастасия и Демидова оказываются дальше всех — возле закрытой двери в кладовую. Демидова так и стоит с подушкой.

Меж тем в комнату входят семеро «латышей». Вряд ли среди них был хоть один латыш — с ним Юровский уж наверняка обменивался бы фразами по-русски. Здесь общий язык — немецкий. Обращают на себя внимание двое из них — в руках винтовки с примкнутыми штыками, учтен опыт: при расстрелах ловчее добивать. Эти, из пленных, умельцы что надо...

Что за оскорбительная и жестокая ирония! Враги России по мировой войне, бывшие пленные, по возрасту — юнцы пришли казнить императора России и его семейство — всю неохватную громаду верховной власти страны-противницы! Правда, по воле Ленина уже действует другая логика: с мировым капитализмом в обличье царя и его семейства расправляются угнетенные всех стран...

С этими угнетенными уже — и Никулин, и Ермаков, и Ваганов, и Медведев...

Трое «латышей» в комнате рядом, среди них — вестовой Юровского австриец Рудольф.

Таким образом, в комнате две группы людей, по 11 в каждой. Заключенные совершенно спокойны. А в самом деле, чего им бояться?..

Юровский выходит с Медведевым и приказывает послушать с улицы, как будут слышны выстрелы.

Юровский возвращается и после короткой паузы обращается к последнему императору и самодержцу Всероссийскому:

— Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас уьем¹.

Николай Александрович не способен воспринять невероятно жуткий смысл этих слов — они не доходят до сознания. Никто из Романовых и обреченных с ними на смерть не издал ни одного стога или крика мольбы, не попытался спрятаться или сделать жест отчаяния. Никто не мог вместить в себя смысл сказанного.

Государь успевает лишь прошептать с явным недоумением:

¹ Многие историки считают установленным фактом последние слова Юровского: «...принуждены вас расстрелять».

— Что-что?..

Выстрелы гремят — залп за залпом. Медведев, скорее всего, тоже стрелял, не задержался на улице — тогда их, выстрелов в зале, и расстреливающих, было двенадцать. В тесной комнате звуки выстрелов, должно быть, звучат нестерпимо оглушающе...

По свидетельству Медведева, Юровский принялся читать бумагу. Бывший император недослышал и спросил Юровского:

— Что-что?

Юровский достал маузер и, показывая его, ответил:

— Вот что!

По рассказу Андрея Стрекотина, переданному Летеминым судебным властям белых (Стрекотин дежурил на посту у пулемета с 12 ночи до 4 утра и имел возможность видеть в открытую дверь, как происходила бойня), Юровский вычитал бумагу и сказал:

— Жизнь ваша кончена.

Царь не расслышал и переспросил Юровского, а царица и одна из царских дочерей перекрестились.

В это время Юровский выстрелил в царя и убил его на месте, а затем стал стрелять и разводящий Павел Медведев... после царя был убит «черноватенький» слуга (лакей Трупп. — Ю. В.): он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер.

Бог дал — Бог взял.

На первом этаже дома Попова остались жить обычные люди, не имеющие к охране и всей этой истории никакого отношения. Один из них, В. Я. Буйвида, показывал Соколову:

«Ночь с 16 на 17 июля я хорошо восстанавливаю в своей памяти, потому что вообще в эту ночь не спал, и помню, что около 12 часов ночи я вышел во двор и подошел к навесу, меня тошнило, я там остановился. Через некоторое время я услышал глухие залпы, их было около пятнадцати, а затем отдельные выстрелы, их было три или четыре... Было это после двух часов ночи (здесь время уже дано по новому исчислению. — Ю. В.)... Минут через двадцать я услышал, как отворились ворота... Ипатьевского дома и тихо, мало шумя, ушел на улицу автомобиль, свернув на Вознесенский проспект».

Стало быть, на обыск и погрузку трупов понадобилось 20 минут. Нет, споро ладили работу «уральские мастеровые»...

В общем, восстановить картину убийства можно с большой степенью достоверности. Оба свидетеля убийства, Медведев и Стрекотин, говорят о бумаге, которую читал Юровский. Если так, это было постановление Уралсовета о расстреле Романовых. Читал

Юровский, наверное, скороговоркой, испытывая с каждым мгновением нарастающее напряжение (текст был очень короткий). Слова стремительно, обвально взводили людей. Поэтому Юровский читал торопливо и, надо полагать, невнятно, иначе бывший император не стал бы переспрашивать. Он мог все прекрасно слышать и не поверить себе — настолько чудовищным прозвучало то, что «вычитывалось».

Думаю, однако, вопрос бывшего императора «что-что?» возник при нескольких иных обстоятельствах. Почти не вызывает сомнений, что последним словом постановления, которое «вычитал» Юровский, оказалось слово «расстрелять»; то есть звучало это приблизительно так: Совет, учитывая такие-то и такие-то обстоятельства, а также вину Романовых перед народом, принял решение гражданина Романова с семьей казнить! И мы вас принуждены расстрелять!..

Это слово было последним в постановлении, дальше... оставалось выхватывать оружие и стрелять.

Слово это показалось бывшему императору настолько невозможным, что он спросил: «Что-что?»

Стрекалов стоял поодаль, поэтому не все уловил, а Медведев отметил точно: Юровский выхватил маузер и ответил: «Вот что!»

И грянуло избиение, то самое, из обещанных в Женеве Плехановым еще в 1902 г.

В России говорят: обещанного три года ждут. В данном случае сбылось спустя 16 лет, но не на Казанской площади, а в далеком Екатеринбурге. Тут и с местом расправы, и с разными там удобствами «удружил» Александр Федорович. Загнал в такую даль — западня, твори расправу — все задвинуто расстояниями, не доедешь и не дойдешь...

Сбылись знаки формул.

А Ленин и не сомневался, что сбудутся. Некуда России деваться. Напрочь зажата между револьверно-винтовочными дулами, не шелохнется. Зато выдержит, согласно формулам, означенное направление. Надо лишь всей партией поднатужиться и соорудить одно огромное лобное место — и пойдет, голуба, пойдет...

И пошла.

И еще будет идти...

«Народ, как раб, на плаху лег!»

Если бы только лег, а то много-много жизней еще погасил просто так.

Только жертва эта ему ничего не дала.

Сын бывшего императора (он лежал на полу и стонал), младшая дочь Анастасия и комнатная девушка Демидова живы. И Анастасия, и Демидова даже не упали, они на ногах. Пули прошли мимо, они даже не ранены. Демидова, а возможно, и Анастасия начали кричать, причем громко, их слышали и на улице. Это — и боль, и моление о жизни, и ужас! Крики и послужили сигналом для чеки-

стов. Те двое пошли в штыковую атаку. Юровский меж тем двумя выстрелами добил 14-летнего Алексея.

Отныне легче будет революции!

Пускали пули и остальные: революция погибает — умрете и вы!

Три выстрела — многовато для 14-летнего мальчика, но волнение тут ни при чем. Маузером Юровский владел, эти выстрелы уже от перехлестывающей ненависти. Императора уложил с первого выстрела, да и как не уложить! Через Юровского действовала воля Плеханова и Ленина. Так безобидная череда строк, нагромождения столбцов с книжными формулами о счастье человечества (весь этот воз ученых книг) еще раз обратились в жар свинца. Ненависть, посеянная вождями, давала всходы. Скоро-скоро ею заколосится все огромное поле России, ибо нерв великого учения — ненависть.

Не теряя драгоценного времени, чекисты кололи штыками 17-летнюю Анастасию и верткую, крепкую Демидову. Надо чистить землю от всех этих сучек! «Весь мир насилья мы разрушим!..»

Демидова все норовила загордиться... подушкой. Но чекистов это не испугало. Били, как полагается мужчинам. Трехгранные штыки дырявили насквозь тела и втыкались в стену. Эти штыковые следы так и остались на стене свидетельством чекистской доблести. «Кто был ничем — тот станет всем!..»

Харитонова (и не заметили как) уложили, эвон, скрючился. А кто будет варить бывшему императору обед на том свете? Ишь, пол царапает, боров!..

Мстили, казнили в сознании утраты власти.

В общем, с работой справились.

Тут Юровский и занялся проверкой пульсов — совсем пристрелены или... А погода и окликнул Андрея Стрекотина. Теперь пост с пулеметом не имеет значения. Все, кого охраняли, перед ними в крови и смертной судороге.

Юровский приказал Стрекотину снять драгоценности с трупов. Все здесь чадит кислым. Все измазано кровью. Ступать приходится по крови, даже подошвы клеит... В комнате тускло от пороховых газов. Никто не уходит. Все стоят и созерцают работу рук своих. Они, чекисты, свое святое дело (чистить землю от классового врага) справили. Черновая работа не для них. Пусть стрекотины поспевают на корточках: ворочают мертвяков, мажутся в крови, стаскивают перстни, цепочки там... броши... собственноручно и покурить...

Стрекотин и снял. А как же, разве он не сознает важность момента классовой борьбы?

Юровский распорядился трупы грузить в машину, а сам, отобрав драгоценности у Стрекотина, поднялся с Никулиным на второй этаж, где в «своей» комнате вывалил их на стол. Будет на это золото и драгоценные камни крепнуть и шагать пролетарская революция.

В стене застряло 18 пуль, в паркете — 6, все остальные — в телах. Да пададь это царская, а не тела!..

Охранники и чекисты взяли от саней оглобли, навязали на них простыни и наладились носить расстрелянных да поколотых. Спе-

шить надо, делов-то... Труп выносят с черного хода. Шагают по двору и там, у парадного подъезда, сваливают на платформу грузовика. И... за следующим.

Медведев побеспокоился: по всему дню на настлано солдатское сукно. А чтоб не следить кровью...

За руль садится Люханов (он все с той же Злоказовской фабрики). Стомился Сергей, сколько ждать?.. А уж тут лезут в кабину Юровский, Ермаков, Ваганов. Надо полагать, кто-то не поместился в кабину, она по тем временам предусматривалась на двоих, ну от силы на троих. Стало быть, полез в кузов, к трупам, Степка Ваганов. Ему, моряку, не привыкать...

И заурчал грузовик к Четырем Братьям. До зари бы управиться...

Философия ленинизма развязывала самое низменное в людях. Можно убивать, грабить — и это не преступление. Это — лишь классовая справедливость и возмездие. Насилие чаще всего творили без искреннего озлобления. Казнили, мучали, даже не испытывая к жертвам ненависти. Сегодня работа — точить детали у станка, завтра — валить лес, а теперь вот выдалось — людей расстреливать... хотя какие они люди...

Необходимость и оправданность крови и смертей принимали как нечто естественное, неизбежное, определенное мировой историей и прорывом к счастью человечества. Имя Ленина все оправдывало и все списывало. Он поднимался выше Бога. Только Ильич знает дорогу к справедливости и миру.

И шли этой дорогой... а Ильич указывал...

Будете резать друг друга, а сами будете как бараны...

Именно так все и было. «Стригли», резали, убивали друг друга.

Народ убивал народ...

Положение продолжало оставаться «недостойным и совершенно невыносимым». К исходу близился август, а советское правительство все не бралось обеспечить безопасный проезд германского представителя для вручения верительных грамот в Кремль — какие-то полтора километра городских улиц.

Гельфериха вызывает в Берлин. Его взгляд на политику по отношению к большевизму решительно расходится с правительственным. Гельферих подает прошение об отставке.

В прошении об отставке несостоявшийся посол предупреждает свое правительство: «Я предвижу последствия не только в смысле внешней, но и внутренней политики. Изображение немецкой печатью большевистского режима, эксцессы которого не были превзойдены якобинцами (уже тогда! — Ю. В.), в систематически розовых тонах; откровенность, с которой наше правительство держит этот режим на равной ноге с собою; солидарность или, во всяком случае, видимость солидарности с этим режимом...»

Позднее Гельферих напишет в воспоминаниях:

«Согласие на мое прошение об отставке, врученное мною 30 августа, было дано мне лишь 22 сентября...

В общем, моя московская миссия не только закончилась для меня разочарованием, но и оставила гнетущее чувство, что боги хотят нашей гибели...»

Последние строки посвящены капитуляции Германии в первой мировой войне:

«Сумерки народов застали нас побежденными и униженными, обезоруженными и обнищавшими, и мы теперь поставлены лицом к лицу с миром, облик которого изменен в корне... Наша сила ослабла под напором невыносимой тяжести, подобной которой не знал ни один народ на протяжении всей истории, и она дала власть над нами всем злым духам вселенной... Мы обращаем наши взоры на далекие горизонты и верим в неуничтожимость германской индивидуальности и в несомненное призвание германского народа к возвышению человечества».

Германия решит опробовать путь к возвышению через Гитлера и нацизм, Россия до сих пор пробует через Ленина и ленинизм. Сотням миллионов¹ еще живых (и даже верящих в бессмертие) уже были назначены штык, пуля, голод, глумление, что хуже смерти...

Ночь, после утра и высокий солнечный день — и так хочется жить!..

Почему, по какому закону отняты жизнь, счастье и даже надежды?..

Что же мы молчим и все сносим?..

Я решительно против «еврейской» версии убийства бывшего императора и его семейства. Убивал в подлинном смысле «интернационал». Среди непосредственных убийц были:

— русские Ермаков, Никулин, Медведев (возможно, и Якимов, называют еще и Кабанова);

— еврей Юровский;

— венгры, немцы или австрийцы (более поздние изыскания дают здесь почти стопроцентный состав венгров).

Убийство подготавливали еврей Голощекин и русский Белобородов, ему приписывают фамилию Вайсбарт, но это представляется

¹ Ленинизм творил свое смертоносное дело на протяжении 70 с лишним лет — это три поколения. И в каждом он собирал обильную жатву убитыми, замученными нуждой, надрывными условиями работы и быта. Но и после своего крушения ленинизм все снимает и снимает трупную жатву, ибо все происходящее теперь и еще на десятилетие вперед — результат разгрома России, полной дезорганизации жизни, отравления народа ядом учения. В нищих и побирушек превратил народ этот «врачеватель» мировых недугов.

Вот почему я пишу «сотни миллионов». Это все его жертвы...

надуманным. Охрану «дома особого назначения» несли поголовно русские, более полусотни человек. Именно они издевались над заключенными. Без сомнения, любой из этих нескольких десятков (все русские) с удовольствием принял бы личное участие в расправе.

Безусловно, национальное чувство оскорбляет, что расправу над бывшими императором и его семьей учинили в основном люди нерусские.

И все же повторюсь. На это дело и русских куда как достало бы. Очередь из таких «охотников» могла бы вытянуться от Екатеринбурга до Владивостока и, наоборот, от Екатеринбурга до Москвы. На сей счет патриотам не следует обольщаться.

Подлинным виновником, подлинным убийцей явился марксизм, его русская разновидность — ленинизм.

Сделала свой «щелк» та самая гильотина в Екатеринбурге в ту ночь с 16 на 17 июля 1918 г., а запланирован он, этот «щелк», был Лениным и Плехановым аж в начале века. Одиночки в те годы, они потихоньку обрастали сторонниками и единомышленниками по необходимости насилий и убийств, согласно учению Маркса о диктатуре пролетариата — мудрому учению об исцелении общества насилем.

А диктатура — это и есть пули, братские могилы, ВЧК-КГБ и партия, с ее руководящей и направляющей ролью на протяжении 70 с лишним лет...

Ведь по совести, пусть все идейные коммунисты, их кровавый ВЧК-КГБ и те, кто перед ними на коленях, берут Ленина с его гробом и шагают в ту землю, которая их примет.

Им не место в сердце России — Москве.

В руках у судебных органов белых оказались десятеро из охраны «дома особого назначения». Дитерихс указывает:

«Из числа рабочих Сысертского завода и фабрики Злоказова, служивших в охране „дома особого назначения“, кроме Павла Медведева, позднее были задержаны в разных местах: разводящий Якимов и охранники — Проскуряков, Семенов, Чуркин, Соловьев, Луговой, два брата Болотовых и Савков. Все они самостоятельно уходили из рядов красной армии и из-под власти большевиков, пробираясь к себе на родину...»

В то лето Павлу Спиридоновичу Медведеву набегал тридцать первый (его допрашивали агент розыска Алексеев в Перми и член суда Сергеев в Екатеринбурге). До революции сапожничал. Уклонился от фронта, устроившись на Сысертский завод. Для всех этих людей характерно уклонение от фронта.

Правая рука Юровского и фактический начальник всей охраны (в белом плену он не показывал какого-либо раскаяния, только лгал, чтобы выгородить себя). Выполняя приказ Голощекина по взрыву моста под Пермью, угодил в плен. Тут же нашелся и заявил, будто мост не взорвал умышленно, имея намерения перейти к

белым, так сказать с ходу предав своих товарищей и по Красной Армии, и по РКП(б) (в партию Павел Спиридонович вступил в апреле 1917 г. и, хоть был малограмотным, программу ее принял сердцем). Лежал в госпитале, где и проговорился, что служил в «доме особого назначения».

Показывал, что в расстреле Романовых участия не принимал: был послан на улицу определить, как будут слышны выстрелы. Скорее всего, принял участие в бойне, так как обнаружил знание таких подробностей о поведении Юровского в эти мгновения, которое мог иметь лишь один из убийц.

Медведев рассказывал Соколову:

«Государь и наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами... При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда через вторую дверь (считая от ворот) во внутреннее помещение первого этажа. Дорогу указывал Юровский.

Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери... Наследник и государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом наследника встал доктор Боткин. Служанка — как ее зовут, не знаю (Демидова. — Ю. В.), высокого роста женщина — встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую; с ней встала одна из царских дочерей (Анастасия. — Ю. В.)... Двое слуг встали в левом от входа углу у стены, смежной с кладовкой...»

Сам Медведев, делясь впечатлениями о только что случившемся с охранниками и близкими (в первые часы после расправы), говорил, что лично выпустил три пули в бывшего императора, а уж после достреливал других. Вполне вероятно, слушать выстрелы Медведев поручил кому-либо из часовых (они находились совсем рядом, в каких-то 10 шагах), а сам поспешил на расправу... и успел.

Вообще, главной мишенью для всех, так сказать, лакомой, являлся бывший император. Надо полагать, в него старался послать пулю каждый, не говоря уже о твердой руке Юровского, хотя для каждого и были определены цели. Поэтому Николай Александрович и рухнул замертво со стула. Не успел еще истаять в воздухе его голос, а уж тут и раскат пушечных выстрелов. И все тело, голова на разрыв от пуль... И то хорошо: не мучился за детей... А то видеть, как младшую дочь штыком... Да сам лоб подставишь!.. Да кровь закипит!..

Медведев так описывает комнату:

«...Они все уже были расстреляны и лежали на полу, в разных положениях, около них была масса крови, причем кровь была густая, „печенками“...»

Медведев не участвовал в захоронении останков жертв, но назвал место Якимову довольно точно:

«..Трупы на автомобиле увез Юровский с латышами и Люхановым за Верх-Исетский завод и там, в лесистой местности, около болота, трупы были зарыты все в одну яму, как он говорил, заранее приготовленную. Я помню, он говорил, что автомобиль вязнул и с трудом дошел до приготовленной могилы».

Дополняют портрет Медведева вещи, которые он присвоил после бойни. Это и саквояж из желтой кожи, и золотые запонки, и серебряные кольца, и компас, и полотенце, и три пары перчаток, и пуховые носки...

Саквояжик принадлежал доктору Боткину, а все другое — дочерям бывшего императора. Принадлежность вещей устанавливал камердинер покойного государя Чемодуров.

Старика Чемодурова чекисты искали. Ему было назначено лечь вместе с Романовыми, но он находился в больнице. Это сбило с толку палачей из отряда Юровского. Словом, не нашли. Вскоре от всех потрясений Чемодурова спалила чахотка.

Что до вещей... само собой, мстить и карать надо с пользой для себя. А что, даром трудились?.. Что примечательно, рабочая дружина не тронула книг. Они так и остались в доме Ипатьева: и религиозные, и светские — числом около пятидесяти. Вещи — до нитки растащили, а книги... какой прибыток от них? Практически нетронутым оказалось собрание икон и образов. Тут уже молились дружно богу.

Медведев опочил от тифа 14 марта 1919 г.¹ — в пору самых внушительных успехов адмирала Колчака. Умер в тюремной камере (некоторые утверждают, что был расстрелян).

Но самым «успешным» грабителем по данному делу вдруг обозначился курьер-сторож советского исполкома Петр Лылов. По судейской описи за ним числилось около 112 наименований. Это и восемь золотых медальонов, и золотые, серебряные нательные кресты, и три зонтика, и во множестве — платья, костюмы, юбки, лифчики, шарфы, дамские чулки, туфли...

4 сентября 1918 г. красный курьер-сторож объяснил на допросе, что в основном вещи и ценности присвоил председатель Уралсовета Белобородов. Он же, Лылов, лишь похитил самую малость из них у означенного Белобородова.

«В частности, карандаш императрицы он похитил с письменного стола Белобородова...»

Совершил, так сказать, перераспределение собственности.
Вот так.

¹ Дитерихс свидетельствует: «...25 марта того же года он (Медведев. — Ю. В.) умер от сыпного тифа (не расстрелян, как писали красные. — Ю. В.) и 27-го того же месяца погребен. Событие это записано в метрических книгах Градо-Екатеринбургской Михайло-Архангельской церкви за 1919 год в ст. № 50 и подписано священником А. Голубовским. Так свершился Божий суд...»

Эх, если бы Божий суд да прибрал всех упырей с русской земли!..

Но и это не все.

Мораль строителей новой, справедливой жизни предполагала, оказывается, и награждение вещами убитого семейства наиболее достойных советских работников. И они с особым чувством спали на простынях и подушках с царскими вензелями и покрывались одеялами царской семьи, которые, как им чудилось, еще хранят тепло августейших особ. Это очень их тешило, в том числе и свирепого казнителя донских казаков...

Словом, обо всем побеспокоился Белобородов. И было это не обычное вознаграждение, а мера исключительная, за преданность. И спали... А как же?..

Своеобразно поведение Ленина в критические моменты существования советской власти.

Он не говорит, а подстегивает свое окружение:

«Имейте в виду, нам угрожает смерть!» Конечно, он не все мог точно учитывать, но он подтягивал всех. «Иначе вас всех растерзуют!» (из 140 бесед, записанных Чуевым за Молотовым).

Это можно истолковать так: не будете сами крутиться, не будете не щадить себя в трудах и трупном деле строительства «государства рабочих и крестьян» — вас всех прикончат. Пусть хоть страх, инстинкт жизни даст вам силу и удвоит энергию. Что и толковать, довод для удвоения усилий по удержанию власти более чем убедительный.

Светочи человечества.

А ежели знать ту и последующую подноготную ленинизма, то можно слова Главного Октябрьского Вождя и развернуть так:

«Мы не зарежем — нас зарежут!»

И резали!

Отступил с Красной Армией и охранник Филипп Полиевктович Проскуряков, но воевать раздумал (за что класть жизнь, своя ведь, не царская?), пробрался назад, в милый сердцу Екатеринбург, где и был благополучно разыскан. На откровенные показания пошел не сразу.

«Мы встали и пошли за Медведевым, — рассказывал Проскуряков. — Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева... В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом... Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови... По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых... Помню я, что работали тут человека два латышей, сам Медведев, отец и сын Смородяковы, Столов... Таким же образом, то есть водой, мы смыли кровь во дворе и с камней... Я хорошо помню, что

именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах... Он все обязательно видел...»

Это тот самый Андрей Стрекотин, который преследовал дочерей бывшего императора похабными рисунками... А что эти молодые кобылы без пользы блюдут себя?..

Накануне расправы Проскуряков напился и сидел как бы под арестом в тесной стылой баньке — и не тужил, дело-то привычное. Как вообще без этой встряски жить? Расpravление и веселость организму от водки. Душа от нее на месте...

Из баньки его с приятелем извлек Медведев — все были поставлены на уборку. А как же? Может враг использовать факт расстрела. Нельзя это ему давать, республика в огне.

Проскуряков так охарактеризовал свою службу в охране:

«Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушал отца и матери и пошел в охрану... и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал... Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы все для этого сделал...»

Подобные признания не многого стоят. Любитель «заложить за воротник». Дезертир. В охрану определился ради жалованья. Можно не сомневаться, за денежный приварок (а ежели еще и сообщно!) Филипп Полиевктович побил бы вот так и видных большевиков с семьями, а после спокойно замывал бы кровь. И все вокруг произносили бы до невозможности «правильные» слова:

— А что, служба у него такая. Он человек подневольный.

На этих словах-палачах, словах-гадинах, кажется, взрос весь русский народ.

Не составил исключения и Михаил Иванович Летемина: «Пошел в охрану исключительно из-за жалованья».

По профессии — портной. В войну подался на Сысертский завод — это освобождало от фронта. Фронта они все боялись пуще сатаны и всех прочих напастей, пусть деревенщина воюет, а они, когда настанет время, будут революцию ставить и казнить. В прошлом Михаил Иванович был судим за покушение на расстрел. Достойный кадр, подлинное украшение дружины рабочих мстителей; так сказать, прообраз чекиста 30—80-х годов.

Уходив с красными Михаил Иванович не стал, заявив, что воевать не собирается. Судебные власти белых обнаружили его благодаря... спаниелю Джюю, принадлежавшему бывшему наследнику Алексею. Не пропадать же твари... ну, увел...

16 июля нес дежурство на посту № 3. В самом начале дежурства видел, как возвращался с прогулки бывший император с семьей. Дежурство сдал в 8 вечера и ушел домой. Ему единственному разрешили жить дома.

В 8 утра 17 июля явился на дежурство, тогда и проведал о расстреле Романовых. Ни в убийстве, ни в кровавом мытье полов участия, разумеется, не принимал, просто не успел.

6 августа 1918 г. в квартире Михаила Ивановича были обнаружены дневник убитого бывшего наследника престола, фотоаппарат «Кодак», мелкие золотые вещи, кое-что из серебра, куча безделушек и в изрядном количестве — рубашки, покрывала, скатерти, штиблеты, туфли, ремни...

Разве мародер?... Приконали гидру, если даже не ты, — какая разница? Главное, что все, ей, гидре, принадлежавшее, уже хоть частично, но твое.

У всех на слуху знаменитое ленинское: «Грабь награбленное!»

Знал вождь вот такие простые, идущие от сердца слова.

А в таком разе какие вопросы, о чем вопросы?

Трофей есть трофей.

...Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро...

Леметина уже не было в живых, когда вернулась советская власть.

Анатолий Александрович Якимов по своему прежнему, унтер-офицерскому званию был определен в разводящие. Как и Медведеву, ему выходил тридцать первый.

По приказу Медведева вместе со всеми участвовал в кровавом мытье полов. Становилось не по себе — выходил на воздух. Крепкогрудые, закаленные в ненависти к старому миру охранники высмеивали: нашел из-за чего сопли распускать, усмотрели в этом даже какую-то неблагонадежность, не должен истый пролетарий проситься на воздух, не таковский это класс, а он же, Якимов, по выучке токарь!..

В общем, Анатолий Александрович двинул от красных из Перми в белую дружину. До роста сознательности через просвещение (он будет об этом рассуждать перед следователями) ему после той ночи в доме Ипатьева, надо полагать, показалось далековато.

«...Я был по убеждениям более близок большевикам, но я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, то есть насилем. Мне думалось, и сейчас думается, что хорошая, справедливая жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь ненастоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел царя и думал, что его надо держать под стражей... пока народ его не рассудит: ...виноват перед Родиной или нет.

Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким... За что же убиты были его дети?..

Мы, бывало, в своей компании разговаривали про них, и все мы

думали, что Николай Александрович — простой человек, а она не простая и, как есть, похожа на Царицу...

От моих мыслей прежних про Царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому...

Существует предположение, что Якимов принимал участие в смертном избиении семьи бывшего императора. Правду, свой путь в завтра он начал искать не в просвещении, не в отказе от насилия, а в строю убийц, в крови невинных и невинных — и возмездие настигло. Якимов был расстрелян белыми, не мог не быть расстрелян.

Вместе с Ермаковым на расправу в дом Ипатьева явился и бывший матрос Степан Ваганов. По отзывам, собранным следователем Соколовым, бродяга и хулиган. Ваганов входил в группу Ермакова. Вместе ставили советскую власть в Верх-Исетске (название идет от Исетского озера).

Ваганов оказался единственным из непосредственных убийц Романовых, кто тут же заплатил за содеянное.

По неизвестным причинам Степа не ушел с красными, скорее всего, прозевал отход, а может, о нем и позабыли. В общем, от белых каратель спрятался в погребе: своя жизнь — не чужая. Верх-исетские рабочие извлекли его оттуда и тут же убили. Всего-то на 11 деньков и пережил свои жертвы из «дома особого назначения»...

Об отношении к террору партии и самого Ленина говорил и Молотов за три года до своей смерти, а уж это был свидетель так свидетель:

«...Конечно, приходилось рубить, не всегда разбираясь. А я считаю, мы должны были пройти через полосу террора, я не боюсь этого слова, потому что разбираться тогда не было времени, не было возможности, а мы рисковали не только Советской властью в России, но и интернациональным коммунистическим движением».

Что за наивное оправдание крайних форм террора?..

Террор был заложен в самую доктрину ленинизма, представлял самостоятельную и центральную величину в ней. И когда при Сталине «этого времени» уже было достаточно, «женевский» механизм, наоборот, заработал с немислимой нагрузкой.

На этой шестой части света рубили не разбираясь. Чуть другой оттенок красного — и под пулю, а уж о других цветах и речи быть не могло: всегда казнь или лагерь на предельный срок, что равнозначно смертному приговору.

О порядках при Ленине Молотов скажет без обиняков:

«Это диктатура, сверхдиктатура» (выделено мною. — Ю. В.).
Сверхдиктатура!

Какие могут быть еще теоретические споры?..

Петр Захарович Ермаков, с которым после вел дружбу Самсон Игнатьевич Брюхин, родом происходил из Верх-Исетска. До революции участвовал в кровавых экспроприациях для нужд партии. Руководил экспроприациями Филипп Голощекин — это убийства, грабежи, поджоги в целях наживы... одна цепь жестоких насилий.

Деньги поступали за границу — Ленину, он ими распорядился и вел счет. Разумеется, в партии это была не единственная организация для пополнения кассы.

После Октября 1917 г. Ермаков становится верх-исетским военным комиссаром. С 1920-го служит в ВЧК. У Петра Захаровича в Верх-Исетске был свой отряд из 19 человек — они казнили и миловали, то бишь утверждали народную советскую власть. Его заместителем был Степан Ваганов. Все без исключения — русские.

Спустя пять лет Петр Захарович Ермаков отмечал в своей анкете сотрудника ОГПУ (как застолбила себя советская власть, так и обозначились анкеты — десятки и десятки выщупывающих, все высвечивающих вопросов), что в дни революции находился на «Авроре» (оставалось добавить — на капитанском мостике).

Не находился на «Авроре» Петр Захарович, не мог находиться. Был за грабежи и убийства осужден на каторгу (просто не мог находиться в двух местах одновременно: и службу на флоте нести, и грабить, а после «сидеть»; да и не призвали бы во флот каторжника).

После всепьянейший Петр Захарович служил в доблестной ВЧК-НКВД, из-за умственной ограниченности был уволен (и это из среды едва ли не поголовно ущербных!).

Из духовного завещания Николая Второго:

«Зло, которое есть сейчас в мире, со временем станет еще злее. Но не зло победит зло, а только любовь».

Мародерничали...

Насиловали и убивали...

И лгали...

Вот лгали вообще без всяких передышек, непрерывно — всеми газетами и радио, всеми медалями, званиями, дипломами...

Убийцы и мародеры...

И ни при чем тут человеческие слабости. В убийцы, кровавые охранники, «чрезвычайку» для пыток, издевательств, казней не шли обычные люди. Не по душевной слабости, не из-за слабой воли, а по одной-единственной причине: не могли, не могут они творить зло, убивать других.

Для подлой, жуткой работы годились люди черной основы. Это были нелюди, вознесшиеся через подобострастие, страх, рабское восхищение таких же, как они, в строки книг, слова песен.

Только убийцы по внутреннему своему строю способны созидать смерть. А где смерть, кровь — там разбой, мародерство и до пошло-

сти, тошноты обыденная нечистоплотность. Недаром один из первых «витязей революции» Белобородов просто-напросто мародерничает, присваивает, утаивает, казнит и терзает казаков на Дону.

Убийства способны творить личности в основном ущербные (не разовое убийство в состоянии чрезвычайного возбуждения, а работа, повседневное занятие: пытаться, принуждать лжесвидетельствовать, убивать). Это их будни — истребление людей во имя усреднения. Того усреднения, которое дает всегда покорность и холопскую благодарность всех оставленных на «племя». Казарменный социализм, суррогат жизни; унижительный, все измалывающий быт. В чем тут революционная поэзия, суровая борьба мужественных людей?..

Убийцы и мародеры, осененные на преступные дела самой «передовой теорией», но всегда — просто убийцы и мародеры.

Одной из особенностей дела об убийстве семьи бывшего императора (чем оно бессознательно влечет людей) является как раз наиболее очевидное наличие преступной воли и низменных качеств, заложенных в тех людях, которые брались «очистить землю». Похабники, люди примитивные, рисующие мерзости на стенах (развлечение, свойственное больше дегенератам и уголовникам), преследующие этими мерзостями девушек (даже ухо прижимают к двери уборной); залезающие руками в тарелки заключенных; ворующие с трупов вещи, не могущие не быть замазанными кровью; опорожняющиеся в уборной на стульчак (для них даже записку повесили в уборной дома Ипатьева с просьбой гадить поосторожней); сегодня с готовностью отмывающие кровь с полов, а завтра утверждающие советскую власть, коллективизацию; сегодня растворяющие кислотой трупы и «очищающие карманы», а завтра занимающие кабинеты хозяева жизни, диктующие свою мораль завоеванному народу...

Они готовы были (и готовы сейчас) ломать, убивать, жечь, ибо в этом мире им (если по совести) не принадлежит ничего, кроме их собственного убожества, непреодолимого и стойкого, как клеймо на лбу. И потому в этом мире им все было абсолютно чуждо и отвратительно. Неразвитое, полудикое, с полным отсутствием каких-либо нравственных и гражданских устоев и составило опору идеи достижения справедливости через перераспределение собственности и насилие. И не перераспределение, а присвоение.

Они искали друг друга: ленинизм с его проповедью безграничного насилия, глубоким презрением к интеллигентности, широте познаний, культуре («дворянская культура» — сколько в этом презрения, до предела упрощенного, схематизированного взгляда на жизнь) и этот ограниченный, лишенный моральных и гражданских устоев слой общества.

И произошло великое соединение двух разрушительных частей, направленных на уничтожение независимого и свободного человечества.

Ничего страшнее и не могло быть: «научное» обоснование необ-

ходимости произвола, насилия для тех, кто и не мыслил иных отношений в обществе.

Марксизм все время подпитывал сознание этих людей, довоспитывал, воспитывал их, укрепляя в «идейной» правоте строить жизнь через принуждение, произвол, хамство. Другими они и не могли быть. Хамство, убожество — это их мир, они не ведали (и не ведают) другого мира. Они понесли его по всем ступеням власти, во все уголки жизни: от захолустной деревеньки до Кремлевского Дворца.

Их вожди были, по существу, такими же невеждами и насильниками, ибо другого отношения к жизни в силу своего развития, сознания они не ведали. Марксизм закреплял это сознание на данном уровне, консервировал сознание уже не только их, но и народа на одних и тех же постулатах: цель оправдывает средства, все во имя цели, всегда и во веки веков — насилие, беспрекословное подчинение и благодарность за то, что живешь.

Насилие не могло не идти от искалеченного, ущербного восприятия мира, не могло не калечить сознания тех, кто родился после революции и уже питался только одной отравой лжи.

Вожди революции...

За ничтожным исключением, им свойственны ограниченность, паразитическая самонадеянность и... жестокость. Права людей снизу они воспринимали и воспринимают лишь как свою милость, благодеяние сверху.

Породил эту мораль, это мирозерцание (уж какое тут созерцание!), дал законченные формы иступленно-жестоким, каменно-бессердечным, могильно-добродетельным ленинизмом.

Сталин...

Это не уродливый вырост на древе марксизма. Это его самый холеный, благоуханный плод. Сталин с его патологической страстью к убийствам, его ошеломляющей ограниченностью и самоуверенностью — это явление, обусловленное логически, исторически, экономически.

В основе ленинизма — разрушение всего, что не соответствует его догмам, разрушение как в людях, так и в государствах. Вообще, он, ленинизм, мог существовать лишь после тотального разрушения всего, что было создано до него. Поэтому он агрессивен, ограничен и кровав.

Ленинизм — это обожествление насилия, именно поэтому он объединяет все непотребное и низкое в обществе. Именно поэтому он бесплоден. Именно поэтому он самодоволен, как самодовольно то невежество, которое составляет его основу и дает ему силу.

Ленинизм разрушил русскую жизнь, и восстановить ее уже не дано никому.

И Россия лежит опозоренная, измученная, обескровленная...

Примем к сведению еще одно свидетельство Локкарта — в те дни еще совсем молодого человека. До всего ему было дело. Он не

боялся риска, его переполняла энергия, любовь к жизни и особенно красоте ее. С места он снимался легко, расстояния не имели значения — пусть с Европу, пусть с пол земного шара. Он владеет русским, предприимчив. У него ясный и пронизательный ум, и его не давят авторитеты. Последнее обстоятельство очень важно, учитывая ту обстановку, в которой оказался он, совсем еще неопытный дипломат.

«Я должен признаться, — пишет Локкарт, — что население Москвы приняло эту новость (расстрел Романовых. — Ю. В.) с поразительным равнодушием. Апатия ко всему, кроме собственной участи, была полная, но она показательна для исключительного времени, в которое мы живем».

Мы обитаем в «исключительном времени» уже почти век и совершенно очерствели. Десятки миллионов убитых не тревожат наше воображение и покой. Нужен настоящий мор, чтобы встряхнуть нас. Остальное мы способны пережить. Пожалуй, даже гибель каждого второго из нас...

И все же мы проявляем больший интерес к гибели последнего самодержца и его семьи, нежели наши деды и прадеды. Можно даже подумать, что это стряслось сейчас или что новость лишь теперь сумела достичь слуха и зрения народа. Несомненно, свою роль играет и понимание того, что мы оказались банкротами и все убийства не имели смысла (будто убийства могут иметь смысл!). В этом тоже кроется страшная правда, может быть, самая страшная. Убийства можно было бы списать, простить, не заметить — пусть потеряли сотни миллионов за этот век, но при одном условии: была бы достигнута цель Октябрьской революции, то есть прорвались мы к тотальной сытости, обеспеченности... а с диктатом партии, произволом?... Да Бог с ними со всеми!..

За такую мораль и расплачиваемся. Как говорится, по ране и лечение...

Значительно упрощает воссоздание событий записка Юровского советскому историку М. Н. Покровскому. Написана она языком документа, который начисто исключает чувства. Это оставляет жутковатое впечатление. Творил волю Ленина человек, заменивший чувства на выкладки марксистских книг. Гибель детей под пулями не высекает у Юровского никаких чувств, даже тени сострадания. Наоборот, он, как механическое приспособление вождя, удивлен, скажем, тем, что не все сразу оказались убитыми. Он так и пишет:

«Это удивило коменданта, так как целили прямо в сердце...»

Одно это только и удивило «надежнейшего коммуниста» (помните отзыв Ленина?). Да, достойным людям вручала свою судьбу республика.

В записке Юровский как-то отстраненно называет себя «комендантом».

«16 июля была получена телеграмма из Перми (через Пермь шла связь с Москвой. — Ю. В.) на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в 6 часов вечера Филипп Голощекин предписал привести приказ в исполнение.

В 12 часов ночи должна была приехать машина для отвоза трупов... Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в половине второго... Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в том числе 7 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение, двое отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он — всех остальных. Объяснение было дано такое: «ввиду того что в городе беспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались с полчаса. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли за собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Федоровна спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Комендант велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Федоровна. Остальным комендант велел встать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что-что?» Комендант наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови (стало быть, имелся опыт по большой крови. — Ю. В.), и покончить скорее.

Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд.

Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим комендантом наповал (лавры убийцы бывшего императора Юровский не уступает никому; это, безусловно, предмет его высшей гордости, оправдание и смысл жизни. — Ю. В.).

Алексей, 3 его сестры и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило коменданта, так как целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули наганов отскакивали отдельно от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате.

Когда одну из девиц пытались заколоть штыком (младшую дочь царя Анастасию. — Ю. В.), то штык не мог пробить корсаж. Благо-

даря всему этому вся процедура, считая «проверку» (щупанье пульса и т. д.), взяла минут двадцать.

Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, покрывая сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи, пришлось поставить троих надежных товарищей для охраны трупов (не иначе как «латышей». — Ю. В.), пока продолжалась переноска... Под угрозой расстрела (хороша же сознательность этих судей бывшего императора! — Ю. В.) все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.).

Коменданту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т. д. лежало на обязанности т. Ермакова... Он должен был приехать с автомобилем и был пущен по условному паролю «Трубочист». Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова, и комендант решил проверить сам всю операцию до конца.

Около трех часов утра выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков (за Верх-Исетским заводом). Сначала предполагалось везти в автомобиле, а от известного пункта на лошадях, так как автомобиль дальше пройти не мог. Местом выбрана была брошенная шахта. Проехав Верх-Исетский завод, верстах в пяти, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие, которых приготовил Ермаков (это красноармейцы из отряда Ермакова, все — активисты советской власти; они ее ставили в Верх-Исетске, все — члены Совета. — Ю. В.). Первое, что они закричали: «Что же вы их нам живыми не привезли?» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги... Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых (и всю эту... напустили на Россию, поставили над ними серп и молот, вручили красный флаг — и напустили на Россию! — Ю. В.).

Тут обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто не нашел.

Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было, не было лопат и т. п. ...Отвезли от Екатеринбургa и остановились неподалеку от деревни Коптяки, это было в 6—7 часов утра.

В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту... В шахте было на аршин воды.

Комендант распорядился раздеть трупы и разложить костры, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих.

Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, — в отверстии видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза.

Комендант решил сейчас же распустить всю артель, оставив на

охране несколько верховых и 5 человек команды (надо полагать, не только Ваганов, но еще и «латыши» ехали в кузове с трупами. — Ю. В.). Остальные разъехались.

Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На Александре Федоровне оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. Бриллианты тут же выпарывались. Их набралось (т. е. бриллиантовых вещей) около полупуда (около 80 тыс. каратов, цена их несметна, пишет Г. Т. Рябов). Это было похоронено на Алапаевском заводе, в одном из домиков в подполье, в девятнадцатом году откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части...

Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта (место это называлось «Ганина яма». — Ю. В.) заранее предназначена была стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, комендант в 10—11 часов утра (19 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Комендант рассказал, что найдено, и высказал им сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Романовых обыск (есть у него к тюремному делу расположение, так сказать, талант... — Ю. В.). От Чуцкаева (пред. горисполкома) комендант узнал, что на девятой версте по Московскому тракту имеются очень глубокие и заброшенные шахты, подходящие для погребения Романовых.

Комендант отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины, добрался до шахты уже пешком — нашел действительно 3 шахты очень глубоких, заполненных водой, где решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было (уважает себя Юровский, пишет только во множественном числе: «решено было», а не «решил». — Ю. В.), что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, приедет грузовик с чекистами (как чекисты, так — трупы. — Ю. В.), которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обратное коменданту пришлось добираться на случайно захваченной по дороге паре (не присил подвезти, а захватил по праву комиссарского мандата и маузера. — Ю. В.)...

На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой.

Вернувшись наконец в город, уже к 8 часам вечера, начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучера были взяты из тюрьмы... к шахте с веревками, чтобы вытаскивать трупы и так далее, отправились только в 12 часов 30 минут, ночью с 17-го на 18-е. Чтобы изолировать шахту

(первую, старательскую), на время операции объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже третий день, восемнадцатое). Возникла мысль часть трупов похоронить тут же, у шахты; стали копать яму, почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин, и выяснилось, что он мог видеть яму...

Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, комендант отправился в город за машинами (грузовик и две легковые, одна для чекистов).

Смогли отправиться в путь только в 9 часов вечера. Пересекли линию железной дороги, в полуверсте перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымачивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз (это проселочная дорога между шахтой и Екатеринбургом. — Ю. В.). Около четырех с половиной утра девятнадцатого машина застряла окончательно, оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь (увязли в болоте, никто уже не мог помочь. — Ю. В.)... Последнее обещал взять на себя один товарищ, фамилию комендант забыл, но он уехал, не выполнив обещания.

Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же, под костром, останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных. Часам к семи... яма... была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли».

На безбожии, отрицании добра, любви, души не построить общество. Это и доказал наш социалистический опыт. Государство распалось. Духовное, но не голая сила соединяет людей — это тоже из краха нашего социалистического Отечества.

Какие бы несправедливости ни творились в царство Николая Второго (а зла хватало), исторически несопоставимо ближе к правде он, а не Ленин.

Как мог, смел Ленин — человек от книги, интеллигент — издеваться над церковью, ведь это вера человека? Никто и никогда не докажет (это невозможно), что она есть заблуждение. Доказать это — выше возможностей разума. В этом уже победа, торжество веры в Создателя.

Впрочем, именно все иные веры (не только единственно великую — в Создателя) он и задался целью уничтожить. В решении данной задачи любой разум, любая степень развитости науки бессильны. Это факт, и, как ни странно, прежде всего научный. И уже в

этой попытке вся преступность, гнилость и умственная незрелость ленинизма.

Все было просто: уничтожить веру и другие правды. Тогда будет только его учение (он это будет стремиться приравнять к вере, в чем отчасти и преуспеет), а вера ленинцев внедрялась штыком, пулей, тюрьмой, страхом... И они тщились занять место святых — место добра, любви, души, терпимости?... Это какое-то дьявольское затемнение сознания — уничтожение всех иных вер и правд. Такое не может быть от человека.

И наступил крах государства, бедность и болезни людей, великое смятение духа и смешение всяких естественных представлений и понятий. Это явилось расплатой за попытку заменить веру, душу, любовь, добро на рационализм, материализм. Ничего не получилось. Без души не будет мира на этой земле. Рухнет и капиталистическая система, как в значительной мере противная Добру и любви, замкнувшаяся лишь на голом добывании благ и вечной погоне за наживой, — это тоже бесовский мир. Люди и шарахнулись от него к Ленину. И стали не людьми, а «публикой», как изволил выразиться «комендант Юровский».

Не уберегли Россию...

Приблизительно через 60 лет место погребения Романовых отыскал кинодраматург и публицист Гелий Рябов.

«...Сняли слой земли, под ним лопата уперлась во что-то жесткое, пружинистое. Хворост, ветки — хорошо сохранившиеся.

Под ними снова земля — перемешанная, перекопанная, это отмечает мой напарник, профессионально перетирая ее между пальцев. На мгновение я остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг он вскрикнул сдавленно: «Железяка какая-то!»

Это была тазовая кость черно-зеленого цвета. И сразу же пошли кости, кости, целые скелеты, черепа... Мы достали три — обгоревшие от кислоты, с пулевыми дырами в виске или на темени.

Еще через несколько минут мы нашли несколько осколков от керамической банки — вероятно, той самой, с серной кислотой. Скорее всего, эти банки бросали прямо на трупы и разбивали выстрелами.

Земля в этой могиле была черного цвета. Пальцы там, в глубине, нащупывали все новые и новые скелеты.

Странно. Я долго вглядывался в один из трех черепов, и, чем больше вглядывался, тем больше мне казалось, что передо мной голова последнего русского императора Николая Второго. Все черепа изуродованы: лицевая их часть разбита тяжелыми и сильными ударами. Вероятно, это сделали для того, чтобы затруднить белым опознание. У того, кого представил я себе бывшим российским императором, зубы на нижней челюсти слева были сильно разрушены.

Записи в дневнике Николая Второго в один из месяцев тоболь-

ского сидения непреложно свидетельствуют о том, что в этот месяц бывший царь почти ежедневно посещал дантиста. На зубах было множество пломб...»

«Мы, Николай Второй, Божию милостию Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самочитский, Белостокский, Карельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных...»

«...Мы закрыли могилу, — рассказывает Рябов, — заровняли, набросали мелкой гальки и замели следы вениками из прутьев...

Ночью перед отъездом (спустя три дня. — Ю. В.) мы приехали к страшному месту.

Местность стала неузнаваемой. Через могилу Романовых прошла широкая асфальтированная дорога¹, скрыв ее теперь уже навсегда. Долго стоим и молчим...»

«Государь и Великий Князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и Северная страны Повелитель; и Государь Иверской, Карталинской и Кабардинской земли и области Арменской; Черкесских и Горских князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштинский, Стомарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая...»

Даже при беглом взгляде бросаются в глаза некоторые несообразности в записке Юровского.

«Комендант» не мог не знать, где намечено спрятать останки царской семьи. Именно это место Юровский обследовал накануне убийства — 14—15 июля. Именно он, Юровский, с топором в руках расчищал подъезды к нему. Это зафиксировано показаниями очевидцев в следовательском розыске Соколова...

Скорее всего, подано было все же три стула, а не два. Об этом дружно показывают остальные участники расправы.

¹ Поиск могилы совпал с днями, когда рабочие мостили старый просек. Так вышло, что за три дня успели уложить асфальт.

И еще — о стульях. Через полминуты должен грянуть залп, а Юровский вдруг проявляет сентиментальность и удовлетворяет просьбу бывшей императрицы. Стулья позволяют распределить жертвы как бы по двум ярусам. Они уже не загораживают одна другую. Это не вежливость палача, а расчетливость палача. Позаботились же о штыках — значит, уже накопился опыт.

И еще. Не забыли показания Буйвида?

«...Через некоторое время я услышал глухой залп, их было около пятнадцати, а затем отдельные выстрелы, их было три или четыре...»

«Три или четыре» — это не выстрелы Юровского в бывшего наследника. Когда Юровский добивал мальчика, еще были живы дочери бывшего царя, живы Боткин, Демидова... В общем, это продолжение тех же залпов числом около пятнадцати.

Отдельные «три или четыре» выстрела, по-видимому, имеют другое происхождение. Это нельзя утверждать, это можно лишь предположить.

Кто, кроме Юровского, мог прослушать пульс? Тут он со своим фельдшерским образованием незаменим. Он и прослушивал, переступая от трупа к трупу по крови. Брал убитых за еще теплые руки, залитые кровью. Того, у кого пульс обозначал еще биение жизни, комендант «дома особого назначения» добивал. Вот те самые, спокойные, 3—4 выстрела в общей тишине.

Даже если не стрелял, не добивал, но ведь выщупывал пульс, это точно, сам об этом пишет. Выщупывал, чтобы, если кто и подаст признаки жизни, тут же добить. Рот фронт, товарищ Юровский!

Ночь с 18 на 19 июля Голощекин провел у могилы. Это тоже зафиксировано показаниями свидетелей. Кстати, Юровский опять неискрен, не упоминая об этом. Он, Голощекин, уж видел, как дожигались кислотой трупы. Так сказать, проконтролировал надежность их уничтожения, а после — и сокрытия захоронения.

Вид обезображенных, разлагающихся (ведь это жара середины лета), проеденных кислотой трупов не повлиял на мужественного большевика, и по дороге из леса он спал в машине. Чувствуется, такого рода дела как раз по его натуре и убеждениям.

19 июля в Москву выезжает Юровский, с ним — «семь мест багажа»¹. Это личные вещи Юровского и те, что столь горячо интересуют Москву: дневники, письма бывшего царя и его семьи. По разумению Ленина и Свердлова, эти документы окончательно и бесповоротно докажут преступность царизма, дадут народу новое понимание важности Октябрьской революции, еще раз явят всему миру величие и благородство большевизма.

¹ Не вызывает сомнений, ценности в Москву не повезли, поскольку были уверены в крушении советской власти вообще. Иначе что стоило Юровскому прихватить в Москву лишний чемодан.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй во славу,
 во славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
 Боже Царя, Царя храни!..

Из гимна Российской империи

В деле террора Дзержинский не мог быть обычным человеком. Весь его внутренний строй это исключал.

«...И действительно, кто так живет, как я, тот долго жить не может. Я не умею отдалить наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать только половину души. Я могу отдать всю душу или ничего не отдам...»

Феликс Эдмундович никого не обманул. Он отдал террору всю душу. И в отличие от Фукье-Тэнвилля, как, впрочем, и некоторых других деятелей Французской революции, никогда не терзался сомнениями. Это был сам бездушный механизм уничтожения, вернее, душа, отданная бездушной машине истребления. Плотины в будущее мог прорвать только огромный слив крови — и он этот слив организовал. За плотиной людей ждет рай — в этом Феликс Эдмундович не сомневался. Весь жизненный горизонт его составляла эта плотина, ничего другого он не видел, и ничего другого для него не существовало. Он этот мир выстрадал — никакая сила не могла изменить в нем хотя бы один знак, ничтожную величину. Поэтому не ослабевал поток крови. Плотина должна рухнуть, не может не рухнуть.

О дальнейших передвижениях Голощекина дает справку Дитерихс.

«...Голощекин выехал из Екатеринбурга в отдельном вагоне-салоне поздно вечером 19 июля и направился прямо в Москву... Он вез с собой в салоне три очень тяжелых, не по объему, ящика...»

В Москве Исаак Голощекин забрал ящики, уехал к Янкелю Свердлову (Якову Свердлову. — Ю. В.) и пять дней жил у него, не возвращаясь в вагон (тут и возник слух, будто Голощекин привез в спирте головы бывшего царя и членов его семьи. — Ю. В.¹)...

Через пять дней Исаак Голощекин с четырьмя новыми спутниками вернулся в салон-вагон и поехал с ними в Петроград...

Из Петрограда Исаак Голощекин вернулся в Пермь, где Уральский областной Совет открыл свои действия, а Исаак Голощекин занял в нем опять должность военного комиссара...

...В Перми имя его было постоянно связано с различными звер-

¹ Дальше больше: станут утверждать, будто Ленин держит эти головы у себя в кабинете.

ствами, учиненными советскими властями в отношении духовенства Пермской епархии...»

«И последние будут первыми!...»

И стали, а как же, так Богу было угодно. Он никак не мешал им дорогу мыть себе кровью. И мыли... теперь уже первые...¹

Из письма Александры Федоровны мужу (Николаю Второму) 18 сентября 1915 г.:

«Доброе утро, мой маленький. Пасмурно и дождливо, а вечер был такой чудесный, луна и звезды сияли так, что я даже открыла половину окна (форточка всегда открыта). Теперь же, подняв занавески, я совсем разочаровалась, всего лишь шесть градусов опять.

Чувствую себя лучше, поэтому хочу заглянуть к А. в Большой Дворец (после Знаменья) и по дороге — к одному молодому офицеру, которого только что привезли, — ему всего 20 лет, и очень опасная рана в ногу. Владимир Николаевич думает, что придется ее отнять, так как на ноге и в ране на плече начинается заражение крови. Он хорошо себя чувствует, не жалуется, это всегда плохой признак, — и так трудно решить, что делать, когда смерть так близка: дать ему умереть спокойно или рискнуть на операцию. Я бы решилась на последнее, так как всегда остается луч надежды, когда организм молод, хотя теперь он очень слаб и сильный жар. По-видимому, в течение недели раны его не перевязывались, — бедный мальчик!...»

Дневники, письма, личные бумаги Николая и Александры Романовых должны обнажить миру всю меру низости самодержавия: на каждом письме, в каждой строке — саморазоблачение и кровь, кровь рабочих и крестьян. В дневниках должны быть свидетельства измены Романовых, их стяжательства и продажи России...

Еще на руках не остыла кровь Романовых и преданных им людей, а Юровский спешит в Москву с дневниками, письмами, бумагами — таков безоговорочный приказ главного вождя. Все эти бумаги, по мысли Ленина, неизмеримо ценней всех драгоценностей Романовых. Мир лопнет, треснет, когда узнает правду о коронованных кровососах. И Юровский торопится с чемоданами. Скорее распубли-

¹ А. Г. Авторханов при втором аресте был водворен в Бутырку, где оказался в одной камере с Голощекиным (среди многих других). Что осталось от грозного революционера и казнителя царского семейства!

Авторханов увидел сломленного, ко всему безразличного человека, скорее, тень человека.

«...В камере, рассчитанной на 10—12 человек, было в 3—4 раза больше людей. Почти все были голые, в одних трусах, и казались не людьми, а призраками... в этой душной и зловонной камере...»

Авторханов — партийный работник, выпускник Института красной профессуры в Москве, репрессирован, освобожден гитлеровскими войсками. Эмигрант. Автор ряда книг.

ковать, помочь революции окончательно повернуть весь народ против старой власти и белых, особенно белых. Контрреволюция прет из Сибири через Урал к Волге. Поднять, сплотить народ в ненависти к угнетателям.

Особенно важно доказать предательство интересов России Романовыми. Это они предавали Родину немцам. Он, Ленин, это докажет, иначе быть не может... Все Марксовы формулы дают именно этот результат. Классовые отношения, прибыль, эксплуатация, озверение от крови невинных. Весь этот класс угнетателей предавал Россию!

Ленин торопит Юровского: без задержки в Москву! Свердлов шлет нетерпеливые телеграммы: скорее, скорее!!!

Из письма Александры Федоровны мужу (Николаю Второму) 1 октября 1915 г.:

«Мой милый и бесценный,

Оказывается, курьер отправляется сегодня вечером, — пользуюсь случаем, чтобы написать тебе словечко.

Вот мы опять врозь, но надеюсь, теперь тебе легче будет, пока наш Солнечный Луч (сын Алексей. — Ю. В.) с тобой.

Он внесет оживление в твое жилище и утешит тебя.

Как он был счастлив поехать и с каким волнением ожидал он этой великой минуты путешествовать одному с тобой!

Я боялась, что ему будет грустно, как было в декабре, когда мы поехали на юг навстречу тебе. Он тогда плакал на станции, но теперь нет, он был счастлив.

Татьяна и я старались быть бодрыми и крепились, но ты знаешь, как тяжело быть без тебя и маленького...

После чаю я приняла Изу, затем навестила бедного мальчика. Он очень изменился со вчерашнего дня.

Я его гладила по голове, тогда он проснулся и сейчас же меня узнал и разговаривал.

Я ему сказала, что ты и Алексей посылаете ему привет. Он был в восторге и очень благодарил, потом опять заснул. Это первый раз, что он говорил сегодня. Когда я чувствую себя очень угнетенной, мне отрадно ходить к самым больным и приносить им луч света и любви. В этом году столько всюду страданий, я совсем измучена!..

Дорогой Ники, целую и крещу тебя без конца и скучаю без твоих ласк — так тяжело на сердце! Да поможет тебе Господь! Крепко, нежно целую.

Твоя Жenuшка

« Спи хорошо, думай о своем старом Солнышке... »

Из предисловия к 3-му тому «Переписки Николая и Александры Романовых, 1914—1915 гг.» (М., 1925), откуда взяты данные письма:

«...Если публикуемая сейчас переписка имеет какое-нибудь значение, то прежде всего **историко-психиатрическое**. Это — заключительные страницы романовского вырождения... Распутиниада густо окрашивала последние годы династии, и катастрофа «старца» всею обывательской массой была почувствована как начало конца. А от распутиниады шел слишком определенный запах сумасшедшего дома...»

Под предисловием подпись: М. Покровский.

В ночь с 17 на 18 июля по распоряжению Белобородова, а значит, Москвы, в Алапаевске были убиты бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович (младший), Иван Константинович, Сергей Михайлович, бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна, а также князь Владимир Павлович Палей (сын княгини Ольги Палей и великого князя Павла Александровича, который будет расстрелян через полгода в Петрограде). Заодно с ними также умерщвлены послушница Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева и управляющий делами великого князя Сергея Михайловича — Ф. С. Ремез.

Трупы обнаружили в стволе шахты заброшенного рудника в 12 верстах от Алапаевска (это уже в соседней, Пермской губернии). Все, кроме великого князя Сергея Михайловича (застрелен), забиты дубинками. Они были засыпаны землей в шахте, но еще несколько дней оттуда доносилось церковное песнопение...

Надо сказать, все Романовы приняли смерть достойно. Никто не молил о пощаде, не ползал на коленях, как, скажем, Берия — этот обгадился, перед тем как начал стрелять генерал-полковник Батицкий. С Павлом Федоровичем Батицким я был близко знаком и слышал историю ареста, содержания под стражей, суда и казни Берии.

Похоже, на мысль об убийстве всех Романовых Ленина и Свердлова навел тот самый Патушев. Взял он — и истребил брата бывшего императора. Так все просто оказалось!

Не исключено. Патушев приписывал себе то, чего не было, и его история приплутала ко мне в вольной передаче сочинителя. И все же... кое-что заставляет относиться к его рассказу вполне серьезно. Скорее всего, фамилия Патушев не его родная, как и, скажем, моего отца: коренной воронежец, он родился под фамилией Власов, а похоронен Владимировым. Этого потребовала служба в разведке (он был одним из крупных военных разведчиков на Востоке в годы второй мировой войны). О нем я рассказал в своей книге «Особый район Китая», изданной в 1973 г. издательством АПН...

В этом гнусном деле Патушев оказался как бы первопроходцем. Есть все основания предполагать — убийство бывшего великого князя Михаила Александровича и, можно сказать, безразличие страны (до великого ли князя было, когда гибель грозила едва ли не

каждому русскому) убедили Ленина: подобное вполне сойдет и со всеми Романовыми. Бывший великий князь Михаил убит за четыре дня до событий в доме Ипатьева. За это время Ленин убедился: ничего особенного не стряслось. Концы спрятаны, а уж тут и за Россию можно приняться...

Младший брат Николая Второго Михаил Александрович был арестован в Гатчине в феврале 1918 г. Местом ссылки была назначена Пермь. За ним последовали его секретарь Николай Николаевич Джонсон, камердинер Чельшев, шофер Борунов и повар Метревели.

В ночь с 12 на 13 июля великий князь Михаил Александрович, Джонсон, Борунов около полуночи были подняты с постелей в гостинице тремя неизвестными и увезены...

27 января 1918 г. в Ташкенте пал под пулями чекистов великий князь Николай Константинович, высланный туда еще Николаем Вторым и не желавший иметь ничего общего с Романовыми. В январе 1919 г. в Петрограде, во дворе Петропавловской крепости, были расстреляны великие князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович.

Всего, таким образом, оказалось уничтожено 18 представителей рода Романовых¹. До остальных дотянуться не представилось возможным.

В предположительном списке участников расправы над царским семейством имена бывших военнопленных — а тогда уже чекистов — Лайоша Хорвата, Ансельма Фишера, Эмиля Фекете, Имре Надя, Андраши Вергази (Вергаши)...

Бытовало предположение (весьма шаткое, не предположение, а слух), будто Имре Надь — это бывший премьер-министр Венгрии...

Это о нем, Имре Наде, возглавившем революционное правительство Венгрии, парижская газета «Экспресс» писала 9 ноября 1956 г.:

«1 ноября правительство Надя проявило явную растерянность. Не имея практической власти, оно делало уступки как правым, так и левым... Разбушевавшаяся толпа дико свирепствовала, и работники политической полиции были не единственными, кто подвергся линчеванию...»

Венский корреспондент лондонской «Таймс» в номере от 3 ноября сообщал:

«В прошлую субботу (27 октября 1956 г. — Ю. В.) вопрос заключался в том, как далеко может пойти мистер Надь в удовлетворении требований революции. Вчера он пошел на уступки по всем линиям...»

За «уступки по всем линиям» Имре Надь почти тут же был пове-

¹ 19-м был имеющий к ним не прямое отношение князь Владимир Палей.

шен по приговору нового правительства Яноша Кадара, за которым стояли оккупационные власти Советского Союза. Его умутили во дворе главной будапештской тюрьмы.

Но как далеко он отважился уйти по линии своей жизни, стало известно лишь спустя 34 года.

19 июня 1990 г. газета «Известия» поместила следующий материал:

«В этом году годовщина казни бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя и его ближайших соратников, осужденных за участие в событиях 1956 года, отмечалась без шумных демонстраций.

Венгерской прессой, которая год назад буквально возвеличивала Имре Надя, также было уделено незначительное место годовщине. На этом фоне большое внимание привлекла публикация печатного органа ВСРП — газеты «Сабадшаг», в которой был обнародован ранее не публиковавшийся доклад генерального секретаря ВСРП К. Гроса на сентябрьском пленуме ЦК ВСРП 1989 года.

Как явствует из доклада, основанного, по сообщению Гроса, на подлинных документах, представленных в его распоряжение советской стороной, начиная с сентября 1930 года, вскоре после приезда в эмиграцию в Советский Союз, И. Надь становится агентом ОГПУ-НКВД, о чем свидетельствует его письменное обязательство. По словам К. Гроса, с 1930 по 1941 год, до начала войны, И. Надь (агент под № С-122) особенно активно сотрудничал с ОГПУ-НКВД. На основании его показаний и донесений, в которых фигурировали в общей сложности около 200 человек, десятки людей, в том числе венгерские, немецкие, польские эмигранты, были арестованы и осуждены. Позднее многие из них были реабилитированы».

Опять совпадение?

А не слишком ли велика карательная плотность этих случайностей?

Отныне к предположению об участии Имре Надя в расправе над семейством русского императора относиться просто как к слуху уже невозможно.

Случайно эмигрировал в СССР, случайно завербовался в агенты, случайно подставлял под расправы товарищей...

Очень уж проглядывает кровавый след из «дома особого назначения»...

В 1922 г. следователь Соколов писал генералу Лохвицкому:

«Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб Великий Князь Михаил Александрович. За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии (философия и программа марксизма, точнее, большевизма. — Ю. В.)».

Все сильное и значительное, что стояло за Лениным как вождем революции и марксистом (это в основном проповедь отказа от гра-

бительских войн и не менее страстная проповедь социальной справедливости), оказалось обесцененным другой, самой важной, посылкой в учении марксизма: о построении счастливого и справедливого общества через насилие.

Насилие превратилось в самодовлеющую ценность, в вещь в себе — основной и единственный источник власти партии, которую Ленин любил самозабвенно, страстно и горячо.

19 июля 1918 г. Москва оповестила мир о расстреле бывшего императора. Согласно сообщению, прочие члены семьи были вывезены в надежное место. Не будет же самая гуманная в мире власть сводить счеты с детьми и женщинами, тем более гуртом валить всех...

20 июля сообщение о расстреле бывшего императора поместили екатеринбургские газеты. Верьте, народы, слову Ленина и партии!

Но правда изустно распространялась по России и вызывала если не гнев, то отвращение к палачам, особенно у крестьянства, не считаться с настроением которого было опасно. К тому времени деревня была основательно растравлена продрозверсткой.

Завоевать расположение народа чрезвычайно важно. В разгаре Гражданская война. И вот в сентябре 1919 г. (самые гибельные дни для советской власти, гибельнее не бывает, у порога Москвы — Деникин) «Правда» печатает материал, в своем роде уникальный. По степени лжи это — чистой воды диктаторское сочинительство. Никто не оспорит, никто не возразит. Единодушие газет обеспечено. Да и все газеты к тому времени поставлены на колени. Стало быть, проглотят ложь: массы, как убедился Ленин, к этому приспособлены... И вообще, пора переходить к единомыслию...

И глотали... целых 70 лет глотали...

И немало сейчас готовы еще глотать...

Согласно этому сообщению, 17 сентября 1919 г. в Перми заседал революционный суд, который разобрал дела 28 советских работников, виновных в гибели бывшего императора и его семьи.

Тут Ленин решил уморить всякую ложь о советской власти. Вот он, наш советский суд! Получайте, клеветники!

Суд выявил, что истребление Романовых имело целью бросить тень на советскую власть. Некто Яхонтов, пользуясь паникой (к Екатеринбург у приближались белочехи), и расправился с Романовыми. К расстрелу (мнимому, разумеется) в Перми были приговорены пять подсудимых, а приговор приведен в исполнение на следующий день...

И опять небылица — и такая смела появиться без ведома Ленина? За «Правдой» надзирал он, следила его сестра. Тут всегда все было с его ведома. И газета-то им основана (это ему присоветовал в Праге Воронский).

22 сентября 1922 г. «Известия» родят новую ложь:

«Тело царя, похороненное в лесу, на том самом месте, где он был

казнен, было выкопано... в присутствии высшего духовенства, депутатов от народной армии, казаков, чехословаков. Тело было положено в металлический гроб, заключенный в деревянный ящик из драгоценного сибирского кедра... Тело будет временно погребено в Омске, в особой гробнице...»

Такая ложь — и где?! Вторая газета республики! А масштаб событий, информации!.. Нет, это могло появиться только с ведома Ленина. Он над этим материалом морщил лоб, щурился, после звонил по «вертушке», согласовывал. А как же! Правительственный материал...

Все правильно: тащить народ (по Ткачеву), не спрашивая. Только нам, посвященным, известен каждый шаг. И лжи нет — есть тактика...

Уничтожение Романовых предусматривала программа революции и строительства нового общества. Но из тактических соображений (республика существовала всего лишь девять месяцев) провести убийство от имени верховной власти было бы и опрометчиво, и обременительно, ибо серьезно усложняло и без того сомнительно-тяжкое положение республики.

Поэтому Ленин отступил за Свердлова.

Свердлов спрятался за Уралисполком во главе с Белобородовым и членами — Голощекиным, Быковым, Саковичем, Украинцевым, Сыромолотовым, Сафаровым, Киселевым, Вайнером, Хотимским, Воробьевым, Андронниковым, Андреевым, Семашко, Авдеевым, Карякиным, Жилинским, Чуфаровым, Ефремовым, Анучиным и Юровским.

В свою очередь Голощекин и Белобородов двинули вперед Юровского, какое-то время даже одного Ермакова (что, кстати, свидетельствует в пользу версии об участии Ермакова в убийстве).

Впрочем, Белобородов и не шибко прятался, разве только в первые годы, когда следовало скрыть сам факт зверской расправы.

Центральная власть долго и упорно заметала всякие следы своего участия в екатеринбургском злодеянии. И лгала в газетах, сочиняла небылицы, даже после мученической смерти своих жертв клеветала на них. А ежели вдуматься, то лгала потому, что боялась народа. Во всяком случае, в те годы еще боялась... А иначе зачем лгать?..

Потребность обновления общественного строя в России (точнее — коренных реформ) существовала задолго до Февраля 1917 г. Февраль ее только предельно обнажил. Такая потребность присутствовала и в Октябре 1917 г. Но как в Феврале, так и в Октябре отсутствовала необходимость истребления народа и вообще людей по разного рода «принципам»: классовым, идейным, религиозным...

Поэтому у социализма, взросшего на созидательности насилия, проявилось столько людоедского и нежизненно искусственного — надлежало притягивать к утопическим догмам живую жизнь.

Свергли монархию и установили диктатуру пролетариата — самую свирепую из всех возможных диктатур, после которой те годы мнятся немислимо демократическими и зажиточными, хотя это далеко не так — иначе народ не поднялся бы в Феврале семнадцатого. Тут весь вопрос с «немислимой демократичностью и зажиточностью» — в сравнении с чем?..

Ленинизм и все его последующее развитие — это абсолютный пик жестокости, это надругательство над здравым смыслом и всеобщая обездоленность. Разумеется, если со Старой площади дадут команду для «Правды» (в просторечии — закажут статью), то эта газета докажет совершенно все (к примеру, что смерть — лучше жизни, а лед образуется лишь при самой высокой температуре, которая достижима на Земле). Именно подобного рода доказательствами она занималась 70 лет. Этим и еще... единомыслием.

В попытки освобождения бывшего царя и его семьи оказался вовлеченным и кайзер Вильгельм Второй. Поначалу он обещал безопасный переезд «опального» семейства в Англию: военно-морским силам Германии поступило соответствующее распоряжение. Это подтвердил и Керенский, до сведения которого Берлин сумел довести свое благородное решение.

Нет сомнений, германские правящие круги через советское правительство располагали достаточными сведениями о бывшем царе и его семействе.

Нет сомнений, германские правящие круги изыскали способ снестись с царем и получили решительный отказ содействовать Берлину в сепаратном сговоре с Россией и последующем расчленении ее (отторжении Украины и т. п.). За решение данных вопросов в пользу Германии Николаю Александровичу или другим Романовым посулили возвращение трона.

Трон ценой предательства Родины?..

Нет сомнений, высшее руководство Германии знало и о предстоящем расстреле (казни) Романовых и не стало препятствовать. Бывший император Николай Второй отпугнул их непримиримыми анти-немецкими настроениями, союзнической верностью Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Голландии... отказом уступать какие-либо земли бывшей Российской империи.

В этом — суть и в этом — приговор, который вполне сознательно подписал себе и своей семье Николай Александрович Романов, ибо за уступки по данным пунктам ему была обещана жизнь и, скорее всего, возвращение трона сыну.

Данная позиция Германской империи в свою очередь развязывала руки великому диалектику, ибо Брестский договор мог быть нарушен в отместку за расстрел Алисы Гессенской (супруги бывшего царя) — немецкой принцессы и ее 5 детей: тоже принцесс и принца немецкой крови. Именно о безопасности немецких принцесс и маленького принца официально запрашивали высшие должност-

ные лица Германии; сам бывший царь их интересовал лишь в планах, которые они намеревались протолкнуть при его участии. **Не вышло.**

Словом, казнь могла вызвать вторжение германских войск. Однако Берлин дал гарантию невмешательства — и Ленин не замедлил осуществить давнишнюю мечту-план.

Вильгельм Второй, безусловно, мог спасти бывшего царя. Большевики слишком зависели от Берлина, слишком нужен был им мир для устройства захваченной власти. Советская Россия не выдержала бы нападения с запада — Германии и уже начавшихся столь пугающе безнадежно боевых действий на востоке (чехословацкая и белая контрреволюции, но пока еще без Колчака), с юга уже пробовала давить Добровольческая Армия во главе с Деникиным, заменившим убитого Корнилова. К Деникину пристал Дон, восставший против красных. В подобных условиях большевизм оказывался обреченным. Если 60 тысяч легионеров в союзе с только что начинающимися складываться белыми частями (скорее, еще отрядами) опрокинули советскую власть по Волге, с ходу взяли Самару, Казань и потом, можно сказать, закупили Сибирь, то что натворили бы германские дивизии? Они вошли бы, как нож в масло, в плоть советской России — и это означало бы конец. Но Берлину нужны были дивизии на Западе, нужна была Украина — ее скот, зерно; нужно было дружественное правительство в Москве. На данную роль не годился Николай Александрович Романов, но отлично подходил Владимир Ильич Ульянов-Ленин. В Берлине взвесили все, вплоть до жизни маленького принца Алексея (немца по матушке).

Великий диалектик сообразил: удобнее момента история не предоставит. Мир поглощен войной, его не удивишь кровью, он изнемог от трупов и боли. С другой стороны, Германия даже заинтересована в истреблении Романовых.

Ну когда выпадет еще таковский фарт? Эх, Маркса нет в живых...

Из Москвы полетел приказ, аж провода задымили.

Английская высшая власть отвернулась от Николая и его детей. Тут всегда преобладал расчет. Чувства допускали лишь на сцену и на странички романов, тоже, впрочем, изрядно «подсохших» к началу XX столетия, размененных на шутку и парадоксы.

Германская высшая власть, и прежде всего Вильгельм Второй, молчаливо согласилась с намерением большевиков пригробить Романовых.

Николай Александрович Романов тоже принял участие в решении своей судьбы — остался верен долгу и России.

И был казнен.

И не зарыдали колокола по Руси. Еще бы, впереди новая зажиточно-беззаботная жизнь, да и куды тут лупить в колокола, ежели надо «грабить награбленное», в том числе и эти самые храмы.

Вот и вся правда.

Сухо, жестко всматривался в ту сторону, где Екатеринбург, вождь новой России. Лягут по крестьянской хляби России шпалы и рельсы будущего. И английская, и германская, и все прочие короны свалятся в грязь — быть миру советским. Перепашет его трудовой человек на свой лад. Кто был никем — тот станет всем!..

И дымилась земля кровью. Вот-вот границы лопнут, и хлынут кавалерийские лавы с алыми знаменами по полям Европы. Грянет мировая революция — это он (Ленин) знает совершенно определено. Пусть кривляются все эти... на тронах... и там в смокингах, в банках и на парадах... Завтра всех возьмет за глотки жилистая рука пролетария. Россия это уже доказала, сама Россия — уже доказательство!..

Верить «позднepenсионным» сообщениям бывшего кайзера Вильгельма не приходится. Не мог он открыть правду — кровь царского семейства и всех Романовых не окропила его одежды, а вымочила, так что стала одного цвета с красным пролетарским флагом.

Как он мог рассказать о том, чему нет прощения: об убийстве детей, своих дальних родственников? Да и как верить: слыл бывший кайзер позером, трусом и фальшивым человеком — это дружно отмечали едва ли не все более или менее близкие к Вильгельму люди.

Знал все, что ожидает Романовых, поскольку большевики прощупывали почву. Оступаться им было нельзя, это уже была бы погибель. Следовало убрать с дороги непримиримого врага захватнических устремлений Германии, а значит, и его, Вильгельма Второго.

И убрали!

И что бы там после ни сообщал доверительно бывший кайзер английскому историку — генералу Уоллскорту Уотерсу (даже сам Его величество король Георг Пятый озлился), а о том, что Романовы будут казнены, — знал, ибо решающим в этом деле являлось прежде всего его согласие. **Без данного согласия ни Ленин, ни Свердлов, ни вся большевистская рать не посмели бы расправиться с Романовыми. Ослушание Берлина означало для них самоубийство.** Чересчур трезвым, даже цинично-расчетливым был создатель коммунистической партии. Да ни в жизнь не стал бы из-за Романовых рисковать своим детищем — Октябрьской революцией и «рабоче-крестьянской» республикой. **Загнал бы Романовых в острог, за тройные каменные стены, гноил бы в камерах без света, харчей и прогулок, но не отважился бы на риск войны с Германией.** Крепко запомнил главный вождь, во что обошелся отказ Троцкого подписать Брестский договор: ошутимейшим утяжелением условий мира между РСФСР и Германией.

Немцы прощупали бывшего русского самодержца (были такие гонцы от Берлина) — тот дал резкий отпор всем предложениям Берлина: даже в плену, в мерзостях заточения чувствовал великую ответственность за Россию. Это, именно это и определило судьбу Романовых — пали, но не предали Родину.

Немцев в свою очередь прощупал Ленин: имеется необходимость искоренения Романовых. Из черно-стального Берлина молча кивнули.

Голощекин с Белобородовым приняли шифровку.

Сторож Екатеринбургского исполкома Лылов приготовил мешки — рассовывать и тащить барахло из Ипатьевского особняка, вот вот поклечут...

Юровский скрупулезно точно исполнил распоряжение Ленина, одобренное Берлином. Штыками добили девчонку и Демидову — будут довольны во всем мире. В Лондоне отслужат молебен, там куда как осведомлены в правилах хорошего тона. А крейсер «Кент» доставит из Владивостока остатки личных вещей Романовых, все же кузеном доводился царь королю Георгу, родня.

Вот и ударили пули. Потому что история не могла дальше иметь свободный ход без крови Николая Александровича и его жены с дочерьми и сыном. Ну не было ей разворота и нужного развития без твердых рук чекистов, кислоты, костров и ямы поперек проселка. Земная цивилизация обретала через ту бойню дополнительное достоинство и ценность.

Кроваво пузырилась Россия, вступая в свою цивилизацию — чекистскую.

Спустя много лет после гибели царя и его семейства посол Великобритании Бьюкенен отметил в воспоминаниях:

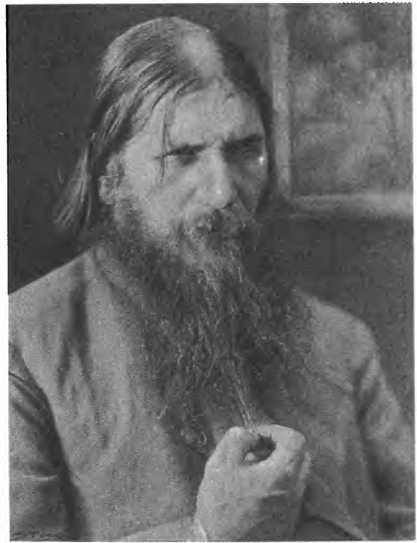
«...Я установил, что Англия никогда не имела более лояльного друга и союзника, чем император Николай. Он был верен нам вплоть до самого конца, так как есть основание думать, что если бы он согласился выкупить свою жизнь и свободу в обмен за признание и утверждение Брест-Литовского договора, то германцы спасли бы его».

Посол Бьюкенен был осведомленным служащим. Он, без сомнения, знал о контактах германского правительства с бывшим русским императором.

Ленин черпал поддержку не только в беспощадном избиении непокорных и назначенных к тому так называемых враждебных классов. Перефразируя Чернышевского, можно сказать, что большевизм находил поддержку в «персоне», под которой Николай Гаврилович подразумевал не что иное, как большинство народа, то самое, которым обычно стоит государственный порядок.

О провале Крымской войны (1853—1856) он же писал, что не только николаевское правительство, но и «общество» виновато в ужасах крымского поражения и чудовищного разложения государственных устоев. Это опять-таки с полным основанием относится и к нашему времени. Именно эта «персона» (большинство народа) вкуче с РКП(б)-КПСС и несет ответственность за крайнюю степень обнищания и ослабления государства, не говоря о его распаде.

Какое-то время народ и партия и в самом деле были едины — тут

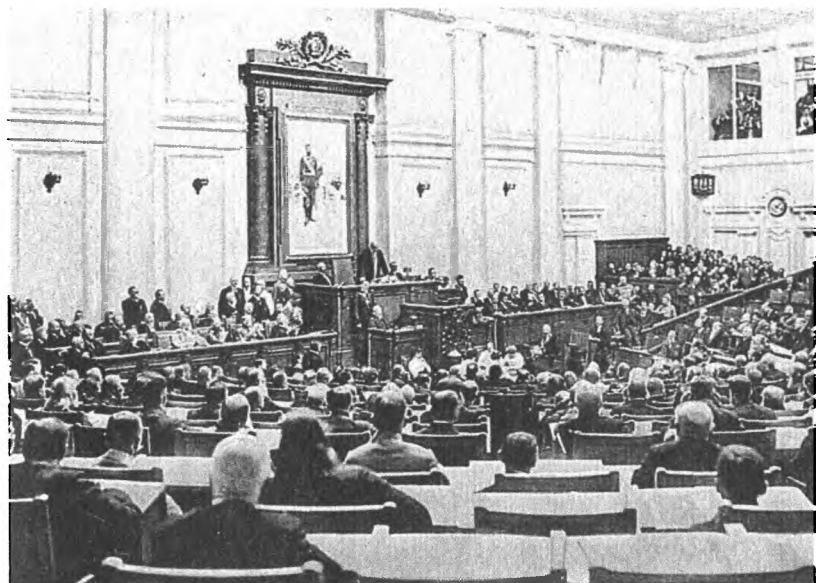
Немного найдется лиц в истории, которые не нуждаются в представлении. Среди них — Г. Е. Распутин.

Распутин у себя дома среди великосветских поклонниц. По левую руку «старца» — небызвестная генеральша Лохтина, по правую — его секретарь Муня Головина. Стоит — известный авантюрист, тоже секретарь «старца», тайный осведомитель охраны Манасевич-Мануйлов.

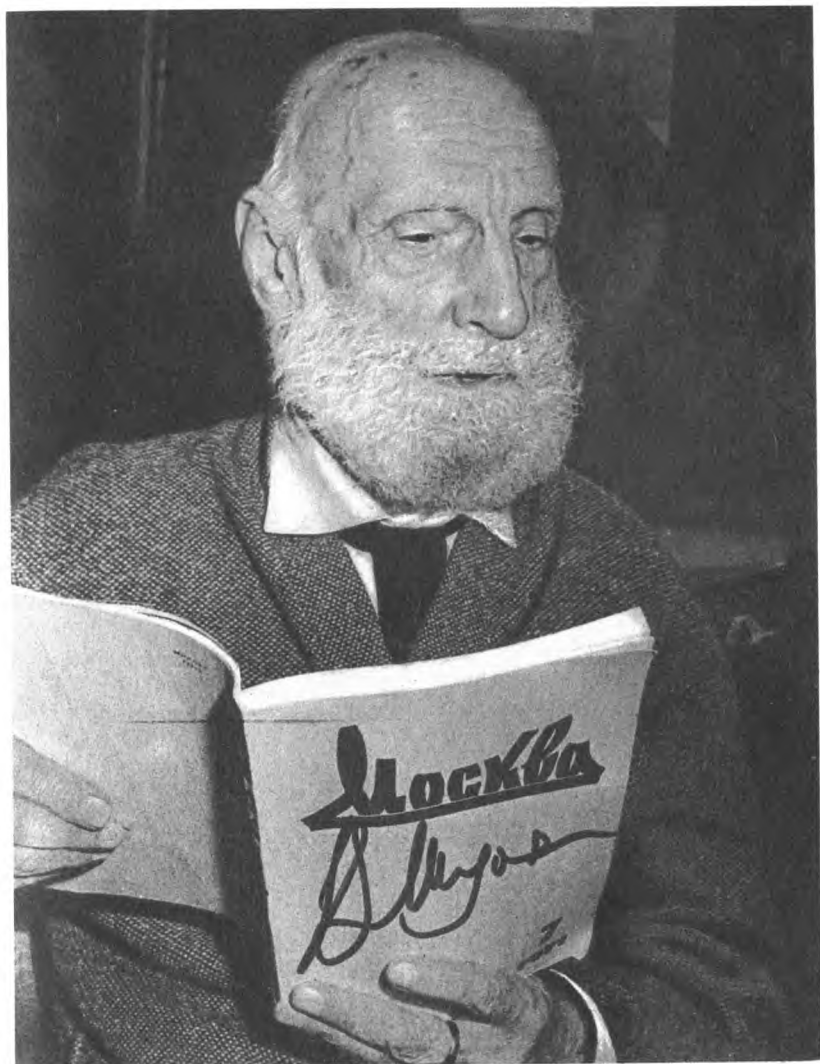
А. А. Вырубова, урожденная Танеева, — близкая подруга последней императрицы. Кроткая, глубоко религиозная женщина, злобно оклеветанная революционно-либеральной печатью. Скончалась в эмиграции весной 1964 г.

Таврический дворец. Одно из заседаний Государственной думы четвертого созыва.

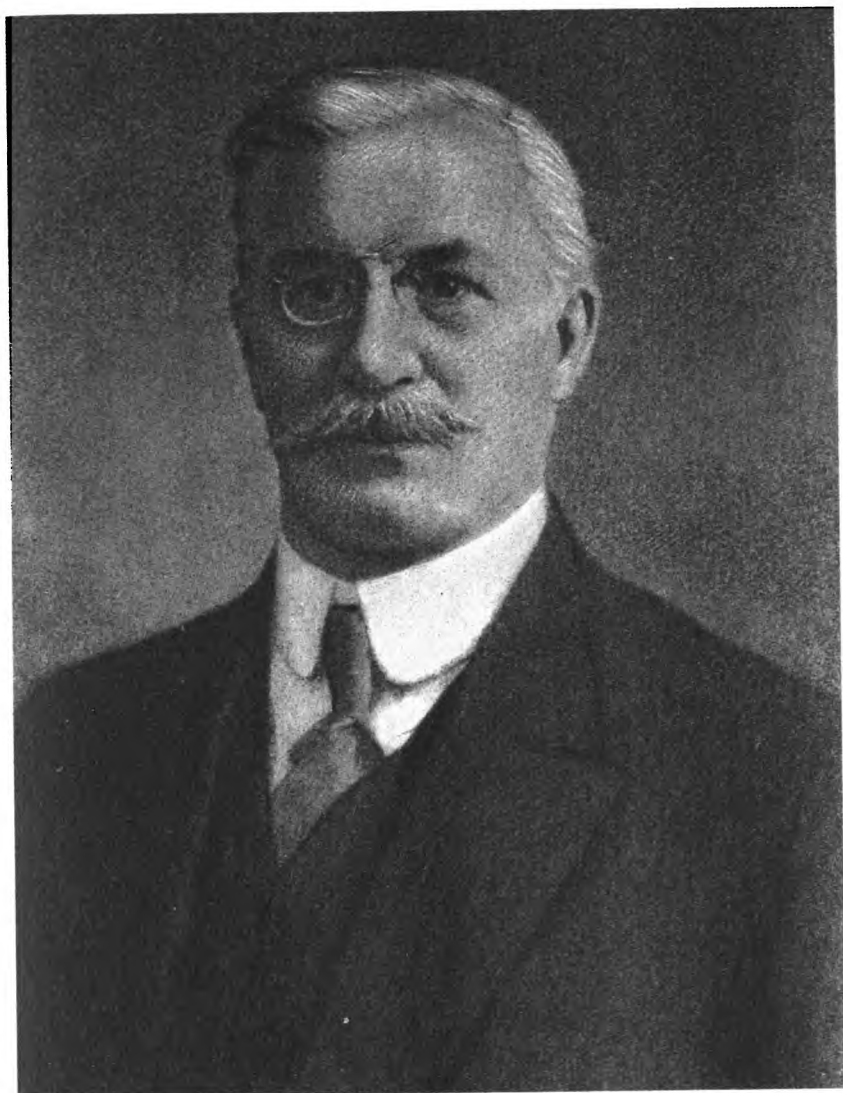
Председатель Государственной думы
третьего и четвертого созывов
М. В. Родзянко.

Один из лидеров русских националистов и монархистов в Государственной думе В. В. Шульгин. Скончался 99 лет, пережив всех деятелей революции 1917 г.

Председатель Государственной думы
третьего созыва и член думы четвертого
созыва А. И. Гучков.

Член Государственной думы третьего и четвертого созывов П. Н. Милуков — лидер партии кадетов («народной свободы»).

Министр-председатель Временного правительства, член Государственной думы четвертого созыва А. Ф. Керенский.

Один из гвардейских полков, отрекшись от присяги царю, приветствует Февральскую революцию.

«Великая и бескровная» Февральская революция во многом напоминала театрализованное представление. Это был политический фарс — пролог великого кровавого действия большевизма.

Женские ударные батальоны на Красной площади в мае 1917-го. Присяга на верность новой России — России без императорского двуглавого орла.

Отряды коммунарок на Красной площади в октябре 1918-го. Присяга на верность Великой пролетарской революции.

Общий вид дома Инат'ева, где в 1918 г. томилась в заключении и была расстреляна семья последнего императора России.

Генерал М. К. Дитерихс.

Следователь Н. А. Соколов. «Правда Твоя — Правда вовеки».

Первый состав Уралсовета. 1918 г.

В первом ряду слева направо: неизвестный, Александр Белобородов, Быков, в центре с фуражкой в руках — Сосновский (видный большевик, связанный с семьей Юровского), двое неизвестных и крайний справа — Филипп Голощекин. За Сосновским стоит Сафаров.

Главный исполнитель плана убийства царской семьи комиссар Я. М. Юровский.

Областной Исполнительный Комитет Советов Урала.

ТЕЛЕГРАММА

ПЕРЕДАНА

3786

ЕКАТЕРИНБУРГА

191 г. № 2029

ПОДАНА

Служб. ответки

133

17/21

лит В.

ОСКВА Кремль Секретаря совнархоза ГОРЕВУОВУ

о обратной проверке

3934354209353649262727284033306027262349341351284134314223

6145343426483942272347254222326022023414615428433142211

2262619212831333538443427403433283450264322442628493333422

37342678262917

Белобородов

УЧЕТ ИДЕЯТИМНОГО СОВЕТА

Июль 1918-го.

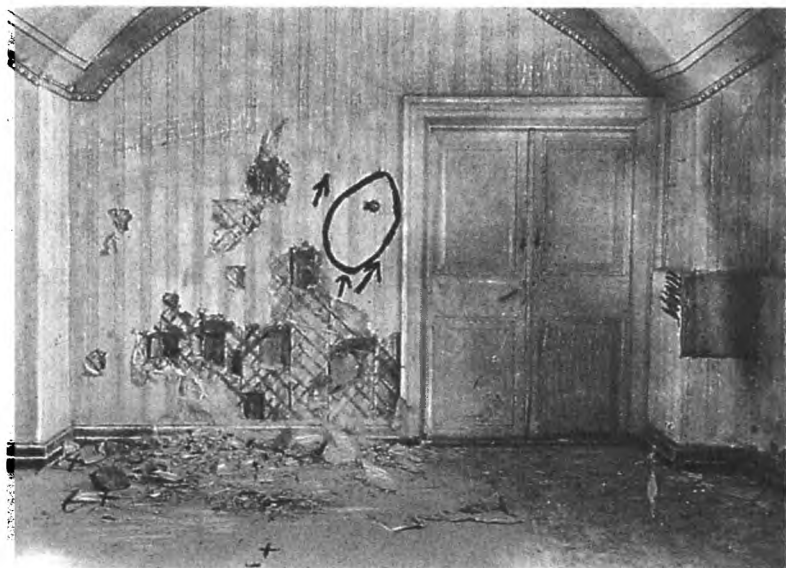
Одна из секретных телеграмм Белобородова, обнаруженная (впоследствии расшифрованная) белыми в помещении Уралсовета и уличающая Ленина и Свердлова в руководстве убийством Романовых.

Семья последнего российского императора.
«Я скажу про них просто: это была самая
святая и чистая семья...»

По этим ступенькам царская семья сошла вниз навстречу пулям чекистов в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. По этим ступенькам сошла и вся необъятная Россия...

Следы пуль и штыков на стене нижней комнаты дома Ипатьева. Такой ее увидел следователь Соколов.

натяжки нет. И этого времени оказалось достаточно, дабы зло, укorenившись и став Системой, его же, государство, и подкосило.

Есть вожди, через которых нация выражает свое величие, а есть и такие, через которых изрыгает гной и скверну.

В образах, характеристиках и делах (не выдуманных, а сугубо доподлинных, зафиксированных рукой следователя) многих десятков людей (не выбранных намеренно, а выхваченных из гущи народа), причастных к расстрелу Романовых, отразилась вся та Россия, что составила ядро революции.

Участники расправы (от сторожа Лылова, охраняющего Урал-исполком, до Юровского) составили тот точный исторический слепок с нее, который дает беспристрастное представление о том, какие силы подпирали советскую власть и составили в будущем ее основу.

Тень этих событий, этих нелюдей в образах и плоти живых людей легла и на наши дни, став нашей судьбой.

Именно в этом прежде всего тот возрастающий интерес к событиям в доме Ипатьева.

Первый президент России¹ (а в недавнем прошлом правоверный секретарь обкома, что вплоть до августа 1991 г. означало принадлежность к сонму Непогрешимых — жестоких утеснителей жизни) Б. Н. Ельцин рассказывает в книге «Исповедь на заданную тему»:

«Именно в те годы, когда я находился на посту первого секретаря обкома (Свердловского. — Ю. В.), дом Ипатьевых был разрушен...

Близилась одна из дат, связанная с жизнью последнего русского царя... Это подхлестнуло интерес к дому Ипатьевых, люди приезжали посмотреть на него даже из других городов...

По каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых дошла и до Москвы. Не знаю, какие механизмы сработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее скоро получаю секретный пакет из Москвы.

Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали».

Это случилось в 1977 г.

¹ Первый — конечно же, лишь по нумерации, не более.

Наши выводы и рассуждения подкрепляют оценки Бажанова. С воспоминаниями бывшего секретаря и помощника Сталина я познакомился уже после опубликования «Огненного Креста» издательством «Новости». Тем более важно это, по сути, дословное совпадение основных выводов и наблюдений. Важно прежде всего оттого, что Бажанов был тем человеком, кто едва ли не каждый день мог наблюдать Сталина (и по многу раз) и все так называемое ленинское окружение — живы были все соратники Ленина. Людоедская, безнравственная и невежественная суть этих людей вызывает у Бажанова непреодолимое желание бежать. Ничего, кроме кошмара, эти люди создать на земле не способны.

Итак, Бажанов пишет:

«Практика коммунистической революции — это практика Ленина и ленинизма. Она заключается в том, что, чем более страна бедна, дика, отстала, невежественна и некультурна, тем больше в ней шансов на коммунистическую революцию. Если вдуматься, в этом нет ничего удивительного. Суть коммунизма — возбуждение зависти и ненависти у бедных против более богатых. Чем люди беднее, чем они проще, чем они невежественнее, тем больше успех коммунистической пропаганды, тем больше шансов на успех коммунистической революции. Он обеспечен в странах Африки, в нищих человеческих муравейниках Азии; в развитые страны Европы он до сих пор смог быть введен только на советских танках — силой. Нечего и говорить, что зависть и ненависть используются лишь для того, чтобы натравить одни слои населения на другие, для социальной вражды, для подавления, для истребления, для того, чтобы добиться власти. А затем все превращается в хорошо организованную каторгу, в которую заключается вся страна, и узкая коммунистическая верхушка ею командует.

Цель операции — мировое вооруженное ограбление и создание мирового рабовладельческого общества, роботизация всего мира, которым будут жестоко управлять, широко пользуясь абсолютной властью, бездушные и тупые бюрократы «партии»...»

Что еще добавить?

Все так и было и еще может быть.

Я прожил в этой системе полвека. Нищета мысли, нищета реальной жизни и одно непрекращающееся глумление над здравым смыслом. Мука удушения любой независимой мысли в тебе и каждом.

Ленинизм, партиец, чекист («гэбэшник»)...

Даже неверующему хочется осенить себя крестным знаменем...

Ослепнуть, окаменеть, потерять память, но забыть эти слова, забыть!

Кровь, голод, страдания народа..

Глумление, бесстыдный поголовный сыск...

Патологическая жадность до власти и обман, обман.

Как же ты, Боже, носишь их по земле?..

Как же нам жить?
Господь... твердыня наша...

Капитализм, согласно марксизму-ленинизму, — злейший враг человечества. Его уничтожение — цель каждого советского человека от рождения. Порази кризис, и глобально, капитализм, социалистическая система предприняла бы все для его разрушения. Не кредиты и не сочувствие получил бы капиталистический мир, а злобно-злорадное поношение, точнее отходную, похоронную; не помощь, а насильственную советизацию мира до самого ничтожного клочка суши — одна огромная казарма со всемирной коммунистической партией и гигантским межконтинентальным КГБ. И горе посмевавшему встать на пути номенклатурно-секретарской знати!

Помните ленинские откровения?

«...На основании тех же наблюдений и принимая во внимание деятельность нарастания мировой социалистической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами...

Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, **закроют глаза** на указанную выше действительность и превратятся таким образом в **глухонемых слепцов**. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах, и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстаноят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против **наших поставщиков**. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке собственного самоубийства...»¹

В общем, все произошло бы по екатеринбургско-лубянской истребительной схеме. Впрочем, это отчасти и свершилось после разгрома гитлеровской Германии и присоединения стран Восточной Европы к советскому блоку — танками, интригами, лагерями, ложью. Советизация мира являлась самой заветной, самой дорогой мечтой коммунистов: чтобы все человечество было только одного цвета — ни малейших оттенков красного, только красный, всегда красный. Однако не дотянулась «миллионопалая», упала обессилено, изгнила раньше. Не искрошила «я» в общее рабское «мы». Не замазала всех в один цвет — все чувства, мысли, намерения на один манер. Все как один взведенный механизм.

И один торжествующий шаг, одна благодарно-торжествующая песня.

Дядю мы слушались — хорошо накушались!
Если бы не слушались — мы бы не накушались!

Ох, как накушались!..

¹ Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Т. II. Международное литературное содружество, 1966, с. 280.

Глава VI

СМУТА

Всего царского корня истреблено было — и малолеток, и взрослых — 19 душ. Это Самсон Игнатьевич самолично подсчитал по «Памятной книжке за 1913 год» — крохотная такая, на ладони уместится — красный ледерин с золотым тиснением. Ежегодником Самсон Игнатьевич дорожил до чрезвычайности и только единожды позволил подержать, скорчив при этом такую физиономию и так напрягшись, — я и удовольствия не получил. Жлоб есть жлоб...

Закралось в меня нехорошее подозрение: вряд ли случаен данный подсчет. Искал Самсон Игнатьевич в свое время повод отличиться на каком-нибудь Романове, ну хоть самом захудалом, пусть даже из Лейхтенбергских. И ежели не искал, так в мыслях пробовал. Уж как хорошо коротать век народным мстителем!

Как я сейчас понимаю, на комиссара Юровского Самсон Игнатьевич материала не имел и ничего молвить о нем не мог — загадочная фигура, да и только! Сам же Николай Второй называл Юровского почему-то комендантом. До самых зрелых лет оставались для меня тайной и биография, и судьба товарища Юровского.

И жаль мне товарища Ермакова, не повезло, безвестный он борец за народное счастье. Да за ипатьевское дело по нынешним временам полагалась бы Золотая Звезда Героя, да не одна, а по мере исполнения разных юбилейных дат. И вообще, множество географических пунктов и промышленных объектов удостоилось бы его народного имени, так и писали бы: народный мститель. И все «градусные» дела он благополучно решал бы как персональный пенсионер союзного значения.

Самсон Игнатьевич не рассказывал о крушении Александра Георгиевича Белобородова. Щекотливое это дело, из самых секретных и опасных. Но из намеков, недомолвок и одной почти целой истории я могу многое дорисовать воображением.

Строптив, горд был нарком внутренних дел РСФСР Белобородов, как есть орел. На высоких конференциях и съездах давал

понять новым вождям партии (все новыми именами светили из политбюро): пусть не гнут, не стараются — не осилить им его, потомственного пролетария и ленинца самой что ни на есть высшей пробы. И когда сокрушал Сталин своих недругов и вообще всех подряд, Белобородов не вскакивал на собраниях при упоминании нового хозяина страны и не надоедал с предложениями об избрании его, Сталина, в почетный президиум. Ну в упор не видит этого интригана, а тут еще хлопать! А хрена козлиного не хочешь?!

О революции и своих правах Белобородов имел правильные понятия. Сам казнил, и на многие тыщи счет, но не гнул. Начисто отсутствовала в нем такая способность — ну ровно не живой человек и не были его деды крепостными. Почитал как святыню марксизм, а Ленина за святого хранил в душе. Разинско-пугачевской закваски был, а это наипервейший материал для «женевской» образины.

«Последний раз увидел я Белобородова на областной партийной конференции, — напрягал память в оживлении прошлого тишайший Самсон Игнатьевич. — В январе 1927 года к нам, в Свердловск, приехали Куйбышев и Белобородов, с ними и другие докладчики из Москвы, но на второстепенных ролях, хотя Мрачковский¹ — фигура в партии! В дискуссии о партии линию Сталина защищал Куйбышев. Белобородов поддерживал Троцкого. Для него Троцкий являлся как бы продолжением Ленина, конечно, не в полном выражении... Начальству велели подготовиться из Москвы. А оно в свою очередь взялось учить нас хором выкрикивать: «Долой Белобородова! Да здравствует Сталин!» Недели за две до конференции все это началось. Ораторов готовили — как и что произносить. Во как! И чтоб не сбивались на реплики заезжих знаменитостей, пусть хоть зал гогочет, а знай гни свое... Та всесоюзная дискуссия потрясла партию и страну. Старые пролетарские центры, как Ленинград и Урал, на дыбы против вождизма Сталина. В Ленинграде еще сохранялся настоящий потомственный пролетариат, еще не успела его разбавить вчерашняя деревенщина. У этих, из деревни, вся сознательность в газетной передовице или лишнем целковом. Против Сталина не один раз возникали демонстрации — могучие, на десятки тысяч людей. Их милиция с войсками ГПУ рассеивали. До рукопашных доходило. Что я видел — и не поверишь, Юрка!..

¹ Сергей Витальевич Мрачковский — почти такого же «роста» в партии, как и Голощекин. Кстати, они и были дружны. Мрачковский имел прямое отношение к расправе над царским семейством. В те месяцы восемнадцатого являлся «комиссаром-оратором 1-й боевой Уральской дружины». Это Сергей Витальевич производил запись добровольцев в охрану дома Ипатьева. А дальше все по тому же сценарию: Мрачковский будет осужден по процессу Зиновьева — Каменева в августе 1936-го и ляжет в землю с пулевым отверстием в черепе.

Областную дискуссию организовали в Деловом клубе (весь партактив привлекли, человек семьсот) — это клуб инженерно-технических работников. Зал там вместительный, удобные стулья; и фойе солидное, приятный вестибюль. На первом этаже — столовая и раздевалка. На второй этаж — мраморная лестница в два марша. И только портреты Ленина и Свердлова — другие тогда в голову не пришло бы повесить...

Клуб охранял взвод гэпэушников.

В первый день дискуссии выступил Куйбышев — ну жевал слова! Жиденькие ему за то хлопочки. Тогда ведь, Юрка, по бумажкам свой ум не доказывали. Каждый говорил как умеет и как понимает. Куйбышев зачитал нам и завещание Ленина — смотри, сколь утаивали! Тут же приосанился и объявляет, мол, товарищ Сталин просил передать: недостатки, отмеченные Лениным, он учтет и впредь не допустит ничего подобного, в чем и дает партии клятву... После пожара да за водой...

И уж тут один оратор за другим: только такой работник, как Сталин, способен руководить партией в данных сложных обстоятельствах... Ну наши, из подготовленных и подговоренных. Ты же знаешь, в партии... тьфу, откуда тебе знать, малой ты еще!.. В партии, Юрка, нет свободной жизни — всё на указках и страхе...

Наш Ермаков перед Куйбышевым по части градусных дел — ну щенок: не дыра была в глотке у Валериана Владимировича, а дырища! Без бутылки для него вечер не в вечер. За десять шагов шибает перегаром. Ну отравы, не мужик!.. И не от работы он сгорел — сердце от водки перегрузилось...

Слушаем, зеваем. День морозный, с узорцами по окнам, а в зале тепло, уютно. Ноги вытянешь, в креслице поутопнешь — и в сон морит. Тут бы еще и Машку под бок... За что ценю аппаратно-партийную работу: не надо кайлом махать, спину надсаживать, мотаться за этот самый рублишко как скаженный. Главное — коммунистам установку дать, звонками обеспечить выполнение, при необходимости выступить или проверку учинить... На одно только нужен свой талант: недосказанное читать в распоряжениях начальства — и ты кум королю, зять императору! Вроде паразитов, да?.. А только без этих паразитов замрет ход наших хозяйственных дел, да и самой советской власти. За каждым догляд нужен. Как выпустишь из надзора — врассып дело. Все нужно подхлестывать, показывать, вынюхивать.

Дело у нас, Юрка, не может нормальный оборот иметь. Без партийного надзора непременно или врассып, или вкривь пойдет, а то и вовсе уголовщиной обернется. Нет у нашей советской хозяйственной машины своей внутренней потребности к производству и улучшению — надо направление показывать, стегать, наградами прельщать, тюрьмой грозить...

Сижусь я и об этом самом про себя рассуждаю. Вдруг — шум, команды. Что-то не так за окнами. Я сидел в последнем ряду, мне

выскользнуть ничего не стоило. Я из зала — и на улицу. Мать честная: наш Белобородов! Выстроил гэпэушную охрану и рассказывает. Мороз градусов на тридцать, а он все в той же кожанке без подкладки: ладный, сбитой — ну гранит! И так громко, отчетливо спрашивает у охраны:

— Вы кому служите, товарищи?

Ему из строя говорят:

— Служим трудовому народу, товарищ народный комиссар!

А Белобородов как рявкнет:

— Не повторяйте глупости! Вы служите авантюристу Сталину!¹

Я, Юрка, разинул рот, глаза вытаращил и кумекаю: «Ну и ну!» А сам я тоже без пальтишка, в одной косоворотке — и не мерзну. От таких слов любой мороз в жар!

А Белобородов объявляет:

— Слушай приказ! Вам здесь делать нечего! Если мы вместе совершали революцию, от кого вы собираетесь защищать нас?!

И распустил охрану по домам властью народного комиссара внутренних дел Российской республики! Во как! Орел!

Я ходу в зал. Ну, думаю, сейчас будет! А уж в вестибюле, в фойе за ним люди подсматривают, не одному мне интересно. А все же приятно, когда против общей линии есть кому возразить... И вот бывает так в лесу: тихо — и вдруг ветерок потянет, лес и зашумит от края до края. Вот так и Белобородов появился. В зале как ветром плеснуло. А он и бровью не повел, подходит к первому ряду, садится. С пяток ораторов пропускает, слушает, сам не шелохнется — ну гранит!

Объявляют:

— Слово товарищу Белобородову!

А мы на что? Как завоем:

— Долой Белобородова!

Топаем, свистим. Кто-то надрывается:

— Да здравствует Сталин!

Словом, стихийное народное выражение чувств. Чуешь?

Белобородов долго стоял у трибуны. Каково ему? Ведь здесь, в этом городе, каких-то девять лет назад он, Александр Белобородов, за вождя для любого был, законом было его слово. Ленин его на путь вывел. Здесь, на Вознесенской улице, истребил царский вывенок под корень, чтобы свободнее дышалось рабочему человеку. Аж по всему свету эхом отозвалось! А теперь?!

¹ Именно о тех днях вспоминал Троцкий: «Я жил уже не в Кремле, а на квартире у моего друга Белобородова, который все еще числился народным комиссаром внутренних дел, хотя его самого по пятам преследовали агенты ГПУ». Шел 1927 г.

Вот в чем, оказывается, причина крушения Белобородова: независимый характер — это одно, а вот дружба с Троцким — это для Сталина не прегрешение, это — преступление, страшнее которого ничего и быть не может.

Терпел он, терпел да как ахнет графином. Графин — на куски, вода — фонтаном. У трибуны доски, где речи кладут, дыбом. По залу — враз тишина! Ну будто он этим самым графином нам по мордасам хряснул.

Уважает народ силу, сразу присмирели...

А он и говорить не стал, обвел зал взглядом. Медленно так смотрел, долго. И пошел со сцены. На весь зал скрип сапог да шаг, каменный шаг, с каблука.

Тут мы осмелели, вроде слабину дает мужик, — и опять за свое. Ну изгаляемся! А как же, сознательные!

Он подошел к самому выходу — и во весь голосище, а он у него басовитый, митинговый:

— Свистите, свистите, подлецы! Настанет день — и заплачете кровавыми слезами! И день этот недалек! Что рты поразевали? Свистите, коли вам приказали! Своей-то башки нет!..

В аккурат справа от меня остановился. На лице — ни растерянности, ни злобы — ну гранит!

Зал — со своих мест. Веришь, Юрка, многие вскочили на стулья. И со всех сторон ни крики, а стон:

— Сашка, мы сами ничего не понимаем! Нам приказывают! Что происходит, Саша? Научи, объясни!..

А ты что думал, Юрка: не знаешь и какому Богу молиться.

А он не пошел на трибуну. Протиснулся по ряду, что в середине, залез на стул — и закатил речь! Соколу лес не страшен. Из президиума — звонки, выкрики. На них — ноль внимания. Куйбышев — за сердце, его водой отпаивают. Белобородова же здесь знают, вожак нашим был; надежный, из ленинцев, вместе под пули ходили, голодали.

А знаешь, как закончил?

— Сталин, — говорит, — был и есть авантюрист! Он убирает и ошельмовывает всех, кто препятствует его бесконтрольной власти над партией и страной! Если не остановить сейчас, будет поздно! Настанет день — и всех вас, не только меня, а и вас тоже, перережут, а вы за него глотки дерете, голосуете, жизнью не щадите! Да он всех вас одурачивает! Неужто слепы?! Это же не дискуссия — это захват власти в партии и стране антинародной и антиленинской группировкой Сталина!..

Белобородов относился к непримиримым противникам превращения партии в оружие Сталина, в средство...

А знаешь, что сказал об обещании Сталина партии?

— Мягкие слова, — говорит, — кости ломают!

Не ошибся Саша. Еще как ломали... полегли мои дружки, пали... и не сосчитать...

На следующий день из президиума объявляют:

— Вчера Белобородов был на таком-то и таком-то заводах. Рабочие отменяют прежние резолюции и голосуют белобородовскую. Требуется срочно выделить делегации на данные предприятия.

К сожалению, Юрка, резолюция — вещь непрочная. Как уговорят людей, так и поступят. Обидно, вроде нет у людей своего разума. Эх, люди!..

Пока выделяли эти самые делегации, я, кстати, попал в одну из них и лично сам убеждал народ против Белобородова, он уже сломал все просталинские настроения в депо, а это опора куйбышевцев, сколько это депо обхаживали! Конференция мечется, выделяет новые делегации, а выделять-то уже некого. Белобородов в считанные дни всю область перевернул — все заводы, фабрики, рудники... депо-то за него, то бишь против Сталина и его выдвиженцев. А знаешь, что такое Уральская область в те годы? Это несколько нынешних уральских областей да еще такая махина, скажем, как Башкирия! Своя страна, да какая!

Везде Белобородов доказывал, что партия стремительно бюрократизируется, вылупляется правящая элита; рядовые большевики не имеют никакого отношения к той партии, которую сами составляют; все за них решают в кабинетах; генералы от партии вне критики, они непогрешимы...

Как ожог, такие слова!

Куйбышев опять на трибуну — плоская, поносная речь. А за Белобородовым уже такие колоритные фигуры, как Мрачковский и Уфимцев, — они тоже в объезд по заводам! Срыв конференции и бунт против сталинского ЦК! И возникают на Урале два обкома партии! Во симфония!

И в Ленинграде Сталину — труба!

Мы и они — центры исконной пролетарской культуры и традиций, а по стране основная рабочая масса сырая, вчерашние пахари. Для Сталина они свои: ни самостоятельности, ни сознания; лепи что угодно. Он и стал двигать их по всем направлениям: и в ВЧК-ОГПУ-НКВД, и в наркоматы, и в секретари разного уровня партийных организаций, и в суды... Таких налепил, прости Господи! И взаправду не ум выводил, а лапти...

И знаешь, как отмылись? Арестами, Юрка! Первые аресты членов партии за убеждения — до сих пор ничего подобного не случилось. До этого — выступай с мнениями — и не бойся, не выкрутят руки, а не то что там дырку в башке устроят.

Ленинградскую партийную организацию в значительном большинстве выслали в Среднюю Азию, у нас тоже взяли достаточно. Вождей оппозиции поостереглись трогать, ссылали мелочь, вроде для вразумления, но по сути это было не так. Партия еще не заменилась на сталинскую. С этим в Москве вынуждены были считаться. Еще не настал момент, хотя его всячески уторапливали.

Спустя полгода кое-кого вернули, но ненадолго. Главное — прием с арестами опробовали. Сошел, не поднялась партия! Стало быть, можно! Как в поговорке: „Снесла быка, снесет и теленка...“»

И вышло Белобородову «женевское» награждение. И может, не сама пытка и казнь столь страшны, как подлость полного и лживого забвения. Ну не было такого революционера, не казнил он Романо-

вых, не выполнял волю Ленина, не гнул к земле мятежных казаков, не ставил советскую власть на русской земле...

Так, враг и отброс...

Как я понимаю теперь тот тон и те выпученные глаза Самсона Игнатъевича: находился он среди тех, кто стоял на стульях и просил вразумления у Белобородова. И даже теперь, спустя столько лет, он — в потрясении от Белобородова: одного из тех немногих на его памяти, кто отстаивал свое право не вжиматься в муравьиные формы и ходить на ногах — не ползать на коленях.

На всю жизнь зашиб сердце Самсона Игнатъевича Белобородов.

Была еще у Самсона Игнатъевича любопытная книженция — иначе такие называют амбарными. Бумага синюшная, с кострицей. В книженцию он заносил цитаты. Нет, не Цицерона или Льва Толстого, а только Маркса и Ленина — к другим не питал доверия. Даже Энгельс находился у него на подозрении: недостаточно уважительно отзывался о России времен Крымской войны середины XIX века.

Эту книженцию Самсон Игнатъевич тоже не пускал мне в руки, а лишь полистывал перед носом, поговаривая: «Многое можно успеть, Юрка, коли научен цитатам. Голыми руками, вот так, уже не взять тебя...»

Все же мне удалось подсмотреть на последней страничке удивительную цитатку. Среди марксистских — ну совсем сирота! «Кратковременность жизни мы не получаем, а создаем сами. *Л. Сенека, римский философ*»

Сколько я знал Самсона Игнатъевича, а встать рядышком с ним побаивался и потому рад был, что не дает он ни этот цитатник, ни царскую книжицу. От обморожения был Самсон Игнатъевич синекрасный, иногда фиолетово-красный или даже черновато-багровый, потому что свою игру давала и водка. Тут Самсон Игнатъевич относился к себе беспощадно. Надо полагать, жизнь самым прямым образом зависела от поступления огненной влаги. Оттого щеки и подбородок походили цветом на мясной фарш. А уши! Во что же их превратил мороз в здравнице под Калинином! Почти до плеч висели какие-то плоские, дрябло-пухлые оладьи с рыжеватыми пучками волос. Они у него начинали зябнуть уже с градусов пяти тепла. И уже по теплу он начинал носить ушанку, а ежели кокетничал (то есть терпел, не утеплялся ушанкой), то тер уши каждые пять-шесть минут — так они у него нуждались в тепле. От мысли, что с возрастом и у меня может обозначиться нечто похожее, мне становилось неуютно.

И вообще Самсон Игнатъевич был очень чувствителен к холоду. Я даже подозреваю, что и цветы он любил не только из-за красоты: не могут они, как и он, без тепла и солнца.

Но почему «любил»? Самсон Игнатъевич и сейчас холит их на своей Пехотной улице, ибо переехал и живет теперь на Красной Горке и, несмотря на преклонные лета, весьма бодр. Мы с ним нет-нет да столкнемся.

А в далекие военные годы все жалели Самсона Игнатьевича, принимая его безобразие за боевое увечье. И, к моему стыду, Самсон Игнатьевич этим широко пользовался: никогда не выстаивал многочасовые очереди, ходил через офицерские служебные двери, отоваривая свои карточки, и всячески показывал всем, что много и тяжело страдал за общее дело.

19 июня 1905 г. государь император принял представителей московского объединенного съезда земств и городов — 14 человек, среди них будущий первый глава Временного правительства князь Г. Е. Львов¹, а также князь С. Н. Трубецкой, профессор Московского университета, маститый философ.

Первым к самодержцу обратился князь Трубецкой (что любопытно: министр двора граф (тогда еще барон) Фредерикс требовал от Трубецкого текст предполагаемого выступления — ну прямо наши времена, велика сила традиции!):

«...Нас привело сюда одно чувство — любовь к Отечеству и сознание долга перед Вами.

Мы знаем, Государь, что в эту минуту Вы страдаете больше всех нас. Нам было бы отрадно сказать Вам слово утешения, и если мы обращаемся к Вашему величеству теперь в такой необычной форме, то верьте, что к этому побуждает нас чувство долга и сознание общей опасности, которая велика, Государь.

В смуте, охватившей все государство, мы разумеем не крамолу, которая сама по себе, при нормальных условиях, не была бы опасна, а общий разлад... при котором власть осуждена на бессилие. Русский народ не утратил веры в Царя и несокрушимое могущество России, но именно поэтому он не может уразуметь наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; он (народ. — Ю. В.) чувствует себя обманутым, и в нем зарождается мысль, что обманывают Царя... Страшное слово «измена» произнесено, и народ ищет изменников решительно во всех: и в генералах, и в советниках ваших, и в нас, и во всех «господах» вообще. **Это чувство с разных сторон эксплуатируется** (выделено мною. — Ю. В.). Одни натравливают народ на помещиков, другие — на... образованные классы. Одни части населения возбуждаются против других. Ненависть, неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряется нуждой и горем, бесправием... тем более она заразительна, чем легче зажигает массы. Вот грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущие на местах, измерили до глубины во всем ее значении и о которой мы сочли долгом довести до сведения Вашего Императорского Величества. Единственный выход из всех внутренних бедствий — это путь, указанный Вами, Государь, — созыв избранных народа...

¹ В 1905 г. князь Львов был председателем тульской губернской управы и главой общеземской организации помощи раненым и больным.

Нужно, чтобы все Ваши подданные — равно и без различия — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдельные группы населения и группы общественные не исключались из представительства народного, не обращались бы тем самым во врагов обновленного строя; нужно, чтобы не было бесправных и обездоленных. Мы хотели бы, чтобы все Ваши подданные, хотя бы чужие нам по вере и крови, видели в России свое Отечество, в Вас — своего Государя; чтоб они чувствовали себя сынами России и любили Россию так же, как мы ее любим. Народное представительство должно служить делу объединения и мира внутреннего. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословным. Как русский Царь — не Царь дворян, не Царь крестьян или купцов, не Царь сословий, а Царь всей Руси, так и выборные люди, от всего населения призываемые, чтобы делать совместно с Вами ваше Государево дело, должны служить не сословным, а общегосударственным интересам...

Вот дело, которому должно послужить собрание народных представителей. Оно не может быть заплатой в старой системе бюрократических учреждений. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между ним и Вами не может быть воздвигнута новая стена в лице высших бюрократических учреждений Империи... Государь, когда призовете избранных народа — и станете с ними лицом к лицу, как мы стоим перед Вами...

Было бы пагубным противоречием призывать общественные силы к государственной работе и вместе с тем не допускать свободного суждения. Это подорвало бы доверие к осуществлению реформ, мешало бы успешному проведению их в жизнь».

После Трубецкого И. П. Федоров (петербургский гласный) рассказал государю императору о некоторых неотложных нуждах городов.

Государь император ответил (по отзывам участников встречи — с подкупающей искренностью и даже некоторой взволнованностью):

«...Я рад был выслушать вас. Не сомневаюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви к Родине в вашем непосредственном обращении ко мне.

Я вместе с вами и со всем народом моим всей душой скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех внутренних наших неурядицах.

Отбросьте ваши сомнения! Моя воля, воля Царская, созывать выборных от народа — непреклонна; привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день спешу и стою за этим делом...

Я твердо верю, что Россия выйдет обновленною из постигшего ее испытания...»

Для Николая Второго, самодержца с головы до пят (дикаря, влюбленного в свое самодержавие, — так молвит о нем однажды известный историк В. О. Ключевский), этот прием депутации

явился величайшим унижением. До смертного часа он будет ненавидеть подобные встречи и речи. Его заветнейшей мечтой будет уничтожение Государственной думы. Нет и не может быть выборного начала в России. Только скипетр, держава и его монаршья воля! Он знает свой долг перед народом. В нем, Николае, кровь великой Екатерины, Александра Благословенного и великого деда — Александра Освободителя!

Только ему дано читать волю Господа!

Он ведет Россию к миру и процветанию!

Велик Бог земли Русской!

Господь — твердыня наша...

На том же приеме князь Трубецкой заявит государю императору: «Государь, это не возмущение, это революция!» Усвоил князь урок французской революции 1789 г. Князь усвоил, но царь...

Определяла поведение последнего российского государя всепоглощающая религиозность. В общем, он покорялся судьбе, полагая, что так угодно Творцу. Трагедия его заключалась в том, что эта выдающаяся религиозность и обязанности хозяина огромного государства пребывали в вопиющем противоречии одна с другой.

Государь верил в мудрость Создателя.

Создатель распорядился его жизнью, жизнью близких, как и жизнью любого, — и государь ясно смотрел на любой разворот событий. Но те, кто распорядился судьбами людей после Октября 1917 г., верили в совершенно другое и вели дела отнюдь не по-христиански.

Даже если бы Николай Александрович Романов не был государем, а коротал дни, как обыкновенный из смертных, он все равно оказался бы обреченным, ибо «машина из Женевы» не признает за своих тех, у кого есть стержень убеждений, кто не способен гнуться и принимать любые формы, по преимуществу — муравьиные; ну нет машине смысла на таких замахиваться!..

В 1905 г. государь император вынашивал мысль о восстановлении патриаршества, упраздненного Петром Великим (последним патриархом был святейший Адриан). Монарх решил отречься и принять сан патриарха всея Руси. Он собрал совет высших иерархов церкви: они не выразили одобрения. Государь император был глубоко уязвлен в своих самых лучших и высоких побуждениях: и в самом деле, что выше служения Богу!

Последний российский самодержец свято верил в предопределенность того, что случается, как и в то, что его как самодержца вел Божий промысел.

Живя среди икон, молитв, Николай Александрович как-то упустил из виду, что он земной владыка и что, кроме Бога, существуют пушки, хлеб и голодный, раздраженный народ.

Конечно же, наиболее резкие оценки Николая Второго исходили от большевизма. В статье «Николай II» Троицкий пишет:

«Он хочет одного: охранения самодержавного идиотизма, общественной и государственной неподвижности. И он ищет людей и средств, которые дали бы ему возможность преодолеть козни и чары исторического процесса. Победоносцев, князь Мещерский, Плеве, князь Сергей, мощи Серафима Саровского, Зубатов, чудодей Филипп, Азеф, молебны и расстрелы, Столыпин и Распутин, спиритизм и провокация — он за все хватается, то поочередно, то одновременно, чтоб приостановить колесо развития.

Но оно не останавливается. Романов озлобляется... Он быстро привыкает к веревке, свинцу, кандалам, крови...»

Мало кому известно, что в 1898 г. Николай Второй обратился к великим державам с предложением сообща обсудить меры к ограничению вооружений и предотвращению войн.

Однажды духовник Николая Второго долго и настойчиво пытался раскрыть глаза царю на действительное состояние дел в стране.

Николай прервал его, сказав: «Я полагаюсь на Бога, если Богу угодно — все обойдется».

Здесь весь Николай.

Покорность событиям являлась не столько его природным свойством, сколько следствием религиозного воспитания. Он уже не мог быть другим. Эта убежденность наложила на волю и вообще характер государя то, в большинстве своем спокойное, безоблачное, состояние духа, которое многие принимали за недалекость и легкомыслие. К тому же темперамент и особенно воля этого человека были придушены полупрезрительным обхождением деспотичного отца и настойчивостью вечно взведенной и склонной к истеричности жены.

Мать бывшей императрицы Александры Федоровны была дочерью королевы Виктории, а английский король Георг Пятый и Николай Второй были двоюродными братьями. Николай Александрович владел английским в совершенстве, говорил с оксфордским акцентом. С женой он разговаривал по-английски, с детьми — поруски.

В годы мировой войны Александра Федоровна отзывалась о германском императоре весьма резко: «комедиант», «фальшивый человек», «презренный человек, унижившийся до таких приемов борьбы, как общение с большевиками». Как видим, связь большевиков с Берлином не составляла секрета для бывшей императорской четы. Они шли навстречу смерти сознательно. Во всяком случае, исключали жизнь, купленную бесчестьем.

После гибели царской семьи камердинер императрицы Волков, давая показания Соколову, сказал:

— Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья...

Николай Второй с головы до пят был человеком веры и жить старался согласно христианским воззрениям, выверенным на его государственные обязанности. И силу — стоять наперекор собы-

тиям и любимым ударам судьбы — давала ему все та же неизбывная вера в Творца и свою избранность.

Хотел этого государь или не хотел, но он сам шел навстречу катастрофе, определенным образом потворствовал пагубным для престола событиям, ускорял события, и отнюдь не в свою пользу. Он, разумеется, и предполагать не смел, что это может обернуться для него гибелью, и тем более гибелью близких, но знал совершенно определенно: он не отступит от принципов самодержавия, внушенных отцом и всеми традициями российского престола. И это упорство придало кризису особую остроту и разрушительность.

К тому же прибавлялось неослабное влияние Александры Федоровны. Она писала августейшему супругу:

«Мы Богом поставлены на трон и должны сохранить его крепким и передать непоколебленным нашему сыну. Если ты это будешь помнить, то не забудешь, что ты — властелин...»

Властелин.

А. С. Стишинский — член Государственного совета, товарищ (заместитель) министра внутренних дел при Сипягине и Плеве — обмолвился о царе:

«...Царь — слабовольный, но взять его в руки невозможно, он всегда ускользает, никто влияния на него иметь не может, он не дается, несмотря на всю слабость характера...»

Воля царя принадлежала его жене, царице. И это было трагедией для России.

Александра Федоровна во многом способствовала разрушительности кризиса власти.

Она, естественно, заражала мужа опасным упрямством. А Николай Александрович и сам был не из податливых, когда дело касалось принципов самодержавия. А тут такой нажим, и десятилетиями! И за ним — совершенное непонимание процессов, назревающих в обществе. И это тоже значительное продвижение к катастрофе — абсолютная неуступчивость. В политике, делах государственных это равнозначно сознательному движению в хаос, разрушению основ своей власти, это самоизоляция.

Пожалуй, вера и самодержавие занимали равное место в миропонимании царского семейства. Как не мог Николай Александрович поступиться верой, так не мог согласиться и с каким-либо ущемлением своих прерогатив (исключительных прав) самодержца всея Руси.

Дума уже сама по себе являлась для царя уступкой, постоянной болью, мукой, недопустимым вмешательством в Богом ему дарованные права.

Бывший военный министр Российской империи¹, немало лет знавший Николая Второго довольно близко, напишет:

¹ Сухомлинов, Владимир Александрович, скончался в эмиграции, в Германии, 2 февраля 1926 г.

«...Развитие характера у Николая Второго, по существу, происходило под преобладающим влиянием семьи и, как оказалось, во вред России...»

Во вред России...

Эти слова сложит человек, уже проживший жизнь, все испытавший, глубокий старик, отсидевший при царе и большевиках сначала в Петропавловской крепости, после — знаменитых «Крестах», выпущенный на волю по чистому недоразумению.

«Нашлись добрые люди, — с каким-то отстранением от прошлого пишет Владимир Александрович, — которые меня предупредили, что после того, как отправили в Москву из «Крестов» и частных лечебниц бывших царских министров, где их попросту расстреляли без всякого суда, стали называть мою фамилию как случайно избежавшего расстрела»¹.

Случайно избежавший расстрела...

Александра Викторовна Богданович была супругой генерала Богдановича, служившего по министерству внутренних дел. Она будет вести дневник, охватывающий период царствования последних трех российских самодержцев. Осведомленность супруга-генерала (да на такой службе!) сделает дневник источником весьма ценных сведений.

12 ноября 1891 г. Александра Викторовна доверит дневнику факты, о которых столь мало известно:

«Нам рассказывали, почему Ротшильд не хочет иметь финансовые дела с Россией. Говорили, что те 300 человек самых солидных и богатых англичан, которые подали в прошлом году петицию нашему государю, прося его не притеснять евреев (их петиция не была уважена), находятся вкладчиками больших денежных сумм у Ротшильда, и они ему объявили, что, если он будет иметь финансовые дела с Россией, они у него возьмут все свои деньги»².

Бедой Романовых была финансовая зависимость от иностранного капитала, в частности могущественного семейства Ротшильд, которое еще со времен Николая Первого предоставляло России крупные займы.

Оставалось три года до вступления Николая на престол, когда английская ветвь Ротшильдов ответила решительным отказом на просьбу его отца, Александра Третьего, о займе.

Николай не мог не знать об этом — и унижении, и искусственном создании финансово-экономических трудностей для его страны.

Все это укладывалось в схему неприятия еврейского элемента

¹ Сухомлинов В. Воспоминания. М.—Л., 1926.

² Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М., Изд-во Л. Д. Френкель, 1924.

в государственной жизни России, подкрепляя традиционное дворянское отношение к евреям¹.

Ленину искать — и не найти более удобных соперников в борьбе за власть: Романовы, ослепленные богоидеей самодержавия и доведшие Россию до иступления и гнева, и Александр Федорович — шут российской демократии, которая впервые вступала на сцену российской государственности. Судьбе было угодно, дабы это «вступление» происходило именно в образе Керенского, и, пожалуй, это не случайно.

Россия была обречена на большевизм и самоистребление. Уровень сознания народа, все беспросветно тяжкое прошлое делали это неизбежным.

Властелин. За ним идея монархии.

Шут. За ним идея демократии.

Диктатор. За ним идея коммунизма и обещание черной крови.

А все прочие силы, участвовавшие в столкновении, являлись лишь производными от этих, главных, или умещались между ними.

Черная кровь во искупление светлой идеи...

Государь был искренне убежден в единственной правильности своей позиции. В его представлении именно самодержавие обеспечивало до сих пор сплоченность русского народа, расширение империи, развитие сельского хозяйства, наук, ремесел. Последний российский самодержец служил этой идее. Подняться вровень с грозными испытаниями ему не было дано, и «пал без славы орел двуглавый». За эту идею российской государственности (как он ее понимал — священная идея и наследие тысячелетия) и принял Николай Второй мученическую смерть, отдав не только свою кровь, но и кровь жены, и кровь своих еще совсем юных детей.

Потоком лилась кровь.

Через кровь всех нечистых во имя коммунизма!

Ленин! Партия!

Я не задавался целью дотошно изучать быт, пристрастия и привычки последнего русского самодержца, но кое-что память сама копила. Привожу это «кое-что», совершенно не притязая на какую-либо полноту и стройность изложения. Это, так сказать, беглый и поверхностный взгляд, скорее даже мимолетный.

¹ Графиня Мария Клейнмихель (урожденная графиня Келлер) в воспоминаниях «Из потонувшего мира» писала:

«Избранный председателем комиссии по еврейскому вопросу граф Пален начал следующими словами доклад Александру Третьему: „Ваше величество, евреи всегда обращались с нами так, как евреи обращаются с христианами, но христиане никогда не относились к евреям по-христиански“.—«Русское прошлое» (исторические сборники). Пг.—М., «Петроград», 1923, № 4.

Кстати, воспоминания графиня написала почти 80 лет от роду. В Петербурге ее считали главой «германской партии».

Из придворного словаря: «царствующий монарх», «высочайшее повеление», «всеподданнейший доклад», «высочайше утверждено», «имел счастье видеть государя», «Их (Его) величество удостоил меня разговором (почтил доверием)», «я имел честь доложить», «всемилостивейший государь соизволил», «Его величество выразил нам недоверие», «правительство Его величества»...

Подписи государя императора на государственных документах непременно покрывались специальным лаком — на вечные времена.

Когда Николай Второй хотел прервать беседу, он обычно говорил: «Я это знаю». Когда соглашался, часто говорил: «Разделяю ваше мнение». Или: «Есть сведения, и я спрашиваю вас».

Если что-то ему претило в человеке, становился «глухим, как стена». На возражения придворных не говорил «нет», а — «мы так хотим», «мы можем принимать кого хотим».

Распутин проник в царскую семью через дядю царя — «длинного Николашу» (великого князя Николая Николаевича).

Николай Второй не умел спорить, поэтому делал вид, будто соглашается, а после поступал по-своему. Это раздражало многих сановников и министров и порождало легенды о легкомыслии, ветрености и ненадежности царя.

У последнего самодержца не было личного секретаря, у него был камердинер, которому он доверял и некоторые секретарские обязанности (по мелочам), а так все делал сам. У Александры Федоровны обязанности личного секретаря исполнял Ростовцев — внук того Ростовцева, который предал декабристов и после верно служил царю Николаю Павловичу.

Сразу встав с постели, Николай Второй имел обыкновение накидывать халат. Одевался без помощи слуг. В быту был прост, с прислугой обращался как с близкими людьми, каждого звал по имени-отчеству. Обыкновенно не говорил ни по-французски, ни по-немецки, хотя владел этими языками безукоризненно. Так, иногда бросит две-три французские фразы. По-немецки же — ни звука, и не только он, но и вся семья. Этим они как бы отгораживались от своего германского происхождения, давали понять, что это происхождение ничего не значит, а они русские и служат только России.

В обращении последний русский самодержец был прост, без церемоний, хотя и не выносил даже намек на фамильярность. При неловкостях мучительно краснел. Его отличали хорошие манеры, врожденная непринужденность. Он располагал к себе. Говорил низким басом — это от отца, огромного Александра Александровича. Обожал охоту, знал толк в лошадях, в ссылке прочел многое из русской классики. Ценил шутку и умел смеяться. А как увлекался фотографией!

За трапезой не были приняты разговоры о делах, это почиталось нарушением этикета, дурным тоном. Еда — это отдых, радость,

смех. Командиры царскосельских частей по воскресеньям приглашались к высочайшему завтраку во дворец. Царь любил русскую одежду и часто ходил в простых рубашках, подпоясанных ремешком или шнуром. Любил слушать русские песни. Знал их.

По сторонним наблюдениям, Александра Федоровна оказывала больше влияния на мужа-императора, чем он на нее. В ряде случаев это имело роковые последствия.

Когда Николай Второй покидал столицу, Александра Федоровна стремилась регентствовать.

«Союз русского народа», как и другие монархические организации, имел сношения непосредственно с царем, минуя министра внутренних дел, что было совершенно необычно.

Николая Второго отличала феноменальная, в отдельных проявлениях просто нечеловеческая память. В быту был скромнен, любил простую одежду, даже с заплатами (это тоже от отца, царя Александра Третьего). Был отзывчив на добро и ласков, по характеру — спокойный, уравновешенный, ни разу никто не слышал, чтобы он повысил голос. А вот сразу после отречения был долго «очень печален» — так показал на допросах бывший дворцовый комендант Воейков.

Вот самодержавный символ веры Николая Второго:

— монархия — единственная форма правления, органически соответствующая традициям и духу России;

— без царя нет и не будет настоящей России; те, кто против монархии, — против России;

— русский народ по природе своей монархичен и другую власть не примет;

— монархия — залог целостности и процветания России, залог сохранения ее национального характера, то есть веры, культуры, обычаев и достижений предков...

«...Нас привело сюда одно чувство — любовь к Отечеству и сознание долга перед Вами...» Это говорит князь С. Н. Трубецкой — виднейший представитель интеллигенции, говорит перед лицом царя. Да, крамола не страшна, она преодолима—опасен разлад. Из чего однозначно следует, что интеллигенция ее, эту крамолу, не поддерживает и ее отменяет. Интеллигенцию тревожит, чтобы общий разлад не привел к расколу общества с последующим кризисом всего Российского государства. Ничто другое не занимает российскую интеллигенцию. Это говорит блестящий профессор первого на Руси университета.

Водилась партийная и околопартийная публика, мутила воду, стреляла, агитировала. Но интеллигенция, которая понимала свой государственный долг, чтит российскую государственность, поклонялась родной культуре, сознавала ответственность перед народом, чувства которого «с разных сторон эксплуатируются... ненависть, неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений,

обостряется...», — эта интеллигенция заявляет династии о своей глубокой верности, но обращает внимание на разлад в людях, который может привести к взрыву.

Государь не принял во внимание предостережения князя. Он не принял ни одного из множеств предостережений, хотя некоторые оказались воистину пророческими, мудрыми и пророческими.

И грянули выстрелы в стенах дома подрядчика Ипатьева, пополз по комнате едкий пороховой дым, и кисло, душно запахло кровью...

Однако долг государя не только в том, чтобы умереть достойно, и даже не в том, чтобы принести в жертву своих детей. Долг его — уберечь народ. Не позволить сорваться с креплений морали, долга, уважения к власти... Ничего этого государь не сделал. Жизнь кричала, наступала, требовала, а он никак не отзывался — был только примерным семьянином, порядочным человеком. А надо было быть государем! Ибо на тебе сходятся жизни всех, кто под твоей дланью. И если ты не справился, допустил распад и разлад — кровь оросит просторы твоего Отечества. Беда с тобой миллион раз оживет и повторится по всем краям и просторам державы.

Так и случилось.

Не уберег государь империю. Не уберег своих подданных.

А мы за ним не уберегли Россию. Сейчас, через 70 с вершком лет, пустили по ветру все, что добывали наши предки почти тысячелетие. Самое позорное поколение русских, даже не жертвы — просто торговцы и просители...

Михаил Константинович Дитерихс родился 4 апреля 1874 г. в семье офицера. Закончил Пажеский корпус — уже одно это давало заметные преимущества по службе и связи. В 1900 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1915 г. Михаил Константинович занял пост генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, затем командовал русской дивизией в Македонии, на Салоникском фронте (в помощь союзникам), откуда вернулся в июне 1917-го.

Как начальник штаба кавалерийского корпуса Крымова генерал участвовал в корниловском походе на Петроград. После самоубийства Крымова Дитерихса назначают генерал-квартирмейстером ставки Верховного главнокомандования — сентябрь семнадцатого. Он окажется свидетелем гибели своего Верховного — генерала Духонина. С 3 ноября — начальник штаба Верховного.

В июле 1918-го командовал Сибирской армией у адмирала Колчака, в июле—ноябре того же года — Восточным фронтом (Западным для белых в Сибири). Будет настаивать на отводе сибирской Добровольческой Армии с Иртыша и переезде правительства из Омска в Иркутск. Михаил Константинович полагал, что это открывает возможность перегруппировать войска, привести их в порядок и — самое главное — наладить тыл.

Генерал Сахаров убедит адмирала в том, что это предложение ошибочно. Дитерихс покинет свой пост. Как покажут события, он был не просто прав, а глубоко прав. Не останься правительство в Омске — не бывать и адмиралу в плену.

По оставлении им поста главнокомандующего фронта адмирал Колчак наделит его в январе 1919 г. особыми полномочиями: дело об убийстве Романовых отныне сосредоточивается в руках Дитерихса.

В свою очередь Дитерихс добьется назначения Соколова следователем по данному делу. Уже один этот выбор оправдывал всю служебную деятельность генерала. Соколов с исключительной тонкостью и добросовестностью добудет все данные и представит миру неопровержимую картину злодейского умерщвления семьи бывшего императора. Это имело особое значение, так как опрокидывало доводы большевиков о непреднамеренном убийстве Романовых. Только благодаря усилиям Соколова большевикам не удалось запрятать эту страшную тайну, а они были очень близки к этому. Тайна могла кануть в вечность неразгаданной.

Адмирал Колчак поручит Михаилу Константиновичу доставить на тяжелый английский крейсер «Кент» вагон реликвий — вещей, оставшихся от царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге.

Впоследствии Михаил Константинович окончательно разойдется с адмиралом. Горько, когда в трагический момент истории между единомышленниками нет единства.

После поражения Колчака проживал в Харбине. Был избран в Приморье Земским собором «единоличным правителем и воеводой земской рати» свободной от большевиков окраинной части Российской империи. Поэтому в июне 1922 г. срочно вернулся во Владивосток. Но Пятая армия Уборевича оказалась несоизмеримо сильнее. Белые бежали.

Скончался Михаил Константинович в 1937 г., прожив, в общем, немного — 63 года.

Книга «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» была издана Дитерихсом во Владивостоке летом 1922 г. — всего за несколько месяцев до вступления в город Пятой армии Уборевича. В основу публикации положено следственное дело Николая Алексеевича Соколова. Такую же копию следственного дела получил от Соколова англичанин Роберт Вильтон. Его, Вильтона, книга была напечатана через год (в 1923-м) в Берлине под названием «Последние дни Романовых» — с тех пор не переиздавалась.

Ничто другое не способно вмешаться в ход истории, коренным образом изменяя его, кроме того, что уже заложено в нее, содержится, невидимо присутствует. Наше настоящее обусловлено нашим прошлым.

Михаил Константинович напишет:

«17 января 1919 года адмирал Колчак возложил на меня общее руководство по расследованию и следствию по делам об убийстве на

Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых».

Деятельное руководство расследованием, подробное ознакомление с каждым новым обстоятельством дела, а также самое прямое участие в боевых действиях против Германии в предыдущие годы дают Михаилу Константиновичу основания для вывода:

«...Германия не смогла одолеть своих противников в честном, открытом бою; тогда, не брезгая средствами борьбы, она бросила на наш фронт и тыл подлейшее из орудий борьбы, ужаснейший из ядов — яд политический, яд большевизма, заразу анархии. Но сама стала жертвой нанятых ею для этой борьбы рабов».

Относительно рабов Михаил Константинович заблуждался, впрочем, как и кайзер Вильгельм со своим Генеральным штабом.

Большевики весь этот мир, в том числе и священную особу кайзера, рассматривали лишь как удобрение под государство будущего — их, большевистское государство. Не их (большевиков) дергали за ниточки из Берлина, а они расчетливо и решительно готовили гибель всем, кто не вписывался в их схему организации жизни. Количество крови значения не имело. К убиению предназначался весь мир имущих, да и изрядная часть неимущих тоже, если она не признавала систему организации жизни по их догмам.

Нет, это были не рабы. Это были величайшие ловцы душ, холодные распорядители сотен миллионов жизней, великие отравители сознания людей и убийцы самого жуткого закала — по убеждению.

Однажды Дитерихс сказал: «Знаете, чем раб отличается от господина? Раб не может смотреть дальше своего желудка, не только не может — не способен».

Незадолго до мировой войны один из лидеров кадетской партии соорудил толстеннейшую рукопись — «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II», — редчайшую по документированности и показаниям очевидцев и оснащенную множеством фотографий, большинство из которых ныне не сохранилось. По цензурным соображениям рукопись была напечатана в издательстве Эберхарда Фровайна в Берлине, под боком у Вилли, как называл Николай Вильгельма Второго. В Россию она практически не поступила — сначала по соображениям все той же царской цензуры, после — советской, куда более свирепоханжеской, нежели царская.

Социалисты-революционеры вселяли ужас в хозяев старой России. Знаток сыскного дела Л. П. Меньшиков писал:

«...Царское правительство всегда боялось более террористических ударов, чем массовых выступлений, но это факт... Вот почему страстным желанием руководителей сыска (охранки) всегда было провести своих людей в террористические организации».

Однако терроризм социал-революционеров сходит почти на нет после 1905—1907 гг.

Меньщиков поначалу бунтовал против власти. Потом на стороне власти давил революционеров и выслужился в большие чины, а ордена имел едва ли не самые первые. Затем опять двинул против власти, став грозой всех провокаторов. Его главная работа — «Охрана и революция» (в трех самостоятельных частях), издание общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев в Москве. Умер 12 сентября 1932 г. в Париже¹.

Троцкий в очерке «Гартинг и Меньщиков» пишет:

«Разоблачение провокации Меньщиков начал осенью 1905 года, когда он, еще состоя на службе, послал партии социалистов-революционеров письмо с указанием на двух провокаторов: Татарова и Азефа, из которых впоследствии первый был убит, а второй скрылся. К «полной реализации данных о шпионах» Меньщиков приступил после того, как перебрался за границу. Здесь, как известно, он прежде всего открыл Бурцеву настоящее имя Гартинга, затем через Бурцева же сообщил социал-демократии о том, что в ее заграничной среде вращается провокатор Батушанский (он же Барит). Одновременно он открыл бундистам провокатора Каплинского, социалистам-революционерам — Зинаиду Жученко; он же, как сообщалось, разоблачил заслуженного агента охраны — Анну Егоровну Серебрякову. Осенью 1909 года Меньщиков передал специальным делегатам партийных центров списки агентов охраны, причем на долю российской социал-демократии пришлось 90 фамилий, на долю Бунда — 20, польских революционных партий — 75, социалистов-революционеров — 25, кавказских организаций — 45, финляндцев — 20. В числе многих других Меньщиков раскрыл одну из масок «Нового времени», бывшего судейкинского агента Владимира Дегаева, который под именем Полевого... состоит теперь секретарем русского консульства в Нью-Йорке.

...Он (Меньщиков. — Ю. В.) скинул с себя свои двадцать департаментских лет, точно вицмундир снял, и не видит причин прятаться от света, наоборот, всячески ищет гласности... Искренне это или лицемерно — не все ли равно? Ведь и лицемерие есть не что иное, как подделка порока под добродетель...»

Нет, наши предки были закваски покруче. Пушкину по мере сил пособлял Миллер — лицеист более позднего выпуска и чиновник канцелярии Третьего отделения, то бишь жандармского.

И ни один гэбэшник или осведомленный журналист не откроет имен предателей дружбы, доверия, провокаторов (ими напичканы партии и общественные организации — предательство стало выгодной профессией, кормит), не донесет до народа имен осведомителей, наушников (от этого наушничества ломаются жизни, раскалываются семьи, люди убивают себя...). Нет, бережем гной и отраву.

¹ Это подтверждает вклейка от издательства в названной здесь его работе.

Предатели нынче в чести. А их бы каленым железом отделить от тела народа, вывести, выжечь — пусть корчатся, это их дело, но отучить людей от почета предательства, житья на горе других...

И еще: нельзя не отметить литературные способности Льва Давидовича. Пишет он ясно, мысль не запутывает его, как пьяного собственные ноги. Ни один партийный вождь, кроме Ленина, не мог совладать со словом: не та стихия.

Из-за спада террора социалистов-революционеров царь и его ближайшее окружение считали, что эсеры, и особенно эсдеки (другая ветвь социалистов), не столь страшны, как кадеты (конституционные демократы).

Социал-демократы — и меньшевики, и большевики — слишком малочисленны и не имеют влияния. К тому же департамент полиции через сеть провокаторов (секретных сотрудников) держит их самые важные организации под надежным контролем. Число предателей накануне Февральской революции составляло несколько тысяч.

Читатель, задержись на этой цифре, обдумай, оглянись...

Только в большевистской партии провокаторами являлись член ЦК и редактор «Правды» М. Е. Черномазов (охранная кличка — Москвич, жалованье от охраны — 200 рублей в месяц); член последней, IV Государственной думы и член ЦК Р. В. Малиновский (Нина, Икс, 500 рублей; вместе с Зиновьевым и Каменевым самый близкий к Ленину человек в партии); член III Государственной думы В. Е. Шурханов (Лимонин, 75 рублей); член Московского комитета А. И. Лобов (Мек); М. И. Бряндинский, секретарь Московского комитета, заведующий общепартийным паспортным бюро, заведующий общепартийным транспортом запрещенной литературы из-за границы (Вяткин, Кропоткин); член Областного бюро Центрального промышленного района, слушатель партийной школы на Капри А. С. Романов (Пелагея, 100 рублей); А. Г. Серебрякова (Дама Туз, Мамочка, Субботина, кроме пособий в 2 и 10 тыс. рублей, пенсионная пенсия в 1200 рублей на каждый год), а за ними и другие активисты партии, слушатели ленинской школы в Лонжюмо и т. п. — Я. М. Житомирский (Обухов, Андрэ и др., две тысячи франков), И. Г. Кривов (А. Н. О.), А. К. Маракушев (Босьяк, 50 рублей), А. А. Поляков (Сидор)...¹

И это далеко не исчерпывающий список.

Кроме Малиновского, в Государственной думе четвертого созыва провокатором охраны являлся и депутат Ильин (от Мелитополя).

¹ См.: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. С предисловием М. А. Цявловского. Изд. 2-е М., 1918.

Малиновский, оказавшись в годы мировой войны заключенным в германском концлагере, повел среди русских военнопленных большевистскую пропаганду, искренне раскаявшись в содеянном — о чем после заявит на суде. Пробретется в Москву и добровольно сдастся властям в 1918 г. Незамедлительно будет судим. На процессе в Кремле негласно (за занавеской) присутствовал Ленин. Малиновский шесть часов держал страстную речь в свою защиту, однако был приговорен к расстрелу и сразу казнен. В то лето ему исполнилось 42 года.

Поистине королевское место среди даже именитых провокаторов занимает Анна Серебрякова (Мамочка). Основная работа Мамочки была направлена против большевиков и отчасти — меньшевиков, но мадам не брезговала и эсерами.

В своей книге Меньшиков пишет:

«...Мамочка — единственная в своем роде, перед которой и знаменитый Азеф не более как «мальчишка-щенок», — отделалась по приговору суда (советского. — Ю. В.) семью годами тюремного заключения... Я не знаю другого случая (в моей «Черной книге» зарегистрировано несколько тысяч предателей), чтобы кто-нибудь из секретных сотрудников охранки так долго, непрерывно и столь активно агентурил для политического сыска... Революционный кредит Серебряковой стоял так высоко, что Зубатов хвалился: „...революционеры к нам сами с докладами являются“ или „...ни один нелегальный не побывает в Москве, чтобы с поклоном к нам не пожаловать...“».

Серебрякова даже после Октябрьской революции на целых пять лет умудрилась сохранить себе постоянное пособие, сначала от собеса, потом от Цекубу — Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных комиссаров (эта комиссия начала свою работу в декабре 1921 г. как должностная помочь русским ученым, которые вместе со всем русским пролетариатом в момент наивысшего напряжения сил страны «для борьбы на гражданских фронтах» оказались в «невыносимо тяжелом положении»...). С тех пор и сохраняется эта система пайковой подкормки (после сюда присовокупились отдельные санатории, персональные дачи, машины и пр.). Никак не выберется республика на честный и прямой путь равенства и справедливости — ну нет у нее крепости и устойчивости без подачек, пакетов, пайков и вообще всякого присвоения общественного продукта под видом исключительной заботы о разных выдающихся личностях, и «женевцев» в первую очередь...

К 1914 г. большевистская партия была загнана в глубокое подполье и эмиграцию. Из того, что осталось, изымается в ссылки и тюрьмы ровно столько, сколько нужно, чтоб местные организации вовсе не развалились и не появилась необходимость внедрения в новые со всей хлопотностью таких операций. Через осведомителей департамент полиции знал почти все о жизни партии, вплоть до основных посетителей Ленина и приблизительного содержания их бесед и планов вообще. Внушительная блокада.

Все вожди партии находились или в тюрьмах, ссылках, бегах, или в эмиграции. Никто из них к началу Февральской революции не просматривался ни в Москве, ни в Киеве, ни в Петрограде.

«1917 год явил чрезвычайно интересную картину, — пишет Меньшиков. — Революция вскрыла одно весьма пикантное обстоятельство. Оказалось, что в составе Советов рабочих депутатов, игравших такую роль в первый момент переворота, находилось более тридцати осведомителей охранки, причем один из них был председателем, три — товарищами председателя Совета рабочих депутатов, два — редакторами «Известий» Совета рабочих депутатов, один — председателем Союза деревообделочников...»

После победы революции большевики расстреляли некоторых самых крупных провокаторов: Малиновского, Озоля, Марию Бейтнер, Вадецкого, Горбунова, Каплинского, Лобова, Леонова, Полякова, Романова, Соколова, Аристова, Курляндского...

А тогда, после революции 1905—1907 гг., царь более других стал опасаться и ненавидеть... кадетов! По его мнению, они представляли наибольшую угрозу престолу. И самое досадное — их разгромить невозможно. Они действуют открыто: и через Думу, и через общественные организации. Дума все время покушается на его прерогативы неограниченного монарха, будоражит народ, заявляет о каких-то правах народа, делает известным едва ли не все прегрешения власти — и ничем сие не пресечь!

Трудно поверить, но именно таким было настроение царя в канун роковых дней февраля семнадцатого.

И вот, за единственно ничтожным исключением, той кадетской книги «Последний самодержец...» нет даже в самых первых книжных хранилищах Советского Союза. В то время как она является важнейшим источником сведений о царе, русском дворе и крупной бюрократии и в ряде случаев используется советскими историками.

В роду Романовых передавалось, со слов будто бы очевидца, о существовании предсказаний Серафима из Сарова. Это предсказание относилось к будущим царствованиям. Текст предсказания якобы был записан отставным генералом и по приказу Александра Третьего хранился в архиве жандармского корпуса, являющегося как бы и архивом династии.

«В начале царствования сего монарха, — сообщала запись прорицаний о времени царствования Николая Второго, приведенная в той кадетской книге, — будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства. Отец подыметя на сына и брат — на брата. Но вторая половина правления будет светлая, и жизнь государя — долговременная».

Это не могло не произвести впечатления на Николая. К тому же кое-что из прорицаний уже исполнилось: Ходынка, голод по многим губерниям, сокрушительный террор эсеров с сопутствующей ему

смутой¹. Ждали своей очереди неудачная война с Японией, революция 1905—1907 гг. и еще более сокрушительные Февраль и Октябрь семнадцатого — все в совершенном соответствии с прорицаниями Серафима. Вот только вовсе не состоялись ни вторая половина правления, ни бытие царя вообще...

Серафим и по сию пору чтим среди верующих. А тогда его отшельническая, скорее, даже подвижническая жизнь с долгими стояниями на камне, погружениями в ледяную воду, простосердечие и молитвенность привлекали в основанную им пустынь множество ищущих утешения.

После его кончины монастырь имел все основания для канонизации своего святого. Препятствием было лишь то, что не прошло ста лет, необходимых в таком случае для пребывания будущих мощей «под спудом», то есть в могиле.

13 июля 1902 г. (как раз пора диспутов Ленина, Чернова, Плеханова в Женеве) императрица потребовала от Победоносцева объявить Серафима Саровским святым. Победоносцев являлся обер-прокурором Святейшего Синода и в некотором роде — наставником государя. При всей своей преданности престолу Победоносцев все же воспротивился столь стремительному «святопроизводству»: шесть дней, данные для этого императрицей, — чересчур ничтожный срок. Императрица трижды повторяла требование — Победоносцев не уступал. Лишь когда он получил записку от самого Николая, Святейший Синод сдался.

Все же на процедуре канонизации местный архиерей отказался подписать протокол о нетленности мощей. Министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов Плеве добился молниеносного устранения архиерея. Новый — готов был удостоверить любые бумаги. Словом, через несколько дней августейшая чета отправилась в Тамбовскую губернию за святостью.

Эта поездка в Саров проходила под лозунгом единения царя с народом.

Николай Второй и Александра Федоровна в религиозном экстазе молились в окрестных церквях, у камней, источников и даже купнулись в прудике Серафима.

Полицейские же, что ни день, составляли протоколы о чудесных исцелениях. Россию тогда наводнили фотографии праздника, в том числе и знаменитого прудика, где набирались святости августейшие супруги. Отзвуком этих событий явился и столь неувыдаемо популярный фильм Протазанова «Праздник святого Йоргена», снятый через четверть века уже в другой России.

Император записывает 18 июля того же, 1902 г.:

¹ Жертвами террора в канун первой русской революции и в ходе самой революции станут около 20 тыс. человек. Их сразили бомбы и пули террористов. Цифра чудовищная!

Террор решительно пресечет Столыпин, став его заключительной жертвой.

«Во время крестного хода... мы несли гроб на носилках. Впечатление было потрясающее... очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам...»

Вместе с императором носилки подпирал плечом его дядя, великий князь Сергей Александрович — генерал-губернатор Москвы, ее некоронованный повелитель.

Вся эта процедура объяснялась не только выдающейся религиозностью августейшей четы, а была связана с надеждами на рождение наследника. Поэтому, когда в 1904 г. Александра Федоровна разрешилась сыном, в кабинете Николая Второго заняла почетное место икона святого Серафима, а набожность царской семьи вознеслась еще пуще. Они уже дозревали до Григория Ефимовича...

А тогда была радость: наконец-то наследник! После четырех дочерей — сын! Об этом Россия была оповещена манифестом, в коем, среди прочего, крестьянам прощались недоимки.

Наследника счастливый отец нарек Алексеем — в честь царя Алексея Михайловича, память о котором особо почитал последний самодержец.

Августейшие родители называли Алексея — Бэби, Крошка, Малютка, Солнечный Луч...

А в Порт-Артуре и на полях Маньчжурии уже кипела кровавая сеча. Россия и отозвалась на канонизацию мощей Серафима Саровского едкими стихами. Одни хлеще других загуляли по России, к примеру как эти:

Ну что ж, мой друг, чего же проще:
Мы понадеялись на мощи
И клали низкие поклоны,
А вместо пуль для обороны
Везли с собой одни иконы!
Подвел нас Серафим!..

Государь император лично благословлял войска перед отправкой в Маньчжурию. Верхом, в руках большая икона, а войска на коленях, точнее, на одном колене.

За Бога, Царя и Отечество!

А книжный раскоп о сибирской Директории? Тогда-то я и разузнал о Болдыреве. Тут все начала начал в Учредительном собрании. Выборы в собрании застолбили на 12(25) ноября 1917 г. — нет, не большевики, а еще Временное правительство.

28 сентября 1917 г. «Правда» напечатала список кандидатов в депутаты этого собрания от Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)¹.

Список не алфавитный, в основном выдержанный в порядке партийной иерархии, так сказать, генеральства (это партийное гене-

¹ «Всего-то коммунистов в Октябрьской революции было немногим более 200 тысяч. Считается, по-моему, наиболее правдоподобной цифра 240 тысяч» (Молотов).

ральство даст после такие всходы!), чем и примечателен. Первые 25 кандидатов являлись официальными кандидатами ЦК РСДРП(б). Наиболее точен, иначе говоря выдержан, список в своей первой половине.

1. Ленин Владимир Ильич
2. Зиновьев Григорий Евсеевич
3. Троцкий Лев Давидович
4. Каменев Лев Борисович
5. Коллонтай Александра Михайловна
6. Луначарский Анатолий Васильевич
7. Бухарин Николай Иванович
8. Пятаков Георгий Леонидович
9. Сталин Иосиф Виссарионович
10. Рязанов Давид Борисович
11. Бубнов Андрей Сергеевич
12. Милютин Владимир Павлович
13. Рыков Алексей Иванович
14. Ногин Виктор Павлович
15. Покровский Михаил Николаевич
16. Крестинский Николай Николаевич
17. Ларин Михаил Александрович
18. Сокольников Григорий Яковлевич
19. Шаумян Степан Григорьевич
20. Смирнов Владимир Михайлович
21. Стучка Петр Иванович
22. Шмидт Василий Владимирович
23. Киселев Алексей Семенович
24. Дзержинский Феликс Эдмундович
25. Смирнов Александр Петрович
26. Петровский Григорий Иванович
27. Муранов Матвей Константинович
28. Бадаев Алексей Егорович
29. Крыленко Николай Васильевич
30. Лозовский Соломон Абрамович
31. Ольминский Михаил Степанович
32. Шляпников Алексей Гаврилович
33. Степанов Сергей Иванович
34. Иоффе Адольф Абрамович
35. Лещиньский Юлиан
36. Уншлихт Иосиф Станиславович
37. Яковлева Варвара Николаевна
38. Свердлов Яков Михайлович
39. Осинский Валерьян Андреевич

С этими силами большевики вступали в революцию.

В данном перечне партийных иерархов Троцкий — третий. Через пять недель вспыхнет революция, и Троцкий за считанные недели вознесется в «самые-самые» — поделит в списке первое и второе места аж с самим Лениным. Что примечательно, Сталин в данном

списке стушевывается среди прочих. Не оперился еще Иосиф Виссарионович, все душегубство с народной любовью еще впереди. Правда, ранг в списке выдерживается лишь для самых первых, чей авторитет бесспорен, так сказать, бесспорные вожди. Как видим, накануне переворота таковыми являются Ленин, Зиновьев, Троцкий и Каменев. С остальными ясности пока нет.

Первую такую расстановку произведет Октябрьская революция.

А на Западе бушует война, 20 ноября — 6 декабря все того же, 1917 г. немцы и Антанта сойдутся в сражении при Камбре — здесь англичане впервые применяют большие массы танков...

На II съезде Советов Ленин пообещал в случае поражения большевиков на выборах подчиниться воле народных масс и устраниваться от власти. Россию обожало это известие.

Через пять дней после победы революции — 12 ноября 1917 г. — Россия «голоснула» (любимое выражение Ленина) за депутатов Учредительного собрания.

До своей победы 7 ноября 1917 г. большевики вполне серьезно и вдумчиво относились к Учредительному собранию (еще одно средство «раскачать» устои государства) — властью-то они еще не располагали. Тут любая зацепка за нее — несомненный плюс, а уж такая!

Зато после победы революции разговор о собрании... на кой ляд вообще выборы? Они получили власть, не ограниченную во времени и средствах, иначе говоря — бесконтрольную.

Большевики уже нутром не принимали эти самые выборы — к ногтю всех болтунов! Власть утверждает сила. На что тогда диктатура пролетариата? Да при нынешнем раскладе разводить комедию с выборами и речами, как в каком-то «аглицком» парламенте? Ну разжижение мозгов! Декрет о земле и без того решил все в пользу советской власти. Мужик теперь наш, не эсеровский. Теперь он так вцепился в землю! Ну после ленинского Декрета о земле — вчерашний день все эти голосования. Ну не поспекает календарь за событиями...

И все же тощие дни отделяли большевиков от захвата власти: все в разброде, и милиции нет, и судов, и армии, и ВЧК, и вообще ничего нет. Ну непочатый край работы! Поневоле посулишь что угодно и согласишься на что угодно. А в общем-то, конечно, погорячились с этим обещанием устраниваться.

Итак, 12 ноября 1917 г. Россия избирала депутатов Учредительного собрания. Мандаты получили 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 17 кадетов и 15 меньшевиков, то есть **большевикам досталось менее четверти всех голосов. Россия проголосовала за революцию, но без большевиков.** До сих пор это в обиду строителям светлого завтра. Чего только не сочиняют, дабы затемнить этот упорный факт.

Ленин сразу ухватил суть: в штывы эту контрреволюционную

волю народа, а обоснования сыщутся. На то и диалектика, напрасно, что ли, ею восторгаются и натаскивают себя? Да на каждый день она, ни шагу без нее! И противоположности тождественны, и все такое прочее: по нашей жизни — ну нарасхват! Любой закон сразу усохнет — ну шагай через него. А как иначе, коли он из формального мышления и разных надуманных справедливостей. Да за благо народа любого — враспыл! Да вчерашняя эта воля народа — голого мужика, мужика без земли!

5 января 1918 г. в Петрограде состоялось открытие Учредительного собрания — того самого, что должно было волей народа определить характер государственного устройства России. Оно для того и замышлялось: по воле большинства скроить будущую жизнь. Потому собрание и называли еще органом народовластия.

А уж всей крестьянской России, стало быть, и солдатам с матросами, никакой заботы до этого самого народовластия: знай переваривает Декрет о земле. Это — закон! Да теперь хоть весь мир развалился и тресни, а земля-то при нас. На кой ляд там разные устройства и вообще блуд словесный?! Даешь пахоту!..

Ленину это и нужно: рылом уперся мужик в землю. Вот она, своя!

Мужики и ведать не ведали, что грянет военный коммунизм, а затем и колхозы и вообще сотни пленумов ЦК по сельскому хозяйству — ну ни сном, ни духом такое вообразить не могли. Да и на кой ляд это, ежели вот она, земля, — бери плугом, сохой, лопатой...

«Учредилка» отказалась утверждать ленинские декреты.

На следующий день ее разогнали красногвардейцы, за старшего был Железняков. Ну тютелька в тютельку, как советовал Георгий Валентинович на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 г.: разогнать русский парламент через две недели, если состав его не будет соответствовать интересам партии, или, напротив, сделать бессрочным, если состав будет соответствовать этим интересам, а кроме того, лишить буржуазию избирательных прав, ограничить, вплоть до отмены, свободу слова, не считаться с неприкосновенностью личности...

Георгий Валентинович как основоположник российского марксизма мог давать еще и не такие советы. Злым гением русского народа предстает Плеханов в наслоении лет...

А в таком разе зачем ждать «плехановские» две недели? Одни лишь осложнения набегут, после доказывай, комбинируй. В разгон это сборище!

И спело Учредительное собрание во главе со своим председателем Черновым (да-да, это он тогда, в Женеве, у изголовья «желевской» твари клялся Марксом) «Интернационал» на прощание (а кто утверждает, что — нет, при открытии пели). Адмирал Колчак вспомнит об этом через два года в Иркутске на допросе, аж перед самым расстрелом. И даже тогда его прошибет озноб от такого

финала: помилуйте, какой же это орган народовластия, коли распевает большевистский гимн о мировой резне! И кому передавать власть ему, Верховному Правителю России, — этим самым певунам-декламаторам, этим недоноскам от зрелой государственной воли? Да хватит уже России эсера Керенского и нынешнего развала! Еще разваливать? Ну не для того на адмирала возложили верховные полномочия... И, надо полагать, выматерился после этого, ибо был большой мастер на крепкие выражения. Читил традицию, а она тянулась от неистового царя-реформатора — самого Петра Алексеевича...

И впрямь, срамно завершило свою односуточную жизнь Учредительное собрание. Тешит этот кадр в фильме: матрос Железняк-младший распахивает окно в Таврическом, проветривает после разгона депутатов.

Этого Железняка-младшего, будущего командира бронепоезда и героя Гражданской войны, не следует путать с его разбойным братцем. Поначалу оба брата анархистовали в Питере: грабили, щелкали без суда разных «бывших», баб мяли без разбора. Ну такой простор после казармы и кубрика!

...Песельники и кошкодавы
С татуированной грудью...

Погодя Железняк-младший остепенился, подался с отрядом матросов на Юг, а вот старший доигрался: расстрелян чекистами как злостный и неисправимый бандюга, насильник и анархист. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич все это подробно описал. Сердце обмирает от событий тех месяцев в Петрограде. Брали матросские и солдатские компании кого хотели и творили что угодно. Стыл Питер без власти, опозоренный и бессильный.

Носители морской славы
Пополам с жутью!..

Писатель Виктор Шкловский (скончался в декабре 1984 г.) сравнивал послеоктябрьский Петроград с человеком, у которого вырваны взрывом внутренности, но он еще жив и даже говорит...

Разгон Учредительного собрания поневоле обращал большевиков к террору. И отнюдь не только против прежних хозяев России, но и против всех самостоятельных, независимых граждан, будь то крестьянин, рабочий, социалист и даже свой — из большевиков. И это тоже из азав диалектики.

Уходить на Юг члены Учредительного собрания поостереглись. Там копил силу Лавр Георгиевич Корнилов. Его на парламентское красноречие не купишь. Да еще пристали к нему бывший начальник штаба русской армии в войне с Германией генерал Алексеев, бывший командующий фронтом генерал Деникин и, почитай, еще не один десяток бравых генералов и старших офицеров с самыми громкими боевыми именами. Да казачишки на Дону и Кубани явно не из приверженцев избирательных урн. Словом, Лавр Георгиевич даст маху — эти не дадут. Приладят «галстучек»...

Это Лавру Георгиевичу приписывают выражение: «Змий все же ужалил Победоносца». Генерал намекал на фрагмент фамильного герба Романовых: Георгий Победоносец с коня поражает копьем гада — в изначальном понимании это символизировало избавление от монголо-татарского ига...

Посему оставался горемычным парламентариям один путь, на Восток: вроде гостеприимный, чистый на старорежимных генералов и еще покуда без большевистских крайностей. Самое время попытать свою власть, к тому же не так голодно. И потянулись члены бывшего Учредительного собрания на Волгу, преимущественно в Самару. Впрочем, еще до революции, как говорится, спокон веку, Поволжье являлось опорой эсеровской смуты. Гроза сыска, последний начальник Московского охранного отделения жандармский полковник Мартынов, называл Саратов всероссийским центром социалистов-революционеров.

В подпитии Самсон Игнатьевич имел обыкновение развлекать себя грустными «маринками», подыгрывая на щекасто-блестящей губной гармошке. «Маринка» — это на жаргоне Самсона Игнатьевича песенка, из не признанных официально, но вполне приличная, даже более того — страдательно-патриотическая и «жалостная». В войну этих «маринок» насочиняли — и не сосчитать. Но большинство «маринок» — с непристойностями, дома не заведешь. Самсон Игнатьевич такие презирал. В его «маринках» каждое слово можно осколком кирпича без утайки на стене корябать — все из хрестоматии. Бывало он попоет-попоет, а после и подыграет. Этих трофейных гармошек повывезли с фронта — под каждым кустом скулили. И вот по этому гармоническому сопровождению я частенько угадывал, дома ли Самсон Игнатьевич, еще не заходя к нему (само собой, летом, когда окна настезь).

Надо признать, слух у него был предельно точный, просто дирижерский. И даже при его ржавоводопроводных голосовых связках пение производило впечатление. Не раз и не два я заставал под окном у него какую-нибудь престарелую тетю с мокрыми щеками.

Бывал в такие минуты Самсон Игнатьевич мягок, задумчив и доступен. Хорошо помню, как в праздник седьмого ноября, наигравшись и натешивши себя, он сказал: «Знаешь, Юрка, что такое понять все? Значит простить. А я так не умею...» Именно в тот вечер он вдруг промолвил: «Живем мы, брат, тараканами в щели». Я обратил внимание на открытки с видами неизвестных городов. Это было удивительно — такие он не собирал. Они постояли на этажерке только вечер, и больше я их не видел.

Несмотря на болезнь, держался Самсон Игнатьевич молодцом и вовсе не шаркал ногами, а летом, под загаром, так почти и не пугал встречных, хотя единственным украшением его сизой помороженности являлись брови — седые, пышно-разлатые, как у мудрецов на картинках.

Самсон Игнатьевич не обращался к воспоминаниям с какой-то преднамеренностью. Нет, факты и фамилии как бы нечаянно, без умысла вываливались из него. Так, сама собой вывалилась из него фамилия того царско-колчаковского следователя Соколова.

Тут накладываются одно на другое два имени: Старынкевич и Соколов. Этот Старынкевич — родственник симбирского генерал-губернатора Старынкевича, сраженного бомбой террориста в сентябре 1906-го. Наш сибирский Старынкевич — из бывших эсеров, в начальном составе правительства Колчака справлял должность министра юстиции и, таким образом, какое-то время отвечал за расследование обстоятельств гибели царского семейства. А Соколов?..

Практическое расследование оказалось за Соколовым. И так он в нем преуспел — наши этот отчет в конце 20-х годов тиснули специальным «закрытым» тиражом для красных судейских работников: пусть вдохновляются мастерством. Впрочем, все это могло быть и не так, каков спрос с Самсона Игнатьевича?

Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 г. в Пензенской губернии. В Пензе окончил гимназию, в Харькове — университет.

Революция застала его на должности судебного следователя по важнейшим делам. В крестьянской одежде он пробрался в Сибирь. В Омске становится следователем по особо важным делам.

30 июля 1918 г. следователь Наметкин открыл дело об убийстве царской семьи. Некоторое время спустя дело принял Сергеев. Оба судейских чина явно не справлялись со следствием. По настоянию генерала Дитерихса к разработке дела привлекается Соколов.

5 февраля 1919 г. адмирал Колчак вызвал Соколова как следователя по особо важным делам при Омском окружном суде и распорядился ознакомиться с материалами следствия.

6 февраля Соколов докладывал адмиралу о предполагаемом порядке следствия.

Вечером того же дня адмирал снова принял Соколова и сообщил о своем решении возложить расследование на него, Соколова.

Верховный Правитель России издал особый акт, ограждающий Соколова от каких-либо упреков или посягательств.

В эмиграции Соколов продолжает работу над следственным делом, но... 23 ноября 1924 г. Николая Алексеевича находят мертвым в саду его дома: сдало сердце. Прожил он всего 42 года.

Мировая юридическая наука признает высокий уровень следствия, произведенного Соколовым.

Его похоронили возле Сальбри (Франция). Друзья установили на могиле крест с предельно сжатой и точной эпитафией:

«Правда Твоя — Правда вовеки».

Глава VII

МЯТЕЖ

А тут вывалились из Самсона Игнатьевича история о председателе иркутской губчека товарище Чудновском — однофамильце питерского Чудновского¹, того, что с Антоновым-Овсенко доконал Зимний, был первым комиссаром Киева после его освобождения от войск Центральной рады Украины, погиб в бою с петлюровцами. По другим сведениям, застрелился, обложенный «синежупанниками».

Не будь его энергичного тезки из Иркутска — еще неизвестно, видать ли нам Колчака с дырками в башке и груди под ангарским льдом. Все это героическое дело провернул и обделал председатель иркутской губчека при обстоятельствах запутанных, более того — сомнительных для столь архиответственного дела. Это, без сомнения, приобщает его к сонму Белобородова—Патушева и выдвигает на самый передовой, сверкающий рубеж революции.

«Знал его и лично здоровался не раз, — рассказывал Самсон Игнатьевич об иркутском Белобородове, — поверишь, не вспомню имя. И Патушева имечко призабыл, а сколько вместе чудили! Пообносился я умишком, Юрка. Вижу этого адмиральского казнителя, ну вот передо мной, а прозвание... — затемнение в мозгах! Незавидный — ну крот, а не мужик! Ладно, коли метра на полтора ростом! Нет, в плечах широк, даже чересчур для своей вытяжки — ну совершеннейший квадрат, просто непонятное творение! Да обыкновеннейшая баба при большом заборе чувств, распалась, задавит — конфуз сляпается, а не детки, трусики-штанишки! Зато голосина — ну куды такой?! А в общем, наш, иркутский, боевой — сваво не отымешь! Без него дышать адмиралу — свободно могли упустить! А что, Деникин и по сей день топчет сапожками Париж, а чем сибирский Колчак хуже?»

¹ Чудновский, Григорий Исаакович (1890—1918) — меньшевик, после большевик. Из эмиграции вернулся с Троцким (из США через Канаду). Один из руководителей штурма Зимнего, некоторое время был как бы его комендантом. Затем военный комиссар Киева. Троцкий посвятил ему очерк «Г. И. Чудновский».

И Самсон Игнатъевич вдруг принялся допрашивать меня, откуда свалились на наши головы чехи, словаки и прочие славянолегионерские «душегубы».

Создать легион из военнопленных славян, преимущественно чехов и словаков, было низжайше предложено еще венценосному монарху Николаю Второму. Он отнесся к идее с пониманием, однако воплотить ее в формирование совершенно определенного воинского соединения соизволения не дал. Очевидно, не последнюю роль сыграли опасения, что при некоторых нежелательных обстоятельствах это может обернуться вредом.

И узнал я, что в 1917 г. при Керенском все же взялись сколачивать соединение из пленных славян: чехов, словаков, сербов, хорватов... Их по России, особенно в лагерях по Волге и за Уралом, вшей кормило — ну на несметные тыщи!

И сколотили — тысяч на пятьдесят-восемьдесят. Временное правительство это формирование нарекло Чешским легионом — чехов и словаков образовалось подавляющее большинство. Их национальный лидер Масарик ради такого дела приехал в Россию и просидел в ней аж с мая семнадцатого и по март восемнадцатого, своих вызволял. В то же время до развала Австро-Венгрии это оказалось первым национальным объединением чехов и словаков, первая их столь многочисленная вооруженная рать. Для будущей борьбы за самостоятельность Чехословакии это могло иметь значение. Готова внушительная сила, на которую можно опереться.

Ряд ответственных должностей в легионе занимали французские офицеры. Предполагалось, что эти солдаты из бывших пленных станут сражаться на русско-германском фронте, каждый за свое Отечество. Тогда ведь не было еще самостоятельных Чехословакии, Югославии и Польши. Обмундированием их обеспечили, оружием. Словом, кадровые, обстрелянные полки. И уж не жди: сдаваться австрийцам или немцам не станут — там любому из них смертная казнь за измену. В общем, должны крепко драться.

Зародышем легиона можно считать чешскую дружину (900 российских подданных). Дружина была сформирована к середине августа 1914 г. Она возникла для решения двух задач:

- разложение славянского элемента австро-венгерской армии;
- добывание разведывательных данных.

В декабре четырнадцатого дружину впервые пополнили пленными славянами. К началу 1916-го ее численность подтянулась до полка, а к маю того же года — до бригады (около 6,5 тыс. солдат и офицеров), но цельным боевым соединением дружина не выступала, более того, она была распределена по русским дивизиям.

Лишь после падения монархии Временное правительство приняло решение о создании обособленного Чехословацкого корпуса. Данное решение последовало вслед за боями под Зборовом в июне того же года. В этих боях уже сражалась самостоятельная чехословацкая бригада.

В сентябре 1917-го численность Чехословацкого корпуса дости-

гает 30 тыс. До Октября 1917-го корпус подчинялся русскому Верховному главнокомандованию, языком приказов внутри корпуса был только русский.

25 января 1918 г. Масарик объявил корпус частью Чехословацкой армии во Франции. Эта армия во Франции состояла в свою очередь из Американского, Английского, Французского, Итальянского и Сербского легионов. До отпадения Чехословакии от Австро-Венгрии легионерским движением руководил Чехословацкий национальный совет со штаб-квартирой в Париже. В совете председательствовал доктор Масарик. Совет имел филиал в Киеве.

Кроме славян, в лагерях для военнопленных, по данным Женевской комиссии Красного Креста 1919 г., возглавлявшейся Жоржем Монтандоном, томились за одним только Уралом 148 тыс. австрийцев и мадьяр, а также восемнадцать с половиной тысяч немцев и три с половиной — турок¹. За эвакуацию бывших пленных австрийцев и мадьяр взялись лишь со второй половины 1919 г. Их столько к этому времени голов посложилось в нашей Гражданской войне! Любая колчаковская часть таскала за собой несколько десятков немцев и австрийцев поварами, денщиками и вообще подсобными рабочими, а за красных сражались целые батальоны, бригады из бывших пленных, густо служили они и в чека. Но основная масса пленных держалась особняком, кроме славянских национальностей, и ждала эвакуации домой, в Европу.

За годы мировой войны число пленных, отправленных за Волгу, превысило полмиллиона, и лишь половину из них вывезли в Европу. В разгар нашей междоусобицы пленные десятками тысяч погибали в лагерях от истощения, тифа, дизентерии. До них ли было, коли русский русскому кишки наматывал...

После хлопот Масарика наше правительство весной 1918 г. разрешило легиону следовать во Владивосток — торопились братья славяне. Немцы тужились ход войны изменить. Самые бои завязывались. В те первые июньские дни восемнадцатого года немцы едва не схарчили Париж, всего 80 километров не дотянули. Потери англичан и французов на реке Эне достигли 127 тыс. человек; немцев, хотя они наступали, — 98 тыс.

К сражению на Эне легион, конечно, не поспевал, а вот к будущей знаменитой битве на Марне, гляди, и подгадал бы. С середины июля и до 4 августа союзники потеряли 101 тыс. солдат и офицеров, немцы — 60 тыс. Самсон Игнатьевич знал даже про немецкого саперного гауптмана. Его будто бы за сутки-двое до наступления выкрали французы. Гауптман и выдал время первой атаки. Обернулась эта трусость гауптмана, почитай, провалом всего наступления. А как иначе? Ударили немцы по пустому месту, потом напоролись на такой шквал — на карачках полезли назад...

Об Амьенской операции Самсон Игнатьевич и не слыхивал, хотя

¹ См.: M o n t a n d o n G. Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviq-ues. Paris, Librairie Félux Alcan, 1922.

она в несколько дней сократила численность союзных войск еще на 60 тыс. За этой операцией последовало общее наступление Антанты, а немного погодя и капитуляции Германии.

Оказывается, потери Германии на Восточном фронте в первую мировую войну были куда больше потерь на Западном фронте с 1914 по 1918 г. Об этом писал германский авторитет в военной истории генерал Блюментрит. Генерал был крупным штабным чином в гитлеровской армии.

Естественно, Германия использовала золото не только для разложения России. Однако во всех других случаях это не принесло ожидаемого результата.

«Наша агентура имела лишь очень небольшой успех, — пишет в книге воспоминаний фон Гинденбург. — В борьбе между нами и противниками в этой области немецкое золото не помогло. Мы знали, что по ту сторону борющегося Западного фронта сидит правительство (французское. — Ю. В.), лично исполненное ненавистью и мыслью о мести и беспрерывно подстегивающее народ...

Франция истекает кровью из тысячи ран... Ни одного слова и ни одной мысли об уступке...»¹

Эти слова фон Гинденбурга могут служить косвенным доказательством использования золота против России, то есть для финансирования Ленина и его партии. Фон Гинденбург сокрушается: здесь, на Западном фронте, золото не разложило тыл Франции, не подтолкнуло левые силы к борьбе с собственным правительством. Звучит не высказанное прямо сожаление: не получилось, как с Россией. Экая досада!..

На престарелом Гинденбурге лежала определенная вина за укоренение национал-социализма в Германии.

По советским источникам, Чехословацкий корпус формировался из военнопленных австро-венгерской армии, а также русских подданных чешского или словацкого происхождения. Корпус подчинялся чехословацкому Национальному Совету во главе с Масариком, созданному в 1916 г. в Париже (вскоре в России возникнет филиал Национального Совета).

В апреле 1917 г. была сформирована Первая дивизия, в июне — Вторая. Их свели в корпус. Осенью 1917 г. дивизии разместились на Левобережной Украине.

Кое-что о корпусе уточняет и мистер Локкарт:

«Они (чехи и словаки. — Ю. В.) не любили царский режим, который отказывался признать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам».

После Октября 1917 г. корпус объявляет о своем нейтралитете, после Брестского мира занимает враждебную красной власти позицию. Командование корпуса объявляет его, корпус, частью французской армии и требует отправки в Западную Европу.

¹ Воспоминания Гинденбурга. Пг., «Мысль», 1922.

26 марта 1918 г. советское правительство заключает соглашение с филиалом Национального Совета об эвакуации корпуса через Владивосток в качестве частных лиц. К тому времени корпус насчитывал около 45 тыс. бойцов.

В дальнейшем его численность возрастет. Это воинское формирование называли по-разному — то корпусом, то легионом, то армией, то просто чеховоиск.

Самсон Игнатъевич до нецензурной брани презирал Совет народных уполномоченных — тот самый, что принял власть после дезертирства кайзера в Голландию. Прежде всего мой завклубом презирал этих уполномоченных как ренегатов-социалистов, а уже после — и как бездарных руководителей. Самого же Фридриха Эберта Самсон Игнатъевич клеймил и ненавидел наравне с кассиршей клуба — она никак не признавала в нем ответственного начальника и в глаза обзывала «самоедом». Ну совершенно несознательная бабища, просто крокодил! Изнемогая от ее дерзких ответов и замечаний (эти замечания Самсон Игнатъевич называл «фразочками»), завклубом удалялся к себе и «втирал» внеочередные 200 граммов. Я не раз являлся свидетелем, как он бормотал в градуированный стаканчик: «Мы таких сикушек всем взводом пляли — сразу на любой размер...» По младости лет я считал, будто таких тетенок секли всем взводом. И не мог взять в толк, как возможно такое. Ведь подразумевался взвод красных, и, кроме того, пытки и телесные наказания на вечные времена отменила Великая Октябрьская революция.

Словом, к последним, и самым кровавым, боям с газами, авропланами и танками легион вполне поспевал. И его очень ждали. Людские резервы давно уже иссякли у Германии (она даже приступила к расформированию ряда дивизий) и спустились к критической черте у французов. Англичанам, правда, еще можно было дышать — по тылам водились вполне здоровые и упитанные мужчины. И женщины от их вида не обмирали, вполне доставало им мужского внимания и ласки. Тут, по мнению Самсона Игнатъевича, вся пустоцветность женщин как на просвет. Нет сознательно беременеть и не уклоняться, рожать, а они, эти вертихвостки? Ну никакого гражданско-героического чувства. Ежели бы у каждой да два-три ребенка мужского пола сверх своего единственного — ну свободно имели бы две-три дополнительные армии против любой нынешней! Это ж какая сила! И не сочинить тотальное средства против недостачи на солдат. А посему — в почет и охрану материнство! Выше сознательность в браке и заботу о детях! В иконы многодетных мадонн! К лауреатству чувствительные романы о материнстве! Даешь солдат Родине!..

Высадка американских войск весной 1918 г. во Франции — ну самый этот голодный зуд выскребла. Без парней из Штатов еще

неизвестно, как французы с англичанами отмахались бы. Гляди и согласились бы на замирение с немцами. А что делать, на одних английских резервах фронт не устоит.

В главе «Итоги и перспективы к концу июня 1918 года» фон Гинденбург подытоживает результаты нескольких кровавых сражений первой половины восемнадцатого года, ставшие возможными из-за выхода России из войны. Финансирование большевиков обернулось значительным увеличением военной мощи Германии на западе, где решался исход войны.

«То, что было достигнуто нами в трех больших сражениях, с военной точки зрения оставляло в тени все, достигнутое с осени 1914 года на западе. Завоевание областей, количество добычи, кровавые потери противника — все это ясно указывало на размеры немецкого успеха...»

Казалось, еще шаг — и война выиграна, Англия, Франция и ее союзники сокрушены. И тогда свое слово сказали США.

Фон Гинденбург коротко замечает:

«С присоединением американцев исполнились наконец надежды англичан и французов...»

Судьба войны была решена, но только «с присоединением американцев», а до этого куда как зазывали Чехословацкий легион в Европу, не давали Масарику покоя, столько слов сказали о словаках, чехах и единой исторической миссии и даже общности. Ну иссыхает Антанта в любви к легионерам. И задвинули вагоны с легионерами весь путь от Волги до Владивостока. Дашь Западный фронт!

Любовь всегда несколько близорука, если не слепа. Антанта пораскинула мозгой: не по себе ей, вроде как дешевит, ну поспешила, что ли. С американцами уже никакого голода на людишек. Вполне способственно списать еще сотню-другую тысяч солдат без ущерба для фронта, а в таком разе лучше-ка поворотить новых союзников на мятеж: мат в два хода большевикам! А для этого и тужиться не след, легионеры и без того косятся на красных. Раздражает эту славянскую породу ленинский порядок в России: сплошь немецкие агенты и жидаы. А с другой стороны, посудите сами: куда приятнее и в определенном смысле надежнее геройствовать на Волге и в Сибири. У красных и армий-то нет, так, какие-то оглодки по городам, а тут спаянные дисциплиной соединения.

Союзники и поднажали на бывших пленных — ну в самом нутре России этот легион, лучше и не сочинить. А тут и центральное кремлевское правительство разродилось безоговорочным приказом разоружить легион. Глупее не поступишь.

Всякие колебания у легионеров долой! И от Волги до Сибири — в штыки на Советы!

Мятеж чехов и словаков завязался с требований увеличить выдачу хлеба, отказа разоружаться и следовать во Владивосток рассредоточенно, группами.

26 мая 1918 г. в час двадцать минут ночи сообщил о нем по прямому проводу из Омска в Наркомвоен председатель Западно-Сибирского Красного Совета Дронин.

Через два дня в Москву доложено дополнительно, что русские офицеры и белогвардейцы обнаружены среди сражающихся чехословаков...

30 мая 1918 г. газеты извещают об аресте командира Чехословацкого корпуса генерала Манза. А на другой день Совнарком обратился с воззванием к населению — необходимо создать постоянную армию для борьбы за хлеб и Революцию.

Тут взял на себя груз забот по организации отпора и товарищ Голощекин как уральский областной военный комиссар. Нет, царь еще был жив, вычислял в мечтах будущую жизнь в Англии: кончится же когда-нибудь арест с унижениями.

5 июня 1918 г. «Известия» обнародовали официальное сообщение о контрреволюционном мятеже Чехословацкого корпуса.

7 июня того же года Совнарком издает декрет о продовольственных отрядах «для реквизиции излишков хлеба». Это поистине один из самых людоедских и роковых для советской власти актов.

Мятеж был опасен республике не только своей контрреволюционной сущностью и военной организованностью. Он прерывал водные и сухопутные связи, а продовольствие надлежало срочно вывозить из Сибири. Оно уже было заготовлено, и в изрядном количестве. И урожай 1918 г. окажется на редкость богатым.

Но уже с 6 июня в красных сводках впервые упоминается Чехословацкий фронт под командованием А. Ф. Мясникова.

8 июня 1918 г. Совнарком получает по телеграфу докладную записку от председателя Троицкого Совета Я. В. Аппельбаума:

«... Чехословацкое восстание принимает грозные размеры, ставящие под угрозу судьбы революции и республики... Особенности мятежа требуют наискорейшей его ликвидации. Малейшее промедление поведет к гибели Советской Республики. Контрреволюция с головокружительной быстротой развивается и крепнет...»

Приказом наркомвоена Н. И. Подвойского создаются один за другим фронты. Все они сводятся в единый Восточный фронт с главнокомандующим М. А. Муравьевым.

Это удар по белочехам — арест их командира: прошляпили они, факт, прошляпили! Однако 10 июня легионеры берут в полон Омск и Николаевск. Вот вам, товарищи большевики, ответ за нашего генерала!

Тогда же, 10 июня 1918 г., Совнарком спешно издает обращение: контрреволюция сорганизуется — Сибирская областная дума образовала Временное Сибирское правительство.

Белочехи, российское офицерство, капиталисты и помещики, Временное Сибирское правительство, непокорство казачества — ответ может быть один: мобилизация народа.

К оружию, граждане!

Совнарком объявляет мобилизацию пяти возрастов в Поволжье,

Уральских и Сибирских уездах. В Москве назначен призыв артиллеристов и саперов пяти сроков. Шрапнелью и картечью образумить белую нечисть!

И чтоб зарубили на носу: Революция наша навсегда! Посему 18 июня Совнарком и выносит решение: ассигновать 1 млн. рублей на сооружение памятника Карлу Марксу!

Весь мир насилья мы разрушим! 11 июня 1918 г. следует сверхсрочное правительственное уведомление:

«Всем, всем, всем... Бывший главнокомандующий на Чехословацком фронте левый эсер Муравьев объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте...

*Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)
Народный комиссар по военным делам
Л. Троцкий»*

Честные граждане (а главное, сознательные) и откликнулись.

Кстати, по этому уведомлению и становится ясно, когда Троцкий начинает свою карьеру военного вождя республики. Подвойский же за бесталанность и неповоротливость с поста наркома по военным делам был освобожден. В скором времени его «бросят на физкультуру» — надежное пристанище для бездарей и лихоимцев, а также «штрафников»... надежное и кормовое. Не оставлять же своего «номенклатурно-кадрового» товарища без солидного и почетного дела.

В дни мятежа к советской власти примкнет около 12 тыс. легионеров¹. Их сердца покорили лозунги Ленина. Они заморожены идеей классовой войны и установлением мира без нищеты, насилия государства, всегда подчиненного богатым. Они отдадут себя суровой службе революции, а после умрут в большинстве своем за колючей проволокой советских лагерей.

12 июля 1918 г. постановлением Совнаркома И. И. Вацетис будет назначен командующим Восточным (Чехословацким) фронтом.

«Вацетис выдвинулся во время восстания левых эсеров, — сообщает Троцкий. — Под его руководством были установлены легкие орудия против штаба заговорщиков. Двух-трех выстрелов в упор — для острастки и без жертв — оказалось достаточным, чтобы мятежники бросились врассыпную. После измены авантюриста Муравьева на Востоке Вацетис заменил его...

Из казанского штаба (это в пору чехословацкого мятежа. — Ю. В.) он уходил вечером 6 августа одним из последних, когда белые

¹ Эта цифра вызывает определенные сомнения. Не исключено, что она весьма завышена ради идеи международной солидарности трудящихся. Во всяком случае, в советских источниках вообще не упоминаются сколь-нибудь значительные воинские формирования из чехословаков, воевавших в составе Красной Армии.

уже занимали здание. Он выбрался благополучно и кружным путем прибыл в Свияжск, потеряв Казань, но сохранив свой оптимизм».

Один из первых докладов не потерявшего оптимизм Вацетиса: «...наши войска бегут, не сражаясь». Это был доклад правительству.

В конце мая 1918 г. белочехи захватили Пензу и через Сызрань двинули на Самару. 8 июня они вычищают из Самары большевиков. Из пяти бывших членов Учредительного собрания (эсеров) организуется новая власть — тоже социалистическая, вроде как и в Москве: Комитет членов Учредительного собрания. В просторечии — Комуч, или «Самарская учредилка». Эсеры это уже обдумали: никакой отсебятины. На все — согласие ЦК партии социалистов-революционеров, инструкции, списки, заявления...

Комуч взял на себя законодательную власть.

Его Советом Министров становится Совет управляющих ведомствами. Военские формирования объединены в «Народную Армию», как и было предусмотрено. К середине июня ее численность достигла 30 тыс. бойцов. Пост командующего армией доверили Галкину.

Самсон Игнатъевич об этом Галкине ничего путного сообщить не мог, ну не знает. Зато о начальнике ведомства труда...

Оказался среди управляющих (начальников) ведомств, то есть самарских министров, и меньшевик Иван Михайлович Майский — будущий посол СССР в Великобритании в самые ответственные годы второй мировой войны, то бишь при Черчилле. В Самаре Майский отвечал за ведомство труда. Тут я понаслушался от Самсона Игнатъевича!..

Вслед за Комучем в Омске объявляет о себе Временное Сибирское правительство во главе с Вологодским. За этим правительством прочно, этак по-сибирски кряжисто стояла Сибирская областная дума эсеровского толка (своего рода сибирский Комуч). Таким образом, на Востоке сразу обозначаются две заметные, довольно влиятельные антибольшевистские власти — Комуч (в Самаре) и Временное Сибирское правительство (в Омске). Сила большевизма в Центре вынуждала контрреволюцию к сопротивлению на окраинах, во всяком случае, на изрядном отдалении от Москвы и Питера.

А легион не теряет времени. В какие-то недели свергнута советская власть в Челябинске, Томске, Екатеринбурге, Барнауле, Красноярске, Семипалатинске, Иркутске, Симбирске... Для Москвы это как громадный змей: жало над Волгой, а хвост уперся в Тихий океан, у Владивостока.

Общее командование чехословацкими частями осуществлял молодой полковник Чечек.

О сдаче Симбирска главком Восточного фронта Вацетис доносил в Наркомвоен:

«...Симбирск пал 22 числа сего месяца (июля. — Ю. В.) в 2 часа дня, и только вечером 23 числа я получил донесение командира 4-го Латышского стрелкового полка... На мой приказ 4-му Латышскому полку выступить... в Симбирск я получил от командира этого полка резолюцию массового собрания о том, что солдаты постановили отправиться в глубокий тыл на отдых. Полк так и не выступил. Тогда я приказал выступить в Симбирск командиру полка, комиссару полка, полковому комитету, всему командному составу, фракции коммунистов и всем честным солдатам, не потерявшим стыд и совесть. В общем, набралось 173 выступающих. Но в ответ на этот приказ командный состав подал командиру полка заявление об отказе от занимаемой должности. Я категорически запретил это. Но означенные 173 человека тоже не выступили в Симбирск...

У белогвардейцев были триста конников и четыре орудия, наши ж силы были гораздо многочисленнее, но без дисциплины и привычки к произволу и трусости.

Наши солдаты выбрались из Симбирска заблаговременно вместе с комиссарами и членами губисполкома...

Для оказания помощи Симбирску 20 июля мною было приказано из Казани выдвинуть отряд Трофимовского в 350 человек при двух орудиях, двух аэропланах и 100 конях... Туда же и в том же направлении послана... венгерская рота (а вот и пленные появляются. — Ю. В.)... Пока удалось собрать артиллерию, мазут, аэропланы, прошло три дня. В воскресенье артиллеристы отказались грузить орудия, ссылаясь на то, что праздник...»

Но и сам товарищ Вацетис не совсем главнокомандующий над своими войсками.

1 августа 1918 г. Ленин пишет, так сказать, приватно П. А. Кобозеву, К. Х. Данишевскому, К. А. Мехоношину, Ф. Ф. Раскольникову:

«Товарищи! Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть несколько слов. Достаточно ли энергично работают военные руководители и Вацетис? Хорош ли контроль комиссаров за ними?.. Сейчас вся судьба революции стоит на *о д н о й* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань—Урал—Самара. Все зависит от этого...»

...При таком воинстве, да без комиссаров, не то чтобы трудно, а гибельно республике. Потому в одну упряжь впрягаются политический и «женевский» надзоры, что, впрочем, в этой республике является едино нераздельным. «Женевский» механизм и возник как гигантский вырост из центрального аппарата партии — ЦК. С тех пор только ему подчиняется. И стоит над государством.

Убеждать! Убеждение не действует — карать!..

Однако наскоро слепленный фронт продолжает пятиться, а местами просто рассыпается. Личный состав для него срочно изымают с Северного и Западного участков завес, Карельского участка, Псковского, Брянского и Курского районов, а также из Петрограда...

Захват Симбирска с его патронным заводом устранил острый недостаток в боеприпасах у белых.

Чу, запах крови!

Вацетис не сообщает имя доблестного командира полка, виновного, среди прочих, в сдаче родного города главного вождя революции, а им оказался Я. Я. Лацис — будущий механик «женевского» дела, да из ретивых! А тогда он благополучно сдал полк и получил 1-ю Инзенскую (потом 15-ю) стрелковую дивизию. В 21 год отчего не покомандовать — мир так прекрасен! В отличие от Вацетиса образования он вообще не имел. Но разве не политическая сознательность и убежденность прежде всего определяют ценность человека... Юный Лацис покомандовал и группой войск, и опять-таки — родной Латышской дивизией (1920), а уж потом посвятил себя чекистским подвигам. Душа в душу жил с «женевской» уродиной, пока не заглотнула она и его в 1937-м — едва успел отпраздновать сорокалетие Ян Янович. От этого ее коварства пострадали многие заслуженные «женевцы». Думали: коли они рубят, то их уж ни за что не возьмет никакое устройство — вроде заговоренные.

Водился и другой Лацис¹ — сомеханик по «женевскому» ремеслу. Мартын Иванович — бывший учитель; в самых блестящих «женевцах» хаживал, пока в 1938 г. не схарчило его «женевское» приспособление, а ведь всей чека по Украине командовал! Тут уж не запах — голова кружится от крови.

Нахальные напрашиваются выводы. Учителями по образованию (или очень близко к ним) оказываются едва ли не самые преступные люди в истории: Муссолини, Мао Цзэдун (учительская семинария) и даже Махно. Набирались культурыности в духовной семинарии Сталин, Микоян и Петлюра...

«Женевская» колотушка проявила определенную склонность к бывшим латышским стрелкам: повышибала их с превеликим тщанием. Правда, Мартын Иванович в Латышской дивизии не служил.

Это при Мартыне Ивановиче в лето 1919 г. обязанности начальника Особого отдела ВЧК Двенадцатой армии справлял Грюнвальд — тоже латыш. Как не порадеть земляку (однако чекисты возражают: мол, не знали о баронстве Грюнвальда; из баронов ли он — это тоже вопрос; когда нужно обеляться — и не такие оправдания идут в ход).

Особый отдел армии размещался в Киеве.

Народу этот латышский протезе Лациса извел на тысячи. Расстрелял красавицу грузинку Чхеидзе: отказалась быть любовницей. И товарищ Грюнвальд ее... как английскую шпионку. А что, вражина, момента не понимает? В огне республика!

¹ Настоящие имя и фамилия — Судрабс Ян Фридрихович.

Примем эту версию, будто Грюнвальд из баронов. Тогда при царе и при самом этом золотопогонном баронстве и на ноготок не было такой власти — и не снилось, куда там! Хозяин над Киевом. И вообще хозяин.

Тут и вспоминать прошлое нелепо. О чем жалеть-то? Разве жил при царе? Разве то была жизнь?!

И все ничего, но ведь замахнулся и на своих, когда вздумали ставить предел его власти. Свои и кинулись в Москву. Их воодушевил на бунт славный чекист Фомин Федор Тимофеевич — будущий комкор с «особо ценными заслугами в борьбе с контрреволюцией». Федор Тимофеевич по случаю оказался в Киеве, рану лечил, а тут Грюнвальд рвет резолюции партийных собраний!

И повязали Грюнвальда.

А тут войска генерала Бредова¹ надавили — и пал Киев².

Бредов, как утвердился в Киеве, велел раскапывать братские могилы. Тут же, возле могил, производилась запись в белые полки: можно — в Семеновский, а можно — и Корниловский, не жалко. Так сказать, с предметным нравоучением: вот трупная вонь ленинской власти — выбирайте. Ну полны рвы, до краев... И записывались в Добровольческую Армию, проявляли несознательную и классовую гниль.

А в Москве — правож над Грюнвальдом. Барон, бывший штабскапитан, а поди-ка, так чисто справлялся с задачей расчистки советской республики. И надо же, железный Мундыч слиберальничал: убийца тысяч невинных людей (даже по меркам ВЧК невинных!), а не заплатил жизнью. Истинно: ворон ворону глаза не выклюет. Всего-то 10 лет и схлопотал бывший ответственный чекист, а потому что в принципе полезную работу исполнял, и с размахом. Работы-то сколько!

Через год с небольшим скостили десятилетний срок вдвое по случаю окончания Гражданской войны: была в этой победе и очистительная заслуга товарища Грюнвальда. А через несколько месяцев и вовсе выпустили — вещь неслыханная и немислимая для обычного советского заключенного. Этих клали как «контр» без пощады.

Владимир Ильич по всем этим вопросам письмо соорудил Мартыну Ивановичу: все-таки Лацис, председатель всеукраинской ЧК, лично его, Ленина, выдвигенец.

¹ Деникинский генерал Н. Э. Бредов — в годы мировой войны генерал-квартирмейстер Северного фронта.

² Знаменитый литератор М. А. Булгаков вспоминал: «По счету киевлян, у них было 18 переворотов... я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил...»

Михаил Афанасьевич не уточняет, что каждый переворот сопровождался убийствами, арестами, некоторые — массовыми, как, скажем, при бароне Грюнвальде или Петлюре. А что творилось на юге, особенно в приморских городах! Белые, красные, зеленые, банды Григорьева, Махно, Маруськи и множества других «освободителей» и грабителей. И кровь, кровь...

«На Украине Чека принесли тьму зла, — указывал Владимир Ильич, — быв созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся...»

Чтобы так написать: «...принесли тьму зла», — следовало наворотить самую настоящую тьму зла. Значит, было кого жалеть Мундычу, умело расчищал землю Грюнвальд.

А с другой стороны: для чего, спрашивается, волокли тогда гильотину из Женевы и потом на всю страну ладили?..

А барон подался в Латвию. В 1924 г. английским шпионом проник в Советский Союз (уж эти англичане!), был опознан латышом-чеккистом: не дремлет истинный «женевец» — и расстрелян. Не оценил бывший чеккист душевной щедрости главы бывшего своего ведомства.

М. И. Лацис входил в состав Петроградского ВРК в октябрьские и декабрьские дни семнадцатого. И понятно: он был кадровым партийцем.

23 апреля 1928 г. он прислал в Центрархив справку. Оказывается, Мартын Иванович возглавлял Бюро комиссаров ВРК.

«Это бюро возникло сейчас же на следующий день после переворота и, если не ошибаюсь, по предложению тов. Подвойского. Вначале этой работой руководил тов. Невский, на следующий день он передал эту работу мне. С тех пор Бюро комиссаров возглавлял я вплоть до моего назначения в Наркомвнудел. Работа Бюро комиссаров состояла в том, чтобы наметить из числа партийных рабочих и партийцев вообще подходящего человека на должность комиссара той войсковой части или тому учреждению, где не было наших людей... потом (комиссары. — Ю. В.) стали направляться и в провинцию...»

Это Лацису принадлежит «честь» расстрела штаба батьки Махно, захваченного обманном образом. Сам же батько успел уйти. Впрочем, таких дел на Мартыне Ивановиче — и не сосчитать!

О встрече со штабом батьки Махно в Гражданскую войну повествует в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Советской Армии Григорий Давидович Пласков («Под грохот канонады». М., Воениздат, 1969).

«...Возглавлял колонну его (батьки Махно. — Ю. В.) заместитель Каретников. За ним гарцевал штаб — полсотни всадников по шесть в ряд, все на прекрасных резвых конях. Правофланговый каждого ряда держал на стремени штандарт на длинном древке. На черном бархате выведено: «Вечная память основателю свободы бате Кропоткину!», «Да здравствует вольность, анархия!», «Смерть законам!», «Вся земля крестьянам. Коммунистам — по три метра», «Освободителю украинских крестьян батьке Махно — слава!», «Долой деньги, да процветает свободный обмен!», «Бей сегодня Врангеля, завтра — совдепы!».

Сияет серебром сбруя на конях. Махновцы в шикарных кубанках, в опушенных мехом коротких свитках из дорогого сукна...

За штабом катят тачанки, сверкающие свежей черной краской. В каждую впряжены черные лошади с бубенцами... И вся эта масса гогочет, свищет, пиликает на губных гармошках...»

В 1970-х годах Молотов вспоминал именно об этих днях:

«В гражданскую войну был момент, когда Деникин подходил к Москве, и неожиданно выручил Советскую республику Махно. Вот видите, даже Махно иногда пользу приносил. А положение было такое, что Ленин собрал нас и сказал: «Все, Советская власть прекращает существование. Партия уходит в подполье». Были заготовлены для нас документы, явки...»

Мартын Иванович был не просто практиком, а и святителем «жениевского» дела. В 1921 г. сдал дела новому председателю чека Украины и срочно вернулся в Москву, в центральный аппарат ВЧК, где занял пост заведующего Секретным отделом.

ВЧК продолжал бесценно руководить Мундыч, а делами ее управлял обходительнейший Генрих Ягода — будущий верховный глава ОГПУ-НКВД, третий после Дзержинского и Менжинского вождь синего воинства.

Тогда же, в 1921 г., в Госиздате Мартын Иванович напечатал свою знаменитейшую книгу «Чрезвычайные Комиссии по борьбе с Контр-Революцией»¹ — почетно первую и самую ценную в многотысячной серии книг о ВЧК-КГБ.

На странице 8-й Мартын Иванович дает пояснения:

«Чрезвычайная Комиссия — это не следственная комиссия и не суд. И не трибунал...»

Он (орган. — Ю. В.) врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто с оружием в руках по ту сторону баррикад и кто ничем не может быть использован для нас...»

На странице 25-й Мартын Иванович обещает (все-таки учитель по профессии):

«Когда нам удастся сломить контрреволюционный натиск и получить передышку, ВЧК откажется от негласного разбирательства дел и передаст их на слушание ревтрибуналам».

На странице 27-й Мартын Иванович определяет и место ВЧК в строении власти:

«ВЧК, как орган чрезвычайный и временный, не входит в нашу конституционную систему... Поэтому сейчас ВЧК числится при Совнарком».

В Приложении Мартын Иванович без всякой задней мысли приводит и циркулярные письма ВЧК, среди них и письмо от 17 июня 1920 г. с такой постановкой задачи:

«ВЧК снова предписывает вам, дорогие товарищи, уделить самое усиленное внимание вопросам транспорта, продовольствия,

¹ Тираж этой чрезвычайно ценной для историка книги (ныне величайшая редкость) составил 10 000 экземпляров.

военному делу и антисоветским партиям, которые должны быть обезврежены и сведены на нет...»

«Дорогие товарищи» — это работники ВЧК всей России.

Не книга, а клад — вся роспись всероссийской жизни.

«Ничем не может быть использован для нас» — это значит, будем гнать в могильный ров добрую часть России, ибо нет от нее прямой вещественной пользы.

«Негласное разбирательство» — оно и было, и остается узловым, заветным приемом «женевской» гадины. В этом поклянется каждый русский и по ту и по сю сторону баррикад. Что до «ревтрибуналов» — так это те же «женевцы», даже гримироваться не надо: там клеить усы или парик ладить...

«Не входит в нашу конституционную систему» — «женевская» тварь была, есть и будет находиться вне конституции, ибо это — «разящий меч»...

«Антисоветские партии... должны быть обезврежены и сведены на нет» — так все партии (все до единой, в том числе и любые политические организации) были к 1921 г. объявлены антисоветскими. Стало быть, все — и под корень. Все без права жительства на этом свете, кроме РКП(б)-КПСС. Как первоочередную задачу, сверхважную, отчеркнул ее заведующий Секретным отделом в книге.

Что и толковать, впечатляющий документ оставил для потомков Мартын Иванович. Он, кстати, все на себе испытал: и обещанную гласность разбирательства, и конституционную деятельность «карающего меча», и еще много-много чего, а после, как не могущий быть использованным (ну никак не приладишь Мартына Ивановича ни к чему!), сгорел в чреве «женевской» твари, ибо она «не судит, а разит; не милует, а испепеляет...».

А ведь какой работник был, даже со всеми пел «Широка страна моя родная».

И то не лишено правды: с первых дней существования взяла «женевская» тварь и свою самостоятельную линию, независимую от партийных вождей, так сказать, учитывала и собственный интерес. Так, она, не уведомляя Ленина, арестовала его активнейшего исполнителя целого ряда поручений — Резникова.

Ленин совершенно случайно прослышал о мытарствах Резникова на Лубянке и даже более того — об угрозе расправы. Первопричиной ареста, как выяснилось, послужила самостоятельность суждений и поступков арестованного. На это Ленин заметил:

— Ну, знаете ли, товарищи, если такие люди, как Резников, числятся в контрреволюционерах, тогда мы все — контрреволюционеры!

Резников избежал расстрела буквально в последние минуты. А сколько, значит, легло вот просто так — вообще без вины, даже

надуманной! Да что я пишу? Миллионы и легли без вины, даже надуманной. Все десятки миллионов, без исключений.

Уже одно это доказывает: Мундыч был карателем по натуре плюс фанатичной убежденности. Ограниченность и коварство, извращенность коварства.

Впрочем, этот почетный гражданин Лубянки оплатит и самому главному вождю знаменитым «грузинским» делом. Ленин уже добавивал последние дни, впереди вся дорога расплывалась в туман и ничто. Мундыч знал: Ленин обречен — и спокойно принял сторону Сталина, наблюдая за агонией Владимира Ильича...

Иначе и быть не могло. Все происходило и происходит в точном соответствии с природой вещей. Их природой... разрушителей Жизни и жизнью...

Кверенс, кем деворит... Что значит в переводе с латинского: «Ищущие, кого бы сожрать».

В эти же недели (июль 1918 г.) следуют мятежи левых эсеров в Москве и вообще эсеров под руководством Бориса Савинкова — в Ярославле, Муроме, Рыбинске, Арзамасе, а также — измена главнокомандующего Восточного фронта левого эсера Муравьева. Куда какая проба на крепость большевикам!

«Народная Армия» Комуча тоже поднатужилась: даешь Казань! Всех будоражили слухи о Казани. Вместе с «Народной Армией» шли и белочехи — дело-то общее. Но прежде они, как бы попутно, усмиряют на белый лад Уфу.

А в «Народной Армии» сразу стало широко известно имя полковника русской службы Владимира Оскаровича Каппеля. Вместе с полковником Чечекон он оказывается во главе мятежа, успешно командуя войсками. Здесь проявит себя и будущий колчаковский генерал С. Н. Войцеховский.

«Народная Армия» и чехословацкие батальоны наступают вместе, плечом к плечу, чапце и в одних цепях.

Красная Казань пала 7 августа. Генерал Болдырев записал в дневнике, что с той поры «Народная Армия» могла воевать без помощи извне. Огромные запасы оружия и боеприпасов сказочно подкрепили контрреволюцию на Востоке.

Но что самое существенное — Комуч накрыл основную часть золотого запаса России: кроме золотых слитков — несметное количество серебра, платины и прочих драгоценностей. Золота оказалось не сотни, а тысячи пудов!

Приобрел Комуч и трофей вовсе невиданный — Академию Генерального штаба вместе с профессорами и начальником — генералом А. И. Андогским, а при академии — и ценнейшую из русских библиотек. Ее генерал Андогский сторгует в 1922 г. японцам. Гибели библиотеки для России воспрепятствует захват Владивостока Пятой армией Уборевича.

Впрочем, сохранилась ли она для России? Ведь благополучно

сгнули ценнейшие библиотеки, скажем редчайшее собрание книг А. Ф. Кони. Представлять Александра Федоровича нет надобности: видный деятель судебной реформы при Александре Втором, он оставил приметный след и в русской культуре, хотя бы плодотворным товариществом со Львом Николаевичем Толстым (сюжет «Воскресения» писатель принял от него). Помимо всего прочего, являлся Александр Федорович и председателем русского общества библиофилов. Умер он в относительно спокойном 1929 г., и вскоре редчайшие книги из его собрания (подлинные жемчужины) появились на самых северных полярных зимовках. Мало того, что такого рода собрание книг — результат кропотливого сбора всей жизни — оказалось разрозненным, оно целиком сгнуло в небрежностях и тяжком быте зимовок тех лет (нетопленные, сырые помещения, а порой и землянки, мыши, грязь и плесень). О книгах этой библиотеки, рассыпанной по зимовкам, вспоминал спустя много лет знаменитый полярный радист Эрнест Кренкель: не однажды листал на зимовках.

В те далекие недели лета 1918 г. власть «Самарской учредилки» пожаром полыхнула на Самарскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губерний.

Гражданскую войну эсеры представляли не по-ленински, не как смертельное столкновение двух противоположных классовых сил — буржуазии и помещиков против пролетариата и беднейшего крестьянства, а трех сил — буржуазии и помещиков, пролетариата, руководимого большевиками, и демократии, к которой они причисляли трудовых крестьян, ремесленников, мелких торговцев и интеллигенцию. Вождем третьей, и главной, по мнению теоретиков эсерства, силы социалисты-революционеры считали свою партию — самую многочисленную и влиятельную до семнадцатого года. В основном царский сыск был нацелен на подавление именно этой партии. Кадетов боялись, но кадеты не занимались террором. Кадеты лишь в Думе оспаривали волю царя.

Партию эсеров возглавлял Виктор Михайлович Чернов — тот самый, что дискутировал с Лениным и Плехановым в Женеве, где творцы отечественной социал-демократии столь усердно прикидывали схему «женевской» машины и, само собой, устав жизни при ней — на сколько лет вперед глядели!

Уж Виктор Михайлович знал о «женевщине» все — до единого символа и словечка. Может, потому и не прихватил его этот дивный механизм? Ведь унес за «речку» кости самый главный эсер.

Едва ли не все теоретические положения эсерства разработал Чернов, в том числе и это, о трех силах революции. Виктор Михайлович не слыл, а был знатоком Маркса — мог цитировать его по всем частям на память. При всем том не производил впечатления книжно замордованного человека и даже очень нравился дамам. Да

и как не нравиться! Имел приятный овал лица. До почтенной старости сохранил густые волосы, седеющие от висков, почти мушкетерские усы стрелками и вполне интеллигентскую бородку. Любил прищегольнуть воротничком с лиссеями, даже когда они вышли из моды, и обожал застолье — ну совсем как Лев Борисович Каменев. И тосты, как сочинял и как декламировал тосты! Речь звучная, живая, ну хмель, а не слова. И темперамент — влюбчив!

В 1917 г. отношение к Чернову в среде социалистов-революционеров меняется. Товарищи по партии признают в нем талант теоретика. Однако личные качества Виктора Михайловича отталкивают. В жгучие месяцы между двумя революционными взрывами лидер партии поглощен «сменой подруги». Ему доверен ответственный пост — министр земледелия во Временном правительстве, не пост, а рычаг, которым можно изменить настроение народа, а Виктор Михайлович переживает пору влюбленности, с головой уходит в бракоразводную суету.

Вождем у них, эсеров, мог быть Савинков, но если Чернов пренебрегает партией ради любовных утех, то Савинков несет за собой по жизни отвратительное признание, не признание, а разложение, подлость.

«Почему нельзя убить мужа своей любовницы, но можно убить министра? — заявляет он в 1909 г. — Если вообще можно убить человека, то безразлично, кого и по каким мотивам».

С тех пор репутация Бориса Викторовича и подмочена.

В годы второй мировой войны Виктор Михайлович уже в весьма преклонных летах, однако с достойной отвагой участвовал во французском движении Сопротивления и даже в конце концов отказался от эсерства ради «конструктивного социализма» — все пытался пристроить ему человеколюбивые параграфы. Умер всего на год раньше Сталина — непримиримого врага не только капитализма и его «платных прихвостней» — социалистов-революционеров, но и вообще партийности любого толка, даже лучезарно-ленинской (оттого и выбил кадры партии). Ведь все они, эти партийности, не являлись сталинскими, то есть рабски-всеядными по существу да с неизменно обязательным свет-солнцем в центре мироздания — генералиссимусом и «отцом народов».

Виктор Михайлович знал Ленина: десятки, если не сотни встреч, бесед, споров на диспутах... Это знание позволяло Виктору Михайловичу утверждать, что политика не только целиком поглотила Ленина, но и убила в нем все человеческие чувства... Убедительное свидетельство. Свидетельство из того времени.

Только подумать, был Виктор Михайлович всего на три года младше Ленина. Вот куда могли занести годы Ослепительно-Непогрешимого при благополучии в организме. Свободно мог бы «выкатить» своей стремительной походкой, засовывать пальцы за проймы жилета, картавить и вообще внушать с экрана телевизора КВН. Это ж сколько пришлось бы зубрить и «сдавать» томов против нынешних 55 и в школе, и в институте, и на службе в обязательно-при-

нудительных кружках — и все за обыкновеннейшее право просто ходить и дышать на земле. Ну не патриот ты без этих томов и страсти к Непогрешимому, не дышать тебе и не любоваться солнышком, а самое место по назначению гнить на задворках жизни. Нет, лучше кричи из последних сил марксистские молитвы, ну бей себя в грудь, разоряйся, бойся своих мыслей, отрекись от себя. Не человек важен и не люди, а общее движение к светлому завтра!..

Для Чижикова (одна из революционных кличек Сталина) столь долгая жизнь Владимира Ильича явилась бы просто уголовным деянием. Не заявишь же на политбюро, что нет больше мочи ждать. Ну распирает как хочется посекретарствовать в одиночку. Ну чихнут вокруг народы! Само собой, пришлось бы по такому случаю помочь упокоиться Ильичу, как поспособствовал в том своей жене и вообще десяткам миллионов людей...

До назначения Троцкого наркомвоенмором с каждым днем нарастала угроза прорыва волжской контрреволюции (во всю грозную силу полыхнул Чехословацкий мятеж) в срединную Россию. И тогда уже возникала угроза советской власти вообще.

В ночь с 7 на 8 августа восемнадцатого года спешно формируется поезд наркомвоенмора Троцкого. К утру поезд отправляется в Свияжск, «на Чехословацкий фронт».

Это особый поезд. Он был настолько тяжел, что шел с двумя паровозами. «Уже в 1918 году, — вспоминал Троцкий, — он представлял из себя (собой. — Ю. В.) летучий аппарат управления. В поезде работали: секретариат, типография, телеграфная станция, радио, электрическая станция, библиотека, гараж и баня».

В поезде всегда находился десант, готовый к решительным действиям («Кожаные куртки», — называет его бойцов Троцкий).

Два с половиной года с малыми перерывами Лев Давидович мотался в железнодорожном вагоне по фронтам. А тогда, 8 августа, он отправился в свою первую «командировку» — Свияжск, куда сгуртовались разбитые красные войска.

Троцкий сталкивается с губительнейшим саботажем и круговой изменой. Только случай спасет его от гибели в первые сутки по прибытии.

«Измена гнездилась в штабе, в командном составе и вокруг, — вспоминал он в эмиграции. — Неприятель знал, куда бить, и почти всегда действовал наверняка. Это обескураживало...»

Измена действовала тем увереннее, чем безнадежней казалось военное положение революции. Надо было во что бы то ни стало, и притом как можно скорее, преодолеть автоматизм отступления, когда люди не верят уже в самую возможность остановиться... и ударить врага в грудь¹.

¹ Слово у Троцкого поставлено, оно весьма энергично, но это слово газетчика. Оно совершенно лишено образности. Сказались десятилетия газетной работы, постоянная отжимка текста в угоду голой информации.

Член Реввоенсовета республики Сергей Иванович Гусев дает картину-документ тех дней.

«Приезд тов. Троцкого внес решительный поворот в положение дела. В поезде тов. Троцкого на захоластную станцию Свяжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы... Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свяжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани».

Все соответствует действительности: Казань будет возвращена через месяц. Однако не все протекало столь гладко.

«28 августа, — рассказывает Троцкий, — белые предприняли обход. Во главе серьезного отряда полковник Каппель, впоследствии прославленный белый генерал, зашел под покровом ночи нам в тыл, захватил ближайшую небольшую станцию, разрушил полотно железной дороги... пошел в атаку на Свяжск. При штабе Каппеля находился, если не ошибаюсь, Савинков...»

Троцкий снял с фронта несколько рот, присоединил к ним «кожаные куртки» и загородил дорогу Каппелю. Бой не затихал 8 часов.

Именно в августовские недели из случайных лоскутных отрядов будут сформированы «правильные части». Из Москвы, Питера подъедут тысячи рабочих-коммунистов.

«Полки крепили и закалялись. Комиссары получили в частях значение революционных вождей, непосредственных представителей диктатуры. Трибуналы показали, что революция, находящаяся в смертельной опасности, требует высшего самопожертвования. Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессии был, в течение нескольких недель, достигнут необходимый перелом. Из зыбкой, неустойчивой массы создалась действительная армия. Наша артиллерия имела явный перевес... Наши летчики господствовали в воздухе. Я уже не сомневался, что мы вернем Казань, как вдруг 1 сентября я получил шифрованную телеграмму из Москвы: «Немедленно приезжайте. Иллич ранен, неизвестно, насколько опасно. Полное спокойствие. 31. VIII. 1918 г. Свердлов» Я выехал немедленно... Я... вернулся в Свяжск. Казань взята была 10 сентября. Через два дня соседняя, 1-я армия взяла Симбирск (ею командовал Тухачевский. — Ю. В.)».

Спустя год-два Троцкий упомянет об этих днях на заседании политбюро.

«Один раз только я упомянул на заседании политбюро, что, если бы не драконовские меры под Свяжском, мы не заседали бы в политбюро. «Абсолютно верно!» — подхватил Ленин...»

«Драконовские меры»...

Они заявят о себе под Казанью, но не станут отмирать. Нет, эти драконовские меры будут сотрясать Россию десятилетие за десяти-

летием. Иначе не представлялось возможным вживлять в жизнь страны, народа утопию вождя и его партии.

Воспоминания Троцкого «Моя жизнь» я сумел приобрести лишь недели за три до предполагаемого выхода первой книги «Огненного Креста» в издательстве «Новости» — это начало августа 1991 г. (за две недели до путча КГБ и головки КПСС).

Впервые я имел возможность прочесть их еще в 1961-м. В тот год Вена принимала очередной чемпионат мира по тяжелой атлетике. С нашей командой работал (с австрийской стороны) молодой переводчик — он закончил Московский институт физической культуры, мастерски играл в волейбол. Его отец (австрийский коммунист) вернулся из советских лагерей без руки. Как обстояло дело с коммунистическими идеалами — не берусь судить. Переводчик как-то познакомил меня с ним: энергичный загорелый старик без части руки. Эту часть заменял крюк, которым он ловко орудовал за стойкой маленькой гостиницы, по-моему, все-таки партийной...

Переводчик несколько раз предлагал воспоминания Троцкого — я отвечал: «Нет!» Уже тогда я видел окружающий мир, как бы пронизанный во всех направлениях людьми КГБ. Ведь общество пронизывал страх перед тайной службой, беззащитность перед ней. Что жизнь у нас ничего не стоит, это я в свои 25 лет усвоил прочно.

Думаю, тогда чтение Троцкого могло принести многое, сейчас — я испытал разочарование. Стоять у огня таких событий и столь бледно дать их оттиск, порой даже дилетантски бледно. Словом, я встретился с богом-громовержцем революции через 30 лет. Так, от главной работы оказались отсеченными десятки ценнейших источников. К серьезным выводам, порой основополагающим, пришлось брести на ощупь, порой по косвенным свидетельствам, замечаниям, однако чаще всего — совершенно самостоятельно. Это и укрепляло, и ослабляло работу. Появлялось нечто свое, но в отрыве от мировой науки и мысли такие работы не делаются. Однако в этом присутствовала суровая необходимость, это выводило из игры, целиком нейтрализуя, центральную силу разрушения — КГБ. Ту самую силу, которая столь чудовищно перепახала, исказила душу и плоть России. На каждом русском ее след — не отделаться, как родимое пятно, можно только выжечь, как татуировку, и то не в каждом случае...

Есть над чем поразмыслить товарищу Троцкому.

7 августа на Восточном фронте скошен осколком комиссар Западной Сибири товарищ Усиевич. Горькая утрата для партии, поищи таких. То-то и оно...

10 августа белые в Казани (они оставят ее ровно через месяц). Дрожит, колеблется вся ниточка фронта по Волге. Вот-вот осадят красные отряды (конечно, отряды — куда им до классово сознатель-

ной армии), а там... Москва! 500—800 верст — и первопрестольная! На каждом фонаре по большевику — и колокольный звон!..

Именно в этих боях за Казань прославится и белый генерал Вержбицкий, но выше всех имен взметнется имя Каппеля.

Дни и ночи Лев Давидович в работе. Сколотить штаб и штабы, укрепить красные части, чтоб не драпали и не поднимали на штыки своих комиссаров. Наладить снабжение, подать боеприпасы. Колдуют военспецы над картами, чертят стрелы, мастерят удары по белому воинству. В адском кольце республика!

И сломил Лев Давидович ход событий, поверила, двинулась за ним армия. Сбил он из полуразложившихся и митингующих отрядов настоящую армию.

23 августа чехословаки оставили Красную Горку, Николаев и Ново-Спасск.

6 сентября советские газеты сообщили о том, что жизнь Ленина вне опасности.

9 сентября красными взяты Грозный и Уральск.

10 сентября Троцкий в бронепоезде въехал в Казань. По случаю взятия Казани Кремль в Москве украшен красными флагами.

12 сентября пали Симбирск и Вольск. Ура Ленину и Троцкому!

16 сентября на заседании ВЦИКа принят декрет об учреждении знака отличия — ордена Красного Знамени.

Ян Фабрициус (1877—1929) до окончания Гражданской войны получит четыре таких ордена и еще Почетное оружие. Фабрициус командовал бригадой в боях против Юденича, Деникина и белополяков. Погиб в авиационной катастрофе...

Московские газеты оповестили православных: товарищ Ленин выздоровел и 17 сентября впервые после ранения присутствовал на заседании ВЦИК. Грозовым «ура» отозвалась бедняцкая Русь! Наш вождь! Замоём кровью муки вождя!..

Давят красные полки.

3 октября красные уже в Красноуфимске и Елабуге, 4 октября — Сызрани, 7 октября — Самаре, 16 октября — Бугульме, 29 октября — Бугуруслане¹.

Белочехи пятаются, оглядываются: как бы к Тихому океану поближе, а там на корабли — и домой...

Дивизия, которой командовал Василий Иванович Чапаев, после его гибели получила наименование Чапаевской. Она освобождала от колчаковцев Уфу и Уральск, а после и Киев от «белополяков». Ее бойцы с беззаветной храбростью сражались в 1941—1942 гг. в осажденных Одессе и Севастополе против немцев и румын.

Впитывает земля кровь. Много крови. Земле без разницы — русская, татарская, чешская или словацкая. Без счета закапывают

¹ К р я ж и н В., П а в л о в Б. Два Красных года, ноябрь 1917 г. — ноябрь 1919 г. Хронология Пролетарской Диктатуры. М., 1919.

Это одна из книг, которых, по-моему, больше не водится в природе. У меня экземпляр с печатью: «Книга Показательной выставки „Центропечати“». Здесь и дальше даты приводятся преимущественно по данной книге.

людишек: ни креста, ни красной звездочки — степь да остервенелые потные рожи...

Однако накладочка выйдет у красных. Ослабят свой боевой натиск с холодами, а белым это «в масть»: выберут в вожди Колчака, приведут в порядок полки и дивизии — и ударят. Уж как пожалеет Лев Давидович: не добавил белую гадину в ту осень! Еще бы чуть-чуть подпереть... Но то не его вина. Не сходилась обстановка. Восстания по тылам. Опять же бойцы измучились, оборвались, обоживели. Словом, медленнее пошли красные полки, а местами и вовсе начали останавливаться. Оно и понятно: живые ведь люди.

Разговор промеж братьев: нельзя без общей подвижки, перена-туга может получиться, совсем ополоумел международный капитал, душит Рассею... Нет, должен к нашему плечу притулиться мировой пролетариат и беднейшее крестьянство. И тогда треснет власть буржуев и прочих мироедов. Вот истинный крест — треснет! Как арбуз, под ножом распадется. С ноября семнадцатого рассказывает о том и сам товарищ Ленин. Ну мужик! Ну голова всему! Роднее нет!.. Мусолят цыгарки красноармейцы, о бабах дурь несут — тут свой счет (куда мужику без этой надобности?!), но больше слов об Антанте и революции за кордоном. Прикидывают красноармейцы, когда ж Европа воткнет штык своим капиталистам в пузо. Чего медлят? Делов-то... тьфу!..

И ну вспоминать, как выводили в расход генералов да дворян разных: где пулей в лоб, где штыком в поддых, а где и прикладом — аж мозги по стенам, как сопли... Взахлеб пересказывали, как потрошили покои, — ну нахапали господу (в самое-самое попал призыв Ильича: «Грабь награбленное!»)! Да разве грабим — свое возвращаем!.. И лопались со смеху, коль вспоминали, как «утюжили» ихových сук. До чего ж телесастые да сдобные! А кружева споднизу!.. Аж приседали с хохоту. Да чего их жалеть, паскуд! Кровь у них порченая, гнилая, хоть собой белые, румяные. Да кровь же сосут с бедняков!.. Гогочут мужики, аж глотки посрывают. Сизо от дыма, чадно — от запахов пота, портянок и невымытых тел. Какой уж год в крови купаются... Эх, Петя!..

А Ленин и впрямь в одно с народом: каждую мысль слышит, будто сквозь землю глядит. 3 октября газеты оглашают письмо вождя о приближении Германской революции.

Каков поворот всем мировым делам!

Комиссары трусят газетными листами:

— Читали, товарищи?

— У-у! — режут тысячи глоток, ажно куры по дворам под себя делают.

— Вот он, ответ трудового человека, — надсаживают глотки комиссары. — Нету границ — имеется братство людей труда!..

И тысячи глоток в ответ:

— Ура-а-а-а!

А тут в газетах новость: 23 октября сам Карл Либкнехт освобожден из тюрьмы. Струхнул кайзер, бревно ему под ноги!

И опять комиссары на митингах:

— Читали, товарищи?.. Вот, слушайте: «Произошли демонстрации рабочих перед зданием русского посольства в Берлине¹ с участием нашего дорогого товарища Карла Либкнехта...»

Братва башками крутит, дышает самосадам:

— Демонстрации в Берлине? Это уж верно: не хрен собачий!..

А комиссары не унимаются, сипят:

— Сам товарищ Либкнехт и Роза Люксембург — друзья и первая опора Ленина в Германии...
И в тысячи глоток ответ:

— Ура-а!..

А как не «ура» — завтра мировая революция! От того верней прицел берут красные полки, штыками и классовым матом спешивают белых казачишек. Картечью вычесывают их шальные лавы. Прут пьяные на фасон, чубы из-под фуражек, с воем, свистом — от горизонта до горизонта шашки светят, а их свинцовыми конфетами: нате, пососите с кровью... А лошади орут, подраненные, — аж до неба крик!.. Люди — те на карачках, потише уходят, поскольку соображают: увидят — добьют. Рану тряпкой заткнут, кишки в живот себе натолкают — и назад ползут, мамок своих кличут. Нет, тихо кличут, одними губами...

И едва ли не всеми митингами сам товарищ Троцкий правит. Братва и слышать не хочет, что жид. Свой он! Пушай с рожи нехристь, а свой! Да за него любого тут же враспыл, только каркни поганое словечко. Да и нет больше жидов — Интернационал ныне. Жид — такой же товарищ.

При таком повороте событий и взял слово на заседании ВЦИК 3 ноября сам товарищ Радек, еще Зобельзон его прозвание. Тоже даром, что жид: главные и правильные слова наговаривал о международной расстановке сил. Всех заверил: не сегодня-завтра громят Германская революция, поскольку на пределе терпения и мочи международный пролетариат.

И проголосовал в таком разе ВЦИК за постановление, ну не постановление, а, скорее, «Воззвание» к солдатам чехословацкой армии с призывом прекратить борьбу против Советской России. ВЦИК предложил чеховейску свободный проезд на родину через русскую территорию — ту самую, над которой реет красное полотнище революции. Да катитесь колбаской по Малой Спасской!..

Ох несладко большевикам! Разруха, голод, мертвяки на вокзалах и рынках, а что делать? Не сдастся мировая буржуазия — и надо терпеть да кровью ее умыть. Чай, опамятует... Кабы только пупок не развязался... сдюжить бы...

¹ Тогда еще не совсем отреклись от национального и писали: русское посольство, русская территория, добавляя порой «советский». Скажем, «русская советская территория».

30 ноября Совнарком публикует декрет о введении на всех железных дорогах военного положения. Все железнодорожные служащие считаются призванными в армию. Неописуемый развал на железке, а это опасно остановкой всяческой жизни вообще. Нет без подвоза продуктов и разного там топлива бодрости в городах. Недоед и болезни за глотки берут простой люд. Но народ терпит, сознает: с Ильичом ему все по плечу.

Ну так что, поедете к себе, господа чехи? И при такой трудности сыщем для вас составы и паровозы. И ни одного не тронем — катите себе... Умыли нас кровью, мы тоже вам пособили умыться, а нынче разъедемся по-хорошему. Ну как, подавать составы?..

Из официальных сообщений.

В 20-х числах августа с. г. (1924. — Ю. В.) на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России. Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова.

Арестованному в 20-х числах августа Борису Викторовичу Савинкову в 23 часа 23 августа было вручено обвинительное заключение, и по истечении 72 часов, согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса, в Военной коллегии Верховного суда СССР началось слушание дело о нем.

Состав суда: председатель — т. Ульрих, члены суда — тт. Камерон и Кушнiryк.

Письменное показание Б. В. Савинкова, данное 21 августа 1924 г.:

«Раньше чем отвечать на предложенные мне вопросы, я должен сказать следующее:

Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации Партии Социалистов-Революционеров, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийств Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа...

Я уже сказал, что всю жизнь работал только для народа и во имя его. Я имею право прибавить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не защищал интересы буржуазии и не преследовал личных целей. Я любил Россию, был глубоко предан русскому трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению. Был революционером и демократом, таким и остался...

Пошел я против коммунистов по многим причинам...

Я не преступник, я — военнопленный. Я вел войну, и я побежден. Я имею мужество открыто сказать, что моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами борьба не дала результатов. Раз это так, значит, русский народ был не с нами, а с РКП. ...Плох или хорош русский народ, заблуждается он или нет, я, русский, подчиняюсь ему. Судите меня, как хотите...»

Из допроса обвиняемого на утреннем заседании 27 августа.

Савинков. Что касается «Народной Армии», которая формировалась в Самаре и части которой я видел в Казани, то впечатление у меня, разумеется, было беглое. Но она произвела на меня впечатление неустойчивости. Я слышал, что постоянно дезертируют, я знал, что эсеры хотят принять какие-то меры...

Когда я был на боевых участках, я думал, что на этих боевых участках дерутся части «Народной Армии», организованные. Но я убедился, что частей «Народной Армии» было очень мало, а дрались добровольцы и члены нашей организации.

Председатель. И чехи?

Савинков. И чехи, там дрался первый чешский полк Швеца. Собственно оборона в значительной части лежала на этом чешском полку. Если бы не этот чешский полк, вы бы Казань взяли давным-давно¹. Швец дрался (он потом застрелился), полк этот совершенно замучили. Другие чешские полки или не хотели драться, или же их не посылали, берегли...

Успех выдвигает Вацетиса на должность Главнокомандующего всех Вооруженных Сил республики. Но тут же положение круто осложняется антисоветским восстанием в Ижевске и Воткинске, а также прорывом белых на Пермском направлении. Это восстание и даст основной кадр (из рабочих) для знаменитой каппелевской армии белых (поначалу корпуса).

По воспоминаниям члена Реввоенсовета Второй армии Г. Я. Сокольникова, восстание было исключительно обширным и массовым. Целая армия была брошена на его подавление.

«Вторая армия должна была ликвидировать восстание на Ижевском и Воткинском заводах, — вспоминает Сокольников, — и не допустить соединения восставших частей с войсками учредиловцев. Вокруг Вятки шли кулацкие восстания (восстания крестьян против насильственного изъятия хлеба. — Ю. В.), посланные из Москвы продотряды частично присоединялись к восставшим (рабочие тоже не могли мириться с кровавым ограблением крестьян. — Ю. В.). Вторая армия... потерпела ряд неудач... После двух месяцев борьбы, в течение которых руководство восстанием на заводах все больше переходило от эсеров и меньшевиков к монархическому чиновничеству и офицерству... белые (т. е. восставшие. — Ю. В.) отступили за Каму...»

¹ Здесь, в судебном отчете, совершенно очевидный передерг. Следовало показать, что за белыми не было поддержки народа, дрались какие-то «наемники» — чешский полк. Однако из воспоминаний Троцкого, да и телеграмм, писем Ленина, постановлений ЦК РКП(б) следует, что сопротивление белых не сходило с одной-единственной воинской части под командованием Швеца, который к тому же вскоре застрелился. Потребовались мобилизация коммунистов Петрограда, Москвы, переброска множества частей (и именно под Казань), дабы сломить сопротивление «Народной Армии», скрепленной эсерами-савинковцами, и белочешских отрядов.

2 ноября 1918 г. в газетах опубликовано постановление ВЦИК о ВЧК и местных ЧК. Отныне при данных организациях формируются особые вооруженные отряды.

Это всё попытки придать законность неограниченному революционному террору.

На Южном фронте белые армии под общим командованием Деникина тоже трогаются в наступление, пусть еще робкое. Восточный фронт красных вынужден делиться с южными войсками. Белые 25 декабря 1918 г. захватывают Пермь, 31 декабря — Уфу. Первый Советский полк и ряд других частей почти в полном составе переходят к белым...

Чу, запах крови!

Для расследования причин падения Перми на Восточный фронт спешно выезжают Сталин и Дзержинский. Вообще Мундыч и Сталин жили душа в душу — никаких разногласий: ни Боже мой! Это у Мундыча с Лениным — случались, а со Сталиным — никогда. Ценил Сталин в Дзержинском горячую убежденность в общем тяжком деле сокращения народонаселения республики.

Теперь Восточным фронтом командуют С. С. Каменев (не путать с Львом Борисовичем Каменевым), члены Реввоенсовета И. Т. Смилга, С. И. Гусев и И. Н. Смирнов. На 1400 километров фронт: от Камы до Уральска.

Белые продолжают энергично атаковать на Архангельском направлении. С 18 ноября 1918 г. их верховный вождь — адмирал Колчак.

Цель адмирала — выйти на соединение с войсками Северной области, возглавляемой генералом Миллером. Там запасы снаряжения, доставленного союзниками в Архангельск и Мурманск. Кроме того, соединение обеспечит стратегически выгодный единый антибольшевистский фронт от Финляндии до Туркестана включительно. И эта цель почти достигнута. В районе Котласа вот-вот сойдутся разъезды армий Миллера и Колчака. Ни на один день не обрывается радиопереписка между генералом и адмиралом.

Иоаким Иоакимович Вацетис, как и первый Верховный главнокомандующий белой армии генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, родился в крестьянской семье, что тоже никак не помешало ему стать офицером и закончить в 1909 г. Академию Генерального штаба. В мировую войну продвинулся до полковника. С апреля 1918 г. — первый начальник дивизии¹ латышских стрелков — самого крепкого и боеспособного соединения Красной Армии. Со 2 сентября

¹ Тогда были не командиры дивизий, а начальники дивизий — начдивы.

1918 г. и по 9 июля 1919 г. — первый Главнокомандующий всех Вооруженных Сил Республики.

Командарм второго ранга Вацетис был отмечен расстрелом через 18 лет после адмирала — 28 июля 1938 г. Не осталось даже следов от рода Вацетисов, всех перетолкла утроба «женевской» твари. А ведь как славно командовал гвардией революции — латышскими стрелками!

Черной птицей скользит над Россией «женевское» чудище. Непременно каждого махнет тень: нет ни одного, мысли которого не были бы ему известны. И едва ход мыслей берет в сторону от рельсовых путей ленинизма, уже не выпускает чудище такого человека из виду, чертит погребальные круги, пока камнем не падет и не выдернет из общего хода жизни. Ловок и бесшумен этот удар — никто толком и не углядит.

Не терпит чудище ничего своего в людях: чтоб все было только от него, и непременно привычное, общее, заученное. Каждому заглядывает в глаза — и все вымеривает человека, вымеривает...

Но особенно не любит, когда человек уже — человек, то есть выше и сильнее его, чудища.

Когда человек выше и сильнее, чудище бьет мертвую. Тут всегда особый азарт и особый счет.

Когда группа людей превосходит чудище в силе духа и решимости держаться своих убеждений, оно предпримет все, дабы выбить всех до единого. И ни строчки памяти о них, ни платочка или там пуговики. Дематериализуются люди, отступают в небытие.

Нет и не существует для «женевского» чудища уважения к чужим взглядам и убеждениям, впрочем, научно оно и другим способам уничтожения людей независимой мысли: бытом, безгласием, забвением. Человек независимой мысли теряет себя, мельчает без обращения к людям и без отзвука своим мыслям. Почти никто не выстоял против уничтожения глухой изоляцией и забвением. Тенью вся жизнь вокруг, и ты вроде — во сне. И стирает тебя быт, все сходит на сон, неверие и самоизмельчание...

Но к Иоакиму Иоакимовичу это не имело ни малейшего отношения. Натужно, упорно сворачивал Иосиф Виссарионович зрение и мысли народа — при чем тут революционные заслуги? Ну не попадали целые категории людей под будущее. Ну роспись такая! Новых людей ждали к жизни — сколько для этого старались! Вот-вот поколения пойдут!

И не ошиблись, пошли. Все, как по Ленину, — шагнули в светлое завтра. И отныне у всех была одна должность — посмертный раб, навечно раб.

Барон Александр Александрович фон Таубе родился в 1864 г. на станции Крюково (нынешний Зеленоград) Николаевской железной дороги в старинной русской дворянской семье. От немецкого прощ-

лого семья сохранила лишь баронский титул и фамилию с приставкой «фон».

Александр Александрович закончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба, с самой выгодной стороны показал себя в русско-японскую войну.

Накануне мировой войны фон Таубе служил в Иркутском военном округе начальником военных сообщений.

В войну за мужество и умелое руководство войсками был награжден орденами и Георгиевским оружием. Тяжелая контузия и ссора с генералами-карьеристами из штаба фронта привели его на тыловую должность начальника штаба Омского военного округа.

После победы Февральской революции генерал-лейтенант фон Таубе заявляет на митинге в омском кинотеатре «Гигант»:

«Я считаю данную мной при вступлении на военную службу присягу утратившей всякий смысл и силу и присягаю революционной Российской республике по мере своих сил и возможностей служить ей»¹.

Военный министр Гучков отказался утвердить генерала фон Таубе в должности командующего военным округом и срочно отправил в Омск на данную вакансию полковника Прединского.

Полковник Прединский отдал приказ о предании генерал-лейтенанта фон Таубе военно-окружному суду по обвинению в неповиновении Временному правительству. Однако западносибирский съезд Советов отменил приказ как контрреволюционный. Прединский был арестован и под конвоем отправлен в Петроград. Повезло полковнику: могли и на штыки поднять.

«Красный генерал», как его называли солдаты, пользуется огромной популярностью, его слушаются и идут за ним.

Сразу же после Октябрьской революции Александр Александрович фон Таубе приступает к сколачиванию первых частей Красной Армии. Не углядел его Ленин из Москвы...

«На нашей стороне было не очень много молодых офицеров, которые понимали в делах немногим больше нашего, — доносил в Центр один из представителей советской власти в Западной Сибири, В. Косарев. — Нас выручил из беды начальник штаба округа генерал-лейтенант фон Таубе. Этот старик с начала революции перешел на нашу сторону и до конца дней своих был верен нам. В самую тяжелую минуту он выручил нас...»

В марте 1918 г. Александр Александрович был назначен начальником главного штаба Сибирского военного комиссариата. Он разрабатывает план обороны Сибири от интервентов, организует всю штабную часть работы по отпору чехословацкому мятежу.

Генералы-легионеры Сыровы, Гайда и др. объясняли свои неудачи того времени тем, что красные имели опытного руководителя — генерала фон Таубе.

Летом 1918 г. советская власть пала на Дальнем Востоке, в

¹ Красный генерал. — «Русские новости». Париж, 1969, 7 февраля.

Сибири и на Урале. Командующий советскими войсками в Сибири Д. С. Шилов сообщал:

«В дни агонии нашей армии в августе 1918 года я выдал Таубе подложный документ на имя бывшего полковника А. А. Тураева и дал короткое донесение о военном положении в Сибири, которое он должен был тайно доставить Ленину».

Из Забайкалья в Москву — путь далекий и сложный, в тех условиях и вероятно опасный.

В Бодайбо Александра Александровича опознали офицеры. При задержании барон не растерялся и уничтожил документы, а после наотрез отказался давать какие-либо показания. Его незамедлительно переправили в одиночную камеру иркутской тюрьмы. В той самой камере будет потом ждать своего смертного часа Александр Васильевич Колчак. По распоряжению генерала Сычева Александра Александровича заковали в кандалы и подвергли усиленному допросу. Бывший генерал по-прежнему упорствовал и молчал, даже тогда, когда его, старика, били.

Из Иркутска Александр Александрович был препровожден все в тех же кандалах, как особо опасный преступник, в Екатеринбург — для дачи показаний перед военно-следственной комиссией.

В начале 1919 г. военно-полевой суд приговорил Александра Александровича «к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстреляние».

Но «красному генералу» не суждено было умереть от пули. Он скончался от сыпняка в екатеринбургской тюрьме 55 лет от роду.

И мы склоняем голову.

К началу сентября, в самый листопад, Комуч пополнили еще 87 членов бывшего Учредительного собрания. Так незаметно и подбился новый вполне полномочный хор для выпевания «Интернационала».

Во второй половине сентября все того же нескончаемого 1918 г. после долгих и нудных препирательств наконец объединяются самарская власть (Комуч) с томской (Временное Сибирское правительство) в Уфимской директории.

Не начни пятиться «Народная Армия» перед красными, ни за что не согласился бы Комуч на объединение с каким-то самозвано-захудалым сибирским правительством. На Москву метил Комуч, в Минины и Пожарские...

Итак, 23 сентября Комуч уступает власть Уфимской директории — ее выбрали на Государственном совещании в Уфе. Открыла совещание почтенная Брешко-Брешковская: та самая — и «бабушка русской революции», и член ЦК партии социалистов-революционеров, и верная сподвижница (когда еще!) знаменитого Григория Гершуни — сурового вдохновителя неограниченного террора против царских администраторов. Упокой, Боже, его провизорскую душу.

Несмотря на преследования, поношения в печати, аресты, тюрь-

мы, каторги и вообще склочно-мытарственную жизнь, Екатерина Константиновна благополучно достигла девятого десятка и упокоилась аж в Чехословакии за пять лет до второй мировой войны.

Вместе с Виктором Михайловичем Черновым, Михаилом Рафаиловичем Гоцем, Григорием Андреевичем Гершуни и Марком Андреевичем Натансоном стояла Брешко-Брешковская у колыбели партии социалистов-революционеров.

Благословляла она на теракты Балмашева, Карповича, Каляева, Сазонова. Шли эти одержимые с бомбой и маленьким браунингом против полчищ жандармов и сыщиков. Была она для них в этом деле матерью, почти святой...

Ее жизнь — как авантюрный роман. Ведь самых главных террористов из азефовской организации лично благословляла на кровь, муки, эшафот. Вроде иконы и хоругви была у эсеров. Недаром к ее ручке столь благостно прикладывался все тот же Александр Федорович Керенский. И как же любила в письмах словечки: «хлопчик», «хлопец»!..

А того самого Гершуни загнал в ловушку виртуоз политического сыска, талант и самородок, «звезда» первой величины среди жандармов — Александр Иванович Спиридович, дворянин высшей пробы, бывший brave гвардеец и вообще завидный жених. Считаю, в самые цветущие годы овдовел. Разрядил в него обойму большевистский осведомитель охранки (в досаде за свое предательство, надо полагать). С пяти шагов разрядил.

Александр Иванович без какого-либо серьезного ущерба для здоровья осилил все три раны. Государь император заметит его и приблизит... Гляделся Александр Иванович фертом: браво закрученные усы, мундир с иголочки...

А Григорию Андреевичу Гершуни привесят смертный приговор. За ним числились организации убийств министра внутренних дел Сипягина и губернатора Богдановича, а заодно и неудачное покушение на губернатора Оболенского. В революционную заваруху девятьсот пятого смертную казнь Григорию Андреевичу заменят на пожизненное заключение, и почти сразу даст тягу он из богомерзкой акатуйской тюрьмы в Китай¹. Поживет еще в милой Швейцарии и отправится на вечное свидание к убиенным губернатору Богдановичу и самому министру Сипягину, но успеет, однако, исповедаться в воспоминаниях.

Меньшиков писал в третьей части своей «Охраны и революции»:

«В 1908 году русская политическая эмиграция в Париже торжественно хоронила известного социалиста-революционера Гершуни. В числе лиц, несших венки за гробом покойного, выделялась видная

¹ Борис Николаевский пишет в «Истории одного предателя» (М., «Высшая школа», 1991): «В бочонке с квашеной капустой его вывезли с двора далекой Акатуйской каторги... Его путешествие по Америке было настоящим триумфальным шествием: на многотысячных митингах и на торжественных банкетах в его лице чествовали русскую революцию и ее борцов за их подвиги и страдания».

фигура молодого человека с благообразным лицом и длинными волосами. Некоторые спрашивали: кто это? Да разве не знаете! — следовал ответ. Это художник Праотцов. Вы не видели его картину «Голгофа», на которой в виде распятых изображены Желябов и его товарищи?

Я лично этой картины не видел, но автора ее встречал. В 1902 году я был в Киеве. Зубатов поручил мне повидать жившего в этом городе бывшего секретного сотрудника Московского охранного отделения Праотцова, находившегося в то время «не у дел». Раза два я встретился с этим сотрудником в квартире старшего филера Зеленова, с которым он вел сношения. Праотцов в одно из свиданий принес листки местной группы рабочеземцев (Канавец и др.) и даже показал находившуюся в его распоряжении печать киевской организации социалистов-революционеров. В том же году в Киеве было учреждено охранное отделение; Праотцов вошел в состав его агентуры и, как мы увидим позже, около двух лет содержал конспиративную квартиру Гершуни (в Десятинном пер.) — того Гершуни, на которого он тогда доносил и гроб которого потом сопровождал на Монпарнасское кладбище...»

В памяти «сине-голубого»¹ Александра Ивановича Спиридовича этот легендарный террорист останется круглолицым, лысоватым со лба, улыбчивым и с горящими глазами. Покажется он (Гершуни) Александру Ивановичу вовсе не дьяволом с сокрушающей волей, а, скорее, жидковатым, не очень расположенным к самопожертвованию, но зато чрезвычайно искусным в убеждении других на подобного рода возвышенные акты. Во всяком случае, в лапы Александра Ивановича он попал размягченно-безвольный, без всякой попытки к самообороне — ну совсем огорченно-потрясенный.

Будет Спиридович состоять в распоряжении дворцового коменданта. Отныне его обязанность — сопровождать царя при поездках, то бишь отвечать за личную безопасность государя императора.

Уж как не помянуть еще раз: собой был фатоват — это уж точно, посмотрелся я на его фотографии. Грудь навывкат, мундир в обтяжку — ни морщинки, и собой весь несколько вздернут. Это от гвардейского шика. Покойный государь император тоже щеголял в мундире без единой морщинки. И так же был строен. Отсутствовала только вздернутость. Так она была ему и ни к чему: он же был императором.

15 августа 1916 г. Спиридович получит назначение на должность ялтинского градоначальника (почетная отставка). Потом будет арестован и доставлен в Петропавловскую крепость (это еще Временным правительством), потом счастливо эмигрирует, потом... отнята родная земля, нет ее. Потом в один из дней вздохнет и замрет незаметно — остановит бег сердце. Кончен земной путь.

¹ Цвета жандармского мундира. — *Прим. ред.*

Прошляпит его вчистую «женевская» тварь — очевидно, из-за революционной перегруженности и неопытности. Ведь семнадцатый и восемнадцатый — еще нежно-младенческие годы для «женевского» организма, хотя взрослела и матерела тварь не по дням, а по часам. Ну без нее как без рук — и ЦК большевиков, и Совет Народных Комиссаров, и сам Владимир Ильич с соратниками. Совсем другая сила убеждения и перспективы для развития социализма в одной стране при наличии «женевской» конструкции. Вечная память за это Георгию Валентиновичу и вообще диалектическому материализму. Ну совсем другой взгляд на божественную природу человека...

Таким образом, неповоротливости «женевской» твари и обязана книга воспоминаний Спиридовича — «Записки жандарма». Кичился Александр Иванович своим жертвенным жандармством: покинул старинный гвардейский полк и беспечность службы ради превратности сыска, а все потому, что видел свое место лишь там, где в постоянной беспощадной борьбе решается судьба трона. Не все это оценили. У многих его соотечественников чесались руки: мать его вдоль и поперек, этого застеночного генерала. И впрямь, чем занимались стражи устоев?! Прошляпили большевиков...

А вот из той исповеди Гершуни, можно сказать, предсмертной¹: «Давно сказано: великое счастье знать наперед всю глубину грядущего несчастья. Испытания в царских застенках мы, революционеры, конечно, считаем не несчастьем, а лишь естественным добавлением, завершающим всю деятельность...»

Накануне военно-полевого суда Гершуни скажет вице-директору департамента полиции Макарову:

— ...Я еврей. Вы ведь, а равно и те, которые достаточно глупы, чтобы вам верить, твердят, что евреи стараются уходить от опасности, что вследствие трусости избегают виселицы... Вам будет дано увидеть пример «еврейской трусости»! Вы говорите, что евреи умеют только бунтовать? Вы увидите, умеют ли они умирать. Скажите вашему Плеве: торговаться нам не о чем (Макаров пришел с предложением: уступкой позиции революционера он (Гершуни) может облегчить себе участь. — Ю. В.). Пусть он делает свое дело: я свое сделал!..»

А что до той толстенной книжицы с редчайшими фотографиями и сведениями, или почти, или вовсе не известными («Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II»), то осведомленнейший Александр Иванович и не сомневался: сие — детище забот и трудов князя Бебутова.

¹ Гершуни Г. Из недавнего прошлого. Издание Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Paris, Tribune russe, 50, rue Lhomond, 50, 1908.

Князь Д. О. Бебутов являлся депутатом I Государственной думы, слыл даже среди кадетов либералом и отчаянно фрондировал. В общем, фигура броская, яркая свободомыслием. Не князь, а сама грядущая стихия освобождения. Век просвещения, конституции, расцвета искусств и ремесел!

Февральская революция выбросила из секретнейших сейфов множество документов. Один из них неопровержимо свидетельствовал о связи охраны с их светлостью князем Бебутовым. Более того, князь выполнял свои шпионские обязанности совершенно добровольно, так сказать, безгонорарно. Доносчик по призванию!

Нет, клеймена Русь доносом! Кажется, уже в утробе матери младенцы берут вкус к шпионству...

Конфуз!

Скандал для князя!

Сию книжицу его светлость сочинил строго анонимно, однако свою фотографию не забыл поместить. И сочинил все страницы из самых искренних побуждений. Вот и разберись в людях! Агент, осведомитель по призванию, довольно нечистоплотная личность — и автор резкой антимонархической книги!

Этот кадетствующий Бебутов — близкий родственник известного генерала В. О. Бебутова — героя Крымской кампании 1853—1856 гг., одержавшего решительнейшую победу над превосходящими силами турок при Башкадыclare.

«Нахимов, Бебутов — победы близнецы!» — подаст тогда голос престарелый друг Пушкина князь П. А. Вяземский.

Разоблачение Бебутова-кадета как полицейского осведомителя обернулось для него параличом и смертью.

Да кабы всю эту нечисть настигала кара — доносчиков, осведомителей, злых карьеристов, шагающих через трупы и горе людей... Ведь по сути — палачи. Усекают подло, без ответа чужие жизни. Ни Бог им не в укор, ни муки, на которые походя обрекают людей.

Да как чисто, вольготно дышалось бы без них и тех, кто с манда-тами разных законных служб сует нос в чужие письма, дневники, подслушивает телефонные разговоры, лезет тайком в чужие дома, куражится на допросах и сживает со свету неугодных (скорее — непокорных, непохожих) людей всеми секретными и несекретными приемами.

Как бы чисто было без них, просторно!

Да только нет у них того чувства (совести), от которого (когда она не чиста) обыкновенные люди начинают хиреть и погибать. Ясные у них глаза. У двуногих существ в галстуках и при дипломах глаза яснее ясного — это их природное свойство.

И еще: пожить бы, где нет зависти — прародительницы едва ли не всех зол и пороков, за ничтожным исключением — всех...

Глава VIII

ГЕНЕРАЛ БОЛДЫРЕВ

«Акт об образовании Всероссийской Верховной власти, принятый на Уфимском Государственном совещании, имевшем место в Уфе 8—23 сентября 1918 г.

Государственное совещание в составе Съезда Членов Всероссийского Учредительного Собрания и уполномоченных на то представителей Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания, Временного Сибирского правительства, Областного правительства Урала; казачьих войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Иркутского, Семипалатинского, Енисейского, Астраханского; представительств Башкирии, Алаш, Туркестана и национального Управления Тюрко-Татар внутренней России и Сибири и Временного Эстонского правительства; представителей съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья; представителей политических партий и организаций: партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии, трудовой народно-социалистической партии, партии Народной Свободы, Всероссийской социал-демократической организации «Единство» и «Союза возрождения России» — в единодушном стремлении к спасению страны, воссозданию ее единства и обеспечению ее независимости

Постановило:

Вручить всю полноту Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского Временному Всероссийскому Правительству в составе лиц: Николая Дмитриевича Авксентьева, Николая Ивановича Астрова, генерал-лейтенанта Василия Георгиевича Болдырева, Петра Васильевича Вологодского и Николая Васильевича Чайковского...

Временное Всероссийское Правительство, впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, является единственным носителем Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского...»

За отсутствием некоторых членов Директории ее временно пополнили эсер В. М. Зензинов, кадет В. А. Виноградов и профессор В. В. Сапожников.

Возглавил Директорию бывший эсер Н. Д. Авксентьев. Генералу Болдыреву был выдан следующий документ:

«Указ

Временного Всероссийского Правительства

г. Уфа

№ 2 11/24 сентября 1918 г.

Члену Временного Всероссийского Правительства генерального штаба генерал-лейтенанту Василию Болдыреву вручается Верховное Главнокомандование всеми Российскими Вооруженными Силами.

Члены Временного Всероссийского Правительства:

Николай Авксентьев, Владимир Зензинов,

Василий Сапожников

Временный Управляющий делами А. К. ...»

Впоследствии окончательно заместили Н. И. Астрова — кадет В. А. Виноградов, а Н. В. Чайковского — эсер В. М. Зензинов.

Профессор Василий Васильевич Сапожников пользовался в Сибири большой популярностью как общественный деятель и научный работник. Сапожников — ученик знаменитого К. А. Тимирязева. По своим политическим взглядам и убеждениям Сапожников примыкал к сибирским областникам. На совещании в Уфе Сапожников, по мнению современников, являлся едва ли не самой крупной фигурой, но для политической деятельности Сапожников совершенно не подходил. Он скончался от рака легких в августе 1924 г. И вовремя — не миновать ему иначе всех прелестей «женевского» перевоспитания...

Директория лишила прав все прежние областные правительства. В октябре она подалась в Омск, в ту пору «посибиристей» означало и понадежней.

Из показаний Савинкова Военной коллегии Верховного суда СССР на утреннем заседании 27 августа 1924 г.:

«...Затем я пробрался в Уфу, потому что там должно было быть Государственное совещание. Когда они образовали Директорию и во главе ее стал Авксентьев, я пошел к Авксентьеву и сказал ему то, что я говорю вам сейчас, и предложил ему, что я уеду за границу, пусть Директория пошлет меня с какой-нибудь миссией туда, чтобы меня не было в Сибири и чтобы я им не мешал. Авксентьев чрезвычайно охотно на это согласился. Сибирское правительство, вообще сибиряки всячески меня отговаривали, и даже Сибирское правитель-

ство предлагало мне войти в его состав. Но я отказался войти... Я никому не хотел мешать. Если бы я принял это предложение, то было бы еще больше драки (между Сибирским правительством и Директорией). Авксентьев согласился и отправил меня за границу, в Париж, с особой миссией, военной...»

Правые сразу возненавидели Директорию. Правым гимн «Боже, царя храни», хоть на любой манер, а все благозвучнее чужестранного «Интернационала» — ну сравнения нет! Левых тоже не порадовало образование Директории, особенно свободолюбивые остатки Комуча. Эти остатки все пытались предотвратить сползание Директории на кадетско-монархические позиции, за что и заплатили в самом скором будущем своими головами — ценность, разумеется, не ахти какая, ежели мерить мир нашими «женевскими» мерками. И действительно: не человек важен и не люди, а движение, общее движение к светлomu завтра.

Рабочим органом Директории стал Совет Министров, председателем его — милейший и обходительнейший Петр Васильевич Вологодский: и в Государственной думе четвертого созыва заседал, и при Сибирской областной думе правил, и при Директории — тоже, и даже при Колчаке. Ну связывай этого юриста в узел, а ему хоть бы что; пожалуй, только спросит, какой гимн удобнее исполнять. И Авксентьева скоро Колчак вышлет под караулом из России, и самого Колчака пристрелят, и Болдырев наладится слать из рабочекрестьянской тюрьмы прошения о помиловании во ВЦИК, а Петр Васильевич знай будет варить себе кофе не то в Шанхае, не то в Тяньцзине. Надо же перед работой взбодриться. Сумел он не только улизнуть из мясорубки последних месяцев правления Колчака, но и вывез кое-какой багаж (так, мелочь) и устроился вполне благополучно в приличном банке; и даже весь остаток дней выверял к печати пространнейший дневник — сундук с диссертациями для историков.

На пост военного и морского министра дал согласие вице-адмирал Колчак, став таким образом подчиненным генерал-лейтенанта Болдырева.

Нервы у вице-адмирала требовали лечения, и уже давно. До революции еще лечился, а после...

Председателю Директории Николаю Дмитриевичу Авксентьеву в 1918-м исполнилось сорок. В революцию 1905 г. Авксентьев справлял обязанности члена исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов от партии социалистов-революционеров. После двух лет ссылки (торчать в глухой деревушке!) почувствовал определенную надорванность и бежал, благо в этом не было никакого риска. Как революционер с заслугами прошел в члены ЦК своей партии и, больше того, возглавлял ее правое крыло.

К великому огорчению Виктора Михайловича Чернова, Авксентьев выступал против террора, за легальную работу, а Виктор Михайлович доказывал, что все же надо спускать вельможную кровь — как воду, спускать. И наладились спускать от самых правых

революционеров и до самых левых, да по всем пространствам бывшей Российской империи. И все исключительно по идейным соображениям.

А как не спускать, коли все последние достижения социально-общественных наук к этому клонят?

Тут Виктор Михайлович как знаток марксизма грешил против основоположников. Террором монархию не убить — это еще на диспутах Ленин с Плехановым доказали. Тут и классы, и диктатура рабочего класса, и ткачевское принуждение несознательного народа, и вообще «женевские» будни...

Вот впечатления очевидца от Авксентьева:

«...Среднего роста, несколько плотный, с вьющимися волосами, умеющий владеть собой, с прекрасными ораторскими приемами, горделиво покачиваясь, он бросал такие слова съезду:

— ...Президиум не может не приветствовать съезд кадетской партии, ибо эта партия есть партия народной свободы. Это не есть партия помещиков, не партия капиталистов, это партия, которая наравне с нами (съезд проходил крестьянский. — Ю. В.) стремилась к свержению царизма...»

Хоть на пьедестал Николая Дмитриевича.

После Февральской революции Авксентьева избирают председателем исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и членом исполкома Петросовета. В правительстве Керенского Николай Дмитриевич набрался министерского опыта. После Октябрьской революции ораторствующий Николай Дмитриевич покинул партию эсеров и в 1918 г. пристал к «Союзу возрождения России». Это он, Авксентьев, столь непочтительно выражался о белочехах: «Мы не хотим иметь своих латышей», — подразумевая красные латышские полки. Вроде латыши у большевиков за наемников на самую черную и кровавую работу.

Многое в Авксентьеве напоминало Керенского, а посему белые, из тех, что поправей, мечтали его придавить, и чем быстрее — тем лучше. Недаром при высылке из России Авксентьева сопровождал взвод английских солдат — аж до самой китайской границы! Никакой веры не давали белым ни Николай Дмитриевич, ни почтенный великобританский полковник Уорд: надежнее, ежели со взводом мидлсекских стрелков. И для белых не только острастка, но и отрада: все говорят по-английски и во всем заграничном, ну самая настоящая Антанта!

В последний раз эсеры, и среди них учредилловцы, угодят в «мясорубку с ледяной купелью», по выражению одного из летописцев тех дней, накануне краха колчаковщины. 24 декабря 1919 г. в ответ на восстание в Иркутске командующий военным округом генерал Сычев арестовывает свыше 30 эсеров.

4 января Сычев получает приказ от семеновского генерала Скипетрова эвакуировать арестованных. Их и доставляют в указанное место — на станцию Лиственничное, а оттуда загоняют в трюм парохода «Ангара». Здесь из-за реки Байкал не замерзает.

Когда пароход оторвался достаточно от берега, принялись по одному извлекать арестантов из трюма, предлагая дать подписку о выезде из Сибири в трехдневный срок. Затем требовали раздеться догола и веди на корму, где якобы свалена тюремная роба. Холодно зато раздеваться, а что поделаешь?..

А на корме казак Лукан встречал арестантов дубинкой по темени — и в воду любителя «Интернационала». Ну прямо в духе древних хроник.

Так и проверили счет арестантам. Точнейшая цифра — тридцать один! Да за веру, царя и Отечество можно и весь Байкал перепрудить! Мать их всех! Да не мы их, так они нас!

Надо полагать, Лукан ту дубинку обмыл и хранил как память о самых святых и светлых часах своей жизни.

Отряд японцев с палубы наблюдал за этим действием с превеликим воодушевлением...

«...Мы, члены Временного Всероссийского Правительства, избранные на Государственном совещании в Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на Государственном совещании актом об образовании Верховной Власти...»

Чем не реквием?

Таким образом, книги Самсона Игнатьевича и вывели меня на любопытно-преступную фигуру бывшего главнокомандующего войск Директории Василия Георгиевича Болдырева.

Тоже головоломка! Как мог сын деревенского кузнеца пролезть в генерал-лейтенанты? Ведь в царской России обрести положение мог лишь дворянин или человек с состоянием. Нам это вдальбливают едва ли не с того нежного возраста, когда мы впервые начинаем хлопать ресничками.

Познавал грамоту и счет Болдырев в церковно-приходской школе — самом бедняцком учебном заведении, ниже не существовало. Этому заведению обязано своей грамотностью и вообще культурой (а стало быть, и своим государственным подходом к делам) большинство наших руководителей 20—60-х годов. Мой отец учился в таком же, правда, позже закончил рабфак и «языковой» институт.

В послеоктябрьскую эру при заполнении анкет это самое церковно-приходское образование проходило, как, скажем, для Англии Харроу, Оксфорд или Итон.

До 15 лет Василий Болдырев махал молотом в кузне отца, но при всем том успешно выдержал экзамены в Пензенское землемерное училище — это уже не только для бедняка, но и богатого добротное среднее образование.

И этого, однако, мало Василию Болдыреву: на сбереженные рубли отправляется в Петербург и сдает экзамены в Военно-топо-

графическое училище. Сын бедного кузнеца — и офицер? А как же отдел кадров? А учет партийности, идейно-политический облик, происхождение и все такое прочее?.. Но это что, дальше и вовсе непонятное: в 1903 г. молодой Болдырев уже среди выпускников Академии Генерального штаба по первому разряду. И это-то при таком посконно-лапотном происхождении и вообще явной классово-несовместимости с буржуазно-помещичьим строем императорской России!

В русско-японскую войну Василий Георгиевич ранен и награжден за храбрость. С 1911 г., то есть 36 лет от роду, он приступает к чтению лекций в Академии Генерального штаба; по защите диссертации — профессор. За ним уже почетный список ученых трудов.

С июля 1914 г. Болдырев — на должности начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. За кровавые бои под Ивангородом его отмечают Георгиевским оружием, за оборону крепости Осовец — Георгиевским крестом, за разгром австрийского корпуса под Красниками — чином генерал-майора. С августа 1916-го — он уже генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта.

Судьбе было угодно, чтобы отречение Николая Второго произошло на глазах Болдырева. Сам акт отречения¹ некоторое время хранился у Василия Георгиевича. Летом того же года он получает 43-й корпус в Двенадцатой армии того же фронта.

«Мягко выражаясь, странная логика у большевиков, — окидывал мысленно недавнее прошлое Болдырев. — Убеждать солдат втыкать штыки в землю и уходить домой, звать к прекращению братоубийственной войны и натравливать на офицеров, а когда в Рижской операции армия дрогнула, попятилась, обнажила Петроград, то вдруг взбелениться на это как „классовую провокацию“...»

Тогда, после операции, члены армейского комитета ознакомили генерала с высказываниями вождя большевиков.

Ленин писал:

«Помещики и буржуазия, с партией к.-д. (кадетов. — *Ред.*) во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры организовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки... — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».

— Вот это действительно провокация, и чудовищно бессовестная! — заявил членам армейского комитета генерал. — Разложить армию, а вину за ее боевую непригодность свалить на офицерство! Да это же самое настоящее злодейское натравливание народа на

¹ Точнее, две телеграммы царя.

офицерство! Нет, это не провокация, это хуже — это преступление! Зачем, чьей кровью хочет залить офицерство страну? Оно вместе с вами сражается все эти годы, а вот где был господин Ленин? За какие заслуги немцы пропустили его через свою территорию еще в апреле или там в марте... не знаю точно... Еще третьего дня немцы жали нас во всю мощь — сколько мы схоронили солдат и офицеров, а господин Ленин пересекает Германию в поезде — это как прикажете понимать? Кто ему дает право извращать факты и поливать грязью, бесчестить наше офицерство? Он самый главный из тех, кто прикладывает руку к разложению армии и предопределяет успехи врага...

«Как же так, — уже наедине с собой продолжал недоумевать Болдырев, — разложить армию, превратить ее в сброд — и возмущаться тем, что она не способна защитить Петроград?!»

Рижская операция оказалась последней операцией для России в первой мировой войне. Целью германского наступления являлась Рига. Подступы к ней обороняла Двенадцатая армия Северного фронта — наиболее большевизированная из всех армий, ее представители поддерживали прямую связь с лидерами большевиков в Петрограде.

Северным фронтом командовал генерал от инфантерии В. Н. Клембовский — бывший помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, Двенадцатой армией командовал генерал Д. П. Парский.

Эту армию составляли 13-й, 21-й, 27-й, 43-й и 49-й армейские, 6-й и 2-й Сибирские корпуса и две Латышские стрелковые бригады общей численностью 161 тыс. солдат и офицеров при 1149 орудиях — сила, вполне достаточная для отражения германского натиска. Причем Сибирские корпуса имели репутацию наиболее стойких и надежных в русской армии.

43-м корпусом командовал генерал-лейтенант Болдырев: три дивизии и Латышская стрелковая бригада. Корпус занимал оборону на направлении главного удара Восьмой германской армии, выделенной для захвата Риги: командующий генерал Гутьер, три корпуса из одиннадцати пехотных и двух кавалерийских дивизий. Прорыв русских позиций генерал Гутьер наметил на узком участке севернее станции Икскуль с преодолением Западной Двины. Это была та самая знаменитая Восьмая армия, которая столь успешно действовала против русских армий Самсонова и Ренненкампа в начале войны. Тогда ею командовал генерал Притвиц, смененный в критический момент генералом Гинденбургом. Ту победу в августе четырнадцатого немцы и по сию пору чтят как одну из самых выдающихся в своей истории.

В четыре часа 19 августа 1917 г. германская артиллерия принялась пробивать брешь в русских позициях. Основу ее огневой мощи составила группа подполковника Брухмюллера из 600 орудий и 230 минометов. Подполковник слыл лучшим артиллеристом германской императорской армии.

Это была редкая в летописях войн операция, в которой обороняющаяся сторона знала не только о направлении будущих ударов, их очередность, но и точное время. Основные сведения русскому командованию доставил перебежчик-эльзасец.

Несмотря на почти исчерпывающую осведомленность и подготовленную оборону, армия, обессиленная антивоенной и противоправительственной агитацией, бросила позиции и покатилась и, если бы не выдающаяся стойкость Латышских бригад (они сражались за свою Ригу), оказалась бы в окружении, как самсоновская в августе 1914-го. Немцы прямым образом на это рассчитывали.

В ночь на 21 августа русские войска поспешно оставили Ригу и Усть-Двинск (Даугавпилс), потеряв 25 тыс. человек, из них около 15 тыс. пленными и пропавшими без вести, в основном дезертирами. Немцы захватили 273 орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов, 48 минометов и много другого военного имущества. У генерала Болдырева эти дни память подернула черным.

Полнокровная, добротна оснащенная армия посыпалась от первого удара. Ничто уже не могло предотвратить вражеское нашествие. Россия поникла, немощная и беззащитная. В эти дни и дал клятву генерал бороться с большевизмом без пощады к себе, как с самой ядовитой отравой, лживой и беспринципной сказкой...

Дорога на Петроград лежала открытой.

«Наше наступление на Ригу вызывает в России большое беспокойство за участь Петербурга, — вспоминал фон Гинденбург. — Столица России начинает волноваться. Она чувствует непосредственную угрозу. Петербург — голова России — приходит в состояние высшей нервозности...»

Однако Петроград не пал.

По признанию Гинденбурга, только чрезвычайные обстоятельства лишили германскую армию почетной возможности занять столицу бывшей Российской империи. Сразу же после завершения операции значительная часть войск Восьмой армии генерала Гутьера была снята с Рижского участка. Следовало сверхсрочно латать дыру на итало-австрийском фронте. Катастрофические поражения австрийцев ставили под угрозу существование Австро-Венгрии. В то лето не утихали кровавые бои и на Ипре, во Фландрии, и с августа — снова под Верденом.

«Нет ничего странного в этой политике Ленина, все даже очень логично, — развилал свои доводы Болдырев. — Ленин согласен на все для захвата власти своей партией. Во имя этого захвата следовало деморализовать, обездвижить армию — опору любого государственного строя, — и Ленин это организует. Весь семнадцатый год армия буквально разваливается по частям. Для большевиков нет понятия Родины. Они провозглашают вредным, кабальным, буржуазным само это понятие.

В подобных условиях крайне опасно появление немцев в Петрограде и других центрах России. В Петрограде — штаб революционной смуты; разложившиеся воинские части — опора большевизма.

Все, о чем говорили в эти месяцы вожди русской армии (генералы Алексеев, Корнилов, Деникин), становится вдруг и требованием большевиков: сплотиться и не пускать немцев — никаких антивоенных лозунгов, только отпор, только истребление захватчиков!

Что за бессовестное превращение!..

В этом существо большевизма. Это они называют диалектикой, классовым анализом: ради власти идти на все, вплоть до преступлений, а если вдруг объявится необходимость в противоположном действии (как, скажем, необходимость защиты Петрограда) — не туда гребли и надо отыграть задний ход, — не беда: замочут новой кровью. Власть, любой ценой власть! Любые решения и поступки ради власти! Не существует морали, не существует недозволенного. Нет и не может быть ничего святого, кроме продвижения к власти, захвата власти и удержания власти! Это единственная ценность, и обладание ею уже само по себе служит оправданием всего, даже самого невероятного преступления. Впрочем, его в таком случае не называют преступлением. Это уже нечто другое...

Большевикам важна лишь их политическая доктрина. Нет их, большевиков, — и пусть треснет Россия, провалится, изойдет дымом и прахом. Именно под этим углом зрения они толкуют русскую историю: убогая она, недоумочная без них, ленинцев. Вот ежели бы они заправляли в дружине князя Игоря или, скажем, в обществе декабристов!.. Поэтому они столь решительны и так готовы к разрушению. И нет ничего странного в их требованиях военного поражения России в японской, а затем нынешней, германской, войнах. Конечно, с поражением устои государства расшатываются, ближе цель — власть. Не сомневаюсь, как только они закрепятся у власти, то, выражаясь их же языком, они превратятся в самых отъявленных империалистов. Любой ценой власть — вот смысл их политики, здесь вся логика, все прочее — блажь...»

В сентябре 1917 г. Ленин пишет письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) («Большевики должны взять власть»):

«...Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа в *нашу сторону*.

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К° во главе мы помешать *не в силах*... Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

* * *

Ждать «*формального*» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Именно теперь предложить мир народам — значит *победить*.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет: может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*».

Это был курс на вооруженное восстание, но еще не на практический захват власти.

«Недавно в поездке... — писал М. А. Булгаков (классик русской литературы) сестре Наде 31 декабря 1917 г., — мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть. Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве. Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров. Мучительно тянет меня вон отсюда...»

Генерал Краснов вспоминал:

«...Носить погоны больше стало немыслимо. Солдаты с ножами охотились за офицерами. Но снимать погоны мы считали для себя оскорбительным, и потому 21 декабря (1917 г. — Ю. В.) все переоделись в штатское. Однако это не улучшило положения...»

Петр Николаевич Краснов родился в 1869 г. Окончил Павловское военное училище и Офицерскую кавалерийскую школу, служил в гвардейских казачьих частях. Накануне мировой войны в чине полковника командовал 1-м Сибирским казака Ермака Тимофеева полком в Западносибирской казачьей бригаде. Повешен в Лефортовской тюрьме 17 января 1947 г.

Его предок — Иван Кузьмич Краснов (1752—1812) — в чине генерал-майора в Отечественную войну 1812 г. командовал у знаменитого атамана Платова донскими полками и погиб на Бородинском поле. А вот потомок, бывший донской атаман (после Каледина), задохнулся на крюке в спецкамере Лефортовской тюрьмы. Петр Николаевич люто ненавидел советскую власть. Ненависть привела к союзу с фашистами. И пошел он против своего... народа... А ведь в эмиграции писал романы, и недурные. Вот так Господь завихрил еще одну судьбу. Зачем это Господу? Какой прок от этих сломов и срывов у людей? Неужто удовольствие Ему?

Господь — твердыня наша...

О смысле воинской службы и армии Петр Николаевич оставил высокого накала строки, писал еще до похода на Россию (вместе с немцами). **Никогда ни с кем нельзя идти с мечом против Родины.** Пусть она заблуждается, пусть народ бредет ложными тропами, но не смей идти против народа!

Итак, слово Краснову.

«...Армию называют великой молчалиницей. Ибо армия есть только покорное орудие в руках правительства, слепо и безоговорочно исполняющее все его предписания. Но эта великая молчалиница говорит самым громовым голосом — голосом пушек и пулеметов; самым страшным языком — языком смерти. Она убеждает самым жестоким способом — способом крови.

Как же высоко должно быть воспитание Армии, из каких рыцарственных элементов она должна состоять — для того чтобы иметь право переступить через кровь; для того чтобы быть готовой отдать все — покой и уют, семейное счастье, силы, здоровье и самую жизнь во имя Родины, во имя ее спасения и блага...

Эта кадровая Армия должна блюсти и разумеет религиозный смысл своего бытия; она должна быть Армией христианской, христоролюбивым воинством, ибо только заповедью Христовой — возлюбите ближнего своего так, чтобы положить за него свою душу, — могут быть основаны и принятие оружия, и своя, и чужая кровь, и муки, и ранения, и самая смерть...

Армия — рыцарский орден! И народу своему она несет защиту и помощь, а не обиду и утеснение...»

Каково же было видеть генералу, как срывают погоны с офицеров, бесчестят великое русское оружие...

О России предоктябрьской фон Гинденбург пишет:

«О России нечего много говорить. Мы смотрим на ее внутреннее состояние как на открытую огненную пучину. Быть может, она догорит до конца. Во всяком случае, она повергнута, а с нею вместе и Румыния.

Таково было положение в конце 1917 года...»

Разложение русской армии, ожесточенная противоправительственная агитация и пропаганда большевиков свое дело довершили.

Германским армиям на востоке делать было нечего. Россию доби-
вали другие силы...

Но горе — победы вдруг Германия и на западе. Она взяла бы Рос-
сию голыми руками, превратив Украину и Белоруссию в свои коло-
нии. Собственно, России была бы уготована участь сырьевого при-
датка Германии. Именно этот план и попытается воплотить в жизнь
Гитлер. Та, вторая мировая война явится всего лишь продолжением
первой, отбушевавшей в 1914—1918 гг.

Слагаемые ленинской политики в те весенние и летние месяцы
семнадцатого можно свести к нескольким нехитрым понятиям.

Не останавливаться ни перед чем (то есть надлежит идти на
любые действия — пусть подлоги, развал страны), компромети-
ровать правительство (компрометировать — это из ленинского сло-
варного запаса, чрезвычайно богатого на иностранные словечки и
обороты). Милюков, Керенский — сволочи. Настроить армию про-
тив правительства. Мир на фронте — война в стране. Большевиков
должны бояться. **Страх. Террор.** У нас свои союзники. Сепаратный
мир.

Мысли, как видим, откровенно предательские, подлые и пре-
дельно антинациональные. Главное в них обнажено до корней —
завоевание своего народа предательством, провокацией, газетно-
листочечной ложью и разжигание ненависти к имущим и интелли-
гентным сословиям. **Внести раскол.**

Эти мысли можно считать как бы продолжением знаменитых
апрельских тезисов вождя большевиков. Мысли эти органически
вписываются во всю схему классового мышления. Такой подход к
политике вообще свойствен их восприятию мира. Народ, кровь,
правда, страна — ничто. Самое важное — власть. И они валили
страну к стопам Германии. А удастся ли при этом получить власть
или нет — во всяком случае, в наличии единственная возмож-
ность подобного рода, более история не пойдет таким путем. Толь-
ко сейчас, в этот миг столь необыкновенно удачно сплелись со-
бытия, расстановка сил, настроение народа. Ежели чуть-чуть до-
жать...

Что могло случиться с Россией — их совершенно не занимало. В
крайнем случае все они рванут в новую эмиграцию. И снова возь-
мутся точить государственное древо России.

Взять власть!

Завоевать народ!

Обрушить шквал лозунгов! Разбудить погромно-истребительные
инстинкты — ими сокрушить такие понятия, как Родина, патри-
отизм, православие. Пропагандой и агитацией сделать совершенно
естественной мысль об истреблении существенной части общества.
Истребить эту часть общества. Подчинить своим догмам сознание
народа. Взять власть!

Все строго соответствовало логике вещей. Ленин готов был ехать в «запломбированном вагоне» не только по Германии, но по трупам соотечественников, надо — по живым людям вместо шпал. Его политическая натура соглашалась на совершенно любые действия, запретных — не существовало. Этот человек мог вступать в соглашение с любым врагом, даже всего рода человеческого и вообще всего живого под солнцем, дабы выморить народ и получить власть, а потом железом разгородить мир и назначить жизни, ибо имеет право жить лишь тот, кто до единой буквы, до знака препинания разделяет его идеи и служит ему, только ему, ибо один он знает, куда идти и как поступать. Он, Ульянов-Ленин, знает, что важно человечеству, только он — и никто другой.

Это было настоящее пришествие дьявола, сатаны, жуткой темной силы — темной, потому что вобрало все самое страшное, непотребное, что лежало на дне человеческих душ. Вобрало — и изрыгнуло, изринуло в жизнь живых. Это темное должно было сомкнуться с тем темным, что дремало на дне души каждого, чему не давали выход культура, вера в Создателя, любовь к жизни, ближнему... На все это изрыгнулся пламень ненависти, всепожирающий жар. И это темное вспыхнуло в душах живых и осветило их лица — так что они стали удивительно похожи на рыла, клыкастые рыла каких-то оборотней, поскольку в душе каждого таится оборотень...

Он, Ульянов-Ленин, это знал — и дал этому выход. Это темное вспыхнуло ослепительным жаром. Из каждого рвался навстречу свой гаденький огонечек подлости и низости.

В образе коротенького человечка с лысым черепом, уютным животиком, выпирающим из-под жилета, с картаво-сдавленной речью пришел античеловек. И он прижился своим, остался среди людей. И взялся за основное — выпускать из них живую, смелую и сильную кровь, заменяя на зелень и гниль людоедской. Ибо отныне и во веки веков убийство людей, продажность, предательство, жестокость возносились в добродетели.

Россия со скрежетом и грохотом сходила с рельсов и рушилась под откос, распадаясь, озаряясь огнем. Миллионы воплей оглашали крушение.

Ульянов-Ленин морщил лоб над записями и выписками: все происходит в полном соответствии с выкладками. Ни стоны, ни мольбы не достигнут его слуха. Он мертв для чувств. Только в этом случае он выполнит свою работу хирурга — живосечение по трепещущей плоти России. Пусть земля примет миллионы, надо — десятки миллионов. Он свою операцию проделает. Он уже сделал первые надрезы, он уже ширит и ширит рану на ее теле. Теперь большевики — это его «миллионопалые выросты» (вместо двух рук — миллионы). На этом поле, бывшем когда-то обильной и многоголосой живой страной, он, «миллионопалый», воздвигнет новое государство. Уже расчерчено будущее. Главное — общий, усредненный по оплате труд. Не худо бы обобществить и любовь к женщине — половой инстинкт (любовь вождь исчислял для избранных),

чтобы получить от каждой половой единицы пять-шесть детей. Нужны бойцы для мировой революции.

Любовь, семья — это при известной обработке умов может предстать в совершенно ином виде. Самое важное — сомкнуть пропаганду и агитацию с тем темным, что дремлет в душе каждого (инстинкты). Он уже убедился: это вполне достижимо. Люди превращаются в то, что им назначают сильные. В этой работе все зависит от средств, которые вкладываются в газеты, книги, то есть обработку умов. Если у большевиков будут рычаги власти, они обратят все нужные средства — и люди стадно исполнят все то, что им вколачивается в сознание. Он, Ульянов-Ленин, уже убедился в неограниченной возможности управлять группами людей; теперь ему подчинится весь народ, а после — и народы всего мира. Надо лишь знать, на что взять людей. И они побегут. Стоит лишь крысолову заиграть в свою дуду...

Женщина должна беременеть и рожать, а государство возьмет на себя воспитание будущих воинов революции. Им подчинится мир. Общее — это и труд, и воспитание детей...

Я вовсе не исключаю подобный «заворот» в умственных построениях главного вождя. Это был античеловек. На все человеческое он взирал критически, с точки зрения разрушения и приспособления к выгодам своей борьбы. Все сложившееся исторически он готов был предать сожжению. И он в этом преуспел...

Однако Господь посмеялся над античеловеком. Он назначил ему жизнь, как и всем, — ничтожно малую крохотку. Ну что такое, в самом деле, 50—60—80 лет? В истории народов — даже не искорка. И все замыслы величайшего античеловека оказались обречены...

Но он преуспел в разрушении России. И люди ох как охотно пособляли ему! И никто не задумывался над простой истиной: новое способно произрасти лишь из старого, на жизни старого, впитав все производительное, плодоносящее и светлое. Органически следуя из старого (не погромом, не сечением клинка или топора), новое должно существовать в старом, пока старое, не отмерев постепенно, не превратится целиком в новое. Но это новое — продолжение старого.

Однако над Россией вознесся красный топор, а люди принялись с торопливостью напяливать на себя балахон палача. Пусть не весь народ, но в изрядном множестве сыны и дочери его.

«Мучительно тянет меня вон отсюда...»

В ноябре 1917 г. бывший прапорщик Крыленко, а теперь именем революции Верховный главнокомандующий объезжает фронты.

В Пятой армии он арестовывает командующего — генерал-лейтенанта Болдырева.

«В общей сложности мое заключение продолжалось около четырех с половиной месяцев, с середины ноября 1917 года, когда я зани-

мал пост командующего Пятой армией, защищающей тогда Двинский район нашего фронта в мировой войне... У меня не осталось особенно мрачных воспоминаний о тюрьме. Даже знаменитый Трубецкой бастион Петропавловской крепости, о котором создавалось столько легенд, не показался таким страшным. После невероятного напряжения, пережитого за четыре года войны... мой каземат (или «камера № 71») обеспечивал мне по крайней мере некоторый физический отдых... Режим не был суровым. Новая власть еще не успела осмотреться. Она переживала и внутренний, и внешний кризис. Немецкая лавина катилась к Петрограду, немцы захватили Псков, Нарву...

Суровый Октябрь принес бурю. Она сметала старые устои. Положение «ни мир, ни война» туманило умы. Призыв к великому будущему требовал разрушения того, что было. Оголенный классовый признак делил всех на «мы» и «они». Они — это только враги, не там, на Псковском и Нарвском фронтах, а в самом сердце страны, везде на ее необъятных просторах, среди пламени и дыма беспощадной Гражданской войны. Но и среди этих условий старая Россия не могла умереть мгновенно. Вздернутая на дыбы, она, по крайней мере в лице ее руководящих классов и большей части интеллигенции, была еще под обаянием лозунга «единой, великой, нераздельной», страдала за развал фронта, тревожилась вторжением немцев, негодовала на Брестский мир...

Казалось наконец, что неизбежным следствием германского поражения будет и неизбежная гибель большевизма...

Русская народническая интеллигенция никогда не была особенно действенной как масса. **Заветы непротивления достаточно отравили и ее самосознание...** (выделено мною. — Ю. В.).

Встреча с упорной энергией большевизма, где были и недавние союзники по борьбе с царизмом, поставила интеллигенцию в тупик...

Легкий налет демократизма, не успевший пустить глубоких корней после Февраля, с трудом скрывал истинную сущность настроений большинства военных группировок...

Лозунги, выдвинутые большевиками, имели огромное преимущество. Они были не только малоосязаемой абстрактной идеей, но имели и практический смысл. Эти лозунги были четко сформулированы и вели к определенным осязаемым результатам. «Грабь награбленное!», «Не хочешь войны — уходи с фронта!», «Власть твоя — ты хозяин положения!» и т. д. Ясно, кратко и вразумительно.

Это не то, что «единая, неделимая», «война до победного конца» и даже «вся власть Учредительному Собранию»...

Симпатии мои определенно были на стороне Волги и Сибири, куда в июле 1918 года я и отправился как делегат «Союза возрождения России» для участия в Государственном совещании по созданию единой объединяющей центральной власти...

О настроениях Юга определенное представление дает письмо генерала Алексева Брюсу Локарту, написанное летом 1918 г.

«...Он заявлял, что скорей будет работать с Лениным и Троцким, чем с Савинковым или Керенским...»

Василию Георгиевичу с его эсеровскими настроениями на Юге делать было нечего.

И тут же по тексту воспоминаний следует любопытное замечание. Оказывается, английский дипломатический представитель (в общем-то, знаток России) видел лишь в Петре Струве («блестящий интеллигент») вождя России.

Но «вождь» почему-то на данную роль не подошел. Надо полагать, для России, помимо блестящей интеллигентности, необходимо обладать и кое-чем другим. У Ленина была страсть к социалистической России, которая должна выкroиться из его выкладок. Эту Россию диктатор любил до самопожертвования.

Но и одной пылкой страсти, помноженной на несгибаемую волю, однако, маловато. Керенский тоже страдал по России.

Россия подчиняется и уступает пылкой любви, железной воле и еще непреклонно твердой руке. Она согласна на казни и кровь, если эта десница соединяет Россию и кормит. Тогда царь уже не Иван Губитель, а Иван Грозный и Ленин — не палач, а благодетель.

Ленин и Сталин кровавы с головы до пят, но они вожди. У России свои исторические судьбы. Ее облик складывался в совершенно особых условиях. Это всегда надо иметь в виду, иначе не понять, что происходит в этой растянутой от Европы до самых глубин Азии стране.

Как принять Брестский мир?..

По условиям мира от России отторгались Польша, часть территории Лифляндии, вся Курляндия и часть Белоруссии. Россия соглашалась вывести войска из Эстляндии, Лифляндии и Украины, уступала Турции Карс, Ардаган и Батум на Кавказе и признавала украинское правительство Центральной рады, пользовавшееся поддержкой Германии. Правда, было достигнуто соглашение об отказе от репараций. В экономическом отношении договор означал потерю 27% посевной площади, 26% — населения и железных дорог и трех четвертей производства железа и стали...

Было от чего содрогнуться русскому человеку.

Болдырев размышляет, а над чем пораскинуть «мозгой» — есть. Анархия в стране — следствие крушения старой власти. Никто в стране не способен принять на себя бремя царской администрации. Она правила в стране веками. Она приспособилась к народу, и народ приспособился к ней.

Образованный класс в России представляет ничтожное меньшинство, буквально тонущее в людском море. И что трагично — это

меньшинство совершенно неорганизовано, не владеет политическим опытом и не имеет связей ни с городом, ни тем более с деревней.

Народ отныне брошен на произвол судьбы.

Аппарат управления сломлен, нового нет. Россия разваливается без власти. Это особенно чувствительно для нее — ведь она привыкла к единоличной власти и повиновению. Царь, Самодержец, Вождь!..

Кто ж теперь наложит на эту страну свою длань? Неужто большевики?.. Быть не может! Они же продают Россию врагу!..

За Болдыревым не обнаружилось преступлений против народа, кроме верности присяге. После краткого судебного разбирательства 2 марта 1918 г. бывшего генерала выпускают из «Крестов». Что бы там ни писал Болдырев, а, по воспоминаниям очевидцев, вернулся он из тюрьмы, разменяв темный цвет волос на белый. Вскоре волосы полезли так, что Василий Георгиевич мог их рукой снимать. Однако все это ничто в сравнении со свободой.

Скоро, даже очень скоро новая власть осмотрелась, приосанилась и уже никого из «бывших» иначе, как ногами вперед, не освобождала. Именно в те месяцы «женевское» чудище прибрало большинство сослуживцев бывшего генерала, как это и было клятвенно обещано основоположниками в мирной и уютной Женеве полтора десятилетия назад; прибрало без суда и всякого там учета заслуг. Принадлежность к спроектированным на уничтожение классам, а также чины и всякая там выслуга и составляли крайнюю степень виновности.

Василий Георгиевич в те месяцы, знай, осенял себя крестным знаменем: «Оборони и защити, Царица Небесная!»

Со всех сторон сыпались печальные известия.

Генерал Беляев, назначенный государем императором военным министром 3 января 1917 г., расстрелян почти сразу после Октябрьской революции. А как же, царев прихлебатель!

Генерал Духонин — последний из Верховных главнокомандующих до Октябрьской революции, растерзан в могилевской ставке матросами 20 ноября 1917 г. А пусть буква в букву исполняет приказания, вша золотопогонная! Что ему велел новый главковерх товарищ Крыленко?!

Генерал Радко-Дмитриев — болгарин, с известием о присоединении Болгарии к военному союзу с Германией и Австро-Венгрией демонстративно перешел на русскую службу, командовал корпусом, затем Двенадцатой армией под Ригой. В октябре восемнадцатого расстрелян в Эссентуках. Поди, умолял отпустить на старую родину, в Софию, если на новой казнят... А только влупили ему разом из десятка стволов...

Генерал Рузский — бывший главнокомандующий Северо-Западного и Северного фронтов, тоже сложил голову в Эссентуках. Нашел время поправлять здоровье, хрен очкастый!.. Тут, правда, осечка вышла. Ленин посетовал, что «женевская» образина не сне-

слась с ним и так скоропалительно слизнула генерала. Родной брат управделами Совнаркома генерал Бонч-Бруевич настоятельно рекомендовал Ленину Рузского как способного военного организатора, а главное — демократа... Само собой, «женевская» тварь в такие тонкости не была посвящена и мела всех согласно принятому на себя обязательству по расчистке земли. И пошли заглоты на тысячи и десятки тысяч голов. В глазах рябит: и старики, и молодые, и женщины... Даеть свободу трудовому народу!

Генерал Эверт — бывший главнокомандующий Западного фронта — этого тоже накормили свинцом в 1918-м. Откомандовал, боров старорежимный! Пусть ему черти в аду бородку холят.

Генерал Янушкевич — бывший начальник Генерального штаба. Убит красногвардейцами в 1918-м. По общему мнению, отъявленной сволочью был...

Это самый «верхушечный» список, по отдельным самым известным генералам, а весь похоронный генеральский синодик потянет на сотни и сотни имен. Ведь в России до революции, по подсчетам Михаила Лемке, на 800 нижних чинов приходился один генерал.

Но и еще достанут генералов, подпишут не одно имя к своему смертному свитку. Тут и генералы Врангель, Кутепов, Миллер, и ряд генералов, захваченных в Европе и Китае после второй мировой войны.

В данную героическую эпоху «женевская» тварь действовала в строгом единообразии с доктриной — лишь против классов, назначенных к уничтожению. На своих у нее еще не разгулялся аппетит, а может, просто не распробовала; так, разве кушала от случая к случаю, как, к примеру, знаменитого Думенко, командира Сводного конного корпуса, или Миронова, командующего Второй Конной Армией. Правда, Молотов утверждал, что в их гибели виновен Троцкий. Высверлил взглядом нарком республики хлябь в их революционной сознательности — и лишил жизни. Однако факты говорят о другом. Другие люди поставили крестик напротив этих имен...

3 февраля 1918 г. обнародован декрет Совнаркома об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

14 февраля напечатано сообщение о создании ускоренных курсов по подготовке командирского состава для Красной Армии.

22 марта опубликовано постановление ВЧК об организации одноименных комиссий на местах (губернские и прочие ЧК). В постановлении сказано: исключительно им принадлежит право обыска, реквизиций, арестов и т. д.

С апреля того же года в Красной Армии по примеру Французской революции вводится институт военных комиссаров...

Светлыми весенними сумерками — предвестницами белых ночей — Василий Георгиевич бродит по Питеру. Все, что перевернуло Россию, он никак не в состоянии принять за освобождение и справедливость. За лозунгами осваивают власть политики, которым их

доктринерские идеи дороже интересов Отечества. Ради этих интересов они разложили армию, пустили в самое сердце Родины врага, уступив Украину и Крым, теперь разваливают государственный уклад. С закреплением у власти большевиков везде только — кровь и страх...

Непонятный человек этот Василий Георгиевич. И своих имений не имел, заводов — и подавно, да вообще ничего не имел, кроме квартиры в Питере, и за ту платил наличными.

И происхождение у бывшего генерала — даже не из сельских мироедов. На кой ляд ему запонадобился «Союз возрождения России»? Ну что ему отвоевывать, какую справедливость?.. А ведь не сидится! Не может бывший генерал без живого антисоветского дела. Ну в муку каждый день под заботой РКП(б). С того, поди, и оказался одним из организаторов этого окаянного союза — ну контрреволюционное гнездо.

По мнению Болдырева, «Союз возрождения России» «включал все политические течения — от левых кадетов до умеренных социалистов-революционеров, в союз входили и беспартийные элементы: военные, трудовая интеллигенция, чиновничество и пр.».

Другой политической группировкой являлся «Национальный центр», «куда вошли представители высшей царской бюрократии, представители крупных промышленников, землевладельцев и т. д.».

Болдырев отмечал:

«Огромная пропасть, лежавшая между крайним правым и крайним левым крылом тогдашней русской общественности, враждебной овладевшим властью большевикам, конечно, мешала им объединиться даже для борьбы против общего врага».

Прежний строй Василий Георгиевич считал пережитком и ломку его в Феврале семнадцатого — исторически оправданной и целесообразной, хотя теперь даже этот строй начинал представляться верхом демократичности и вообще юта.

В дневнике Василий Георгиевич называет советскую власть «красным кошмаром, который... давит и душит... Родину».

Тотальная подчиненность всех режиму партии и ее секретарей, унижительная зависимость каждого от власти вообще, неизбежность просительства по любому поводу превращали жизнь под РКП(б) в мучение. Новый строй пахнул диктаторством самого свирепого пошиба. За всем стояло принуждение. Все были обречены на «бритье головы», то есть насильственное подчинение своих мыслей, взглядов и даже желаний диктату партийных доктринеров.

Ленинизм, несмотря на свои интернационалистские формулы, не признавал вне себя ничего достойного и вообще человеческого. Все вне доктрин Ленина — ущербное, неполноценное, годное лишь на свалку. Василий Георгиевич с болью наблюдал, как разграбляются церковные и музейные ценности, как исчезают памятники культуры, выгорают на корню старинные поместья и гибнут люди...

Исступленная ограниченность ленинцев выводила Василия Геор-

гиевича из равновесия. Он отмечает нарастающую истеричность большевиков, их культовое поклонение своим вождям. Он упоминает в дневнике (а надо учитывать, что дневник готовился к печати при советской власти и цензуру проходил при этой власти) о портретах на митингах, которые облепляют трибуны, стены домов, торчат над толпой и «каждый из которых крупнее самой крупной иконы». Его отвращает партийный фанатизм, разжигаемый большевиками. Быть подневольным партийной машины, кланяться новым хоругвям и ликам вождей, поносить себя, свое прошлое и прошлое России Василий Георгиевич не то что не может — ему даже представить такое невозможно.

Болдыреву не дано было видеть, каких размеров достигнет в буквальном и переносном смысле эта иконизация и вообще обращение в святых.

Уже с середины 60-х годов, через какие-то сорок лет с хвостиком, в Москве, под боком станции метро «Сокол», станут по всем партийно-советским праздникам наглухо завешивать с крыши целых двенадцать этажей 28-этажного здания «Гидропроекта» ликом Ленина — незабвенного вождя Октябрьской революции! Эдакая лысая чудовище-башка над городом. И будет буравить она прищуром мудрых глаз даже ночную мглу (не станут на это жалеть прожесторов): все ли на Руси приняли крещение на «женевский» лад и вообще живут по его заветам или есть там...

Это уже не портрет основоположника, двенадцатиэтажная полотняно-электрическая голова, это — идолопоклонство, ничем не отличимое от фанатичного верования древних в различные божественные стихии.

Кажется, если бы существовали здания до самых высоких облаков, то и на них в сорок, а то и сто этажей вывешивали бы лики нового владыки душ. Годами выработывали бы и ткали для этого особо прочное полотно, составами изводили бы краску, малевали бы целыми рабочими коллективами по обозначенным участкам. Даешь народную любовь!

Более двадцати лет появлялась напротив моего дома эта голова-чудовище¹. Позор вседневный и всенощный, как если бы пороли при белом свете весь народ без разбору — ну каждого в обязательном порядке.

Книга Юлия Исаевича Айхенвальда «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (М., «Революция и культура», 1918) имеет двойную цену. Она не только интересна по мысли, но свидетельствует о важ-

¹ Этот портрет впервые не появился в ноябрьские праздники 1989 г. У меня сразу мелькнула мысль: «Дезертировал Ильич. Как увидел всесоюзный разгром, учиненный по его предначертаниям, так и дезертировал».

А может, я напрасно спешу с выводами. И портрет просто латают. Во всех парткабинетах, обкомах, ЦК и просто квартирах убежденных.

нейших явлениях революции, ее самых заповедных глубинах; это первая половина 1918-го. Она даже набрана еще старым ятем. Листы ее передо мной желты и ломки. Уже нет бумаги, на ее изготовление идут заменители. Но сама книга набрана еще не по-нашему, не по-советски: между строками много «воздуха», поля страниц обширны. Это не расточительство — это уважение к мысли.

Большевики захватили власть. Лениным брошен лозунг «Грабь награбленное!». Объявлена война всем так называемым паразитным эксплуататорским классам. Стихия разрушения поражает страну.

«Мне пишет из провинции одна знакомая дама, как жгли и громили ее усадьбу, ее дом — колыбель и могилу ряда поколений. Милые старые стены дома-ветерана не хотели гореть; тогда их обложили соломой, облили керосином (Господи, это же выше разума, выше варварства — уничтожали ценность, уничтожали свое! — Ю. В.) — и пять дней горела усадьба, сопротивляясь смерти, пять дней лизали ее огненные языки костра, сложенного усердными руками. Так долго агония длилась потому, что все постройки были из дуба, «патриарха лесов», и он от времени обратился в кость — не соглашался умереть. Не соглашалась уйти из старого дома и сроднившаяся с ним, с его душою владелица... старая женщина 86 лет от роду... ее выгнали — после долгих издевательств, с бранью и насмешками...

Больно, разумеется, узнавать, что сжигают мельницы и хлеб, выливают на землю реки молока, которое производительнее было бы отдать детям, уничтожают картинные галереи, драгоценные остатки старины, целые библиотеки, с любовью собиравшиеся поколениями, вырубают леса и парки, старинные липовые аллеи... разоряют и грабят, в пустыню превращают возделанные пространства земли...

Ведь то, что теперь делается у нас, не послужит во благо никому... все будут последними, все будут бедными, и воцарится мертвое равенство нищеты, демократическая республика всеобщего оскудения...

О таком печальном будущем пророчит настоящее. Ибо теперешние властители наши показали себя сильными только в разрушении, но не в творчестве. Они искусно ломают, но ничего не строят. Талантливые разрушители, бездарные учредители, сеятели пустыты, они ополчились на прошлое, но не готовят будущего. В истории образуют они провал, кладбище, унылую безнадежность...

А правда эта свидетельствует о том, что носители высших духовных ценностей у нас, в России, выходили именно из тех дворянских гнезд, которые теперь бессмысленно губит опьяневшая и со всякого толку сбита масса (да не сбита она, а действует по лозунгу «Грабь награбленное» — прямому дозволению и поощрению государства, власть в котором захватили Ленин и его коммунистическая партия. — Ю. В.).

...Позволительно будет сказать, что дворянские гнезда разоряет теперь именно хам, нравственный хам... с дворянским ли околышем на фуражке, в либеральной ли шляпе, в картузе ли рабочего: все равно — хам (под дворянской фуражкой подразумевается Ленин — ведь он дворянин, а с ним и многие из его единомышленников, тоже бывших дворян; в шляпе любили хаживать Каменев, Чичерин, Красин... — Ю. В.).

А то, что его исполнительницей выступает деревня, то, что она, темная и грубая, человеческим ураганом обрушивается на плоды хозяйства, на живой и мертвый инвентарь (грабили, убивали скот, ломали машины, постройки. — Ю. В.), то, что она творит злодеяствия и ужасы, описание которых удручает, — это не должно нас удивлять...

А пока... пока в русской темноте — зарева пылающих усадеб, оскверненная культура, разоренные дворянские гнезда, — и грустно поникает головою седая тень Тургенева...»

Славно, что умер Иван Сергеевич за полвека до этих «стихий». Наплевали бы в бороду, а то и выдрали бы. За пазуху напихали бы книг, а там...

Лучше не представлять. История оставила столько картинок! Нет, это разгулялась не слепая стихия. Ленину нужна была разрушенная, терроризированная страна. Тогда он мог делать с ней что угодно. Народная стихия работала по плану. А на «потом» у него свои планы. Коллективный труд преобразит Россию. А памятники, библиотеки, парки... Господи, да чушь какая!..

Трудно мирянам. Счастье, ежели у кого над головой крыша, а под полом — квашеная капуста, мешочка четыре картохи и сало под сольцой, а уж коли и мучишка там аль пшеано! Да в таком разе соколом глядит мужик, а бабонька сбоку у него, под плечом, теплом и довольством лучится. Тут ей и уют, и поцалуи, и еще кое-што, отчего Матрена аль Ксюша шибко заходится стоном и всяческими причитаниями. Сытый мужик (у которого нет беспокойства за пропитание и дом, а равно и за жизнь) ужо как цацки-то намнет, как в заборе чувств натолкает. Кофту, знамо, расстегнет и вывалит цацки. Мать моя родная! Да рядышком не умещаются — как ей, сердешной, и таскать такие!

И лапищами по раздельности каждую во всем размере обожмет, исцалует, а то и другое удумает — тут от охоты и яра чего не спробуешь. А там и што поближе: лавка ли, печка ли, кровать... Заголит Матрену — и ошалееет. Сколь видел свою бабу, а до чего ж дородна, красна, а гладкая! Аж выматерится с хрипотцой — тут такой забор чувств, окромя матерных слов и не найдешь нужных. Все места огладит, исцалует, бородой нащекотит, наколет и натрет, окаянный! Да шибче норовит, шибче! Лавка-то скачет, Господи! Ну душу

вынимает! Ох, родимый! Да куды ж еще?! Ой, родной, ой, родной!..

Баба после и до ночи дурная, не туды чугунок сунет, не туды корм скотине задаст, все путает... Ну нет соображения! Да опосля такого спать положено, и никак не меньше часа. Обкритится жена под своим. Обкусает себе губы. Упреет с радости да истомы — тут и забудется. Утихнет, поскольку без памяти. Да так и лежит без срама, ни одной одежды. Ноги толстые, а белые! Куды там снегу! Цацки на стороны свялятся. Соски один вишневей другого — и торчат, поскольку приняла от своего яра да бешеную забаву. Аж в коленях дрожь да слабость. Ох, укатал! Ни дыха, ни шепотка там аль шевеления — как есть без чувств.

А ну, выдюжи! Этакое в себя примешь, да как начнет катать тебя: не продыхнуть. Одна мольба и стеснение в груди. И сладко-медово, и тяжко. И шибче молотит, шибче! Лавку-то побереги, Кондрат! Новую-то делать надо... Ой, родной, ой, кровинушка! Давай туды, на печь, ох, ноженьки не держут. Да не колготись, сейчас, сейчас... Куды ж ты так поддаешь?!..

Да что ей, сердешной, беспамятство? Не успела глаз прикрыть, а уже опять... Ей бы спать, спать... — ровно мамка в люльке баюкает: быстрый, сладкий сон.

Ну вся сила уходит, коли мужик в силе и склонность имеет до жеребьчих забав. Ох, нет моченьки в руках, не стоят ноженьки, а в головушке искры и смещение: глаза как бы вкось глядят. Господи, мрет сердце, а отпущать жаль. Да такая истома — разве ж отпустишь? Да миленький ты мой, да золотенький, да солнышко ты мое, да мой ты, мой, мой!..

И летит бабонька в пропасть. И такая любовь к мужику! Можно даже подумать, что душа у бабы в энтот самом месте...

И стоит изба в снегу — сугроб под самую дверь. И ничего, утихнет ветерок, снег весь высыпет — и уберет хозяин, отгребет, все вычистит. За другой дверью, что в клеть, куры кудахчут — это яичко снесла рябая. Корова жирно, мокро шлепает свой навоз — дух от него в одежде у крестьянина — и не выветришь. Самый справный дух, правильный, значит.

А в избе сытность, радость и покой, поскольку корову еще не застрелили шальные, што красные, што из банд, што от белых — а какая разница?.. А когда корова — это ж молоко хлебаешь с житным, это с лица белый и здоровый: тиф тебе нипочем и даже смена власти не в испуг. Да сам себе голова! Сперва царь, а опосля ты...

Ждет хозяин лета, тепла, когда с зарей надо землю поливать пóтом. Короткое туточки лето, а кормит долгую зиму. Потому нет ни дня для стыдных утех и самогонки — один только шаг в натуге, аж жилы на лбу не сходят, ровно ножом вырезаны.

А зимой што? На то она и студеная — бабу миловать да ублажать. Так Создатель сладил. Лето для работы, а зима для бабы.

Зима для забав придумана — это каждый знает и свою бабу шибко обхаживает. Можно сказать, без пощады. И уже брюхатая, а все спуску не дает, окаанный. Торчит — и все тут! А нельзя особенно отваживать да отказывать. А ну-ка задурит и уйдет к Дуняше аль Глафирье — она вдовая, а тетка, ох, видная!.. Вот истинный крест уйдет, коли с ним не по-божески. А как же, зима ведь...

А мужик иное про себе думает: ежели ты в расчет зиму не берешь да бабу не ублажаешь — так на кой ты вообще порты треплешь? На кой ляд девку под венец вел, надежды подавал?..

Зима — дело ответственное.

Иной, что со слабиной в этом, все в уме складывает, когда первые теплые дни. Но по Сибири такие в редкость. Сибирь, она из мужиков основательных, надежных. Прочих в землю спровадила, не сохранила. Края тут не райские. Сила да упорство надобны.

Накрутишь на руку подол аль косу — ну куды ей, лебедушке, деваться? И все команды учиняешь, потому что зима, дождались. На керосин нет надобности тратиться, не трактир, чай, а дом. Эвон сколько темного времени. Создатель дни с умыслом притенил и укоротил. Тьма за оконцами. Едва развиднеется — и опять тьма.

Но в наличии и такие: мало им ночи. Так у тех баба, как хлеб, пышная, сдобная, но что есть, то есть: заговаривается порой — ну как есть заезженная...

Как же злобило Василия Георгиевича отношение новой власти к офицерству. Их держали на положении изгоев: пачками расстреливали, как заложников, и вообще изводили при любом случае — и при всем том требовали от господ бывших офицеров верности и всяческих выражений благодарности и покорности...

Не один Василий Георгиевич мается мыслями о судьбе России и своем будущем. Под гнетом этих мыслей едва ли не вся образованная Россия.

Об этом раздумывает в Харбине и вице-адмирал Колчак. В начале апреля все того же, 1918 г. он принял пост командующего войсками в эмигрантском правительстве бывшего управляющего КВЖД царского генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата. Правда, ни солдат, ни тем более армии нет, но вице-адмирал верит: впереди Гражданская война, сопротивление только организовывается. И он прав: еще тление толком не тронуло труп генерала Корнилова, павшего 30 марта 1918 г. и похороненного в жирной черноземной степи под Екатеринодаром, и вся Добровольческая Армия — горстка офицеров, какие-то ничтожные несколько тысяч.

Через два дня после похорон красные, взяв Екатеринодар, могилу раскопают, а труп Лавра Корнилова сожгут, но сначала поглумятся над ним.

Всё-всё впереди!

С января 1918 г. (или около этого) вице-адмирал Колчак официально числится на службе Его величества короля Георга Пятого.

Он мечтает воевать против немцев, занявших добрую часть европейской России, включая его любимый Крым. Большевики обездвжили Россию и положили к стопам врага...

Для Василия Георгиевича большевизм — все равно что оккупация России захватчиками. Эта боль и обиды не то чтобы успокаивались с днями — наоборот, ранят глубже и нестерпимей. Каждый день в этой новой жизни кажется надругательством. Он человек сугубо военный, защищать Родину — его профессия. Поэтому он занят одним: где и как принять участие в Гражданской войне. И хотя об эсерах на Волге и за Волгой и вообще эсерах выражались в том смысле, что приход их к власти обернется бедствием еще более худшим, нежели поганая керенщина, Василий Георгиевич принимает решение пробиваться на восток. Там, по его мнению, демократичней, там та Россия, за которой будущее. К тому же этого требуют дела по «Союзу возрождения России». Но сначала — в Киев! Он должен повидать семью... и проститься.

Отныне никаких сомнений: Россия распята и опозорена; все, кто способен носить оружие, должны собираться под белые знамена. Теперь для него это уже приказ, он все понял.

Из Киева в солдатской одежде, под бородой Василий Георгиевич отправляется на Волгу. Там собирают свои силы эсеры.

«Призрак коммунизма бродит по Европе...»

Сама мысль о жизни, которую превращает в плоть и реальность этот самый призрак, Василию Георгиевичу невыносима. Мало того, что большевики верили иступленно, они всех насильственно гнули к этой истеричной вере. Кто не гнулся, того ломали. За всем этим проглядывало нечто такое... — генерал не мог определить мысли словами, но всякий раз видел перед собой какую-то зловещую черноту, раздернутую глумливыми рожами и всплесками огня. Болдырев всем существом ощущал ту жаркую ненависть — она пронизывает веру ленинцев. Ненависть — нерв нового общества. За этой ненавистью желание привести всех к одним мыслям, одним желаниям и в результате — к одной, общей для всех, безгласной покорности.

«Призрак коммунизма бродит по Европе...» Почему-то забрел в Россию — да так и остался...

В конце сентября 1918 г. генерал-лейтенанта Болдырева избирают в члены Директории — весь остаток жизни он будет воспринимать это как великую честь, а саму Директорию — как единственный орган власти, который мог бы еще спасти Россию в столкновении с большевизмом, не будь колчаковского переворота. С этого момента преобладание правых элементов делало борьбу против большевизма заранее обреченной на провал...

Так думал Василий Георгиевич.

А тогда даже Виктор Михайлович Чернов и «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (ей в тот год исполнилось семьдесят четыре) одобряют его избрание.

Василий Георгиевич с уверенностью примеривается к будущему.

Первое — возрождение общерусской армии. Без такой армии невозможна единая и неделимая Россия.

Однако все ломает Колчак, вернее, те силы, которые собираются за его спиной.

В книге «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» Родзянко приводит любопытные цифры:

«Я не хочу порочить нашу доблестную Армию, а тем более доблестнейшее офицерство, которое кровью своей стяжало себе неувядаемую, бессмертную, всемирную славу, но справедливость требует указать, что симптомы разложения Армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны. Так, например, в период 1915 и 1916 годов в плену у неприятеля было уже около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллионов человек. Значит, отсутствовало около 4 миллионов боеспособных людей, и цифры эти красноречиво указывают на известную степень деморализации Армии.

По подсчету, сделанному одним из членов Государственной думы, получилось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразится цифрой 15%, но по отношению к офицерству этот процент выразится цифрой 30%, а раненых еще больше.

Таким образом, по соотношению состава офицеров и солдат — убитых офицеров во время войны было в два раза больше.

Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тем как по отношению к офицерам это обозначение должно быть только 3%, дезертиров-офицеров не было вовсе...

Утверждаю, что случаи не единственные, но взяты мною как точно проверенные, которые можно доказать документально.

Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров».

Приведу строго выверенные данные.

В 1914 г. численность армии определялась в 1 млн. 423 тыс. человек. За первые четыре месяца войны в армию было призвано 5 млн. 115 тыс. человек.

За три с половиной года войны потери составили 68 тыс. 994 генерала и офицера и 5 млн. 243 тыс. 799 солдат. В это число входят убитые, раненые и пропавшие без вести.

В конце войны было зарегистрировано русских пленных в Германии — 2 млн. 385 тыс. 441 человек, Австро-Венгрии — 1 млн. 503 тыс. 412, Турции — 19 тыс. 795 и в Болгарии — 2 тыс. 452, всего — 3 млн. 911 тыс. 100 человек¹.

¹ См.: Б е с к р о в н ы й Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. М., «Наука», 1986.

Стоит мужик, слёз нет — тут с младенческих лет усыхает влага в глазах. Жизнь шибко расторопна и щедра на подзатыльники и розги, а то и кандалы. Крепко надо помнить, перед кем ломать шапку и какие слова говорить.

Россия — это понимать надо!

Ветерок холодит грудь за рубашкой, а за спиной наискосок — винтарь. Без него нынче никак нельзя. Стоит мужик и вроде как качается, не в себе.

Вместо села — печные трубы да головешки с золой. Где чугулки валяются, где от ухватов железные держакИ, лезвия топоров, лопат, гребенки граблей... — все в копотИ. Ровное место теперь: ни заборов, ни скотных загонов, ни даже колодцев... Все бабы да мужики со стариками на обрыве у реки. Кто на брюхе, кто на спине или бочку — тихо лежат, смирно.

Кровищи по одежде!

И тишина.

Воронье не успело собраться. Эх, у птиц крылья есть...

Стоит мужик и не сообразит: всех подряд хоронить аль только своих?..

Крестится. Поди, уже сотый раз осеняет себя крестным знаменем. Нет у него мочи ступить к обрыву: как углядел односельчан — такая тяжесть... не оторвать лапти. Нет ни силы, ни отваги своих искать... да тут, почитай, все свои...

Ветер раздольно берет. Травы беспокоит — сюда огонь не дотянулся, с подветра здесь, потому и стреляли: дым не мешал. А может, их раньше побили, до поджогов...

Ветер пройдет низом, взметнет пепел — и слышно, как стучат ветви: стоят березы черными скелетами — ни листочка, тоже вроде казенные. Костяно, сухо постукивают ветви.

Белых это работа. За партизан побили...

Замирают Русь. Здесь — белые, чуть подале — красные, а случается, и японцы. Чехи? Те с осени восемнадцатого бросили баловать. Бьют русских, баб насилуют, но в деревни не суются. Зачем? В городах и без того всякого добра навалом. И мостовая тебе под ногами.

А туточки крепко приняли красную заразу. Хотя вот лежат и слыхом не слыхивали, когда жили, что имеются библиотеки, в которых можно в ученых книгах прочесть о необходимости убивать. Слыхом не слыхивали ни о славянофилах или там западниках и о Розе Люксембург с Карлом Либкнехтом — тоже ничего не слыхивали. Знали твердо: есть Всевышний, святые угодники, в наличии ангелы, бесы и сатана с лешим. Вот, почитай, и все... Даже про Гришку Распутина не слыхали. А кто таков?..

Против белых повернули? Так за землю, справедливость, за жизнь без войн, урядников, тюрем и вообще господ. Кто от такого откажется?..

А мух, мать честная! Откуда поспело столько? Выются по-над раскроенными черепами, простреленными спинами, штыками

попорченными животами и прочим. Мухи ползают по губам, глазам, в рот забегают, спариваются на лету — эвон сколь корма! Лапки почистят — и снова в лет: ищут, где кровь да слюна с рвотой посласще. Праздник у них...

Пора, дядя! Бери заступ. Слезы на бороде высохнут. Вон видишь, заступ. Не сгорел, значит. Это тебе его святые угодники оставили. Бери, бери... Не один ты такой в России...

Господь, твердыня наша...

Из протокола допроса адмирала Колчака:

«По прибытии в Омск я узнал о смерти Алексева, который умер, кажется, 11 или 12 сентября (1918 г. — Ю. В.). Там же я получил известие о смерти Корнилова и что главнокомандующим Добровольческой Армии на юге России является генерал Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен Верховным командующим и прибыл со своим штабом в Омск. По прибытии в Омск мы встретили генерала Мартынова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена, и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России.

Они мне сказали: «Зачем вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а вам надо оставаться здесь. Во всяком случае, мы вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны по Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и вы — единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя...»

Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал вопрос, что я намерен делать.

Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать.

Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать: флота здесь нет?» Он говорит: «Я думаю вас использовать для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом. Если вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней...»

Через два дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какового сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются ресурсы, средства, личный состав, привести все это в порядок, и тогда можно будет создать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, то — что такое военное министерство во время

войны? Я просто-напросто не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте ж этого предложения. Если вы увидите, что дело не пойдет у вас, никто вас не связывает, вы всегда можете его оставить, — но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме вас. Поэтому я вас прошу, обращаясь к вашему служебному долгу, чтобы вы мне помогли, вступивши в должность военного и морского министра...»

...Я сознательно шел на службу к Директории...»

После омского переворота Болдырева выпроваживают во Владивосток, откуда он вынужден перебраться в Японию. Там, на досуге, сочиняет «Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевиками» и передает их представителям союзных держав. Сам того не замечая, Василий Георгиевич становится проводником японского влияния на востоке России. После крушения колчаковщины он возвращается во Владивосток, но белое движение бездарно сыплется. В России оно никому, кроме этих самых белых, не нужно.

12 августа 1920 г., накануне эвакуации последних подразделений легиона из России, чехословацкое правительство награждает генерал-лейтенанта Болдырева Боевым крестом.

Вообще, первой кандидатурой и в Верховные Правители России (тот пост, который займет Колчак) был все тот же Василий Георгиевич. Это лестное предложение ему сделал Сибирский кабинет министров устами обходительнейшего Петра Васильевича Вологодского. Болдырев не оценил подобной чести, посчитав любой переворот гибельным для законной всероссийской власти, которая с такими трудностями оформилась наконец в Директорию, и от нее, этаким чести, наотрез отказался.

Тогда в военные диктаторы был решительно двинут вице-адмирал Колчак — мало того, что военный с именем, да еще и умница, ученый!

В неизгладимой обиде на этого ученого останется Василий Георгиевич. Омский переворот, по его мнению, разжижил белое сопротивление, непримиримо размежевал на левых и правых, которые вступили в борьбу друг против друга.

Во вторник, 24 августа 1920 г., на транспорте «Президент Грант» Владивосток покинул штаб последнего командующего Чехословацким корпусом в России генерал-майора Чечека.

Спустя два года, 26 октября 1922 г., красные войска под командованием Уборевича занимают Владивосток. Василий Георгиевич отказывается бежать. Он выступает с заявлением:

«Обстановка в Западной Европе допускает возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений извне против России. В могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа...»

Его арестовывают, держат в тюрьме — «местзаке».

22 июня 1923 г. Болдырев обращается во ВЦИК с просьбой о помиловании. Одновременно он обратился к наркому по военным и морским делам Троцкому:

«22 июня сего года мною возбуждено ходатайство перед ВЦИК о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения после ареста в городе Владивостоке 5 ноября 1922 года; вместе с тем мною заявлено желание, если в том встретится потребность, предоставить мне, в случае моего освобождения, возможность приложить свои силы к строительству Советской России.

Будучи до империалистической войны в составе профессоров Военной академии (Генштаба), ходатайствую о предоставлении мне возможности вновь посвятить себя прежней профессорской деятельности».

ВЦИК ходатайство Болдырева удовлетворил. Он получил работу в сибирской плановой комиссии. Но вскоре его арестовывают. Вместе с бранным телом «женевское» чудовище засиживает и всякую память о нем.

Был Василий Георгиевич ростом несколько выше среднего, раскидист в плечах и тяжел мышцей, набитой в юности у отца в кузне.

Лицо имел типично русское, то бишь крупное, с несколько расплывчатыми чертами. К семнадцатому году (самому началу смуты) раздался, да так — за глаза стали звать «толстяком», а то и срамнее. При всем том ему сопутствовало крепкое здоровье — сказался физический труд в молодости.

В 1923 г. ему исполнилось сорок восемь.

В своем решении встать на сторону трудового народа Болдырев оказался не одинок. К советской власти примкнул генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич — он перебивал на самых крупных штабных должностях в старой армии. Такое же решение принял и бывший Верховный главнокомандующий знаменитый генерал А. А. Брусилов, уже в покойниках перекрашенный стараниями сестры под самого махрового белого, чем вызвал гонение на свою память в последние годы тирании Сталина.

О том, что Брусилов находился в заключении и являлся, по существу, смертником, я узнал лишь из воспоминаний Локкарта. Товарищей Брусилова по заключению, бывших царских министров, пустили в расход; он тоже ждал свою судьбу. Очевидно, ждал не пассивно, если вдруг стремительно поднялся по красной командирской «лестнице».

Вот зарисовка того Брусилова — он оказался соседом Локкарта по камере. Его, Локкарта и Спиридонову держали тогда в Кремле — там были приспособлены комнаты под камеры.

«У него случилось какое-то несчастье с ногой, и он ходил с трудом, опираясь на палку... он выглядел больным, измученным и очень старым; выражение лица было лисье, хитрое...»

Перешли в Красную Армию бывший главнокомандующий войск

Юго-Западного фронта генерал А. Е. Гутор и бывший главнокомандующий войск Северного фронта генерал В. Н. Клембовский. Послужил новой власти и старый генерал Н. А. Лечицкий — бывший командующий Девятой армией. Отдали себя в распоряжение советской власти бывшие военные министры царского правительства генералы А. А. Поливанов и Д. С. Шуваев, а также последний военный министр правления Керенского генерал А. И. Верховский (белые держали его в черном списке).

Подались на службу в Красную Армию и генштабисты генерал-лейтенанты А. В. Новиков, А. Е. Снесарев, генерал-майоры А. К. Ремезов и П. П. Сытин. Выпускник Академии Генерального штаба генерал-майор С. И. Одинцов командовал Седьмой армией красных. Генерал М. В. Фастыковский был красным начальником штаба Западной армии Кавказского фронта на заключительном этапе Гражданской войны. Генерал-майор А. А. Незнамов служил начальником отделения Управления военных сообщений, крупный военный теоретик, профессор; генерал от инфантерии Н. А. Данилов, бывший командующий Десятой армией, преподавал в красной Академии Генерального штаба в 1919—1932 гг., генерал-майор П. П. Лебедев занимал ответственнейшую должность начальника штаба Восточного фронта, а после — начальника Полевого штаба Революционного Военного Совета республики, полковник Генерального штаба С. Д. Харламов командовал Пятнадцатой и Седьмой армиями красных, а полковник Генерального штаба С. С. Каменев — Восточным фронтом, позже стал и Главнокомандующим всех Вооруженных Сил Республики. Генерал-майор А. А. Самойло пусть недолго, но даже возглавлял фронт, тот самый, Восточный (против Болдырева и «Народной Армии» Комуча), что сдал ему тогда бывший полковник генерального штаба Сергей Сергеевич Каменев. Сложил голову за советскую власть и генерал-лейтенант барон А. А. фон Таубе¹.

И этот список далеко не исчерпывающий.

В Гражданскую войну в РККА служили 48 тыс. 409 бывших офицеров.

К октябрю 1918 г. Австро-Венгрия приблизилась к критической черте существования. После жестоких поражений на русском фронте, ударов на итальянском она истекала кровью.

Венгрия и славянские народы требовали самостоятельности.

17 октября 1918 г. император Карл объявил Австро-Венгерскую монархию Федерацией самостоятельных государств.

После Октябрьского переворота в России турки смогли снять и перебросить с Кавказа в Палестину почти целиком всю армию. В сентябре 1918 г. англичане наносят Турции кровавое поражение.

¹ А власть эта даже просто не помянет его. Ну не было такого человека!

Они очищают от турок Палестину, Сирию, продвигаются к Анатолии. Главари младотурок и полновластные хозяева Турции Энвер-паша и Талаат-паша бегут из страны — это они организовали истребление национальных меньшинств в собственной стране.

«Младотурки, — пишет историк Тарле, — не только в 1915 году истребили большинство армянского населения и хвалились этим; они в 1908 году пришли к власти с твердым намерением разрешать национальный вопрос физическим истреблением всех национальностей, кроме турок и тех, кто согласится немедленно стать турком... Энвер-паша восклицал, что отныне «нет» болгар, «нет» греков, «нет» македонцев, «нет» арабов, а все «равны и все оттоманы»... Прямым продолжением и реальным комментарием к этой речи Энвера... явились слова его ближайшего друга и соратника Талаат-паши, истребившего вместе с Энвером две трети армянского народа в 1915 году: „Армянского вопроса уже больше нет, потому что армян нет“».

Даже в союзной Турции Германии это побоище вызвало если не гнев, то определенное осуждение.

«Армянский вопрос считался турками вопросом исключительно внутренней политики, — отмечал в своих воспоминаниях фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, — и они очень обижались, когда мы его затрагивали. Наши офицеры на местах не всегда в состоянии были смягчать проявления ненависти и чувства мести. Проснувшийся в человеке, в этой борьбе не на жизнь, а на смерть зверь в проявлениях политического и религиозного фанатизма дает самую мрачную главу истории всех времен и народов...»

30 октября 1918 г. в Мудросе англичане и представители союзных держав заключили с турками перемирие. Турки очищали Аравию, Месопотамию, Сирию, Палестину, Армению, часть Киликии...

Через несколько лет возмездие настигнет Талаат-пашу. Он будет застрелен в Берлине армянским студентом, хотя уничтожал армянских мужчин, детей, женщин не он, а все турки. Армян резали, стреляли, били камнями, травили собаками, топили, насиловали, разрывали на части, сжигали, душили, морили голодом — и так полтора миллиона!

3 ноября 1918 г. капитулировали Австрия и Венгрия. Габсбурги пали.

В девять часов утра 8 ноября 1918 г. на маленькой станции Ретонд в Компьенском лесу маршал Франции Фош вручил германской делегации условия, на которых страны Антанты согласны на переговоры с Германией. Одно из них — безоговорочное уничтожение трактатов Брест-Литовского соглашения между советской Россией и Германией как неравноправных и кабальных.

Глава германской делегации Эрцбергер подписал условия сдачи Германии на милость победителей. Через три года немецкие националисты убьют за это Эрцбергера. Свастика вызревала в душах истинных германцев.

10 ноября 1918-го, в восемь утра, к голландскому пограничному пункту Эйзден подъехал автомобиль. Германский император Вильгельм Второй подошел к пограничной страже и назвал себя. Так закончила существование старейшая королевская династия Европы.

В полдень 11 ноября 1918 г. грянул первый из ста одного пушечных залпов, возвещающий о мире. Париж вздрогнул и замер. Люди на улицах сняли шляпы, кепки, котелки. Многие, если не все, плакали...

Для России это означало крушение самого кабального из договоров в ее истории. По своей разрушительности он стоял на втором месте после татаро-монгольского нашествия.

А в эти промозглые дни начала ноября Германию охватывают восстания. Буква в букву сбываются пророчества Маркса и Ленина. Пожар мировой революции похоронит царство лжи, подневольного труда и насилий.

Эмиль Людвиг пишет:

«Последний (канцлер Германии¹. — Ю. В.) в тот же вечер (8 ноября 1918 г. — Ю. В.) позвонил кайзеру по телефону и говорил с ним в течение двадцати минут: „Отречение необходимо, чтобы предотвратить Гражданскую войну и довести до конца вашу миссию монарха-миротворца². Если это удастся, имя Вашего величества будет благословенно в истории. Если отречение не последует добровольно, требование отречения будет поставлено в рейхстаге и принято им. Войска ненадежны. Кёльн находится в руках Советов солдатских и рабочих депутатов. Над Брауншвейгским замком дочери Вашего величества развеваются красное знамя. Мюнхен — республика. В Шверине заседает Совет солдатских депутатов. Мне представляется только два выхода: либо ваше отречение, отказ от престола со стороны кронпринца в пользу вашего внука и установление регентства, либо отречение... и созыв Национального собрания. Этого требует и комиссия рейхстага... Жертва должна быть принесена добровольно, и тогда имя Вашего величества сохранится в истории“».

¹ Принц Макс Баденский.

² Хорош миротворец! Сверхдейтельно разжигал одну из самых кровавых в истории человечества войн (разумеется, не он один), а после, не моргнув, сдал на убой большевикам своих именитых родственников, которых постреляли вместе с малыми детьми в далеком Екатеринбурге. Да с головы до пят в крови!

А что за нервная организация: дожил до самых преклонных лет — и хоть бы что! Ну не мучили «мальчики кровавые в глазах». Это вообще свойство прирожденных правителей и политиков: кровь никогда не отбивала у них аппетита к долгой жизни, удовольствиям и даже просто еде, хоть на три четверти будут торчать в этой самой крови. И в самом деле, аппетит да крепкий сон при чем тут?..

Господи, как же все беспокоятся, чтобы имя их сохранилось в истории! Да просто жизнь и любовь — что может быть выше? Что за извращение этого высочайшего и подлинно чистого смысла бытия?

Эмиль Людвиг продолжает:

«Ночью четыре депутата рейхстага по телеграфу сообщили военному командованию о положении в столице: «Если известие о состоявшемся отречении не будет опубликовано в Берлине не позже утра, рабочие вожди не смогут удержать рабочих от выхода на улицы». Но в Спа (ставке кайзера и Верховного главнокомандования. — Ю. В.) этим сообщениям отчасти просто не поверили...»

И вот совещание в ставке. Кайзер пригласил Гинденбурга, Гренера (в октябре сменил Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандования), Плессена, графа Шуленбурга и еще двоих офицеров.

«...Теперь наконец он (Гренер. — Ю. В.) говорит правду, — пишет Эмиль Людвиг. — Армия вернется на родину (с оккупированных земель Европы. — Ю. В.) в полном порядке под командой своих генералов и командиров, но не под командой Вашего величества. Она больше вам не подчиняется.

...Кайзер сделал несколько шагов по направлению к Гренеру: «Ваше превосходительство, я требую, чтобы вы повторили ваше заявление в письменной форме. Пусть черным по белому все командующие подтвердят мне, что армия уже не на моей стороне. Разве она не присягала?»

Гренер: «При настоящем положении вещей присяга — пустой звук».

...Снова телефонирует из Берлина канцлер. Он предупреждал, что монархию нельзя будет спасти, если известие об отречении не будет получено немедленно.

...Между тем в Берлине все шире развивалось народное волнение, и на Вильгельмштрассе опасались, что через десять минут подойдет вооруженная пулеметами толпа (Россия кое-чему научила Германию, во всяком случае, как сбивать короны с монархов. — Ю. В.)...

В Спа фон Гинденбург внушает кайзеру: «Армия не признает Его величества. Верных престолу войск больше нет. Видит Бог, я желал бы ошибаться».

Эмиль Людвиг прослеживает события поминутно, дотошливо цитируя документы.

«Любой из его подданных имел право предпочесть жизнь героической смерти, но только не он и только не сегодня; только не Вильгельм Второй 9 ноября.

...Никто не попытался удержать кайзера, когда он покидал свою страну. Таков был этот позорный эпилог.

...У границы автомобиля остановились. Пограничный солдат, одетый в голландскую форму, отказал германским офицерам в пропуске. Вызванный им дежурный офицер сначала опешил, подумав,

что видит сон, затем вспомнил об имеющемся у него предписании и позвонил по телефону в Гаагу... Пока в Гааге королева и министры приняли определенное решение, прошло шесть часов.

Никогда еще кайзеру не приходилось ждать и шести минут.

...Кайзер смотрел на пограничный столб, и за ним представлялась ему его страна и вся его истекшая жизнь.

Там, за этим столбом, стонет великий народ. Это немецкий народ, император Вильгельм, которым ты так долго правил. Сильный и миролюбивый (ну, до миролюбия еще предстояла одна война, и несравненно более кровавая. — Ю. В.), богатый творческой мыслью и музыкальный — таким был он прежде, таким в основе своей остался и сейчас.

Но ослепленный стремлением к обогащению, жадной первородства и завистью к более старым народам, он за истекшие тридцать лет сбился с верного пути (здесь имеется в виду и грабительская франко-германская война 1870—1871 гг. — Ю. В.). Он быстро уподобился своему молодому кайзеру, слишком поддался его очарованию, и, увлекая друг друга все дальше вперед, по пути наживы, они вместе пришли к крушению. Теперь стонет народ...

С поклоном входит в сторожку офицер: «Господа могут следовать дальше!» С тяжелым сердцем садится кайзер в автомобиль; сегодня он забывает даже спрятать под пелерину свою высохшую руку. Впереди садится солдат, сопровождающий высокого пленника. Мотор загудел: вот он уже на чужбине, и нет больше возврата на родину.

Все отдаленнее, все глуше доносятся до кайзера стоны его страны...»

Отнюдь не случаен тот последний абзац о колонизации восточных земель в завещании Гитлера. Это не просто бред одного человека, и взошел он, этот бред, отнюдь не на пустом месте. Наоборот, место было ухожено, даже втиснуть лишнее слово в исследования о праве Германии на восточные пространства не представлялось возможным. Строка к строке пригнаны мысли ученых и стратегов целых поколений «истинных германцев», аж от ветхозаветных тевтонских времен.

Вот последние слова из завещания Гитлера, самые последние:

«Все усилия и жертвы германского народа в этой войне так велики, что я даже не могу допустить мысли, что они были напрасны. Нашей целью по-прежнему должно оставаться приобретение для германского народа территорий на Востоке».

У большевизма внешнеполитические задачи коренным образом отличались от царско-романовских. Большевизм интересовала советизация мира (Коминтерн тут весьма пригодился, впрочем, для того и слажен был). Сами по себе чужие земли были не столь существен-

ны, тут своих всегда хватало. Бог с ними, с землями! Важно, чтобы на всех землях вообще исповедовали и почитали Ленина (можно — и Маркса, тоже годится), иначе говоря, чтобы утвердилось единомыслие на всех языках.

И тут первые (генеральные) секретари не ведали уступок. Они и не могли их ведать, ибо не представляли мир вне ленинских догм. Догмы ленинизма давали им единственную картину мира. Другая даже при определенных стараниях уже не могла возникнуть в сознании.

И не возникала.

Утром 15 ноября 1918 г., то есть через четыре дня после салюта в Париже, заместитель министра внутренних дел эсер Роговский сделал сообщение Совету Министров о заговоре против Директории с целью провозглашения вице-адмирала Колчака диктатором. Господин Роговский еще в самарском Комуче управлял ведомством охраны, в сыске соображал — сам «сине-голубой»¹ Александр Иванович одобрил бы.

Перед отъездом на фронт Василий Георгиевич вызвал к себе в вагон своего начальника штаба генерала Розанова и с ним генерала Матковского — командира Степного корпуса, штаб которого размещался в Омске. Через два года Матковского красные публично пустят в расход.

Василий Георгиевич довел до сведения генералов сообщение Роговского и потребовал энергичного подавления любых посягательств на законную власть. Сам Болдырев срочно отбывал на фронт. Следовало выяснить «ввиду политически сложной обстановки в Омске настроение боевых частей», а также попытаться разрядить напряженную обстановку у Бугульмы. К ноябрю красные имели уже двойное превосходство в живой силе, и сдерживать их удавалось лишь с трудом.

На другой день, пишет в дневнике Василий Георгиевич, на встрече попался поезд англичан с вагоном вице-адмирала Колчака.

По распоряжению Василия Георгиевича Колчак прибыл к нему с докладом.

«Свидание его и английского полковника Уорда с Гайдой, Пепеляевым и Голицыным, конечно, было подготовлено заранее и не без ведома их омских друзей, — сводит в дневнике заключения Василий Георгиевич. — Из длинного разговора с Колчаком я еще раз убедился, как легко поддается он влиянию окружающих. Он... соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он или очень впечатлителен, или хитрит...»

¹ Помните?

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

Как пишут советские историки: монархическо-белогвардейская Сибирь звала на трон Колчака. Заговор плели Пепеляев, Сыромятников и Михайлов.

Виктор Николаевич Пепеляев был преподавателем и депутатом IV Государственной думы от Томской губернии¹; собой — рыхловато-толстый, в пенсне и при зычнейшем голосе, который весьма пригодился в буйном Кронштадте, где он справлял обязанности комиссара Временного правительства.

Виктор Николаевич выделялся отнюдь не преподавательским властолюбием и напористостью, кроме большевиков, ненавидел керенщину и эсеров, впрочем, не столь люто.

Себя он вполне мог назвать так: член Восточного отдела ЦК партии кадетов. Свою партию ценил и служил ей верой и правдой. По разумению кадетов, к свободам можно было прийти без резни и насилий, но большевики столкнули Россию в омут междоусобиц.

До своих сибирских походов Виктор Николаевич жила и в Москве и ничем не бросался в глаза. Во всяком случае, никто не мог ткнуть в его сторону пальцем и брякнуть: «Эвон будущий премьер-министр Колчака». И протруби Господь Бог подтверждение, москвичи вряд ли поверили бы. Ну обыкновенный из обывателей. Но и то правда, премьером пробыл недолго. Указ о его назначении Колчак подписал 23 ноября 1919 г. И двух месяцев не пройдет, как Виктор Николаевич загремит в тюрьму, а из тюрьмы — на расстрел вместе с адмиралом.

В Сибирь Пепеляева отрядило руководство кадетской партии. Ему надлежало завязать отношения с Колчаком и предпринять все для продвижения его в диктаторы — такова воля ЦК партии.

Виктор Николаевич представлял еще и «Национальный центр», одним из самых деятельных членов которого являлся. Там тоже чтит гордого адмирала. Так что не существовало никаких разночтений.

Вообще Виктор Николаевич очень верил в свободу.

И еще он вел дневник. Тогда в чести были дневники. Они не уличали авторов, и за них не давали сроки. Вели дневники гимназисты, поэты, генералы и даже государь император. И, как правило, после Октября семнадцатого все эти дневники залегли в сейфе различных отделов чека, откуда при необходимости и соответствующей подработке предстают на публичное посрамление. Удобно ведь — человек там, можно сказать, голый. Только вычеркни кое-что для правильного восприятия читателями — и набирай откровения на типографской машине. Ну, саморазоблачения — высший сорт!

¹ Томскую губернию в Думе представляли четыре депутата, в их числе и уважаемый Виктор Николаевич. Его родитель, Николай Михайлович, в канун мировой войны в чине генерал-майора командовал 2-й бригадой в 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

Полковник Сыромятников служил квартирмейстером Сибирской армии, а Михайлова знали в Сибири за удачливого дельца и влиятельного общественного деятеля. Он был самым что ни на есть законным сыном известного народовольца Михайлова.

Несомненно, помогали сочинять переворот английские друзья вице-адмирала. Это уж точно: полковник Нельсон и капитан Стевени себя не жалели. Недаром Уинстон Черчилль заявит в палате общин летом 1919 г.: это мы вызвали к жизни адмирала Колчака.

Стевени в 30-е годы будет руководить английским разведывательным центром в королевском Афганистане. Почитай, все главные басмачи окажутся в друзьях. Вполне возможно, и рассказывал самым любознательным о Москве. Сколько ж он пожил в первопрестольной! По-русски мог чесать и выражаться, как вагоновожатый. Вот уж были мастера!

Чехов и словаков при перевороте нейтрализовал генерал Нокс. Он прямо заявил генералу Сыровому, что англичане не допустят никаких действий против Колчака. В подчинении у Нокса находился и полковник Уорд, лично опекавший Колчака.

Василий Георгиевич набросал весьма выразительный портрет английского генерал-майора:

«Нокс, тайно мечтавший об осуществлении у нас небольшого еврейского погромчика, с другой стороны, предлагал нашим иерархам и здешнему Сергию и омскому Сильвестру открыть нового Христа для народного воодушевления. Кошунство или презрение к нашему народу?»

Исполнение заговора было возложено на омских офицеров. Они к тому времени, можно сказать, изнывали: сколько эсеров и меньшевиков вокруг! Ну не видели разницы между большевиками и эсерами — те и другие для них крещены «Интернационалом». Ну? Пора вешать...

Вице-адмирал Колчак вернулся из инспекционной поездки на фронт вечером семнадцатого ноября, за несколько часов до переворота.

В ночь с семнадцатого на восемнадцатое ноября почти батальон солдат оцепил дом заведующего департаментом полиции Роговского. Вместе с хозяином дома были взяты под стражу его гости — члены Директории Авксентьев и Зензинов, члены ЦК партии социалистов-революционеров Гендельман и Раков, а также эсеры без партийных отличий Лихач, Маслов и Дедусенко.

Все месяцы правления Керенского его ближайшим помощником и советником являлся Зензинов. Можно сказать, были они неразлучны. Это особенно настораживало господ офицеров на Волге и по Сибири. Да этот Зензинов такой же, как Керенский! Загубит чертова Директория белое дело, пустит по ветру священное дело спасения империи!

В те же часы две роты войскового старшины Красильникова

заняли здание Директории на Атаманской улице. Они и разоружили охрану.

В гостинице «Россия» заговорщики арестовали эсера Аргунова — заместителя Авксентьева по Директории (автора интересной книги об Азефе).

Арестованных свозили в штаб к Красильникову. Вице-адмирал поставил условием своего прихода к власти личную безопасность членов Директории. Одновременно в губернаторский дом съехались члены Совета Министров. Вместе с полковником Сыромятниковым собрались двенадцать особ. В качестве военного министра присутствовал и Колчак.

После беглого обсуждения новостей Совет Министров тайным голосованием избрал Колчака диктатором с провозглашением его Верховным Правителем России. Совет Министров постановил присвоить Верховному Правителю России звание полного адмирала. Надо полагать, это несколько покорило Александра Васильевича. Не из этих рук мечтал получить он адмиральские звезды.

Тогда же Совет Министров подвергся некоторой перестройке. Пост министра внутренних дел отошел к Виктору Николаевичу Пепеляеву, в министры был переведен и Михайлов — фигура по сибирским масштабам не менее значительная, нежели сам Виктор Николаевич.

Известие о перевороте застало Василия Георгиевича в Уфе. Переговорив по телефону с генералами, он уразумел, что предан и не в состоянии ничего изменить. К тому времени и настроение боевых частей он выяснил. Нечего надеяться на обуздание мятежного адмирала.

«Иллюзий больше не оставалось, — записывает Василий Георгиевич в дневник. — Война или уход от власти — других путей не было... Я послал телеграмму Каппелю, поздравил его с генералом... Для меня было совершенно ясно содействие Колчаку со стороны англичан (Нокса, Родзянко¹, Уорда) и благожелательное сочувствие французов. Осуществленная Омском идея военной диктатуры пользовалась сочувствием большинства офицеров, буржуазии и даже сильно поправивших демократических групп. Активная часть Омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые Андогским, подготовили

¹ Это однофамилец бывшего председателя IV Государственной думы. Возможно, родственник. А помните стихи А. С. Пушкина родственнику М. В. Родзянко — председателя IV Государственной думы:

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей.
Дороже славы разногласий...
Поговорим опять об ней.

почву в самой ставке, глава которой, генерал Розанов, повис между двух стульев... предварительный разговор... с генералом Войцеховским убедил меня, что большая часть офицерства встретила весть о диктатуре сочувственно... Я слишком много думал, вместо того чтобы действовать... В десять часов вечера с глубокой тоской и тревогой выехал в Челябинск...»

На следующий день Василий Георгиевич продолжает заносить впечатления от переворота.

«Этим торжеством особенно сиял сидевший наискось заросший густой бородой челябинский купец Лаптев. Перед отъездом я переговорил с бывшими на банкете военными. Чувствовалось, что и их ухо приятно ласкала диктатура...»

Наконец вечером на другой день после переворота Василий Георгиевич решил вызвать на связь Омск и пригласил к аппарату своего бывшего подчиненного, а ныне Верховного Правителя России адмирала Колчака.

«Генерал Болдырев. У аппарата Верховный главнокомандующий генерал Болдырев.

Адмирал Колчак. У аппарата адмирал Колчак. Вы просили меня к аппарату?

Генерал Болдырев. Здравствуйте, адмирал. Я просил вас к аппарату, чтобы выяснить все те события, которые произошли за мое отсутствие в Омске, а равно и те распоряжения, о которых я косвенно слышал и которые касаются вопроса о русском Верховном главнокомандующем.

Адмирал Колчак. Рассказать все по проводу невозможно. События в Омске произошли неожиданно для меня в Совете Министров. Когда выяснился вопрос о Директории и Вологодский с Виноградовым признали невозможным ее дальнейшее существование, Совет Министров в полном составе с председателем Вологодским принял всю полноту Верховной власти, после чего обсуждался вопрос, возможно ли при настоящих условиях управлять всем составом министров. Признано было, что такое коллективное правление ныне невозможно. Тогда был поднят вопрос об образовании Верховной власти двух или трех лиц. Это было признано тоже неприемлемым. Тогда вопрос свелся к единоличной Верховной власти, и было суждение о двух лицах. Я указывал на вас, считая, что для осуществления единоличного Верховного управления достаточно передать Верховному главнокомандующему полномочия по гражданской части. Вопрос, таким образом, разрешается наиболее просто. Обсуждение было и происходило в мое отсутствие. Я оставил зал заседания, высказав свое мнение. Совет Министров постановил, чтобы я принял на себя всю полноту Верховной власти, указав на тяжесть переживаемого момента, недопустимость отказа. Я принял этот тяжелый крест как необходимость и долг перед Родиной. Вот все.

Генерал Болдырев. Таким образом, ни со стороны вашей, как военного министра, ни со стороны командарма Сибири, ни со стороны Совета Министров не было принято никаких мер к восстанов-

лению прав потерпевших и ликвидации преступных деяний по отношению членов Всероссийского правительства. Кроме того, наличие третьего члена Директории, хотя и находившегося в отсутствии по делам службы, создавала кворум и право Директории — распорядиться своей судьбой. И здесь, и на фронте я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего все, что было с таким великим трудом создано на последний месяц. Я никак не могу встать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания. Я не получил от вас ответа в отношении вопроса о Верховном главнокомандовании и должен вас предупредить, что, судя по краткой беседе с генералом Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа, в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного главнокомандования и со стороны войск русских, и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что ваших распоряжений, как Верховного главнокомандующего, слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова — ни устно, ни письменно, а также не обращался к войскам и все ждал, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и других и сложение вами ваших полномочий. Я считаю долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, что в сколь-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению членов правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения Совета Министров. Я кончил.

Адмирал Колчак. Я не понимаю выражения ваших чувств в смысле спокойствия или беспокойствия правительства и нахожу неприличным ваше замечание о принятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю, возможно, кратко факты и попрошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к Гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все, что было создано до их вступления на пост Верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною преданы полемому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать далее, возбуждав против себя все общественные круги, и военные в особенности. Присутствующие члены Директории Вологодский и Виноградов признали невозможным ее существование. Положение создавало

анархию и требовало немедленного твердого решения, а не рассуждений в области отвлеченных представлений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где, два признавали невозможным ее дальнейшее существование и пятый в вашем лице находился за тысячу верст. Решение было принято единогласно, и Верховная власть военного командования и гражданского управления была возложена на меня. Я ее принял и осуществил так, как этого требует положение страны. Вот все.

Генерал Болдырев. До свидания.

Адмирал Колчак. Всего доброго».

Очень любезный разговор — двое Верховных на разных концах провода. Оба спасают Россию. Оба скоро лягут в землю...

21 ноября Болдырев записывает в дневник:

«...Среди общих разговоров остановились и на личной судьбе. Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови — 52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут.

В 3¹/₂ часов вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер ставки и доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать.

Он занимает кабинет Розанова, теперь всюду охрана. В кабинете солдатская кровать, на которой спит адмирал, видимо боясь ночлегов на квартире.

Колчак скоро пришел в кабинет, слегка волновался. Он в новых адмиральских погонах. Друзья позаботились. Мое запрещение производства ликвидировано (исключение было сделано для Каппеля. — Ю. В.), и адмирал сразу получил новый чин «за заслуги»...

Колчак очень встревожен враждебными действиями Семенова...

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири».

Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любезно...»

И еще запись 25 ноября:

«...Объявлено постановление Чехо-Совета с отрицательным отношением к перевороту. Все это слова — не больше...»

По воспоминаниям Зензинова, адмирал Колчак почти тотчас после провозглашения его Верховным Правителем Российского государства заявил: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом».

Барон Будберг не напишет в своих воспоминаниях, а буквально воскликнет:

«Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда

оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек... пигмеев... пустопорожних выскочек... вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами...»

А он, Александр Колчак, пошел на это дело, как на «крест». Россия позвала — все прочее не имеет значения (жизнь, любовь, светлое имя, громада ноши...). Он полагал по наивности и воспитанию, что люди в душе благородны и святы; в таком деле, как Россия, — благородны и святы. Все сомкнутся вокруг во имя спасения России...

И разбился вместе с той Россией.

Пал под похабные частушки и общее безразличие. Черный адмирал... помело... отхожее место...

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.

Это еще не те частушки, эти — сплошное благородство...

Барон Будберг в начале 1918 г. выехал в Харбин, из Харбина — в Японию, убеждая союзников в необходимости интервенции. Большевики — единственные распорядители огромного народа. Россия их агитацией доведена до полного разложения. Нет силы, способной объединить народ, влить в него энергию, — только большевизм...

Через несколько месяцев барон возвращается в Харбин. Белое движение слишком робко и ничтожно, но это уже надежда.

В апреле девятнадцатого барон Будберг приезжает в Омск. Адмирал Колчак приглашает его к себе в штаб, он работает по снабжению, потом помощником военного министра, а с августа того же года и военным министром.

«27 августа. Состоялось мое назначение на должность военного министра с подчинением прямо Верховному Правителю; просил адмирала смотреть на меня как на временного заместителя, так как здоровье мое совсем плохо и я могу скоро совсем свалиться.

Фронт продолжает ползти назад...»

29 сентября барон свалился: две недели без сознания. Окрепнув, он выехал в Томск, затем в Харбин для лечения. Возвращаться после выздоровления было некуда. Ничего с собой, кроме дневника. Вся вещественная память о прошлом...

Об А. Будберге есть в воспоминаниях И. М. Гронского: «...как-то после заседания корпусного комитета меня попросил зайти

командир 14-го армейского корпуса генерал-лейтенант барон Будберг, с которым я познакомился еще в первые дни Февральской революции. Тогда он командовал 70-й пехотной дивизией и, как мне казалось, внимательно следил за развитием революционных событий — часто посещал части, беседовал с солдатами и членами солдатских комитетов...

Поздоровавшись, генерал подошел к карте. Указывая на занимаемую 14-м армейским корпусом позицию, в частности на участок 70-й пехотной дивизии, он проговорил:

— Дивизия прикрывает Двинск, другими словами — дорогу на Петроград. Надеюсь, вы понимаете это? Так вот, если немцы заставят нас отступить за Западную Двину и сдать Двинск, дорога на Петроград будет открыта...»¹

Род Будбергов был обширен и достаточно представлен на самых разных высших должностях России «скипетра и державы». Обрусев со времен Петра Великого, Будберги служили России преданно и не щадя живота своего. Среди первых чинов дворца мы находим имена гофмейстеров баронов Андрея Андреевича и Федора Александровича, а также шталмейстера Александра Андреевича.

Барон Анатолий Александрович Будберг накануне мировой войны командовал 3-й отдельной кавалерийской бригадой 5-го кавалерийского корпуса. Летом и осенью семнадцатого года барон командовал 14-м армейским корпусом на Северном фронте. После Октябрьского переворота Анатолий Александрович некоторое время сотрудничал с новыми властями. Было такое.

Из показаний Савинкова Военной коллегии Верховного суда СССР на утреннем заседании 27 августа 1924 г.:

«...Я уехал до колчаковского переворота. Когда я приехал в Марсель, то Директории уже не было, а был Колчак. Колчак мой полномочия подтвердил. Даже больше: он меня назначил своим представителем в Париже. В качестве такого представителя я вошел в русскую заграничную делегацию.

За границу я приехал в конце 1918 года. Я ездил часто в Лондон, но жил постоянно в Париже. Обязанности были двоякого рода: одни — чисто дипломатического характера, которые делились на 2 пункта; 1-й пункт — это относительно Версальской конференции, на которой затрагивался целый ряд вопросов о России. Моей обязанностью было оберегать национальные интересы России в связи с этой конференцией (эта конференция обсуждала и решила послевоенное устройство мира. — Ю. В.). Вторая обязанность состояла в том, что я должен был поддержать перед иностранцами ходатайства сначала только Колчака, а потом, когда Деникин признал Колчака, то и Деникина, о материальной помощи Колчаку и Деникину. Кроме того, на меня возлагалась пропаганда. Я стоял одновременно

¹ Записки солдата. — «Новый мир», 1977, № 10, 11.

во главе Бюро печати Колчака. Оно называлось «Унион» («Юнион». — Ю. В.)...»

18 ноября 1918 г. Совет Министров принимает решение: «Временно командующий Сибирской казачьей дивизией полковник Волков, командир Первого казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковой старшина Катанаев и командир партизанского отряда Красильников, посягнув на Верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую, арестовали в ночь на 18 ноября в городе Омске председателя Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Н. Ф. Роговского.

Ввиду сего Совет Министров постановил:

1. За указанное выше преступное деяние, учиненное поименованными лицами, передать их, полковника Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова, чрезвычайному военному суду, учредив его в следующем составе: председатель — генерал-майор Матковский, члены — генерал-майор Бржезовский...

2. Чрезвычайному военному суду приступить к рассмотрению означенного дела двадцать первого ноября в десять часов утра.

3. На министра юстиции возложить обязанность передать чрезвычайному суду имеющиеся в распоряжении материалы дознания и следствия.

4. Суду рассмотреть дело в порядке правил о прифронтовых военно-полевых судах.

5. Приговор представить на конфирмацию Верховного Правительства».

Верховный Правитель не стал дожидаться двадцать первого ноября и отдал приказ:

«Производятся за выдающиеся боевые отличия со старшинством: из полковников в генерал-майоры — Волков¹, из войсковых старшин в полковники — Красильников и Катанаев, все трое — с 19 ноября 1918 года».

15 января 1919 г. советские газеты с гневом поведали об убийстве Розы Люксембург и Карла Либкнехта — мстит в агонии мировая буржуазия, чует свой смертный час, брызжет ядом слюны да кровью.

Ох, сколько русских людей побили большевики в отместку за убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта! И сколько же лет эти убийства германских революционеров служили оправданием для массового террора!

¹ Генерал Волков будет предан легионерами и погибнет вместе с женой и горсткой верных офицеров и солдат под станцией Ангара в ноябре 1919-го. Белочехи, обманув, пошлют его и верных ему людей под пули красных. Чудом уцелеют шестеро человек, один из них и поведает об очередной продке союзников.

Глава IX

АДМИРАЛ

Невелик и немудрен историей этот городок, волей судеб возведенный в столицу белого движения. Да-да, всего белого движения, так как вскоре признан был адмирал Колчак в сане Верховного Правителя Российского государства вождями белого движения и на юге, и на севере, и на западе «единой и неделимой» России, а также правительствами ряда европейских государств. Во всяком случае, главные мировые державы имели своих представителей в столице белого движения — Омске.

Насчитывалось в Омске до революций семнадцатого года около 138 тыс. душ обоого пола. Заложен Омск в 1716 г. как крепость, до 1782 г. — Омский острог. С 1804 г. преобразован в город, ставший центром Степного генерал-губернаторства с 1882 г. Гордился обширной хлебной торговлей, промышленностью, товарной биржей и двумя ярмарками. Омывают его воды Иртыша и Оми — удобное для жизни местечко на земле.

Весьма полезную работу вело до революции Общество попечения о начальном образовании, основанное в 1884 г. под девизом «Ни одного неграмотного!». Общество устраивало школы, детские сады, бесплатные читальни и владело вместительным складом дешевых книг — распоследнему босяку по карману, и даже если нет у него карманов.

Вознесение Омска в столицу белого движения перенаселило его до крайности. Со всей России набежали бывшие. Бешеные деньги запрашивали за любой уголок, ютились на путях, в «теплушках».

«Невеселое впечатление производят омские улицы, кишашие праздной, веселящейся толпой; бродит масса офицеров, масса здоровеннейшей молодежи, укрывающейся от фронта по разным министерствам, управлениям и учреждениям, работающим якобы на оборону, — заносит в дневник барон Будберг, — целые толпы таких жеребцов примазались к разным разведкам и осведомлениям. С этим гнусным явлением надо бороться совершенно исключительными мерами, но на это мы, к сожалению, неспособны...»

Но более всего в городе скопилось офицерства. О настроениях

его дает достаточное представление эпизод с чествованием французских военных чинов. Они прибыли в Омск незадолго до переворота, с ними — батальон вьетнамцев.

На торжестве присутствовали высокий комиссар Французской Республики господин Реньо, господин американский консул и господа члены других союзных миссий.

По такому случаю оркестр вспомнил «Боже, царя храни». Другого гимна не успели сложить. Офицеры расчувствовались, вскочили — и грянули все куплеты хором. Не изволили распрямиться господин Реньо, господин капитан французской службы Пешков и вслед за ними — прочие высокородные гости.

По такому случаю русские офицеры с особенным настроением принялись лупить тех из соотечественников, что по примеру иностранцев тоже не встали. А как быть, коли взапрет благонравные лики союзников?..

Реньо заявил, что это довольно скучная история — возвращаться к старому, и изволил отбыть в сопровождении своего переводчика и вообще секретаря Зиновия Пешкова. Весьма поспособствует этот однорукий капитан утверждению Колчака единоличным правителем Сибири — ну обо всем знал и во все совал нос. Реньо в нем души не чаял. С того и образуется дипломатический уклон в службе Пешкова. Блестящую карьеру делает этот русский француз. Впрочем, какой же он был русский?..

Отвели душу господа офицеры. Верховный главнокомандующий даже раздумывал, не предать ли зачинщиков побоища военному трибуналу.

«Эти офицеры дали слово прибить столько большевиков, — тоже с чувством вспоминал великобританский полковник Джон Уорд, — сколько их, офицеров, было сжито со свету стараниями Троцкого и Авксентьева».

«Положение в Омске в это время было просто неопишное, — вспоминает Уорд. — Каждую ночь, как только темнело, начинали раздаваться ружейные и револьверные выстрелы, крики по всем направлениям. Наутро санитарные двуколки поднимали от пяти до двадцати мертвых офицеров...»

Тиф свирепствует почти в каждом доме... Доктора повсюду исчезли вследствие ненависти к каждому получившему буржуазное образование...» Полковник неспроста утеснил рядышком имена Троцкого и Авксентьева. Офицерство не усматривало разницы между большевиками и эсерами; все — сволота, все губили и губят Россию, всем — осиновый кол!

А как, спрашивается, быть, коли глава всех авксентьевых и зензиновых рассылает указания о развале тыла — тыла белой армии! Ну да, директивное письмо того самого Виктора Михайловича Чернова всем партийным организациям партии социалистов-революционеров. А требование этой директивы сколачивать вооруженные отряды для пресечения монархических и прочих поползновений офицерства? А это что, как не убийства офицеров здесь, в тылу?..

И господа из этой партии во главе Сибири, во главе белого дела?!

А кто поддыхает на фронтах, кого косит тиф и жрет вша?!

И вот за все это на офицера — партийных карателей? Да все вообще не разваливается пока лишь благодаря офицеру!

Кто заслоняет Россию от большевиков? Кто та единственная сила, которая не дает большевикам захлестнуть удавкой всю Россию?!

Даже в смертные дни допросов в тюрьме Колчака возмутит одно лишь упоминание о черновском письме: еще бы, подлость всех этих партийных растлителей России безмерна!

Для офицерства и Колчака директивное (секретное) письмо Чернова являлось еще одним веским доказательством близости эсерства большевизму. Недаром после переворота 18 ноября 1918 г. изрядная группа эсеров во главе с В. К. Вольским завяжет переговоры с красными, и те пропустят ее через линию фронта к себе в тыл. Это ускорило размежевание сил, а точнее — раскол в белом тылу, и без того чрезвычайно пестром.

Обреченные на истребление в советской России или в лучшем случае на положение изгоев, офицеры сражались отчаянно и ненавидели всех, кто превращал Родину для них в могилу. По всей советской России действовала тогда система заложничества. Офицеров и представителей имущих классов, даже политически совершенно инертных и безопасных, изымали и расстреливали. Были губернии, в которых за короткое время не осталось в живых ни одного помещика, а число офицеров было сведено к ничтожному минимуму. Но ведь бывшие как ни крути, а жить хотят. Им дела нет до выкладок Маркса. И потянулись эти «классово чуждые» под знамена своих вождей.

Неудивительно, что офицерство составило опору заговорщиков и 18 ноября 1918 г.

Крайне правые организации офицерства действовали почти в каждом крупном городе Сибири. Так, начальник Омского гарнизона полковник Волков, произведенный Верховным Правителем России в генералы, руководил подпольной офицерской группой «Смерть за Родину». Высокий жертвенный патриотизм полковника несколько не линял от нахрапистой расчетливости. Условием своего участия в перевороте он поставил... немедленное присвоение генеральского звания. Нет, эсеров, как и большевиков, Волков не то чтобы готов, а рад резать в любой час дня и ночи, но вот генеральство все-таки выложь, хоть тресни, а выложь!

Однако подлинным хозяином Омска являлся войсковой старшина Красильников (или просто атаман Красильников), произведенный Правителем в полковники. За ним гуртовалось все окружное казачество. За ним — и еще атаманом Анненковым: тоже мастер животы вспарывать.

Через два дня после переворота под охраной англичан были высланы за границу Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский.

Николай Дмитриевич Авксентьев возглавил в Париже русскую эмигрантскую масонскую ложу «Северная Звезда». С полным правом стояли перед его именем шесть точек ромбом, ибо носил он звание даже не магистра, а пророка масонской ложи. Надо полагать, не совсем приятна была для пророка Николая Дмитриевича пятиконечная звезда (пентрама) — основной отличительный символ масонства. Советы ненавидел свежо, молодо до последнего мгновения жизни, а умер в 1943 г., 65 лет, отнюдь не дряхлым старцем.

Вот запись Будберга (8 мая 1919 г.):

«Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим Сибирской армией генералом Гайдой; почетный караул от ударного имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства, противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно опозоренные в последние дни агонии старой русской армии; еще противнее вместо старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может, и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками.

Сам Гауда, ныне уже колчаковский генерал-лейтенант, с двумя «Георгиями», здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи; держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне — не из зависти, а как русскому человеку — бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшеров в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам, что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем, тем чешским флагом, который развевается у него на автомобиле, теми симпатиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно...»

Через два месяца барон добавит к этой характеристике своего рода запись-предостережение:

«Знающие Гауду говорят, что он не простит адмиралу своей отставки и что адмирал делает большую ошибку, разрешив ему ехать через всю Сибирь вольным человеком (и Гауда оправдывает эти опасения попыткой мятежа во Владивостоке. — Ю. В.)».

Эсерами попроще за несколько недель набили губернскую тюрьму, и никому в голову не пришло отправлять их за границу вслед за партийным начальством. Среди арестованных оказался и Флор Федорович Федорович.

Казни польхнули 22 и 23 декабря без ведома адмирала — ну накопело у господ офицеров! Режут большевики по всем губерниям бывших имущих мужского и женского пола и вообще несогласных — и никому нет пощады, одна кровь, горе и вообще экспроприация! И эти... черновцы, как и большевики, тоже ведь социалисты, мать их разберет! И письма им рассылают с приказом бить офицеров при каждом удобном случае!..

— Залпом, братцы! Пли!.. Мать их, меньше будет заразы! Давай новых, унтер-офицер! А ну, рыла бодрее, господа социалисты! Кто православные, крестись!.. Залпом, ребятки... пли!.. Parfaitement agi!¹ А ну, добить того... с бородой, мать их всех с Лениным, Троцким и Черновым! Что, дядя, не вкусно?!

И не было тем молодцам разницы — ну на просвет все одинаковы: и Ленин, и Троцкий, и Чернов!

— Просто светлейшее зрелище. Заводи их правым плечом, братки! Да на кой ляд стрелять? В штыки! Да христопродавцы они!..

Не ведал Правитель того Федоровича и не интересовался, а напрасно, ох, как зряшно! Потому что уцелел этот Флор Федорович — просто забыли взять из камеры, ну запамятовали, дело-то горячее, а главное — до зарезу нужное! А ведь член ЦК партии социалистов-революционеров, свой у самого Чернова! Такого только и ковырнуть штыком, ан нет, уберег свои мяса, дождался законности, был освобожден и утек в Иркутск, где ровно через год — 24 декабря — чудом избежал нового ареста и такого неприятного свидания, как голышом на ледяной корме «Ангары» с пьянозорным казаком Луканом...

Нет, по справедливости должен был Флор Федорович стать православным святым — ну изводить себя постами и молитвами!

— ...Эх, сюда бы еще и Керенского — эту коровью задницу! В распыл бы этот интернационал — и жить России по-человечески!..

Съезд членов Учредительного собрания, осевший в Екатеринбург, оказался не в состоянии противодействовать перевороту в Омске. 20 ноября он был разгромлен офицерским отрядом. Были убитые.

Чернова, Вольского и др. арестовали и отправили в Уфу, где на арестованных был совершен новый налет...

Не все эсеры легли под пулями и штыками в те смутные для них дни. Кое-кому удалось скрыться или привычно нырнуть в подполье, дабы после сгинуть в тюрьмах при Ленине и Сталине. Там уже освоили свой, «женевский» счет на жизни...

Именно так: фатально не везло социалистам-революционерам. В советской России их ловили и расстреливали, а за линией фронта

¹ Оглично! (фр.)

белые глушили дубинками. Что ж это за убеждения: нам они в омерзение и белым не в меньшей степени? Ну наладить бы в таком разе на месяц-другой мир с белыми — и перетопить, передушить этих самых эсеров! Само собой, и меньшевиков. Ну очистить мир от социалистов, чтоб вообще ни одного! И по справедливости: зачем они при наличии нас, большевиков?..

По мнению Гинса, эсеры, как кроты, взрыхляли почву для большевиков. До семнадцатого года эсеры являлись первой по численности революционной партией России и понесли самые значительные потери. А власть в итоге перепадает большевикам! И везде так, в малом и большом. Не удавалось им организовать революцию на свой лад — и не могли, ибо не сознавали: Россия как раз и не способна быть демократической. Не может она без диктатуры повседневной, будничной — это от ее существа и духа. Ну угадали основоположники «женевского» чуда, ну в самую душу зыркнули, когда назначили диктатуру на всю эпоху революции и мирного развития, включая и коммунизм. Ну самая родная это власть, потому что народная!

В определении к России я так сознаю народную власть: это такая, когда что хотят с народом, то и делают — ну народная и есть...

И крушили всех этих российских социалистов и демократов диктатуры слева и справа, да такие — забегай еще левее и правее, а все одно: жуть!

Чужими оказались дома все эти знатоки прав и свободы. Чужими отдавали Богу душу в неприветливых заморских землях — те, разумеется, из них, что унесли ноги из отчего дома. Там они на своей шкуре постигали разные новые понятия, в том числе разницу между такими, как «изгнанник» и «изменник».

Бывшая Родина и в эмиграции гнула их к земле. Но не многие уразумели: Родина и государство — это разное.

А вообще все оттого, что верить надо вместе с народом, почтить с ним одних святых. И будешь ты век при своем гнезде и детках.

Ценные сведения по Гражданской войне (преимущественно — интервенции) содержит сборник документов (с комментариями) под редакцией И. Субботовского, изданный в 1926 г.¹

Сборнику предпосланы стихи Маяковского:

О вашем Колчаке — Урал спросите.
Зверством — аж горы вгонялись в дрожь...

За ними — слово составителя. Субботовский находился в Сибири «под белыми». Отсюда и свидетельства очевидца или его товарищей:

¹ См.: Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926.

«...Какой-то японец-военный, подойдя на станции к одному из едущих в поезде русских, стал приставать к последнему и затем на глазах всей публики плюнул ему в лицо, с невероятной злобой сказав при этом: „У, русский собак!..“»

Анализ интервенции открывает утверждение:

«Чехи были первыми из иностранцев, набросившими петлю на шею русского народа... Первое выступление состоялось в ночь с 25 на 26 мая (1918 г. — Ю. В.) в городе Новониколаевске... затем то же произошло и в Мариинске, через некоторое время в Томске...».

Из документов мы узнаем и сумму золота, хранимого тогда Колчаком в Омске, — 650 млн. золотых рублей.

По Сибири пели частушки:

Русские с русскими воюют,
А чехи сахаром торгуют...

Если бы только сахаром...

Из показаний Савинкова Военной коллегии Верховного суда СССР на вечернем заседании 27 августа 1924 г.:

«Колчак назначил меня, собственно, не только для Парижа, но и для всей Европы...»

Как я ни добивался, чтобы мы, русские, были допущены к обсуждению Версальского договора, сколько этого ни добивались другие члены делегации, но из этого ровно ничего не произошло... Нас, русских, не пустили на порог, мы остались за дверью. Мы не знали, что они там решают, что думают, и нас ни на какие совещания, даже с правом совещательного голоса, не приглашали, несмотря на то что трудно даже вам передать, сколько раз мы околотили пороги...

И когда шла речь об интервенции, когда они сами говорили, что нужна интервенция, то в конечном счете они ничего не делали, и если выражалась их помощь в чем-либо, то она выражалась совершенно определенно в помощи Деникину, в помощи Колчаку, в особенности Деникину, может быть, и до некоторой степени в помощи Юденичу. Да, Деникину помогли очень много; ему дали огромную сумму денег. Но опять-таки была выпита чаша унижения до дна. Потому что едва ли не за каждую пару сапог, едва ли не за каждый пулемет приходилось кланяться, вымаливать...

Вся эта работа, и в частности унижения и вмешательство в русские дела, была для меня настолько тяжелой, что я обратился к Колчаку с просьбой отозвать меня. Я ему послал очень резкую телеграмму.

Я ему написал, что здесь русское дело не защищается, по крайней мере мы не можем его защитить, что надо сделать что-то другое. Я ему написал, что все эти моления, околачивания, прошения и т. д. унижают нас; я его просил отозвать меня и просил разрешения приехать в Сибирь. Но я получил ответ, что мне не разрешается приехать в Сибирь...

Черчилль мне показал карту юга России, где были указаны флажками войска деникинские и ваши войска (то есть красные. — Ю. В.). Помню, как меня потрясло, когда я подошел с ним к этой карте и он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: «Вот это моя армия...»

Я помню, как у меня ноги приросли к полу... Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте, русские добровольцы ходят разутые, и вот, если я хлопну дверью и выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог. Я стиснул зубы, а унижение свое положил в свой карман. Я с вами воевал всеми способами, всеми средствами — и я говорю об этом прямо и открыто. Но война с вами родила во мне такую ненависть к ним (иностранцам. — Ю. В.), о которой лучше не говорить... у меня была вера в этих союзников, у меня было доверие к ним. Вот это все совершенно расплылось, но на этом месте выросло совсем другое. Я научился бриться на своих щеках...

Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны... А то, что под этим скрывалось, следующее: как минимум вот нефть — чрезвычайно желательная вещь, в особенности нефть; а как максимум — ну что же, русские подерутся между собой — тем лучше. Чем меньше русских останется — тем слабее будет Россия. Пускай красные дерутся с белыми возможно дольше. Страна будет возможно больше ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придем и распорядимся... в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше и чтобы **они могли сделать из России свою колонию** (выделено мною. — Ю. В.). Никаких благородных целей я там не вижу...»

Судебное разбирательство по делу Савинкова происходило в открытом заседании 27 и 28 августа и завершилось в ночь на 29 августа 1924 г. в Москве. Семь месяцев минуло с той поры, как умер Ленин.

Приговор Борису Викторовичу Савинкову — расстрел. Ему было сорок пять. Приговор он встретил совершенно спокойно.

Безусловно, поражает быстротечность разбирательства. Зачем, к чему эта спешка — не понять.

29 августа в 6 вечера заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих вручил Савинкову постановление президиума ЦИК СССР о замене Савинкову высшей меры лишением свободы на 10 лет.

Через неделю-другую Савинков под видом самоубийства будет выброшен чекистами в балконную дверь (это версия, это не доказано)¹.

¹ Я разделяю мнение Локкарта. Вряд ли Савинкова убили. Этот человек не мог сидеть в тюрьме — для него это было хуже гибели. Это, скорее всего, самоубийство.

С дела Савинкова, что называется, уже по-крупному начал свою карьеру знаменитый «красный топор» — Ульрих, вынесший смертный приговор многим тысячам жертв нового революционного порядка. Ульрих будет их штамповать до 1948 г. — редко 15 или 20 лет лагерей, как, скажем, И. М. Гронскому, в основном же пуля или даже петля: были и такие приговоры.... Родился Василий Васильевич 1 июля 1889 г. в семье латышского революционера, вскоре — большевика. Мать — учительница музыки. В 1895 г. Ульрихи последовали за главой семьи в ссылку. Это не помешало молодому Ульриху закончить Политехнический институт. С 1918 г. он в чека, с 1920-го — председатель Военной коллегии Верховного суда республики. Кого только не приговаривал!.. В 1948 г. выведен из Военной коллегии Верховного суда СССР и назначен заведующим кафедрой Военно-юридической академии. Смерть от сердечного приступа сразила его в 1951 г. Ульрих отошел в мир иной не просто заслуженным военным юристом, а генерал-полковником! В истребительной практике сталинской власти 20—40-х годов два имени сплетены навечно: генерального прокурора А. Я. Вышинского (1883—1954) и председателя военной «тройки» союзного значения В. В. Ульриха. Оба закончили свои дни, благополучно преодолев огромное кровавое озеро. Мощно разгребали клейко-кровавую гладь. Это ничего, что ноги в лакированных генеральских штиблетах не доставали дна. Значит, верно поставлен слив крови, в полном соответствии с заповедями Ильича.

Огромное это было озеро, и берега от берега не видать. И по сию пору кровь в нем не просыхает. Придирчиво выбирал Центральный Комитет «мореходов» для кровавых просторов, не каждому доверял, даже самых проверенных долго и терпеливо учил, наставлял и натаскивал. Служба эта требовала особых качеств, а главное — беспредельной любви и преданности общему делу. Их делу. Вот тут и в этом и заключалась вся наука.

Нет, не любви и заботам о трудовом человеке учили в высших партийных школах, Академии общественных наук при ЦК КПСС и прочих партийных курсах и высших учебных заведениях...

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.¹ оказались казненными 4980 человек — можно сказать, цвет старонемецкой нации (не новой формации, не фашистской). Подавляющее большинство их послал на мученическую смерть председатель так называемого Народного суда Роланд Фрайслер. Этого «знатока права» в первую

¹ Гитлер «был изрядно контужен, но ранен относительно легко. У него были опалены волосы, на ногах появились ожоги, правая рука — в синяках и временно парализована, лопнули барабанные перепонки, а упавшая балка оставила ссадину на спине. Как позднее вспоминал один из очевидцев, он был неузнаваем, когда, опираясь на Кейтеля, выбрался из разрушенного горящего здания. Лицо его было покрыто гарью, волосы тлели, а брюки превратились в клочья» (из книги Уильяма Ширера «Взлет и падение третьего Рейха»).

мировую войну благополучно занесет в безопасно-сохранный русский плен (не шибко горел складывать голову за кайзера и фатерланд). В плену, по словам американского историка и писателя Уильяма Ширера, он самовоспитается в «фанатичного большевика». Это не помешает ему вступить в 1924 г. (год смерти Ленина) в национал-социалистскую партию Гитлера, и тоже вполне искренне. Надо полагать, столь решительный бросок в совершенно противоположное состояние далеко не случаен. Согласно марксистской диалектике, противоположности тождественны. Они (эти две партии) и являлись таковыми. Различаясь в программных положениях, исповедовали одно божество: насилие, нетерпимость, единомыслие. Видели в нем, этом божестве, исключительное средство достижения всеобщего благоденствия.

Пребывание в красной России не стерлось просто так, бесследно. Фрайслер видел (а не исключено, и поучаствовал в качестве интернационалиста), как набирал энергию ленинский террор, как ВЧК и доносители превращали народ России в население. Фрайслер истово поклонялся неограниченному террору большевизма. Да разве только он? Гитлер чрезвычайно многое перенял из практики ленинизма. Тут и роль одной партии, и роль террора, и значение единомыслия, и еще очень и очень многое. Учиться у кого — было.

Идолом Фрайслера становится генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский (Солженицын как-то заметил в «Архипелаге», что так и подмывает начертать вместо «Януарьевич» — «Ягуарьевич»).

Сразу же вслед за неудавшимся покушением фюрер на совещании в Растенбурге воскликнет: «Фрайслер — это наш Вышинский!»

Вот уж похвала для Андрея «Ягуарьевича» (и характеристика, разумеется)! И от кого?! Нет, уж воистину не отмыться (это факт: черного кобеля не отмоешь добела). Все это окружение Сталина было «чернонутряным» — и это не наговор. Дело у них было такое: ставить новую жизнь через убийства и принуждения — учение это требовало. Ленин без того не мыслил счастье народа. Вот и подбирались, один к одному, мастера по умерщвлению и мысли, и жизни.

И стонет, мечется население — ан не вернуть загубленных. А были они лучшими в населении — самый производительный по труду, уму, культуре и предприимчивости слой его, и совестливый. Без него как бы омертвили людей. Но оно так и требовалось. А иначе где, как зацепиться новыми мыслями... ну тем, что от Ленина?..

А что до Фрайслера, будет он убит 3 февраля 1945 г. во время массированного налета американской авиации.

«Ягуарьевич» оказался удачливей — ни одна бомба или пуля так и не взяла его сталинско-прокурорской брони, впрочем, как и Ульриха.

В начале марта 1919 г. Колчак наносит удар по Пятой и Второй армиям красных. Одновременно в тылу красных полыхнул мятеж в Мелекесском, Ставропольском, Сызранском и Сенгилеевском уездах. Для обуздания мятежной Сызрани Реввоенсовет фронта в дополнение к действующим карательным отрядам приказал выделить «крепкий батальон с двумя орудиями». Людей клали без суда сотнями. Есть тому грустные свидетельства.

Пятая армия — под неослабным ударом: 27-я дивизия красных разгромлена, основательно растрепана и 30-я. Отдельные части явно ненадежны. Так, 45-му полку, перебазируванному из Астрахани в Казань, оружие не выдано из-за ненадежности.

«Мы наткнулись на толпу красногвардейцев, которая перешла фронт у Глазова и сдалась генералу Гайде, — вспоминает Уорд. — Для переклички они были построены в колонну по четыре на рыночной площади. Я изучал их лица и общий вид, придя к заключению, что если мировой прогресс зависит от таких, как эти, то человечество стоит на очень скверном пути...»

13 марта красными оставлена Уфа. Колчак продолжает наступать между железными дорогами Красноуфимск — Сарапул и Чишма — Бугульма. Обозначился прорыв и в районе Мензеленска, сам городок тоже взят белыми.

Наконец Колчак добивается успеха и на южном участке, Уральской и Оренбургской областях. Ижевская бригада, составленная сплошь из рабочих Ижевска, наносит поражение 20-й дивизии красных.

Весь март кипят ожесточенные бои.

Еще 10 месяцев назад никакого фронта не было — обыкновенная русская земля, а теперь вдоль этой самой линии людей — на сотни тысяч: и калечат, и убивают друг друга. И с каждым часом жарче и беспощадней схватки. На куски рвут друг друга.

Время между 1 и 12 марта 1919 г. Ленин посвящает согласованию текста Проекта мирного предложения Союзных и Объединившихся стран, разработанного представителем правительства США Буллитом и правительством РСФСР.

Ленин обсуждает с Буллитом предложения правительства США и стран Антанты о прекращении Гражданской войны. Ленин старается найти такие условия, которые оказались бы приемлемыми для обеих сторон. К 14 марта текст соглашения, что называется, доведен. Последний, седьмой пункт гласит:

«Союзные и Объединившиеся Правительства, принимая к сведению заявления Советского Правительства России в его ноте от 4 февраля относительно внешних долгов, предлагают в виде неотделимой части настоящего соглашения, чтобы Советские... и другие правительства, образованные на территории бывшей Российской империи и Финляндии, признали свою ответственность за финансовые обязательства бывшей Российской империи по отношению к

иностранным державам, являющимся участниками настоящего соглашения, и по отношению к гражданам этих держав. Подробности уплаты этих долгов должны быть выработаны на конференции, причем будет принято во внимание настоящее финансовое положение России. Русское золото, захваченное чехословаками в Казани или вывезенное союзниками из Германии, должно быть рассматриваемо как частичная уплата Советскими Републиками России части долга, падающего на них.

Советское Правительство России обязуется принять вышеизложенное предложение, если оно будет сделано не позже 10 апреля 1919 года».

18 января 1919 г. в Париже состоялось торжественное открытие Версальской мирной конференции, которая должна была установить новый порядок в Европе как итог мировой войны.

23 января конференция постановила пригласить представителей всех самостоятельных образований, правительств и вооруженных сил, претендующих на власть или обладающих ею, на, так сказать, вспомогательную конференцию, которую надлежит созвать на Принцевых островах. Но при условии прекращения вооруженных действий против кого бы то ни было.

4 февраля нарком Чичерин отправил державам Согласия (Антанты) ноту о готовности советского правительства на участие в данной конференции. Конференция в Версале ответила молчанием.

Стало быть, передумала...

Мирная конференция на Принцевых островах не состоялась, и не по вине большевиков, остро заинтересованных в мире.

Еще мало русская земля впитала крови, дабы мир стал желанным. Проект мирного договора превращается лишь в исторический казус, правда, бесполезный для исследователей русской революции, и прежде всего предполагаемым признанием советской властью ответственности за все долги царской России — пожалуй, первым и единственным признанием за всю последующую историю советского государства.

А работа по росписи задач народа и каждого человека в отдельности не ослабевает.

РКП(б) и Ленин решают, каким будет мир, что будут делать люди, как жить, что читать и говорить. В этом праве решать и карать за всех они, ленинцы, и, разумеется, прежде всего сам небесами ниспосланный Главный Октябрьский Вождь, не сомневающийся.

На заседании пленума ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. (самого «отчаянного» года Гражданской войны) утверждена коллегия ВЧК — это Аванесов, Валобуев, Дзержинский (надо же родиться с предназначением карать, выслеживать, загонять в лагеря и тюрьмы!), Эйдук,

Жуков, Кедров, Ксенофонов, Лацис, Медведь, Мороз, Петерс, Уралов, Фомин и Чугурин.

14 имен.

Это они определили судьбы сотен и сотен тысяч людей (им дано было право ареста, допросов и казни). Это они с каждым восходом солнца взводили пружины и цепи «женевского» механизма, и тот обрушивался на народ лесом штыков, сабель, револьверных дул, ударами прикладов, мором от тифа и голода в нетопленых, ледяных застенках.

Это их радениями не иссыхал поток крови. Врачеватели.

Никому не подчиняясь, кроме ЦК РКП(б) (этой кучке захватчиков власти, ничтожному меньшинству народа), они назначали, кому жить, а кому ложиться в землю или до конца дней сушить душу слезами по растерзанным близким.

Не было выше их слова.

И они доказали цену каждому своему слову, каждой закорючке на форменном бланке.

И обратите внимание — у них одна родительница, у всех без исключения: это коммунистическая партия. У большинства стаж — дореволюционный, у многих — с самых истоков зарождения ленинизма, то бишь первых лет отсчета двадцатого столетия. Прежде — коммунист, а чекист — это уже производное от партийной святости. У большинства стаж в социал-демократии (что отпочковалась за Лениным) — почти вровень с вождями. Лишь таким и доверялась «женевская» тварь. Они вычисляли (происхождение, собственность, убеждения и т. п.), а она рвала на куски жертвы. Только заглоты у нее выходили необычные: на тысячи, сотни тысяч «голов», — но прокорму доставало, всегда было что «пожевать». На десятки и десятки миллионов беззаботных душ раскинулся российский народ. Это ж какое богатство для устроителей новой жизни! Какой необозримый выбор! Бери тыщу, вычисляй своих, а прочих?.. Прочих уничтожай — до родинок и ночного бреда исследовали каждого. И оставляли лишь своих — таких, что побегут в стае. И прочесывали, и просматривали... На невиданные высоты возводили сыск и шпионство...

14 имен.

Каждый слово в слово шел за Лениным.

Аванесов В. А. (1884—1930) — член партии с 1903 г. Причину смерти ни один из доступных справочников не указывает. Однако самым бочком стоял к Ленину. А таким только и доверял вождь самое главное, что вправляло кости республике, — жизни людей...

Валобуев К. М. (1879—1942) — член партии с 1918 г., для «женевских» мастеров такой, прямо скажем, незавидный стаж — исключение. С июня того же, 1918-го — начальник штаба войск внутренней охраны республики (ВОХР). Репрессирован, но все же пожил 63 года.

Эйдук А. В. (1886—1941) — член партии с 1903 г. С июля того же, 1919-го (не год, а кровавые бои со всех сторон, в кольце респуб-

лика) — член коллегии НКВД РСФСР (уже придумали вместо гордого слова «Россия» набор этих шипяще-рычащих букв). В справочнике проставлено, что репрессирован. Это, безусловно, так, но, скорее всего, не погиб в лагере в 1941-м (как указано), а расстрелян на Лубянке в 1938-м. Обманные проставляли годы смерти в справочниках — занимались этим не столь давно соответствующие отделы КГБ и ЦК КПСС. Десятки лет заметают следы преступлений.

Жуков И. П. (1889—1940) — член партии с 1909 г. При подобном стаже уже все было «знамо о целительности» террора — труды и наставления «святителей диктатуры пролетариата» на сей счет не оставляли «тумана»... Расстрелян в подземелье Лубянки 30 октября 1937 г. К тому времени уже являлся членом ЦК ВКП(б)¹.

Лацис М. Я. (1888—1938) — член партии с 1905 г. После Дзержинского, пожалуй, второй по убеждению чекист. За воду брал кровь. В 1919-м — председатель Всеукраинской ЧК, затем начальник Секретного отдела ВЧК. Его смерть в подвале любимой им Лубянки предшествовала крушению Ежова.

Ксенофонтов И. К. (1884—1926) — член партии с 1903 г. С марта 1919-го и по апрель 1921-го — заместитель неистового «ксендза» (Дзержинского) по ВЧК-ОГПУ. Заслуженный чекист (можно писать «террорист» — это то же самое). Наверное, каждый шаг его отдавливался кровью. Они, пожалуй, в одном ряду стояли: Дзержинский, Ксенофонтов и Лацис — остальные... так, в ответственных исполнителях. Ягода занимался хозяйственными делами ВЧК — в дела и нося совать не смел...

Медведь Ф. Д. (1890—1937) — член партии с 1907 г. Расстрелян по делу Кирова. Конечно, «кировское» дело — это сфабрикованное, но если бы не сфабрикованное, все равно, сколько из-за одного человечка загублено душ! За одного грохнули в могилу сотни тысяч! Вот это счет! Это по-ленински: политика начинается там, где счет на миллионы. Только так и делалось. Ленин лучился улыбкой, щурился близоруко: архиверно подмечено!..

¹ Их казнили вскоре после ареста, а дату смерти проставляли в справочниках произвольно, как это имеет место в случае с Жуковым: тогда не столь ужасающе выглядел процесс истребления. В журнале «Известия ЦК КПСС» № 12 за 1989 г. у Жукова целых две даты смерти (разумеется, по недосмотру редакции: не условились, как лгать). На деле жертвы такого ранга и осведомленности отдавали. Богу душу не в лагерях, а сразу после приговора. Убийцы отстреливали и убийц — им это, понятно, было в обиду. До сих пор нынешние партзащитники кричат, что репрессировались герои террора, а об их терроре как-то забывают. Герои расправ.

Тут они все были пешками. Мрамор мавзолея хранил повеление убивать. Последним словом это пристыло в навек сомкнутых устах основоположника, можно сказать, так и запечатало их.

Злая ирония, конечно. Они-то считали (и считают) себя хозяевами, а не нет.

А для тех, в тридцатых годах, это была настоящая Божья кара. Кара тиранам!

Все равно все ответят за всё — такова роспись жизни.

Мороз Г. С. (1893—1940) по молодости лет в партии — с 1917-го, раньше не выходило, соска да погрешка мешали. Зато в другом не помешали: с июня 1919-го — начальник Следственного отдела ВЧК... Железные люди. Жизни других обрывали без колебаний. Ленину подражали... Однако тоже репрессирован и, скорее, тоже сгинул не в лагере, а от пули чекиста в подвале Лубянки. Знал небось ту убойную площадку. Не раз захаживал глянуть, как издыхают контры. И знать не знал, что самого там же положат...

Петерс А. Я. (1886—1938) — член партии с 1904 г. Расстрелян в 1938-м. Как Ежова повязали, а точнее, сняли с грозного поста наркома внутренних дел, так и «их» (всю старую гвардию) похватили, пытаться стали, бить, а после стрелять... Они свою роль палачей исполнили, трупов навалили — аж донныне все находят и находят братские захоронения, черепов там, что градин с неба, не сосчитать. Больших заслуг перед партией был товарищ Петерс. Ленин его высоко ставил. Борец!

Уралов С. Г. (1893—1969) — член партии с 1914-го, раньше вступление по годам не выходило, однако уже в 1919-м — начальник Следственного и Секретного отделов ВЧК. Самые жизненно важные органы «женевской» твари. Шибко много крови отсасывала из этих отделов, ну сплошное обновление и омоложение не только твари, но и всей республики.

Фомин Ф. Ф. (1884—1938) — член партии с 1910 г. В 1919 г. командовал Инструкторским отделом ВЧК, затем — начальник Транспортного отдела ВЧК, одновременно — комиссар Главного управления путей сообщения. Повязан и расстрелян вместе с Ежовым.

Чугурин И. Д. (1883—1947) — член партии с 1902 г. В тот год (1919) — и член президиума, и секретарь президиума ВЧК. Почетнейший чекист, по праву мог носить обмундирование только красного цвета.

Как мы видим, практически все эти сверхответственные работники полегли под пулями своих же товарищей чекистов. Большинство — в 1938 г., несколько раньше наркома НКВД Ежова — своего прямого начальника¹. Надо было «оправдать», спрятать массовые

¹ В своем большинстве аресты и казни этих знатных чекистов предшествовали падению Н. И. Ежова. А до этого «светлоокая» «Правда» не раз с гордостью и даже этакой удалью писала о «ежовых рукавицах» сталинского наркома — человечка чуть выше полутора метров ростом с бледным и невыразительным личиком, безвольного исполнителя предписаний Сталина. Оттого и пил сталинский нарком беспробудно, не по плечам оказалось жуткое палаческое ремесло. Только водка, проклятая, и давала равновесие душе.

«Взяли» бывшего наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова в кабинете у Г. М. Маленкова. Для этого Георгий Максимилианович вызвал Ежова к себе на Старую площадь (у Маленкова еще имелся кабинет в Кремле). Как только последовал вызов Ежова, помощник Маленкова Дмитрий Николаевич Суханов снял портрет Ежова в приемной.

убийства — могильщиков и пригробили. Кроме того, Сталин нуждался в «своих людях», абсолютно безнравственных, наподобие тех, что еще вчера мучили Н. И. Вавилова, травили инакомыслящих и выполняли разного рода деликатные задания (часто с отливом крови). Сталин вообще несколькими крупными чистками избавился от своих же слуг-чекистов — зачем лишние свидетели? Так всегда. Не было и нет преданных слуг у палачей — были глупцы, которых использовали и используют, а при необходимости выдадут или угробят (заурядный «несчастный» случай). В этой системе нет чувств — есть голый расчет и кровь. «Предаст — не предаст», «заговорит — не заговорит» здесь категории относительные — поэтому предпочитают трупное молчание, оно единственно безотказное.

Это заразная гнойная язва, сброс нелюдских чувств, извращенное понятие о долге. Патриотизм наизнанку.

Что тут поделаешь: кому нравится чистый воздух и блеск солнца, а кому — вид подвала с запахами крови и воплями проклятий.

Женщины производят на свет разных людей: Гитлера — и Ганди, Сталина — и Льва Толстого... Тут у человечества по всем ступеням меж данных крайностей — наиболее богатый выбор.

Итак, золотой запас по-прежнему в распоряжении Верховного Правительства России адмирала Колчака.

Возня в Москве вызвала гневный протест адмирала. На каком основании союзные державы собираются признать большевистское правительство? И что за русские там, в Москве, если соглашаются выдать золото — этот залог жизненности государства — иностран-

В кабинете Георгия Максимилиановича Ежова ждали чекисты. Едва нарком перешагнул порог — на его хрупких запястьях защелкнулись наручники. «Хрупкие» — Ежов был крохотного роста, под стать иркутскому Чудновскому, ну совсем срамной наружности, но тот был мужик, а этот всесоюзный чекист — «голубых» кровей, посеми и предавался мужеложеству...

Тут требовался античеловек из антимира — нечто неведомое. Антимир стараниями Главного Октябрьского Вождя уже функционировал. Античеловеки тоже нарождались, но, к сожалению, не той грандиозности.

И он объявился, чтобы стать и слугой, и палачом, и сатаной, и тайным убийцей около главного античеловека, — Лаврентий Берия. Выше подборки, чекисты! Забудьте в сладкой истоме!..

Совершенно безнравственный, бесчувственный, хищный, нацеленный лишь на власть и кровь, без которой хирел и терял силу шага. Сифилитик с неоппадающим детородным органом, заменившим все смыслы бытия, привязанности и откровения. Нет, Николай Иванович в подобных материях не мог быть соперником. Душить, пущать кровь, совершать подлоги — это да, а от остального увольте. А Берии и того, «остального» было мало. Жадность его к поеданию людей, к власти ужимала даже самого Иосифа Виссарионовича, а тот существовал вообще вопреки всем законам природы — сочный, цветовой отпечаток еще более страшного античеловека. Силились заглотнуть мир. Обвили кольцами, взялись душить, а не вышло. Так близко уже все было, а не вышло.

цам, а эти самые иностранцы, являющиеся не то союзниками белых, не то торговыми партнерами красных, на поверку оказываются не прочь и поладить. Представитель цивилизованной страны, союзной белой России, находится в Москве и встречается с Лениным!

А эти там, в Москве, понимают: золотой запас утрачен навеки — и распоряжаются. Распоряжаются тем, что им не принадлежит и уже принадлежать не может. А как, какие долги и в счет золотого запаса или нет — это решит законное правительство, которое избрет Учредительное собрание.

Это были едва ли не самые горестные дни для адмирала, почти такие же, как после известия об Октябрьском перевороте. Тогда, в Вашингтоне, адмиралу показалось, будто разверзлась бездна: самое дорогое отнято — Россия. Ради нее рисковал в северной экспедиции: не щадя себя, осваивал военное ремесло и воевал в Порт-Артуре, на Балтике и Черном море... Тогда, в Вашингтоне, он поспешил домой — надо разобраться и решить, как быть; самое важное — понять, что нужно от него России. Та Россия, которой принадлежал он, как и многие миллионы других русских людей, была объявлена вне закона...

Война привела большевиков к власти. Война — это единственное, что задело и потрясло каждого. И не только задело или потрясло, а сплотило всех. Они выросли на бедствии народа, стали партией народа...

И адмирал снова, в который раз обращался в мыслях к большевикам. Все партии хороши, когда речь заходит о политических выгодах, но при всем том никто не посмеет шагнуть через черту, название которой — предательство. Большевики во имя своих целей и выгод готовы на все, буквально на все, и на предательство Родины — тоже. Это называется у них диалектикой.

Все и в самом деле логично, если вспомнить вехи предательства: скандальное возвращение из эмиграции вождей социал-демократии, возвращение с помощью врагов России — правительства кайзера. И — не то возвращение, не то внедрение в организм России. А затем развал фронта на потребу Германии, позор Брестского мира и разложение народа, а теперь вот и согласие на выдачу золота. И все это — без всякого обращения к России. Ее лишь оповещают, так сказать, обозначают направления подчиненности.

Нет, большевики — это захватчики власти. Они истребляют всех, кто составляет им в этом хоть какую-то конкуренцию. Это не спасители Отечества, как они себя именуют, а настоящая государственная катастрофа. Это яд, который обездвигивает и заражает общественный организм. Ни возразить, ни воспротивиться. Несогласных нет, несогласных они уничтожают. Ядом демагогии и насилем они добиваются единомыслия.

...Слава Богу, золото в подвалах Омского банка. Теперь никто не посмеет взять, разве лишь силой, и то только тогда, когда не станет другой России — белой — и, следовательно, его, Александра Колчака.

Он, Александр Колчак, сделает все, дабы не допустить мир боль-

шевизма в кровь и плоть России. Народ взбаламучен преступлениями и пороками старого режима, взбаламучен и ослеплен яростной демагогией большевизма. Задача его, Колчака, — привести Россию к успокоению. Только тогда она скажет свое настоящее слово — без принуждения, угроз и расправ. И это слово будет священо для всех...

Уорд придет к выводу:

«Тот факт, что Колчак объявил себя сторонником созыва Национального Собрания, избранного всеобщей подачей голосов для решения вопроса о форме правления в России, как только установится порядок, — разбил вдребезги мечты старого офицерства о скором возврате к самодержавию...»

А в пургу дымится снег. Ну, это не та пурга, чтоб влила, однако задувает. А порой и так, что заслонишь варежкой лицо. Снегом дымится весь наст, а белый вьюнок скользит по крышам, по самым карнизам. Сорвется, застынет на миг от крыши до наста — чисто лисий хвост. И тут же сникнет, рассыплется, дабы через мгновение снова опалить крыши стремительным ходом. Озорник и есть.

Ветер рванет дерево. Белая пыль и зависнет меж настом и ветвями: все тот же лисий хвост. И до того эта белизна вокруг опрятна, чиста — так и заулыбаешься. Не успел поворотить назад, а след уже заглажен. Ветер озаботился: негоже, чтоб наст ровность терял. Первая задача ветра — все загладить, уравнять, чтоб ничто не мешало его ходу.

И скользит ветер над настом, весело гонит верста за верстой.

Русь!

Нет ей конца и края.

Святая земля... поскольку кровью умыта и кровью ухожена.

Службу по охране банка несли отборные солдаты и офицеры. Квартал, прилегающий к банку, был объявлен на особом положении. Без соответствующих пропусков и личного сопровождения высшими чинами администрации никто не имел туда доступа. И уже строго за исключением лиц, известных охране, никто не смел приблизиться к самому банку, не рискуя быть застреленным тут же на месте.

Усиленный батальон квартировался непосредственно вокруг банка, составляя как бы живой заслон. Офицеры и солдаты тоже находились на особом положении: ни увольнений, ни каких-либо отлучек — только казарма, только при оружии. Верховный Правитель лично следил за несением службы усиленным батальоном охраны.

Вчера адмирал вернулся с фронта. Его ожидает гора дел. Какое же у него отвращение ко всем этим хозяйственно-административным заботам! Он задыхается под их напором. Но попробуй что-

нибудь доверить другим — обчистят казну, оболгут, припишут... Впрочем, и за его спиной этих мерзостей не меньше. Всюду — разврат, жадность, трусость... Будто все нарочно взялись разрушать тыл. И он уже пробовал — нет такого материала, которым было бы возможно скрепить дело: гниет, лопается, разлезается, чадит...

В кабинете пахнет табаком и бумагами — той особой пылью, которая сопутствует им и от которой невозможно избавиться.

Адмирал набивает трубку и закуривает. Он потаптывается у окна и пытается разглядеть улицу, но это почти невозможно: стекла обильно выбелены изморозью.

Все это огромное дело, которому он служит, представляется ему непрочным — таким непрочным: порой становится не по себе. Подоприм красные покрепче — и все посыплется... оно и без того сыплется...

Он объясняет это тем, что оно не устоялось. Сломан тысячелетний механизм государственности, и все в замешательстве, брожении, распаде.

В свое время (не столь уж давно) чтение «Протоколов сионских мудрецов» произвело на адмирала ошеломляющее впечатление. Перед ним как бы развернулась скрытая прежде картина мира. Да-да, марксизм — это порождение мирового еврейства. Осрамить, добыть все то, что еще имеется на Руси незапятнанного, чистого. Подменить таким образом любовь к Родине любовью к чужеродному племени евреев. Национальное, русское должно быть замещено красным.

Красное должно быть выше Отечества, выше семьи, отца, матери...

Впервые взяв в руки «Протоколы сионских мудрецов», адмирал их уже не выпускал, перечитав десятки раз подряд. Книга как бы закалила его, отточила ненависть к большевизму и Ленину. И самое главное — добавила к этой ненависти поистине бездонное презрение...

Это неприятие им еврейского, глубокое убеждение, что оно повинно в крушении России, отмечают биографы белого адмирала.

А в эти дни присмирел, остановился воздух. Тишина, покой, белые наносы и сугробы — аж по плечи осядешь. Оглядываешься (глаза круглые) и диву даешься: лежит снег и мерцает множеством огненных кристалликов. Каждый вдруг вспыхнет, за ним соседние — и переливается огонь в замурованной воде, поскольку снег и есть замурованная вода. Ни одной пылинки вокруг, ни одного грязного пятнышка. Неизбывные просторы: пихты, ели, осины. Над ними — ширь неба: светловатая, не голубая, хотя и чистая, а по краям, где смыкается земля с небом, — сиренево-темная. И уже пылают крохотные звездочки, дабы ночью выложить небо и засиять драгоценными камнями.

И сух воздух, не чувствуешь мороза, а не постоишь, однако, — сразу заледенеют ступни, скует, повяжет холод. Чугунно-вымерзшая земля звенит под ломом, а коли ковырнуть штыком — раскрошит поверху наст из смерзшихся трав, палой листвы — и отскочит.

Посему и не хоронят. Бог простит, выше это сил...

В крови и пламени Гражданской войны рождается организация, которой не будет равной во всей мировой истории, — III Коммунистический Интернационал.

За предвестие мирового пожара принимают в Москве сообщения о революции в Финляндии в январе 1918 г., рисовые бунты в Японии в августе 1918-го, революцию в Германии и Австрии в ноябре того же года, затем пролетарскую революцию в Венгрии, восстание в Китае в марте 1919 г.

Созданию Коминтерна предшествовала работа проведенного в Москве в январе 1919 г. предварительного совещания представителей советской России, Польши, Австрии, Венгрии, Латвии, Финляндии, а также Болгарской рабочей социал-демократической партии и СРП США, наметившего время открытия и порядок работы соответствующей международной конференции. Медлить нельзя. Надо взять в свои руки будущее восстание всего человечества против империализма.

Международная коммунистическая конференция заседала со 2 по 6 марта того же года. Присутствовал 51 делегат.

4 марта был поставлен и решен вопрос об основании III Интернационала. Уже с 4 по 6 марта конференция продолжила заседания в качестве I конгресса III Коммунистического Интернационала.

Конгресс сосредоточил внимание на выработке платформы Коммунистического Интернационала и вопросах буржуазной демократии и пролетарской диктатуры. Не сегодня-завтра народы и континенты сплотятся вокруг Ленина и партии большевиков. Задача не только момента — задача истории — воспитать коммунистические партии, дать им руководящий центр, поднять народы на революцию.

«72 года тому назад коммунистическая партия возвестила миру свою программу в виде манифеста, написанного величайшими провозвестниками пролетарской революции Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом... Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции. Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад...

Противоречия капиталистического строя предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания...

Революционная эпоха требует от пролетариата применения таких средств борьбы, которые концентрируют всю его энергию, а именно методов массовой борьбы с ее логическим концом — прямым столкновением в открытом бою с буржуазной государственной машиной. Этой цели должны быть подчинены все другие средства...

Да здравствует международная республика пролетарских Советов!..»

Тезисы Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата были приняты единогласно всеми делегатами.

6 марта 1919 г. после заключительного слова Ленина конгресс закрылся.

«Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, против привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового и национального гнета — объединяйтесь!

Под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Чтение тезисов Главного Октябрьского Вождя дает однозначное представление о том, что случилось с нами, по каким причинам Россия и союзные с ней народы пришли к жесточайшему кризису.

Утопия, подкрепленная штыками и террором от имени государства, — это уже разбой, массовое умопомрачение, надругательство над мыслью, один бесконечный могильный ров как главное доказательство правоты и истинности большевизма и Ленина.

«...Развитие демократизма (в капиталистических странах. — Ю. В.) не притупляет, а обостряет классовую борьбу, которая в силу всех результатов и влияний войны (первой мировой войны. — Ю. В.) и ее последствий доведена до точки кипения...»

Это один из центральных тезисов Ленина. Порочность его не вызывает сомнений. Десятилетиями совершенствуется механизм демократии в развитых капиталистических странах именно для того, чтобы избежать гражданских столкновений, создать равную защищенность для всех. Ленин категорически отрицает подобную возможность вообще. Для него капитализм — система, которую следует безоговорочно уничтожить, она везде, всегда и во всем преступна и другой быть не может. Вся деятельность Ленина сводится лишь к одному — сплочению сил для беспощадной войны с капиталистическим строем, — войны безоговорочной и бескомпромиссной, в которой хороши и оправданны любые средства, неморальных нет и быть не может. Скрыть эту систему до основания, не останавливаясь ни перед чем. На это вождь поворачивает коммунистическую партию, народы России и теперь — всего мира. Это его генеральная задача. Можно твердо сказать: дело его жизни свершилось. В нем, Ленине, сошлись муки, надежды и веления всех павших борцов с деспотизмом и властью золота...

Если следовать логике данного тезиса, развитие демократии, по

Ленину, вообще исключено; реально лишь одно — классовая война. Жизнь доказала полную утопичность этого воистину людоедского положения, но дело, как говорится, было сделано. Одна шестая суши ощетиживалась в непримиримой вражде ко всему миру. Отныне России — надрывать жилы, голодать, терять своих сыновей (ложиться им в могильный ров миллионами), но раздуть огонь священной войны всех народов против капитала.

Кстати, эта посылка Ленина чрезвычайно напоминает сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму — очень много точек соприкосновения.

Сталин весь взрос из кровавой непримиримости ленинизма, это один из самых верных, «буквальных» его истолкователей и последователей.

Следующий тезис Ленина не менее поразителен.

«Советская власть, т. е. диктатура пролетариата (для Ленина нет советской власти вне диктатуры. — Ю. В.), напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика...»

В общем, остальные граждане не интересуют вождя, пусть не голосуют.

Слияние же исполнительной и законодательной властей и привело Россию к величайшему в истории человечества произволу. Вся законность пала. Закон и власть стали одним и тем же. Власть присвоили партийные бюрократы. Они стали властью и законом на долгие семьдесят лет.

Ленин стремился к неведомой дотолде демократии, самой высшей — социалистической. Вся власть, по замыслу Главного Октябрьского Вождя, должна была сосредоточиться в партии — ЦК, затем — политбюро и, наконец, у вождя. Таким было следствие ленинского постулата о руководящей силе общества — партии.

К неослабной войне со всем миром вела и другая посылка главного вождя, зафиксированная все в тех же тезисах:

«Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т. е. равенство и свобода, неосуществим».

Вот так.

Сокрушить мир — лишь это и даст свободу, а без того и не помышляйте о свободе, она невозможна, она — фикция, социал-рenegатские штучки...

Кровавой решимостью сражаться со всем миром, непримиримостью, жестокостью и жесткостью веет от каждой буквы тезисов. В них все прошлые трагедии народа и все грядущие, ибо дело Ленина продолжает разрушать наше Отечество. И еще не раз Ленин будет подводить народ к кризисам из своего столь надежного укрывали-

ща — мавзолея. Ибо основа ленинизма — насилие и выдающаяся политическая самонадеянность, замкнутость в строго ограниченных представлениях о жизни, которые никто и ничто поколебать не способен. Все вне этих догм и представлений подлежит разрушению и осмеянию.

Автор книги помнит о слухах и «самых достоверных фактах», которые будоражили общество в начале 60-х годов, — работала комиссия по расследованию убийства С. М. Кирова. Общество в своей основе еще верило в ленинизм (а с каким единодушием оно тогда осудило Пастернака!). Осознание трагедии нашей истории не проникало за формулу: злодей Сталин искажил учение Ленина, опозорил и опошлил святую идею социализма. Формула, надо признать, чрезвычайно живучая, не формула, а броня. «Аппарат», «система» до сих пор не без успеха обороняются ею, разумеется усложнив аргументацию и фразеологию...

А тогда, в 60-х, результаты расследования «по Кирову» были скрыты. Не то испугались распада всепобеждающего учения, не то засомневались в «массах» — для хозяев государства они всегда как бы хронически в недозрелом состоянии, поднимаясь до истинной жертвенности и самосознания только в те моменты истории, когда им надлежит жертвовать собой, скажем в войнах или разного рода рискованно-авантюрных кампаниях (освоение целины, «стройки века»...). В общем, правду народу не сказали.

Что Кирова угробил Сталин — ни для кого не составляло секрета, хотя сталинисты это всячески отрицают¹. В материалах Шатуновской имеются другие важные сведения, особенно цифры².

Так мы узнаём, что после убийства Кирова обрушилась не просто лавина убийств и арестов. Комитет госбезопасности СССР в состоянии какого-то расслабления, граничащего со слабоумием, не скрыл, а прислал документ с подлинными цифрами репрессий. Это не цифра, а нечто не поддающееся разумению.

С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. «врагов народа», из них 7 млн. — расстреляно. Остальные в большинстве своем сгинули в лагерях.

Эта дата — 22 июня 1941 г. — прямо указывает на то, что убийства с таким же размахом продолжались бы, но их пресекла война. Можно сказать, дело Сталина — НКВД принял на себя Адольф Гитлер. И он лицом в грязь не ударил, масштабно и решительно продол-

¹ Все эти обстоятельства не суть важны. Главное — убийство, и организатор его — Сталин. Иначе зачем понадобилось уничтожение всех причастных и осведомленных по данному делу? Убил Сталин, все прочее — узоры, обстоятельства, не более.

² Шатуновская передала сбереженные материалы комиссии в «Аргументы и факты», которые напечатали их в июне 1990 г. в № 22(503).

жил работу чекистов. Те и другие мучали и терзали народ без пощады, как братья по одному духовному ордену.

«После того как членам Президиума ЦК была разослана докладная записка, — сообщает Шатуновская, — мне позвонил рано утром Н. Хрущев и сказал: «Я всю ночь читал вашу записку и плакал над нею. Что мы наделали! Что мы наделали!..»

Тем не менее под давлением сталинистов — членов Президиума ЦК (сталинистами тогда была большая часть нашего общества. — Ю. В.) все материалы как по убийству Кирова, так и по другим процессам 30-х годов Хрущев распорядился положить в архив...

После того как 64 тома материалов были сданы в архив, а я была вынуждена уйти из КПК (1962), сотрудники КПК совершили подлог — часть основных документов они уничтожили, а часть подделали...»

И тут ничего нового. ВЧК-КГБ, головка партии и весь бескорыстно-совестливый партийный аппарат вели давнюю войну с народом, любовь которого к ним следовало обеспечивать. Для этого разум народа подлежал постоянному урезыванию. Это-то и превращало народ в «массы».

А плакать — оно, конечно, было отчего, особенно когда к этому делу имел непосредственное касательство. И в то же время эта фраза — «Что мы наделали!» — сталинисты такой взгляд на историю не могли простить. И понеслись к Кремлю черные лимузины...

Плотинили, плотинили историю. Трусами плотинили, страхом и ложью скрепляли, а не получилось. Слезы и кровь прорвали. Разлились по всей Руси...

Оберегали память о Сталине — не из преданности идеалам революции. Все гораздо проще. Все эти большие и малые господа наших жизней служили кровавому палачу; после его смерти служили не просто его делу, а духу дела. Да, все они были преступны, и те, что жили при Сталине, и те, что были потом (и так до наших дней). В этом подноготная их преданности. Не в идеалах и принципах. Просто палачи помельче оберегали покрывала палача главного, дабы самим не предстать без своих святых покрывалец голыми насильниками, захватчиками власти, цепными псами преступнейшей организации — партии большевиков...

А партия эта и не могла быть другой — целью ее было уничтожение государственности большинства стран мира, насилие и оправдание любого злодеяния во имя революции и вождей...

Такой она была зачата Лениным.

«После убийства в конце 1934 года члена Политбюро Сергея Кирова Сталин приказал службе безопасности найти человека с абсолютно похожей на него (Сталина. — Ю. В.) внешностью. Выбор остановили на бухгалтере-еврее с Украины Евсее Лубицком, которым на одной из дач недалеко от Москвы занялась целая команда косметологов, портных и парикмахеров. После «доводки»

дублера эти люди были уничтожены. Сталин также отдал приказ ликвидировать семью Лубицкого.

Впервые Евсей Лубицкий сыграл роль Сталина на встрече с делегацией шотландских шахтеров, никогда не видевших до этого живого Сталина. Гораздо труднее было обмануть персонал Кремля и сотрудников МИД СССР. Но и здесь двойник выполнил свою миссию отлично.

В 1952 году Лубицкий был арестован и отправлен в один из сибирских лагерей. После смерти Сталина его освободили незадолго до его кончины¹.

Тут все на месте, без наклеечек, «мудрый продолжатель дела Ленина», «гениальный полководец», «отец народов». Да нет, прежде всего и всегда — преступник.

Глава преступной головки партии.

Хозяин самой преступной из тайных служб в истории человечества (ВЧК-МГБ). Руководитель пыток и сам палач.

И по сию пору (1991) тянут его портреты над головами: вот кому поклоняйтесь, вот совесть народа!..

Еще бы, Он «цены» снижал...

Так что для вас смысловое, первое — набитый желудок, водка, а с ними окрик, муки, кровь и гибель миллионов людей или борьба за достойную человека жизнь? Дайте же наконец ответ! И кто же вы? И с кем мы живем бок о бок, если вы тянете портреты убийц над собой? Ну дайте же ответ!

И многие из вас ведь в церковь ходят. Так что же вы в Боге видите, что у Бога просите, чему учите детей?..

А что до «послекировских» убийств (как-никак 7 млн. сразу и добрый десяток, так сказать, в рассрочку) и вообще убийств, то они не могли потрясти работников карательных ведомств, наших доблестных чекистов. Они не могли не принять и убийства, и обоснованность этих убийств как нечто само собой разумеющееся, даже за трудовой подвиг (их и награждали орденами). Они были к этому подготовлены всей моральной обстановкой в обществе, триумфальным шествием ленинской классово-идеологии.

Это же самое, и тоже в массовом порядке, творили ВЧК, различные смежные карательные органы, как, скажем, ЧОНЫ и, конечно же, трибуналы всех степеней в годы революции и сразу после нее.

ОГПУ-НКВД второй половины 30-х годов не могли не сознать (и с гордостью), что они всего лишь продолжатели дела Ленина; они, как и сама партия, поставлены на охрану его идей и государства. Впрочем, продолжателями дела Ленина называли себя не только они. Многие из народа твердили заповеди Ленина и с ненавистью, нетерпимостью относились к любому цвету, кроме красного.

ВЧК-КГБ — это прежде всего орган партии; именно она направляла (и направляет) туда своих «лучших» представителей. Это пре-

¹ «Аргументы и факты», № 24(557), июнь 1991 г.

жде всего «обнаженный меч» партии, не революции, а партии, точнее — ее верхушки, ибо в своей существеннейшей части эта организация выродилась и приспособилась единственно для защиты головки партии, ее секретарей, вождей.

Но самое важное: ВЧК-КГБ обеспечивали и обеспечивают борьбу ленинской партии с любой другой идеологией, но только средствами физического подавления.

Конечно же, была деятельность по защите границ, против иностранных разведок, однако основу составила работа по защите вождей партии, вождя, то есть охрана тиранической сути власти, в основе которой — палачество и невинная кровь. Одна нескончаемая война против народа, в которой народ являлся все той же жертвой.

Одно событие подхлестывает другое.

11 февраля 1919 г. в газетах появляется извещение об «открытии заговора левых эсеров. Арестованы М. Спиридонова, Штейнберг и др.».

21 февраля газеты публикуют постановление ВЦИКа: «...в местностях, объявленных на военном положении, за Чрезвычайными Комиссиями (ЧК) сохраняется право непосредственной расправы».

21 марта власть в Венгрии переходит к правительству коммунистов. Венгрия провозглашается Советской Республикой.

30 марта ВЦИК единогласно избрал своим председателем М. И. Калинина (время понадобилось Ленину, чтобы подыскать надежного товарища; бывший токарь Калинин будет вместо Свердлова воплощать народную власть).

7 апреля газеты сообщают о восстании «спартаковцев» в Мюнхене. Тут же следует объявление Баварии Советской Республикой.

Положить русский народ, но высечь искру мировой революции. Плевать на людей! Мировая революция — вот цель человечества и его, Ленина, — самая первая и главная задача. Пусть останется одна десятая от русских¹, зато займется пожар мировой революции!..

Эх, кабы ведал Ильич, что ВКП(б)-КПСС и ВЧК-КГБ своей изверской близорукой политикой подготовят крушение России, подведут к пропасти — и завихрят, завоюют трупные ураганы и смерчи...

Но и то правда — что ему, избранному судьбой, до России? Разве сердцу интернационалиста принять боль родной земли и стон, надрыв народа?..

В дымах, слезах и проклятиях корчитесь Русь...

Не уберегли родную землю, не оградили, не спасли...

Все демократические представления Ленина исходили из необходимости безоговорочного подчинения низов партии верхам, верхам

¹ Именно так заявит Ленин в кругу единомышленников.

партии — вождям и, наконец, всех — вождю, хотя самых свободолюбивых высказываний на сей счет хоть отбавляй.

Ленин представлял демократию как организацию жизни под бдительным прессом партии, то есть все ту же обязательную подчиненность «масс» воле руководителей.

Под авторитетом руководителей он понимал опять-таки всеобщую подчиненность всех руководителям. Над всем возвышалась партия, точнее, ее секретари. Партия являлась средоточием государственности — права, власти и вообще всего...

Ленин старательно вынашивает, совершенствует, вводит в обиход шаблон партийного руководителя — сурового пастыря масс. С него самого и лепится образ партийного руководителя — полновластного хозяина. Только он, посвященный в марксизм, может знать, что полезно, что можно и чего нельзя.

Именно поэтому бюрократический класс — класс новых господ России, ее подлинный цвет и сила — столь чтит его. Нет, чтят не за «борьбу с угнетателями» и не за «социалистическую революцию». Они уже давно порвали даже с видимостью служения «идеалам Октября», превратившись в один бездонный карман. Они почитают его из-за того идейно обоснованного простора, который он открыл им, куда выпустил их, где наделил их неоспоримой властью, поставив весь народ как бы на колени. Попробуй не стать перед священной целью, которой должны служить все.

Это от него они усвоили, что любой несогласный подлежит уничтожению. Именно Ленин открыл и обосновал их право распоряжаться этим простором — всей Россией. Взгляды, вкусы, нетерпимость, идейные выкладки Ленина стали обязательны для всех, по ним строилась (и строится) жизнь, а самое главное — определяется ценность человека.

Это он, добрейший и милейший Владимир Ильич, поставил для сохранения их власти «женевское» чудовище, армию, мораль, идеи — сотни тысяч книг, пьес, фильмов, учебников, платных крикунов-надзирателей, тюрем, лагерей и могил. Не скупилась, под новую жизнь мостили миллионы трупов, а по ним шли с частушками, с гармониками, вприсядку: слава Ильичу!

Все в Ленине противно демократической сущности жизни. Весь он вышел из тирании революционной борьбы, из неистового и презрительного повелевания массами, которые не сознают ни своего настоящего, ни прошлого, ни смысла движения вообще. Эту тиранию революционной борьбы, сам того не сознавая, он распространил на всю организацию жизни, подкосив смертельно любую независимую мысль, а с нею и интеллигенцию, без которой народ оказался почти на доброе столетие добычей партийной и советской бюрократии, как бы умственно и духовно оскопленным.

Ленин — это святой захватчик власти, партийной и советской бюрократии, искусственно, насильственно навязанный в святые и народу.

Из послания Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров:
«Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы. Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнаружить полностью?..

Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду...

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела...

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций, — вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж...

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями...

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляя епископов рыть окопы...

И что еще скажу. Не достанет мне времени, чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу...

Тихон, Патриарх Московский и всея Руси»

Из строго секретного письма Ленина Молотову для членов политбюро:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр)... А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке»¹.

Итак, во главе этого варварского истребления людей стояла коммунистическая партия.

Партию возглавлял ленинский Центральный Комитет.

Ленинский Центральный Комитет возглавляло политбюро.

Политбюро возглавлял Ленин.

Ленин, только Ленин!..

Эх, Россия, «выходит карта, да все бубновый туз»!..

Догма христианская, вечная — любить, другого смысла в бытии оно и не ведает.

Догма ленинизма — нетерпимость и ненависть к инакомыслию,

¹ «Наш современник», 1990, № 4, и «Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, где впервые опубликован этот документ.

любой другой мысли. Иным бытие ленинизм и не принимает. Все иное приятие его — это только «сосуществование», а на большее его не хватает, нет в нем этого «большого»...

«Ленин — надо выдержку его иметь, это черт знает как! Колоссальный характер и упорство!...» — скажет спустя полвека после смерти вождя его младший сподвижник — Молотов.

Величайший террорист в истории — таким вождь предстает ныне. Какое дело человечеству до его мечтаний — он презалил землю кровью и слезами. А для нас он еще и разрушитель великого государства Российского. Стоять бы Руси и крепнуть — имелись в народе внутренние силы, преобразования ждали страну...

И тут — разрушительно-трупный смерч Октябрьской революции. И ни справедливости, ни мира, ни покоя, ни сытости... Беззвучным воем исходила вся земля от Бреста до Владивостока.

У каждого верстового столба по всем широтам и меридианам долбили могилу или могилы. Под тюрьмы шли казармы, склады, храмы... да мало ли еще что. И дали имя этой дьявольской работе по превращению людей в инвалидов и мертвецов — социализм. Высоко-высоко вознесся серп и молот. Государство рабочих и крестьян.

Да, зигзаги истории... Вокруг государства, в которых богатые становятся богаче, а бедные — если не беднее, то уж не богаче — это точно. И смысл жизни в которых — нажива, сытость (и ничего другого). Какая-то идиотская пародия на смысл рода человеческого...

А позади дымится, разваливается государство социализма...

Как в фильме о Чапаеве — ну куды мужику податься? Там грабят и тут грабят...

Это уж точно: грабят.

«Собственность есть кража». Скажем так: почти всегда. Но у нас — всегда.

А счастье!.. Ну так достойны счастья русские! Сколько же отнято жизнью и пролито крови! Сколько задыхнулось в слезах, горе и отчаянии!

Ну выгляни, солнышко, приложись к душе, выгляни, счастье! Обогрей нашу землю, высуши слезы, улыбнись...

Губы, улыбнитесь...

Русь, молю тебя о любви, нежности!

Целую твои руки... прими любовь, не оттолкни... Дай силы служить тебе. Истосковалось, иссохло сердце, дай добра!..

4 апреля белые захватывают Стерлитамак, шестого — Белебей.

Колчак настойчиво пробивается к Миллеру: создать единый

фронт против большевиков, получить доступ к военному снаряжению в Архангельске и Мурманске.

Пятая армия красных обескровлена. Еще немного — и белые оседлают железную дорогу Бузулук — Оренбург. Со всех фронтов спешат подкрепления в Пятую армию. Остановить Колчака!

«...Правитель омский, табак японский, погон французский, мундир английский...» Или как там распевали?..

Урд восстанавливает в книге картину приезда в Тюмень 7 апреля 1919 г.:

«Эти рабочие видели в правлении большевиков какой-то ужасный кошмар. Они не могут ни о чем заботиться, если вы их не успокоите на этот счет. Настолько ужасен был сон, от которого они проснулись, в сравнении с цветистыми обещаниями, ими полученными, что я готов думать, что даже Ивана Грозного они встретили бы как спасителя...»

8 апреля 1920 г. пленум ЦК РКП(б) формирует главные органы власти Сибири.

Он постановляет:

«Утвердить Сибревком в составе, предложенном тов. Смирновым, с распределением по отделам:

- 1) Военный комиссариат — т. Шорин.
- 2) Земотдел — Соколов.
- 3) Внутренних дел — Косарев.
- 4) Наркомпуть — Ковылкин.
- 5) Контроль — Пайкис.
- 6) Труда — Бахутов.
- 7) Совнархоз — Шотман»¹.

Председатель ревкома — И. Н. Смирнов. Этот же пленум утверждает Смирнова председателем Сибирского Бюро ЦК РКП(б).

На заседании ЦК РКП(б) 13 апреля 1919 г. среди прочих обсуждался вопрос о дезертирстве из маршевых рот и отдельных частей (драпают мужички почему зря, что им власть Советов!).

Товарищ Ленин докладывает тезисы товарища Склянского. «Необходимо, чтобы местные партийные организации включались (очевидно, «включали». — Ю. В.) в каждый эшелон по несколько товарищей специально для сопровождения до места назначения. Такой опыт, произведенный в Туле, дал хорошие результаты...»

Пленум ЦК постановляет 11-м пунктом:

«Все ведомства должны мобилизовать до 200 коммунистов, списки должны быть составлены главою ведомства, и назначаемые должны быть предупреждены, что в случае неявки будут арестованы».

...Вот-вот Восточный фронт прохудится, и белые хлынут к Москве и Петрограду. Еще немного — и Республика рухнет.

¹ «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 145.

Ввиду критического положения Первая и Пятая армии с 13 апреля «переходят в оперативное подчинение командующего Южной группой товарища Фрунзе».

О Фрунзе есть несколько строк и в воспоминаниях Троцкого: «Фрунзе был серьезной фигурой. Его партийный авторитет, благодаря каторжным работам в прошлом, был выше, чем молодой еще авторитет Склянского (заместителя Троцкого по Реввоенсовету Республики. — Ю. В.). Фрунзе обнаружил, кроме того, во время войны несомненные способности полководца...»

11 апреля 1919 г. ЦК РКП(б) обращается к партии:

«Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской Республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака.

Направить все усилия... для привлечения более широких слоев рабочего класса к активному участию в обороне страны.

Все силы партии... должны быть мобилизованы немедленно, чтобы именно в ближайшие дни, без малейшего промедления мобилизации, декретированной Совнаркомом 10 апреля 1919 г., была оказана самая энергичная помощь.

Надо в особенности добиться уяснения всяким и каждым мобилизуемым, что немедленная отправка его на фронт обеспечит ему продовольственное улучшение, во-первых, в силу лучшего продовольствия солдат в хлебной прифронтовой полосе... в-третьих, вследствие широкой организации продовольственных посылок из прифронтовых мест на родину семьям красноармейцев.

В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, надо осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия — поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной Армии, для замены выбывающих из строя и т. п.

Не ограничиваться обычными приемами агитации, лекциями, митингами и пр., развить агитацию группами и одиночками рабочими среди красноармейцев... чтобы каждый... участвовал в обходе домов для агитации...

По отношению к меньшевикам и эсерам линия партии, при теперешнем положении, такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку... Мы не потерпим в своей республике трудящихся людей, не помогающих нам делом в борьбе с Колчаком.

Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны».

На исходе апреля Колчак наносит поражение красным на Уральском направлении. 22-я дивизия красных разгромлена под Горячинском и Лбищенском и отступила в Уральск. Сам Уральск осажден.

До критического ухудшается положение красных на Бугульминском и Чистопольском участках фронта.

«Ни один ни чешский, ни итальянский, ни французский, ни вообще какой-нибудь союзный солдат не дали ни одного выстрела после того, как адмирал Колчак принял на себя высшее командование», — пишет в своей книге воспоминаний Джон Уорд.

15 апреля 1919 г. опубликован декрет Совнаркома о воспрещении самовольного перехода совслужащих из одного ведомства в другое. На следующий день в газетах постановление Совета Обороны о призыве на действительную военную службу женщин-врачей.

Много крови в республике. Недостает рук штопать раны.

А 3 мая ввиду вторжения финляндских войск на русскую территорию (еще не всегда пишут «советскую») Петроград, Петроградская, Череповецкая и Олонецкая губернии объявлены на военном положении.

Независимость возлюбили, а Гражданскую войну не желаете? А интернационализм ничего вам не говорит?.. Надолго затянулось получение финнами этой самой независимости. Лишь натугой всего народа и устояли, не пристали к интернациональному братству бывшей Российской империи.

Тужится, напрягается, дрожит смертной дрожью Россия, аж на лбу жилы в палец толщиной и в очах кровавая сетка. Лечь бы, дух перевести, а то и лежать... не шевелиться...

7 мая в Версале представителям Германии вручен текст условий мирного трактата. Свирепые статьи трактата и бросят в объятия друг друга веймарскую Германию и РСФСР (после — Советский Союз).

17 мая напечатано постановление ВЦИК об организации лагерей принудительных работ... Явственной контуры «гулаговской» республики.

Главное командование красных собирает все силы для контрудара. На этот удар все упования Москвы. В командование фронтом вступает А. А. Самойло¹ — бывший генерал-майор царской армии, талантливый генштабист и один из руководителей военной разведки до 1917 г. Членами Реввоенсовета назначены Юренев и Гусев.

И в эти же дни восстают против красной власти уральское и оренбургское казачество.

Смерть рыщет по средней России, в лесах, степях, болотах. Линия фронта в непрерывном движении.

Обозначается крупный успех за Первым Волжским корпусом

¹ Приказом главкома Вацетиса А. А. Самойло вскоре был возвращен на северный участок борьбы с белыми, где командовал Шестой Отдельной армией. За боевые успехи этой армии получит два ордена Красного Знамени и ценный подарок Реввоенсовета Республики. Александр Александрович был старше Ленина на год, а пережил его почти на сорок лет, упокоясь в девяносто.

генерала Каппеля, того самого, который начинал белый мятеж вместе с чехословаками. Никак не «накормить» этого Каппеля — зверем воюет...

К началу мая контрудар красных подготовлен и вычислен.

Даешь красный Урал!

Бои принимают исключительно упорный характер. Трудно определить, на чью сторону клонится успех.

30 апреля 1919 г. в Версаль на мирную конференцию прибыла германская делегация во главе с министром иностранных дел графом Брокдорф-Ранцау. На предварительном заседании графу Брокдорф-Ранцау вручен текст мирного договора. Германской делегации заявлено: никаких встреч и речей не будет. Делегации находиться только тут, в Версале. Отель уже за колочией проволокой и под стражей французских солдат: другого отношения к делегации Германии быть не может. Германские делегаты будут получать тексты с требованиями стран-победительниц. Отвечать обязательно в письменной форме.

Лишь на открытии конференции 7 мая графу Брокдорф-Ранцау было предоставлено слово.

Заседание открыл Клемансо как глава французской делегации. «Час сурового расчета пришел», — сказал он.

Отвечал Брокдорф-Ранцау: «...от нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны: подобное признание было бы в моих устах ложью...»

Брокдорф-Ранцау откажется поставить подпись под Версальским договором и в июне того же года подаст в отставку. В ноябре 1922 г. граф Ульрих Брокдорф-Ранцау прибудет в Москву послом Веймарской республики. После Раппало ему будет оказан блестящий прием.

Но все это впереди, а пока Россия — в крови и муках Гражданской войны. Ленин окончательно оправился от ранения и в совершенном здравии и силе руководит борьбой. Он бесстрашен. Он предан идее. По образованности, знаниям он на несколько порядков выше любого из европейских государственных деятелей.

16 мая 1919 г. Будберг запишет в дневник:

«...На наше горе, красные оказались умнее нас; когда у них обозначилась невозможность сдержать наш стихийный порыв, они отдали нам Урал, ушли за Волгу, подтянули подготовленные резервы, наметили очень нехитрый и белыми нитками шитый план операции и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту.

Ставка была обязана задержать армии на Урале, дать им устроиться и отдохнуть, обеспечить снабжение и тогда идти к Волге; вместо этого все понеслись вперед так, как будто бы красных не было...»

21 мая Будберг сделает запись о себе:

«Ставка сообщила, что я назначаюсь помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего и управляющим военного министерства...»

Из отчета о деятельности ЦК РКП(б) от VIII съезда до 15 мая (1919 г. — Ю. В.):

«...Успехи Колчака естественно вызвали оживление деятельности контрреволюционных элементов внутри Советской России. Белогвардейцы, левые с-р., правые с-р. подняли бешеную устную и письменную агитацию против Советской власти, стараясь использовать голод и усталость городских рабочих масс, недовольство более зажиточных кругов крестьянства нашей продовольственной политикой и нежелание их воевать. Раздались призывы к забастовкам, особенно железнодорожным, к выступлениям, начали кое-где разбирать железнодорожные пути, чтобы помешать подвозу продовольствия в рабочие центры и передвижению воинских частей. Разыгрались восстания в Симбирской губернии, Брянске, Гомеле... Поэтому ЦК наметил следующую линию по отношению к с-р. и меньшевикам. «В тюрьму всех тех, кто поможет Колчаку сознательно или бессознательно. В своей республике трудящихся мы не потерпим людей, не помогающих нам делом в борьбе с Колчаком... арестовать всех видных меньшевиков и правых эсеров, о которых не было персонально известно, что они готовы активно помогать нам в борьбе с Колчаком...»

...Дальнейшее продвижение Колчака, продолжавшееся быстрое отступление наших восточных армий и естественно сопровождавшее отступление разложение их заставили нас перейти к более решительным мерам. 10-го апреля декретом была объявлена общая мобилизация пяти возрастов по девяти нейтральным фабрично-заводским губерниям... По инициативе ЦК повсеместно была проведена мобилизация известного процента членов партии (не менее 10%, в большинстве 20%, в прифронтовых 50%, в непосредственно угрожаемых — поголовная)...

...Отправка большого количества и ответственных работников, и рядовых членов партии на фронт, естественно, ослабляет способность тыла сопротивляться попыткам контрреволюционных выступлений. Поэтому ЦК сразу после съезда приступил к организации «отрядов особого назначения». Ответственным организатором этих отрядов при ЦК назначен товарищ В. М. Смирнов...»¹

О такой качественной новой, неизвестной дотоле работе и ее размахе в старой России и понятия не имели. Не имел и адмирал Колчак. Белые лишь формировали армию... и воевали.

22 мая 1919 г. Ленин телеграфирует Фрунзе:

«На мою телеграмму от 12 мая об Оренбурге до сих пор от Вас ответа нет. Что значит Ваше молчание? Между тем из Оренбурга

¹ «Известия ЦК КПСС», 1989, Приложение к № 12, с. 20, 21.

по-прежнему идут жалобы и просьбы о помощи. Прошу впредь более аккуратно отвечать на мои телеграммы. Жду ответа. *Ленин*»

А что сообщать? Только ли Оренбург молит о помощи? Да по всему фронту кровавая сеча, и делать какие-либо выводы опрометчиво. И сил нет на ответы, даже если запрос от Ленина. Ни сна, ни покоя, и кусок хлеба в горле стрянет... И доклады, и штабные карты, линия фронта, потери, бои... и кровь, кровь...

Именно Фрунзе будет намечен в первые жертвы Сталина среди руководства родной партии. В те годы бытовало мнение, что не язва желудка доконала Фрунзе, а операция, навязанная врачами, которые находились под контролем Сталина.

Тогда же Борис Пильняк (Вогау) и написал свою «Повесть непогашенной луны» — историю об удушении знаменитого командарма хлороформом. Не было тогда для Сталина реальнее соперника, нежели Фрунзе. С Троцким расклад ясен: для партии он за прокаженного. Ясен и вопрос с Каменевым и Зиновьевым...

Оперировал нового наркомвоена Владимир Николаевич Розанов — тот самый, что оперировал Ленина. Владимир Николаевич пообещал Фрунзе, что тот не почувствует боли, — и надал хлороформа (обезболивателя). Фрунзе и взаправду боли не почувствовал, так как остановилось сердце.

Вот такие «пироги»...

За дело — изменение лика и души народа — вождь примется с Сергея Мироновича Кирова. Чисто будет разыгран спектакль, но ранние пробы себя на эту роль начались, без сомнения, еще при Ленине, так сказать, в частных, но ответственных случаях.

Словом, журнал «Новый мир» напечатал повесть в 1926 г. Пильняк предпослал ей оговорку: пусть читатель не ошибается, мой герой не имеет ничего общего с Фрунзе. И все же номер журнала оказался конфискованным, так сказать, вычищен подчистую, хотя редактором являлся сам комиссар народного просвещения товарищ Луначарский, тоже, кстати, не чуждый сочинительству и вообще поучениям в художественно-парфорсной форме.

Приложил ли руку к смерти Фрунзе Сталин или нет — этот вопрос уже не прояснить. Впрочем, уже конфискация номера доказывает верность самого анализа. предпринятого автором. Не ошибся он с направлением мысли.

Примечательно и другое: уже в младенческие лета советской власти такие деяния вполне допускались современниками и даже самыми что ни на есть просвещенными, то есть не склонными к сплетням и слухам. Стало быть, и власть успела проявить себя, и сам Иосиф Виссарионович. Впрочем, Царицын уже святился Сталинградом. А города переименовываются в первом Отечестве социализма, как правило, только в честь заслуженных «женевцев». На таких крови народной, слез — что шерсти на собаке...

Надо отдать должное мастерству Пильняка — личность Сталина в повести очерчена мощно и достоверно, а главное, пророчески намечены дали для развития ее, масштабы будущих преступлений.

В рассказе «Штосс» Борис Пильняк говорил:

«Мне жаль Лермонтова; он дурно кончит. Он не для России рожден. Его предок вышел из свободной Англии».

И там же:

«Я пью за жизнь!.. Кругом стыли лишь мертвецы. Живы были только мы».

«Женевская» уродина загребла Пильняка в 1937 г. Надо полагать, следователи¹ припоминали «Повесть непогашенной луны». На величайшего вождя, защитника обездоленных всего мира да хулу! В стонах и корчах молил этот очкастый о смерти, а они не давали. Ибо «женевская» тварь пускает кровь лишь во имя трепетно-возвышенных идеалов, а это уже разница: просто так пускать (это чистый бандитизм) или по трепетно-идейным соображениям (это — служение народу, революции). И пытали, били, требовали саморазоблачений и покаяния...

В Японии был! В Китае околачивался! Книги за границей в белогвардейских издательствах печатал! С Троцким в приятели хаживал! Японский шпион — вот и весь сказ!

И пулю в затылок, и в ров с десятками таких же, опасных для солнечного завтра. Так и вытесывали из глыбы народа единомыслищих — пулями, пытками, оглушением...

Кругом стыли лишь мертвецы.

В середине мая 1919 г. Реввоенсовет фронта — Гусев, Лашевич, Юренев — обращается к Ленину с просьбой вернуть С. С. Каменева на должность командующего фронтом.

На цыпочки поднялась советская власть. Едва хватает воздуха, а дышит...

29 мая 1919 г. Ленин телеграфирует:

«По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной».

Из записи Будберга 3 июня 1919 г.:

«На фронте Сибирская армия покатила назад (ее соседом была Западная армия. — Ю. В.), и покатила совсем скверно, по-видимому, в положении, близком к катастрофическому; разгром ее левого фланга поставил в почти безвыходное положение ее правифланговые части... Фронт сломлен...»

Через два месяца адмирал заявит на заседании Совета Министров: неудовлетворительное настроение и состояние армии в том, что она пропитана большевизмом.

¹ Так в социалистическом судопроизводстве называют штатных истязателей.

Смысл белого движения разъясняет Родзянко. Эхо его голоса доносится и в далекий Омск:

«И теперь, в дни мучительной разлуки и невероятных страданий русского люда, прежде всего нужен порядок и восстановление законности и охраны личности и прав каждого гражданина.

Довольно произвола, пора подчиняться не за страх, а за совесть единой Всероссийской власти, опирающейся на всеобщее народное доверие.

Вспомните, из сказанных мною слов, как опасна преступная агитация, которая, несомненно, имела место в первое время революционного движения и которой поверили все без надлежащего критического отношения.

Вспомните, из сделанного мною сообщения, как бессильна власть, не опирающаяся на правильно избранное народное представительство, воплощающее в себе народную волю и народное доверие. Мы эту власть и народное доверие должны всецело и без колебаний дать тем доблестным вождям, которые бесстрашно еще в дни величайшей смуты и тревог подняли знамя чести и достоинства России...

Наш доблестный Главнокомандующий, истинный и верный сын своей Родины, — генерал Антон Иванович Деникин — преподал нам внушительный урок в этом направлении. Среди громких ратных побед, среди невероятных успехов и возрастающей боевой славы он не поколебался подчиниться адмиралу Колчаку со всей своей славной армией во имя веления своего русского могучего сердца как истый гражданин, ставящий пользу общую выше своей личной власти и заслуженной славы».

С контрударом красных постепенно созревает перелом в обстановке. Летом хлынут обильные подкрепления, поспеют новые полки — и белые покатятся назад, теперь уже навсегда. Прощай, Москва с малиновым звоном!..

В августе войска красных будут наступать со средней скоростью 15 верст в сутки. Даешь Сибирь и Дальний Восток!

И как не дать, численно личный состав Вооруженных Сил Республики перевалит к тому времени за 5 млн. Мобилизация за мобилизацией прочесывали советскую Россию. Даешь республику Труда!..

Более поздний анализ характера боевых действий армий Колчака (на первом этапе — командующие Ханжин и Гайда), проведенный советскими историками, привел их к следующим выводам: главные силы Колчака были направлены не на соединение с уже оформившимся Южным фронтом, а на сближение с иностранными интервентами. «И это несмотря на то, что северное направление (отсутствие дорог, лесные пространства, малонаселенность, отсутствие важных центров и т. п.) менее способствовало действиям крупных сил, чем путь, идущий от Уфы к Средней Волге». Колчак проби-

вался к огромным запасам вооружения, амуниции и продовольствия, созданным англичанами в Архангельске и Мурманске.

Через эти порты он мог получать быструю помощь.

Царицынское направление поневоле оказалось второстепенным...

27 мая 1919 г. «союзные и присоединившиеся правительства» направили адмиралу Колчаку совместную ноту (письмо) об условиях признания его кабинета. Ноту подписали Дэвид Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Жорж Клемансо, Витторио Орландо и Киммоти Сайондзи.

Вскоре последовал ответ Верховного Правителя России адмирала Колчака на ноту «признания».

«Правительство, во главе которого я стою, счастливо узнать, что политика союзных и объединенных держав по отношению к России находится в полном согласии с задачами, выполнение которых русское правительство взяло на себя. Это правительство озабочено в первую очередь восстановлением мира в стране и обеспечением русскому народу права свободно решать свою собственную судьбу при помощи Учредительного собрания.

Я высоко ценю интерес, проявленный державами по отношению к национальному движению, и считаю вполне законным желание выяснить политические убеждения, которыми мы руководимся. Я готов снова подтвердить мое прежнее заявление, которое я всегда считал неизменным.

1. 18 ноября 1918 года я взял власть, которую я не сохранию ни на один день дольше, чем этого требуют интересы страны. Моей первой задачей после полного разгрома большевиков будет — определить срок выборов в Учредительное собрание. Сейчас уже работает комиссия по подготовке выборов на основе всеобщего избирательного права. Считаю себя ответственным перед этим Учредительным собранием, я передам ему власть, дабы оно могло выбрать форму управления. В согласии с этим я принял присягу перед Верховным русским сенатом (Supreme Russian Tribunal), стражем закона. Все мои усилия направлены к тому, чтобы скорее окончить Гражданскую войну, разгромить большевизм, дабы предоставить русскому народу свободно высказать свое желание. Каждая затяжка этой борьбы лишь откладывает выполнение этого.

Однако правительство не считает себя достаточно правомочным подменить неотчужденное право свободных и законных выборов восстановлением Учредительного собрания 1917 года, которое было избрано при режиме большевистского насилия и большинство членов которого сейчас в советских рядах.

Может быть только законно избранным Учредительное собрание, для скорейшего созыва которого мое правительство приняло все зависящие от него меры. Этому Учредительному собранию будет принадлежать высшее право решить все

вопросы Русского государства, как внутреннего, так и внешнего порядка.

2. Мы с радостью готовы обсудить с державами все международные вопросы, заботясь о свободном и мирном развитии народов, сокращении вооружений и всех других мероприятиях, направленных против новых войн, мероприятиях, высшим воплощением которых является Лига Наций.

Однако русское правительство считает необходимым подчеркнуть, что окончательное утверждение всех решений, принятых от имени России, будет принадлежать Учредительному собранию. Россия сейчас и в будущем может быть только демократической страной, в которой все вопросы, включая территориальные изменения границ и международные отношения, могут быть ратифицированы представительным учреждением, которое является естественным выражением верховной воли народа.

3. Считая образование единого польского государства одним из главных и естественных последствий мировой войны, правительство считает себя вправе подтвердить независимость Польши, объявленную Временным правительством в 1917 году, все законы и обещания которого мы принимаем на себя. Но окончательное утверждение границ между Польшей и Россией в согласии с вышеуказанными принципами должно быть отложено до созыва Учредительного собрания. Мы готовы немедленно признать *de facto* правительство Финляндии, но окончательное решение финского вопроса должно принадлежать также Учредительному собранию.

4. Мы склонны сейчас же подготовить решение вопроса о судьбе национальных групп в Эстонии, Латвии, Литве и в кавказских и закаспийских странах, и мы имеем все основания полагать, что правительство быстро выработает меры для обеспечения в настоящее время права автономии всем различным национальностям. Вполне понятно, что границы и условия создания национальных образований будут разрешены конкретно в каждом отдельном случае.

В случае возникновения каких-либо трудностей при решении этих вопросов правительство готово прибегнуть к сотрудничеству Лиги Наций в деле достижения удовлетворительного разрешения.

5. Вышеуказанные принципы, включая ратификацию соглашения Учредительным собранием, естественно, относятся и к бессарабскому вопросу.

6. Русское правительство снова подтверждает свое заявление от 27 ноября 1918 года, которым оно приняло на себя все государственные долги России.

7. Что касается внутренней политики, которая может интересовать державы постольку, поскольку отражает политические тенденции русского правительства, я снова утверждаю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года. Предварительные решения, принятые моим правительством по аграрному вопросу, имеют своей целью удовлетворить интересы громадной массы населения и основываются на убеждении, что Рос-

сия может процветать и расти только при условии, что миллионы русских крестьян будут обеспечены земельной собственностью.

В освобождаемых местностях правительство, не препятствуя свободному выбору местных самоуправлений и земств, считает, что развитие этих органов, как и развитие самого принципа самоуправления, является необходимым условием для реорганизации страны, и потому правительство оказывает им всяческое содействие.

8. Ставя перед собой задачу восстановить порядок и правосудие и обеспечить личную неприкосновенность угнетенному населению, уставшему от насилий и беззакония, правительство подтверждает равенство перед законом всех классов и всех граждан без каких-либо привилегий. Все, без различия происхождения или религии, будут пользоваться равной защитой государства и закона.

Правительство, во главе которого я стою, направляет все свои силы и ресурсы к достижению задач, которые оно поставило перед собой в этот решительный момент. Я говорю от имени всей России. Я уверен, что после разгрома большевизма все вопросы, которые одинаково затрагивают все народности, чье существование зависит от существования России, найдут удовлетворительное разрешение.

Колчак»

В субботу, 7 июня 1919 г., «Известия ЦК РКП(б)» (№ 2) публикуют обращение ЦК партии.

«ЦК коммунистов постановил:

1). Всем организациям, всем членам партии принять меры, чтобы постановление Совета Обороны от второго июня о борьбе с дезертирством дало наибольшие результаты;

2). Организуйте в губернии неделю борьбы с дезертирством, используя все устные, печатные средства агитации...

3). ...разъясняйте, что уклоняющиеся и дезертиры затягивают борьбу, вынуждают власть объявлять новые мобилизации, призывать старшие возрасты; объясните необходимость карательных мер против дезертиров и их укрывателей, разъясняя, что дезертиром может быть или злостный враг рабочих и крестьян, или несознательный человек; призывайте к добровольной явке, призывайте семьи воздействовать на дезертиров...

9). Организуйте широкую агитацию так, чтобы вызвать массовую добровольную явку и сделать излишними широкое применение карательных мер...»

Количество дезертиров составляло более половины всех призываемых. Размах уходящих в подполье, леса — лишь бы не воевать — подтверждает и признание необходимости призывать старшие возрасты, дабы возместить убыль от дезертирства.

Народ воевать отказывался...

Уорд подчеркивает сложность положения Колчака.

«Положение диктатора в высшей степени неопределенно. Он издает приказы, но, если начальники армий могут уклониться от их

выполнения, они делают это под тем или иным предлогом. Русский характер в этом отношении представляет большие особенности. Он повинуетя только одной вещи — а именно силе...»

10 июня 1919 г. ЦК РКП(б) постановляет десятым пунктом:

«Предложить т. Ленину послать реввоенсовету Востфронта телеграмму с указанием на важность энергичных и быстрых мер для подавления восстания уральского и оренбургского казачеств».

Напряжение в республике предельное. На том же заседании ЦК принято решение «признать Петроградский фронт 1-м по важности. Руководиться этим при распределении войск и т. д.

Из дивизии, снимаемой с Востфронта, дать две трети Питеру, одну треть Южфронту...»

11 июня 1919 г. среди множества других дел ЦК РКП(б) решает одно весьма примечательное. **Дзержинский просит разрешить расстреливать семьи людей, перешедших на сторону белых, — всех скопом: стариков, детей, женщин. И ЦК РКП(б) голосует за такой принципиальный подход товарища Дзержинского¹.**

Топали. Шарили. Рылись. Хватали.
Ставили к стенке. Водили. Пытали...

Шполянский

— ...Сила — достоинство для рабов, — говорит узкий от худобы человек в мятом пальто и шапке «пирожком». — Только раба убедит и смирит сила. К сожалению, это история и нашей Родины! Свободные люди не нужны на этой земле! Нужны граждане... население!..

Чудновский тихонечко раздвигает толпу плечом и ближе подступает к столу (стол на этой площади вместо трибуны) — лучше разглядеть оратора. А согдится для памяти, не пропадет. Ишь разливаётся...

— Буржуй! — кричит кто-то с задков толпы.

Толпа начинает переминаясь, шуметь.

— Провокатор!

— Долой!..

14 июня 1919 г. державы Антанты признали адмирала Колчака Верховным Правителем России.

28 июня в Версале подписан мирный трактат между Германией и державами Согласия. Германия загнана в угол, из которого ей помечтается один выход: Гитлер и тотальная война. И развалинами станет Германия. Создатель ее покарает за ненависть и убийства.

1 июля красными войсками взята Пермь, 26 июля — Челябинск.

¹ См.: «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 168, 170.

И 27 июля в газетах краткое уведомление: Махно убил атамана Григорьева. Жил бы атаман, коли знал свое место. Это очень важно — знать свое место.

Будберг анализирует неудачи:

«Ставка швыряет на фронт все сырые резервы, гонит туда последние скудные запасы винтовок для того, чтобы раздать их еще не стрелявшим никогда парням и бросить их в наступление.

Везде в тылу спешно надевают форму новобранческие толпы, наученные ходить с песнями и в ногу, дают им первый раз в жизни винтовки и воображают, что это солдаты, затем все это спешно набивается в вагоны и гонится на восток для закуפורивания образовавшихся всюду на фронте дыр...

Плохо все это кончится; ставка упрямо все тащит на фронт и не желает понимать огромной важности образования в тылу прочных и надежных гарнизонов...»

И с тревогой отмечает:

«Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянуло фронт... Обобрав тыл, ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выгреть...»

«...Говорить с солдатами он не умеет, стесняется, — отмечает в дневнике Будберг, описывая встречи адмирала с солдатами и офицерами, — голос глухой, неотчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства...»

В 1933 г. в «Русском физиологическом журнале» обратила на себя внимание статья «Доминанта как рабочий принцип нервных центров».

В упрощенном представлении доминанта есть сосредоточение нервных центров организма (более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости нервных центров). Этот очаг повышенной возбудимости может сохраняться минуты, годы и десятилетия — это связано с выполнением жизненно важных задач.

Автор — бывший князь Алексей Алексеевич Ухтомский.

Он доказал, что из следов протекшего вытекают доминанты и побуждения настоящего, которые и определяют будущее...

Чувствуете, какие возможности для «синего воинства»?..

Оседлать эти самые доминанты — и будущее каждого и всех в их руках, намозоленных в удушениях людей и свободной мысли. Про-роки нашего будущего с наручниками, кляпами для любого и про-граммой обновления КПСС.

Поэтому, развивает логическую цепочку бывший князь, ежели

нужно выработать в человеке продуктивное поведение с определенной направленностью действия, этого вполне возможно добиться ежеминутным, неустанным культивированием требуемых доминант.

Вот и угодили в точку!

Да с первой минуты советской власти эту самую доминанту и устанавливают в сознании народа: поначалу газетами, митингами, партийными собраниями, а после (с развитием техники) приобщили радио, кино, телевидение и, само собой, детские сады, школы, институты... — ну всё-всё. И запалили участок мозга на постоянное возбуждение: только ленинизм, только нетерпимость, только первые секретари, только движение в один шаг, в одно равнение, в один вдох и выдох!..

Как развитие физических наук привело к созданию самого различного смертоносного оружия, так и развитие психологии самым неожиданным образом обернулось созданием не менее жуткого оружия — возможности уничтожения всякой самостоятельной мысли. И это так. Ведь ежели приложиться к закону Ухтомского с другой стороны, то и вообще не надо крови, что существенно; неизбежность хоть какой-то огласки отпадает, а это чрезвычайно важно, когда столько слов в газетах и по радио о правах человека. Всех, кто посягает на основы власти Ленина и его славных продолжателей, можно нейтрализовать «лечением».

Ну разве могут быть психически здоровы те, кто сомневается в ленинизме и святости партии? Отныне нужно лишь следовать букве закона Ухтомского. И в людях будет размыт опасный очаг инакомыслия. Это же мечта любого партийного работника и вдумчивого серьезного служителя при «женевском» механизме — все одного цвета, роста, и всё — по команде.

Любая неугодная мысль отныне становится заурадной болезнью. Ну, скажем, вялотекущей шизофренией — это уже по Снежневскому. И какая необходимость карать, ежели человек болен? Надо направлять в психбольницу (само собой, с тюремным уклоном) и лечить, чтоб вообще никаких доминант не обнаруживалось, так сказать, до полного разжижения мозгов. Благо медицинские институты поставляют кадры — на все готовы, отбоя нет...

Для «женевской» уродины любая упорная идея — помешательство, ибо упорной идеей может быть только ленинизм и вера в партию. Схоластически вцепившись в идею доминанты Ухтомского, «женевцы» обеих служб (партийной и чекистской) уже подавляют независимую мысль как бы от имени передовых знаний, культуры.

Могущественный руководитель КГБ Андропов оценил достоинства учения (ему, правда, с большим опозданием, но все же подсказали) и, что называется, поставил на поток: надо строить коммунизм, постоянно закрепляя доминанту веры в ленинизм.

А откуда это в Андропове, в общем, понять можно, если учесть, что был он послом СССР в Венгрии, когда там полыхнуло восста-

ние. Тогда и посмотрелся, что бывает, когда не все охвачены доминантой по Ленину.

Это и дало Юрию Владимировичу Андропову тот дополнительный закал прочности (и нетерпимости): никаких колебаний — только карать!

Гвоздем засели в памяти события 1956 г.

Ни Сталину, ни Берии и не снилось такое сокрушительное применение передового медицинского закона. Основательно взялись в стране развитого социализма за учение о доминантах с двух концов.

Лютым гонением инакомыслящих, надругательствами «психушек» оставил по себе память Андропов — глава КПСС и страны после Брежнева. Зловещая вышла замена. Впрочем, и без того страна уже давно походила на сумасшедший дом.

Когда-нибудь Россия остатками своих неленинских доминант разматывает весь этот кроваво-подлый клубок мучительств и бессудных убийств от имени медицины и во славу ленинизма¹.

Это никоим образом не относится к личности Ухтомского и его научным достижениям. Имя его в науке почетно, и заслуги неоспоримы.

После крушения белого движения и развития советского государства социализм не становится тем, чем он был в умах людей до Октябрьской революции. Смысл, подлинность всех 55-томных построений Ленина — это не свободный труд и расцвет личности, это — глубочайшее подавление личности, непрестанное насилие, всеохватный контроль над мыслью каждого и сохранение вопиющего неравенства в интересах партийной верхушки.

Доктринеры человеческого горя.

17 июля 1919 г. в дневнике Будберга появляется запись:

«В соборе состоялась панихида по царской семье (исполнилась годовщина со дня зверской расправы. — Ю. В.); демократический хор отказался петь, и пригласили монахинь соседнего монастыря, что только способствовало благолепию служения. Из старших чинов на панихиде были... остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности.

После панихиды какой-то пожилой человек, оглядев собравшихся в соборе (несколько десятков преимущественно старых офицеров), громко произнес: „Ну, и не много же порядочных людей в Омске“».

Атаманщина подрывает и без того зыбкий и неустойчивый тыл. И Будберг подводит итог:

¹ Гибельный удар карательной психиатрии нанес В. К. Буковский в конце 60-х — начале 70-х годов. Перед всем миром он обнажил людоедский характер «психушек». В лагерях и тюрьмах, в том числе и в «психушке», он отбыл 12 лет.

«Вред атаманщины, это — мое credo; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. На это явление надо смотреть в широком масштабе... мальчишки (то есть атаманы. — Ю. В.) не понимают, что если они без разбора и удержу насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские хамодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников...»

Нейдет из памяти диковатый случай. Складываю главы повествования о Гражданской войне, крахе адмирала, а этот случай занял место в памяти и стоит. Раз так — место ему здесь, хоть и не имеет прямого касательства к рассказу.

Багир Фархутдинов был в составе той сборной, которую сменило мое поколение. Он выступал в легчайшем весе.

Я познакомился с ним на сборах, когда он уже числился во втором составе. Это означало: не сегодня-завтра у него отнимут стипендию, и цепляйся за жизнь как умеешь.

Багир не стал чваниться чемпионскими званиями — и подался в массажисты. Это дало прочный кусок хлеба.

Именно Багир был первым нашим «мухачом», удостоенным звания чемпиона мира. Среди советских атлетов легчайшего веса до него это никому не удавалось. Он выиграл у знаменитого в те годы иранца Намдью — как говаривали, любимца шаха Реза Пехлеви.

В долгие вечера после тренировок ребята пускались в разного рода воспоминания («травили»).

И услышал я однажды от Багира историю, настолько необычную и в то же время настолько типичную для нашего времени, — в общем, умолчать грех.

Срочную службу Багир отбывал вскоре после Великой Отечественной войны в так называемых внутренних войсках. На его долю выпадало не раз конвоировать различные партии заключенных.

Однажды он с такими же солдатами, как и сам, конвоировал крупную партию — порядка полутысячи человек. Где и когда — моя память не удержала, да я и не интересовался. К чему мне это было?..

Все как водится: вокруг колонны цепочка солдат с автоматами; через одного-двух — с овчарками.

И случилось непредвиденное: навстречу, из низины, вывернула женская колонна примерно такой же численности. И, само собой, под охраной.

Женскую колонну завернули, насколько могли, в сторону. Однако, когда колонны сравнялись, мужчины-заключенные в едином порыве смяли охрану и ринулись к женщинам.

Все произошло настолько быстро — охрана только хлопала глазами, соображая, что к чему.

Женщины отозвались на порыв мужчин и опрокинули свою охрану. Две толпы бежали навстречу друг другу и неистово кричали.

И случилось то, чего Багир не может забыть и доньне.

Женщины на ходу расстегивались, заголялись и падали под мужчин. В какое-то мгновение поле оказалось усеянным плотно прижавшимися парами. Охранники пинали мужчин сапогами, прикладами, стреляли в воздух, были спущены собаки — и они рвали, кусали людей, но никто не разжал объятий.

Поле из полутысячи пар целовалось, стонало, выкрикивало имена, нежные слова... И пожилые, и юные, и почти старухи, и совсем старые — все обнимали, целовали, льнули к мужчинам...

И никакие побои, кровь не могли расцепить пары.

И только тогда, когда мужчины извергли страсть в чресла женщин, заключенных смогли разделить в колонны.

16 августа 1919 г. ВЦИК и Совнарком объявляют адмирала Колчака и его министров вне закона. Все изданные ими государственные акты считать недействительными.

17 августа конный корпус деникинского генерала Мамонтова прорвался к Тамбову и Козлову.

30 августа Киев — под Петлюрой. На следующий день Петлюра (очень много на нем невинной русской крови) вынужден оставить город. Его займут войска деникинского генерала Бредова. Вот тогда и откроют свои тайны могилы Грюнвальда.

И будет их разглядывать, щупая себя и крестясь: не во сне ли — мой брат по «железной игре», рекордсмен России по штанге Александр Григорьевич Красовский. Точно фамилия отразит: красавец был, плечист, улыбчив. Не хотел он встравать между белыми и красными — учил мальчишек и парней «драконить» штангу, но... спугнули чекисты. Бежал на рассвете из родного Чернигова. Должен был пойти по списку заложником. Спас один из учеников. Служил в ЧК и подсмотрел в списке фамилию, шепнул тренеру.

Ушел Александр Григорьевич от пули по заложничеству. А как увидел пасти могил с останками тех, кто недавно был человеком, — надел форму, прицепил шашку и явился в первую же белую часть: подпоручик Красовский! Готов сражаться за Россию против большевиков!

Ох и насмотрелся этот сильный человек на взбесившуюся страну, на трупы, казни, стоны. И случится так, что толпа вытолкнет его на утлое суденышко — и причалит он к турецкому берегу...

Долго рассказывал мне о своих мытарствах бывший подпоручик Селенгинского полка, а было это в год 1962-й в стольном граде Париже на большом турнире атлетов.

Недоверием залег рассказ о могилах. В Киеве — и братские захоронения? И это — ЧК? Быть не может! Листал я свой партийный билет — и не верил. А после прочел... сначала у Гессена в «Архиве русской революции», после у Фомина в «Записках старого чекиста».

Все правда! Не обманул подпоручик-атлет. Носил я тогда титул «самого сильного человека в мире»...

Нелегкой окажется жизнь у Федора Тимофеевича Фомина. Забросит его судьба на должность начальника ленинградского УНКВД (начальник — Медведь — будет в отпуске), когда Николаев пристрелит Кирова. Это он, Федор Тимофеевич, первым будет докладывать Сталину об обстоятельствах убийства Кирова. И это Сталин при всех отвесит ему пощечину. Лязгнут за ним засовы — тюрьма и лагерь станут ломать его, однако Федор Тимофеевич выдюжит. Помрет Сталин, и выпустят его на волю со справочкой, что сидел напрасно, так как ни в чем не виноват...

Положим, вина имеется. Служба в ВЧК-НКВД на высоких должностях — это всегда кровь...

Вот так замкнулся сказ о тех киевских могилах. Мгновенно затянулся узел в Киеве — сколько судеб! И не своя — чужая воля уже повела людей...

«Я стоял в Никольске на платформе, ожидая поезда, — вспоминает Джон Уорд, — кругом была толпа русских; недалеко находился японский часовой. Вдруг он бросился вперед и ударил прикладом... в спину русского офицера; последний упал... катаясь от боли... между тем как японец, скаля зубы, взял ружье «на караул». Хотя кругом стояло немало народу, ни у одного из русских не хватило духу пристрелить японца... Десять минут спустя другой японский часовой повторил то же самое, но на этот раз жертвой была хорошо одетая русская дама. Русские были так запуганы, что даже ее друзья побоялись помочь ей. Я подошел, чтобы помочь; японец отстранился, но продолжал смеяться... Я отправился в японскую главную квартиру, находившуюся недалеко в вагоне, и донес о происшедшем. Офицер казался удивленным, что я вступился за каких-то русских... Я отвечал, что первый же японец, который дотронется в моем присутствии до английского офицера или солдата, будет убит на месте. Это, по-видимому, удивило японского офицера, который указал на то, что они оккупировали Сибирь и имеют право делать все, что им угодно. Я счел необходимым поставить на вид, что японцы действуют в союзе с другими державами, включая сюда и Россию; что мы здесь находимся в качестве друзей русского народа, а не завоевателей. Этого как раз он не мог или не хотел понять...»

Омское совещание имело место в июле — августе 1919 г. В боевых действиях уже обозначился перелом, весьма невеселый для белых.

Союзные державы представляли посол США в Японии Р. Моррис, командующий американским экспедиционным корпусом в Сибири генерал В. С. Грэвс, высокий комиссар Англии Дж. Эллиот, глава английской миссии генерал А. В. Нокс, высокий комиссар

Франции Мартель и начальник французской военной миссии, главнокомандующий союзных войск в Сибири генерал М. Жаннен, японский дипломат Мацусима и генерал Таканаяги.

По приказу Колчака русская железнодорожная администрация переподчинялась американцам — так категорически потребовал Моррис. Это произошло еще до открытия совещания и явилось как бы предварительным условием. Вообще союзники вели себя в высшей степени начальственно и грабительски.

Унижения следовало терпеть, без поддержки извне борьба против большевиков заранее обрекалась на неудачу.

26 июля открылись регулярные заседания.

Для охраны железной дороги лишь от Омска до Иркутска требовались три полные пехотные дивизии, одна кавалерийская дивизия и артиллерийский дивизион. Всего — около 40 тыс. солдат.

Чехословацкие войска эвакуировались. Других сил союзники на замену не имели. Это предполагало сохранение чехословацкого контроля над железной дорогой. В те месяцы линия фронта проходила еще на достаточном удалении от Омска.

29 июля обсуждалось снабжение белой армии. Союзники выразили возмущение разбазариванием того снаряжения, которое они поставляли в Сибирь. Черный рынок ломился от него. Кроме того, одно-единственное поражение каппелевского корпуса принесло Красной Армии 200 тыс. комплектов английского обмундирования...

Белый тыл гнил и разлагался.

Представители союзников потребовали контроля над распределением снаряжения и даже — подчинения армии.

19 августа совещание закончило работу.

Представители союзников приняли решение обратиться к правительствам своих стран, имея в виду:

- необходимость признания власти Колчака;
- предоставление кредита в 200 млн. долларов для оснащения 600-тысячной белой армии и приобретения некоторых товаров;
- предоставление кредита в 86 млн. долларов на покрытие некоторых долгов в США.

Вся эта помощь строго обуславливалась необходимостью решительного перелома в ходе боевых действий.

Союзники получали исключительные экономические льготы уже без всяких оговорок, то есть грабить белую казну могли непосредственно с данного момента.

«Нужна моральная и материальная поддержка в самых широких и искренних размерах, а не советы, руководства, назойливые опекуны и прочие прелести наличной интервенции, навалившиеся на нас, как какие-то новые египетские казни», — занесет в дневник Будберг...

Перелом не наступил.

Россия корчилась в судорогах Гражданской войны.

Без грабежей, насилий, мародерства — об этом мечтали вожди

белой армии, об этом вдохновенно писал Василий Витальевич Шульгин. Недаром при создании Добровольческой Армии для любого вступающего требовались два поручительства.

Но масштаб войны, уклонение офицерства от участия в войне вынудили прибегнуть к мобилизации. И белая армия полыхнула грабежами, разбоем.

Не шибко отличалась от нее и рабоче-крестьянская Красная Армия. Именно по данным причинам Красная Армия времен Гражданской войны была подчистую демобилизована. Фрунзе докладывал о ней как о недисциплинированной, мародерской по существу. После демобилизации сохранялся лишь командирский состав.

Белые казались народу воплощением старого режима. Бароны и помещики посягали на землю и фабрики. И в кровавой сечи народ встал (пусть со скрипом и неохотой) на сторону большевиков, хотя и был до предела раздражен продрозверсткой и жесточайшим политическим диктатом, отвращение к которому он выразил в лозунге «Советы без коммунистов».

Только крайние политические решения укладывались в сознании России.

Ни о какой постепенности, сознательной эволюции никто, за исключением невлиятельных политических сил, и помышлять не хотел.

И дымилась Россия трупами, точнее, свежей кровью, озерами этой крови. Все формулы писались лишь кровью. Побеждал тот, на чьей стороне было много крови...

Позиция чехов предельно озлобляет Будберга. Он с горечью отмечает, что чеховойско занято торговлей, скапливанием денег и имущества и «совершенно не желает рисковать не только что жизнью, а даже спокойствием и удобствами своей жизни».

И далее, 14 июня следует продолжение:

«Чехи... относятся к наличной власти снисходительно, вежливо, они отлично учитывают свою силу и нашу слабость и всячески этим пользуются, конечно, под соусом видимой помощи. На Урале и в Сибири они набрали огромнейшие запасы всякого добра и более всего озабочены его сохранением и вывозом...

Сейчас чехи таскают за собой 600 груженных вагонов, очень тщательно охраняемых... эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири».

Спустя десятки лет после Гражданской войны Дмитрий Иванович Мейснер в своей книге «Миражи и действительность» пишет:

«...Чехословацкие легионеры, шедшие одно время на Востоке с белыми, вывезли из России немало золота. Тема о русском золотом запасе всплывала потом при разных условиях и в разной обстановке...

Тогда же на одной из главных улиц Праги было построено огромное здание нового банка — «Легиобанка». Все знали, что и

самое здание, и средства банка обязаны своим существованием все тому же золоту».

Мейснер участвовал в Гражданской войне вольноопределяющимся в армиях Деникина и Врангеля. После долгое время учился и жил в Чехословакии. В эмиграции близко знал деятелей как старой власти России, так и обновленческой — либералов, кадетов, — то есть был человеком широко осведомленным. Его воспоминания с подзаголовком «Записки эмигранта» напечатало издательство АПН в 1966 г.

3 сентября 1919 г. газеты оглашают постановление Президиума ВЦИК об организации Сибирского Революционного Комитета под председательством тов. Смирнова (с правами органа областного значения). Согласно постановлению, Сибревком подчинены все органы гражданского управления Сибири.

5 сентября газеты сообщают о прорыве конницы генерала Мамонтова. Направление движения конных лав: Москва. Президиум Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов ввел в Москве военное положение.

6 сентября советскими войсками взят Тобол, а 30 сентября его вновь захватывают белые. Это кроваво знаменитые бои на Тоболе, решившие участь колчаковской Сибири. Весь сентябрь здесь, на Тоболе, с переменным успехом для красных и белых кипят отчаянные бои.

7 июля 1919 г. Будберг записывает:

«На всех больших станциях стоят и благоденствуют чешские эшелоны; устроились они отлично, поставив свои вагоны в лесах и рощах на особо проложенных тупиках; все красиво убрано и разукрашено; кругом идеальная чистота; временами видно, как немецкие пленные в чистых передниках и колпаках готовят для своих бывших вассалов пищу в ослепительно опрятных и блистающих полированной медью кухнях.

Щеголевато одетые чехи, жирные и гладкие, важно гуляют по платформам. Обидно смотреть на наши новенькие вагоны в 3000 пудов грузоподъемности, захваченные чехами под жилье; в вагонах выломаны стенки, сделаны окна и двери; временные хозяева с русским добром не церемонятся...»

А на другой день запишет:

«Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями... и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала...»

Через два месяца Будберг посетует:

«...Очень много жалоб на безобразие и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска, эти не стесняются грабить...»

На наши жалобы, обращенные к Жаннену, не получаем даже

ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно; чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших военнопленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными...»

21 сентября 1919 г. войсками Деникина (белые офицеры называли его «дедом Антоном») взят Курск. Ленин с большевиками прижат к гробовой доске — нет спасения. На востоке — недобитые и еще боеспособные войска Колчака, у Петрограда — войска Юденича, а с юга все ближе и ближе к красной столице подступают армии Май-Маевского.

27 сентября в советских газетах опубликован декрет Совнаркома о регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царе, «в целях установления контроля и проверки». В действительности же — для уничтожения. К тем дням их, бывших, и так уж оставалась самая крохотка — террор почти всех уложил в землю. Особенно дали обильные «урожаи» расстрелы по системе заложничества — излюбленная система Ильича. Тут по всем городам и местечкам тысячами клали «классово чуждых». Не по дням, а часам жирела «жениевская» тварь.

Отчаянное положение РСФСР вынуждает II Всероссийский съезд Коммунистического союза молодежи принять постановление о мобилизации членов союза в возрасте от 16 лет «для обслуживания фронта и тыла». Съезд проходил в Москве с 5 по 8 октября 1919 г.

Голод, тиф, «испанка», бандитизм, террор, надрывная работа и стужа...

Большевизм сверг страну в состояние, когда она оказалась задворками мира. И все гребут из нее, поучают. КПСС готова для своего спасения распродать богатства страны — и культурные, и материальные. Лишь бы выжить, возродиться в новом качестве и снова погнать народ к очередной катастрофе.

Глава X

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЯТОЙ АРМИИ САМСОН БРЮХИН

«Выступление против нас чехи и словаки себе в право ставили, — рассказывал Самсон Игнатьевич, наливаясь крайней недоброжелательностью к славянским братьям. — Якобы мы, то есть красные, вошли Брестским договором в союз с их заклятыми врагами — Германией и Австрией. Друзья Германии и Австрии — их враги. Поэтому легионеры столь усердно стреляли, вешали именно большевиков; на их совести десятки тысяч замученных, расстрелянных, замордованных. Их выступление другой оборот дало всей Гражданской войне за Волгой. На сотни тысяч трупов, если не на миллион, утяжелило общий счет, без них не вылезали бы такие чирьи в Самаре, Уфе, Омске... И тут конфуз: в Европе новое свободное государство — Чехословакия и, надо же, свое буржуазно-демократическое правительство под началом доктора и профессора Масарика. Этот Масарик по родственно-славянским чувствам много раз навещал Россию, встречался с самим Львом Николаевичем Толстым. Генералам, офицерам, да и рядовым легионерам, после того как они учинили волжско-сибирский погром, неуютно возвращаться. И где учинили? В стране, которая их приютила, спасла... Вроде бы мясники, а не сыновья свободных Чехословакии и Югославии. Доставало там и хорватов, сербов... И забродило у наших славянских братьев стихийно-демократическое желание обелиться».

Ржаво-бормочуще выводил свои обиды и доказательства Самсон Игнатьевич Брюхин — бывший красноармеец Пятой армии.

Я уже знал: такие тональности голоса предвещали очередной срыв в самоговорении. Он без всяких переходов отходил в глубокий сон, но сперва несколько разов прилаживался к постели, слегка оживая напоследок.

В письме к Н. Н. Страхову (философ, литературный критик) 20 мая 1887 г. Лев Толстой пишет: «Очень благодарю Вас за Масарика.

Он был в Ясной, и я очень полюбил его. Я все работаю над мыслями о жизни и смерти — не переставая, и все мне становится яснее и важнее...»

К письму Д. П. Маковицкому от 29 сентября 1895 г. Толстой делает приписку:

«Масарику, если увидите, скажите ему, что я его очень помню и люблю...»

В первое посещение Ясной Поляны 28—30 апреля 1887 г. Томаш Гарриг Масарик представился на русский лад — Фомой Осиповичем. В те годы он состоял профессором философии в Пражском университете, одновременно выступая как писатель и общественно-политический деятель.

Навестил он Ясную Поляну в 1910 г. Встреча произвела на Толстого несколько иное впечатление. О взглядах Фомы Осиповича на религию и место человека в жизни Толстой записывает в дневнике 7 августа:

«...Вера в эволюцию, а потому «служит». Получаю письма. Самоуверенность общая, здесь самоуверенность частная. Служит тому, что мы знаем и чего хотим...»

8 мая 1910 г. В. Ф. Булгаков (секретарь писателя) записал за Толстым:

«Его (Масарика. — Ю. В.) рассуждения о религии — научная болтовня. Говорит о какой-то новой религии, которая выработается, может быть, из христианских сект. Но как обед нам нужен не через два поколения, а мы теперь хотим есть, так и религия нужна теперь. Все это — научная привычка смотреть на предметы объективно».

Терпеть не мог научного рационализма и вымеренности Толстой. Душа — это мир без конца и начала; в нем нечего делать с математическим и химическим анализами. Никто никогда не предскажет и не объяснит душу.

«Бог есть неограниченное все, человек есть только... ограниченное проявление Его».

Но проявление-то Бога!

Попытки измерить душу вызывали у Толстого возмущение. Всякая мысль об этом кощунственна.

Словом, ненастоящий он, Фома Осипович...

Однако была у Толстого и другая тема для бесед — о самоубийствах. Фома Осипович слыл здесь авторитетом, а Толстой едва ли не все последние месяцы жизни с упорством занимался этим вопросом, его разгадкой.

Толстой дает Булгакову переписать свою статью о самоубийствах, поясняя:

«Мне хочется показать все безумие современной жизни, представить ярко всю картину того невозможного состояния, в котором находятся люди и из которого уже нет никакого выхода. Но для этого нужно особое настроение».

В ноябре 1910 г., сразу за кончиной Толстого, Фома Осипович

печатает в «Иллюстрированном приложении к Рижскому обозрению» «Воспоминания о Л. Н. Толстом».

Спустя восемь лет Фома Осипович станет первым президентом Чехословацкой Республики.

Вообще Самсон Игнатъевич дышал ртом — и с хрипотцой, натугой. И почти постоянно из груди вырывались разные звуки — ну увечная, поломанная грудь (в детстве я говорил «поломатая»)!

— С осени 1918 года легиону приказ Антанты — сдать фронт белякам и целиком переключиться на охрану железнодорожного пути, это аж до самого Владивостока, — продолжал Самсон Игнатъевич, явно преодолевая какую-то нездоровость в себе. — В то время легионом командовал не Чечек, а одноглазый генерал Сыровы по имени Ян. Когда легион сматывался в Европу, командир одного из ихних полков, капитан Гайда, добился от своего военного министра дозволения перейти на русскую службу. Ну характер у капитана такой: в плен сдался, а кулаки чешутся. И понять можно: чувствует в себе способность к Гражданской войне. В общем, не напрасно чесались. Получит Гайда от Верховного Правителя звание генерала и русскую белогвардейскую армию. Во фарт! С годами вылез он важным чином и в своей чехословацкой службе. Отнюдь не по недоразумению оказался замешанным в фашистском движении, по суду уволен в отставку. А ведь в России сладил карьеру этот генерал из военных фельдшеров...

За ржаво-бормочущим понижением тона следовала обычно пауза. Самсон Игнатъевич стихал, ложился на кровать. Видно, небогатый запас сил приберегла для него жизнь. При этом он как бы подергивал себя за волосы. Я не переставал удивляться их кустарниковой прочности и неукладистости. Патлы эти чрезвычайной густоты не являлись определенно рыжими, но заметно подсвечивали медью. Полежав несколько минут, он вскакивал и опять с жаром и солеными выражениями принимался излагать соображения на далекие и, к моему тогдашнему удивлению, невероятно запутанные события революции, присказывая едва ли не через три-четыре фразы свое любимое — «трусики-штанишки». Признаться, я лишь отчасти способен передать речь Самсона Игнатъевича, такую причудливо-неправильную, затейливую и скачущую.

— Посуди сам, Юрка, с конца 1918 года сел легион на охрану Транссибирской магистрали — хозяином Сибири стал. Чуешь!.. Не было в этом прокаленном морозами крае других дорог, одни таежные тропы, а на тропах враз расстанешься с жизнью, коли не от стужи, так разных вооруженных личностей не совсем ясных партийных убеждений. Не угасал у них интерес к цвету крови. Да и хлопот — человек через четверть часа превращался в льдышку. Стонет-стонет, болтает что-то — и уже гремит, коли пнуть. Сибирь это! Без конца и края земля. Власть над железной дорогой позволяла контролировать не то чтобы любой груз, а и любого человека, считай,

самого незавидного. Достаточно, скажем, погрузиться патрулю за полсотни верст от города или крупного населенного пункта и прочесть по ходу состав. А куда срываться? Кругом сопки, тайга, снега по плечи. Сибирь для многих, ох как многих, обернулась громадной ловушкой, а сторожили ее, эту самую ловушку, господа легионеры. И пропускали опять-таки они, по своему документу. Брали мзду не какими-то бумажками, а камешками, золотцом, колечками. А зачем иначе служба на дороге?.. Они являлись самой серьезной военной силой из организованных тогда, особенно после того, как их освободили от фронтовых забот. Лишь японцев понаехало гуще — на 70 тысяч. Из Токио приглядывались — как бы Сибирь совсем отхватить. Чесались у них руки после войны девятьсот пятого года, еще бы земель прибавить... Верховный Правитель скоро раскусил Гайду — и взашей этого военного фельдшера...

После, уже взрослый, я прочел у Соколова о грубой бестактности Гайды. В дом Ипатьева, еще не остывший от крови Романовых, и вселился самодовольно сей генерал — от «фельдшерии». Это был очевиднейший прохвост на колчаковской службе. Никчемный человечишко.

Вообще, всей веры рассказам Самсона Игнатьевича давать нельзя. В зрелые годы я все перепроверял специальным чтением. Но здесь пишу, однако, так, как он это рассказывал в далекие военные и сразу послевоенные годы. А затем я уехал и жил в другом городе и видел Самсона Игнатьевича лишь по случаю. Скоро он стал делать вид, будто не узнает меня. Я не обижался...

А в тот день, точнее, дождливо-черный вечер, Самсон Игнатьевич, накашлявши платок мокроты и надышавшись, нашарил на полу, в изголовье, бутылку темного стекла с прогонистым «стакашком» поверх горлышка. Перекрестился, бормотнул:

— Боже, прости коммуниста.

Я уже знал: Самсон Игнатьевич не «втирает» из горлышка — упаси Господи! Я не преувеличиваю, стаканчик тот не обычный, а градуированный. Самсон Игнатьевич всегда вымеривал точно, капля в каплю, свои порционные 200 граммов — ни больше ни меньше обычно не «втирал».

Я не сомневаюсь, и в данный момент Самсон Игнатьевич цедит водочку в тот самый градуированный «стакашек». Он всегда выдержанно подливает к одной метке, какие бы чувства ни одолевали его — ну тютелька в тютельку, сознавая опасность пьянства.

А тогда Самсон Игнатьевич «втер» отмеренную дозу, подгрел бутылку опять-таки под кровать, и строго под изголовье, и свежим, солнечным голосом возвестил:

— Мотай в клуб, Юрка! Коли Дуся не пустит, не безобразь, жди, я скоро. У кассы стой, обормот!

Я побежал не сразу — Самсон Игнатьевич вдруг вспомнил, как тому одноглазому Сыровому искали лошадь под седло — ну всю Сибирь перевернули! Как же, кровную!.. Интервенты?..

Самсон Игнатьевич сам задавал вопросы и сам отвечал... С его

слов, все в кровь играли, но пуще прочих — господ японецы: ну природные мучители! Эти не просто зверствовали — измывались над русскими.

— И не только над нашим братом — рабочим или мужиком, — вспоминал Самсон Игнатьевич. — Нет, мордовали и унижали самих колчаковских офицеров. Мало им: плевали в лицо женщинам, пинали, били. Да что там — беременным пороли животы! Сам таких хоронил. Ну бешеные псы, а не люди. Кто их рожает, чьим молоком вскармливают?.. Но, справедливости ради, Юрка, все эти братья славяне: чехи, словаки, хорваты — первыми из всех пришельцев накинули удавку. Спасители! К ним даже представители из Чехословакии приезжали, Прага уже отпала от Австрии. Сам военный министр Штефаник инспектировал, какой-то профессор Крежси — ну представитель своего национального правительства (эту фамилию Самсон Игнатьевич произносил неуверенно и вроде бы всякий раз по-разному. — Ю. В.). А после Богдан Павлу стал постоянным представителем правительства Чехословакии и при Колчаке, и при легионе; он и еще — доктор Гирс. А как же, грабить и убивать — так по международному праву...

Самсон Игнатьевич не обманывал меня, несмотря на полную мою безответность. В тот вечер, как и всегда, он провел меня в клуб, и я занял место на полу возле четвертого ряда среди десятков таких же «обормотов», как я. И конечно же, со мной — Генка Вышеславцев.

В зале всегда царила несусветная теснота, хотя ни разу не случилось, дабы в один заход проникли все страждущие, — толпы их оставались за дверьми. Из-за этой самой давки некоторые тети вынуждены были садиться военным на колени. И все равно — ни один ряд ни разу не лысел, хотя бы на минутку, свободным местом.

Генка говорил:

— У нас соседка — тетя Рая — вот тоже садилась на колени майору, — во животина у нее выпер!

Может, Генка и прав был. Может, они и впрямь так беременеют?..

А того майора я знаю.

В войну газон перед каждым домом, даже многоэтажным, делили на огороды, все как-то смягчали голодуху.

Я гонялся за Рэмкой Сургучевым — и чуть-чуть придавил краешек грядки Харитоновых. И надо же, тетя Валя увидела в окно. Не помню, как и прихватила за шкурку. Кулак у нее мягкий, но все равно в башке то темнело, то светлело, а то мигали искры — это когда подгадывала по самому лбу, ближе к переносице. Я только хрипел и умолял:

— Не буду, я нечаянно!

А потом стою — и ничего понять не могу. Майор держит за плечи, почти прижал к себе, даже унюхиваю табак. «Ну, — думаю, — кранты мне, так поддадут на пару!» Спрашивает тетю Валю (а я смотрел на них снизу):

— Твой?

— Не, я не ее, — отвечаю за Харитонову. — Моя мама на заводе, а это тетя Валя из второго подъезда, двенадцатая квартира, а я из тридцать второй, вон наше окно.

— А батя?

— Погиб на фронте.

Майор вдруг так задышал, будто стал задышаться. Голос спал на какое-то сипенье. И на выдох слова:

— Да как ты... смеешь... так на мальчика?! У него... отец убит, мать... до ночи на заводе...

Майор прерывался, не все слова получались, напрягался, мычал и бледнел.

Тетя Валя очень ходко пошла к своему подъезду. Она высокая, широкой кости; шаг у нее мужской, размашистый.

Вот тот майор и был Генкин. Генка его показывал, помню: вместо передних зубов — нержавейки, по щеке — шрам и брови нет — там ямка с розоватыми рубчиками по краям. Он после госпиталя находился в отпуску, а потом его опять в госпиталь. Он с год то появлялся в городке, то исчезал, а после его забрали на фронт. Больше его не видели. А Валентине Егоровне Харитоновой дали вторую комнату. Она очень растолстела. И медали у нее — за оборону Москвы и победу над Германией. А я знаю: это она в войну, после того случая за рабочую карточку работала — совсем другой паек.

Продолжение истории о Колчаке я услышал недели через две.

В тот раз Самсон Игнатьевич рассчитался со мной обменным фондом — открытками с папанинцами и очень красивой — с Чкаловым. Это перепало мне за трофейные румынские гиацинты и кружок наших советских тетей в довоенном санатории на пляже (все в темных, похожих на упряжь, лифчиках на тяжеловесных грудях, провисших книзу, несмотря ни на какие подпруги). По-моему, это была не открытка, а фотография под открытку. Я за нее очень боялся, но Самсон Игнатьевич зыркнул на тетю, на нижние части (зады у тетей были уж очень большие), и как бы без особой придирчивости, даже не в лупу, и только буркнул:

— Тыквы, трусики-штанишки.

Это он очень точно углядел.

По-моему, он вот такие военным сплавлял. Скапливал пачку — и отдавал, а за что — мне откуда знать? Но фотографии под открытки с толстыми тетями он брал без рассуждений. Я бы ему столько нанес — да где взять?..

И тут же, «вторев» свои 200 граммов, Самсон Игнатьевич выложил мне историю о том, как осенью девятнадцатого года качнулся и рухнул колчаковский фронт, трусики-штанишки!

— Насела на адмиральских выкормышей наша Пятая. Пехом отмерил с ней, родимой, от Урала до Владивостока, ранен был в

руку, болел тифом и всякий раз возвращался в строй, чтобы восхищаться нашими командармами Эйхе¹, Тухачевским и Уборевичем, царство им небесное! А с юга пособляла партизанская армия товарища Щетинкина!..

За то, что Самсон Игнатъевич обещал провести на американский фильм, я соглашался слушать любые истории, не только о Белобородове и пермско-соликамском Паллади (или Андронике). До сих пор в историях Самсона Игнатъевича только вешали, жгли, расстреливали, и все друг друга ненавидели, как у нас в коммунальных квартирах.

Не ведал я по своим детским летам ничего о «женевском» чуде. А оно и впрямь озаботилось о товарищах Тухачевском и Уборевиче.

Арестовали их в один день с прославленными командармами Гражданской войны Якиром, Корком, Примаковым, Фельдманом и Путной (Сергея Каменева вычистили отдельно), о чем объявили газеты 11 июня 1937-го. Их всех после пустили в расход, предав вечному позору (Примаков не выдержал пыток и свидетельствовал на всех).

Однако показалось мало этого «женевской» утробе, и еще схарчила она жену маршала Тухачевского — Нину Евгеньевну, сестру маршала — Софью Николаевну, братьев маршала — Александра и Николая и даже старуху мать.

Дочь знаменитого маршала «отпраздновала» свое совершеннолетие в лагере, где гнили, доживая, три младшие сестры маршала.

Сталин не просто ненавидел маршала, а терпеть не мог; мозолил он глаза еще и всякими анализами варшавской катастрофы 1920 г. (лекции, книжка). Целую армию красных интернировали тогда в Восточной Пруссии...

А Петр Ефимович Щетинкин — кавалер четырех «Георгиев», бывший штабс-капитан — ликвидировал потом барона Унгерна в Монголии и с честью служил в 1920—1921 гг. при главной «женевской» гадине — в доблестных войсках ОГПУ. Смерть Петра Ефимовича в 42 года (1927 г.), без сомнения, не могла не огорчить «женевский» организм — ну как не иметь виды на столь важного работника?

— ...На баланде, по лету в лаптях и постолах², а зимой в чем Бог даст, но гнали белую сволочь, — воодушевлялся, вспоминая, Сам-

¹ Брюхин ошибался: Эйхе был жив. Я видел его фотографию того времени. Квадратное лицо. Редкие волосы на пробор. Небольшие подбритые усы. Сами губы узкие, лезвием. Лицо очень уверенного в себе человека.

² Вот примерное обеспечение красноармейца к концу Гражданской войны, а значит, и нашего Самсона Брюхина:

«Перед походом (наступлением. — Ю. В.) каждый из нас получил две пары лыковых лаптей (одну — в ранец, про запас)... питались в основном

сон Игнатъевич. — Теряли дружков, но не давали спуска ни белым, ни японцам. А не поверишь, Юрка, пуще всего хоронили из-за сыпняка и недоеда — ну не в мочь коченеть в снегу, тащить разные военные тяжести и сносить прочие неприятности. Вот таким манером от Урала до Владивостока и постигал я нашу историю. Будешь учить в учебниках про то — помни, на каждой букве мой следок, красноармейца Самсона Брюхина.

Всю Сибирь перенавозили тогда людским мясом. Отжала революция туда из центра уйму народу, а мы всех взялись отжимать к Байкалу — да в зиму, в самые сибирские холода. Кого пуля пощадил — болезнь повязала, болезнь пощадил — голод уморил, голод не уморил — морозы загустили кровь.

В ноябре того же года белочехи официально объявили об уходе из России: Прага им просигналила. Но мы-то соображаем: наша берет, трусики-штанишки!

Война в Гражданскую была не та, в основном по железным дорогам и населенным пунктам типа поселка и выше. Ну, банды — те, само собой, глубже сидели. Их после еще года три-четыре докорчевывали. А банд-то — Семенова, Унгерна, Калмыкова, Дутова, Анненкова!.. Какие с дивизию, а то и погуще.

14 ноября мы ворвались в столицу Колчакии — Омск! Тогда нами командовал Тухачевский, не понадобился он еще для отражения белополяков, и не сменили его на Уборевича. Даешь Сибирь и Дальний Восток!

Троцкий обещает на митинге: «Остальную Сибирь мы возьмем по телеграфу!» Братва это на «ура». У всех одна забота: Колчак, штык ему в глотку! Трещит его царство. Белые солдаты дезертируют, к партизанам жмутся, многие идут в наш строй, хотя без охотки. Объявят им, мол, завтра в наступление, а к утру этих самых бородачей и не сыщешь — потемну опять к Антанте! Понять-то, само собой, можно: все сыты войной; были, которые с четырнадцатого года винтарь не выпускали. Вот и искали, с какого боку ближе к дому да спокойнее, так по бабьему теплу и ласке стосковались! Офицеры не сдавалось. Офицеров чаще сами солдаты кончали...

Самсону Игнатъевичу не были чужды заимствования. И, как теперь я могу судить, он вполне усвоил терминологию и даже отдельные приемы самого Владимира Ильича.

Как после я убедился, это Ленину (слово в слово) принадлежат следующие высказывания:

«...В настоящее время задача преодоления и подавления сопро-

воблой и мамальгой...» — Л ю д н и к о в И. И. Дорога длиною в жизнь. М. Воениздат, 1969, с. 135.

Причем это была рота курсантов. Ее снабжали заметно лучше. Простые бойцы бедствовали и зачастую вынуждены были грабить. Это деликатно называлось реквизицией.

тивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах. Россия завоевана большевиками...»

«Мобилизовать армию, выделив ее здоровые части, и призвать девятнадцатилетних для систематических военных действий по завоеванию, сбору и свозу хлеба.

Ввести расстрел за недисциплину.

Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба».

Ленин пишет о продрозверстке. Война — это для него отобрать то, что вырстил крестьянин. Не отдаст — убивать.

«...Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара».

Можно еще много цитировать, тут все одно: насилие, принуждение, люди несознательные — их нужно силой оружия подчинять, русский человек — плохой работник...

Слова не вождя русского народа, а какие-то приказы иноземного захватчика. Впрочем, вождь и признавался, что они, большевики, завоевали Россию...

Слезает позолота со славословий, наведенная подхалимным окружением. И перед нами предстает человек с фанатичной верой в благодетельность любого насилия. Вместо ига капиталистического он предлагает (и кроваво осуществляет) иго социалистическое, куда более изощренное. Бесправие несет ленинизм. Из пятидесяти пяти томов сочинений помимо нашей воли складывается образ Главного Октябрьского Вождя. Это человек, ограниченный своей верой, без широты культуры, взявший из нее лишь то, что может служить практическим интересам борьбы, не больше. Все в нем подчинено рассудку, потребностям дела. Посему это человек, чрезвычайно обделенный чувствами, весь заостренный на благодетельности устрашения, на карательных акциях, подлинный поэт насилия. Только через насилие он предполагает прогресс России. Именно поэтому он лелеет все карательные органы: суды (бессудность), ВЧК (произвол и расправы), партию (контроль над мыслями каждого).

И самое поразительное: вырисовывается абсолютная чужеродность народу, непонимание его, дикое попрание всего исконно русского. Он не понимает, не чувствует народ, его национальная жизнь ему совершенно чужда. Все подчинить железной схеме марксизма. Он воистину завоеватель собственного народа. Рецепт его всегда один: штыки и пули. Если уступка, скажем как нэп, то временная, под давлением чрезвычайных обстоятельств, когда угроза существованию большевизма вообще, а после опять... удавка для всех.

Поставил народ на карачки — тот харкает кровью, стонет,

вымирает, а он требует, чтобы славили их власть, большевиков, а его «иконили» вместо Бога.

Не раз я слышал от Самсона Игнатьевича отзывы о весьма почтенных членах партии как о салонных социалистах (это о людях, которые проявляли какую-то человечность), рутинных людях, изъеденных гнилой легальностью (это о тех, кто отказывался от разрушительного пути революции), как о поганых реформистах, мечтающих о восстановлении законности и прочих буржуазных штучках (и сколько же еще таких бранных слов, ярлыков, нетерпимости к любой другой мысли, догматизма, за отход от которого — смерть и проклятия, и обыкновенной злобной ограниченности). И все это спрятано за схоластикой рассуждений, псевдоученостью, обилием иностранных словечек и ссылок, цитирования — учнейшего начетничества.

Все 55 томов выкладок и рассуждений о счастье человечества — это приговор свободной, независимой мысли, национальной культуре, добру, Богу, Жизни.

Все 55 томов — это внушение народу благодетельности жития на коленах.

И все! Это не антихрист — это античеловек! Ибо все человеческое приходит в противоречие с его проповедями.

Ибо все, что составляет смысл человечества, ему органически чуждо. Это замена всего человеческого бритыми лбами.

И все.

Гражданская война — да какая сила вообще могла противостоять этой тотальной решимости проливать кровь, этому развращению народа призывами грабить, расстреливать. Ненависть, инстинкты заменили все чувства, стали нервом общества. В основу Гражданской войны был положен невиданный террор, и над мыслью — прежде всего. Народ был взнудан, закован в кандалы, а к виску каждого приставлено дуло пистолета или винтовки...

«...Революция! — писал в Париж своему другу Бабель. — Ищи-свищи ее! Пролетариат? Пролетариат пролетел, как дырявая пролетка, поломав колеса! И остался без колес. Теперь, братец, напирают Центральные Комитеты, которые будут почище: им колеса не нужны, у них колеса заменены пулеметами...»

Под письмом дата: «18—I—33 года».

Человечество встретилось с чем-то совершенно новым, неизвестным. Ленинизм разъедал живую ткань общества...

И сколько же таких цитирований — ну слово в слово Ильич — обрушивал на мою голову Самсон Игнатьевич.

Нет, Самсон Игнатьевич был большевиком от революции, с

ясным пониманием философии политики вообще. В приложении к нашей революции это означало умение разглядеть классовую борьбу в любом случае, даже самом пустом с виду. Решение всех задач Самсон Игнатъевич, как и Ленин, видел лишь в диктатуре пролетариата и пролетарской солидарности. Из высказываний Самсона Игнатъевича можно было сделать вывод: революционная вседозволенность — вот главное для нашей жизни, это — изучение Ленина. По этой самой причине Самсон Игнатъевич считал лишним изучение марксизма, вся сущность которого сводится, как он утверждал, к «данной ответственной формуле». Самсон Игнатъевич так и говорил: Ленин — это значит все можно; это же диалектика: противоположности тождественны. Всякая же иная позиция в жизни и нашей борьбе — от дряблости, незрелости и для большевика недостойна. По данной причине почти всех членов партии, кроме Сталина, это уж точно, он называл большевиками без большевизма. Тут становилось ясно, что без «женевской» машины наше общество невозможно. Раз столько несознательности, раз экономику гонят против всяких законов — в дисциплину и, стало быть, в работу по социалистическим законам должен встраиваться «женевский» механизм.

Обо всем этом стоит порасспросить самого Самсона Игнатъевича, если он, разумеется, согласится на такой разговор, поскольку часто принимает вид протачка и плетет откровенную дурь.

— Кого освобождать? — рассуждал искушенно Самсон Игнатъевич. — Люди с их злобностью, мелочностью и собственничеством все положат на свой лад, и новый мир будет под стать старому. Все загадят, принизят — омертвят любое дело, любую мечту.

Чувствовалось, человеколюбивый оптимизм даже Главного Октябрьского Вождя сам Самсон Игнатъевич не разделяет и, более того, где-то в самых недрах души полагает незрело-утопическим. То есть убеждения Самсона Игнатъевича претерпели развитие от ученически-бездумных до глубоко запрятанных по причине самостоятельности.

— У нас народное государство, — любит повторять Самсон Игнатъевич.

И как-то само собой выходит, что под этим он понимает, ну само собой это разумеется: все, что хотят, то у нас с народом и делают. От него я и усвоил впервые эту жизнелюбивую формулу и не стыжусь повторять, ибо в ней своя зрелость, не лишенная даже мудрости.

Расчет на то, будто народ воспитается и поднимется до уровня великих идей, заложенных в революции, по намекам Самсона Игнатъевича, явно недоумочный. Самсон Игнатъевич внушал мне, что, наоборот, среда все выравнивает под свой уровень сознания. Исключений не было. И тут якобы трагедия революции и эта самая неизбежность постоянного применения «женевского» механизма.

— ...На латышских полках прорвали мы фронт белых, — дорисовывал мне Самсон Игнатьевич свой путь от Волги до Иркутска. — Сняли латышей с центра — и к нам, на Восточный фронт. Они и снесли самые надежные белые части. А как фронт у Колчака треснул, их опять в эшелоны — и теперь уже на деникинский! Белые уже выщупывали Москву с юга. По распоряжению Ленина ЦК и ВЧК осенью девятнадцатого готовили переход на нелегальное положение... Белые не уловили переброски латышских полков. Удар явился совершеннейшей неожиданностью для Май-Маевского — командующего действующей армией у Деникина. И создали латыши стойкий ударный перевес. За колчаковским рухнул и деникинский фронт. И покатались белые аж до Перекопа и Новороссийска. Армии Колчака еще могли драться, коли б не тыл. А только прикинь, Юрка: 15 ноября Гайда организует восстание во Владивостоке¹. Против кого? Да против Колчака! 12 декабря 1919 года власть переходит к Советам в Минусинске и Красноярске. Это ж какие города! В клочья все коммуникации! 21 декабря рабочие захватывают власть в Черемхове. В те же дни восстание побеждает в Нижнеудинске. А ведь это в каком тылу белых — да за тысячи верст! И со всех сторон партизаны, повстанцы. Тут еще братья славяне самовольничают на железной дороге: никаких составов не допросишься. Обеляются господа легионеры.

Ну нет больше тыла — кругом смерть!

Пути отхода перехвачены, нет снабжения, нет госпиталей, исключены всякие войсковые перевозки. Нет «колес» у армии, белочехи отобрали даже личный состав у самого Каппеля. Войска тонут в снегу, прут напролом по целине.

11 декабря Колчак смещает с поста главнокомандующего Восточным фронтом генерала Сахарова и назначает на его место Каппеля.

Генерал Сахаров — бывший посланец Деникина к Верховному Правителю — был назначен главнокомандующим Восточного фронта, то бишь Сибирских армий, вместо генерала Дитерихса. Весьма посредственным главкомом показал себя Сахаров...

Без каппелевской армии белым бы сразу крышка. Упирались, сучье воинство! В ней Воткинская дивизия почти целиком из рабочих воткинских заводов. Обидно, дрались, собаки, по-рабочему. Пускал нам кровь и отряд белых латышей под командой Бресмана. Эти тоже дрались до остервенения. Да у Каппеля в армии все сражались без жалости к себе и к нам.

В этого Каппеля беляки верили. Отчаянный был генерал, из царских офицеров. Мы, как он помер, так все перекрестились. Слава те, Господи, прибрал эту сволочь — Владимира Оскаровича, мамашу его вдоль и поперек!

¹ Подробности мятежа Гайды стали известны в Иркутске 20 ноября 1919 г. — в те же дни об этом подробно рассказала городская газета «Свободный край».

Без этого Оскаровича мы в ту осень и зиму Сибирь, и дальнюю, и ближнюю, враз бы отворили, и японцы нам не в помеху...

Японцы пробовали щупать нас — да мы ж не девки. Они злы, а мы еще злее. Обучили их сотнями своих в урнах домой отправлять. Однако на большую войну не шли: был запрет Ленина... Бандиты семеновские не в счет. Эти ловчее по грабегам и казням, но коли и их прижать — стояли в крови и не сдавались. Свой замес у них: из казаков и офицера — другие не водились...

Я слушал Самсона Игнатъевича и думал о школе.

Тогда я ужас как завидовал восьмиклассникам: после восьмого класса уже настоящая жизнь. Учились в войну с Гитлером только до девятого класса. В девятом вместо уроков занимались одним военным делом, а всех, кто переходил в десятый, облачали в солдатское и отсылали в лагерь, а из лагерей — на фронт. Больше трех месяцев в лагерях не задерживались, а когда большие бои завязывались — брали сразу. Но всех десятиклассников уже через несколько недель пожирал фронт.

Очень скоро от такого десятого класса не оставалось и половины. От похоронок черно было в глазах у людей. А немного погода и другая половина йстаивала... единицы вернулись.

И все равно фронт — это ужасно интересно; я все считал, но он никак не выпадал для меня. В салютах были уже одни немецкие названия.

Меня мама родила в 30 лет. А чего стоило ей это сделать в двадцать? Уж тогда я бы сто раз был призван. Навоевался бы!..

— ...К декабрю девятнадцатого у Иркутска начала пухнуть железнодорожная пробка, — в очередной раз принялся за свои истории Самсон Игнатъевич. — Не под силу всем враз смотаться. Железка одна, других дорог нет.

Опять-таки легион всему голова: наперво свое проталкивает, а понаграбили — едва эшелоны ползут, аж рельсы гнутся.

Ну на десятки верст пробочка!

И от верных людей слышал. Они своими глазами щупали, вот истинный крест... Прости, Господи, коммуниста!..

Книг Самсон Игнатъевич не читал и как бы даже брезговал; за достоверность сего готов положитьсья. Исключение составляла литература по Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти книги он не только перечитывал, но и собирал с нежностью и прилежанием, хотя это являлось занятием опасным.

Стояли книги сиротливым рядком в бельевом шкафу — ну никакому гостю не догадаться. Сперва стопкой лежали кальсоны, рубашки с завязками, а за ними — книги, каждая обернута в газету и с какой-нибудь подклеенной на обложке тетей без лифчика, а то и трусов, ну совсем трофейного вида, для маскировки, надо полагать.

Я запомнил одну, уж очень удивительная: совсем голышом — и не стыдится, все напоказ. У меня аж шары на лоб. Сиськи наду-

тые — ну мячиками. Сосок широкий, как печать сургучная. И меж ног (ноги длинные, но не худые), где волоса клином (все завиточками) — фашистская свастика. Крохотная такая, паучьей лапкой — и блестит. Видно, из шоколадной обертки вырезана. Точно лежит по завиточкам... а сверкает! Выходит, тети могут носить там такие штуки? И нашу звезду тоже? И серп и молот? И... Я испугался спросить, но на теть после долго пялился, а вдруг у этой там... звезда? Как это непонятно было!..

А вот уж что было странно и в самом деле — это просто ураганное отсутствие фотографий. Ну ни одной не встретил я у Самсона Игнатьевича! Как-то он сам прояснил эту странность.

— Тебе не мерещится, Юрка, будто они в курсе наших судеб? — Самсон Игнатьевич подразумевал людей на фотографиях. Он сам задал вопрос и сам взялся мастерить ответ.

— Присмотришь к глазам — факт, знают. Выходит, незавидна наша участь. С чего бы иначе так куксильсь? Меня это — ну скребком по сердцу. Приглядишь-ка на досуге: сплошь невеселые глаза, ну похоронные, хотя вроде и у своих, близких и родных. Эти-то не станут замышлять для нас злодейское...

В тот вечер он прикладывался к градуированному «стакашку» чаще обычного и от этого чаще и как бы жалостней моргал и вообще делал все несколько суетливой.

— А тут и очередь Иркутска; там, в тылу, колчаковский Совет Министров окопался — на тебе: 24 декабря восстание! — без всякого снисхождения к моей памяти валил на меня факты Самсон Игнатьевич. Его ничуть не смущало, что я в этом ровно ничего не смыслил. Он лишь гневно супил на меня пышно-разлтые брови и прикашливал в платок. Чувствовалось, он так давно хочет об этом рассказать и вообще созрел даже для лекций — ну обилие цифр, фактов, выводов!

— Эсеры хвост задрали, мать их! — рассказывал Самсон Игнатьевич. — Сперва они опробовали себя в Глазково — это предместье города по ту сторону Ангарушки. Вот тогда генерал Сычев и арестовал те три десятка самых непоседливых и спровадил под дубинку Лукана... А вот вести огонь из пушек белочехи не позволили господину генералу: мол, сорвете нашу эвакуацию. Чуешь, какие союзники?! На нас работал легион! А что еще восставшим?.. Тут еще солдаты драпают из гарнизонных частей, кончают своих офицеров. Даешь власть народу!

27 декабря восстание замыкает город. Правительство сразу в бега. Генералы? Те тоже на вокзал и...

На улицах ночами пальба. С утречка только трупы увозят, трусики-штанишки! Кончают бывших!..

На нелегальном заседании представителей Всероссийского краевого комитета эсеров, Бюро сибирской организации меньшевиков, Центрального Комитета объединений трудового крестьянства Сибири и Земского политического бюро все голосуют за Политический Центр как руководящий орган восстания. С нас брали при-

мер социалисты-революционеры. Партию наперед всех дел выпустили!

А с 29 декабря бои под Иркутском — Семенов бросил своих на выручку. Город огрызается. Может, и взяли бы верх семеновцы, да белочехи с американцами их разоружили — ну обрезали, не дали ходу. И назад семеновцы, в Забайкалье! Да и не очень горел своих класть за Колчака атаман. Не мог простить обвинений в измене, все надеялся адмирал к дисциплине его приучить. Корябало это атаманское своеволие и вообще самозванство. Все началось сразу после переворота 18 ноября 1918 года. Верховный Правитель отстрелил полковника Семенова от командования 5-м корпусом (так назывались многочисленные формирования атамана), сместил с других самозванных постов и назвал его поведение «актом государственной измены».

С того времени ох как все переменялось!

К 3 января сходятся к Красноярску все три Сибирские армии Колчака: А. Пепеляева, Войцеховского и Каппеля. Решать им, куда дальше: то ли брать Красноярск и силой прокладывать путь по железной дороге, то ли ломить напрямик, через таежную крепь.

Первая армия, Пепеляева, еще до встречи распалась, почти вся сыпанула к повстанцам. Генерал-лейтенант едва унес кости на санях, повязали бы.

Вторая армия, Войцеховского, тоже на две трети рассеялась.

Только каппелевская в полном порядке. В нее влились остатки боевых соединений Вержбицкого, Пепеляева и Войцеховского. Примкнул к ним с отрядом солдат и офицеров и бывший главком Сахаров. Ядро же каппелевцев по-прежнему составляли ижевцы и воткинцы — рабочие, распропагандированные эсерами и всякими нашими перегибами. Эти части из рабочих и обросли офицерством. Никому не под силу было расшибить их. Эти, что остались, кремень, а не люди. Сами любых на ключья. Щерятся, гады, на белый свет. Один лед в сердце. Ох и лютые были до крови! Нас, как хриstopродавцев и губителей России, зубами готовы были рвать — и рвали. В плен больше не сдавались — подыхает, а все матюгом нашего брата. Мы им и штыки в глотку. Самая настоящая гвардия!

Войцеховский и Пепеляев — бывшие царские полковники, Каппель — из таких же, но только подполковник. Первые двое генеральские звезды получили от Колчака, Каппель — от Директории, точнее — Болдырева.

Каппель командует отходить. Есть риск увязнуть в боях. Но как? Железнодорожная линия под легионерами и восставшими — не сунься. И повел свою гвардию через сопки, реки, снеговые завалы на Иркутск. И травили их, как бешеных псов: из деревень стреляли, из лесов нападали — ни поспать, ни перевязать раненых, а все прут, не сворачивают.

На Иркутск, господа!

А только тыла нет — кругом смерть!

А они морды не к земле, а на генерала: даешь прорыв в Забайкалье! Тот себя не щадил, первый мял снег, под все пули наравне с рядовыми. Ну заговоренный от пуль! Околеть мне без водки, коли вру!...

— 5 января 1920 года власть в Иркутске берет эсеровский Политический Центр из восьми членов во главе с многострадальным Флором Федоровичем. Тюрьму, само собой, нараспашку. Сколько же народа! — продолжал Самсон Игнатьевич. — На свободу вышел и Шумяцкий — будущий большевистский министр Дальневосточной Республики и козырной работник Восточной секции Коминтерна. Как говорится, стал дышать воздухом свободы и мой будущий кореш Чудновский — по резолюции губкома РКП (б) был тут же поставлен во главе губернской чрезвычайной комиссии и, хотя власть была не за большевиками, приступил к сколачиванию аппарата. Понимали все: понадобится «чрезвычайка» уже завтра, да на самую предельную загрузку; «материала»-то сколько вокруг! Все конструировал председатель губчека по примеру Москвы — на Феликса Эдмундовича равнялся.

Федорóвича колчаковский переворот 18 ноября 1918 г. застал в Екатеринбурге. На другой день зачалил было погром в гостинице — да и притух, хотя эсера Максудова успели застрелить. Последовал приказ Гайды (он тогда правил Екатеринбургом) о выселении членов Учредительного собрания в Челябинск.

Из Челябинска поезд завернули на Уфу.

А вскоре в Омск стали поступать под конвоем эсеры, прихваченные в Уфе, Челябинске, Екатеринбургe...

В ночь с 21 на 22 декабря 1918 г. омскую тюрьму взяли налетом рабочие — их подняли большевики. Восстание подавили, однако, за несколько часов.

Новый начальник Омского гарнизона генерал Бржезовский опубликовал распоряжение о немедленном возвращении всех беглецов добровольно. И эсеры (это представить невозможно!) вернулись в свои камеры, а с ними и Флор Федорович Федорóвич. Чит дисциплину интеллигенция, оскотить бы ее за вредность!

В ночь с 22 на 23 декабря и грянули самочинные расправы. Эсеры вместе с арестованными большевиками (но в основном эсеры) стреляли и кололи штыками на берегу Иртыша. Тогда и уцелел чудом Флор Федорович Федорóвич.

«...Я приказал никого из них не судить, не выдавать кому-либо без письменного приказа коменданта гарнизона», — покажет на допросе Колчак об этих самых эсерах и добавит, что, по его мнению, это — дело рук правых.

Тогда пустили в расход колчаковцы всех членов бывшего Учредительного собрания из арестованных. И вот случай ставит Флора Федорóвича вровень с адмиралом. И нет у Флора Федорóвича иной заботы, как насыпать над ним могильный холмик.

Не обошлась новая иркутская власть и без манифестов. Во все газетные листы программы. Там даже о дипломатических отношениях с заинтересованными странами. И Колчак объявляется врагом народа. Любой, кто дотянется, обязан убить. Впрочем, еще задолго до этого адмирал был поставлен московским Совнаркомом вне закона.

— ...А уж вокруг наш брат, большевик, — и давит на этот поганый Центр. С каждым днем ощутительней тот нажим. Соображаешь, Юрка, в большевистской головке тот самый кныш — Чудновский. Вострый товарищ, с пониманием момента и ответственности. И крепче, крепче ссаживают они эсеров, мать их с родней вдоль и поперек!

Не может Флор Федорович пропустить Колчака. Сам еще от ужаса тех казней не остыл: чудом обминули — не заглянули к нему в камеру, не выкликнули, проворонили. И совсем недавно чуть было не загребли к Лукану под дубинку... А тут вся ниточка железного пути в руках. Ну затяни узелок — и некуда деваться Верховному Правителю. Самое время счет предъявить.

Счет счетом, а дело-то на риск. Да легионерам только развернуться — и никакого восстания, дай Бог ноги!..

Самсон Игнатьевич выпил в тот вечер гораздо более обычного и, надо полагать, по такому состоянию нервов принялся обращаться к Богу, но делал это он не машинально, не присказкой-ссылкой, а как-то вжимая голову в плечи и заворачивая глаза кверху, словно боялся затрецины из пустоты над собой.

— Однако Политический Центр собрался с духом, перекрестился, — продолжал гундосить Самсон Игнатьевич, — и подал, значит, это самое требование командованию легиона: господа, железка ваша и сила на вашей стороне, но ссаживайте адмирала. И всех-то делов: пойти да отдать бумагу генералу Сыровому. Штаб его тут же, в Иркутске. И штаб главнокомандующего всех союзных войск в Сибири, на Дальнем Востоке французского генерал-лейтенанта Жаннена¹ тоже рядышком — на колесах.

А может, устроится, а?..

И все же не по себе эсерам: а ну как легионеры осерчают? У них в Иркутске цельная дивизия под командованием полковника Крейчия, да белые отряды сочатся с фронта, и вообще всякие подкатывают в эшелонах. И все же сознают в Политическом Центре: нельзя без требования — ну хотя бы для истории!

А сам адмирал знать ничего не знает, все старается быстрее к Иркутску пробиться: наново надо сшивать из красных лоскутьев белую Сибирь...

¹ Жаннен служил генерал-квартирмейстером у Жоффра (знаменитого французского главнокомандующего в 1915—1916 гг.), сам крупный военачальник, командовал армией. Весной 1916 г. был назначен главой французской военной миссии при Российской императорской ставке.

Глава XI

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Адмирал сел в свой личный поезд из брони, пушек и пулеметов еще 12 ноября 1919 г. в Омске, за два дня до захвата его Пятой армией Тухачевского. И с тех пор все бедует на колесах. Сначала литерная серия поездов Верховного Правителя России насчитывала восемь самостоятельных составов — грохота и страха на добрые шесть десятков верст. Земля ходуном под броневыми составами.

Замри, Русь!

В один из составов загружен золотой запас — достолавный трофей Комуча и легиона в августе 1918 г.: около 30 тыс. пудов золота и других драгоценностей, тех самых, из Казани, припрятанных еще Керенским от вполне возможного захвата немцами в Петрограде.

Всего в восьми «лейб»-составах разместилось не менее тысячи человек: все отлично вооруженные, с боевым опытом мировой войны и преданные идеям белого движения. Ни одного мобилизованного — только добровольцы. Верховный Правитель не сомневался: на каждого можно положиться.

Исключительное значение придавал адмирал золотому запасу. Не спускал с него глаз. Вел впритык за своим могучим бронепоездом. Золото это — одна из последних ставок. С золотом все не бесмысленно начинать сызнова. Там едва ли не треть золотого запаса России — почти 500 тонн! Еще неизвестно, кто проиграл. История любит заходы с нуля. Лишь самым сильным духом по плечу ее капризы. Никогда он, Александр Колчак, не смирится с пятиконечной властью большевиков, хотя народ отказывает в сочувствии белому движению. Однако белое движение — от народа. Оно призвано спасти народ от завоевания большевиками. Самое грозное и ядовитое оружие большевиков — демагогия. Извращение фактов, ложь, лесть невиданного размаха и ярости. И еще ненависть, которую они сеют в души.

Это были основополагающие мысли Колчака.

Все ничего, пока Верховный Правитель пребывал в соприкосновении с боевыми соединениями своих армий, а как заспешил в

Иркутск, оторвался от своих, тотчас превратился в игрушку союзников. Слишком поздно понял это «его высокопревосходительство».

Но все по порядку.

От Омска до Тайги поезд Верховного Правителя не терял связи со штабом главнокомандующего Восточного фронта генерала Сахарова. Каппелем он будет замещен лишь 11 декабря. На данном отрезке пути Верховный Правитель часто и подолгу совещался с военными и местными властями. Следовало организовать отпор и внушить людям веру в благоприятный исход событий. Судьба движения отнюдь не предрешена...

С главками Колчаку определено не повезло. Дитерихс и Сахаров оказались малоспособными в военном искусстве. На Востоке не было Алексеевых, Корниловых, Деникиных, Врангелей... Беден на личности Восток...

В ответ на интригу братьев Пепеляевых адмирал подписывает указ об освобождении с поста премьер-министра Вологодского и назначении на его место Виктора Николаевича Пепеляева. Адмирал стремится любой ценой избежать раскола — недопустимо даже самое незначительное ослабление власти.

На станции Тайга Верховному Правителю доложили о беспорядках в Иркутске. Он распорядился двигаться с наибольшей скоростью — личным присутствием и руководством рассчитывает удержать в повиновении свою новую столицу. Скорость передвижения имела буквальное значение жизни или смерти. Ведь в ноябре тыл еще не был разорван восстаниями по единственной железной дороге — в Красноярске, Нижнеудинске, Черемхове... Еще не поздно было принять меры, и имелись для этого силы, хотя лихорадило уже всю громаду тыла.

Теперь легион распоряжается его судьбой и в значительной мере судьбой возглавляемого им движения, а у них, белочехов, на сей счет свои соображения. Они желают видеть Сибирь демократической, следовательно, эсеровской. У них на родине правление почти такого же толка. И еще им, легионерам, до зарезу нужно обеление. Не могли же они знать, что у них прорежется республика со своим паном президентом Масариком. Парламент, гласность, уважение личности, свобода! 14 ноября 1918 г. Чехословакия провозглашена независимой республикой.

Этот поворот в настроении прежде союзных ему белочехов Верховный Правитель совершенно проглядел. Если и не проглядел, то не придавал должного значения. И в этом его сокрушительный просчет и просто даровой, но очень внушительный начет для красных.

13 октября Ленин отправляет телеграмму в два адреса:

«Реввоенсовет 5, Смирнову...»

Комтуркфронт, Фрунзе

Директива Цека: ограбить все фронты в пользу Южного. Обдумайте экстреннейшие меры, например спешную мобилизацию мест-

ных рабочих и крестьян для замены ими ваших частей, могущих быть отправленными на Южфронт. Положение там грозное...»

Через восемь дней в адрес Смирнова уходит еще одна телеграмма:

«Реввоенсовет 5, Смирнову...»

Фрумкин передал мне Ваши мысли о ненужности Востфронта... Нам дьявольски нужен комсостав. Затем сообщите, сколько войска при начавшемся у вас наступлении можете дать и когда Южфронту».

Нет больше армий Колчака, кроме каппелевской. Разрозненные очаги сопротивления настолько незначительны и слабы — Восточный фронт уже и не нужен. Во избежание столкновения с Японией движение «на Восток» под фактическим запретом. Об этом свидетельствует очередная «молния» Ленина Смирнову, отправленная 15 декабря:

«Омск, Реввоенсовет, Смирнову...»

Поздравляю со взятием Новониколаевска. Позаботьтесь всячески о взятии в целостности Кузнецкого района и угля. Помните, что будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток...»

Но уже задолго до отъезда (какой же это отъезд — это бегство, тыл распадается) барон Будберг отметит в дневнике крутое изменение в настроении народа:

«Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжелого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше, и, что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго.

Весь тыл — в пожаре мелких и крупных восстаний: и большевистских, и чисто анархистских (против всякой власти), и чисто разбойничьих, остановить которые силой мы уже, очевидно, не в состоянии...»

И далее запись 26 августа 1919 г.:

«Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которой... офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу; эта сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью...»

Отступление принимает характер катастрофы, разгрома.

18 сентября Будберг с горечью записывает:

«...Атаманы считают, что наша песня спета... Сейчас идет захват всех идущих с востока грузов (это грабеж имущества и ценностей, увозимых в тыл. — Ю. В.); захват Семеновым первого эшелона золотого запаса, отправленного во Владивосток, обильно снабдил Читу золотой валютой и поднял атаманское настроение...»

Именно поэтому адмирал прикажет следовать эшелону с золотым запасом вплотную с его личным бронепоездом. Так они будут следовать до самого ареста адмирала. Правда, последнюю часть

пути Верховный Правитель проделает уже в обычном вагоне второго класса. Бронепоезд отберут чехи...

Уорд отмечает одиночество Колчака:

«Никто в России, полагающий свои личные интересы на второй план сравнительно с общественным благополучием, не будет иметь друзей...»

Александр Васильевич Колчак часто вспоминал особняк на Атаманской улице — недобро, зло шарил памятью по его этажам и кабинетам.

Натопленность и чистота просторных комнат располагали к довоенному добродушию. Уверенностью и значительностью светились лица господ министров. Обнадеживал энергией Верховный главнокомандующий — генерал-лейтенант Болдырев, дородно-хлебный, неторопливый и обстоятельный во всем, даже в самых пустячных бумагах: привычка от преподования в академии. Шуршали вошьены карты, успокаивающе пощелкивала указка. Степенно, с сознанием историчности каждого мгновения распахивались папки, и усердно наскрипывали перьями секретари. За точностью и полнотой протоколов следил с профессорской педантичностью умнейший и ехиднейший господин Гинс (уже в 1921 г., будучи в эмиграции, Г. К. Гинс издает второй том своих воспоминаний «Сибирь, союзники и Колчак»). Для истории не щадит себя и секретарей господин управляющий делами Совета Министров и по совместительству председатель Государственного Экономического Совещания — любое действие Всероссийского правительства должно быть увековечено.

Ведь есть предел и смуте. Придут и расправятся в чистоте мирные, ласковые дни — куда им деться. Спустит дурную, разбойную кровь матушка-Россия — и успокоится, захлопочет за пирогами и наливками...

До переворота 18 ноября 1918 г. Александр Васильевич жил замкнуто, на заседаниях правительства угрюмо молчал — бессилие и безголовость в святом деле белого движения угнетали. Да и как, позвольте, быть в другом настроении, если Директория (опять же эсеры!) — глава всему белому отпору? Ведь все та же керенщина, но только в другой упаковке! Пустословие, митинговые приемчики, обещания, а в общем, все то же углубление зла.

Александр Васильевич уже не обольщался насчет всех этих народных избранников и партий. Что такое демократия по-эсеровски, он теперь тоже знает — научен. В руинах Россия после Керенского, в дерьме все святое, обмануты все чувства, погрязли в развращенности и вседозволенности граждане свободной России. Оттого все и на гнилых нитках.

Теперь, после многих месяцев яростного стремления подавить зло всей властью Верховного Правителя, адмирал был на грани потрясения.

Там, где он усматривал всего лишь хлябь, разверзлась пропасть,

бездна, пространство без меры: ни начала, ни конца... какая-то мертвая, бездушная материя.

Поэтому и бывал Александр Васильевич столь невнимателен на докладах. Не удавалось ему белое дело. Есть золото, оружие, но люди, люди?!

Нет, они есть, но слишком немногие из них по праву могут носить это имя, прочие тонут в мрази. Развал ширится — и остановить его выше сил. Все пороки, какие только мыслимы, сгустились и бродят в той части России, которая, казалось бы, должна сплавить ее в единое целое; сплавить кровью — на чести и величии идей.

Казнокрадство, взяточничество, безответственность и эгоизм всех тех, ради кого льется кровь на фронтах, не имеют предела. Пресечь сие — значит истребить поголовно едва ли не всех, кто осел здесь, за линией фронта.

Посему Верховный Правитель не только рассеянно слушал доклады, но порой принимал вид совершенно неприступный. Кого слушать, что? Ход дел известен наперед — ему, Колчаку, известен. Быть ровным, любезным в этом скопище пороков, да еще при бесстыдном предательстве Родины — предательстве ради жирного брюха, мощны, похоти и восторга проститутток?! Что случилось с людьми? Где русские?..

Вконец перенапряженные нервы требовали разрядки. Пил адмирал обычно до тех пор, пока беспокойство и чувство беспомощности не теряли остроты и четкости и не перемещались куда-то в глубь сознания, за ватность чувств.

С похмелья случались и буйства. Адмирал крушил все, что попадало под руку. Ему мерещились не люди, а призраки со свиными рылами. Да, все это — двуногие подобия людей. Торгуют всем — ничего святого. Эволюция замкнула круг — и теперь животные топчут белое, синее, красное...

Адмирал подходил к окну и, теряя в глазах предметы, нашептывал в белую, мурашливую мглу.

— Помоги, Отец! Тобой живу, ради твоей любви! Помоги, дай силы победить зло! Как, чем образумить людей?..

Александр Васильевич скорее угадывал, нежели слышал шаги и голос мальчика-адъютанта и, не поворачиваясь, рассекал в его сторону рукой воздух — и тот отступал за дверь. Адмирал, растворяясь в белом потоке света, говорил себе:

— Да, мы приговорены к смерти, но ведь есть все не только для того, чтобы выжить, но и победить: и золото, и оружие, и, слава Богу, своя земля под ногами, — а что творится?! Сами себя топчут, казнят, похабят! Себя продают! Судьбы будущих русских предают!..

Он никогда никому не откроет своего лица в такие мгновения. Никто не смеет видеть. Поэтому и дал отмашку адъютанту. Для всех он поглощен делами. Важные дела требуют обдумывания. Вот так.

— Трубочанинов! — звал немного погодя адмирал. — Нет больше

сил! — Как можно спокойнее говорил он, пряча за улыбку тревогу. — Будем пить за предательство, за бессилие могущих все, за подлость и похоть могущих все! Что смотришь так? Откупоривай, Трубчанинов... Envers et contre tous...¹

Он умеет пить, и его обычно не мутит, а уж если и мутит, то из-за необходимости окунуться в дела — эту зловонную жижу так называемых человеческих отношений и следствий этих отношений, всегда оправленных в такие громкие и звучные слова. Все в соответствии с природой материи: предающие (себя и всех) обожают голубиную чистоту одежд. Чем возвышеннее слова, тем глубже распад и гниение...

Не Бог, не Создатель, не мудрый Спаситель поставил его в белые вожжи. Дьявол глумится над ним, мучает бессилием, невозможностью повелевать событиями и людьми. Кому нужно, чтобы он встал на колени и закрыл глаза?..

Мать Божья, дай мне силы жить в сознании своей правоты!

Лишь ответственность перед делом громадной важности удерживает его на высоком посту. Пусть сейчас развал, пусть риск позора, проклятия, смерти! Именно теперь, в самые критические дни борьбы, он считает недопустимым любой другой поступок, кроме как быть верным долгу. Он давно видит, какой скверный оборот принимают события, но считает высшей подлостью заботу о своем, личном. Все, что угодно, но не позор трусости и предательства!

Он взращен на славных традициях и знает, где место адмирала и как гибнут адмиралы. Он сделает все, чтобы спасти корабль, имя которому — Россия.

Бог поставил меня на этот путь!

Только бы освободить корабль от балласта, только бы отправить за борт весь балласт! Он не оставит Россию!

Честь, слава, Родина!

Все это вздор, бабьи страхи! Еще живет и борется белая Русь! Не звонить колоколам в помин ее!

И если ему, Александру Колчаку, суждено начать все сызнова, если судьбе будет угодно подарить ему такое счастье, он освободит корабль от балласта! Он возродит святой смысл имени — Россия!..

«Шла девица за водой, за студеной ключевой...» — поют за окнами солдаты конвойной команды.

— ...Я еще раз могу объяснить свое понимание истории. Это не мои мысли, однако я их глубоко чту и разделяю, — говорит адмирал своему мальчику-адъютанту. — Нашу эпоху знаменуют два главных фактора: варварство социальных учений и сатанинское обожествление еврейства, искусно созданное мировым еврейством, их богатством, интернациональными связями, космополитизмом. Россия оказалась беззащитной перед их напором — учением, которое они создали, и тем сверхраздутым представлением о себе, за коим тол-

¹ Несмотря ни на что (фр.).

пится все то же жадное еврейское племя. И за это русский народ платит ужасную цену...

Адмирал помолчал и сказал:

— Бог... он должен быть не в иконах и молитвах, а здесь... — И Александр Васильевич показал себе на грудь.

Александр Васильевич хорошо помнит последнюю беседу с генералом Дитерихсом. Генерал докладывал о ходе расследования гибели бывшего императора и его семьи, с похвалой отзывался о Николае Алексеевиче Соколове.

Это было сразу после заседания правительства.

Они остались одни в большом зале. За соседним столом адмирала ждал начальник штаба генерал Занкевич.

Дитерихс говорил:

— Вожди большевизма явились на зов народа. Они порождены требованием народа. Все, что происходит, не случайно. Ленин создан требованием народа — герой по образу и подобию народа. Именно в этом его сила. Иначе большевики не удержались бы у власти и десяти суток.

— Выходит, если хочешь знать, каков народ, попристальней приглядись к Ленину? — подал голос Михаил Ипполитович Занкевич.

— Вот именно. В Ленине получили развитие те качества, которые люди этого племени наиболее ценят.

— Племени? Это вы о русских? — спросил Александр Васильевич.

Дитерихс мотнул головой:

— Да.

Александр Васильевич нервно поднялся, закурил трубку.

Он говорил генералам, что не согласен с ними. Народ обманут, растравлен пороками старой власти, измучен войной, к тому же развращен демагогией большевиков. Он решительно заявил: народ — это не большевики!

И, забыв о генералах, он швырнул стул. В находах ярости он становился неуправляемым.

Дитерихс был черен волосом, а собою бел. С возрастом волосы дали обильную проседь. В средние лета усы носил скобочкой, подбритыми подле уголков рта. А после дал усам волю: длинно пошли и несколько пышно. В военные годы стрижку имел короткую, почти ежик. Лицо вызывало расположение простотой, типично крестьянское — миллионы таких лиц по России. Глаза слегка навькате.

Рядом с ним Александр Васильевич — щеголь, позер. Волосы на аккуратный пробор, даже прилизаны: волосок к волоску. Глаза чуть прищуренные. В лице — строгая напряженность и в то же время гордость, независимость. Губы сжаты. Под отложным воротником френча — белый офицерский Георгий, его же орденский знак и над карманом слева. Через правое плечо — узкий ремень портупеи.

Что бросается в глаза — крупный горбатый нос. Однако во всем облике прежде всего привлекает внимание несомненный ум и достоинство.

Уже прощаясь, Михаил Константинович Дитерихс сказал:

— Ничего страшнее, чем ленинизм, народ придумать не мог... и, полагаю, не придумает. Вообразить что-либо страшнее уже невозможно.

— За то и платим, — неторопливо, рассудительно ответил Занкевич.

— Наша плата — это еще копейки, — сказал Михаил Константинович и вышел из зала...

Адмирал уже давно страдал нервным истощением и прилагал все силы, чтобы скрыть это. Но напряжение работы доводило до изнурения. Об отдыхе и лечении и речи быть не могло. У него было такое ощущение, будто его пожирает огонь. Он только по-волчьи озирался: кто еще вырвет из него кусок жизни?.. Откуда еще беда?..

Всем своим естеством воспринимал адмирал сущность ленинской власти. За лозунгами о светлом будущем, классовой справедливости, заботами о бедных — нарождение новой, несравненно более жестокой несправедливости.

Народу еще предстоит познать горькую правду этих обещаний и посулов, а пока он жадно глотает незнакомое, пьянящее зелье из ненависти, крови и презрения к любой другой жизни, веря в то, что через ненависть и убийства он обретает счастье и свободу.

Положение, в котором очутились белые, подкрепляло позиции красных. Осколки старой власти — слишком часто откровенные паразиты, а с ними офицерство, тоже очень разное, и определенное число демократически убежденных людей (демократически, но не на ленинский лад) — все волею судеб сбились в одном лагере, размышляли его разнородностью и разномыслием, распрями, подозрительностью и жестокостью, в итоге скатываясь к шкурничеству как единственному способу выжить.

Политическая неоднородность вела и к заведомой нежизненности любых правительственных образований белых. Все тонуло в мерзостях разложения.

И на фронтах белые выступали удивительно (и преступно) несогласованно, словно это были не боевые генералы, которым известны азбучные истины военного ремесла. Вооруженные Силы Северо-Запада, Севера, Юга и Востока России действовали сами по себе. Это предопределило возможность бить белых по частям. И наоборот, великая собранность красного стана, сосредоточенность красной власти, по сути, в одних руках и в одном месте — преимущественно в центральных губерниях — придавали действиям красных исключительную цельность.

Верховный Правитель уже со второй половины девятнадцатого года понял обреченность белого движения, во всяком случае, вос-

точного образования его. Силы для исполнения долга давала адмиралу лишь убежденность.

Он сознавал преступность красного режима, который трупами мостил путь к цели¹.

Организация жизни при Советах представлялась адмиралу чудовищной: своевольные и бесконтрольные самоназначения кучки людей в распорядители жизни огромного народного организма, возвеличивания себя в ранг святых, уничтожение древних традиций...

Что Верховный Правитель прав, ведала лишь «женевская» уродина. Ей одной дано заглядывать в прошлое и будущее всех и каждого. С любопытством и невольным уважением вычитывала она сокровеннейшие мысли своего подопечного, выделяла из всей гряды людей.

Адмирал был верен клятве не допустить государственную катастрофу, очистить от скверны свое движение — и не допустить подчинения России Ленину и его чужеземной стае.

Колчаку был свойствен антисемитизм, как и последнему императору российскому — Николаю Второму, чей прах сейчас покоится под асфальтовой лентой дороги. Катит по нему Русь колесами...

А тогда Колчак верил: их, белых, ждет победа. Крысы оставят корабль.

Не долго пожирать версты литературным составам. За станцией Тайга они вошли в полосу эвакуации частей легиона — железнодорожная линия находилась уже под его контролем.

Легионеры угоняли награбленное, вывозили своих и не спешили с пропуском адмиральских составов. Верховный Правитель не мог это сносить безразлично и на нескольких станциях сорвался на перебранку с комендантами-чехами. Оповестив по линии об этом соседей, братья славяне всем миром принялись препятствовать Верховному Правителю: в одном Красноярске промариновали шестеро суток, да к тому же урезали литературную серию до трех составов. Пять, само собой, реквизировали в свою пользу. Ну чем не победа!.. Правда, прямо в лоб, вот так, не лягнули, то есть не сболтнули; просто оттяпали пять составов — ну не та пропускная способность у дороги. И вообще, пусть не рыпается этот Правитель. Худо-бедно, а за год мы, легионеры, освоили эту железнодорожную тропочку. Да на любом разъезде (даже самом паршивом) в начальниках — легионер, и под рукой у него — телеграф и отряд храбрых ребят. Да вся Сибирь, почитай, чешется и вообще дышит по их расписанию, а тут какой-то беззубый русский адмирал!

Знали по Сибири: нет у адмирала зубов, выпали, кроме передних...

¹ По подсчетам специальной группы офицеров штаба генерала Деникина, жертвами красного террора в 1918 и 1919 гг. стали около 1,7 млн. человек. Цифра!

Просишь помощи, берешь помощь — и теряешь волю. Уже не свободная воля, а орудие...

Кругом стыли мертвецы...

Лишь в первых числах декабря составы Верховного Правительства пробились на станцию Нижнеудинск, точнее, были задержаны в версте от станции. Дежурный офицер с адмиральского броневоза доложил начальнику штаба Верховного Правительства генералу Занкевичу о прибытии чешских офицеров.

Генерал принял их. Старший назвался командиром чешского ударного батальона майором Гассеком. Он заявил, что, согласно указанию штаба союзных войск из Иркутска, ему надлежит задержать литерные поезда в Нижнеудинске до соответствующих распоряжений. Генерал спросил майора, как тот намеревается исполнить указание штаба. Майор ответил, что разоружит охрану адмирала. Генерал дал понять, что конвой этому воспротивится и лучше для пана майора затребовать новые инструкции.

Верховный Правитель одобрил поведение начальника штаба.

По существу, это уже арест.

Да, но если бы только арест! В принудительном бездействии верховной власти — разрушительный смысл для всего белого тыла. И однако, действительность куда горше: именно в эти дни завязываются восстания в городах и они явно опираются на сочувствие легиона. Восстания и возможны лишь из-за расположенности легиона в пользу антиколчаковщины эсеровского толка. Этим «железнодорожным» арестом белочехи выводят Верховного Правительства из борьбы, обрекая на гибель и его, и его армию...

Бредут в снегах офицеры, солдаты, женщины и дети и не знают, что судьбы их решены, что назначено им умирать...

Через несколько часов пан майор Гассек предстает с дополнительными инструкциями генерала Жаннена.

Правит в этой стороне России французский генерал. Ему определять, где и кому складывать головы.

И солнце сверкает. И снег искрится по всей тысячеверстной тайге. А только умирать все равно придется. Лягут они все в звонкий металл земли.

Верховный Правитель России в сотый раз перечитывает инструкции:

— поезда адмирала, в том числе и с золотым запасом, состоят под охраной союзных держав;

— после смягчения обстановки поезда будут выведены под флагами США, Франции, Великобритании, Японии и Чехословакии;

— станция Нижнеудинск объявляется нейтральной; чехам надлежит охранять поезда адмирала и не допускать на станцию войска вновь образовавшегося правительства Нижнеудинска;

— конвой адмирала не разоружать;

— в случае столкновения войск адмирала с повстанцами чехам надлежит разоружить обе стороны.

Последний пункт более чем примечателен. Во-первых, он доказывает, кто здесь хозяин: легион способен разоружить обе воюющие стороны; следовательно, сил у него более нежели достаточно, и он единоличный вершитель судеб в полосе железной дороги, а кто владеет ею, тот владеет Сибирью.

Во-вторых, этот пункт свидетельствует и о том, что союзники уже поставили крест на Колчаке — он для них не верховная власть России. Да и сам тон инструкций, переданных пану майору, оскорбителен: сидеть адмиралу — и не подавать голоса, пока господа союзники не соизволят свистнуть. Но ведь он — русский адмирал. За ним — десятилетия службы во флоте, крещение огнем и кровью в двух кровопролитных войнах, а также научная экспедиция во славу Отечества. И пока он — вождь всего белого движения...

В общем, белочехи обеляются всеми средствами, ну нет у них ничего такого ни с Колчаком, ни с колчаковщиной; они как один за демократию. И настроение у них давно не то: был да сплыл Западный фронт во Франции. Германия аж с 28 июня живет по Версальскому уставу. Австро-Венгрии вообще нет в природе: рассыпалась! По всей Европе с 1919 г. — покой и благоденствие. Недаром так заспешили на этот самый покой легионеры. В конце девятнадцатого, чуть ли не в ноябре, тиснули документ о срочном уходе из России.

В те же недели их уполномоченные Павлу и Гирс публикуют меморандум об отказе покрывать зверства колчаковцев чехословацкими штыками. Братья славяне сами занимались не благотворительностью, но ежели обеляться, так обеляться.

Лучше быть нищим, околеть от холода и голода, но не принимать помощь. У людей помощь — всегда удавка, подлая зависимость. Ибо за помощь людей расплачиваются. Нет у людей бескорыстной помощи...

Есть... милосердие. Но ведь то... подачка, подаяние... А помощи как выражения любви, чести, пусть, долга — нет и не бывало вовек.

Понял это адмирал в те дни. Да разве дни? Горечь и мука в душе.

Понял и все время повторял про себя эти слова. И все жалел (ну сущий ребенок!), что нет крыльев. Не может лечь на крылья и унести себя и свою гвардию.

В трупные ямы втягивались адмиральские составы...

Целых две недели союзники томят Верховного Правителя в Нижнеудинске. Его положение и унижительно, и беспомощно. В эти дни берет разгон и побеждает восстание в Иркутске, и Политический Центр предъявляет требование о выдаче Колчака, а ведь от Нижнеудинска до Иркутска день или два ходу даже по тем дорогам.

Адмирал мог быть на месте и, следовательно, влиять непосредственно на события задолго до восстания.

У белочехов, кроме общечеловеческих, демократических обид на Верховного Правителя, свилась под сердцем еще одна, так сказать, сугубо личная, весьма жгучая, ну просто рана, а не обида!

Распорядился Верховный Правитель не пропускать с их эшелонами награбленное добро как национальное достояние России — ну разве не реакционер! Куда ж им в таком разе с чемоданами да золотом, драгоценностями и прочей рухлядью?

На совесть прибахлились бывшие пленные, на самый кадык русским поставили ногу, все тут на уважительный тон с ними. И золото изымали, и волжско-камских и сибирских мужиков стреляли да вешали, и при любом случае жгли, взрывали, конфисковывали, и вообще пялили девок единолично и «хором» — и все, само собой, без малейшего риска ответственности и разных там угрызений совести. Ну никакого секрета для легионера насчет цвета крови у туземных мужиков с бабами!

А что словаки и чехи основательно обобрали Россию от Волги до Владивостока — факт, не требующий доказательств. «Нищие» пленные по возвращении на родину организовали Банк чехословацких легионеров — едва ли не самый крупный банк того времени в буржуазной Чехословакии.

И не напрасна та железнодорожная пробка под Иркутском. Сочинена она была командованием легиона. Иначе ускользал Верховный Правитель со своим штабом и преданными людьми в каком угодно направлении. Не была железная дорога еще порвана восстаниями, приказывай — и кати! А при таком раскладе спасет адмирал остатки своей Колчакии, склеит, подремонтирует — да опять развезет контрреволюцию!

И зачем вообще его оставлять в живых? И без того столько знает и о столько осведомлен, Матка Бозка!..

Нет, не для того сидит в Иркутске одноглазый генерал Ян Сыровы со своим вдумчивым штабом. Метят бывшие пленные флажками карту Сибири, решают, где править эсерам, где умирать колчаковцам, где — самому Верховному Правителю России, а где спешить поездам к Владивостоку с их чешско-словацкой ратью. Ну в самом разгаре их демократически-военная операция. Да они этого белого лебедя враз заземлят!

И заземлили...

Сигизмунд Герберштейн посетил Россию в 1517 и 1526 гг. Бывал он еще и в землях датских, швейцарских, нидерландских, итальянских, испанских, французских. По тем временам не жизнь, а подвиг.

О царе Василии Третьем (отце Ивана Грозного) он писал: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством... Все они (русские. — Ю. В.) называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе».

Через 300 лет Н. А. Некрасов напишет:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа...

Валом поднялся этот слой людей — и раскрутил эту новую жизнь, в которой яркими звездами загорелись родимые пятна холопства.

Старая жизнь.

Новая жизнь.

Тяжкая жизнь, в которой деспотизм вращает солнце, небосвод, души.

Жизнь, в которой проклят всяк, кто смеет смотреть прямо в глаза, кто видит за собой право на свободную речь.

Огнем общего презрения, нетерпимости, отчуждения сжигают здесь всякого, кто смеет говорить не по назначенному и не склоняет чело перед идолами.

В этой жизни обречен всякий, кто стаптывает с себя рабские одежды.

Земля несчастная, проклятая, принявшая все удары дикого, необузданного варварства, надорвавшая душу в тысячелетней боли и муках.

Израненная, истерзанная душа.

Свободная только в смерти.

Наконец в Нижнеудинск из Иркутска от союзников поступает «великодушное» предложение: коли адмирал не против, его вывезут чехи, но уже не литерным поездом, а в одном вагоне, как подobaет при демократии. О поезде с золотым запасом последуют отдельные инструкции: тут без деликатностей нельзя, тут свой демократизм нужен, своя тонкость.

Аж в глазах темно: 30 тыс. пудов!

Ни тебе комиссионных, ни налогов с разными там обязательствами — ну просто железнодорожный состав!

Все союзные высокие комиссары на этот состав в своих картах кружочки рисуют: и сам североамериканский комиссар господин Эллиот, и великобританский, и чехословацкий, и просто японский генерал — командующий экспедиционным корпусом, и все тот же господин Реньо со своим переводчиком и советником капитаном Пешковым — ну незаменимый сотрудник в этой туземной стране! Сам генерал-лейтенант Жаннен от него в восторге. Пешков?.. Да настоящий француз из русских!

Какую-то особую злобу копил на этого шустрого капитана французской службы Самсон Игнатьевич. Вроде он у него, бывшего красноармейца Брюхина, спер эти самые французские эпюлеты и вообще лишил его родства с Горьким. Не упускал случая повторять:

«Первородная фамилия Свердловых — Гаухман, а младший брат Якова Михайловича взял да пристроил себе еще одну; менять фамилии, так менять — и заделался Пешковым¹; вишь, какая штукавина, трусики-штанишки! Эту фамилию (от Горького) уже приберег на всю жизнь, не стал менять — ну ничего общего с Гаухманами. Один брат в Москве — вершит высшую власть, в первых помощниках у Ленина, а другой — у Антанты в незаменимых советниках. Что глазами хлопаешь?.. Существенно пособил этот Зиновий Пешков Колчаку. Как, как?.. Сперва пособил власть прибрать, а после выдал его со всеми потрохами иркутскому Политцентру. Ну крокодил, а не родной брат Якова Михайловича! Я за ним слежу... Еще с папши-аптекаря Гаухмана начал этот род химичить, где получше да поглубже. И сейчас этот Зяма околачивается при де Голле, и в генералах уже, даже в Китае послом побывал при этом самом... ну китайский злодей!.. Во, Чан Кайши!.. А может, и до сих пор при нем, мне ж не докладывают...»

Уже взрослым я убедился, что Самсон Игнатьевич ошибался. Он, по-видимому, начитался официальных биографий Я. М. Свердлова. В действительности отец Председателя ВЦИК был гравером. И Зиновий Пешков не младший, а старший брат Я. М. Свердлова.

Зиновий Пешков отрекся от родной семьи и никогда никаких отношений с ней не поддерживал.

В свою очередь сын Я. М. Свердлова два раза арестовывался, пока сам не стал стукачом и чекистом (об этом говорится в воспоминаниях А. М. Лариной-Бухариной «Незабываемое»), навсегда запачкав себя службой в этой карательной организации и допросами своих же товарищей.

Самсон Игнатьевич не рассказывал, как Зиновий Пешков отверг предложения единоутробного брата — Председателя ВЦИК — и не вернулся в Россию, остался верен новой родине. А и в самом деле: на кой ляд ему Россия, да еще с ленинским социализмом?..

Секретарь ВЦИК тов. В. Аванесов сообщил о последних минутах Председателя ВЦИК Свердлова:

«...За полчаса до смерти дорогого Якова Михайловича его посетил Владимир Ильич, которого, несмотря на тяжелое состояние, больной все же узнал.

По уходе товарища Ленина Яков Михайлович стал стонать, и через четверть часа его уже не стало...»²

Это было в пору наибольших успехов Колчака.

¹ Зиновий Свердлов объявил себя приемным сыном Горького, не спросив на то его согласия. Но когда настала пора креститься, он сообщил об этом Горькому. Алексей Максимович был обескуражен, пожурил его, но... согласие дал. В дальнейшем называл Зиновия «Непутевым сыном Зинкой...». — См. подробнее: Пархомовский М. А. Сын России — генерал Франции.

² «Известия ВЦИК», 1919, № 59 (611), 18 марта.

Глава XII

В ЗАПАДНЕ

Верховный Правитель догадывается, куда клонят события. У него единственный выход — в Монголию!

Он отдает приказ начальнику штаба о подготовке операции на прорыв. Генерал Занкевич прощупывает позицию майора Гассека. Тот обещает нейтралитет: пусть господин адмирал прорывается куда угодно. Майор не договаривает, но это само собой подразумевается: нам, чехам, лишь бы железная дорога прокачивала составы с нашим братом легионером и имуществом, то бишь награбленным добром, а все прочее — гори синим пламенем. Но за золотым эшелонном новые республиканцы, надо полагать, досматривали зорко и распоряжения на его счет получали особые, с секретностью, и только по своей легионерско-телеграфной связи.

Верховный Правитель и ведать не ведает, что уже не властен ни над одним килограммом золота из этих благороднейших пятисот тысяч, что всем составом притулились к его бронепоезду по соседней ветке. Это уж точно, история тут все прояснила.

Верховный Правитель обдумывает предложения генерала Жаннена. Если отбросить их канцелярски-оскорбительный тон, это ультиматум, объявление о своего рода низложении его, Колчака Александра Васильевича.

Публичный акт глумления и низложение... точнее, извещение о крахе белого движения.

Верховный Правитель собирает конвой и объявляет, что не принимает предложения союзников и остается здесь, в Нижнеудинске. Ведь еще существует непобежденная армия Каппеля, и белое движение отнюдь не подавлено. Наступили тяжелые времена, но это не конец. Мы обязательно воспрянем, за нами правда. Те, кто хочет, пусть останутся с ним, Колчаком, но только добровольно, приказывать он не намерен.

К утру конвой почти в полном составе переходит к повстанцам. Легионеры скалят зубы. Тощает господин адмирал. Так его, мор-

ского выбл... В этом ругательстве, судя по Самсону Игнатьевичу, тогда изощрялись многие. Во всяком случае, сам Брюхин выразил чувства именно подобным образом. Не стареет красноармейская память.

«Крестили» адмирала и словечком покрепче, точнее — неизмеримо похабнее и грязнее. Тут низко и подло сплели морское прошлое Александра Васильевича с его любовью к Анне Васильевне Тимиревой — его молодой подруге в годы междуусобной распри. Именно этот смысл несло слово «пи...носец» — по созвучию с «миноносец».

Не будем негодовать на грубость нравов и жалеть адмирала. Не нуждается он в этом. Прожил он свой век достойней едва ли не любого из нас. Не грабил, не барышничал, не пресмыкался, жертвовал собою во благо России, ни перед кем не склонил голову и никого не предавал — ну кто из нас это может сказать о себе?..

Так зачем мы ему? Мы, клейменные всеми пороками «двуногого» счастья?

Ни в чьей жалости и утешении адмирал не нуждается — это себе возьмите, под подушку, это ваше. Нет такого, кто имел бы право сказать ему слова ободрения и уважения. Он и умер не в страхе за свою шкуру — встал на льду Ангары под стволы людей-псов...

Верховный Правитель знал солдат батальона в лицо и по имени, относился к ним с уважением. Кормлены они были, ухожены и сами-то все из добровольцев. Никого не неволили на охрану адмирала. Эх, служивые...

Измена конвоя отзывается мучительной нервной встряской. Александр Васильевич седеет и как-то усыхает в несколько дней. Однако он не считает дело проигранным и не пускает пулю в лоб — этого от него не дождутся. Он будет сражаться до последней возможности и, когда не будет этой последней возможности, все равно не признает себя побежденным. Еще не поздно все начать сызнова. Только здесь, до Байкала, десятки тысяч людей готовы сражаться за белую правду. И есть средства. Вон, сбоку, золотой эшелон. И есть русская земля для возрождения армии. Можно закрепиться в Забайкалье, можно — в Приморье. Нет, ничто не было впустую! Отныне прежде всего опора на свои силы, потом надежный тыл и никакой веры так называемым союзникам. Отныне никаких подданств, кроме белого.

Россия воспрянет из праха и пепла! Белое, синее, красное...

У Верховного Правителя созревает решение о прорыве с одними офицерами.

Поздно вечером в салоне его бронированного жилища совещание старших чинов штаба. Верховный Правитель отдает приказ о прорыве на Монголию — прямой путь в Забайкалье и Приморье перекрыт.

Один из старших морских офицеров встает и, вытягиваясь, обращается:

— Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить?

— Пожалуйста, — отвечает адмирал.

— Ваше превосходительство, ведь союзники соглашаются нас вывезти?

— Да.

— Так почему бы вам не воспользоваться и не уехать в вагоне, а нам без вас будет гораздо проще уйти. За нами одними никто гоняться не станет, да и для вас так легче и удобнее¹.

— Значит, вы меня бросаете?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство, прикажете — пойдем с вами.

— Вы свободны, господа.

Один на один с генералом Занкевичем Верховный Правитель говорит:

— Все меня бросили, Михаил Ипполитович! — И после долгого молчания прибавляет: — Делать нечего, надо ехать. — А при прощании с начальником штаба угрюмо бормочет самому себе: — Продадут меня эти союзнички...

31 декабря 1919 г. на последнем заседании Всероссийской конференции РКП(б) одним из последних пунктов постановления принято решение о «военном обучении».

«Все члены партии привлекаются в отряды особого назначения, поголовно обучаются владению оружием, кроме того, необходимо обучение владению квалифицированными родами оружия (броне-вое дело, пулеметы, аэропланы и т. д.), а также усвоение начал военной науки».

Это решение принято, когда уже разгромлены Колчак, Деникин, Юденич, Миллер и лишь на клочке крымской земли за Турецким валом копошатся остатки белых войск.

С такого рода противником (как большевики) не встречалась ни одна армия мира. Партия не только военизировалась (уже, кстати, раз и навсегда), но и окончательно превращалась в монолит, скрепленный величайшей дисциплиной и подчинением сверху донизу. Эта была особая дисциплина, основанная не только на страхе (страх подавления и расправы существовал постоянно), но прежде всего на фанатичной убежденности.

Последними словами последнего пункта постановления конференции о «дисциплине» были: партия должна «иметь характер сплоченной, централизованной и в высшей степени активной организации».

Именно эта организация, пронизав революционные войска, и придала им устойчивость. Немалую роль сыграл и институт военных комиссаров, введенный приказом Ленина в апреле 1918 г.

¹ За одни эти слова, за эту подлость и предательство, готовность отшвырнуть вождя на мучения и позор имя этого офицера должно быть проклято! Нет ничего гаже, мерзостней, чем откупаться за право существовать жизнью вождя.

Белые и не могли противопоставить этой системе организации борьбы ничего своего, кроме чисто механического военного ведения действий.

А Ленин все пуще и пуще взнуздывал партию. Она уже являлась, по сути, военной организацией единомышленников, беспощадных ко всему миру, признающих в этом мире лишь единственную ценность — учение своего вождя и его приказ, оформленный в различные партийные и совнаркомовские директивы. Это не могло не выработать у них органическое презрение, отвращение к так называемой морали, культуре и ценностям всего мира вне их.

Жаром неприятия испепеляли они все вне себя. Для мира вне их не существовало понятия гуманизма вообще, ибо человек — явление социальное, классовое. Это была исходная точка построения схемы всего мира, распределения всех чувств вообще. Сами по себе чувства эти уже не могли (и не смели) существовать.

Последние ночи Верховный Правитель почти не спал.

Его адъютант — старший лейтенант Трубчанинов — валится с ног. В надежде забыться адмирал оглушает себя выпивкой — не помогает. Сутки за сутками держится бессонница. Напротив, от водки и коньяка голова ясна — мысли в трагической ясности и отчетливости. И какой уж тут сон! Он урывками придремывал днем: 10—15 минут сидя. Теперь не нужна способность к работе дни и ночи в любом состоянии. Даже некогда было привести рот в порядок — в сохранности всего несколько зубов спереди: есть можно только все вываренное и протертое. При чем тут дантисты — ни минуты покоя. И кожный зуд, почти экзема — когда лечиться?..

А теперь странная пустота: ни звонков, ни докладов, ни сводок или совещаний. Не решает он никаких вопросов. Нет этих вопросов. И нет никому до него дела, кроме красных. И эта усталость, недосыпания, а скорее, сквозные бессонницы теперь не помеха. Какая ясность мысли, для кого и зачем?..

— При чем тут революция? — часто повторяет в своем окружении Верховный Правитель. — Это общерусский погром. И обязан он разнuzданной пропаганде большевиков. Нет, народ не взбесился. Ему просто наобещали райские кущи и сняли ответственность за насилия и разбой. Большевики развязали самые темные инстинкты, притравив бедноту на имущие сословия и интеллигенцию. Юные мальчишки с комиссарскими мандатами глумятся над страной под прикрытием лозунгов о светлом будущем. Большевизм — это преступная власть, это — глумление под соусом всяких демократических приманок. Ленин и Троцкий использовали обстановку войны с ее вынужденными лишениями, горем потери близких — и натравили на нас, нашептав людям, что мы и есть те, кто виноват во всех страданиях и лишениях. Дряхлость самодержавия лишь ускорила развитие событий. Вот и вся правда большевизма...

Колчак писал высоко и несколько узко — властный, нетерпеливый почерк.

Сибирь в те недели и месяцы душила белых по всем пунктам. Нигде не было спасения и укрытия — исчез тыл.

Не приходилось рассчитывать ни на чью верность — везде лилась кровь, и земля десятками тысяч принимала колчаковцев. И каждому из живых не было никакого другого дела, как только спасти себя и близких, а спасения не было, разве лишь для тех, кому повезло и кто оказался в те месяцы на южных окраинах Сибири.

И зима с невозможностью пробиться через снега, и редкие дороги, и морозы под сорок градусов, и враждебность населения — все не давало возможности схорониться в лесу, уйти по-звериному через реки, болота, сопки... — ну все против колчаковцев! Одни ледяные могилы манят покоем.

Звонит колокол по господам офицерам, штыки им в глотки! Отлилась им народная кровь! Под заступ белую кость, захлебнись они все слезами и стоном!

Даешь один крест на всех!

Распрямялся 1920 год — еще один год всеместного избиения офицеров и всех, кто верил в белую правду: упрятать бы их, гнид господских, под гробовые доски!

Хмуρο, безглазо взирал на взбаламученное людское стадо тот, кто взял на себя смелость именем Бога творить зло и добро на земле. Этот наместник Бога все сматывал и сматывал жизни тех, кто думал иначе, нежели Ленин и Троцкий. И сходился пасьянс жизни и смерти на том, что сам Бог творит расправу над белыми.

4 января в Нижнеудинске Колчак узнает об окончательном свержении белой власти в Иркутске. Адмирал издает указ о сложении с себя полномочий Верховного Правителя России с передачей их генералу Деникину.

Своевольному и кровавому атаману Семенову адмирал передает власть над дальневосточными окраинами России.

Почитай, нет земли для трехцветного российского флага.

В презрении и ненависти три цвета: белый, синий, красный.

Истлела любовь русских к слитым воедино цветам: белому, синему, красному.

Даешь один крест на всех!

И уже новая мысль не дает покоя адмиралу, прокатывает и прокатывает через сознание: «Низшие формы жизни будут развиваться за счет более совершенных и высоких. Та новая, красная жизнь будет пожирать людей мысли и культуры. Ей нужен суррогат знаний и художественного чутья. Только хлеб и сила будут иметь значение. Низшие формы жизни взойдут на костях высших...»

Полковник Уорд сообщает о том давлении, которое оказывали на Колчака японцы (генерал Муто со своим штабом из 26 офицеров):

«Если адмирал Колчак заключит подходящее соглашение (то есть поступится государственным суверенитетом России. — Ю. В.), ее армии гарантируют ему ликвидацию в два месяца всех большевистских сил и установление монархии, удовлетворяющей офицеров...»

Безусловно, Ленин имел исчерпывающую информацию о той жажде к захвату или беззастенчивому использованию русских земель, которая сводила с ума Токио. Именно поэтому Ленин категорически противился глубокому продвижению Красной Армии за Иркутск. Именно поэтому пошел на создание буферной республики.

Только ли Ленин и большевизм — источники зла?

Не является ли его доктрина следствием определенных свойств народа?

Ведь большинство из тех качеств, которые сложили большевизм, сделали его возможным, не только результат непосредственного воздействия самого марксизма. Все эти качества обильно разбросаны как в различных революционных учениях второй половины XIX столетия, так и в его представителях. Все они взошли на определенных нравственных воззрениях, характерных для народа.

Формирование качеств, сложивших большевизм, выделение из массы расплывчатых, случайных идей в нечто обособленное, характерное было отмечено еще Герценом. Именно в них причина разногласий, точнее, неприятия Герценом этой новой волны революционности, уже другой по духу и своему социальному составу.

Так или иначе эти характерные особенности, выявившиеся в революционной борьбе второй половины прошлого столетия, уже несут нечто свое, присущее лишь российскому освободительному движению. Его первым ярким представителем явился Чернышевский, а за ним стремительно нарождается и вся масса разночинной революционной интеллигенции, в том числе и сплотившаяся вокруг «Народной воли». В ней уже отчетливо просматриваются эти сугубо национальные черты революционных идеологий. Эти черты уже не размазываются в дальнейшей борьбе с царской деспотией; они уже остаются как бы незыблемыми, само собой разумеющимися ценностями.

У ленинизма были предшественники — без этого не бывает. Ленинизм — нечто составное, он отнюдь не оригинален. Да и сам Ленин указывал на предшественников большевизма, но, как думается, данный анализ в применении к русской жизни несколько неполный. Оставим анализ философских и экономических предпосылок социал-демократии. Он сделан с достаточной полнотой Лениным.

Марксизм явился интегрирующим, объединяющим началом для чисто национальных, самобытных взглядов, представлений о русском пути революции, то есть о том, который должна исповедовать Россия, ибо он ее и для нее. Марксизм явился той коренной идеей, вокруг которой сошлись все прежде разрозненные принципы и, так сказать, революционные достижения русской мысли и духа. Марксизм господствовал над умами революционеров и доброй части российской интеллигенции, а она в свою очередь являлась лишь выразителем бессознательной веры в социализм всей толщи народных масс. Эта интеллигенция лишь улавливала и оформляла настроение народа в соответствующие революционные воззрения, которые с такой полнотой оказались выраженными в марксизме.

Но не это суть важно.

Самым существенным является то, что внешне чужеземная доктрина (марксизм) на деле явилась очень родственной для России не только по философским устремлениям образованной и решительно настроенной части общества, но и, как это ни покажется странно и неправдоподобно, по духу народа. Это та нравственная основа жизни общества, которая предопределяла подлинный успех марксизма. Никакие штыки и кровь иначе не могли бы вживить эти идеи в сознание народа.

Рабского достаточно в психологии народа, но он никогда не покорился бы насилению идей. История это доказала. Народ не изменил православию почти за 300 лет монголо-татарского ига. Отбивал все нашествия поработителей — от польских лжедмитриев и шведов до Наполеона и Гитлера. Все дело в том, что марксизм нес то, во что бессознательно верил народ: дележ земли, раздел имущества — это рай на земле.

Но и это не все. К этому добавилось и многое другое от духа народа, — духа, который складывался целое тысячелетие.

Он не мог не отразить, глубоко впитав в себя, разрушительные последствия трехсотлетнего монголо-татарского ига, надорвавшего душевные силы народа, физически истребившего самую деятельную, культурную и мужественную часть его. 300 лет произвола, убийств, униженности...

Характер нации претерпел серьезные изменения.

Церковный раскол оказался выражением не столько определенных политических изменений в русском обществе, сколько духовно-нравственных. За, казалось бы, чисто религиозным столкновением — борьба различных этических и философских идей. Еще один кризис, потрясший духовную жизнь народа, это — борьба внутри одной нации за определенные духовные ценности. Она уже отражала итог монголо-татарского ига.

Изоляция России как результат 300-летнего ига с особой ролью православия обернулась культурным застоєм и замыкательством. Это культурное отставание уже четко дает знать о себе в XVII веке.

Крепостное право, столь долгое в России, закрепило это культурное отставание трудовой массы.

Необыкновенно затянувшееся рабство — результат взаимодействия всех этих сил уже по принципу обратной связи. Рабство предопределяло закрепление культурной отсталости. Культурная отсталость способствовала живучести рабства.

Но уже начинают работать определенные качества нации, сложившиеся в веках такого существования: холопская униженность, разрушительное отношение к миру (он как бы чужд, враждебен — ведь у крепостного все отнято; нет ничего своего, даже жизнь принадлежит господину), культ твердой руки, Хозяина, сознание правомерности жизни под насилием и в насилии, нетерпимость...

Марксизм обретал в России исключительную питательную среду. Его российская разновидность — большевизм (ленинизм) — в условиях кризиса российской государственности в начале XX столетия с быстротой степного пожара полыхнула по России.

Все наше, исконно русское, национальное предопределило успех марксизма. В данном случае сама собой, отсыхая, отпадает версия о «еврейском заговоре». Устранить всех евреев до одного из русской истории — и Россия все равно проделала бы тот путь, которым движется сейчас, ибо корни его уходят в глубочайшие пласты истории. Были жуткие по крови, лютоści и разрушительности восстания Разина, Болотникова, Пугачева — кто из евреев что там готовил? А ведь эти восстания в значительной степени выросли из того «воспаления», которое тысячелетие лихорадило Россию, — лишения крестьянства земли. Земельный вопрос — это тысячелетний плач русского крестьянства по земле. Это то, что одним только Декретом о земле сразу решило судьбу революции и Гражданской войны в пользу большевизма, в пользу Ленина.

Все усилия основоположников большевизма изошли бы в словоблудии, не получив в народе понимания, не имея он, большевизм, такой исторической предрасположенности страны к намеченным переменам. И это неудивительно — ленинизм вырос на русской почве, дав прорасти в свое тело и душу тому из мировых социальных учений, которое наиболее полно отвечало его духовным, нравственным, культурным представлениям, выросшим на тысячелетнем голоде по земле, на сознании правомерности насилия (вся история — одно рабство) и нетерпимости, идущей от прежней религиозной нетерпимости, набравшей силу на противопоставлении исламу, вообще всему чужеземному, в том числе идущему «от поганых латинян», погубивших «второй Рим», давший России христианство, — Византию. Противопоставлению насилию, идущему от внешнего мира, от «нехристей» и «латинян», — православия, чистоты неоскверненной веры...

Как это ни странно покажется, в самом ленинизме на девять десятых все те же крепостничество и религиозная нетерпимость, идея исключительности. Это от них, этих идей, — отношение к людям (каждому в отдельности) и способы преодоления сопротивления мира. Лишь из религиозной нетерпимости (высшее выражение нетерпимости — раскол, костер, острог и представление о себе, Рос-

сии и русских как о «третьем Риме» — «пупе земли»), ярма крепостничества могли дать всходы основные постулаты ленинизма.

Только это и еще множество других точек соприкосновения с народной психологией и самой жизнью могли в считанные годы превратить марксизм в национальную государственную идеологию, веру целого народа, хотя всегда присутствовало в нем и значительное сопротивление, неприятие нового вида крепостного права. Однако народ в согласии со своими традициями, духом, в общем, всегда принимал сторону силы и морали силы, Хозяина, твердой руки, по-прежнему исповедуя свою государственную исключительность как идею «третьего Рима» (четвертому не бывать!), которому в мире нет равного, то есть святой Руси.

Произошло замещение креста на пятиконечную звезду, но идея государственной исключительности сохранялась в сознании народа и потому дала столь «благодетельные» всходы в осуществлении миссии носителя идеи освобождения трудящихся всего мира, идеи носительницы страданий, идеи смерти за счастье людей, лучезарное завтра.

Россия — факел всего мира.

Россия сжигает себя на алтаре во имя освобождения всего мира.

Россия и жертвенный огонь, и факел, освещающий путь в будущее.

Уродливая, но закономерная трансформация великой религиозной идеи.

В конечном итоге народ всегда принимает ту сторону, которая является противной принципам раскованной жизни и независимого духа. Участвуя до определенного предела в освободительных движениях, народ на каком-то этапе всегда решительно вступает за ограничение собственной свободы, за жизнь под Хозяином, за отказ от любых прав ради относительного материального достатка. В России побеждает не передовая идея, а сытость (пусть относительная)...

Тысячелетие в сознании народа укреплялось представление об относительном материальном достатке как сути политических требований и самой свободы. Это уже стало не выражением культурной отсталости, а определенной национальной чертой. Народ сражается не за свободу, а за гарантию более или менее обеспеченной жизни. И только.

Это и стало воплощением того бесконечно множественного диалога, звучащего в России после Октябрьской революции:

— У тебя есть дом?

— Да, у меня есть комната в общей квартире. Обещают отдельную квартиру, но не сразу.

— А работа?

— Есть. Я окончил техникум (институт, училище).

— Хорошая?

— Да вроде бы...

— А баба есть?

— Да, у меня семья. Мы с женой...

— Так что ж ты, вражья морда, толкуешь о свободе?!

Навсегда в сознании народа спаялись, совпали эти понятия — на определенный достаток и свободу — как единое целое; точнее, как сугубо материальное, вещественное, что, само собой, подменяет духовное, нравственное, в том числе и самое великое — свободу.

Здесь, на этой земле, всегда первородно — материальное, отнюдь не дух.

Скривленные тысячелетием всяких насилий и подъяремного существования кости России принялись было выправляться в начале столетия...

В огромных общественных явлениях, в отличие от жизни одного человека, случайно ничто не происходит, во всяком случае, не имеет длительного исторического продолжения.

Все силы, заложенные в русском народе, сошлись в одном взрыве — революции 1917 г.

И это дано пережить народу.

Чтобы легло в историческую память народа, возвысилось над прежними представлениями и послужило основой для организации жизни на новых началах.

Адмирал придирчиво следит за формой и выправкой. Никто не смеет уловить какие-то перемены в нем. Он принадлежит не себе, а делу. И потом — он же моряк, черт побери!

— Я разделял мнение графа Витте, — вспоминает Верховный Правитель. — Да, Россия переросла форму существующего строя. Она устремилась к строю правовому, на основе гражданских свобод, отнюдь не к диктаторскому режиму. Это общеизвестно: страна нуждалась в переменах. Их ждала вся Россия, и заслуги большевиков в том никакой! Февраль семнадцатого — это стихийное неприятие старой власти, это отмена ее явочным порядком. Подчеркиваю: прежде всего стихийное. Бедствия войны, земельный голод большевики переплавили в ненависть народа и междоусобную смуту...

Не дано было Верховному Правителю понять, что в целях революции различные слои общества решительно расходились. Движение народа за право на землю и раздел имущества, собственности интеллигенция приняла за движение только во имя свободы. А другие слои соответственно видели другие ценности. И получилось: народ двинулся за одним, а другие — за своим, в частности, интеллигенция — за свободой в самом широком, неограниченном виде. Крестьянина эта разрушительно-неограниченная свобода не волновала, ему бы сесть на свою землю...

Адмирал выслушивает полковника Решетова, а когда остается один с адъютантом, приказывает вызвать врача.

Врач выполняет приказ и приносит цианистый калий.

Старший лейтенант Трубчанинов засыпает порошок в пистолет-

ную гильзу — под ватную затычку. Адмирал завязывает гильзу в угол платка. Так она совсем незаметна и, кроме того, будет в сохранности: узел туг и не позволяет выпасть затычке.

Адмирал смеется:

— Вот и пригодилось умение вязать морские узлы.

От броневых плит, несмотря на обшивку и печное тепло, веет льдом. Запах молодости — службы на боевых кораблях.

Адмирал чокается с Трубчаниновым за то, чтобы никогда не развязывать этот платочный узел. Ему искренне жаль, если что-нибудь случится с этим мальчиком в морской форме.

А случиться может — и даже очень скоро...

Здесь, в штабе у адмирала, служат одни моряки, кроме самого начальника штаба — генерала Занкевича.

Ночами, когда избывали шумы и безмолвно ползла минута за минутой, адмирал молился. Нет, он не отличался набожностью.

Он лежал на диване в своем «кубрике» под хилым отсветом дежурного огонька и беззвучно набирал слова молитвы. Собственно, это были не молитвы в их привычном понимании. Адмирал объяснял себе свои поступки и поступки других. От этого в молитвах была глубокая искренность в обращении к Богу. И ни разу он не попросил у Господа снисхождения или защиты. Он верил, что действует во имя Отчизны и народа.

Его настолько поглощал этот горячий исход мыслей — приглушенные шаги и голоса за щелями-бойницами броневое вагона и утомительный кожный зуд не в состоянии были ослабить или спугнуть их. Он парил в тугом воздухе мыслей — и ничто не могло ему помешать.

Через каждые два часа патрули менялись. Их теперь составляли лишь из офицеров и только с фронтовым опытом — это означало быть проверенным кровью. Патрули сутки напролет кружили вокруг бронепоезда и состава с золотым запасом. Патруль от патруля — в пределах видимости; ночами это около ста шагов. Поодаль от литерных составов располагались заслоны легионеров, а еще дальше — наблюдательные посты повстанцев. Они проглядывались по ярким кострам.

В самом бронепоезде круглые сутки дежурили офицерские расчеты, у пулеметов и по «кубрикам» бродили дневальные. Порядок выдерживался флотский.

Исповедуя себя подобным образом, адмирал не подозревал, что эти ночные встречи с самим собой и дают ему силу держаться среди повального предательства и шкурничества.

Адмирал не страшился ни увечий, ни смерти, ни лишений. Он заклинал себя от одного: быть преданным. Он уже чувствовал, как близка эта петля предательства и как норовит захлестнуть шею. Посему все молитвы он заключал одной-единственной просьбой: избавить от участи быть преданным.

Больше он у Всевышнего ничего не просил...

Один из знатоков сыска, А. П. Мартынов, рассказывал «во французской стороне, на чужой планете»:

«За первые 16 лет нашего столетия не было более спокойных годов, чем 1909-й и последующие за ним годы, вплоть до революции, — спокойных в смысле ослабления революционного, организованного напора на правительство.

Играли роль в этом следующие причины:

Общий упадок революционного настроения в связи с неудачей бунта 1905 года.

Удачная борьба правительства с революционными организациями при помощи реформированной жандармской полиции.

Выяснившаяся в 1909 году «провокация» Азефа, расстроившая всю партию социалистов-революционеров и ее террористические начинания.

Перенесение центра разрушительно-революционной стихии из подполья в полуоткрытые и полуполициальные общественно-политические группировки, борьба с которыми требовала иных методов...

В области чисто подпольных революционных партий положение было донельзя простое и понятное: в революционном подполье «барахталась» под полным контролем жандармской и охранной полиции только одна большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии с ее организациями, рассеянными по наиболее крупным городам; этим организациям мы, жандармская полиция, позволяли едва дышать, и только в интересах политического розыска...

Если же рассматривать роль подполья в смысле непосредственного фактора, приведшего к революции, — она была ничтожна. Я настаиваю на этом утверждении, хотя бы оно показалось моим читателям необоснованным.

Графически формация, рост, активность революционного подполья с начала столетия непрерывно тянулись вверх, приблизительно до 1908—1909 годов, после чего быстро и так же непрерывно, я бы сказал, безнадежно стали катиться вниз, выражаясь в медленном, но верном ослаблении революционного подпольного организованного напора и в дезорганизации и частичном отмирании и уходе с политической арены целых организаций за шестнадцать лет текущего столетия в России.

Таким образом, организованное революционное подполье, представленное в императорской России времен Великой войны (первой мировой войны. — Ю. В.) разрозненными и разбитыми ударами розыскных органов разными «бюро», «местными группами» и отдельными партийцами, силившимися что-то представлять собой, действуя от имени Российской социал-демократической рабочей партии, — конечно, не могло организовать той катастрофы, которая вылилась в Февральскую революцию...»¹

¹ Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. 1972.

В сыске полковник Мартынов являлся талантом первой величины, практикой и пониманием этого дела ничем не уступая генералу Спиридовичу, скорее всего, даже был крупнее — «самый-самый» знаток революционных партий и борьбы с ними; монархии оставался предан даже тогда, когда все рухнуло и царя с его семейством уже схоронили под проселочной дорогой.

Незадолго до смерти Мартынов писал:

«Мы только теперь, в эмиграции, стали понимать, что революция безразлична, главным образом оттого, что она целиком построена на морализме, и что революция так безбожна и бесчеловечна оттого, что она выросла из идеи человекобожества. Революция исказила и уничтожила материальные ценности потому, что она материалистична. Революция и революционеры так омерзительно несправедливы потому, что они одержимы идеей справедливости. Мы теперь только, в эмиграции, поняли, что революция — это есть реакция...»

То ли чудится мне, то ли кажется,
То ли старый колдун куражится...

Этот старый колдун взял за руку Александра Колчака и ведет, влечет в бездну. И свет меркнет, меркнет. Смыкается в мрак.

Старый колдун отменно видит и в темноте, и в нестерпимом блеске и огне звезд. Он ведет, тянет Александра Колчака и кривляется, паясничает.

То ли сатана превозмогает Господа, то ли Господу угодны страдания и гибель людей — столь слабых и беззащитных перед всеми напастьями и силами природы. И срываются в бездну, почти каждый из живущих срывается, — с рыданиями, стоном и криками исчезают в черных вихрях.

Незряче, с гордо откинутой головой ступает рядом с колдуном-шутком белый адмирал. Вот-вот последний шаг, и сорвется в бездну. И распадется его плоть, рассеется на мириады частиц...

Угодно это Господу. От веку так поступает с людьми.

Почему-то свою вселенскую распря с сатаной перенес на людей. Что им за радость в этом — муки людей, слезы, кровь, обман, предательство?..

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Родился Александр Васильевич Колчак в 1873 г. в семье морского артиллерийского офицера в Петербурге. В 1894 г. окончил Морской корпус, в совершенстве владел английским и французским, что, впрочем, по тем временам являлось вполне естественным...

Из протокола допроса Колчака:

«...Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до третьего класса; затем в 1888 году я поступил в Морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году.

В Морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда.

...Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южнополярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южнополярные страны. У меня была мечта найти Южный полюс. Но я так и не попал в плавание на южном океане...»

Он таким и остался — «мечущимся в поисках за общим благом мечтателем...».

Юношеская мечта о подвиге, о Полюсе переплавилась в мечту-долг о спасении России. Он принял на себя эту обязанность как тяжкий крест, не имея никакого честолюбивого зуда. Только долг.

Он был лишен всякой рисовки. Всегда. Во все годы жизни.

Предельно искренний человек.

Он юношески мечтал служить подвигу, добру, на краю земли добывать знания, быть среди первых, кто открывает Жизнь.

Юный Колчак увлекается точными науками и заводским делом. Слесарное дело он изучал в мастерских Обуховского завода, где служил отец. Потом близко познакомился с адмиралом С. О. Макаровым.

«Обучение в Морском корпусе состояло из двух частей: «одногодичного общего курса и трехлетнего морского. На общем курсе воспитанники корпуса изучали программу 6-го класса гимназии и на этом завершали общее среднее образование; на морском курсе они получали профессиональную подготовку для службы в качестве вахтенных офицеров, младших штурманов и командиров противоминной артиллерии...»

Численный состав корпуса определялся утвержденным штатом в 740 человек. Ежегодные выпуски до 1910 г. составляли 80—90 человек. В 1911—1913 гг. выпускали в среднем 119, а в 1914 г. — 260 человек...

Недостаток командных кадров остро ощущался уже накануне мировой войны...»¹

За мужество при обороне Порт-Артура Колчак награжден Золотым оружием.

Колчак в 1904 г. командовал миноносцем «Сердитый».

¹ Б е с к р о в н ы й Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.

В 1906 г. — служил в Морском Генеральном штабе.

В 1908 г. — командовал траулером «Вайгач».

В 1911 г. — штаб-офицер Морского Генерального штаба.

В 1912 г. — командир эскадренного миноносца «Уссуриец».

В 1913 г. получил под командование эскадренный миноносец — «Пограничник».

В мировую войну (с сентября 1915 г.) он руководит Минной дивизией на Балтике, а затем — всеми морскими силами в Рижском заливе. С его именем связан ряд славных боевых дел.

С 28 июня 1916 г. вице-адмирал Колчак командует Черноморским флотом и деятельно готовит десантную операцию на Босфор и Дарданеллы, и, если бы не Февральская революция, состояться ей во второй половине семнадцатого года. В ее подготовке принимает участие и подполковник Верховский — будущий последний военный министр дооктябрьской России.

По воспоминаниям очевидцев, в частности автора книги «Год интервенции» Маргулиеса¹, «Колчак искренне ликовавал после Февральской революции, был все время празднично настроен...».

Из протокола допроса:

«Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну...»

Я первый признал Временное правительство, считал, что как временная форма оно является при данных условиях желательным, его надо поддержать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и, какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился (точь-в-точь такие слова произнес и Корнилов. — Ю. В.). Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают...»

Близкий к Колчаку человек вспоминал о нем: «...в губах что-то горькое и странное; важности никакой, напротив, озабоченность, подавленность ответственностью, иногда протест против происходящего».

Я решительно против мистического отношения к русскому характеру, против отношения к нему как некой иррациональной

¹ М. С. Маргулиес — петроградский присяжный поверенный (адвокат), видный земский деятель, заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета, занимался медицинским и санитарным обеспечением армии. Составил себе имя защитой адмирала Небогатова на процессе о сдаче боевых кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры японцам. Одно из высших лиц масонской ложи «Северная звезда». Член правительства Юденича.

величине. Этот характер — целиком следствие строго определенных исторических условий. Если определить грубо — результат пограничного положения нашего народа (коренной России: Воронеж — Рязань — Москва — Владимир — Новгород). На формирование душевного облика русского, его мирозерцание оказывали воздействие в равной мере и Восток, и Запад, да еще в особой форме — вооруженного противоборства.

Но первым и главным, что оказало неизгладимое влияние на русских, — это монголо-татарское нашествие, столь изуверски дикое, что даже по меркам того времени выделялось как нечто чрезвычайно непостижимое, как кара Божья (русские в летописях гадали: за какие прегрешения кара, чем они хуже других народов, в чем провинились перед Господом?).

С батыевщиной связано истребление русского народа и последующее **закабаление остатков его на века**. Ты уже никто, в любой миг тебя могут угнать в рабство, убить, отнять жену, изнасиловать на глазах дочь, мать. **И это состояние тоже на века.**

И непосильный труд тоже на века: тебе ничего не принадлежит. Ты раб, который работает, как живая машина для производства продуктов и ценностей не для себя и семьи, а другого человека — твоего господина. Он может тебя уничтожить, забить, он может распродать твою семью в розницу, каждого по отдельности: сына, отца, мать... Этот человек застит свет, могущество его непреоборимо.

Отсюда отношение русского к собственности как к чему-то сугубо враждебному, ненавистному. Собственность в России — это прежде всего символ несправедного, рабского труда, твоего порабощения, горя. Русский ненавидит собственность. Он готов ее громить, портить. Он рад изломать господское жилище, рад изломать все, что не принадлежит ему, но особенно господское, поскольку все вне его — это боль, принуждение, издевательства, ложь. И это исходит от власти.

Эта черта укрепляется, становится родовой в русском характере. Отныне все, что не принадлежит мне, — ломать, портить, уродовать (это относится и к людям).

Данное отношение к труду и собственности закрепляет крепостное право — вторая могучая причина особенностей русского характера. Крепостное право дотянулось почти до нашего времени. Я родился через 74 года после отмены рабства Александром Вторым. Это совсем близко, это — наше вчера. И это вчера длилось веками, почти тысячу лет. Какими тогда могут быть люди? Ведь это было не игрушечное рабство. Людей продавали, семьи разбивали, разлучали жениха и невесту, продавали детей, а семью отсылали в другую деревню. И труд с утра до ночи на господина. И всего клочок своей земли — не своей, а хозяйской. В любой миг она может быть отнята. И суд, и полиция, и армия — все на стороне господ. **Вечная неправда. Вечная каторга.** Вечное издевательство над самым смыслом бытия. И в утешение один Господь...

Исключительная долговечность и свирепость крепостного права оказали мощное воздействие на характер народа.

Крепостное право как бы закрепляло итоги монголо-татарского ига: все в этом мире не твое, чужое, ты не принадлежишь даже себе.

В истории русский народ являлся всегда жертвой. На этом уровне и формировалось его сознание, отчасти и культура.

Человек создает в себе мир и в этом мире ищет утешения и счастья, и он действительно счастлив: с ним и для него — Бог. Бог и его душа — это его, это принадлежит только ему, маленькому, зачумленному трудом, риском каждого часа существования человеку.

Отсюда в жизни народа такое значение приобретает религиозное начало.

Церковь — единственное приятие души русского, она подлинное вместилище его души. Только в церкви, с Богом человек чувствует себя не одиноким, не брошенным, не бесконечно несчастным.

Это обращение человека внутрь себя и составляет национальную особенность русского народа.

Этот уход в себя веками формирует русский характер, в котором начисто отсутствуют практическое, накопительское начало, особое отношение к богатству. Оно и не может иметь место в русском, точнее, получить столь могучее, преимущественное развитие и значение. Труд не принадлежит ему, сам он — чужая собственность. Таким был и 70 лет при большевизме: принадлежал государству, карательной силе, но не себе, все свое по-прежнему вымарывалось, подавлялось. И опять-таки труд при большевизме — для государства, но не для себя. Опять кто-то над тобой — огромная, всеподавляющая безликая сила.

Поэтому труд был и есть все та же форма насилия, а собственность — предмет ненависти.

Поэтому русский человек чужд накопительству, которое, скажем, столь ревностно растит и холит в человеке кальвинизм и вообще протестантизм, которые лепят из человека поклонника собственности, раба денег, накопления, поэта скопидомства.

Русскому не принадлежит ничего, кроме его души. Он и живет в этом внутреннем мире, который приобретает огромные, бесконечные размеры. Это четко прослеживается в нашем национальном характере.

Мне кажется, здесь надо искать истоки, начала всех великих потрясений в жизни России, смысл необычной литературы, философии, поэзии и музыки — ибо это в чистом виде выражение этой самой души.

Душа и есть то стержневое, что столь отличает Россию от западной цивилизации.

В самом конце апреля 1917 г. на Черном море команда эсминца «Жаркий» наотрез отказалась участвовать в работах по перевооружению корабля, заявив, что воевать не будет. Через несколько дней

вице-адмирал Колчак распорядился выйти эсминцу в море. Экипаж заявил, однако, что плавать под командованием старшего лейтенанта Веселаго отказывается. Уговоры эсеровско-меньшевистского Севастопольского Совета на решение команды не повлияли.

18 мая вице-адмирал Колчак распорядился списать на берег четверых членов судового комитета «Жаркого». В ответ команда изгнала с корабля старшего лейтенанта Веселаго.

Делегатское собрание представителей всех кораблей эскадры и частей гарнизона приняло резолюцию о необходимости наказания командира «Жаркого» (он отличался нестерпимой придирчивостью и высокомерием).

В Центральном архиве Военно-Морского флота хранится резолюция:

«Членов судового комитета эскадренного миноносца «Жаркий» дисциплинарному взысканию не подвергать и порицаний комитету, как и команде, не выносить».

Командующий флотом вице-адмирал Колчак обратился к военному министру Керенскому с просьбой отдать приказ о передаче дела прокурорскому надзору для привлечения виновных к суду. Командующий хотел воспрепятствовать разложению флота.

Керенский, однако, отказался от отдачи подобного приказа. Он передал дело на усмотрение командующего флотом.

Александр Васильевич данным правом не воспользовался. Никто не отважился брать на себя ответственность в бурное революционное время.

Вскоре содержание телеграмм, которыми обменивался штаб флота и Петроград, стало известно — его обнародовали газеты. Собрания команд потребовали ограничения власти офицеров. Делегация матросов-балтийцев качнула далеко влево настроения черноморцев. Собрания на боевых кораблях требовали разоружить офицеров, а вице-адмирала Колчака отстранить от командования.

В помещении севастопольского цирка состоялось собрание делегатов кораблей, частей гарнизона, рабочих и солдат. Собрание приняло резолюцию:

«Командующего Черноморским флотом вице-адмирала Колчака и начальника штаба капитана I ранга Смирнова как возбудивших своими действиями матросские массы устранить (так и написано: «устранить». — Ю. В.) от занимаемой должности, вопрос об их аресте передать на экстренное рассмотрение судовых и полковых комитетов».

7 июня Временное правительство отозвало вице-адмирала в Петроград. На флот прибыла правительственная комиссия для расследования обстоятельств конфликта.

Искать его, Колчака, вину за то, что он боролся против врага и всеми силами пытался сохранить боеспособность флота?!

Это был удар для адмирала.

Александр Васильевич был не способен уразуметь, на чем заквашивается в большевиках непреодолимая тяга к разрушению государства, позорное намерение любой ценой поладить с немцами — даже ценой уступок русских владений и контрибуции. И вообще, он хочет знать точно, что называется, до последней буквы, кто такие большевики, и в первую очередь Ленин — этот полурусский (по мнению Колчака, полуеврей¹; об этом он не раз говорил в своем окружении), с такой готовностью пропущенный немцами через свою территорию (и это во время войны!) и проживший чуть ли не весь век в заграничных книжных хранилищах. Откуда это отсутствие каких бы то ни было сомнений в необходимости ломки России и устройстве другой жизни? Разве схемы могут давать подобную уверенность? И еще немаловажный вопрос: откуда черпают средства большевики? На одни партийные взносы и пожертвования не организуешь столь всеобъемлющую и дорогостоящую агитацию! Где источник материальной энергии этой партии, если численность ее не превышает и ста тысяч?..

Какова бы ни была воля народа, он знает твердо: шутом он, Александр Колчак, не будет не то что у кого-либо (пусть даже «прогрессивно-побеждающего народа»), но и у самого Господа Бога. А что власть, навязанная Лениным и его единомышленниками, не что иное, как кровавое шутовство, он, Александр Колчак, не сомневается.

Неисчерпаемое множество доводов дни и ночи не давало Колчаку покоя. Нет, он убил бы себя, если вдруг оказалось, что он действует вопреки национальным интересам России. Он слышит зов России!

Адмирал не воспринимает людей, которые единолично присваивают себе право распоряжаться жизнями всех и назначают это людям. Таких поучающих он немало встречал среди писателей, художников и... политиков.

И вот теперь Россия поставлена к стенке утопической идеей нескольких господ. Российская интеллигенция...

Все социальные, экономические и политические построения марксистов Колчак относил к утопиям, которые не могут воплощаться в жизнь иначе, как только с выламыванием костей и кровью. Именно поэтому у большевиков основной пункт в программе — диктатура пролетариата. **Диктатура как способ не только захвата власти, но и постоянного управления государством.**

Все эти мысли Колчака бережно хранила в памяти Анна Васильевна Тимирева. Прежде они хранились в нескольких документах, написанных рукой адмирала, отобранных у нее при втором аресте. Они отложились в сознании буква в букву.

Нет, он, Александр Колчак, не был прежде настроен отрицательно к парламентаризму, партиям, конституциям. Более того, он

¹ Одна четверть крови у Ленина была определено еврейской (по линии бабушки, Анны Гросскопф).

приветствовал Февраль. Но керенщина преподает гадкий урок. Все эти демократические штучки господ эсеров ведут к распаду России и укреплению большевизма. Как никто, большевики выступают сплоченной силой, которая отрицает парламентское управление и гражданские свободы. В любой момент страна может стать их добычей, и тогда... диктатура! Другой государственности ленинцы не признают...

В июне 1917 г. командование Черноморским флотом примет контр-адмирал Лукин.

Керенский, хотя и обвинит Колчака в разложении дисциплины на флоте, следствия над вице-адмиралом так и не назначит. Похоже, он побаивался бывшего командующего Черноморским флотом, уже в ту пору возможного кандидата на пост диктатора.

Колчак презирал Керенского, как и истеричные скопления людей на столичных площадях, их восторги и дешевые фразы и отвратительную погромную сущность большевистских обещаний. Керенщина ставила страну в опасное военное и продовольственное положение и, как следствие вела ее к неуправляемости.

Керенского про себя он не называл иначе, как паяц. И этот паяц, столь виновный в развале России, смел потребовать отчета за разложение Черноморского флота!

В начале августа 1917 г. Колчак отбывает в США. Это — признание американцами его боевых заслуг и желание использовать его опыт. С ним — его бывший начальник штаба М. И. Смирнов и группа морских офицеров. 16 октября 1917 г. Колчака принимает президент В. Вильсон.

Октябрьский переворот застаёт Колчака по пути домой. Он возвращается окольным путем — через Японию. Дверь в родной дом захлопнулась. Не передать, что он пережил в те часы и дни...

Хотело оно того или нет, но Временное правительство содействовало революционизации страны, приближая государственную катастрофу. Большевики и есть отныне эта самая катастрофа. Эти мысли не дают покоя теперь уже бывшему вице-адмиралу.

Как смели эти красные политики ехать домой, на Родину, через территорию врага? Да на фронте каждый день складывали головы сотни и тысячи русских людей! Уже одно это — глумление над любыми принципами свободы и справедливости. А средства, средства?! Умопомрачительные тиражи большевистской литературы для армии, народа, содержание партийных работников, различные мероприятия — никакие поступления от продажи литературы, взносов, пожертвований не в состоянии заткнуть этакую прорву. А средства на вооружение Красной Гвардии?..

«Я не сомневаюсь в реальности германского финансирования большевизма, — выстраивал доводы бывший вице-адмирал. — Эта финансовая поддержка тщательно маскируется, концы и сыскать невозможно, но они существуют, их нужно обнажить для всего све-

та. Никакие заявления Ленина с отрицанием подобных связей не способны снять обвинения. В данном случае большевики выступают как пособники исторического врага России».

Колчак не сомневался: большевики — фактическая агентура немцев, может быть, в низовом своем составе и не представляющая всех потайных дел своих вождей. И это соответствует морали ленинизма. Она, так сказать, в данном случае раздевает своих творцов. **Ибо все, что способствует продвижению (захвату) к власти, оправданно. За ними как бы освященное историей право на любые поступки, в том числе и преступления. И это — уже не преступления. Все, что на благо народа, — не преступления.**

Вот та «щелочка», через которую за Лениным хлынет весь вал преступлений: и кровь, и убийства, и лжесвидетельства, и подлоги, и мучения. Ибо это — для счастья народа...

Временное правительство с этим «паяцем» Керенским и другими эсерами явилось той ширмой, за которой готовились к своей роли большевики. Так называемые Апрельские тезисы господина Ленина (Колчак часто называл Ленина господином Бланком, имея в виду материнскую фамилию) стремительно повлекли страну к кризису. Большевики оказались той антинациональной силой, что всеми способами содействовала развитию кризиса. Ленинцы звали, уторапливали кризис, это — тактика врагов Отечества.

Весной 1918 г. Колчак занимает пост военного министра в правительстве генерал-лейтенанта Хорвата — бывшего управляющего Квантунской железной дороги, в ту пору собственности России. Уже летом Колчак покидает эту правительственную декорацию и обосновывается в Токио.

В начале сентября того же года он возвращается во Владивосток, откуда берет путь в Омск. Его цель — перебраться на юг России, к генералу Алексееву, с которым пребывает в весьма доверительных личных отношениях.

В Омск судьба забрасывает его в первые дни перетасовки правительства после создания Директории. И в этот раз Колчак соглашается на пост военного министра. Его начальник — Верховный главнокомандующий войск Директории генерал-лейтенант Болдырев. На плечах Колчака вновь погоны со звездами вице-адмирала Российского флота.

Переворот 18 ноября 1918 г. в Омске возводит его в ранг Верховного Правителя Российского государства. Отныне ему подчиняются все белые движения на территории бывшей Российской империи.

Белый, синий, красный...

Г л а в а XIII

ВЫДАЧА

Четвертого января 1920 г. Колчак передает свои полномочия генералу Деникину.

Он, Александр Колчак, должен прорваться на восток. Впереди — красный Иркутск. Усердием союзников любой другой путь уже невозможен. И для несведущего, малоопытного человека ясно, что это такое. Красный Иркутск со своим требованием выдать его — это даже больше нежели ловушка, это — плен. Что страшнее бессилия плена, глумления победителей?..

Но союзники... союзники дали обещание. Никто не посмеет (как не посмели здесь, в Нижнеудинске) сыграть в западню без их, союзнического, согласия. По всей Сибири пока их слово — закон. Во всяком случае, они хозяева в полосе железной дороги. Сдержат обещание — и за Иркутском избавление.

Он сознает свою ошибку: следовало соединиться с Каппелем. От станции Тайга это уж не столь дальний бросок. И уже никто тогда, никто не мог бы диктовать ему условия и предавать. Никто!

Впереди — красный Иркутск.

«Заблуждаюсь ли я? — пытается себя адмирал. Он старается встать на позицию понимания революции. — В общем, народ против нас. Против — это факт. Иначе не протискивался бы я в иркутский лаз, как крыса...»

Он долго распутывает доводы, оправдания, стараясь разглядеть за ними истину.

Адмирал спал два-три часа. Дни и ночи он бродил по отсекам, беседуя с офицерами, или пил. Адмирал ждет распоряжений. Союзники согласны провезти его через Иркутск лишь в обычном вагоне и без русской вооруженной охраны. Уже приходили чехи и провели подробную опись броневого состава.

Сознание не оставляют слова полковника Решетова: «Единственное, что нам принадлежит, — это смерть...»

Бессонница и непрерывное взбадривание выпивкой делают отдельные мысли прилипчивыми. Слишком...

Редело окружение адмирала, редела и команда бронепоезда, а с

нею — и команды остальных составов. Офицеры переодевались, бежали. Теперь адмирал не осуждал их. Побег из плена — это долг, а не вина. А все они — пленники. Кто бы мог подумать, пленники своих же союзников!

Не спрашивая его дозволения, чехи вчера целиком сменили охрану на золотом составе. Теперь там поголовно легионеры.

«Что за игру затеяли союзники? — раздумывал адмирал. — В чем смысл происходящего? Кто я для них теперь?..»

Адмирал приготовился к переходу в обычный вагон, который, как его предупредили, будет прицеплен к чешскому военному эшелону. Сразу за его вагоном встанет вагон Виктора Николаевича Пепеляева.

У адмирала отсутствовало желание встречаться и беседовать со своим премьер-министром. Обычно они раскланивались и прогуливались каждый сам по себе.

После обеда адмирал собрал вещи. А что собирать? Три смены белья, бритвенные принадлежности, любимые «Протоколы сионских мудрецов». Все прочее же — бумаги...

Он перебирал письма: жены, Анны Тимиревой, фотографии; свои письма к Тимиревой, занесенные в тетради, — и долго не решался предать их огню.

Он сжег фотографии, письма жены и Тимиревой — и испытал боль. Господи!.. Потом взял себя в руки.

Свои письма к Тимиревой (тетради) не стал жечь. В них не столько своего, сколько память событий. Надо попытаться сохранить. Их после можно будет развернуть в документ времени. Он все-таки надеется на удачу. Какой смысл союзникам губить его?..

Адмирал уничтожил служебные документы, но самые важные не тронул. Он сложил их в портфель и вручил Трубочанинову. Он так и сказал ему:

— Я должен дать отчет в своих действиях будущей России — нет, не России красных. Провезти! Уничтожить только в крайнем случае. Это приказ.

Адмирал распорядился вычистить вторую смену обмундирования. И отправился в обход по теплушкам и боевым отсекам. Он намерен проститься со всеми, кто остался верен ему. Впрочем, почему ему? Делу, общему делу.

С ним поедет столько офицеров и близких людей, сколько возьмет вагон, — это передал из Иркутска генерал Жаннен. Личному конвою адмирала следовать с ним запрещено. Никакой охраны и оружия, даже пистолетов, — это условие союзников.

Сейчас он делает все, чтобы отговорить кого бы то ни было сопровождать его. Он не может ручаться за безопасность этих людей, а в таком случае лучше не рисковать. Другое дело — он. У него выхода нет.

И адмирал поднялся: надо пройти бронепоезд от паровоза до последнего тамбура и каждому пожелать удачи. Имена почти всех в памяти.

Он распрямился, взглянул в зеркало — узкую полоску утолщенного стекла, зажатую так, чтобы не рассыпаться при залпах трехдюймовых пушек артиллерийских вагонов.

Даже недосыпания последних лет и почти сквозная бессонница последних месяцев не оказались в состоянии умерить смуглость адмирала. Он смугл и по-прежнему опрятен. Вот только френч несколько свободен, похудел адмирал — это заметно. Он улыбнулся, не раздвигая губ. Сжатый рот — это от необходимости прятать остатки зубов.

Он вспомнил, что ждет его, и вздернул подбородок. Этим жестом помимо желания дал понять себе, что не сломен и по-прежнему готов к испытаниям.

Envers et contre tous...

Он нащупал платок с гильзой. Каждый раз при смене платка он наново завязывает ее в хитрое плетение морского узла.

— Слухи о моей кончине преждевременны, — бормотнул он и толкнул дверь.

Около 80 человек выразили готовность сопровождать бывшего Верховного Правителя. Он распорядился сдать оружие чехам, ведь ими обещана безопасность.

Он и эти 80 человек покидают бронепоезд и садятся в обычный вагон — предпоследний по ходу поезда. В теплушках более батальона чехословацких солдат — это охрана состава с русским золотом. Состав следует впритык за ними.

Вагон адмирала набит сверх всякой меры, впрочем, как и вагон Пепеляева. За несколько часов до отхода начальник эшелонов чешский майор Кровак доводит до сведения генерала Занкевича инструкцию штаба союзников:

- вагон с адмиралом находится под охраной союзных войск;
- у чехов приказ конвоировать адмирала до Иркутска;
- в Иркутске адмирал будет передан высшему союзному командованию, то есть генералу Жаннену;
- на вагоне адмирала приказано поднять флаги союзных держав.

Действительно, вагон адмирала разукрашивают флагами союзных держав.

Ярмарочная картинка.

Около семи дней пробиваются составы до Иркутска. На всех узловых станциях толпы народа требуют выдачи Колчака. Но чехословакам как хозяевам положения в полосе железной дороги ничего не стоит держать их на почтительном удалении. Впрочем, похоже, поступают они так прежде всего в интересах сохранности золотого состава. Теперь как бы само золото охраняет бывшего Верховного Правителя.

На подходе к Иркутску чешский комендант обоих составов майор Кровак предупреждает некоторых офицеров из свиты адми-

рала: надо бежать, пока обстановка не столь безнадежна. Неотлучно с адмиралом лишь его Трубчанинов и Анна Тимирева. Она стала его невенчаной женой осенью восемнадцатого — без развода с прежней. В эти сумасшедшие годы все смешалось, и единственное, что осталось и существует вопреки всему, — любовь. И с тех пор Анна неразлучна с ним. Детей нет, да и разве можно их по такому времени...

Александр Васильевич по-прежнему почти не спит: да попробуй сомкни веки, когда «вперед по носу» красный Иркутск, а с тобой ни одного человека с оружием. Ни одного своего. Адмирал отказался от вина и водки — все время настороже, но виду не подает.

Какой смысл в условиях союзников? Что замышляют? Почему нет открытой и прямой связи с ним, а условия передаются чешскими офицерами? Почему его не пригласят к переговорному аппарату?..

Часами Александр Васильевич смотрит в окно и угрюмо молчит.

Утром в день прибытия майор Кровак доносит генералу Занкевичу о разговоре по прямому проводу с генералом Сыровым. Командир легиона предупредил: вопрос о судьбе адмирала решен, но в каком смысле — пообещал уточнить лишь в Иркутске.

Вопрос о русском адмирале союзниками решен!

Адмирал набивает трубку за трубкой, даже слегка кружится голова. Возмущение остывает — да и сколько можно возмущаться!..

Могильным холодом веет от недомолвленности Сырового.

Александр Васильевич вспоминает последний доклад государю императору. Господи, никто никого не резал и не вешал, и русский распоряжался на русской земле! И это время было рядом, вот протяни только руку... Государь курил пенковую трубку — точная копия его головы, даже то же выражение задумчивости в резьбе.

Государя отличала выдающаяся память. Он сразу вспоминает, что на прошлом докладе по случаю назначения Александра Васильевича командующим Черноморским флотом вице-адмирал с его позволения тоже курил трубку и тут же по-дружески предложил присоединиться.

Они курили один и тот же табак — ароматный и крепкий «дубек» и обсуждали сроки и детали операции по высадке десанта на Босфор и Дарданеллы. Память восстановила подробности встречи и даже ту особенную тишину покоев — никогда ни одного постороннего звука, лишь дружелюбная, тихая речь самого государя...

И неожиданная, мучительная тоска по морю пронизала Александра Васильевича. Простор, ни конца, ни края! Вырваться из клетки, вырваться! Зачем, куда везут?!

«Нет, предали, предали, предали!» — повторяет он про себя. Кто предал, он уже знает: прежде всего — англичане. Они приняли его

на службу, благословили на крестовый поход против большевизма — и теперь отшвырнули, как бродячего пса. Взяли и пнули...

До сих пор он свято верил в величие и благородство устоев Великобритании. А что взять с Жаннена? Он только номинально главнокомандующий союзных сил, а все решает Лондон. Братья славяне в свою очередь послушно повторяют англичан и французов, хотя Сыровы и без того настоящий сукин сын...

Александр Васильевич опять, но уже с гневной неприязнью вспомнил Жаннена. Француз держался начальственно и давал понять, за кем здесь право распоряжаться. Адмирала передергивает: «Меня будут передавать Жаннену! Передавать! Господи, что за мерзость!..»

Он не выпускает трубку изо рта и от этого еще более возбудим, но надо сдерживать себя.

Несмотря на нервозность, Александр Васильевич, в общем, умел скрывать и приступы обвального безразличия, угнетенности, и находы слепой, безудержной раздражительности. А попробуй хлебни такой жизни!..

В последние месяцы ему не удастся решить одну задачу. Нет, ответ пришел, и давно, но он заново и заново решал ее.

Разве та, новая жизнь, за которую Ленин и Троцкий устроили такую кровавую резню, не есть неравенство и несправедливость? Кто как не мы, белая часть народа, смеем и должны предъявить им счет? Разве новая жизнь не идет по законам насилия и диктата?

Все несовершенства старого мира — ничто в сравнении с пороками нового, где никто никого не избирает, никто на вершинах власти не зависит ни от чьей воли, а все есть лишь один беспардонный захват власти и управление страной по законам тирании. И все это делает возможным демагогия. Невиданный в истории обман и подлоги. Нет ни свободы, ни равенства — одни обозначения на этикетках.

Старый мир ничего общего не имеет с тем громадным государственным прессом, который большевики наложили на весь народ и, сжав, довели давление на этот народ до величайшей изнурительности и натуги каждого мгновения.

И эта подлость и срам называется республикой, мечтой человечества и высшей свободой. Да за одно свободное слово или собственное суждение — расправа.

И когда все прокиснет в крови, сгниет и выродится в разврат, воровство и демагогию, ведь никто не даст ответа! Никто! Хотя люди будут знать имена виновных.

Что ж, победа ленинизма обеспечена. Еще ни одна философия не требовала для своего утверждения умерщвления целых слоев общества и вообще любого числа несогласных.

И еще целый класс в палачах... И похоже, он на это согласился...

Ленин оригинален?.. Беседа с Плехановым в апреле 1917 г. отстоялась в памяти Колчака. Он может воспроизвести ее слово в слово. Георгий Валентинович дал ему тогда исчерпывающие раз-

яснения о возможном будущем при большевиках. Плеханов говорил, что большевизм весь из опыта прошлых революций, преимущественно французских. Плеханов процитировал Дантона:

«Я предлагаю подвергнуть аресту всех действительно подозрительных людей... Заклучим их в тюрьмы. Они будут нашими заложниками».

Ленин делает этот прием одним из основных. Только он не ограничивается заключением людей, а постоянно уничтожает заложников, вырубает целые просеки в обществе. Вся так называемая гениальность этого красного вождя (похоже, красного — по пролитой крови) — в решимости творить все, что угодно, ради своей утпии.

Беседа с Плехановым не прошла для Колчака бесследно.

И Плеханов, разумеется, знал, что говорил.

Умер Георгий Валентинович в Финляндии, беспощадно критикуя Ленина и большевиков.

Журнал «Голос минувшего» (1918, № 4—6) отозвался некрологом на смерть Плеханова:

«30 мая в Финляндии, в санатории Перкиарви, скончался Георгий Валентинович Плеханов. Основатель русской социал-демократии умер в момент, когда большевизм, с которым он боролся так неустанно в рядах своей партии, довел Россию до последней степени разложения и разрушения. Перед смертью Плеханов должен был испытывать жесточайшую муку, видя, как русский пролетариат, совершая ошибку за ошибкой, наносит страшные удары и по своему собственному делу, и всей России, и человечеству вообще...»

Трагична судьба всех тех мыслителей и вождей человечества, которые умерли, не видя торжества своих идеалов, но конец жизни Плеханова — нечто исключительное по жестокости судьбы: после тридцати восьми лет изгнания вернуться на родину для того, чтобы присутствовать при ее разрушении и своими глазами смотреть на чудовищное искажение всего, чему он учил...»

Лишь после проволочек Главный Октябрьский Вождь дал позволение перевезти останки бывшего соратника в Петроград.

Ленин нутром не воспринимал любые несогласия с собой, наглухо обрезав их потом приснопамятной поправкой к уставу о запрещении группировок в партии, толкуемой с тех пор строго однозначно как запрет на любое несогласие.

Похороны бывшего соратника Главного Октябрьского Вождя, даже в некотором роде его мэтра, грозили антибольшевистской демонстрацией. Сам великий мастер на такого рода затеи, Ленин органически не терпел любой из них при своем режиме. Посему он и решил, что покойник может подождать до лучших времен. Не исключена и мстительность Непогрешимого. Он не оставлял в

покое политических противников, даже если они находились в беспомощном состоянии или молили о снисхождении.

Вообще диалектика освобождает от предрассудков. Для верующих в нее не существует счета на справедливость, имеется лишь одна целесообразность, голая выгода — и ни чести, ни благородства, даже просто порядочности. Настоящее, подлинное божество большевизма — «плаха из Женева» — главный и единственный довод и доказательство.

Сгнившая еще в самом начале своего зарождения, власть большевиков подпиралась лесом скелетов и страхом, страхом и оглулением народа.

Александр Васильевич знал, что его имя стояло наряду с именем Корнилова в череде сильных личностей России. Теперь же, один на один с собой, он с горечью признавал свою совершенную непригодность к руководству белым делом.

И это его угнетало больше, нежели собственная судьба.

Нет, отсутствуют у него напрочь качества вождя — светлой, могучей личности, способной из руин воссоздать новое дело, призывы которого, как гимн, способны увлечь. Не по нему оказалась ноша.

Вот все армии распались, даже обольшевичились, и его, Колчака, сводный батальон охраны (сплошь из отобранных людей) тоже предал, а каппелевская армия — в совершенной целостности (за исключением, разумеется, боевых потерь) и бьется иступленно и убежденно. Такой человек, как Владимир Оскарович Каппель, и должен был связать белое дело.

Колчак возненавидел большевиков не только за развал фронта и тыла, но и за союзничество с врагом, за проезд их вождей через враждебную Германию: им никогда не отмыться от этой грязи. В те дни, когда они катили по Германии, немцы убивали русских, допрашивали и избивали пленных, насиловали русских девочек и женщин — сколько об этом жутких документов он перечел за годы войны. После они были изданы отдельной книгой. Свод надругательств над народом.

И теперь эти люди, присвоившие себе власть в Москве, распоряжаются его жизнью. Во всяком случае, идет игра — это несомненно. Торгуются о цене его жизни. Он усмехается:

— Значит, чего-то стою...

Поезд подкатывает к Иркутску в первых вечерних сумерках. Состав сразу заталкивают в тупик. Адмирал напряженно смотрит в окно. К нему прижалась Анна и, не шевелясь, тоже смотрит в вечернюю мглу. С ними смотрят в окна все восемьдесят бывших господ офицеров.

— С этого мгновения не подходи ко мне, не стой около меня, —

говорит он Анне и целует ее. И тут же жадно, на всю грудь забирает дым. Тревога давит.

— Ничего не разобрать, — шепчет в сумерках старший лейтенант Трубчанинов.

— Если все устроится, не продадут, я заберу тебя, — ласково, спокойно говорит Александр Васильевич, поглаживая Анну по руке. — Жди здесь. Тебя ведь никто не знает у них. Тебе ничто не угрожает. Трубчанинов, уходите... с Анной. Вызови Апушкина!.. Нет, нет, не выдадут, но... на всякий случай примем меры.

Начальник эшелонов трусой бежит к Сыровому. Легионерские патрули указывают направление. Штаб командира легиона тут же, у вокзала.

В вагоне кладбищенская тишина. Иногда кто-то шаркнет сапогом, бормотнет что-то неразборчиво, и опять тишина. Никто не входит в вагон. Никто не выходит. Ползут минуты ожидания. Черно сгрудились господа бывшие офицеры у окон вагона. Впрочем, почему бывшие? Здесь, в вагоне, они еще господа офицеры. Никто не отменял ордена и звания.

А вот и пан майор! Генерал Занкевич спускается из вагона ему навстречу. Все смотрят только на них. Пан майор прикладывает пальцы к шапке. За стеклами окон не слышен голос. А он докладывает Михаилу Ипполитовичу:

— Господин генерал, принято решение о выдаче господина адмирала Политическому Центру.

— Что?!

— Это решение утверждено генералом Жанненом.

— Вы понимаете, что говорите?

— Это приказ, господин генерал. Выдача должна произойти здесь, немедленно.

Начальник штаба бывшего Верховного главнокомандующего мотает головой, не говорит, а мычит:

— Сами доложите, я это... не могу. Ступайте, господин майор, ступайте.

Пан майор бодро взбирается по ступенькам в вагон. Господа офицеры расступаются — коридор из спрессованных тел. Густо пахнет табаком и мужским терпким потом: неделями не мылись господа офицеры. Майор опустил глаза и бочком проталкивается к адмиральскому купе.

Остается пустяк: выдать его высокопревосходительство.

— Вот, — полушепотом произносит высокий подполковник и глазами показывает на дверь.

Майор Кровка откатывает дверь адмиральского купе.

— Приготовьтесь, — говорит он как можно более ровно и спокойно. — Сейчас вы, господин адмирал, будете переданы местным властям.

— Я?! Но почему?! — Колчак хватается за голову, в лице — отчаяние и боль.

— Местные русские власти ставят выдачу вас условием пропуска

чешских эшелонов за Иркутск. У меня приказ своего главнокомандующего генерала Сырового.

С придыханием, уважением вымолвил фамилию своего командующего пан майор. За его спиной стоит генерал Занкевич.

— Значит, союзники меня предали? — Колчак уже взял себя в руки и говорит почти спокойно.

Пан майор вскидывает руку к шапке и уходит. В вагоне погребальной тишина: та еще новость.

Михаил Ипполитович молчит и смотрит в пол — ну нет у него других забот, как что-то там выискывать. Офицеры только крестятся да вспоминают, какие ладные ручки у «максима».

— Всем выйти! — приказывает Колчак. — Нет, нет... Анна, останься! Апушкин!

Откатывается дверь, и перед адмиралом вытягивается офицер — тот самый, что показывал глазами майору Кроваку на дверь адмиральского купе.

— Ваше высокопревосходительство, подполковник Апушкин прибыл по вашему приказанию!

— Задвиньте!

Трубчанинов из коридора задвигает дверь.

— Вот тетради, здесь письма... — говорит Колчак. — В общем, это надо сберечь. Погибну — распорядитесь, как совесть подсказет.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

— Да что там «высокопревосходительство»! Обнимемся на прощание.

И они обнялись.

После Анна отвернулась к стене, а подполковник Апушкин расстегнул френч и торопливо засунул под брючный ремень тетради. Застегнулся, привел себя в порядок, коротко кивнул и, дав разворот на 180 градусов, вышел из купе. Только лягнула дверь.

К ним из коридора шагнул адъютант.

— Закончилось наше великое катанье, — говорит Колчак Трубчанинову. — Прощайте! Дай Бог удачи. Уходите... как сумеете. Все знаки отличия долой — и уходите. Анна — с вами. Прощай, Анна... Не оставляйте ее. Сейчас же уходите! Им пока не до вас. Им я нужен. Прощайте. Молитесь за меня. Бог меня поставил на этот путь...

И в самом деле, катанье удалось превеликое. 12 ноября 1919 г. сел адмирал в поезд, 15 января 1920 г. должен был выйти, чтобы уже больше никогда не слышать ни стука колес, ни... собственного сердца.

Смирения требовал от него Господь Бог.

Александр Васильевич обнял Анну — она обмякла почти без чувств, — бережно усадил ее. Поцеловал в лоб.

— Сохраните портфель, Трубчанинов, кто-то да прорвется. Не Апушкин, так вы. Повезет — можно будет сложить картину событий. Должно повезти!

— Разрешите?! — Адъютант вытаскивает из-под брючного ремня кольт (подарок союзников во время визита адмирала в США). — У меня полсотни патронов, Александр Васильевич. Попытаем счастья? А нет — так за помин души?

В лице Трубчанинова ни кровинки, в движении и развороте тела что-то звериное.

— Отставить! — Колчак достает из внутреннего кармана френча браунинг и отдает Трубчанинову. — Всех загубим.

Он обнимает Анну и долго нежно целует в губы, после решительно выпрямляется, откатывает дверь. Трубчанинов помогает надеть шинель, а Колчак говорит своему начальнику штаба:

— Скажите господам офицерам, пусть уходят. Нас продали и предали. Они свободны в своих поступках. Пусть переодеваются и уходят. И здесь — никакого сопротивления: вас уничтожат! Ну... — Он пожимает руку Занкевичу. — Бог в помощь!

Занкевич шумно, глубоко дышит.

Колчак видит: там, на площадке, его ждет майор Кровкак.

Колчак обращается к офицерам:

— Прощайте, господа! Благодарю за верность!

И отдает честь.

На весь вагон полустон-полукрик: это Анна Васильевна Тимирева.

Офицеры вытягиваются, вздергивают подбородки. Многие плачут беззвучно, не стесняясь.

Принимаю от тебя и эту ношу, Господи! Дай же мне силы!

Колчак спускается за майором Кровкаком. Там, на путях, четверо легионеров, за плечами — винтовки, штыки примкнуты. Пан майор отдает честь двоим штатским (они стоят тут же) и шагает на соседний путь. Солдаты вылезли из теплушек: глянь на этого хрена!

К ним подходит Пепеляев, его не то сопровождает, не то ведет чешский офицер. Александр Васильевич подчеркнуто любезно здоровается с Пепеляевым, но тот, похоже, ничего не видит и не слышит.

— Держите себя в руках, Виктор Николаевич, — тихо, чтобы его не услышали, говорит Колчак.

Они оглядываются: нет ни майора, ни легионеров. Из-за соседнего состава торопливо выходят люди в штатском и полувоенном с красными бантами на груди и шапках, папах. Эти люди привлекают внимание скованностью и отрывистостью речи.

«Не уверены в нас, — отмечает про себя Колчак, — и не исключают сопротивления. Напрасно, напрасно. Нас, как говорится, привезли и вывалили в мешках. Берите — никто не пошевелит пальцем».

Уже издали Колчак замечает, что его вагон и вагон Пепеляева тоже берут в кольцо. Он пытается разглядеть лица за окнами — только едва угадываемые белые пятна. Прощайте, друзья! Храни тебя Бог, Анна!..

А в вагоне — выкрики, бессильная ругань. Дожить до того, чтобы вязали на расправу твоего вождя!

— Самое время в штыки ударить, — говорит подполковник Апушкин.

Он позеленел, вот-вот вывернет. Такое случается, фронтовики знают.

— Что ж это?! — звенит на весь вагон чей-то крик.

— А где эти штыки? — Генерал Занкевич на всякий случай преграждает выход из вагона. — Спокойствие! Слушайте меня как старшего по чину и возрасту! Кто может — уходите. Не оказывать сопротивления! Уходите, кто как сумеет, — это приказ адмирала! Выполняйте!..

И вовремя предупредил.

Минут через семь-восемь в вагон полезли штатские, им подавайте купе адмирала и чинов штаба. Трубчанинов только и успел вытолкнуть Анну на площадку, где она смешалась с незнакомыми людьми. Только и успел шепнуть:

— Вы — сестра милосердия! Запомнили? Да просто обычная женщина, ухаживали за ранеными...

И принялся рвать с себя погоны.

Двое в солдатских шинелях закатывают за рельс соседнего пути «максим» и, поерзывая, мостятся за щиток.

— С ума сошли! — орет кто-то на ломаном русском. — Своих побьете!

Рыльце пулемета порыскало и уставилось в бок адмиральского вагона. И еще побежали с пулеметом на другую сторону вагона. Там — звон стекол. Выкрики. Матерщина. Не понравился кто-то — вяжут. Быстро прошла Тимирева — до бабы ли тут... Под руку с самим паном майором, голова наспех замотана бинтами — Занкевич: без погон, шинель явно с чужого плеча, воротник отпахнут до ушей. Широко шагает...

Не взяли — ушел Михаил Ипполитович!

Ушел, чтобы написать об этих последних минутах железного бега адмирала...

А с тыльной стороны вагона скачут из окон офицеры. Где повышибли стекла, где рамы поддались и съехали вниз — прыгают на землю. Зовут друг друга:

— Коля?!

— Сергей, давай за мной!..

— Юра, ныряй сюда, лезь под... А, б... краснопузая!..

— Костя, по рылу ему!..

— Уходите, господа!..

— Прощайте!

И черными тенями ныряют под вагоны — тут шибко составов понапахано. Мат-перемат, кого-то свалили, топчут. И звонко завис выстрел. Это из маузера. Царство тебе небесное, браток!.. И еще выстрел. Упокоили и этого. А чего размахался господин офицер?.. Пусть полежит, остынет...

А уж в каждом купе — досмотр. До всех вещей и документов есть интерес у новой власти. Господа офицеры лишь глубже забирают воздух. Не все ушли. Ждут: стрелять будут или сперва в подвал, на допросы...

Белый, синий, красный...

Колчак видит, как лезут и лезут в вагоны штатские. Ветерок шевелит букет флагов над дверями: английский, американский, французский, японский и чехословацкий. Нет итальянского.

И тут бывший Верховный Правитель ощущает чужие руки — клещами сцепились на запястьях. Он крепится... не выдать негодования. Могли бы и предложить сдать личные вещи. Гадость!

Те двое, что обыскивают, переговариваются, но их не понять. Похоже, немцы. Они оставляют себе часы, трубку, пачку табака (адмирал сунул в шинель еще в купе — без табака не может). Документы, по-видимому, принимает старший. Он листает их. Спрашивает:

— Вы Колчак?

— Да, я Александр Васильевич Колчак.

— Оно и видно.

Кто-то обшаривает по спине, ягодицам, ногам.

— Оружия нет, — говорит Александр Васильевич, сдерживая отвращение, и после паузы, стараясь не выдавать волнения, обращается к старшему: — Позвольте назад трубку?

— Верни ему.

После Александр Васильевич жалел, что не спросил назад и табак.

Александр Васильевич посасывает трубку (в ней ни крошки табака, но это привычно и действует успокаивающе). Потрясли прикосновения чужих рук, эта бесцеремонность! Впервые так кто-то осмелился прикоснуться к нему — гадость!

— Сволочи! — шепчет Александр Васильевич.

Пепеляев поражает. Скажи адмиралу об этом четверть часа назад — не поверил бы! Этот всепробывающий таран, носитель самых решительных идей — и вдруг подобострастие! И этот человек был комиссаром в Кронштадте!..

А там, в вагоне (это владело всеми), сдирают кокарды, рвут с мясом погоны, отделяются от бумаг, мнут, грязнят шинели. А успокоясь, тоскливо смотрят на оцепление: уйти бы, уйти...

Конвой ведет Колчака и Пепеляева через Глазково¹ к Ангаре.

Звездная темень. Снег на льду вытоптан в широкую дорогу. Александр Васильевич догадывается: взорван мост. Сзади — огни станции, впереди — огни города.

¹ Глазково — предместье Иркутска на левом берегу Ангары, названное в честь первопоселенцев казаков Глазковых.

Александр Васильевич видел, как вынесли из вагона его чемодан — это не страшно, там только вещи.

«Эх, адмирал, адмирал... — Александр Васильевич покусывает губы. — Все не допускал выдачи, берег бумаги, письма к Анне, а тебя взяли и выдали...»

Тик перекашивает плечи, но охрана не замечает. Вообще темень кстати. Никто не видит его, а самое главное — он не видит их лиц.

Он засовывает трубку в карман — и конвойные сразу притискиваются к нему.

— Я спрятал трубку, — объясняет адмирал.

Боже, дай дожить дни в сознании своей силы!

На иркутском берегу Ангары их ждут автомобиль и грузовик с дополнительной охраной. С непривычки побаливают ноги. Шутка ли, два месяца отсидел в поезде¹.

«Будут ли давать прогулки?» — думает Александр Васильевич.

Ему указывают место на заднем сиденье «форда». По бокам плотно садятся охранники в штатском. Они сдавливают адмирала — это до гадливости неприятно. Александр Васильевич старается отвлечь себя раздумьями о будущем, насколько это выходит.

«Отныне я не должен помышлять о спасении. Я должен дать ответ о смысле нашего дела. В этом, и только в этом, цель оставшихся дней...»

Около полуночи Александра Васильевича отводят в камеру-одиночку корпуса одиночных камер губернской тюрьмы.

Боже, дай дожить дни в сознании силы!..

С утра в иркутских газетах и прокламациях обращение:
«От Политического Центра

Вчера, 15 января 1920 года, в 21 час 55 минут вечера уполномоченные Центра М. С. Фельдман, командующий Народно-Революционной Армией капитан Нестеров и уполномоченный Политического Центра при штабе Народно-Революционной Армии В. Н. Мерхлев ПРИНЯЛИ от Чешского Командования бывшего Правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета Министров Пепеляева.

По соблюдении необходимых формальностей они были под усиленным конвоем доставлены в Иркутскую Губернскую тюрьму, где и помещены в одиночные камеры.

Охрана Колчака и Пепеляева поручена надежным частям Народно-Революционной Армии.

Председатель Политического Центра Ф. Федорович

Члены: Борис Косминский, М. Фельдман, А. Самохин»

¹ Колчаковский Совет Министров прибыл в Иркутск с волной отступающих 18 ноября 1919 г. — ровно через 12 месяцев после провозглашения адмирала Верховным Правителем Российского государства. Если бы не саботаж чехословаков, Колчак имел бы возможность, причем стопроцентную, прибыть в столицу Восточной Сибири задолго до победы восстания.

Размашистую пустил подпись под обращением Флор Федорович Федорович. Ударил, расколол Россию его, Федоровича, звездный час!

Зашагал по кабинету, заметался в восторге — все загубленные души друзей эсеров отомщены, все ужасы и страхи 13 месяцев кровавого правления адмирала отомщены!

Вспомнил крохотку камеру в омской тюрьме и себя у койки: сердце аж где-то в горле, темно в глазах — выдернут на казнь или...

И затоптал кабинет шагами. Машет кулаком и выкрикивает капитану Калашникову — заместителю командующего армией:

— Революция победила! Пришел час суда над царским выкормышем!

А ночь была над Байкалом и впрямь звездная — и стынет, мрет над белым саваном тайги и сопок, городами, чехословацкими эшелонами, каппелевцами, зарывающимися на сон грядущий в сугробы (один теснее к другому — иначе не проснешься), и намученными, ободранными полками Пятой армии с безвестным красноармейцем Брюхиным Самсоном Игнатьевичем.

И такие полные звезды — ну не настоящие, ну сочиненные, выдуманнные, ну как на экваторе или... как глаза любимой после распада объятий и мучительных судорог. Не глаза, а омуты. Черпай счастье — и не вычерпаешь!

И в эту ночь сидел и ждал сообщений с вокзала председатель Политцентра, все слова капитана Калашникова — сухой дробью мимо сознания.

И когда полоснул тишину звонок и в трубке захрипел басок Фельдмана: «Взяли адмирала, Флор Федорович...» — оторвался от его, Флоровой, души и вознесся над всем миром этот самый звездный час...

Неспроста в кабинете маялся и капитан Калашников. Не верил до конца чехам председатель Политцентра. Кто, как не они, вкупе с колчаковцами свозили в Омск эсеров под пули и штыки офицеров. Помнит это Федорович, помнит... А посему нужда могла возникнуть в боевых отрядах. Назвали эти отряды Народно-Революционной Армией, и находились в ту ночь все до единого ее бойца на суточном дежурстве.

Не слышали о капитане Калашникове? Дело поправимое. Я Вам его представляю, дорогой читатель. Смею Вас заверить, капитан из интереснейших людей. Однако все по порядку.

В молодости Н. С. Калашников слесарил, в революцию пятого года палил по солдатам и городовым. В партии Чернова сразу принял сан боевика и заимел на счету внушительное число терактов. Много раз давал тягу из кутузок.

В первую мировую войну, как человек образованный, быстро продвинулся до капитанского пустого погона¹, замостив грудь кре-

¹ Капитанские погоны были совершенно пусты, без звезд, имея лишь один просвет посредине.

стами. Удивительно, а такое, мягко выражаясь, пестрое прошлое не помешало выслужить человеку капитанский чин. Вещь, для советских условий совершенно невозможная. Уже на самой первой ступеньке подобной биографии сгинул бы человек в небытие. А уж об офицерских чинах и речи быть не могло.

Были Калашникову не по нутру ни государь император с Распутиным и немкой-царицей, ни большевики с их убойно-загробной программой, ни трепач Керенский, ни самодержавный Колчак (хотя поначалу вроде бы и повоевал за его высокопревосходительство против большевиков), ни опять-таки ленинцы, когда стало очевидно, что власть они берут всерьез...

Исключали его из эсеровской партии и с охотой принимали вновь — аж близкие сбились со счета: месяц в эсерах, а месяц сам себе голова, в вольных беспартийных гражданах великой России.

При первом захвате власти большевиками (это сразу после октября семнадцатого) сколотил капитан подпольную офицерскую организацию, которую позже передал полковнику Элерц-Усову. Затем послужил при Гришине-Алмазове, царство ему небесное. Через несколько дней после перехода власти от Политического Центра к большевистскому ревкому зачистят вдову Гришина-Алмазова в ту же тюрьму, где ждал своей участи бывший Верховный Правитель.

С утверждением советской власти, или, как писал Бабель, «советчины», в Сибири и на Дальнем Востоке капитан, теперь уже давно бывший, загрустил и надумал податься в Калифорнию: много приятного читал о том крае. Ну не мог бывший капитан видеть красные знамена, слышать пролетарские призывы и пение «Интернационала» — гнусавым и гнусным казалось, а всего пуще воротило от портретов новых хозяев России — ну сплошь ленины и троцкие! От их козлиных бородок сыпью покрывался и скребся почище чесоточного.

И надо же, прорезал бывший слесарь и бывший заместитель командующего Народно-Революционной Армией аж до самого заокеанского Сан-Франциско — ну в точном соответствии с видениями шикарнейшей свободной жизни. Но это случилось потом, и не случилось, а стряслось, ведь бежать из Отечества не сладко, тем более без гроша в кармане, а пока Калашников — еще в капитанах, и вовсе не оскорбительны для него капитанские погоны, пожалованные поначалу государем императором и затем подтвержденные службой в белой армии Верховного Правителя...

На другой же день оказались вычищенными в ту же тюрьму все, кто сопровождал адмирала.

Флор Федорович проводит в Политическом Центре решение об учреждении Чрезвычайной Следственной Комиссии над бывшим Верховным Правителем России адмиралом Колчаком А. В. и бывшим председателем Совета Министров Пепеляевым В. Н.

В составе комиссии: К. А. Попов (большевик), Н. А. Алексеев-

ский (эсер), В. П. Денике (меньшевик), Г. Г. Лукьянчиков (эсер). Им и допрашивать бывшего Верховного Правителя.

Сбылись мечты Федоровича, довольны и белочехи: вечером даже устроили нечто вроде торжественного ужина в штабе у Сырвого.

Без чехов не видать бы Политическому Центру адмирала у себя в остроге. Угрозы шахтеров Черемхова взорвать байкальские железнодорожные туннели при невыдаче Колчака и золотого запаса тут ни при чем.

Никто так и не взорвал эти туннели, хотя некоторое количество золота и драгоценностей уже спокойно прокатилось через них...

Из первого протокола допроса (21 января 1920 г.):

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского — для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак...

Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского правительства в Омске — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

...Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя — Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губернии. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого... Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери...

И письма адмирала своей возлюбленной, сведенные в две общие тетради, укатали за кордон. Не подвел Апушкин¹.

¹ Александр Васильевич передал личные записи не просто первому встречному офицеру. Апушкины — старинный дворянский род. Так, Влади-

С разворотом революционных событий (после февраля 1917 г.) Колчак постоянно пишет Анне Васильевне Тимиревой.

Это особые письма. Все, что происходит, настолько диковинно, исполнено такого смысла — он составляет одно за другим послания дорогой женщине. Он не может не делиться. Он постоянно помнит о ней, это самое верное и глубокое чувство. Оно вызвано не менее страстным чувством молодой женщины.

Таким образом, письма становятся и памятью исторических событий, и выражением его чувств. И все преломляется на личность самого адмирала.

В общем, это и дневник, и не дневник. Это память о женщине и о времени, в которое им выпало любить.

В 1927 г. бывший подполковник Апушкин передает записи Русскому заграничному архиву за 150 (!) долларов — две общие тетради, 243 страницы текста.

В 1945 г. правительство Чехословакии передало письма Колчака к Тимиревой («дневник») в Государственный архивный фонд СССР. Тетради поступили в ЦГАОР СССР, где и хранятся до настоящего времени.

Круг замкнулся... А та, которой эти письма предназначались, так и не владела ими.

Может быть, Колчак не доверял почте. Может быть, не питал уверенности в том, где ныне его Анна. Может быть, сначала писал с надеждой отправить письма, вот-вот даст о себе знать и подвернется оказия. Ясно одно: сохранение копий писем он считал весьма важным — слишком значительны события, чтобы не закрепить память о них, так сказать, документально.

А уж после марта 1918 г., когда во второй тетради появилось последнее письмо, продолжать «дневник» теряло смысл. Вот-вот они должны были встретиться: Александр Васильевич и Анна.

И тут уж без писем он скажет ей все.

Как чисто и жарко любит.

Как ненавидит революцию (иначе не стал бы белым вождем).

Как отвратителен народ, доведенный демагогией большевиков до истерии и погромов, казнящий даже детей (он слишком хорошо осведомлен об убийстве царской семьи).

Как бессмысленна демократия толпы: вся из инстинктов.

Как предан он войне и военной службе («война прекрасна»).

Как хочет продолжить службу, но уже в вооруженных силах США или Великобритании («Пусть правительство Короля смотрит

мир Александрович Апушкин (ближайший родственник «нашего» Апушкина) в звании генерал-майора возглавлял Главное военно-судебное управление в мятежном 1917 г. Предок Апушкиных упоминается в военных записях и героя войны 1812 г. генерала А. П. Ермолова.

на меня не как на вице-адмирала, а как на солдата, которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным»).

Колчак готов отвоевывать Россию у большевиков с англичанами, французами, американцами и даже японцами, вчерашними врагами России. Для него большевики — захватчики Родины, союзники врага (немцев, австрийцев, болгар, турок), губители Отечества.

Вот «послужной» список Колчака, приобретающий в письмах к возлюбленной четкий рисунок.

Растущее недоумение: флот превращается в сброд и опасную, неуправляемую среду. С ростом этого недоумения и складывается ненависть к разрушителям флота и армии — это могучая убежденность, самое важное дело жизни.

Отставка и жизнь в Петрограде, щедрая на важные встречи, постоянная горечь: служил Родине — и отстранен, выброшен... за ненадобностью. А ведь он столько дал ей для отражения врага! Он не сомневается: это останется в памяти потомков.

Единственное светлое пятно тех дней — приглашение посла Э. Рута выехать в США и принять участие в войне против Германии. Тогда в беседе участвовал и американский контр-адмирал Гленнон. Разговор деловой и уважительный. А здесь одна грязь, грязь...

Колчак отстранен от участия в войне. В Петрограде он... не то подследственный, не то опальный командующий Черноморской эскадрой.

Под ядовитой антивоенной агитацией большевиков разваливаются армия, флот и тыл. Единственно реальная возможность участия в войне — служба в союзных вооруженных силах. Он, вице-адмирал Колчак, источник бесценного опыта; через войну с японцами в Порт-Артуре и нынешнюю — с кайзеровской Германией — он осознал и опробовал самые действенные приемы минной войны. На минах увязла армада германского флота. И этот опыт теперь никому не нужен... так, хлам.

«Возрождение нации без войны» исключено. Разве вся история России не расширение границ? Разве это не сказалось на судьбе и характере народа? Разве он, народ, не выковывал свою государственность в защите и расширении границ? Разве нет такого понятия — «великоросс»?..¹

В рассуждениях Колчака присутствуют элементы и чисто военного профессионализма. Того самого, что сделал войну почетной наукой, в становлении которой такую роль сыграл военный гений Клаузевица. Именно для войн рождаются военные академии и в великом почете пребывают их герои.

Если военные руководители будут думать о разрушениях и стра-

¹ В борьбе за власть Ленин, к примеру, считал излишним обращение к такому понятию, как «великоросс», то есть русский.

даниях единственно как о горе, они никогда не выполнят своих задач обороны Родины.

Мораль народа, законы народов должны исключать варварство войн, но те, кто предназначен народами для войн, будут это исполнять с возможным умением и старанием, пока не исчезнет угроза войн. Это жестокая правда человечества. Оно, человечество, готовит мастеров разрушений и массовых убийств и поныне. Война — преступление, но это не значит, что преступны люди воинских профессий, хотя по существу своему они именно знатоки организации массовых убийств и разрушений. Цивилизация должна выжечь позор войн, тогда и сотрется философия почета воинских профессий — только тогда! В противном случае все подобные рассуждения — лицемерие.

Служба на Родине для опального вице-адмирала исключена. Керенский перекрыл все пути. К тому же ненависть народа к офицерству обращается в расправы. Государственная власть обескровлена. Россия медленно, но до самых своих недр разваливается.

Колчак не из тех, кто соглашается на роль наблюдателя. Он знает военное дело и умеет его делать. Родину терзает германское нашествие. Цель его очевидна — отнять у России земли, поработить народ. Германия — исконный враг славянства. Колчак жгуче ненавидит те силы, которые делают возможным поражение России.

Итак, у него предложение выехать в США незамедлительно — «стать» начальником военно-морской миссии России в Америке. Это тоже выход. Пусть там, но он будет бороться с немцами.

Во главе военно-морской миссии под вымышленным именем Колчак отправляется в Великобританию. Его принимает знаменитый адмирал Джелликоу — первый лорд Адмиралтейства, морской министр. От не менее прославленного русского адмирала нет секретов. Джелликоу и Колчак изучают сверхсекретные карты минных заграждений.

После оскорблений на Родине прием в Лондоне доставляет Колчаку несказанное удовлетворение. Родине он служил преданно, не щадя себя, — за это поношения, отстранение от морской службы. А здесь, оказывается, знают истинную цену ему.

Разве не так было после с Шаляпиным, Рахманиновым, Сикорским, Бунинным и сотнями других даровитых сынов России?..

Достойный дом не покидают. Уходят, проклянув дом, в котором тебя презирают, цукают и плюют в глаза. И притом не велят обижаться и жаловаться — иначе ты не патриот...

Из Лондона Колчак на английском военном крейсере под охраной миноносцев отбывает в США.

«Я поехал в Америку, надеясь принять участие в войне, но когда я изучил вопрос о положении Америки с военной точки зрения, то понял — она не готова».

Колчак: принимает президент Вудро Вильсон. Миссия готовится

к отъезду в Россию, как вдруг... известие об Октябрьском перевороте!

Отныне он, Колчак, — ничто, пустое место. Та Россия смела все, что дорого ему. Нет отныне вице-адмирала Колчака. Он переодевается в штатское и отправляется в Японию. В долгом плавании созревает решение. В Токио он обращается к английскому послу Грину с предложением принять его на военную службу. Из Лондона уведомление: согласны, ждите в Токио. С ним ждут направления на фронт и офицеры из группы сопровождения: Безуар и Вуич. Там же, в Токио, Колчак близко сходитя с полковником английской армии Ноксом.

30 декабря 1917 г. Колчак принят на службу в английский королевский флот и вскоре командирован на Месопотамский фронт. Через Шанхай он со своими офицерами прибывает в Сингапур — мощную военно-морскую базу англичан. Колчака торжественно встречает ее начальник генерал Ридаут. Он вручает Колчаку служебный пакет: срочно вернуться в Китай и Сибирь.

Колчак отбывает в Пекин. Он догадывается, какие надежды связывают с ним союзники. Последнее «письмо» к Тимиревой заполняет тетрадь 16 марта 1918 г. Впереди работа в правительстве Хорвата, затем — под началом генерала Болдырева в Уфимской директории и, наконец, 18 ноября 1918 г. — провозглашение его, Александра Васильевича Колчака, Верховным Правителем Российского государства.

Очистить Родину от заразы большевизма!

Этот морской офицер Вуич — сын одного из четырех братьев Вуичей (гофмейстеры — Николай Иванович, Эммануил Иванович, Василий Иванович, камергер — Александр Иванович). Именно на глазах Александра Ивановича Вуича 21 декабря 1906 г. был застрелен петербургский градоначальник свиты Его величества генерал-майор фон дер Лауниц. Убийцу и схватил за горло Александр Вуич. То был один из террористических актов Боевой организации партии эсеров, руководимой Азефом и Савинковым.

Лауниц был приговорен Боевой организацией за усмирение крестьян Тамбовщины...

Знаменитый Евно Азеф — организатор и вдохновитель самых зловещих убийств сановников дореволюционной России, в том числе и дяди царя, великого князя Сергея Александровича («...тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди, с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, — писал Борис Савинков, — левая нога переломлена, с раздроблением бедра, от которого отделились нижняя его часть, голень и стопа...»). И это же он, Азеф, проваливал своих товарищей, идущих в террор и на эшафот.

Политический сыск императорской России гордился Азефом, а тот жирел в буквальном и переносном смысле, купаясь в деньгах из

кассы департамента полиции... деньгах за убиенных сановников и принесенных в жертву товарищей по Боевой организации.

Почитай, всех доставала революционная месть — Азефа она так и не коснулась, даже просто не обдала страхом возмездия. Заливал кровью императорскую Россию, обрекал на казнь и муки своих товарищей по революционной борьбе — и никакого ответа ни перед кем. Странные выверты истории, которую вспаивает кровь...

Союзные державы несли столь ощутимые потери в подводной войне, что на конференции военно-морских представителей стран — участниц антигерманской коалиции в Лондоне в сентябре 1917 г. вопрос об этом поневоле оказался центральным. Россию представлял капитан первого ранга Шульц — участник знаменитого Ютландского сражения. В качестве прикомандированного к «Гранд-Флиту» офицера союзного флота он находился на линкоре «Херкюлес». В этом исключительно упорном и кровавом столкновении немцы пустили на дно три мощных английских линейных и три броненосных крейсера; англичане сумели потопить всего один линейный крейсер противника — «Лютцов». Это основные потери, без учета более мелких и многочисленных.

Конференция в Лондоне обсуждала планы будущих военно-морских операций. Вступление в войну США вводило в действие один из самых крупных флотов мира.

План борьбы с подводными силами Германии разработал адмирал Джелликоу. Минные заграждения союзников оказались недейственными в борьбе с подводными лодками, впрочем, как и конвоирование. План предусматривал затопление у входа в главные базы германского подводного флота старых боевых кораблей.

Англичане предложили затопить 40 линейных кораблей и 43 крейсера — и наглухо закупорить подводный флот врага. Англия обязалась предоставить 18 линейных кораблей и 13 крейсеров. Франции предлагалось выделить 5 линейных кораблей и 12 крейсеров, Италии — 3 линейных корабля и 3 крейсера. Далее по списку следовали США и Япония.

Жертва не казалась чрезмерной: под ударами подводных лодок гибли несравненно большие ценности, и в первую очередь — десятки тысяч людей. И все же план Джелликоу не получил одобрения. Значительные, неиспользованные возможности таились в минной войне.

В подобной обстановке опыт русского адмирала приобретал особую ценность. Поэтому с таким почетом и предупредительностью принимают Александра Васильевича в Лондоне.

О г л а в л е н и е

От автора	5
Мы, Божиею милостию	15
Глава I. МОНАРХИ	17
Глава II. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ	27
Глава III. ГОД 1917-Й	71
Глава IV. САМСОН ИГНАТЬЕВИЧ	180
Глава V. «ЖЕНЕВСКИЙ» СЧЕТ	204
Глава VI. СМУТА	276
Глава VII. МЯТЕЖ	307
Глава VIII. ГЕНЕРАЛ БОЛДЫРЕВ	341
Глава IX. АДМИРАЛ	386
Глава X. КРАСНОАРМЕЕЦ ПЯТОЙ АРМИИ САМСОН БРЮХИН	438
Глава XI. ПРЕДАТЕЛЬСТВО	455
Глава XII. В ЗАПАДНЕ	469
Глава XIII. ВЫДАЧА	490

Власов Ю. П.
В58 Огненный Крест: «Женевский» счет. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — 512 с.; ил.

Книга написана на документальной основе и в яркой художественно-публицистической форме освещает события Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны в России. Автор дает собственную, новую трактовку революционных событий, а также Гражданской войны и белого движения.

Книга иллюстрирована редкими историческими фотографиями.

В $\frac{4702010204-088}{006(01)-93}$ КБ-41-52-92

ББК 84Р

ISBN 5-01-003926-5
5-01-003925-7

© «Прогресс», 1993

Юрий Власов
ОГНЕННЫЙ КРЕСТ
«Женевский» счет

Художник *В. Ю. Новиков*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *Е. В. Левина*
Корректор *И. В. Леонтьева*

ИБ № 19540

Сдано в набор 22.09.92. Подписано в печать 25.02.93. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,0+2,0 печ. л. вклеек. Усл. кр. отт. 34,6. Уч. изд. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 600. Изд. № 48829. С088.

А/О «Издательская группа «Прогресс»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации.

170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

